

София Модестовна Колерова
8 июля 2002 — 19 июня 2015

Исследования по истории русской мысли

STUDIES IN RUSSIAN INTELLECTUAL HISTORY

[11]

Edited
by Modest A. Kolerov

Модест Колеров
M o s c o w 2 0 1 5

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2012–2014

[11]

Под ред кцией
М. А. Колеров

Модест Колеров
Москва 2015

Автор фотографии на авантитуле — Вера Колерова

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)
С 23

Под редакцией М. А. Колерова

С 23 Исследов ния по истории русской мысли [11]: Ежегодник з 2012–2014 год / Под редакцией М. А. Колерова. М. : Издатель Модест Колеров, 2015. 672 с.
ISBN 978-5-905040-18-4

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-905040-18-4

СОДЕРЖАНИЕ

* * *

Пьер П ск ль

Основные течения современной русской мысли (1962)

Перевод с фр нцузского О. В. Эдельм н[1]

Если мысль человека как индивидуума свободна, то крупные течения мысли в стране находятся в зависимости от хода событий. Для России решающим событием была не война, оказавшая мало влияния на интеллектуальную жизнь, а революция. Из-за нее истекшая половина века не представляет собою единства: разрыв наглядно виден не только в 1917 году, но и в 1922-м, когда новая власть, единая в военном, экономическом и международном отношениях, взяла на себя авторитарное руководство мыслью.

[1] Перевод по изданию: *Pierre Pascal*. Les grands courants de la pensée russe contemporaine. Editions l'Age d'homme, 1971 (первая публикация: Pierre Pascal. Les grands courants de la pensée russe contemporaine // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1962. Volume 3. Numéro 3–1. P. 5–89). Значительная часть авторов цитируется П. Паскалем по памяти, и многие формулировки из них, хоть и верно отражают суть мысли, не находят полного подтверждения в оригинальных текстах, тем не менее такие «цитаты», а также ряд дат оставлены без изменений — в редких случаях верные даты и названия приведены внутри текста в прямых скобках. Тем не менее в будущих Errata все вновь обнаруженные подлинные цитаты в случае их содержательной идентичности будут учтены и сообщены.

Среди доминирующих тенденций, таким образом, выделяются два периода, с 1900 по 1922 и с 1922 по 1950-е годы, противостоящих друг другу, имея в виду ситуацию внутри России, ставшей между тем СССР; зато преемственность их прослеживается в эмигрантской диаспоре. Господствующая тенденция русской мысли в 1900–1922 годы — это острая, но краткая духовная реакция на материалистический сциентизм, царивший во второй половине прошлого столетия. Напротив, направление, насаждаемое после 1922 года советским правительством и коммунистической

Пьер (в России — Пётр Карлович) Паскаль (1890–1983) — французский историк России и русской общественной мысли, социалист и коммунист, в 1916–1933 в России и СССР — сначала сотрудник Французской военной миссии, в 1918 г. отказавшийся вернуться во Францию, затем секретарь Г. В. Чичерина, сотрудник НКИД РСФСР, отдела печати Коммунистического интернационала, Института Маркса-Энгельса при ЦК ВКП (б). Об авторе см: *Ж. Нив* . «Русская религия» Пьера Паскаля // Ж. Нива. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999; *О. С. Д нилов* . Французские «славянофилы» в конце XIX — начале XX в. // Славянский альманах. 2001. М., 2002; Пьер Паскаль. Русский дневник / Перевод Веры Мильчиной // Отечественные записки. М., 2007. № 5; *S. Coeuré*. Pierre Pascal, ancien bolshevik et professeur de russe: un témoin détourné de l'URSS contemporaine dans la France des années 1930 // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / Сост. О. В. Окунева. М., 2010; *О. С. Д нилов* . Группа аббата Ф. Порталя и Россия (1905–1917 гг.) // Там же; *Е. М. Юхименко*. «Прекрасная книга французского ученого» // Пьер Паскаль. Протопоп Аввакум и начало Раскола [1938] / Пер. с фр. С. С. Толстого. М., 2011 (об этом издании: *Е. Е. Дутч к, В. Я. М уль*. [Рец.:] П. Паскаль. Протопоп Аввакум и начало Раскола; П. Паскаль. Пугачевский бунт // Российская история. М., 2012. № 1); *О. С. Д нилов* . Пьер Паскаль — политический и духовный путь // Россия и Франция. XVIII–XIX века. Вып. 10 / Отв. ред. П. Черкасов. М., 2011 (см. здесь очерк советской и русской историографии о нем: С. 221–223, 240); *Пьер П ск ль*. Как меня покорила Россия. Из фондов архива Библиотеки современной международной документации, Нантер, Франция / Публ. О. С. Даниловой // Там же; *Пьер П ск ль*. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918) / Пер. и предисл. В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 2014. — *Примеч ние и ред кция перевод М. А. Колеров* .

партией, — это возвращение к господству материализма «60-х годов». Эта диалектика эволюции современной русской мысли вынуждает нас напомнить основные черты «60-х годов», служащие ей отправной точкой.

А. Предпосылки

1. «Философия просветителей» «60-х годов» (1855–1890)

Россия была открыта западной цивилизации волей Петра Великого. Внезапно небольшой правящий слой оказался вырван из круга традиционных христианских идей и подвергнут иностранному влиянию. В течение XVIII — начале XIX века он последовательно воспринял вольтерьянский рационализм, сентиментализм в духе Руссо, масонский или розенкрейцерский мистицизм, шеллингианский идеализм, правое, затем левое гегельянство. Народные и провинциальные слои, постепенно приобщаясь к образованию, положили начало так называемой *интеллигенции*, социальной категории, характеризующейся не столько своим положением в экономике, сколько способом мыслить и действовать и с середины XIX века игравшей ведущую роль в жизни страны.

К 1855–1860-м годам эта *интеллигенция* не только исповедовала веру в науку, безграничный прогресс, образование, демократию. После военного поражения, вынесшего приговор консервативному режиму Николая I, она потребовала изменения всего строя империи. Началась эра великих реформ: отмена крепостничества, создание *земств* — избранных всем населением советов, изменение судебной системы, увеличение числа школ. Принятые тогда идеи вплоть до 1890-х годов почти безраздельно господствовали в прессе, толстых журналах, литературе, университетах и лицеях, философских, исторических, научных трудах и, как следствие, в популярных работах.

В философии для принадлежащего к *интеллигенции* обязателен атеизм. Властителями дум являются немецкие материалисты Бюхнер, Фогт, Молешотт; к их трио прибавляются Дарвин и Бёкль. На смену «разглагольствующей метафизике», идеализму, религиозному обскурантизму должна прийти наука. Воистину, в природе все взаимообусловлено: моральный и физический миры подчиняются одним и тем же законам, мысль и физиология — мозгу, а история человеческих обществ есть продукт материальных сил. Знание этих сил и законов, абсолютных и неизменных, является условием прогресса. Так что нет истины помимо естественных наук.

«Новый человек» — это тот, кто с помощью науки трудится для освобождения сограждан. Его преданность общественным интересам составляет его счастье. В то же время, поскольку великим двигателем человеческих поступков служит эгоизм, моральная педагогика направлена на то, чтобы добиться совпадения любви к себе с общественной пользой. «Разумный эгоизм» является правилом поведения героев романа Чернышевского «Что делать?», увлекшего социализмом всю образованную молодежь.

* * *

Литература, проза и поэзия, должна служить выражением борьбы за социальный прогресс. Она должна постоянно протестовать против народных бед и указывать их причины. Только «обличительная» литература честна и позволительна. Писатель должен изображать человека не таким, каким он был вчера, но таким, каким он станет завтра, пойдя по пути протеста и бунта, который указывают «положительные герои». Цель искусства — не красота, но все то, что в жизни служит материальным интересам. Критика должна судить, исходя не из эстетических достоинств произведения, а из его общественной пользы. Таковы убеждения критиков Белинского (умер в 1849 [1848], но влияние его сохраняется) и Добролюбова, Чернышевского в его дис-

сертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), поэта-гражданина Некрасова, сатирика Салтыкова; еще дальше пошел Писарев, провозгласив в 1865 году «уничтожение эстетики». Писарев стал идеологом «нигилистов».

Ближе к 1870-м годам к вульгарному материализму прибавился позитивизм Огюста Конта и Спенсера, который популяризировал Лавров в своих «Исторических письмах». Естественные науки отодвинулись на второй план, а на первый вышел человек. Вслед за «разумным эгоизмом» появилось «физическое, интеллектуальное и моральное развитие личности», которое, впрочем, должно быть поставлено на службу обществу. Те, кто имеет превосходство в богатстве и особенно в образовании, находятся перед народом в долгу и должны его вернуть. Это чувство вины, которую надо искупить, толкало молодых интеллектуалов обоих полов на поприще учителей или акушерок, деревенских сапожников или коробейников, для распространения в деревнях правильных идей. После поражения «хождения в народ» некоторым пришла в голову идея, что только террор породит необходимый порыв к освобождению, и так родилось революционное народничество.

Нигилизм и революционная деятельность — крайние, переходные и переменные формы. К ним прибегает меньшинство. Но описанные выше принципы породили общее состояние умов, которое распространялось вширь с прогрессом начального и среднего образования. Вот оно:

Признаком культуры является атеизм; религия должна исчезнуть в ходе прогресса, верность церкви свойственна отсталым умам. Наука и материализм — синонимы. Опыты Пастера о невозможности спонтанного зарождения ошибочны, потому что допускают спиритуалистические гипотезы. Истина в дарвинизме, крайне упрощенном. Признается лишь то, что можно увидеть, измерить, взвесить, препарировать. Душа не обнаруживается скальпелем, стало быть, она не существует. Смысл существования человека

в служении обществу, общественному прогрессу. Потому он должен бороться с правительством и любым начальством. Он должен ставить себя на уровень народа: хороший популяризатор нужнее ученого, публицист-демократ стоит больше Пушкина, Рафаэля или Шекспира. Как можно забавляться творческими играми, если большинство народа еще лишено самых необходимых жизненных благ?

В этом умонастроении есть полезная сторона: искреннее и пылкое желание трудиться для общественного блага, преданность личности коллективному началу, вера в прогресс, серьезное отношение к жизни, крайний моральный ригоризм. С другой стороны, исчезает человеческая личность в ее неповторимости. Мысль задавлена общественными и политическими заботами. Конформизм становится правилом. «Авторитет катехизиса митрополита Филарета, — замечал Владимир Соловьев, — сменился обязательным авторитетом Людвига Бюхнера». Цензура общественного мнения гораздо строже цензуры официальной. Когда в 1873 году Соловьев пошел на курсы в Духовную Академию, писали, что он утратил рассудок! Таким образом, материализм привел к воцарению обскурантизма наизнанку. Высокая культура казалась подозрительной. «Война и мир» представлялась исторической чепухой про войны и салоны, «Анна Каренина» — пустым романом об аристократическом адюльтере. Уважаемыми авторами были этнографы, лишенные стиля, но описывавшие народные несчастья и возбуждавшие ненависть к режиму. Поэзия была убита. Философия изгнана, как мало понятная толпе. Статистика царствовала.

Вне этой системы мысли в России был только простой народ, сохранявший допетровскую христианскую веру, с клиром, изрядно подпорченным духом времени в семинариях и духовных академиях. Были консервативные по долгу службы административные кадры. Но весь этот мир был отделен пропастью от мира мысли. Архимандрит Федор Бухарев, попытавшийся навести мост между церковью и современным обществом, был освистан с обеих сторон.

Вне были также несколько вершинных личностей: Толстой, Достоевский. Имелись и независимые умы среднего масштаба: Даль, Мельников-Печерский, Гаршин, Константин Леонтьев, Лесков, поэт Фет; но они были подвергнуты остракизму. Даже Тургенев, чтобы сохранить популярность, должен был входить в соглашение с модными идеями. А тот, кто претендовал на принадлежность к *интеллигенции*, должен был их разделять. Их впитывали, как воздух, еще в лицеях. Соловьев до 1868 года был позитивистом; князья Евгений и Сергей Трубецкие прошли через все стадии нигилизма, позитивизма, скептицизма, прежде чем в 1882 г. были затронуты «Братьями Карамазовыми»; будущий протоиерей Булгаков, потомок шести поколений священников, к 1886 году, находясь в семинарии, утратил веру.

Позитивистский строй мысли существовал всегда, он лишь оставил вершины, чтобы спуститься на равнину.

2. Горизонт раздвигается (1890–1900)

Перемена обозначилась к 1880 году: студенческая овация одновременно Достоевскому и Пушкину во время открытия памятника поэту в Москве; в Санкт-Петербурге — пробудившийся интерес к чтениям Владимира Соловьева «О Богочеловечестве», то есть философии и исторических следствиях Воплощения; успех Толстого, вновь открывавшего религиозную мораль Евангелия и предлагавшего человеку не общественные, но личностные цели. Тем не менее лишь к 1890 году горизонты *интеллигенции* стали раздвигаться. Как обычно, Россия следовала за Западом. Повсюду сциентизм был поколеблен, натурализм уступал место символизму, а разного рода социальный морализм — различным формам эстетизма. Культурная Россия не могла не заметить ни возрождения кантианского идеализма, ни Парнаса, Малларме, Верлена и Верхарна, ни Ибсена и Ницше.

Интерес к философии пробудился настолько, что мог быть основан журнал «Вопросы философии и психологии», который с 1890 [1889] по 1917 служил мыслителям драгоценным средством выражения. Б. Чичерин осмеливается нападать на дарвинизм и позитивизм, говорить о метафизике и признавать за человеком свободу воли. А. Введенский, последователь Канта, учит о существовании недоказуемой истины и принимает Бога, бессмертную душу, свободу воли и существование других душ как постулаты практического разума для каждого мыслящего субъекта. Л. Лопатин признает, что материальные процессы основываются на надвременной сущности, имеющей собственное бытие: для него спиритуализм является логической [психологической] гипотезой. Эти три мыслителя возглавляют московскую школу, держащуюся на рациональном основании, равно удаленном как от старого узкого рационализма, так и от новых мистических тенденций.

Возрождается художественное чувство. Оно культивируется журналом А. Волынского «Северный Вестник», который в 1898 г. исчезает, чтобы уступить место более специализированному «Миру Искусства». Романист Боборыкин возмущается критиками, которые сорок лет судили литературу, изобразительные искусства, музыку не с точки зрения искусства, но в интересах социальной морали. Мережковский в 1893 замечает растущее у молодого поколения негодование «против удушающих и мертвых суждений позитивизма». Действительно, новые мнения появляются у Короленко, революционного народника, рационалиста, но открытого всем новым человеческим впечатлениям; у Чехова, материалиста-медика, но знающего пределы науке и политическому действию и с грустью склоняющегося перед загадками души; даже у Горького, первые рассказы которого были полны поэзии и романтики.

Поэзия заявляет о своих правах. Она хочет освободиться от социального служения, чтобы напоминать и размышлять о таинственных глубинах творения. Этот пово-

рот вызывает негодование критиков и удивляет публику, но «декаденты» входят в славу. Они считают себя сродни французским «символистам». Их доктрина еще не вполне определилась, но подразумевает независимость художественного творчества, важное значение формы, живое ощущение близкого родства поэзии: с живописью — красками, с музыкой — ритмами и гармонией, с философией или религией — связью с космическими тайнами. Появляются уже и три основателя новой школы: Мережковский называет «Символами» свой сборник 1892 года; Брюсов в 1894 собирает первую антологию «Русские символисты»; в 1895 Бальмонт публикует «В Безбрежности».

Тем не менее определил направление русской мысли на следующие полвека исключительный гений — Владимир Соловьев. Родившийся в 1853, он с 1874 опубликовал «Кризис западной философии», «Рассуждения о Богочеловечестве», «Религиозные основы жизни», «История и будущность теократии», «Россия и Вселенская церковь», «Национальный вопрос в России». Уже из названий ясно, что речь идет о профессиональном философе, до дна изучившем западные системы и столь же хорошо знакомом как с теорией познания, так и с моралью, философией истории, теологией. Его целью было вернуть современную мысль к христианству и придать внятности христианской догматике. Отворачиваясь одновременно и от вульгарного рационализма, и от бессильной схоластики официальной теологии, он руководствовался исключительно потребностями собственного разума и чутья, освещенными огромной эрудицией и обостренной интуицией. Этот философ был мистиком; он философствовал, лишь чтобы придать своим видениям логическую форму. Он хотел осуществить синтез столь широкий, чтобы сплавить воедино науки с их экспериментами, философию — с ее умозаключениями, теологию — с ее созерцанием. Он постигал вселенную, которая через Воплощение вновь обретает свое органичное единство в Боге. Христианство, то есть Церковь в целом, должно было завершить преображение, начатое Христом,

осуществить в этом мире Царство Божие. Эта задача требовала свободного сотрудничества людей и тем оказывалась единой с прогрессом цивилизации. В этом прогрессе Россия, меж Востоком и Западом, сыграла бы свою роль при условии отречения от национального и конфессионального эгоизма. Так достиг бы воплощения великий замысел Бога, начертанный в творении, извечная Премудрость Божия, София.

Последние десять лет жизни Соловьев, чья мысль всегда была в движении, не верил больше, что для реализации этого воплощения Премудрости достаточно христианской политики: восстановить единство человека и мира должна любовь. Он выстроил всю эстетику в серии статей: искусство, особенно же поэзия, объясняя вечные идеи и придавая им чувственную форму, играет в преображении мира роль наподобие пророческой. Сам Соловьев всю жизнь самым дорогим своим интуициям придавал поэтическую форму. Наконец, его потрясало противостояние добра и зла. Он дал определение первому в появившейся в 1897 году книге, которая, возможно, является его шедевром, — «Оправдание Добра». Зло, Антихрист и конец света — тема следующего его произведения, «Трех разговоров». Теперь ему не казалось возможным реализовать Царство Божие в истории, но лишь после конца ее. Он умер 30 июля 1900.

Этот мыслитель, какого никогда не бывало в России, был глубоко русским. Он наследовал первым славянофилам, был включен в традицию греческих Отцов и платонизма. Он отвечал потребностям эпохи широтой концепции мира, в которой находили место философия, наука и нужды практической жизни.

Для него христианство было не более чем идеалом, искомым через деятельность и свободу человека. Над историческими церквями, руководимыми священниками, была Церковь мистическая, вдохновляемая Духом и пророками; над нациями — человечество, чья история является откровением божественной мысли. И все это не сводилось к силлогизмам, но свободно развивалось в разнообразных формах:

теологических трактатах, журнальных статьях, стихотворениях, литературных диалогах, докладах, полемике. Для элиты, жаждавшей духовной жизни после сухости предшествовавшей эпохи, но алкавшей также и свободы, ничто не могло быть так кстати, как этот христианский гуманизм. Даже смелые крайности мыслителя — учение о Софии Премудрости Божией и начале вселенской женственности, заимствования из каббалы, Я. Беме, Баадера, введение в мораль эротизма; даже беспокойные стороны этого человека, с его видениями, эксцентричными выходками, разрывом со всеми земными привязанностями — лишь прибавляли ему уважения. В 1898 Санкт-Петербургское философское общество, празднуя столетие со дня рождения Огюста Конта, доверило Соловьеву сделать главный доклад. Не означало ли это триумфа спиритуализма над позитивизмом?

Между тем в противоположном лагере в те же годы, начиная с 1895, происходил другой процесс, важный своими последствиями: революционное народничество потеснил марксизм. С развитием промышленности и ростом роли пролетариата становилось все сложнее утверждать, что Россия избежит стадии капитализма и классовой борьбы и придет к социализму через уравнительные добродетели крестьянской общины: даже в эту общину проникало разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Также бессмысленно было противостоять ходу вещей, например, бороться с существованием кредита, умножением акционерных обществ, ростом буржуазии, как того желал теоретик народничества Михайловский. Марксизм имел то преимущество, что в очевидном движении России к капитализму он усматривал предпосылки будущего социализма. Он анализировал общественные механизмы, приносил объяснение истории, программу действий. Он был «научным социализмом», последним словом западной науки о революции.

Марксизм распространялся среди молодых интеллигентов через работы Плеханова и изданные за границей бро-

шюры. Затем появились его сторонники в рабочих кружках. Вскоре их возглавил молодой Владимир Ульянов, будущий Ленин. В 1898 русский марксизм стал достаточно силен, чтобы создать «партию социал-демократов», нелегальную, но уже оформившуюся.

Сообщество приверженцев и все социал-демократы понимали марксизм как целое, как философию, разрешающую все проблемы бытия: политические, моральные, метафизические, эсхатологические. Они последовательно принимали «диалектический материализм» с его социальным базисом, что несомненно превосходило старый материализм, основывавшийся на естественных науках. Таким образом, марксизм придавал новые силы сциентистской, позитивистской тенденции.

Но в то же время марксизм был усвоен также и некоторыми выдающимися умами — экономистами, философами Петром Струве, Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым, Семёном Франком. Для них он был не более чем ценной доктриной, из которой можно было что-то брать, а что-то и нет. Они не довольствовались изложением Плеханова, но противопоставляли самого Маркса его интерпретаторам и критикам, Бернштейну, Штаммлеру и прочим немецким «ревизионистам». Соглашаясь с политическими целями социал-демократии и сотрудничая с ней, они не могли согласиться с партийной дисциплиной. Их называют еще «легальными марксистами». Для них марксизм совсем не был религией: он служил скорее свежим дуновением на фоне предшествовавшего вульгарного материализма. И каждый вносил в него свои личные коррективы.

Струве, «в социологии и политической экономии решительный, хотя не правоверный марксист», как он сам говорил, признавал, что отсталая Россия не только должна принять капитализм как неизбежный этап, но и пойти к нему на выучку; он считал, что социальные противоречия имеют тенденцию смягчаться, а не обостряться. Для Булгакова слабым местом ортодоксального марксизма были теория приба-

вочной стоимости (что она появляется из-за жажды прибыли или под давлением конкуренции; что она действительно приносит или не приносит эту прибыль) и вера в неукоснительные законы исторического развития. Таковы выводы его диссертации «Капитализм и земледелие», опубликованной в 1900 году. Для «легальных марксистов» Маркс парадоксальным образом станет одним из отцов русского духовного обновления, наряду с Владимиром Соловьевым.

Между народниками и марксистами происходила горячая борьба в салонах, научных обществах, студенческих собраниях, журналах. Чтобы не утратить уважения, следовало примкнуть к одной из сторон: журнал «Русская Мысль», оставшись нейтральным, потерял много подписчиков. Так к концу века разнообразилась мысль *интеллигенции*.

Б. Русский Ренесс нс (1900–1922)

I. Его главные черты

В начале XX века Россия еще пользуется результатами Великих реформ. Экономика, особенно промышленность, движется вперед гигантскими шагами. Социальная структура, особенно в городах, меняется в сторону исчезновения сословий. Развивается образование. В общем развитии запаздывают село, политический режим и законодательство: отсюда аграрные волнения, затем революционные события 1905 года. Россия, тем не менее, с каждым днем становится все более европейской.

В этих условиях *интеллигенция* не может более присваивать себе роль единственного двигателя прогресса. Когда-то она была крохотным меньшинством, гордым своим превосходством и довольно однородным. Сегодня, помимо журналистов, школьных учителей, писателей и критиков, появилось все растущее число земских служащих, занятых многочисленными практическими делами, инженеров,

выполняющих определенные работы и зависимых от хозяев, чуждых идеологии. Невозможно больше пребывать среди абстрактных рассуждений. С другой стороны, ввиду распространения среднего и высшего образования растет потребность в пище более возвышенной, нежели пошлая проза будней и толстых журналов, скорее политических, чем литературных. Появляется публика для поэзии, искусства, театра, философских и религиозных рассуждений. Истинная интеллектуальная элита может наконец избавиться от *интеллигенции* и мыслить свободно.

Этот расцвет мысли был столь внезапен, несмотря на его предпосылки, о которых говорилось выше, столь блестящ и универсален, что по праву называется «русским Ренессансом XX века». Его можно было бы сравнить с «золотым веком» русской литературы начала предшествовавшего столетия, при Александре I: оба эти периода относительной эйфории отмечены необыкновенным взлетом поэзии. Но все же здесь речь идет о явлении более широком, нежели поэзия и литература.

Русский Ренессанс напоминает Ренессанс итальянский тем, что одушевлявшие его люди не были узко специализированы в одной из областей интеллектуальной жизни, но отличались сразу во многих: поэты были также романистами, романисты — эрудитами, и все — философами, даже художники и музыканты. Все претендовали на достижение высот культуры. Все были непосредственно знакомы с современными и классическими западными произведениями. Никогда еще в России так хорошо не изучали, не понимали, не ценили классическую и восточную древность, романское Средневековье, немецкую философию, итальянское искусство, католицизм, а также и собственные национальные ценности, старую веру, литературу, историю, городские ремесла, иконы и фрески русских церквей. Русская эрудиция не уступала западной.

За одно двадцатилетие было опубликовано больше философских трудов, чем за весь XIX век. Общий порыв этого

Ренессанса — духовность, обращение человека к своей внутренней жизни. Отсюда, впрочем, не следует, что все одержимы религиозностью, и еще менее — что все обратились к Церкви. Люди ищут Бога, но в совершенно разных направлениях.

Эта элита хочет пользоваться свободой, отвоеванной у социального детерминизма. Она открывает очарование бескорыстной истины. Преданность гражданина уступает место эгоизму личности. На смену недавней дисциплине соглашательства приходит фантазия таланта. Самые характерные для этой эпохи люди очень различны: каждый достоин отдельного портрета. Каждый сложен, подвижен, переменчив. У них меньше убеждений, чем склонностей, и они легко обращаются от одного к другому: не расплата ли это зачастую с интеллигенцией и культурой? Лучшие из них способны при случае броситься в политическую деятельность, сохраняя свободу вернуться потом в свою башню из слоновой кости. Однажды поэта Александра Блока увидели размахивающим красным знаменем! Все хранят в сердце старые упования русских интеллигентов на политический и социальный прогресс, все сочли бы позором защищать правительство. Они аполитичны, но при этом либералы и фрондеры.

В самые трудные моменты они уповают на иные свободы. Впадают в эротизм, порнографию. В целом, для них добро отступает перед красотой, мораль — перед эстетикой, суть — перед формой. Развивается некоторое александрийство. Все это движение не без основания было прозвано декадентским. Серьезное отношение к жизни исчезло. Позже оно сменится чем-то вроде тоски. В итоге в этом Ренессансе больше изысканной чувствительности, чем основательного ума.

В этом, несомненно, причина, по которой он останется ограниченным, не увлечет массы *интеллигенции*. Однако современники этой выдающейся эпохи описывают ее с восхищением. Степун, философ, до и после революции объездивший всю Европу, уверяет: «Я никогда ни в одной стране

не встречал более интенсивной и значительной умственной жизни». А Бердяев говорит: «Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности».

2. Хронологическое деление

Описанные выше черты свойственны всему периоду 1900–1922 гг. Тем не менее, ознакомившись с развитием идей ближе, можно заметить, что революционное потрясение 1905 года придало мысли несколько иную окраску, ставшую заметной с 1908 года. Военные и послереволюционные годы должны быть рассмотрены отдельно. Наконец, не следует забывать, что Ренессанс затронул лишь элиту, и перемены в русской мысли минувшего полувека были бы необъяснимы, если бы мы оставили в стороне идейные течения средней *интеллигенции*. С другой стороны, в каждой из двух фаз периода 1900–1914 гг. следует изучать отдельно проявления философско-религиозной мысли и тенденции эстетического характера, хотя в реальности они были тесно связаны.

Итак, мы выделим пять промежутков: 1900–1908; 1908–1914; 1914–1917; годы 1900–1917, рассматриваемые с точки зрения эволюции так называемого субстрата; наконец, 1917–1922.

I. Первый период (1900–1908)

1. Философская мысль

1. От м рксизм к иде лизму. Это название сборника статей, опубликованного в 1903 году С. Булгаковым, точно описывает одно из самых замечательных течений мысли начала века. Кто бы мог подумать, что марксисты, хоть и ревизионисты, окажутся среди главнейших инициаторов новой религиозной философии?

В предисловии [к сборнику] Булгаков (1871–1944) объясняет собственную свою эволюцию. Заметив некоторые слабые места экономической теории марксизма, но оставаясь вполне в рамках его философии, он обнаружил, что всякая позитивная философия, будь то марксистская или иная, обречена контрабандно прибегать к метафизике: на одной только науке невозможно основать социальное поведение и поиски прогресса. Невозможно призывать к воплощению добра в истории, не разрешив проблему природы добра, а стало быть, Бога и человека: это показал Достоевский. Коли есть идеал, Бог, стремление к добру, то «организация общества на основаниях равенства и свободы, уничтожения классов и всех внешних пут» становится не мечтой, но предназначением человечества. Таким образом, утверждение добра идет через объективный идеализм. Но первое положение этого идеализма своим узким рационализмом оспаривает ту связь этики с метафизикой, что существовала от Канта до Толстого. Другой вариант этой связи был установлен Владимиром Соловьевым, объединившим этику одновременно с онтологией, космологией, философией и историей. Получился идеализм, подобный учениям Платона, Плотина, продолженным позднее Шеллингом, Гегелем и Шопенгауэром, а в литературе перекликавшийся с Достоевским. В то же время мировоззренческая система не может достичь полноты без экономической, социальной и политической программы, отвечающей конкретным требованиям момента. Соловьев такой программы не дает. «В этом отношении кто однажды прошел школу марксизма, тот не может да и не должен никогда забывать ее уроков, поэтому в своем мировоззрении я стремлюсь найти органический синтез философии Соловьева и принципов реальной политики». Центральная идея этого синтеза — абсолютная ценность личности, или естественные и неотъемлемые права человека и гражданина. Завершенная таким образом система позволяет объединить действия идеалистов с их противниками, чтобы привести Россию к сияющей заре, которая уже виднеется.

Это наиболее полное из имеющихся свидетельств о переходе от марксизма к идеализму. Названы его этапы: Кант, Достоевский, Соловьев. Две статьи сборника, «*Ив н К р м зов* как философский тип» и «Что дает новому сознанию философия Владимира Соловьева», дают нам почувствовать, какую огромную роль в ту эпоху могли играть романист и философ. Достоевского только начали открывать и ценить как мыслителя. В признании Булгакова виден также мост, связующий новую веру со старой: марксизм пройден, но не забыт, остались общественные и политические упования. Булгаков — самый думающий, самый уравновешенный из людей Ренессанса: первый в марксистском кружке, он доведет идеализм до положительной религии и, однажды войдя в Церковь, там и останется.

Бердяев (1874–1948), многократно обращавшийся к этой теме, в последний раз в «Самопознании», объясняет, что благодаря критическому марксизму в социализме перестали видеть концепцию, разрешающую все проблемы: оставался все равно простор для философских, религиозных и художественных исканий. Самого Бердяева в марксизм завлекли марксистская экономическая доктрина, в какой-то мере объяснение истории и фигура Маркса. Но вскормленный Ибсеном, Достоевским и Толстым, он остро испытывал ощущение личной судьбы. Он не мог принять марксистский детерминизм. Сформированный школой кантовского идеализма, не принимал он и материализма. Прогресс не может быть неизбежным социальным процессом, но лишь результатом творческой свободы человека. Бердяев в меньшей степени, чем Булгаков, видел противоречие между марксизмом и идеализмом: в 1898 [1901], еще считая себя марксистом, он написал статью «Борьба за идеализм», где утверждал примат духовных и эстетических ценностей, примат личности перед обществом. Его первая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», опубликованная в 1901, была марксистской в критике индивидуализма народника Ми-

хайловского, но, с другой стороны, пыталась соединить критический марксизм с идеалистической философией Канта и Фихте: истина, добро, красота зависели у него не от революционной борьбы классов, а от трансцедентального сознания.

Меньший марксист, нежели был поначалу Булгаков, Бердяев также не столь далеко зашел в обращении к идеализму. Никто не был менее него способен держаться системы. Ему претил любой конформизм. Как только он оказывался в какой-либо группе, то сразу же становился там еретической фигурой. Трудно следить за его изменениями: он никогда не обозначал точно своей позиции, никогда не разрешал своих противоречий, никогда не брался за доказательства и аргументы. Этой подвижностью, как и широчайшей европейской культурой, естественным аристократизмом, любовью к красоте, смелостью мысли, легкостью пера, чуткостью к современности он был одной из типичнейших фигур начинавшегося XX века.

Струве (1870–1944) в предисловии, написанном им к «Субъективизму и идеализму» Бердяева, в защите метафизики пошел дальше самого автора. Предваряя в 1902 свой сборник статей «На разные темы», он признавался: «В настоящее время я приверженец метафизического идеализма». Но Струве, экономист, историк, философ, по случаю интересовавшийся и филологией, естественными науками или математикой, прежде всего был политиком: в отличие от большинства русских всех толков, он имел представление о Государстве. В то время как обыкновенно рассуждали и действовали, исходя из мысли об уничтожении Государства ради триумфа того или иного начала, этот сын губернатора никогда не упускал из виду интересов русского государства. Вполне поддерживая движение к духовности, сам он к нему не присоединялся вплоть до лет эмиграции.

К 1902 легальные марксисты продвинулись достаточно далеко, чтобы на время соединиться с идеалистами и создать сбор-

ник «Проблемы идеализма», вышедший в Санкт-Петербурге в 1903 [в Москве в 1902]. Инициаторами были с одной стороны Струве, с другой — Новгородцев, юрист и философ. Струве дал статью под названием «К характеристике нашего философского развития»; Франк писал о «Ницше и этике “любви к дальнему”»; Бердяев прислал из Вологды, где он был в ссылке, этюд об «Этической проблеме в свете философского идеализма»; Булгаков тоже сотрудничал. Другую сторону представлял Новгородцев (1863–1924). Его «Нравственный идеализм в истории [верно: философии] права» был красноречивой защитой естественного права, основанного на этике, исходящей исключительно из абсолютного, а вовсе не из исторических случайностей, и на «живом признании» абсолютных принципов и необходимости метафизических построений. Кроме них, в сборнике участвовали Сергей Аскольдов (1871–1945), метафизик «панпсихизма», и особенно двое истинных последователей Соловьева, князья Сергей и Евгений Трубецкие, много времени спустя обратившиеся к строгому православию. Сергей (1862–1905) к тому времени защитил диссертацию «Учение о Логосе в его истории». Это был прирожденный метафизик, создавший связную систему на основе учения о «всеобщем разуме», не чуждый также интереса к политике в либеральном ключе и пользовавшийся уважением студентов в университете. Евгений (1863–1920), юрист по образованию, художник и музыкант, не питал ни малейшей любви к философии, но объявил об этом гораздо позже.

«Проблемы идеализма» произвели сенсацию и скандал не только среди марксистов, но и в массе *интеллигенции*: идеализм, ницшеанство, естественное право, абсолютные принципы, мораль на основе метафизики вместо материализма и общественной борьбы, — были более чем ересью. Впрочем, вскоре общее внимание переключилось на политические события.

2. Роз нов и Мережковский. Пока философы говорили не более чем об идеализме, литераторы смело бросили сло-

во «религия». Правда, это были два писателя, оригинальные по мысли, сильные по форме и универсальные по размаху.

Старший, Василий Розанов (1856–1919), в отличие от других крупных деятелей русского Ренессанса, был выходцем из бедной семьи, из маленького северного городка. В гимназии он сначала, как все его товарищи, упивался Фохтом, Боклем, Писаревым. К концу учебы тот же Писарев вдруг показался ему скучным и пустым. Он провел несколько лет в Московском университете, работал учителем истории в провинциальных училищах. Но мозг кипел: он был занят проблемой христианства в его отношениях с жизнью и счастьем. «В сущности, — писал он в 1918 г., — вся моя жизнь прошла на тему о христианстве». После чисто философской диссертации «О понимании» он вступил на свое настоящее поприще в 1888 году с речью об «исторической судьбе христианства» по случаю девятисотлетия крещения Руси. В 1891 серия статей «Легенда о Великом Инквизиторе» открыла перед ним антипозитивистские круги. Таким образом, он оказался хоть и вскользь, но увязан с Достоевским; следующий год показал, что он следовал за Константином Леонтьевым в эстетической концепции истории, но не в моральной и социальной. В 1899 он разоблачил «Сумерки просвещения» в том виде, в каком оно представало в духе 1860-х, и написал «Религию и культуру». В 1901 — занялся вопросом брака и развода, имевшим для него болезненный личный интерес с тех пор, как его жена, Суслова, та самая, которая некогда заставляла страдать Достоевского, покинула его и, не давая развода, не позволяла вновь вступить в законный брак. В 1902 второе издание «Легенды» открыло ему путь к большой славе.

К тому времени он пришел к собственной манере мыслить, происходившей, впрочем, не столько от размышлений или чтения, сколько от его темперамента, одновременно религиозного и чувственного. Жизнь — величайшее явление для вселенной и для человека, данное Богом. Человек от природы наделен радостью жить и давать жизнь. Любовь, рождение, семейные связи святы. Тем временем хри-

стианство, в том виде, в каком оно существует исторически, освящает аскетизм, целибат, воздержание, с трудом терпит брак. Таким образом, следует признать, что Церковь исказила искупительное Пришествие Христа. «Есть вера Голгофы, но должна быть и вера Вифлеема; есть вера пустыни, камня Петра, но есть и вера скотины, окружавшей ясли». Новому Завету следует противопоставить Ветхий Завет, веру в Отца, создавшего не только небо, но и землю. Кажется, Розанов склоняется скорее к Церкви, устанавливающей некий компромисс между христианством и жизнью, нежели к самому Христу, приговорившему мир.

Розанов всегда подает свою мысль неожиданно, блестяще, парадоксально, грубо, что делает его самым удивительным стилистом этого века. Так он ставил перед читателями и слушателями один и тот же вопрос, взятый с разных сторон и в самых острых выражениях: Церковь (клир, догма, мораль, каноническое право...) и жизнь (государство, общество, брак, семья, искусство...).

Дмитрий Мережковский (1865–1941) родился в столице, совершал заграничные путешествия, быстро и легко приобрел широкую европейскую культуру, классическую и современную. Он был наделен одновременно темпераментом артиста и проповедника: «Я должен воспламенять других, — говорил он, — или сам угаснуть». Его увлекало в первую очередь воплощение идей в истории или исторических персонажах. Он не пытался придать им логическую форму. У него был талант романиста, критика, эссеиста. Даже в стихах своих он прежде всего стремился протестовать против, скажем, царящего утилитаризма и развивать новые темы: непознаваемое, «моменты, когда приоткрывается дверь в вечность», поиски Бога. Весьма поддающийся влияниям, он увлекся Ницше, борьбой человека и сверхчеловека (Пушкин-Лермонтов, герои его «Вечных спутников», 1899), христианства и эллинизма («Смерть богов. Юлиан Отступник», первый том его знаменитой трилогии «Христос и Антихрист», вышедший в 1896).

Мережковский, богоискатель, не удовлетворен православной церковью такой, какова она есть. Ему, как Розанову, под влиянием которого он находится, кажется, что она состоит в противоречии с жизнью, и, поскольку его мысль всегда развивалась через антитезы, он в противовес духу заявлял о правах плоти, в противовес небу — о правах земли. Он осудил Церковь, осудившую 22 февраля 1901 Толстого: «Если вы его отлучили, отлучите и нас тоже, потому что мы с ним, а не с вами». Эта «историческая церковь» должна быть радикально реформирована.

Отлучение Толстого и для других умов, не только для Розанова и Мережковского, сделало очевидной неизбежность столкновения Церкви и современного мира. Существовало уже достаточно образованных людей, увлеченных религиозными вопросами, и достаточно людей Церкви, страдающих от разрыва между нею и интеллектуальными кругами, чтобы начинание, еще в 1860 году безуспешно предпринимавшееся Бухаревым, теперь могло рассчитывать на некоторый успех. Итак, в Санкт-Петербурге родились «Религиозно-философские собрания».

3. «Религиозно-философские собр ния». Розанов и Мережковский, двое инициаторов, возымели намерение установить непосредственный контакт членов клира и светских лиц в дискуссии о наиболее актуальных проблемах. На их призыв отозвались многие замечательные личности. С одной стороны, епископ Сергий, помощник митрополита Санкт-Петербургского (будущий митрополит Московский, затем патриарх при советском режиме), который был приглашен председательствовать, архимандрит Антонин (будущий иерарх «Живой церкви» с 1921 года, схизматик, затем основатель эфемерной «Церкви Возрождения» [«Союза церковного возрождения»]), многие священники, известные проповедники и публицисты, некий архимандрит Михаил (вызвавший много разговоров своими красноречивыми брошюрами, обращением в старую

веру и смертью во время одного из «погружений» в народ). Со стороны светской были представлены все оттенки религиозной мысли, от самой независимой, с Розановым, Мережковским, Минским, Философовым, до наиболее близкой к ортодоксии, с бывшим толстовцем Новоселовым и профессором Духовной Академии А. Карташовым (будущим обер-прокурором Святейшего Синода после февральской революции 1917).

Первое заседание состоялось 29 ноября 1901, всего их прошло двадцать два, до апреля 1903. Предложены были следующие темы: Церковь и интеллигенция; Толстой и Церковь; свобода совести; дух и тело; брак; развитие догматики. Отчеты о дебатах публиковались в журнале «Новый Путь», где обосновались сторонники нового богоискательского направления. Как и следовало ожидать, чтения выявили большой идейный разброд, много искренности и доброй воли и общее согласие в том, что Церкви необходимо придать актуальности, при полной разноголосице по части способов это сделать.

Либеральная тенденция многажды формулировалась Мережковским. Свой доклад о «Духе и плоти» он разделил на две части, — Гоголь и Отец Матвей, Толстой и Достоевский, — что позволило ему следующим образом сформулировать дилемму: «Или мы должны совершенно отречься от мира и жизни, тогда прав Отец Матвей [Отец Матвей был духовником Гоголя, под чьим влиянием тот сжег рукопись окончания «Мертвых душ» и уморил себя голодом]; или же мы должны отречься от христианства. Лишь при одном условии мы можем принять и то, и другое, христианство и жизнь: если признаем, что Христос установил не только противоречие, но и решительное единство, таинственное единство духа и тела». А поскольку ему возражали, что в Церкви примирение этих начал достигается при помощи морали, аскетизм же не обязателен, он отвечал: «Я протестую против сведения христианства к этике. Таким путем мы дойдем до толстовства». Этике он противопоставлял мистику. Во всех вопросах отказывался от готовых истин и доступных выходов: все

это, говорил он, есть следствие позитивизма, «а я всегда против позитивизма». Ему требовались сомнение, тревога, ожидание: «Мы накануне великого христианского пробуждения, близится время вспышки света». Эпоха моральной проповеди прошла: «Сегодня мы жаждем пробуждения, мы хотим религии, поскольку хотим пробуждения».

По сравнению с этими острыми выступлениями, или же, например, с Розановым, цитировавшим Апокалипсис в доказательство, что брак ужасает Церковь, казались блеклыми весьма разумные доклады священника Скворцова, базировавшиеся на традиционных доктринах. Сложно было достичь взаимопонимания между теми, кто рисовал себе псевдо-недогматическое христианство, «созданное не разумом», но «целиком вышедшее из народных чаяний, из народного обращения к Богу», и теми, кто верил в раз и навсегда установленные догмы и соглашался лишь видоизменить их толкование.

Собрания привлекали многочисленную публику. Там бывали поэты А. Блок и В. Брюсов, художники Репин, Бенуа. О них писала пресса. Это было модное событие. Столь вольные дискуссии показались опасными властям и были запрещены прежде, чем смогли достигнуть «согласия между Церковью и обществом».

Вскоре произошло объединение группы «нового христианского понимания» с идеалистами — бывшими марксистами — вокруг реорганизованного в октябре 1904 «Нового Пути». Первые сохраняли за собой литературную часть и уступали вновь присоединившимся части философскую и политическую. Но союз просуществовал недолго: в январе 1905 вышел в свет новый журнал «Вопросы Жизни» под руководством Бердяева и Булгакова, с Г. Чулковым во главе литературного раздела. Журнал должен был стать местом встречи всех вариантов модернизма: идеализм, духовные искания, неохристианство, новые литературные направления, передовая политика от левого крыла либералов до либеральных социал-демократов.

4. Иде листы и богоиск тели в политике. Элита, освободившись от революционной моноидеи, что отличало ее от средней интеллигенции, тем не менее осталась чувствительна к социальным и политическим проблемам, что противопоставляло ее высшей бюрократии, церковной иерархии, «буржуазному» консерватизму. Но позиции бывших марксистов и богоискателей различались.

Среди первых Струве всегда имел особую позицию. В 1903 он уехал за границу создавать «Союз Освобождения» и ее орган — журнал «Освобождение», с целью объединить сторонников конституционной монархии английского типа. Бердяев участвовал в работе двух съездов в Шварцвальде и Шафгаузене, стал членом комитета Союза в Киеве, затем в Санкт-Петербурге. Но он «чувствовал свою страшную отчужденность от либерально-радикальной среды, большую отчужденность, чем от среды революционно-социалистической». Булгаков также участвовал в деятельности «Освобождения», но его социальные чаяния заходили гораздо дальше. Когда началась война с Японией, «идеалисты» оказались согласны с массой интеллигентов, желавших поражения России, а затем и крушения царизма. Один Струве написал в «Освобождении» статью во славу русской армии — в России руководители движения сочли полезным спрятать этот номер газеты от своих сторонников.

Во время «малой революции» 1905–1906 большинство членов «Освобождения» влились в партию конституционных демократов, руководимую П. Милюковым, но об этой партии, следовавшей позитивистской идеологии средней *интеллигенции*, мы здесь не будем говорить. Ни Бердяев, ни Булгаков в нее не вошли. Первый «считал революцию неизбежной и принимал ее с радостью»; второй шел еще дальше и разделял политические и социальные упования революционеров.

«Но характер, который приняла революция, и ее моральные последствия» оттолкнули Бердяева и вызвали в нем «духовную реакцию». Он написал множество статей (со-

бранных в 1907 под заголовком «Sub specie aeternitatis»), в которых особенно приблизился к «богоискателям». Подобно Мережковскому, «историческому христианству» он противопоставлял «новое религиозное сознание». Первое определялось для него через «аскетизм», тогда как «человек нового религиозного сознания хочет... соединить язычество и христианство». Таким образом, придет новая эпоха, когда земля «преобразится... вне времени и пространства», государство, «одно из дьявольских поползновений», исчезнет, «человекобог, человек против Бога, демонизм... окажется среди божественных начал».

Булгаков же совершенно обратился к православию. Он усматривал в революции, в том виде, в каком она произошла, руку Антихриста. И вынашивал планы противопоставить ей христианское освободительное движение. В «Вопросах Жизни» в 1906 [1905] он изложил свой проект «Лиги [Союза] христианской политики»; идея и название были почерпнуты у Владимира Соловьева. Сам он был избран депутатом Второй Думы как «христианский социалист».

Движение христианского социализма пыталось найти свое место в революции. В. Свенцицкий излагает программу «Христианского братства борьбы». Выпущены две серии брошюр, для народа и для интеллигенции. В первой — «Апостольская церковь», «Святой Франциск Ассизский», «Бог или маммона», «Восьмичасовой рабочий день», «Земля», «Рабочие союзы»; во второй — «Вопрос о собственности», «Христианский социализм в Англии», «Самодержавие и освободительное движение с христианской точки зрения», «Основные черты капитализма». Опубликованы два сборника, «Взыскующие Града» и «Вопросы веры [религии]». Но авторы всюду одни и те же: Булгаков, Свенцицкий, Эрн. Христианский социализм был обречен на неудачу, зажатый между консервативными силами, самые священные принципы которых он безжалостно ниспровергал — Эрн требовал от христианина отказа от частной собственности, а от государства — обуздания «экономического

самоуправства» хозяев, — и атеистическими революционными партиями.

У «богоискателей» позиции были различными. «Новый Путь» видел в войне с Японией столкновение двух философий, христианской и атеистической. Лично Мережковский был монархистом. Но понемногу журнал склонялся влево, и уже в июле 1904 года Философов призывал «декадентов» отказаться от политического безразличия. А Чулков писал: «Наша ближайшая и непосредственная цель — борьба с буржуазным духом, в каком бы виде он ни проявлялся. Мы одинаково ненавидим нагло торжествующих консерваторов и либералов, выдающих духовную пустоту за почтенные идеи». Истина была в объединении принципов духовных и материальных, проникнутый религией социализм нес разрешение социальных проблем.

Тот же Чулков в 1906 году провозгласил новую доктрину, ненадолго вошедшую в моду. Речь шла об уничтожении буржуазной системы для освобождения места социалистической общине без частной собственности. Тогда поднимется восставший дух нового человека, Мессия, который поведет человечество от механики к Мудрости. Поэт-философ Вячеслав Иванов принял эти идеи, пояснив, что в них нет ничего ни от вульгарного анархизма, ни от церковной мистики: «мистика... уже анархия». Имелась группа «мистических анархистов» с журналом «Факелы». В 1907 Модест Гофман создал вариант мистического анархизма — «коллективный индивидуализм». К концу года обо всем этом уже было забыто.

2. Эстетические тенденции

1. «Дек дентство» и «Мир искусств ». Символизм появился в России в последнем десятилетии XIX века. Тогда он стал мишенью для сарказма критиков, публики и даже Владимира Соловьева, одного из его зачинателей. С новым веком он вышел на первый план. На самом деле это был триумф

не столько отдельной школы, сколько Искусства, пестуемого для себя самого, а не ради служения посторонним целям. Появилось ощущение, что совершенство формы, цвет, звучание, контуры, пропорции, оригинальность, преодоление сложностей имеют самостоятельную ценность, независимую от содержания. Отсюда выражение «декадентство», изначально уничижительное, но из которого заинтересованные участники сделали себе почетное наименование: декадентство, новое искусство, символизм были тогда почти синонимами.

«Новое искусство» в России началось в подражание Западу и никогда не теряло Запад из виду. В этом можно убедиться, просмотрев список переводов, вышедших в специализировавшемся на литературе символизма издательстве «Скорпион». В 1904-м находим там полные собрания сочинений Пшибышевского и Оскара Уайльда, множество романов Кнута Гамсуна, Д'Аннунцио, Эдгара По, пьесы Г. Гауптмана, Ибсена, Метерлинка, Стриндберга. Список мог бы быть продолжен перечнем переводов, опубликованных в журналах.

Тем не менее новое искусство в России развивалось вполне оригинально. Оно прежде всего проникло в философские, мистические, исторические работы. Оно тесно смешалось с описанным нами движением мысли: «Эстетическое творчество есть интуитивный путь постижения чистой мистики: без мистики все созидательное усилие превращается в мертвую технику и вульгарное ремесло», — писал в 1904 Г. Чулков.

Первой обновилась поэзия. Но во всей полноте эстетический Ренессанс ознаменовался в 1899 году основанием в Санкт-Петербурге журнала, программой своей охватившего живопись, театр, иллюстративное искусство, архитектуру, музыку, литературу, философию, — «Мир Искусства». Его основателей ожидала слава: Александр Бенуа, Сомов, Дягилев. Взяв для примера хотя бы год 1900, среди сотрудников литературного отдела находим Зинаиду

Гиппиус, Мережковского, В. Розанова, Метерлинка; корреспонденты из Парижа, Берлина, Мюнхена и пр. описывают художественную жизнь зарубежных стран; в статьях рассуждают о современном романе, новейшей критике, о недавно умершем Владимире Соловьеве; есть разбор переводов Кальдерона, сделанных Бальмонтом, текст Рёскина о прерафаэлитах, восторженная заметка-некролог Минского о Ницше. Художественный раздел, печатавшийся на глянцевой бумаге, наряду с текстами давал множество репродукций произведений искусства всех родов, иностранных авторов — Бёрна-Джонса, Буше, Гварди, Коро, Лотто, Мане, Ренуара, Фрагонара, Уистлера — и русских — Васнецова, Лансере, Левитана, Малютина, Поленова и Поленовой, Бакста. У русских преобладают фантастические сцены — иллюстрации к народным сказкам или поэтичные и туманные пейзажи, всякая социальная живопись исключена. Направление сугубо эстетическое, аристократическое. Но никогда не были так открыты горизонты для искусств в их молчаливом общении, для шедевров всех стран, для мысли в целом. Никогда в России не видели журнала столь европейского и столь представительного.

Основные черты «декадентства» были сформулированы Философовым в «Мире Искусства» в том же 1900 году: это «все, что борется за свободу без утилитарной цели», это «утверждение личности во всех областях, философии, искусстве, литературе». Чтобы выразить себя, «декадент» удаляется от общества, но ничто человеческое ему не чуждо, ни мистерии Египта, ни утонченное искусство Японии. Он ниспровергает веру во всемогущий прогресс, но лишь для того, чтобы глубже постигнуть все выходящее за рамки обыденного, все драгоценное, уникальное, утонченное, чтобы лучше почувствовать иррациональное начало в природе. Любимым поэтом декадентов был Тютчев, сказавший: «Выразимое не истинно, и истина невыразима» [«Мысль изреченная есть ложь»]. Их мыслитель — Ницше: «В его душе борются Аполлон с Дионисом, как в серд-

це русской литературы от Пушкина до Толстого с Достоевским», и Минский заявлял, что «для всей будущей русской и европейской культуры Ницше не умер: чтобы его принимать или критиковать, прежде всего надо принять Ницше в себе». Противостояние Аполлона (или Логоса, Космоса, Разума) — Дионису (вдохновение, хаос, иррациональное, «оргиастическое») станет одним из общих мест этого периода.

В 1903 писатели «Мира Искусств» отделяются от чистых эстетов и создают журнал «Новый Путь», объединяющий литераторов философского направления Мережковского, З. Гиппиус, Розанова, Философова, Минского, первых поэтов-символистов Бальмонта, Сологуба, Брюсова и только заявивших о себе молодых символистов Александра Блока, Андрея Белого.

Группа философов нам уже знакома. З. Гиппиус, одаренная поэтическим чутьем, и впредь будет писать прекрасные стихи; в своих романах, театральных пьесах, критических эссе она станет больше заботиться об идеях, чем о форме. Мережковский отныне пишет только прозу, в его романах «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (появившемся в 1902) и «Петр и Алексей» (опубликованном в течение 1904–1905), с которых начинается ставшая его главным произведением трилогия, действуют не столько герои, сколько тезы и антитезы, и даже в этюдах о русской литературе он занят не эстетикой, а интерпретацией авторов с философской и религиозной точек зрения.

2. Первые символисты. Другие поэты, начинавшие около 1890, напротив, были преданы культу искусства и трудились над совершенством формы. Они вовсе не пытались выразить «концепцию мира». Их отношение к идеям отражено в следующих стихах Бальмонта, 1903 года:

Мне чужды ваши рассуждения:
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог»...

Бальмонт (1867–1942) заботился лишь об игре звуков, слоге, созвучиях, рифмах, ритмах. Он находил полное удовлетворение в музыкальных сочетаниях и словарных забавах. С него берет начало последовательное развитие образности. Он умелый и неутомимый переводчик: Шелли, По, немцы, французы, мексиканцы. В 1905 Александр Блок, младший последователь Бальмонта, отзываясь на вышедшее собрание его сочинений, приветствовал его как основоположника нового искусства, но смеялся над его аллитерациями и сурово упрекал его, что он жертвовал уху всем, даже смыслом.

Федор Тетерников под псевдонимом Сологуб (1868–1927) тоже достаточно равнодушен к идеям. Его оригинальность в том, что он видит мир через призму зла и уродства: «Мой отец дьявол», — говорит он. Его роман «Мелкий бес» в 1907 стал полуреалистической, полуфантастической эпопеей скуки, пошлости, низости, лицемерия маленького городка. Он славит смерть. Но его стихи, простые, журчащие, мелодичные, столь совершенны, что кажутся написанными без всякого усилия.

Гораздо большее значение для символистского направления имеет Валерий Брюсов (1873–1924), сын торговца-вольтерьянца. Он всегда будет признанным главой школы, даже для молодежи, которую отталкивала сдержанность его манеры письма и мысли. Что у него было от ремесла поэта, так это совершенная техника. Эта наука была постигнута им тяжелым трудом, изучением Верлена, Малларме, Бодлера, затем Тютчева, Пушкина и Верхарна. Его строки безукоризненной чеканки, стихи точнейшего лаконизма, даже выверенная уравновешенность его сборников имели нечто классическое, несмотря на блеск образов и новизну ритмических сочетаний. Техника была для него принципом. Он развивал сюжеты, но никакой из них не трогал его близко; он был из числа поэтов города, с его огромными заводами и толпами рабочих. Он мог бы писать политическую хронику. Он мог примениться к мысли других (после рево-

люции он стал коммунистом), но не испытывал необходимости в собственных социальных, философских или религиозных идеях. Это был «поэт-скептик».

Он не мог сочувствовать богоискателям «Нового Пути». В 1904, чтобы собрать независимо от них всех символистов, он основал новый журнал «Весы». И в первом номере прекрасно сумел дать определение своей школе, приемлемое одновременно и для эстетов, и для мистиков: символ есть знак *иной ре льности*. «Мы живем среди вечной исконной лжи. Мысль, а следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь... Но мы не замкнуты безнадежно в этой «голубой тюрьме», пользуясь образом Фета. Из нее есть выходы на волю, есть просветы. Эти просветы — те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину». «Весы» смогли объединить старых и новых. Это был журнал на прекрасной бумаге, украшенный цветными обложками, фронтисписами, вклеенными иллюстрациями и рисунками современных русских и иностранных художников; журнал, сотрудничавший с Джованни Папини, Рене Гилем или Реми де Гурмоном, державший своих читателей в курсе литературных и художественных событий всего мира, публиковавший обзоры, подписанные лучшими писателями того времени, программные и критические статьи и немного стихов. Он сопровождал школу символистов до ее заката в 1909.

3. Второе поколение символистов. Будущее было за молодыми поэтами, родившимися в один год: Андреем Белым (1880–1934) и Александром Блоком (1880–1921), а также писателем постарше, но вошедшим в литературу в один год с ними, в 1903, — Вячеславом Ивановым (1866–1949). У каждого был свой дар. Но все трое были затронуты Владимиром Соловьевым, и более его стихами, нежели теоретическими работами. В отличие от безыдейных эстетов, они были еще и философами. Они не признавали абстрактных

схем и разговоров об «исторической церкви» Мережковского, но свободно отдавались своему любопытству и личному мистическому опыту. Соловьев дал им ощущение и правду поэзии:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Александр Блок, чрезвычайно чувствительный и впечатлительный, великолепно одаренный ребенок из очень культурной семьи: отец — довольно эксцентричный, профессор права и музыкант; дед по матери ботаник и ректор Санкт-Петербургского университета; мать, бабка, тетки, двоюродные сестры — все занимались литературой; Блок, влюбившись, увидел в объекте своей страсти, своей будущей жене Любе, дочери химика Менделеева, — божественную Софию, упомянутую в Апокалипсисе «даму, одетую солнцем»: «25 января [1901]... странное ощущение... *Он* появляется в действительности. И живая становится Всеобщей Душой... Душой отделенной, плененной, изнемогающей». Он посвящает ей великолепные «Стихи о Прекрасной Даме», всего восемьсот, лишь некоторые из которых будут изданы в марте 1903 в «Новом Пути».

В этот момент происходит сближение между петербуржцем Александром Блоком и москвичом Борисом Бугаевым, тоже сыном профессора, знаменитого математика и философа, автора очерка «Основные начала эволюционной монадологии». Тот был душой, вместе с Сергеем Соловьевым, племянником Владимира, кружка молодых поэтов «Аргонавты». Он более Блока был склонен к абстракциям и теории. В двадцать три года его жизнь уже отмечена вехами встреч с самыми разными мыслителями, перечисляя в хронологическом порядке: Веданта, Шопенгауэр, Рёскин; Достоевский, Ибсен, французские модернисты; Ницше, Соловьев, Фет, Бальмонт, Григ и Вагнер; филосо-

фия науки, Вундт, Геффдинг и Кант; Блок, Брюсов, Мережковский, Метнер и Шуман. Эта универсальная и беспорядочная культура, мысли смутные, но удивительные, сделали его двигателем молодого московского общества, глашатаем «модернистов». Он переходил от поэзии к музыке, от поисков смысла к положительной заботе о форме. Публикуя в 1902 свою «Симфонию», он взял псевдоним Андрей Белый. Это было первое из его произведений (к 1934 г. их будет 46 томов и более 300 статей, рассказов, эскизов и проч., не считая стихотворений). Вскоре последовали «Северная симфония» и «Третья симфония», в 1904 и 1905. Первый сборник стихов появился в 1904 под сверкающим названием «Золото в лазури» и имел шумный успех.

В своих «Симфониях» Белый создал новое искусство прозы. Разные темы следуют друг за другом, сцепляются и разделяются по правилам музыкального контрапункта, с лейтмотивом и паузами. Помимо этой композиционной последовательности, и сама фраза не менее музыкально ритмизована. Что до смысла произведения, то в предисловии к «Симфонии» 1902 г. Белый объясняет, что и для целого, и для каждой части он всегда тройной: музыкальный, сатирический, идейно-символический. Можно сказать, что у Белого впервые проза перестает быть спонтанной: она становится проблемной, как поэзия.

Теория такого трехуровневого символизма была изложена в двух статьях в «Новом Пути» в 1903 и 1904. Во второй из них Белый провозглашал: «Вы берете из реальности образ для изображения вашей цели и превращаете его в символ. Символ — типическая форма реальности. Символическая реальность есть реальность, к которой должна притягиваться реальность, доступная нашему наблюдению. Последняя есть величина переменчивая. Первая постоянна». Он опирался на авторитеты философии: Канта, Вундта, Джемса, Конта и др. В первой статье, «О теургии», Белый обратился к идеям В. Соловьева о преобразующем жизнь магическом действии

искусства, добавив мысли Ницше о двух элементах, дионисийском и аполлоновском.

Близость Блока и Белого разрушилась страстью Белого к Любе, но дружба их не прервалась. Затем случились события 1905 года. Они вывели на свет неожиданную сторону натуры Блока: удивительную чувствительность к музыке внешнего мира. Он с самыми пламенными, восставшими; перед ним развертывается жизнь улиц и пригородов. Он становится мрачным. Зори прекрасных лет для него сменяются фиолетовым трауром. Он с иронией смотрит на собственный былой энтузиазм: Прекрасная Дама исчезла, Вечная Женственность — не более чем «Незнакомка», какую можно найти в кабаре, рядом с кем он ищет забвения. Незнакомка стала героиней второго сборника, «Нечаянная радость», появившегося в конце декабря 1906. Потом Вечная Женственность превратится в актрису молодой труппы Мейерхольда Наталью Волохову: она вдохновила Блока на тридцать стихотворений, написанных за две недели, между 29 декабря 1906 и 13 января 1907, и составивших цикл под названием «Снежная маска», частично изданный 8 апреля. Из-за нее же он пишет для Мейерхольда «Балаганчик», грустный фарс, где вышучивается все: картонная Прекрасная Дама, небо из шелковой бумаги, плоские и выспренние «мистики» с их «теориями» — то есть Аргонавты, — да и сам автор. Это было в феврале 1908. Блок все ниспровергал. Белый устал от Аргонавтов.

Вячеслав Иванов, вернувшийся из-за границы в 1903, чтобы опубликовать свои «Кормчие звезды», затем «Прозрачность» и эссе об «Эллинской религии страдающего бога», был, несмотря на свой возраст, самой сильной опорой молодого символизма. Он пришел к нему иными путями, нежели Блок и Белый: через античные мистерии. Складывался он как эрудит-классик. Ум помогал ему все понимать, доктрины и личности, все обсуждать и обо всем судить. Он, казалось, «ткал перед вами, — говорит Белый в «Воспоминаниях о Блоке» — идеальную паутину, объединявшую са-

мых невозможных для объединения существ и очаровывал их всех». Его среды на «Башне», возвышавшейся над суетой Таврического дворца, собирали всех, кто что-то значил в мире мысли и вкуса: историков и филологов Ростовцева и Зелинского, философов Бердяева и Столпнера, просвещенного марксиста Луначарского, публициста Розанова, поэтов Сологуба, Блока, Городецкого, Кузьмина, художников Сомова, Бакста, артистов, не говоря о заезжих москвичах вроде Брюсова и Белого. После полуночи там рассуждали о религии и оккультизме. К утру кто-нибудь читал свои последние стихи. Блок в те 1905–1908 годы восхищался Ивановым как утонченным поэтом и теоретиком символизма.

Для В. Иванова символ не был осуществляемым волей художника преобразованием реальности. Он был лишь открытием в видимой реальности — реальности скрытой, еще более реальной. Так были созданы античные мифы. «Так искусство истинного символизма достигает до сферы религии, если религия есть прежде всего акт чувствования связи, существующей между всем сущим и ощущением жизни».

В. Иванов своими концепциями возбуждал пламенные споры в среде символистов, которую уже начинали разрывать и ее собственная живость, и одушевлявшие ее могучие индивидуальности. В Москве к «Весам», центральному изданию школы, молодые символисты добавили «Золотое Руно», куда перешел Блок. Раскол «Золотого Руна» породил эфемерный «Перевал». Тем временем в Санкт-Петербурге чулковские «Факелы» привлекли к сотрудничеству Блока, Сологуба и Вячеслава Иванова. В лице Иванова установилась связь между философско-религиозными и эстетическими тенденциями русского Ренессанса. В 1908 г. этот Ренессанс достиг конца первой своей фазы, для которой характерна общая беспорядочная экспансия всех высвободившихся наконец идеализмов. Началась вторая фаза, более реалистичная и менее оптимистичная.

II. Второй период (1908–1914)

1. Философская мысль

1. «Вехи». С «Проблемами идеализма», сборником, в 1903 [1902] году ознаменовавшим новую ориентацию интеллектуальной элиты, перекликается вышедший в марте 1909 аналогичный сборник «Вехи», обозначивший прогресс, достигнутый ею в том же направлении. Этот прогресс стал плодом, или уроком, беспокойных годов 1905–1908. Авторы притом были отчасти те же: Струве, Бердяев, Булгаков, Франк, экс-марксисты; но к ним добавились Изгоев и инициатор сборника Михаил Гершензон (1869–1925). Он имел разноплановое образование, литературный критик и историк идей, с широким кругозором, смелым и оригинальным умом, довольно безразличный к абстракциям, как и к политике, увлеченный исключительно духовностью и духовной культурой.

Подзаголовок «Вех» — «Сборник статей о русской интеллигенции» — декларировал содержание. Бердяев сравнивал «Философскую истину и интеллигентскую правду»; Булгаков противопоставлял «Героизм и подвижничество»; Струве излагал мысли об «Интеллигенции и революции»; Франк характеризовал «Этику нигилизма». Целое представляло собой критику взглядов и поведения средней *интеллигенции*: культ абстракций, игнорирующий реальность радикализм, сектантская нетерпимость, лишенная логических оснований суровая мораль. Этим недостаткам авторы противопоставляли примат духовного. Они провозглашали необходимость подвести под концепцию мира метафизические и религиозные основания. С другой стороны, они развенчивали революционный апокалипсис и вновь говорили о прогрессе в истории. Это категорическое отстранение от традиционной миссии *интеллигенции* произвело впечатление предательства. «Вехи» стали эпохой, возбудили длительную полемику. За шесть месяцев пришлось пять раз допечатывать тираж.

2. Религиозно-философское общество. В 1906–1907 годах, пользуясь дарованными свободами, возобновились прежние религиозно-философские собрания, но теперь в рамках постоянных организованных Обществ, и не в одной только столице, но также в Киеве и Москве. До самой революции они играли очень значительную роль, и, хотя цели и темы весьма походили на те, что были в 1902–1903 (дух и тело, Церковь и современное общество, христианство и искусство, брак и непорочность, Евангелие и язычество, Церковь Петра и Церковь Иоанна), позиции стали отличаться большим реализмом, приблизившись к «исторической церкви».

В Санкт-Петербурге Общество было основано Бердяевым и с 1907 года проявляло большую активность. Особые сенсацию и скандал произвела речь Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». Лучше, чем прежде, расположенный к Церкви (он только что опубликовал два толстых сборника «Около церковных стен»), примиряющей Христа с жизнью, он того же хотел и от самого Христа. Это Иисус привнес в жизнь горечь, не признавая иного добра и красоты, кроме страдания и смерти. Если Иисус — Бог, то мир — творение демона; если же мир есть творение Божье, то Иисус — демон. Бердяев в ответ упрекал Розанова в том, что, играя со смыслом слова «мир», тот отказывается видеть, что Христос в мире осуждал одно только зло; Розанов же обожествляет мир, тогда как следовало бы его возвышать; он грешит натуралистическим пантеизмом; напрасно публика позволяет гипнотизировать себя этой ложной дилеммой: Христос или мир. После отъезда Бердяева в Москву главным деятелем Общества стал Мережковский с Вячеславом Ивановым.

Московское Общество было посвящено Владимиру Соловьеву, что указывало на его ориентацию в православном ключе. В 1910 оно объединяло крупнейшие в русской мысли имена: Бердяев, Булгаков, Франк, профессор университета князь Евгений Трубецкой, а также тех, с кем связы-

вались лучшие надежды: Свенцицкий, блестящий оратор; Владимир Эрн, плодовитый писатель и рано развившийся философ; Павел Флоренский, разом математик, физик, поэт, философ, после университета отправившийся в Духовную Академию изучать отцов Церкви. Последние трое в 1905 были активистами «Христианского братства борьбы»; теперь они направили свои таланты и пыл на службу православию. Все трое уже имели труды, но теперь дали самые блестящие свои произведения. Иные направления представляли приезжавший выступать в Москву Мережковский, Андрей Белый, Степун. Президент Общества Рачинский, переводчик Лукреция, блестящий говорун, хотя и неровный, был дилетантом в философии. Общество проводило регулярные собрания с сотней присутствующих в особняке Маргариты Морозовой, очень культурной наследницы семьи либеральных купцов, среди икон, картин Врубеля и бронзы в стиле ампир; более широкие собрания происходили в общественных местах и обеспечивали ораторам широкую аудиторию.

3. Р сширение публики и кругозор . С 1907 московские философы получили в свое распоряжение большой ежемесячный литературно-политический журнал «Русская Мысль», прежде издававшийся и одушевлявшийся Струве. До самого исчезновения в 1918 году, каждый его выпуск содержал подписи кого-то из них, как и писателей-символистов Брюсова, Мережковского, Гиппиус. Он обладал издательством, в 1910 осуществившим переводы «Опыта о непосредственных данных сознания» Бергсона и «Многообразия религиозного опыта» В. Джемса; в 1911 — «Речи о религии» Шлейермахера, в 1912 — «Философии греков в ее историческом развитии» Эд. Целлера.

Основанное Маргаритой Морозовой издательство «Путь», помимо оригинальных русских произведений, специализировалось на переводах католических трудов. Эта новая тенденция, ставшая возможной с либерализацией режи-

ма, означала также существенное расширение кругозора мыслителей. Руководители «Пути» свободно заявляли о желании служить «призванию России воплотить в мысли и в жизни универсальный христианский идеал». Вышли в свет и неизвестные прежде русской публике «Русская идея» и «Россия и Вселенская церковь» Владимира Соловьева; «История древней церкви» Дюшена; «Хозяйственно-этические взгляды Отцов Церкви» Зейпеля; «Догмат и критика» Эдуара Леруа. В 1912 в издательстве готовились «Исповедь» святого Августина и «Мысли» Паскаля.

В издательстве «Мусагет» отдел под именем серии «Орфей» помещает в своем каталоге на 1912 год изданные или готовящиеся к изданию переводы «Гимнов Орфея», «Фрагментов» Гераклита Эфесского, «Наставлений [Проповедей и рассуждений]» Мейстера Экхарта, «Одеяния духовного брака» Рэйсбрука, «Авроры» Я. Беме; Сведенборга, Новалиса, Вагнера («Парцифаль»). Так происходит ознакомление с греческой и германской мистикой, несмотря на то, что здесь же анонсируются «Цветочки» святого Франциска.

За всем этим отнюдь не забыты и пребывавшие ранее в забвении отечественные мыслители. «Полное собрание сочинений» Вл. Соловьева, выпущенное сначала Радловым в 1902–1907, переиздается с 1911 по 1914 в десяти томах, к которым в 1908–1911 добавляются еще три тома писем. Гершензон в 1913–1914 публикует два тома сочинений и писем Чаадаева, в 1912 — сочинения славянофила И. Киреевского. Тексты сопровождаются монографиями. В 1908 г. Гершензон написал биографию Чаадаева, в 1909 на страницах «Русской Мысли» оправдывал Гоголя как пророка социально-деятельного христианства, в 1910 обрисовал мученическое лицо Печерина. В 1912 в «Пути» вышли очерки Бердяева о Хомякове, Эрна об оригинальном украинском мистике XVIII века Сковороде, С. Аскольдова о его отце А. Козлове, типичном метафизике последней трети XIX века, чрезвычайно занятом отношением Бога и мира; появились сбор-

ники статей о Соловьеве и о религии Толстого. Эти работы были написаны в духе объективизма, далекого от всяких политических или даже узко-конфессиональных предпочтений. К ним следует добавить два толстых тома «Миросозерцания Вл. С. Соловьева» князя Евгения Трубецкого (1912), помимо критического изложения, содержавших изложение оригинальной концепции отношений абсолюта и мира, в которой свойственные Соловьеву элементы пантеизма были исправлены в православном смысле.

То обстоятельство, что подобные публикации оказались возможны, означает, что способная их воспринимать элита в годы накануне 1914-го была уже значительна.

4. Возвр щение к ре лиям. Тенденция религиозных мыслителей, о которых мы говорили, может быть охарактеризована как возврат к историческим реалиям: Государство, Нация, Церковь. Но каждый из них сохранял оригинальность, свободу мысли, смелость оценок и исследований.

Мережковский при всяком случае напоминает, что христианство провалилось из-за отрицания телесного и радости жизни, к тому же миссия его состояла лишь в том, чтобы подготовить пришествие третьего откровения, соединения в Духе — Старого и Нового Завета, радости и боли. Эрн же, в противовес ему, прямо запретил «историческую церковь». Но Мережковский после 1911 г. старался взять за отправную точку своих построений истинность Воскресения Христова. Розанов, не отказывавший себе богохульствовать против «Темного лика» христианства» (1911), предавать позору «Людей лунного света» (1913) и совершать завуалированные выпады против правительства, тем не менее все более сближался с консервативным «Новым Временем» и признавался в «Опавших листьях»: «Конечно, я умру *все-т ки с Церковью*, конечно, Церковь мне *неизмеримо больше нужн , чем литер тур* ... и *духовенство все-т ки всех* (сословий) *милее*». Во время путешествия в Италию он узнал и оценил основательное устройство католической церкви.

Булгаков работает над созданием православной философии, возвышая Космос до Бога. Это возвышение делается возможным потому, что мир, хотя он пока еще мучим становлением, противоречиями, экономикой, то есть хаосом, но все же в сущности своей оживлен Софией Премудростью Божией. Человек есть демиург, призванный через свою свободу воплотить эту мудрость, ведя мир к цели, указанной Провидением. Благодаря причастности к Божественной Мудрости человек может познавать внешний мир. Наука, техника, экономика являются божественным полем, где человек исполняет Божье творение. Эти идеи были изложены в 1912 в полной свежести и вдохновения книге «Философия хозяйства».

Но любопытнее всего эволюция Бердяева. Он теперь пришел к приятию нации в ее полноте и исторической длительности: именно в истории посредством Государства постепенно реализуется истинная свобода, сознающая свою ответственность. Больше нет речи о «новом религиозном сознании», соединяющем Человекобога и Богочеловека и пренебрегающим Церковью. Бердяев защищает от Мережковского аскетов Исаака Сирина и Серафима Саровского; он возражает Розанову, что нужно не погружать Церковь в чувственный натурализм, но освободить ее от пережитков язычества. Иерархическая Церковь не без недостатков, но эти недостатки от человеческого, а святость ее пребывает. Она не есть предел всего, ибо предел религии — Бог, милосердие, мировое священство; но она есть средство его достижения. Единственное условие — чтобы в Церкви творческая жизнь возобладала над формой, пророческий дух — над священством, всеобщая истина — над национальной узостью: храм Божий возводится непрестанно. Таким образом установится свободная теократия, осуществится религиозное возрождение, к которому движется мир. 15 августа 1909 Бердяев послал архиепископу Антонию открытое письмо, где говорил: «Сложными и извилистыми путями пришел я к вере Христовой и к Церкви Хри-

стовой, которую ныне почитаю своей духовною матерью». Далее он заклинал Церковь не возмущать своих интеллектуальных сынов компромиссами с властью. В 1910 он упрекал Андрея Белого, что в романе «Серебряный голубь» тот сделал уступку языческой прелести и болезненному натурализму суеверий и народных сект. Он излагал свои новые взгляды в 1910 в сборнике статей «Духовный кризис интеллигенции» и в 1911 в «Философии свободы». Он возвращался к идеям Вл. Соловьева и, как мы узнаем из его «Самопознания», испытал влияние православного теолога Виктора Несмелова, двухтомник которого «Наука о человеке», переизданный в 1905 и 1907, был «философским оправданием христианства».

В конце 1913 года появилась книга отца Павла Флоренского под заимствованным из святого Павла заглавием «Столп и утверждение истины», с подзаголовком «Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах». Часть ее он напечатал в «Вопросах религии» в 1908, еще будучи мирянином. Флоренский толкует о «живом религиозном опыте, единственном законном средстве постижения догм». Через него человек познает истину не как абстрактную формулу, но как реальность. Тем не менее истина, которую мы можем постичь здесь, в этом мире, лишь частична: разрешение противоречий (единство сути и троичность ипостасей, предопределение и свобода выбора) дано нам лишь в «некоторых моментах возвышенных видений, точках духовной полноты, проблесках совершенного знания». Благодаря соучастию в божественной силе для нас становятся возможны дружба, любовь, переживание красоты вещей и душ. Вся вселенная объединена неделимым четвертым элементом, Софией, проявления которой множественны: материя, разум и духовность тварного мира; Тело Иисуса Христа; Церковь; Непорочность; Мария. Таковы некоторые идеи системы, вскормленной неоплатонизмом, греческими отцами и соловьевством, при этом значительно переосмысленной, опирающейся по мере надобности на оккультные, фольк-

лорные, филологические, иконографические, математические данные с частыми лирическими отступлениями. Эта метафизика, повенчанная с теологией, была стилизована в «декадентской» манере, но основывалась на глубоком религиозном чувстве онтологического единства Бога со всем сущим в мире. Книга имела огромный успех, переживший и войну, и революцию. Хотя она не была первоисточником софиологических идей, элементы которых были уже у Соловьева, но она впервые дала им оформление. Испытавший сильное влияние молодого теолога Булгаков выстроил их в законченную систему.

5. Пр восл вн я мысль. Упомянутые авторы — даже Флоренский, ставший в 1911 священником, — были не без иронии прозваны «светскими теологами». Но и в самой Церкви давало себя знать обновление мысли. Несмелов, профессор Казанской духовной академии, говоря о Святом Григории Нисском, дал набросок христианского экзистенциализма, увенчавший в 1913 последнюю книгу «Вера и знание». Тареев, профессор нравственного богословия в Московской [духовной] академии, в своих четырехтомных «Основах христианства» выстроил настоящую христианскую философию. В центр своей системы он поместил духовный опыт; но он видел решительное противоречие между миром благодати и безразличным к нравственным ценностям природным миром и человека, раздираемого этими двумя сферами. Прогресс будет состоять в «свободном сочетании религиозного духа и земной жизни с ее радостями и горем».

Митрополит Антоний Храповицкий представлял Церковь как место, где свобода каждого индивида согласуется с метафизическим единством бытия. Все эти концепции роднятся с концепциями светских теологов старанием объяснить человека, воспользоваться опытом в поисках возрождения и крайней свободой, с которой они фигурально и символически интерпретируют догмы и таинства. Даже митрополит Антоний, говоря об Искуплении, отверга-

ет не только «правовое» понятие удовлетворения, но также и понятие жертвенности и признается в желании «превратить всю теологию в моральный монизм». Диссертация о Воскресении в 1908 произвела скандал. В догматической теологии проявилась «модернистская» тенденция.

Можно говорить об аналогичной тенденции в нравственном богословии, после того как в 1911 профессор Киевской академии В. Экземплярский обвинил официальное образование в стремлении затушевать противоречие между требованиями Евангелия и существующей практикой христианского общества и объявил Толстого наследником доктрины святого Иоанна Хризостома о живой ценности учения Христа. Экземплярский был лишен кафедры, но до 1917 продолжал распространять свои идеи в журнале «Христианская мысль».

Вне академий православное возрождение проявлялось в более традиционных формах. Обращенный бывший толстовец М. Новоселов, издатель «Библиотеки религиозной философии», популяризатор и ученый, был центром группы, трактовавшей религиозные проблемы ближе к славянофильству, нежели к Соловьеву, которого они упрекали в гностическом и католическом уклонах. Но, как отмечал Бердяев, обратившиеся к Церкви интеллектуалы уважали ее иерархов меньше, чем старцев, своих духовных наставников, приверженных не столько доктрине, сколько мистике.

Практически значительная часть церковной мысли после 1905 была занята организационными вопросами: реформами прихода, образования, отношений белого и черного духовенства, и особенно реформой руководства — освобождением от государства, созывом собора и заменой Святейшего Синода избранным патриархом. Последняя реформа оказалась единственной, осуществленной перед большевистской революцией.

6. Неок нти нские философии. История русской философии должна коснуться и доктрин, исходящих от иных лю-

дей, не тех, о ком мы до сих пор говорили. Те были мыслителями, но также и писателями, публицистами, участниками политических и социальных движений; эти же являлись замкнутыми профессионалами. Они не входили в какое бы то ни было течение русской мысли; о них следует сказать по причине их собственной ценности. Они принадлежали неокантианству баденской и марбургской школ, а также школы Гуссерля, но переиначивали гносеологический идеализм в онтологизм, признавая, что хотя бы некоторые знания могут быть получены посредством интуиции.

Николай Лосский, родившийся в 1870 г., написал пока еще только «Обоснование интуитивизма» (1906) и «Введение в философию» (1914). Он полагал, что человек мгновенно охватывает и объекты реальности, и вечные идеи в их исходной чистоте. Это возможно благодаря существованию универсального сознания, объемлющего всех носителей разума. Лосский является отцом интуитивизма. Семён Франк, переводчик Канта, в 1912 показал роль интуиции у Бергсона; его собственные работы появятся позже.

С Кантом же связывала себя и русская редакция международного журнала «Логос». Она состояла из ученика Риккерта Сергея Гессена и Степуна, воспитанника Виндельбанда, который воздерживался от осуждения религиозной тенденции русских мыслителей, но требовал от них, прежде чем философствовать, обучиться философскому ремеслу, ибо, как говорил Гуссерль, философия — это наука. [Журнал] «Логос» придерживался рационализма, равноудаленного и от позитивизма, и от мистицизма. Он был антитезой «Пути». В противовес ему, Логосу *ratio* западного мира, уводящему от реального мира и быстро приводящему к схематизму, Эрн воспевал Логос Востока, отблеск божественного Слова; первый проистекает от механической цивилизации, второй — от истинной культуры. Таково содержание его сборника «Борьба за Логос» (1911). Это было начало нового славянофильства.

Совершенно в стороне держался Шестов (1866–1938). Он опубликовал с 1898 по 1912 шесть замечательных эссе, где,

рассуждая о Шекспире, Толстом, Ницше и других сюжетах, он красноречиво защищает индивидуальное от абстрактного. Весь экспериментальный рационализм, вся мораль, вся метафизика есть ложь. Как и его противники неокантианцы, он не создал школы.

2. Эстетические тенденции

1. Общие х р ктеристики. Как и в философской мысли, в эстетических тенденциях после 1908 г. заметны поиски более солидного основания, в текущих или прошлых русских реалиях, либо в псевдонаучных исследованиях формы. Символизм существует, но оспаривается, видоизменяется, появляются конкурирующие школы. Круг интересующейся высокой литературой и искусством публики в общем продолжает расширяться.

Интерес к современной западной живописи проявляется в успехе выставок, активности коллекционеров, умножении числа журналов. Русская живопись, благодаря готовности к контакту приобретшая гибкую и богатую технику, достигла апогея с трагическим и гениальным Врубелем (умершим в 1910), портретистом Серовым (умершим в 1911), выставку которого в Санкт-Петербурге за месяц посетило 40.000 зрителей. Мистичный Нестеров, варварский Рерих обратились к русской истории. Широкий вкус в соединении с возрождением религиозного чувства позволил совершить открытие искусства Московии: икон и фресок. Им с 1914 был посвящен журнал «София».

В музыке Скрябин (умерший в 1915) был сродни символистам, тогда как впервые выступивший в 1909 г. Прокофьев представлял реакцию классицизма на эстетизм, философию, мистицизм. В театре — Комиссаржевская (умершая в 1910), идеальный интерпретатор символа, мистического чувства, внутреннего диалога в пьесах Ибсена, Г. Гауптмана, Метерлинка, О. Уайльда. Общая театральная тенденция, после большой борьбы Мейерхольда против реализма

Художественного театра и Станиславского, состояла в синтезе двух крайностей, символизма и натурализма. Исторические пьесы Островского имели огромный успех, а Шаляпин с триумфом выступал в «Борисе Годунове».

В литературе сохранялся большой интерес к Стриндбергу, в связи с его смертью в 1912-м, и Пшибышевскому, многократно переводившемуся и игравшемуся. Но усилилось увлечение классической древностью: Вячеслав Иванов продолжает открывать тайны греческой трагедии; Кузьмин использует александрийский стих; Брюсов в 1910 переводит темного латинского поэта V века. Когда в ноябре 1909 смерть Иннокентия Анненского привлекла внимание к этому малоизвестному отцу символизма, оказалось, что он оставил завершенный перевод Еврипида. Все, вплоть до заголовков новых журналов, было под античным влиянием. Античность понималась теперь как ясность, легкость, совершенство формы.

2. Группировки. В Москве интеллектуальная элита имела свой очень активный клуб — «Литературно-художественный кружок», куда без права решающего голоса была принята верхушка деловых людей, прессы и адвокатуры. Доход приносили игра и банкеты, но были и вечера музыки и пения, а главное, по средам собрания с дебатами. Там с начала века спорили классики и декаденты, затем реалисты и символисты, потом символисты, акмеисты, футуристы, позже имажинисты, кубисты... Для вынесения вердикта тому или иному произведению или стихотворению устраивались инсценировки с прокурором, адвокатами и судьями. Вели собрания актер Сумбатов-Южин, после него поэт Брюсов. В просторных залах кружка собиралась более тесная группа, «Общество свободной эстетики», нечто вроде лаборатории новых идей. Это туда приглашались для изложения их взглядов, к примеру, Верхарн, Матисс, Маринетти. Другим местом собраний был «Дом песни», организованный М. А. Д'Альгейм и бароном Д'Альгеймом. Там бывали литераторы А. Белый и Эллис,

философ Шпет, музыканты Гольденвейзер и Конюс, мистик Петровский. Из него вышел издательский дом «Мусагет», основанный в 1909 Эмилем Метнером, братом композитора, увлекавшимся литературой, мистикой, русской и немецкой философией. «Мусагет», за исключением отделов «Орфей» и «Логос», посвящался символизму: Андрей Белый, Эллис, Блок, Садовский, Гиппиус, Сергей Соловьев. С 1912 он приступил к изданию двухмесячного журнала «Труды и дни». Журнал имел свою позицию: русский символизм считался отныне связанным с западным лишь «частично и формально», напротив, подчеркивалось его «близкое и органичное родство» со всем лучшим в русской поэтической традиции; с другой стороны, журнал стремился включиться в систему цельной культуры, охватывающей мысль и действие и увязанной с абсолютными истинами. Журнал был труден, до 1914 вышло всего девять выпусков, расходившихся плохо. «Мусагет» был не столько коммерческим предприятием, сколько школой обновления символизма, ученых поисков, экскурсов в область гностицизма и антропософии под руководством В. Иванова и А. Белого.

В Санкт-Петербурге тот же Иванов подвизался в «Обществе ревнителей художественного слова», основанном в конце 1909, играя там роль ментора и идеолога, как прежде в его Башне в 1903-м. Молодым он давал советы; обо всем откровенно высказывал свое веское суждение. Эта группа в просторечии звалась Поэтической академией. Она была связана с новым журналом, основанным в октябре 1909-го Сергеем Маковским, — «Аполлоном». Он явно продолжал «Весы», но в более роскошном издании, более широком обзоре всех искусств, с еще более прозападной тенденцией и с поэзией самых эклектичных концепций. Старые и молодые символисты сотрудничали в нем со сторонниками новых школ, в первую очередь с акмеистами.

3. Блок и Белый повор чив ются к России. Материальные неурядицы, моральные потрясения, обманутые иллюзии,

беспокойство о будущем грубо требовали даже от поэтов внимания к реальному миру, к России. Это чувство к 1908 утвердилось у лучших представителей символизма. Блока раздражают мистические искания, «вечера свободной эстетики», тогда как «на улице ветер дует, проститутки мерзнут, люди голодают и их вешают». Он испытывает ужас одиночества и хочет «слиться с народной душой и общественной деятельностью». Он прислушивается к народу, «все чаще вслушиваюсь в этот голос, — пишет он другу, — от которого все мы, интеллигенты, в большей или меньшей степени отделены голосами собственных душ». В то время как интеллигенция охвачена чем-то вроде воли к смерти, народ несет в себе «извечную волю к жизни». И, будучи поэтом, Блок ищет символ этой трагической оппозиции в истории: им становится знаменитая битва, в которой московиты впервые победили монгол в 1380 году. Летом 1908 г. он пишет великолепные стихи «На поле Куликовом», где все символично: лагерь князя Дмитрия Донского — это русский народ, а «языческая орда» — интеллигенция. Теперь Россия — воплощение Прекрасной Дамы, и Блок воспевает ее в и других стихах 1908–1910: овраги и ветра, разбойничья краса, «лес, да поле, да плат узорный до бровей», полет журавлей и воронов, песни каторжан, грустные деревни и дальние огни.

Тема «Россия и интеллигенция» настолько его занимает, что он выступает с ней на собраниях Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества 13 ноября и 12 декабря 1908. Между Россией и интеллигенцией есть «недоступная черта»: последняя, бросаясь в народные объятия, «наталкивается на усмешку и молчание», а вскоре может стать и того хуже. Ибо молчание подходит к концу: «тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом». Эти два выступления вызвали яростные отклики во всех лагерях. Несколько дней спустя, 28 декабря, произошло землетрясение, потрясшее Калабрию и разрушившее Мессину: поэт ощутил, как природная катастрофа приобрела значение символа.

Цивилизация также лишь тонкая и хрупкая корка; внизу кипят примитивные силы, готовые к мщению. На третьем заседании 30 декабря он развивает эту идею и заключает: «Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа».

Это была тревога за судьбы цивилизации, России, Санкт-Петербурга — города колдовского, неосязаемого, прозрачного и парадоксального — служащего фоном поэмы «Возмездие», которую Блок начал после смерти своего отца в 1910 и не закончил.

В 1908 Андрей Белый издал свой сборник «Пепел», череду безнадежных стихов о России, голодных деревнях, мертвых городах, «жестоких, желтых очах безумных кабаков»:

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Знаменательно, что сборник был посвящен Некрасову, поэту-народнику, и в предисловии были такие строки: «Да, и жемчужные зори, и кабаки.. и надзвездная высота, и страдания пролетария — все это объекты художественного творчества... То и другое... символы некоей реальности,... разрушения и смерти патриархального быта...».

В 1909 он поместил в последних номерах «Весов» свой первый роман «Серебряный голубь». Рафинированный интеллигент погружается в народ, связывается с мистической сектой и в этой безнадежной авантюре находит смерть. Так первобытное берет верх над интеллигенцией. В этом замечательном произведении по части формы автор остается верен символистским принципам и собственной манере, своему художественному стилю. Но, несмотря на атмосферу миража, оккультного, ирреального, безумного, в которую он нас переносит, речь идет о современных русских реалиях: упадок дворянства, «малая революция» 1905, двойная

игра полиции, нравственное разложение деревни, дерзкая, почти животная сила народа.

В 1910, выпуская «Серебряного голубя» отдельной книгой, А. Белый объявил, что он станет первым томом трилогии «Восток или Запад». Действительно, в 1913–1914 в альманахе нового издательства «Сирин» появляется «Петербург». Это большой роман, в котором видна вся сложная и страдающая личность автора, сложный по композиции и умело написанный, вскормленный символизмом и даже теософией, но тема которого тем не менее — русская революция и Петербург. Только речь идет не о фактах, а о том, что скрыто за ними, сущности, душе революции. Два героя, отец и сын, один реакционер, другой революционер, одновременно являются носителями космической идеи, универсального нигилизма, предчувствованного Вл. Соловьевым «панмонголизма», угрожающего арийской России. Исход битвы еще неясен: «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, — брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет — Цусима! Будет — новая Калка!.. Куликово Поле, я жду тебя!... Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега ... земнородные существа вновь опустятся к дну океанов — в прародимые, в давно забытые хаосы... Встань, о, Солнце!»

И для Блока, и для А. Белого одновременно происходит один и тот же брак реальности с символом, им свойственна одинаковая, символическая, но живая интерпретация текущих событий. Для обоих эти события слишком тяжелы. Белый ищет выход в путешествиях, в антропософии Рудольфа Штейнера. Он едет к метру в Дорнах, в Швейцарию, в ноябре 1912 и не возвращается до 1916. Блок тоже путешествует, увлекается боксом, агрикультурой, детективными романами: они «ближе к Данте, чем... Валерий Брюсов» (матери, 21 февраля 1911). В январе 1913 он заканчивает драму

по мотивам легенд трубадуров, «Розу и Крест», и отправляется в путешествие.

4. Ремизов. В прозе символизм представлял такой писатель, как Алексей Ремизов, он принадлежал к поколению Блока и Белого, но первую свою книгу издал только в 1907. Но и это был символизм, внушенный русскими реалиями: Ремизов перелагал «Русские народные сказки», легенды и доцерковные апокрифы, своим искусным стилем рассказывая об обычной жизни маленьких городков (как в «Повести о Иване Семеновиче Стратилатове», «Пятой язве») или столицы («Крестовые сестры»). Символизм проявлялся попытками обновить роман, разного рода элементами фантастики, лирики и таинственного, а проза изобиловала тщательно подобранными выразительными средствами: словарь, синтаксис, ритм, звучность. Этой техникой Ремизов сродни Белому, но напоминает в то же время Лескова.

5. Кризис символизм . Таким образом, Блок и Белый практически подчинили символизм нуждам момента. Но они продолжали отстаивать его принципы, причем несогласно друг с другом. Здесь были и распря между Петербургом и Москвой, и личное непонимание между людьми. В 1907 Белый утверждал, говоря о Комиссаржевской, что символизм в театре невозможен, ибо настоящая символистская драма отринет сцену, разделяющую актеров и зрителей; она будет таинством, то есть отрицанием театра. В марте 1910 Блок заявил на вечере в память Комиссаржевской, умершей на гастролях 10 февраля: «Искусства вне символизма в наши дни не существует. Символист есть синоним художника».

Кризис символизма заявлен, дискуссия оживляется, поначалу в Санкт-Петербурге. Четвертый номер «Аполлона» в январе 1910 открывался статьей оригинального и талантливого поэта Михаила Кузмина «О прекрасной ясности», призывом к порядку, логике, экономии средств, чистоте

языка, одним словом, «тому, что я называю кларизмом». В марте В. Иванов ответил двумя речами в «Обществе ревнителей», изложенными затем статьей «Аполлона»: корень символизма в бытии перед лицом дневного мира ясных идей — мира ночного сущностей, посредством которых человек входит в единство со вселенной. Через символы поэт, посредник между человеком и Богом, теург, ищет выражение космических тайн. 8 апреля Блок в том же Обществе объявил о своем согласии с Ивановым. После чего В. Брюсов в июльском «Аполлоне» возразил, что «настаивать, чтобы все поэты были непременно теургами, столь же нелепо, как настаивать, чтобы они все были членами Государственной Думы»; поэт должен быть поэтом, а поэзия — поэзией, и ничем иным, истинный символизм никогда не претендовал быть чем-то иным, помимо искусства.

6. Акмеизм. Пока развертывались споры между толкователями символизма, тем временем нарождалась новая школа, ведомая молодым поэтом, полным силы и оптимизма, начинавшим в качестве ученика Брюсова, — Гумилевым (1886–1921). По его мнению, искусство существует не для жизни; существует оно также и не для себя самого. В первом случае оно было бы солдатом или проституткой, во втором — лунатизмом. Рождаясь из реальной жизни, оно через свое совершенство обращается к жизни «как равный к равному». «Возникает эра эстетического пуританизма... Поэт должен возложить на себя вериги трудных форм... или форм обычных, но доведенных в своем развитии до пределов возможного... во славу своего Бога, которого он обязан иметь». В. Иванов нашел название для новой школы: акмеизм, от греческого акмэ — точка, совершенство. Акмеизм делал ремесло из искусства поэзии: принадлежавшие к нему поэты образовали «цех», в котором Гумилев был мастером. Во время собраний разговор шел только о поэзии, каждый читал свои произведения и представлял их на общее суждение. Дать русской поэзии психологизм

Шекспира, «мудрую физиологичность» Рабле, жизненную полноту Вийона, безупречные формы Теофиля Готье, — таковы были претензии, заявленные Гумилевым в статье «Наследие символизма и акмеизм» в первом номере «Аполлона» 1913 года. Это был манифест новой школы. К ней уже принадлежали молодые поэты Анна Ахматова, Мандельштам, Городецкий, Ходасевич. Первый цех продержался с 1911 по 1916. Со многих точек зрения, акмеизм был возвратом к классической строгости.

7. Футуризм. В то же время к 1910 году в Россию проник футуризм, основанный в 1909 Маринетти в Италии. В Санкт-Петербурге был эгофутуризм Игоря Северянина, а в Москве — кубофутуризм Хлебникова и Маяковского. Первый проповедовал «всесильный эгоизм», аморализм, презрение к женщине, все это с иностранными словами, вульгарными или сочиненными, и оставался очень поверхностным и лишенным влияния. Второй, напротив, заявлял, что «слово выше смысла», разбивая синтаксис, отменяя слова, бряцая грубыми выражениями и провоцируя возмущение публики, имел больше глубины и отзвука.

Футуризм в лучших своих проявлениях развивал три тенденции. Во-первых, как декларировал Маяковский во время своего турне по России в январе 1914, «поэзия футуризма — это поэзия города, современного города... Город заменяет природу и стихию. Город сам становится стихией... Телефоны, аэропланы, экспрессы, лифты, ротационные машины, тротуары, фабричные трубы... — вот элементы красоты в новой, городской природе... Плавные, спокойные, неспешащие ритмы старой поэзии не соответствуют психике современного горожанина... углы, изломы, зигзаги — вот что характеризует картину города. Поэзия... должна соответствовать новым элементам психики современного города...». Затем, в противоречие сказанному, футуризм есть протест против механической цивилизации, стремление к упрощению, к дикости: сборники стихов пе-

чатаются на оберточной бумаге, под названиями вроде «Дохлая луна», «Идите к черту!». Манифест группы в декабре 1912 назывался «Пощечина общественному вкусу». Маяковский выступал, одетый в широкую желтую блузу. Он писал: «Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок». Или: «я — озноенный июльский тротуар, а женщина поцелуи бросает — окурки!». Наконец, футуризм проклинал прошлое: Пушкин, Толстой, Достоевский должны быть «брошены с Парохода современности». Все надо переделать, даже язык: поэт, как Адам, всякой вещи дает имя; только в слове, а не в его значении, заключена поэтическая сила, его «звучащая материальность». Мастером в этом ремесле останется Хлебников. Итак, футуризм хотел участвовать в создании завтрашней вселенной.

III. Период войны (1914–1917)

1. Жизнь продолж ется. Война, захватившая Россию в разгар экономического и финансового процветания, политического и социального прогресса, на интеллектуальном взлете, поначалу ничего не изменила. Религиозно-философские общества не перестали собираться и спорить на прежние темы. Издательство «Путь» публиковало писания Анны Шмидт, забавного провинциального мистика-самоучки, которую В. Соловьев находил гениальной, и существенные работы В. Эрна о Розмини и Джоберти. «Русская мысль» выходила регулярно, со статьями Булгакова, Бердяева, Струве, Франка и прочих. Православная мысль продолжала осовремениваться, о чем свидетельствовали публикации Академий, особенно московского «Теологического вестника». Философия чисто идеалистической направленности примерно в то же время выдала самые значительные труды: Вышеславцев в 1914 выдал эпохальную объемную диссертацию о Фихте; Франк издал свой главный труд «Предмет знаний» в 1915, который в 1917 продолжило «эссе о введении в философскую психо-

логию» — «Душа человека». «Вопросы философии и психологии» в 1915 выпустили самую интересную из работ Н. Лосского «Мир как органическое целое». Новгородцев в 1917 опубликует свою книгу «О социальном идеале», развивающую очень реалистическую философию, согласно которой социальный идеал не может быть абсолютным совершенством (поскольку антиномия личность-общество на земле неизбежна), и гарантии личности может дать лишь самая широкая свобода.

В литературе сохранялись существовавшие направления. Блок позже запишет в дневнике: «Если меня спросят, “что я делал во время великой войны”, я смогу, однако, ответить, что я делал дело: редактировал Ап. Григорьева, ставил “Розу и Крест” и писал “Возмездие”». Действительно, он продолжал поэму, откуда весь символизм испарился в пользу автобиографичности, и опубликовал «Пролог» и первую ее часть в «Русской мысли» в январе 1917. Он руководил с 23 марта 1916 по 13 декабря 1918 репетициями в Художественном театре своей пьесы в средневековом бретонском стиле. В 1915 он выпустил шестнадцать томов сочинений и том стихов единственного не позитивистского критика середины XIX века. Весной 1916 второе издание его поэтических произведений в трех томах исчезло за несколько часов, а его «Театр» — за две недели. Сологуб за время войны написал и опубликовал большую часть своих произведений.

Символисты с их мистическим мировоззрением были особенно чувствительны к мировой катастрофе и обеспокоены судьбами России: «темные года», «страшные годы России», «безумие или знак надежды?» — писал А. Блок. Чем дольше длилась война, с ее бедами и варварством, тем больше он мрачнел:

Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?
(март 1916)

Акмеисты, напротив, посреди войны были в своей стихии. Простые чувства наконец затмили претенциозные сложности; «литература быстро прошла через волну гордой храбрости, через сдержанно-радостный энтузиазм» — констатировал Георгий Иванов в первом номере «Аполлона» за 1915 год. Журнал между тем сохранял свои 4000 подписчиков. Гумилев поступил в гвардейские гусары. Певец «Тропы конкистадоров», «экваториального леса» и африканских охот принял войну с ликованием. Он воспевал «штурм», «смерть» в пятом своем сборнике «Колчан» (1916), может быть, лучшем. Он даже повоевал, в отличие от других членов интеллектуальной элиты.

Футуристы поначалу радостно включили свои крикливые голоса в хор официального патриотизма. Эгофутурист Игорь Северянин взывал: «Тогда ваш нежный, ваш единственный, Я поведу вас на Берлин!» Маяковский рисует лубочные картинки с грубыми подписями и сочиняет плакаты против Вильгельма, Германии, Австрии, ставит «слово, как сапоги, на службу солдату», воспевает «голосище — пушечный залп», проклинает Тургенева и Бальмонта, провозглашает поэзию, способную «направлять пушечный снаряд» и желает России «диктовать одряхлевшему Западу [русскую] волю». Это все в 1914 году, ибо позже у него начинают преобладать ноты социального протеста. Среди футуристов вернувшийся из Марбурга Борис Пастернак публикует первые свои стихи.

От футуризма взяло начало новое направление — имажинизм. Он появился в 1915 году в Санкт-Петербурге в любопытном сборнике, озаглавленном «Стрелец», где сотрудничали вместе футуристы Маяковский и Хлебников, символисты Блок и Сологуб, оригинал Ремизов. Одна из статей этого сборника, об английских футуристах, сообщала, что они зовут себя «имажинистами», потому что «их усилия сосредоточены на образах, простейшем элементе, пигменте поэзии». И в 1916 футурист Шершеневич, предавая поруганию Пушкина, Блока и Гете, заявил: «Про-

грессивная мысль растворяет смысл в образе... Слово — конец в себе, и не в слове содержание, а в образе... Я по преимуществу имажионист. Т. е. образы прежде всего».

2. Неосл вянофилы. Перед религиозными умами война ставила вопросы, неведомые прежде визионерам символизма и приверженцам акмеизма или футуризма. Следует ли признать, что интересы России оправдывают сами себя, или же они остаются подчиненными моральному закону? Чтобы разрешить дилемму, старались связать национальное дело с моральным или религиозным идеалом, из чего следовало желаемое обоснование.

Так В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» силился доказать невинность своей страны ссылкой на мирный характер русского народа: «Вся русская история есть тихая, безбурная... Все русское состояние — мирное, безбурное... “Русские люди — славные”». Исходя из этого, он теперь оправдывает и официальное православие, и самодержавие. Популярный издатель в сотрудничестве с известными мыслителями выпустил серию брошюр под названием «Война и культура». В одной из них, «Град София», С. Дурылин в сентябре 1915 возвращается к идее Достоевского: «Константинополь должен быть нашим», — и соотносит ее со старой формулой «Москва — третий Рим» и тезисами Флоренского-Булгакова: поскольку Москва является наследницей софического труда Византии, она и должна войти в Святую Софию во главе православных народов. Тому же посвящены и брошюры князя Евгения Трубецкого «Национальный вопрос. Константинополь и Святая София», «Война и мировая задача России», «Отечественная война и ее духовный смысл». Были поставлены на службу старые славянофильские темы: гнилой Запад, добродетели русского народа, превосходство православия, миссия России. Эрн усматривал глубокую связь между критическим рационализмом и механической цивилизацией («От Канта к Круппу»). Булгаков убежден, что «на России лежит ужа-

сающая ответственность за духовную судьбу человечества» и что для нее сейчас «крест и меч суть одно».

3. Бердяев. Всегда оригинальный и плодовитый, Бердяев во время войны опубликовал множество статей, где высказывал взгляды, напоминавшие взгляды славянофилов, но, с другой стороны, во многих пунктах с ними несходные. Эти статьи были собраны в том «Судьба России»[2], появившийся в первых месяцах 1918. В нем идет речь о психологии русского народа, проблемах национального, Востоке и Западе, душе народов, ощущении войны, психологии политики и общества. Бердяев, далекий от того, чтобы подобно старым и новым славянофилам видеть в русском народе лишь дух свободы, равенства, общинности, религии, всеобщности, — усматривает в нем и противоположные качества: рабство, пропасть между классами, авторитаризм, демонизм, национализм. Этот народ сформирован антиномиями, потому что еще не стал самим собой. Он все время готов отдаться сильному; мужской и женский принципы в нем еще не соединились. Хаос и космос борются. Сам Бердяев — за порядок, Логос, историческую реальность, против примитивных сил, розановского шовинизма, неославянофильских иллюзий, пацифистских абстракций. Он видит в войне эпизод исторического развития, обусловленный предшествовавшим направлением наций. Несмотря на руины и жестокости, она является творческим актом; ее невозможно оправдать ни условиями обороны или демократического прогресса, как делают социалисты и позитивисты, ни мессианскими целями, как делают религиозные умы. Не следует переносить моральные категории частной жизни на историческую жизнь народов. Война — это столкновение национальных судеб, и в этом смысле она всегда справедлива. И надо ее вести до победы. Бер-

[2] Полное название — «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности». — *Прим. перев.*

дяев предвидит, что текущая война разрешит старые проблемы Восток-Запад, славизм-германизм, причем в пользу России: «Славянская раса, во главе с Россией, призывается к определяющей роли в жизни человечества». Не возвращается ли он таким образом на славянофильские позиции? Но по мере того как дела ухудшаются, он испытывает ужас перед неизвестностью, в которую входят Россия и весь мир: «новое измерение истории». Политик-аморалист возвышает тон до пророческого.

С довоенного времени Бердяев приписывал творческому акту, каким считал войну, квазиабсолютную ценность. Но в 1915 он завершил и в 1916 опубликовал большую книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Он отвернулся от православных кругов, Общества религиозной философии, «Пути»; путешествие в Италию Возрождения дало ему ощущение могущества и свободы человека, и Бердяев пришел к заключению, что для творческого акта не существуют законы материального бытия. Не имея корней в предшествующем, он проистекает от свободы, не зависящей ни от мира, ни даже от Бога. Он есть ответ человека Богу, и Бог испускает вздох после творческого акта человека. Эта книга содержит идею, центральную для всей бердяевской мысли, основу его суждений, которую он пронесет через все события до самой смерти.

4. Скифство. К концу 1916 года ухудшается положение и на фронтах, и внутри страны; кажется, что режим больше не может контролировать страну и что страна не может больше продолжать войну. Следует сближение между наиболее чувствительными к развитию вещей мыслителями и писателями нашего Ренессанса и некоторыми не материалистически настроенными левыми элементами. Отсюда рождается скифство: большой народ, о котором писал Геродот и который как обитатель земель к северу от Черного моря мог сойти за предшественника русского народа, — скифы становятся символом могучего и бодрого вар-

варства, следующего собственным путем между Западом и Востоком и не боящегося ни катастроф, ни революций материальных или духовных. Во главе скифства находились критик и историк идей Иванов-Разумник, по направлению социалист-революционер, и Андрей Белый, вернувшийся в мае со строек в Дорнахе «с мозолистыми руками, физически огрубевший, но... заряженный миллионами вольт электричества». Брюсов, который всегда в готовности, не отказывается примкнуть к новому течению. Блок держится в стороне, но не далеко. Шестов находит в скифах дорогую ему антирациональную суть. Но в основном скифство распространяется среди молодежи: Николай Клюев, Сергей Есенин, деревенские поэты. Все сотрудничали в прозаическом и поэтическом сборнике «Скифы», который оказался готов в самый момент, когда разразилась революция. Требуется, гласило Предисловие, победить всегда присутствующего Буржуа, эгоизм и благоразумие которого «уже убили христианство плоской моралью, сегодня убивают социализм компромиссами, искусство эстетикой, науку схоластикой, жизнь стагнацией». Напрасно он скрывается за маской эллина, скифская стрела его не минует.

5. Сл бость Ренесс нс . Критичный наблюдатель интеллектуального и художественного Ренессанса, который мы здесь описали, философ Степун, имевший к тому же возможность делать необходимые сопоставления с другими странами Европы, признает, что нигде духовным вещам не придавали «такого серьезного, такого сильного» значения, как в России. Человек не менее европейской культуры Вейдле замечает, что в эти годы впервые «Россия стала Европой». Бердяев в 1916 полагает, что «в течение этих пятнадцати лет появилось много творческих идей, и идей не только абстрактных, но жизненных, конкретных».

И тем не менее тот же Степун спрашивает себя: «откуда это у людей Ренессанса [«нового религиозного сознания», как в прессе иной раз называют вольных религиозных фи-

лософов и поэтов — символистов] такие облики? В академической среде, как и среди писателей — реалистов... ничего подобного нет: все люди, как люди. Если же посадить за один стол Бердяева, Вячеслава Иванова, Белого, Эллиса, Волошина, Ремизова и Кузмина, то получается нечто среднее между Олимпом и кунсткамерой».

Потому что этот Ренессанс был делом исключительных личностей, не имевших никакого отношения ни к оставшимся в прежней колее писателям, ни к крупным интеллектуалам, ни еще менее к массе полуинтеллигентов, во все возраставшем количестве выходивших из разного рода средних и даже начальных школ. Эти элитарные умы работали безответственно, лишь для собственного удовлетворения. Отсюда избыток эстетизма в ущерб интересам истины, морали или социальной справедливости, избыток рафинированности в ущерб вразумительности. Философско-религиозное общество слушало доклад Яковенко, очень серьезного неокантианца, об «Имманентной трансцендентности», тогда как другой персонаж всерьез высказывал ужасное сомнение: «Сколько ворот насчитывается в нашем городе? Подумайте-ка об этом?» В этом блистательном течении мысли была сторона искусственная, эгоистичная, эзотерическая, которая у некоторых или в некоторые моменты могла превратиться в аморальную и асоциальную.

Тем не менее у лучших из них и в лучших произведениях отнюдь не отсутствовала забота о реальности, о русском народе и о человеке вообще. Мы даже отмечали некоторое сближение после 1910 года писателей-символистов и сторонников «нового религиозного сознания» с религиозной и литературной национальной традицией. Для успеха русского Ренессанса XX века не хватило не столько людей, сколько времени. Война и революция пришли слишком рано. Пятнадцать—шестнадцать лет размышлений и духовных поисков, пока беспорядочных, после почти двух веков неоригинальной, но самоуверенной позитивистской пропаганды, — это было слишком мало для развития течения.

IV. Субстр т (1900–1917)

Русский Ренессанс, несмотря на свою действительную ценность, затронул лишь очень узкую элиту. Народные массы остались ему абсолютно чужды; основная часть образованного общества или вовсе его не знала, или же относилась к нему с безразличием, презрением или неприязнью.

1. Церковь, секты, толстовство. Народ оставался в орбите православной религиозной мысли. Новизной были только то, что традиционная вера после 1905 явно слабела, и то тут, то там предпринимались разного рода попытки ее оживления. Знаменитый кронштадтский священник Иван Сергеев, умерший 20 декабря 1908, был окружен необыкновенным ореолом благодаря его деятельности и произведениям. Общественные инициативы епископа Андрея Уфимского, брошюры, общества трезвости были другим средством приблизить христианство к сознанию верующих. «Старая вера», особенно та ее ветвь, что имела церковную организацию, тоже пользовалась полученной в 1905 свободой для выпуска своих публикаций, журнала, новых книг, переизданий книг старинных и основания высшего училища. Секты по-прежнему собирали десятки миллионов приверженцев; одни из них были мистическими, другие рационалистскими, одни старыми, другие вновь появившимися. Иногда, распространившись в народной среде, они захватывали и образованные круги.

Толстовство, созданное аристократом, но под воздействием крестьянского евангельского христианства, — как раз пример течения мысли, распространявшегося параллельно в средних и высших классах и в массах. О его значительности можно судить по успеху издательства «Посредник», основанного в 1885 Толстым и Чертковым и опубликовавшего до 1925 десятки миллионов брошюр, тысячу наименований книг всякого рода, множество педагогиче-

ских журналов, «библиотечку для детей и юношества». Толстовство было достаточно сильно, чтобы революционеры Ленин и Горький еще в 1912 многократно, но с осторожностью выступали против него. В 1914 оно привело к сотням отказов от военной службы по религиозным убеждениям.

2. Буржу зный позитивизм. В целом в кругах интеллигенции образ мысли 1960–1900 годов не сильно изменился к году 1917. В «философии» они оставались верны материализму и позитивизму и великим предшественникам Чернышевскому и Писареву. Их не поколебали ни Достоевский, ни Толстой, популярные лишь как романисты, ни тем более Владимир Соловьев. Так, между 1900 и 1917 Венгеровым было издано полное собрание сочинений Белинского в двенадцати томах, затем Ляцкий добавил три тома его писем, и, когда Айхенвальд попытался поставить обожаемого критика на его истинное место, раздался вопль негодования. Полное собрание Чернышевского в десяти томах появилось в 1905–1906; полное собрание Добролюбова выдержало три издания между 1911 и 1914; Писарева — три тиража с 1900 по 1911 и еще дополнительный том в 1907, переизданный в 1909 и 1913. В том же позитивистском духе давалось все образование в лицеях и технических училищах. Он пропитывал любую популяризацию науки, энциклопедии; некий словарь Павленкова своими дефинициями прямо пропагандировал его среди полуинтеллигентов. Он выражался в журналах вроде выходившего с 1902 «Вестника знания», за восемь рублей в год кроме своих 52 номеров дававшего еще произведения Вольтера, Дарвина, Огюста Конта и др. На более высоком уровне аналогичную роль играл старый «Вестник Европы». Большинство университетских профессоров оставались еще на позитивистской платформе.

В социальном и политическом плане этот способ мышления приводил к различным позициям, в зависимости от класса.

С одной стороны, это был либерализм, солидное ядро которого после 1905 образовало партию кадетов (так благодаря игре слов звучали по-русски инициалы ее настоящего названия «конституционно-демократическая»). Струве способствовал ее основанию, но сам держался в стороне; типичным ее представителем был П. Милюков, историк, удивительно глухой к любому метафизическому беспокойству. Кадеты с 1906 имели в Санкт-Петербурге большую ежедневную газету «Речь», в Москве — «Русское слово», а с 1909 — еженедельный журнал «Запросы жизни». Среди них нашло удобную площадку франкмасонство. Они привлекали людей свободных профессий, интеллигентную буржуазию, всех тех, кто хотел бы перенести в Россию парламентские режимы Запада.

3. Н родничество и соци листы-революционеры. С другой стороны, были социалисты. Принадлежавшие к их числу народники, чтя великих предшественников, добавили к их списку умершего в 1904 Михайловского, чьи сочинения в десяти томах также были выпущены в 1909–1914. Он соединял с позитивизмом квазирелигиозный культ правды и справедливости и довольно широкое толкование нужд и прав личности, включая эстетическое чувство. В видении истории он поднимался над разделением на западников и славянофилов. Его моральным наследником стал Короленко, руководивший большим журналом «Русское богатство» до его упразднения в 1918 году. Народничество обрело новую жизнь в партии социалистов-революционеров во главе с Черновым. Внутри нее с 1905 года боролись различные тенденции, от правой, верившей больше в благодетельность освобождающейся от старых препятствий прогрессивной народной деятельности, чем в революционную страсть, до террористической крайней левой. Левых сопровождала группа максималистов, правых — группа трудовиков. После скандала с Азефом в 1910 партия распустила свою «Боевую организацию» и впредь использовала

только легальные методы. В 1912 она тем не менее основала журнал «Заветы», руководимый Ивановым-Разумником и более боевой, чем «Русское богатство». Партия социалистов-революционеров с ее гуманитарной направленностью, лишенная сектантства, в целом доверявшая добрым качествам русского народа, отвечала потребностям интеллигентной мелкой буржуазии города и особенно деревни, активных крестьян, мелкого городского люда. Так, во время выборов в Конституанту в ноябре 1917 она получила 22 миллиона голосов из 36 (по сравнению с 4,5 буржуазных партий и 9,5 большевиков, находившихся у власти).

4. М рксисты и соци л-демокр ты. Марксисты во главе с Лениным и Плехановым считали себя истинными наследниками великих демократов, материалистов-радикалов XIX века. Но они, принадлежа к школе Гегеля, Маркса и Энгельса, подняли вульгарный материализм на более высокий уровень диалектического материализма и потому называли себя единственными научными социалистами, прочих же считали не более чем утопистами. В их распоряжении был научный подход к философии истории: сознание определялось бытием, то есть материальными процессами, вся физическая и интеллектуальная жизнь, включая общество, политику и их развитие, короче говоря, история, — определялась производственными силами и отношениями. Наиболее важное обстоятельство в истории современной России — это развитие капитализма, дошедшее до сельскохозяйственной экономики, возникновение и рост антагонистических классов буржуазии и пролетариата, что предвещает социальную революцию, двигателем которой будет единственный прогрессивный и сплоченный класс — пролетариат, при условии, что его дисциплинирует серьезно организованная партия. Но в этом последнем пункте марксисты разделялись: достаточно ли партии для установления диктатуры пролетариата в стране, еще незрелой экономически и социально?

В практическом же плане марксисты, с 1898 организованные в Русскую социал-демократическую партию, с 1903 разделились на две части: большевиков (большинства), следовавших за Лениным, веривших в революционное всемогущество партии с сильной дисциплиной и таким образов признававших, что сознание может творить историю; и меньшевиков (меньшинства), с Плехановым, остававшихся верными чистой марксистской идеологии и ожидавших революции главным образом вследствие хода вещей. Первые были в большей мере революционерами, вторые — более реформистами. Это разделение и существовало с тех пор, несмотря на временные и поверхностные примирения.

У марксистов был большой журнал «Современный мир», «литературный, политический и научный», который с 1906 продолжал «Мир Божий». Начиная с 1910 меньшевики, кроме того, издавали журнал «Наша заря», а в 1912 еженедельник «Луч». Большевики в 1910 имели «Звезду», в 1911 — ежемесячный журнал «Просвещение», в 1912 — ежедневник «Правда», в 1913 — издательство «Прибой». Марксисты обращались исключительно к пролетариату и набирали приверженцев среди рабочих крупной индустрии; но своим научным подходом они соблазнили некоторое число интеллигентов, экономистов, статистиков, кооператоров, вошедших в партию меньшевиков или родственные организации.

5. Ересь среди большевиков: богостроители. Интеллектуальное наследие позитивистов в XX веке не прирастили ни либералы, ни народники, ни марксисты. Только у большевиков проявилась попытка высвобождения, тут же принявшая вид ереси. Так же, как некогда некоторые «легальные марксисты» были сторонниками «ревизиониста» Бернштейна и пришли к идеализму, теперь некоторые большевистские теоретики под воздействием Оствальда, Э. Маха и Р. Авенариуса старались скорректировать элементарные и архаичные элементы материализма и эпистемио-

логической догматики ортодоксального марксизма. А. Богданов, известный психиатр, выработал доктрину, которую изложил в опубликованном в 1904–1906 трехтомном труде «Эмпириомонизм». По его мнению, психика и физиология суть части одного и того же опыта, а материя не единственный источник движения; материя, скорее, лишь гипотеза, а не реальность. Одновременно В. Базаров пришел к заключению о невозможности достижения объективной истины. Что же касается Луначарского, то его любопытство простиралось до Ницше и отношений социализма с религией.

В 1904–1905 эти три большевика сотрудничали в художественном, литературном и общественном журнале «Правда», постоянно атаковавшем идеализм и метафизику, но терпимо относившемся к «декадентскому» искусству. В 1907 новая тенденция подтвердилась публикацией переводов Маха и Авенариуса; в 1908 Валентинов и Юшкевич поддержали ее двумя—тремя новыми работами. Ленин и Плеханов, на этот раз в полном согласии друг с другом, объявили материализм в опасности, Плеханов — в своем «Воинствующем материализме» (1908), Ленин — в огромном «Материализме и эмпириокритицизме» (1909). Еретики, осужденные в июне 1909 большевистским Центральным комитетом, тем не менее продолжили свои выступления.

В 1909 Базаров в своей книге даже заговорил о «богостроительстве» — развитии новой концепции в религиозном плане, отличном, по его мнению, от «богоискательства» идеалистических писателей и мыслителей. Для «строителей» Бог пока еще реально не существует, но коллективное усилие человечества приведет к созданию общественного Бога, социализма. Против этой идеи восстал Ленин: «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п., ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего».

В 1910 Базаров опубликовал «Очерки философии коллективизма», затем Богданов в «Тектологии» (1913–1915) развил принципы «универсальной организующей науки»,

призванной заменить философию: все усилия человечества ведут к изменению мира путем его организации для достижения совершенной гармонии, а прогресс проистекает из «растущей широты и интенсивности усилий разума». Эти взгляды должны были привести Богданова к пониманию революции не столько как перехода в руки пролетариата средств производства, сколько как создания «пролетарской культуры».

Еще в 1916 школа Богданова была довольно влиятельна в большевистской партии, так что Деборин во «Введении в философию диалектического материализма» (с предисловием Плеханова) счел нужным систематически опровергать Маха, Авенариуса и их русских последователей.

6. Литер тур ре лизм . Старые тенденции не могли породить оригинальную литературу. Буржуазная публика требовала привычной «реалистической» пищи. В 1914 ей предложили перевод Мопассана в тридцати томах. Боборыкин в «Вестнике Европы» продолжал выдавать свой годовой документальный роман. Уровнем пониже, в области сатиры и юмора, были маленькие рассказы Тэффи и Аверченко (редактора «Сатирикона», основанного в 1911), романы Амфитеатрова о «женском вопросе»; еще ниже — пользовавшаяся большим успехом полупорнография Вербицкой: «Ключи счастья» в пяти томах (1909–1913). Путь в жанре эротики протоптал в 1907 Арцыбашев с «Саниным», где сексуальная проблема была помещена в атмосферу общего нездорового скептицизма; затем последовали легионы «маленьких Саниных».

Толстой после «Воскресения» (1900) не создал ничего существенно нового. Из народников, Короленко, большую часть времени живший на своей родной Украине, в Полтаве, оставался верен себе со своими памфлетами и рассказами, направленными против погромов в 1903 году, полицейских зверств в 1906, смертной казни в 1910. Более сенсационными оказались два романа, опубликованные

под псевдонимом Ропшина террористом-эсером, а также дилетантом-любителем от искусств Борисом Савинковым: «Конь бледный» в 1909, «То, чего не было» в 1912. Он ставил проблему: позволительно ли приносить смерть ради высшего добра? Его сочли ренегатом, использующим мистические аллегории для клеветы на революцию.

7. «Среды» и сборники «Зн ния». Литература, которая несколько обновила атмосферу, противостоя «декадентам», в политическом отношении была более левой и вышла из традиционного реализма. Ее главная квартира с 1899 была в Москве, у Леонида Андреева или Телешова. Там по средам встречались Бунин, Серафимович, Чириков и, главное, Горький. Горький тогда был лишь одним из участников. Когда кружок «сред» показался ему недостаточно прогрессистским, он в товариществе с издательством «Знание» основал новую группу, где встречались примерно те же лица, но его влияние стало преобладающим. Он взял в свои руки сборники «Знание» и превратил их в инструмент литературной тенденции, если не вполне однородной, то по крайней мере весьма характерной: демократическая направленность, сюжеты реалистические, но без грубого натурализма, доступный всем язык, не исключавший художественных затей, лирических и романтических взлетов. Сам Горький служил персонификацией этого неореализма. Он не взял в свои сборники чересчур витиеватый «Пруд» Ремизова, но в течение долгого времени брал аллегорические стихи и пугающие рассказы Андреева. С ним он порвал только, когда тот погрузился в полный пессимизм и отрицание всего. Писатели группы «Знание» рассказывали о бунтующих деревнях, трудной жизни евреев-мастеровых или рабочих мелких предприятий, терпении солдат на войне с Японией, нищете офицеров. Большинство из них не выходило за рамки посредственности, хотя те, кого мы перечислили, были действительно талантливы. Тем не менее читали их всех, потому что они интере-

совались людскими горестями и более-менее прямо обличали режим.

Сборник «Знание» номер 1 (1904) соединил Андреева, Бунина (стихи и проза), Вересаева, Гарина, Горького (рассказ «Человек»), Серафимовича. Номер 2 принес «Вишневый сад» Чехова. Бунин появлялся почти в каждом номере. Горький до 1912 отдавал туда главные свои произведения: «Мать», «Исповедь», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». Там же вышли «Дуэль» Куприна (направленная против офицерской кастовости), пьеса Чирикова «Мужики», «Губернатор» Сургучева, клеймившая знать пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя».

Вне группы «Знание» к неореализму примыкал также Алексей Толстой, который, как писал Горький в 1911, «с жестокой правдивостью представлял хозяйственный и нравственный распад современной знати». Имевший меньший политический и общественный запал Михаил Пришвин живописал народную жизнь на севере, почему и стал главой группы писателей-этнографов — Чапыгина, Вольнова, Подъячева. Со своей стороны, Горький подбадривал начинавших писателей-самоучек, поэтов и прозаиков, сотнями славших ему свои рукописи. Некоторые из них он печатал в «Современнике», основанном в 1911 Амфитеатровым ежемесячном журнале «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни». Горьким же в 1914 был издан первый «Сборник пролетарских писателей».

8. Горький. На самом деле, единственный враждебный модернизму автор, которого можно противопоставить людям Ренессанса, — это Горький. По рождению и воспитанию чуждый позитивистской традиции интеллигентских кругов, напротив, пропитанный народной религиозностью, он даже после вхождения в западную «культуру» сохранил нечто от своего провинциального происхождения: чувство природы, уважение к конкретному человеку, некоторый романтизм. Даже примкнув к партии большеви-

ков, он не стал настоящим марксистом. Он оставался ближе к народникам с их анархическим революционаризмом, чем к верящим в свою организацию социал-демократам: он сохранял потребность в свободе. Веря во всемогущество науки, пользу просвещения и прогресс, как может верить в них самоучка, он, против собственной воли, не мог иссушить душу до полного материализма. Так, в рассказывающем о рабочем восстании романе «Мать» проскальзывают фразы о Христе, а Ниловна думает, что «Христа не было бы, если бы его ради люди не погибали». Это написано в 1907, в эпоху «богостроителей». В 1908 в «Исповеди» Горький выступает красноречивым толкователем этой доктрины, увязывающей для него марксизм с прежними его чувствами. В этом длинном стихотворении в прозе, изобилующем трогательными сценами, превосходными описаниями, лирическими эпитетами, видны блуждания большого сердца, ищущего Бога и находящего его среди революционных рабочих: они своим коллективным усилием создают Бога. Знак, что они его создали, дается посредством чуда: юный паралитик встает и идет благодаря мистической силе шествия, просящего о его исцелении. Перед лицом ленинского порицания Горький должен был отказаться от богдановской ереси. В 1913 он принял участие в яростной кампании против Достоевского по случаю постановки «Бесов». Но когда в том же 1913 году он рассказывал о своем «Детстве», то не прятал симпатии к бабушке, воплощавшей в себе оптимистичную и человечную сторону народной веры; в том же ключе было и следующее его произведение, «В людях» (выходившее с 1914 по 1916).

9. Период войны. Война субстратом была принята примерно так же, как и модернистами. Сначала — священной дружиной, потом — буржуазными партиями до самых передовых социалистов. В среде революционной эмиграции интернационалисты дозрели до патриотов — «оборонцев». В Париже восемьдесят эсеров, меньшевиков и большевиков

вступили во французскую армию, а Плеханов решительно принял сторону союзников. Анархист Кропоткин превратился в защитника французской свободы от прусского милитаризма. Авксентьев, Бунаков, Савинков, Брешковская основали группу оборонцев. В России с еще большим основанием все левые оказались поначалу объединены тем же патриотическим порывом. Писатели «Знания» и «Вестника Европы», марксисты «Современника» и эсеры «Русских Записок». Возобладала мысль, что Россия, несмотря на свой реакционный режим, находится в лагере демократии, а победа его повлечет падение царизма, стало быть, следует отложить революцию на потом и добиваться победы союзников.

Смена позиций произошла к середине 1915, когда начались военные поражения и экономические трудности. Буржуазные союзы теперь обнаружили, что первым условием обеспечения победы является радикальная реформа режима. В то время как лидеры «кадетов», а затем «прогрессивного блока» атаковали правительство в лицо, требуя настоящего парламентаризма, Союз Земств и городов и военно-промышленные комитеты теснили государство в решении самых насущных задач — снабжения страны, обеспечения нужд армии, военного производства, санитарной службы. Таким образом, в разгар войны генеральный штаб нотаблей готовил патриотическую парламентскую революцию. Среди социалистов «оборонческое» настроение сохранялось как в России, так и за границей. Но из-за границы раздались влиятельные голоса, вскоре создавшие противоположную тенденцию. Ленин определил ее в сентябре 1914: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», так что нужна «всесторонняя ... пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие... против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран». В России главным пропагандистом пораженчества и интернациона-

лизма в интеллигентских кругах стал Горький с основанным в декабре 1915 журналом «Летопись» и издательством «Парус».

10. Эволюция и относительн я зн чимость субстр т . Между Ренессансом и субстратом существовала полная противоположность по духу: противоположность материализма и духовности, общественных чаяний и индивидуализма, морализма и эстетизма, демократизма и аристократизма, верности узкой интеллигентской традиции и свободного поиска. И тем не менее, с 1908 наметилось сближение между ведущими фигурами обоих лагерей. Мы видели, что Блок был очень внимателен к политическим реалиям, а к Горькому он питал род восхищения: «Бабушка [из «Детства»] — это Россия». Со своей стороны, Горький с марксистами-«богостроителями» сделал шаг навстречу «богоискателям». Во многих журналах и литературных альманахах реалисты и символисты сотрудничали вместе. «Современник», в котором активно участвовал Горький, публиковал символистов и вел переговоры с Мережковским и Гиппиус. Андреев, с его аллегорической манерой и индивидуализмом, мог бы с тем же успехом причислить себя к «декадентам», как и к реалистам. Футуристы, эпигоны «декаданса», весьма далекие от добротного интеллектуального реализма, могли тем не менее в силу их антидуховности быть причисленными к субстрату. Наконец, во время войны скифство смогло объединить эсеров, как Иванов-Разумник, с лучшими поэтами Ренессанса. Имело место взаимовлияние. Старая *интеллигенция* расширяла свои горизонты — идеализм спускался на землю. Молодое поколение не поддавалось более классификации на модернистов и реалистов. В революционную эру могло бы произойти настоящее слияние, если бы только уважалась свобода духа.

К несчастью, силы были слишком неравны. Ренессанс затронул лишь часть образованного населения. Субстрат оставался намного сильнее. В то время как публикации

символистов печатались в 2 000 экземпляров — 6 000 экземпляров «Факелов» имели небывалый успех, сборники «Знание» на спаде интереса к ним имели тираж 10 000, в лучшие же времена он доходил до 30 000 и 60 000, а «Вестник Европы» имел более 6 000 подписчиков. За один год было продано 75 000 экземпляров «На дне» Горького.

V. Во время революции (1917–1922)

1. От февраля к октябрю 1917

1. Первое время. Люди Ренессанса были столь же далеки от руководства страны, как и от крупной интеллигенции. Так, Блок и Бердяев ненавидели любые власти, Розанов их презирал, Андрей Белый видел, что Струве не приемлет антиправительственной направленности его «Петербурга». Всем им с начала войны случалось испытывать предчувствие катастрофы: «Что-то готовится в мире.. Кто-то хочет обнаружиться.. Кто-то идет», — писал Блок. Или Белый, в 1913: «Период [изжитого] гуманизма закончен; наступает святое варварство [период здорового варварства]... Прыжок над историей будет. Культура — трухлявая голова, в ней все умерло, ничего не осталось. Будет взрыв.. Революционеры суетятся.. Масса превращается в исполнительный аппарат для спортсменов революции».

Когда разразилась революция в феврале 1917, спиритуалисты, мыслители и писатели, присоединились к ней не последними. Монархист Булгаков принуждал себя участвовать во всеобщем возбуждении. Бердяев приветствовал революцию статьей «Падение священного русского царства». Мережковский и Гиппиус, видя все ее болезненные симптомы, уговаривали себя: «Я верю, хочу верить, что все будет хорошо». Поэты же разделяли общий энтузиазм: «Может случиться очень многое, — писал А. Блок матери, — ...произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса».

Но в революции, помимо свержения самодержавия, было нечто еще. Совершивший ее народ вовсе не заботился о замене царя парламентариями и продолжении войны с простой сменой декора. Он хотел прежде всего мира, и в то же время, поскольку все преграды были сняты, в нем пробуждались вековые евангельские требования, понятые в прямом и материальном смысле: ликвидация классовых различий и состояний, всякого государственного принуждения, границ между народами. Его идеалом стали тотальная революция, новый мир, мир, равенство и братство.

Очень скоро мыслители встревожились.

2. Обеспокоенные мыслители. Мережковский и Гиппиус на несколько месяцев удалились на Кавказ. Булгаков, Бердяев, Чулков, Вышеславцев примкнули к «кадетам» и реалистам вроде Алексея Толстого и Бориса Зайцева, предлагавшим в Московской комиссии по образованию просвещать публику насчет истинной свободы, заслуг буржуазии, «любви и ненависти в общественной жизни», «патриотизма французской революции», — все это при помощи еженедельного журнала «Народоправство» и популярных брошюр за 35,5 копеек. Бердяев выпустил их множество: «Свободная церковь», «Народ и классы в русской революции», «Возможна ли социальная революция?». Булгаков трактовал о «Христианстве и социализме»: теоретически они могут объединиться, если понимать социализм как комплекс экономических мер, но в настоящее время это немыслимо, потому что социализм сам стал религией. Надеялись, что удастся остановить революцию на стадии конституционализма.

3. Поэты-энтузи сты. Поэтов развитие крайнего социализма не ужасало. Для футуристов это было естественно: они восприняли лексику большевиков. Как Маяковский в поэме «Война и мир» или в «К ответу!», адресованном союзникам-империалистам и опубликованном в августе 1917 в га-

зете Горького «Новая жизнь». Позднее Маяковский задирал обедавших в модном кабаре: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, / День твой последний приходит, буржуй!» — этот рефрен в октябре подхватят моряки, атакующие Зимний дворец.

Другие поэты вполне сочувствовали народным чаяниям: в опрокинутых представлениях о собственности, родине, обществе и даже культуре они видели и воспевали катастрофу, предвещающую миру новое пришествие Христа. Для них это переложение в религиозные термины безграничных надежд революции станет лейтмотивом с февраля 1917 по май 1918.

В «Товарище» Сергея Есенина, написанном в марте, маленький Иисус является поддержать сына жертвы революции и также погибает; в апрельском «Певущем зове» в России является «новый Назарет» и призывает все народы к миру; в июне — те же ноты в «Отчаре».

В августе Андрей Белый писал: «Не плачьте: склоните колени / ...Сухие пустыни позора, / Моря неизливные слез — /Лучом безглагольного взора / Согреет сошедший Христос / ...И ты, огневая стихия, / Безумствуй, сжигая меня, / Россия, Россия, Россия — /Мессия грядущего дня!»

Александр Блок бьется в унисон с революцией. Июльские дни стали провозвестниками будущего успеха Ленина, взявшего на себя заботу о народных требованиях. Под жарким небом загорелись торфяники вокруг Петербурга — поэту грезится растущее пламя: «Пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести ... русский большевизм гуляет, а дождя нет, и Бог не посылает его!». На рассвете 7 августа он решает: «Направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в волевую музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор; ... ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутинские углы души и там раздуть его в костер до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть».

Блок работал для революции в Следственной комиссии по расследованию деятельности царских министров.

Скифы к тому времени заявляют о себе изданием первого сборника. «Духовные максималисты», враги компромиссов и буржуазной осторожности, они близки к появившейся партии левых эсеров, не менее революционной, чем большевистская, но уважающей духовные ценности. Бывшие символисты вместе с молодыми поэтами, выходцами из деревни, торопят шаги революции. На какое-то время к ним присоединяется Гершензон. Затем несколько прозаиков: Замятин, Чапыгин. Но большинство близких к буржуазным партиям реалистов вместе с Горьким смотрят на неумолимое шествие революции с ужасом и скептицизмом.

2. От октября 1917 до августа 1918

1. Октябрьские дни. Октябрьская революция имела те же цели, что и февральская. Но на этот раз собиралась их достигнуть. Первые решения нового режима провозглашали: конец войне, конец союзам с империалистическими странами, конец господству помещиков, богачей любого рода, образованных людей, конец всякой не коллективной власти. Это был конец света. Те, кого беспокоил февраль, теперь испытывали нечто душераздирающее. Ремизов написал такое трогательное «Слово о погибели Русской земли» в подражание знаменитому тексту XIII века, описывавшему монгольское нашествие, что Скифы включили его в свой второй сборник. Бальмонт в отчаянии: «Ты во всем ошибаешься. Твой возлюбленный народ / Не тот, о ком ты грезил». У Гиппиус же зазвучала ненависть: «Скоро в твой старый хлев ударами дубины / Ты будешь приведен, о народ без почтения». Среди интеллектуальной элиты немного было веривших в творческие возможности великого потрясения.

2. Брест-Литовский мир. После государственного переворота наступил следующий критический момент: перего-

воры о сепаратном мире, поскольку союзники по-прежнему провозглашали войну до победы. Для многих подобный мир был бесчестьем и низостью; для тех же, кто чувствовал вместе с народом, он был необходимым и справедливым.

По этому поводу можно было увидеть, что Бердяев, гораздо более враждебный к октябрьской революции, нежели к февральской, соглашается с требованиями Советов. В предисловии к сборнику своих статей военного времени «Судьба России» он скорбит, что «русский народ не выдержал великого испытания войны», что он «потерял свою идею», то есть пренебрег своей миссией, уступил тем примитивным «темным силам», которых Бердяев всегда опасался. Но если война продлится еще, все обессиленные народы потерпят поражение, Европа будет разрушена «внутренним взрывом и катастрофой, подобной нашей», отброшена в варварство, и тогда «придет кара из Азии». Уже сейчас единственными по-настоящему выигравшими могут быть только Дальний Восток, Китай и Япония, а также дальний Запад, Америка. Смотрите, как бы Азия не восторжествовала окончательно, как бы не потух факел христианской Европы! Для спасения Европы Бердяеву приходится желать мира. Вячеслав Иванов создал стихотворное изображение дебатов перед Божьим судом, где горевал, что в час победы Ангел родины воскликнет: «Милосердия!» — и разорвет свои сияющие одежды.

В среде Скифов новая Россия, напротив, противопоставлялась обезумевшей Европе. Блок с 30 декабря по 30 января высказал свои чувства в статье «Интеллигенция и революция» и двух стихотворных шедеврах — «Двенадцать» и в «Скифы». Интеллигенции следует не оплакивать мертвых, а слушать музыку будущего: «Не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию». Россия из своих страданий выйдет обновленной, истинная Россия, такая, какую видел Достоевский, какую Гоголь сравнивал с летящей галопом тройкой, Рос-

сия-ураган. Что значат недостатки революции или ее авторов, двенадцати красногвардейцев без веры и закона, если перед ними, среди бури, смутный, но реальный, шествует сам Христос? И чего стоят проклятия упорствующего в саморазрушении старого мира, если он отвергает скифский призыв к миру? Поэма «Двенадцать», простонародная по форме, показывает, с какой страстью Блок разделял мистическое истолкование революции. В крепко сбитых четверостишиях «Скифов» он выразил антиевропейские настроения группы, принявшей это воинственное имя. Это было возрождением славянофильских идей, забытых за тот прекрасный промежуток времени, когда Россия была Европой.

После Блока Белый в апреле 1918 пишет крайне экзальтированную по тону поэму, где сравнивает Распятие Христа и Распятие России, и Россия так же воскресает. Есенин, может быть, более искренний, перемешивает религиозные образы и богохульства, объявляя о появлении в обновленной России нового царства — Инонии.

Эти поэмы Блока, Белого, Есенина выходили в изданиях левых эсеров: ежедневнике «Рабочее знамя», литературно-политическом журнале «Наш путь» (название напоминало о «Новом Пути» 1903–1905 годов). Этот журнал вышел лишь дважды, апрельский и майский номера. Затем началась гражданская война, а в июле произошел мятеж, в котором погибла партия левых эсеров.

3. От августа 1918 до марта 1921

Начались самые тяжелые времена: война на всех фронтах, голод, тиф, террор. И в то же время материальные трудности оставляли мысль относительно независимой. Марксизм еще не был официально заморожен, еще терпел поиски и споры. Для Ренессанса еще сохранялась надежда и возможность найти себе место при новом режиме. Встречи были возможны. Люди вроде Луначарского, а особенно

Горький, помогали этому сотрудничеству и придавали ему символическое значение.

1. Религиозные мыслители. Самыми упорно сопротивляющимися всякому срастанию должны были быть религиозные мыслители. Для большинства из них революция стала поводом обратиться к себе, углубить свои взгляды. Князь Евгений Трубецкой в 1918 опубликовал книгу «Смысл жизни», развивавшую сугубо православную метафизику и мораль и приводившую к оптимистичному заключению, что Церковь в слабости и бедности почерпнет новую силу. В том же году Лосский при помощи Флоренского возвращается к Церкви, Булгаков становится священником, как и Свенцицкий, Дурылин, поэт В. Соловьев (племянник философа).

Бердяев летом 1918 пишет книгу, одно название которой означает раскаяние во многих прошлых убеждениях: «Философия неравенства». Перед лицом крушения русского государства, перед руинами цивилизации он черпает теперь вдохновение у Жозефа де Местра и старается восстановить подорванные русской интеллигенцией «религиозно-онтологические основы общественности» — государство, нацию, консервативный дух, аристократию, — и низвергнуть идолов либерализма, демократии, социализма, анархизма. Он оправдывает войну, школу «мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства», особенно когда она ведется «во имя безрассудных целей, таинственных, далеких и непонятных целей жизни, ...за “веру, царя и отечество”». «Армия есть мистический организм... Христианство принимает войну с ее ужасами и страданиями». Бердяев, впрочем, признает, что после русской катастрофы война потеряла положительное значение и продолжается союзниками лишь ради масонской цели «подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью». Тогда «правда мира вступает в свои права», «здоровый духовно-религиозный инстинкт должен требовать мира для всего мира». Такими, с весьма выраженным апокалиптическим уклоном, останутся идеи Бердяева до самого его изгнания из России.

Написанное Бердяевым увидит свет лишь в Берлине после 1922 года. Тем не менее некоторые чуждые официальной идеологии книги еще возможно было напечатать: том IV писем Владимира Соловьева, «История Свято-Сергиевской лавры» Флоренского, «Saligia[3], или Трактат о Боге, мире, человеке и смертных грехах» Карсавина, и даже занятное толкование католицизма. Еще не вся независимая интеллектуальная жизнь была задушена.

В Москве, с марта 1918 ставшей столицей, огромный, всегда по этим случаям полный зал Политехнического музея предоставляется для вечеров, на которых православные, толстовцы, анархисты, идеалисты могут в качестве докладчиков или участников прений поспорить с официальными ораторами вроде Луначарского. В то же время Бердяев ведет курс этики слова в государственном Институте слова. Он даже будет в 1920 назначен профессором университета. К концу 1918 года частные собрания, проходившие у него по средам, переносятся в «Вольную академию духовной культуры», дающую одновременно и поле деятельности свободным умам, и возможность желающим узнать народ: курсы и семинары, публичные выступления на философские, религиозные и общественные темы, многочисленная публика из студентов, солдат, рабочих. Франк наставлял. Бердяев толковал о философии истории и Достоевском, из этих лекций вышли его книги «Философия Достоевского» и «Смысл истории».

2. Футуристы и им жинисты. Писатели в меньшей степени, чем мыслители, были стеснены в поисках пути при новом режиме, претендовавшем лишь на использование их услуг. Футуристы шумно заявляли об общности своих взглядов с революцией, пролетариатом, материализмом. Тем самым они требовали себе государственной монополии в искусстве. В какой-то момент, как им показалось, они

[3] Схоластический термин, составленный из заглавных букв латинских названий семи смертных грехов. — *Прим. вт.*

убедили народного комиссара по делам просвещения и искусств Луначарского. Им был отдан Отдел изобразительных искусств. Они выпускали журнал «Искусство коммуны». Им была доверена подготовка празднования первой годовщины Октябрьской революции — раскраска стен, концерт фабричных гудков и «Мистерия-буфф» Маяковского, «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи» в пяти действиях, последнее из которых представляло «коммуну, солнечный праздник вещей и рабочих».

Ободренный успехом, Маяковский пропагандирует новое искусство в рабочих клубах и партийных школах, издает «Приказ по армии искусств», читает в матросском театре свой неистовый «Левый марш», заявляет во Дворце Труда: «Нет искусства вне классов. Новое искусство будет создано пролетариатом, и мы одни... идем в ногу с пролетариатом». Во втором номере «Искусства коммуны» он бросил призыв к уничтожению старого искусства: Белогвардейца / найдете — /и к стенке. / А Рафаэля забыли? / Забыли Растрелли вы? / Время / пулям / по стенке музеев тенькать... / А почему / не атакован Пушкин? / А прочие / генералы классики?»

На этот раз Луначарский счел себя обязанным дезавуировать футуристов с их претензиями на монополию в революционном искусстве. Футуризм утратил жало. На виду остался один Маяковский. В 1919 году он пишет поэму «150.000.000». Во время гражданской войны организует «Окна РОСТА» — постоянно обновляемые выставки плакатов в пустующих витринах магазинов, названные в подражание русскому телеграфному агентству, с пропагандистскими подписями в честь Красной армии и сатирой против белых, буржуазии, империалистов.

Имажинизм с 1916 года вырос и оформился в школу. Он также старался идти в ногу с революцией. Его придумали Мариенгоф и Шершеневич, но успехом он был обязан Есенину. Есенин же оказался слишком подлинным поэтом, чтобы подчиниться теориям, даже тем, которые сам же пы-

тался формулировать, и чтобы в поисках своего пути следовать за революцией. Он был певец деревни и крестьянской жизни с ее космически-евангельской религиозностью. Теперь он с трудом приспосабливался к холодному промышленному материализму режима. Иногда он искал утешения среди богемы. Иногда заявлял о своем месте в мире: «Я последний поэт деревни...» Он нежно посмеивался над жеребенком, бегущим наперегонки с поездом: «Милый, милый, смешной дуралей... / Неужель он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?»

От Блока после «Двенадцати» и «Скифов» отвернулись все не принявшие революцию. Но он наряду с прочими прозаиками и поэтами разных школ способствовал сохранению в разных группах полусвободы художественной культуры.

3. Литер турные центры. Власть стремилась привязать к себе писателей. Поэтому Горький, осудивший Октябрь, сотрудничал тем не менее с Луначарским. В сентябре 1918 он начал издание серии «Всемирная литература», чтобы сделать доступными массам шедевры всех времен и народов в переводах лучших специалистов, профессоров, романистов, поэтов, маститых переводчиков. В плане издательства были полторы тысячи названий, в каждой книге предполагались предисловие, биография автора, статьи о произведении, эпохе, жанре. Возглавляла дело Коллегия руководителей секций: немецкую возглавил Блок, англосаксонскую Гумилев. Первый лично занимался Гейне, второй переводил «Балладу старого моряка» Кольриджа и «Гильгамеш», эпическую вавилонскую поэму. Планировалось также выпустить Саади, Гете, Байрона, Бодлера, монгольские сказки, ойратский эпос. Позже вышла «Божественная комедия», переведенная Михаилом Лозинским безупречными русскими терциями. Среди сотрудников был и Сологуб. В общем сборнике «Принципы художественного перевода» Гумилев излагал их в применении к поэзии, Чуковский и Батюшков — к прозе. Коллегия собиралась для слуша-

ния отчетов руководителей и иногда докладов: Блок говорил там о Гейне в России, затем, 9 апреля 1919, — о «Крушении гуманизма и либерализма».

Не было недостатка в разного рода школах, где «буржуазные» авторы могли читать лекции или выступать. В Школе журналистики, например, Блок дал серьезный документальный портрет Катилины, «римского большевика», которого он защищал от нападок Цицерона. В петроградском Доме литераторов Гумилев говорил об искусстве поэзии, Замятин — об искусстве прозы. Студенты и самоучки, выходцы из разных слоев населения учились литературному ремеслу. Гумилев к тому же играл роль метра в своем новом «Цехе» в компании Адамовича, Ходасевича, Оцупа. Там и тут видно было похвальное стремление к науке, дисциплине, качеству. В Доме литераторов в годовщину смерти Пушкина 11 февраля 1921 состоялось одно из последних появлений Блока на публике с речью «О назначении поэта».

Существовали общерусское объединение поэтов и общерусский союз писателей, вышедший из основанного в Москве во время войны Клуба поэтов, под председательством сначала Гершензона, затем поэта Балтрушайтиса, наконец романиста Бориса Зайцева. До 1922 он оставался довольно независимым благодаря своей библиотеке, в которой работали в качестве сотрудников Брюсов, Пастернак, Лидин, Айхенвальд и другие.

Независимой была и Вольная философская ассоциация, основанная в январе 1919 года Блоком, Белым, Эрбергом, Мейерхольдом, Штейнбергом. На церемонии открытия 16 ноября 1919 Блок повторил свою речь «Крушение гуманизма», 15 августа 1920 он выступил с речью «Владимир Соловьев и наши дни». Белый прочел там шесть десятков лекций. Так что упрочила эту ассоциацию группа Скифов.

4. Сер пионовы бр тья и форм листы. Замятин, мастер своего дела, считал прозу требовательным искусством: проду-

манная композиция, выразительный язык, замысел сугубо индивидуальный, но близкий к реальности. Сам он относился к любым доктринам со свободой, приправленной иронией. Вокруг него группировались те, кто, как гофмановский отшельник Серапион, отстаивал право писателя на творческую свободу. 1 февраля 1921 они основали в Петрограде при Доме литераторов группу «Серапионовы братья». Это были прозаики Всеволод Иванов, Зощенко, Каверин, Лунц, Никитин, Слонимский, Федин, поэты Полонская и Тихонов, критик Груздев. Иногда они собирались у Горького, читавшего и обсуждавшего их рукописи. Все они, при разных темпераментах, были сильными писателями, и в тот начальный период именно им советская литература обязана была несомненным взлетом. Они составляли костяк тех, кого Троцкий назвал «попутчиками» (революции), они придали живости дебюту журнала «Красная новь».

В критике эта школа, сделавшая первые шаги во время войны, уже принесла важные плоды: «формалистов» Виктора Шкловского, Эйхенбаума, Жирмунского и некоторых других. У них было «Общество изучения поэтического языка», но обсуждали они и прозу. Чем вдаваться в философское или социальное содержание произведений, они предпочитали анализировать «процесс художественного творчества» и писали ценные труды о структуре стиха, языках жанров, поэтике того или иного периода.

5. Пролеткульт. Пока развивались различные начавшиеся в Ренессансе тенденции, марксизм тем временем сделался государственной доктриной. Он был способен вдохновить лишь на пропагандистские сочинения и сводки новостей. Одна только богдановская школа сохраняла живую мысль, одушевлявшую Пролеткульт. Пролетариат учредил свою экономику и свою политику, ему осталось освободиться от буржуазной культуры и создать свою собственную, пролетарскую. «Поэт или художник — коллективист имеет в своем распоряжении всю жизнь и всю вселенную, но он будет судить о них глаза-

ми коллективиста... для него мир будет полем, где силы жизни борются с элементами, где силы сознания вместе борются с темными, разрушительными и дезорганизующими силами». Так изъяснялся Богданов в речи перед 250 делегатами I Всероссийской конференции организаций пролетарской культуры15 сентября 1918.

Было довольно сложно придать этой пролетарской культуре конкретное содержание. Рабочие поэты силились воспевать заводы, машины, сирены и радость коллективного труда. Они вторили Уитмену и Верхарну, Бальмонту и Маяковскому, но с меньшим талантом и большей риторикой. Ничего не останется, да и уже не осталось, от Маширова-Самобытника, Кириллова, Садофьева, даже Гастева, автора «Поэзии рабочего удара». Но Пролеткульт с его учебными кружками по всей стране, которыми часто руководили увлеченные интеллигенты, побудил к литературному творчеству много молодых рабочих. Он имел свои журналы — в Москве «Пролетарскую культуру», в Петрограде «Грядущее»; свои съезды, свои издательства. Подвергшись критике за то, что считал класс пролетариев вечным, тогда как целью коммунизма является бесклассовое общество с культурой не пролетарской, а всеобщей, Пролеткульт распался на группы, более ортодоксальные, но тоже не лишенные оригинальности. Такова «Кузница», основанная в Москве 1 февраля 1920 Санниковым, Александровским и полукрестьянским, полурабочим поэтом Герасимовым. К Пролеткульту с симпатией относились футуристы и даже некоторые символисты. Он был одним из вольных созданий начала революции.

4. От апреля 1921 до конца 1922

В конце марта 1921 года начался НЭП — новая экономическая политика. Надежды, разбуженные революцией, рухнули. На их руинах создавался олигархический диктаторский режим. Одновременно с возрождением буржуазных недостатков усилилось порабощение мысли.

Александр Блок, несмотря на внешнюю свою активность, слабел. Он больше не слышал музыки революции. Он чувствовал, как постоянно ущемляется его свобода. Когда в феврале 1921 он сказал, что Пушкина «убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха», то думал о самом себе. Он умер 7 августа 1921, не столько от лишений и болезни, сколько от сознания, что все кончено. 24-го был расстрелян замешанный в заговоре Гумилев. Андрей Белый покинул страну в ноябре, и даже Горькому пришлось уехать в Берлин.

По странному парадоксу, возвращенная НЭПом коммерческая свобода позволила оживить частные и кооперативные издательства, благодаря чему в 1922 году вышли два труда Франка, «Очерк методологии общественных наук» и «Введение в философию в сжатом изложении»; несколько работ Флоренского («Литургия как синтез искусств», «Небесные знамения», «Земной путь Богоматери»), «Noctes petropolitanae» Карсавина. Профессору зоологии Петроградского университета Л. Бергу в «Номогенезе» удалось даже обосновать теорию, согласно которой эволюция растительных и животных организмов является не суммой случайных изменений, но внутренним законом природы, действующим в определенном направлении.

Свободой воспользовались и поэты. Анна Ахматова выпустила книжку «Anno domini MCMXXI» и восьмое издание «Четок». Мандельштам напечатал второй и последний сборник «Tristia». Даже Гумилев издал в 1921 «Шатер» и «Огненный столп», а в 1922 смогло увидеть свет посмертное собрание его сочинений.

Но это был всего лишь проблеск: в сентябре 1922 специальным декретом из Республики были высланы известные мыслители-идеалисты, числом двадцать пять, среди них Бердяев, Франк, Ильин, Карсавин, Лапшин, Лосский, Степун, а также романист Ремизов, историк Кизеветтер, критик Айхенвальд. Мережковский, Гиппиус, Струве к тому времени уже эмигрировали. Булгаков, с 1919 года удалившийся в Крым, был изгнан 1 января 1923.

В. СССР. С 1923 до 1950

Несомненно, в России с Ренессансом было покончено. Отныне бумага предназначалась только для официальной продукции. Марксистская ортодоксия, поднимавшая на щит наряду с немецкими философами Марксом и Энгельсом русских радикальных демократов 1860-х, находилась в привилегированном положении. С приходом к власти полуинтеллигенции, составлявшей кадры большевистской партии, на свои позиции вернулся научный позитивизм, на короткое время побежденный интеллектуальной элитой. Субстрат поднялся на поверхность. Но на это ушло порядочно времени. В начальный период и в философии, и в литературе еще сохранялась возможность для некоторого разнообразия.

1. С 1923 по 1930

1. Дискуссии между м ркcист ми. В 1922 году наряду с созданием «Общества воинствующих безбожников» был основан журнал «Под знаменем марксизма», предназначавшийся для статей и дискуссий по философским проблемам. Примечательно, что с самого же начала его направление почти буквально воспроизводило старые идеи «вульгарного материализма». Он до небес превозносил Демокрита и Эпикура, тогда как Платон «знаменовал упадок греческой мысли и науки». Отмечалось двухсотлетие со дня рождения Гольбаха. Изучался Фейербах. Но в особенности происходило возвращение, прямое или косвенное, к триаде Фогт, Молешотт, Бюхнер: «Выбросим за борт, вслед за религией, всю философию»; «не может быть мысли без фосфора». Духовные и физические процессы сводились к спинномозговым функциям и химическим реакциям; «социальные явления могут быть подвергнуты количественному химико-физико-биологическому анализу с таким же успехом, как и анализу качественному социологическому». Эти концепции повторялись, сверх

того, в многотиражных брошюрах и публикациях московского Тимирязевского института. В то же время они были слишком архаичными, чтобы не подвергаться критике с позиций более аутентичного марксизма. В частности, главный теоретик большевистской партии Бухарин выступил против субъективизма Эммануэля Енчмена, популярного среди молодежи автора, который вопреки Ленину отрицал существование независимой от сознания истины.

Другой теоретик диалектического материализма — Деборин — критиковал вульгарный материализм как «механистическую концепцию мира». Дуэль между деборинцами и механицистами продолжалась пять лет. Наконец, после конференции научных институтов в апреле 1929 механицисты были осуждены и изгнаны из Тимирязевского института, государственных издательств, «Большой советской энциклопедии».

Но деборинцы в ходе спора были обвинены в возвращении к идеалистической диалектике Гегеля, в переоценке Плеханова и недооценке Ленина. Их упрекали, наконец, в отрыве философии от других наук, пренебрежении антирелигиозной пропагандой, презрении к проблемам построения социализма. Под усилившимися атаками они оставили редакцию журнала «Под знаменем марксизма». 9 сентября 1930 Сталин назвал их «меньшевиствующими идеалистами»; следовало «вымести идеалистический хлам, накопившийся на философском фронте». После этого 29 декабря Институт красной профессуры, который Сталин 14 октября объявил неповинным, определил деборинство как «идеалистическую ревизию марксизма». Конечно же, «все теоретические труды должны основываться на выступлениях Сталина». Мало того, «механицизм» был осужден еще и в резолюции Центрального Комитета большевистской партии, последовавшей 25 января 1931. Эра дискуссий закончилась. За промежуток времени, прошедший после смерти Ленина (21 января 1924), доктрина успела получить новое имя — «марксизм-ленинизм».

2. Вульг риз ция м рксизм -ленинизм . Дискуссии между марксистами больше не велись на публике, как когда-то споры символистов и акмеистов, они не доводились даже до членов официальных организаций. Для публики государственная доктрина была изложена в новом катехизисе, счастливым образом избавлявшем от необходимости обращаться к трудам Маркса и Энгельса: «Азбукой коммунизма» Бухарина, которая с 1925 года непрерывно переиздавалась. Сверх того, примитивное популярное приложение доктрины к «нуждам момента» давалось во множестве брошюр, в школе всех уровней, в прессе. А специально для членов партии и молодых коммунистов — в кружках, партийных и комсомольских школах, журналах («Большевик», выходил с 1924)

Марксизм, уже переосмысленный Лениным, продолжал искажаться в ходе этих толкований для политических нужд. Упор делался не столько на материальную эволюцию экономических отношений, сколько на деятельность партии по их преобразованию; не столько на классовую борьбу (которая полагалась ненужной после взятия власти пролетариатом), сколько на государственную организацию; не столько на интернациональную пролетарскую солидарность, сколько на победившую русскую революцию. Таким образом, все сводилось к волевому порыву в ущерб разуму, растворению теоретической мысли в сиюминутном действии. Это была как раз та «философия», в какой нуждалась диктатура. Это была, несмотря на ревностно сохраняемую вывеску материализма, полноценная философия идеалистического типа.

3. Воинствующий теизм. Атеизм — одна из составных частей марксизма: «Религия — это вздох угнетенной твари... Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья», — писал Маркс в «К критике гегелевской философии права», а Ленин повторил и про-

комментировал этот афоризм. Для большевиков религия была принципиальным и очень опасным врагом, поскольку оспаривала человека у государства. Поэтому они, в отличие от западных марксистов и русских меньшевиков, не считали религию делом частным и полагали ее несовместимой не только с членством в своей партии или молодежных организациях, но даже с выполнением общественных обязанностей. С другой стороны, продолжая утверждать, что религия сама собою исчезнет с исчезновением классов и социальным прогрессом, они вели с ней систематическую, непрерывную войну, используя все средства, от физического истребления до «философских» аргументов, почерпнутых из материалистических истин, включая вульгарный антиклерикализм, псевдонаучные данности, обвинения в обскурантизме, эксплуатации и контрреволюции: «За фигурами Будды и Христа виднеется бесстыдное лицо капитализма».

Эта пропаганда велась через брошюры, лекции, «антирелигиозные музеи». Она была развязана в 1922 году, когда «Общество воинствующих атеистов» открыло в Москве антирелигиозный семинар, выпускавший иллюстрированный еженедельник «Безбожник». В 1923 к нему добавился адресованный рабочим «Безбожник у станка», в 1926 — толстый ежемесячный методологический журнал «Антирелигиозник». Издательство «Атеист» к 1930 году имело в каталоге семьдесят три названия, в том числе пятитомную «Историю атеизма», главной мишенью которой послужила католическая церковь.

4. Текущ я литер тур . В литературе до конца 1929 года конкурировали разные течения. Есенин не мог приспособиться к новому «железному веку» и, видя исчезновение патриархальных деревень своего детства, единственной своей истинной любви, изливал грусть в трогательных и простых, классических по форме стихах. Но он потерял себя в нэповской богеме и повесился 28 декабря 1925. «Се-

рапионовы братья» как группа распались, но продолжали творить по отдельности наряду с другими «попутчиками». Этот период дал «Бронепоезд» Всеволода Иванова, «Конармию» Бабеля, «Города и годы» Федина, «Барсуков» Леонова, «Зависть» Олеши — произведения, внушенные гражданской войной, конфликтом между городом и деревней, проблемами НЭПа. Это была литература независимая, полная движения, колорита, смелости и искренности. Формалисты в 1923 вынуждены были отказаться от своего союза, но многие продолжали печататься, прикрываясь марксистскими формулами, как Сакулин и Пиксанов.

Среди коммунистов Маяковский с полной преданностью исполнял роль пропагандиста и по повседневным поводам, и в кампаниях ударного «построения социализма». Его искусство упрощается, чтобы лучше воздействовать на массы; он проповедует, декламирует, провоцирует, сыпет стихами и статьями, участвует в антирелигиозной пропаганде, несет официальные мнения за границу. Он искренний поэт революции, тогда как Демьян Бедный — поэт режима. В это время в прозе сохраняют некоторую свободу проблематики и описания событий романисты Фурманов («Чапаев»), Гладков («Цемент»), Малашкин («Луна с правой стороны»), Тарасов-Родионов («Шоколад»).

Что касается молодых пролетарских писателей, то хотя Пролеткульт прекратился в 1923 году, у него остались наследники: «Кузница», к 1925 имевшая за плечами сорок томов, «Октябрь» с поэтом Безыменским и журналом «На посту», [группа] «Рабочая весна», основанный критиком Воронским «Перевал». Все они противопоставляли себя «Левому фронту», или «ЛЕФу», который обвиняли в продолжении футуризма, но боролись также и между собою. «Кузницу» упрекали в космизме и ирреальности, «Перевалу» были слишком свойственны предрассудки свободной и искренней литературы; «Октябрь» подвергался критике Воронского за кавалерийские наскоки на классические шедевры. Все эти группировки во главе с РАППом (Российской ассоциацией пролетарских

писателей) и МАППом (его Московской секцией) верили в пролетарскую литературу как единственно революционную и мечтали о монополии, которая ставила бы «попутчиков» в неравное положение.

Тем не менее в июле 1925 коммунистическая партия положила не выносить решений на этот счет. Владевшие литературным ремеслом «попутчики» были постепенно подведены к коммунистической идеологии, а неопытная пока пролетарская литература делала успехи. Таким образом, сохранялась возможность их конкуренции. Но ситуация ухудшилась, когда НЭП сменился политикой ускоренной индустриализации. С 1929 года последние формалисты вынуждены были замолкнуть. Сам Маяковский, не находя больше в общей атмосфере компенсации интимных неудач, покончил с собой 14 апреля 1930.

2. С 1930 по 1950

1. Ст линизм. Дискуссии имели место в коммунистической партии при жизни Ленина. После его смерти разнообразные уклоны группировались вокруг Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Каменева. Они касались лишь вопросов тактики, но не доктрины. В 1930 году восторжествовала «генеральная линия», и более не оставалось места ни для какого разномыслия. Эта система взглядов, при всех политических вариациях единая и стабильная, оставалась марксизмом-ленинизмом, но еще сильнее окаменевшим под надзором Сталина. Ее можно называть сталинизмом, и она будет царить безраздельно до самой смерти диктатора. Описать ее легко.

Исторический прогресс породил учение, которое, перейдя от Маркса и Энгельса к Ленину, приобрело окончательный вид в СССР благодаря гению Сталина. Это учение выражает объективную и всеобщую истину и позволяет в любое время объяснить ход вещей и выработать линию личного и коллективного поведения, при условии, что вы-

воды будут делаться компетентной властью: Центральным Комитетом коммунистической партии Советского Союза, вдохновляемой Сталиным, мировым вождем вершащего историю класса, в силу чего он непогрешим. Отсюда следует, что кто бы то ни был и в какое бы то ни было время, если он не согласен даже не с учением в целом, но лишь с одним из сиюминутных решений власти, — в любом случае заблуждается. Никакое личное убеждение немыслимо перед лицом установленной истины; выказанное же заблуждение служит помехой политике власти, а значит, ходу истории, и становится преступлением независимо от субъективных намерений виновного.

Эта система охватывала все: помимо экономики, общества и политики, она обнимала все науки о человеке, в первую очередь историю, разумеется, философию, но также и науки в буквальном смысле, от биологии и физики до математики и астрономии. Чтобы описать реальность, собственные данные каждой из наук должны быть интерпретированы в соответствии с непогрешимым учением.

Это учение, считавшее себя абсолютной истиной и отождествлявшее себя с прогрессом человечества, имело теперь влиятельного основоположника, носителя, защитника в лице Советского государства. Ибо все, что служило Советскому государству, служило человечеству. Ибо не было вида деятельности, не призванного служить Советскому государству: невозможно было даже вообразить понятий вроде «объективная история», «бескорыстная наука», «абстрактное суждение». Излагать тот или иной вопрос генетики не так, как принято актуальной советской политикой в области агрикультуры, — значит объективно действовать враждебно по отношению к СССР, а стало быть к учению, а стало быть к пролетариату, а стало быть к человечеству.

Обсуждаемое учение сохранило главную идею марксизма — материализм. Тем более, что отрицание человеческой личности как абсолютной духовной ценности служит

условием тотального господства Советского государства. Любая доктрина, которая рискнула бы прямо или косвенно вернуть понятие души или духа или хотя бы прибавила утонченности понятию о материи, создавала бы тем самым угрозу основам Советского государства.

Условие сталинизма — безусловное исключение всяких поисков истины в каком бы то ни было виде. То или иное утверждение отбрасывается не потому, что оно неверно с точки зрения правил логики или экспериментальных данных, но потому, что оно может подвергнуть сомнению официальные мнения. Когда случается дискуссия в высших кругах, она ведется не посредством доводов разума или фактов, а лишь с тем, чтобы при помощи цитат из Маркса, или лучше из Сталина, вскрыть отклонение от генеральной линии. Если, тем не менее, современные науки едины во мнении, а в священных писаниях не находится желаемых текстов, то какой-нибудь преданный власти специалист возводится в авторитетные интерпретаторы учения и оценивает всякую новую мысль: так в исторической науке было с Покровским, в педологии — с Вильямсом. Физиолог Павлов после своей смерти также превратился в непреложное мерило. Ученые, отклоняющиеся от установленной таким образом нормы, считаются вредными. Осуждению за идеализм подвергались концепции, гипотезы и методы, принятые во всем научном мире, такие как фрейдизм, теория относительности Эйнштейна, квантовая теория — чуть ли не вплоть до опытов Пастера по невозможности спонтанного зарождения, которые тоже можно было бы подвергнуть критике как работающие на идею божественного сотворения жизни.

В этом отношении хорошей иллюстрацией является история одного спора, длившегося с 1932 по 1950 год.

В 1932 году прошедшая в Ленинграде Конференция генетиков и селекционеров решает «привести генетику в соответствие с диалектическим материализмом». Как заявил молодой научный сотрудник, не имевший особых заслуг,

но зато коммунист — Лысенко, — речь шла о том, чтобы отказаться от результатов работ «буржуазных псевдоученых, поклонников Вейсмана, Менделя и Моргана». В самом деле, «если не признавать передачи по наследству приобретенных черт, то материалистическая теория эволюции жизни становится невозможной». «Клерикальной» западной науке он противопоставил русского ботаника Мичурина, несомненно добившегося хороших результатов в создании видов, нечувствительных к холодам и засухе, хотя ничто не гарантировало постоянства вновь приобретенных качеств. Лысенко, чемпион национальной науки, прозванной «диаматом», был избран членом Академии Наук и стал распоряжаться всей русской генетикой. Поскольку, тем не менее, всех возражавших ему сломить не удавалось, в 1939 под эгидой партийного философского журнала «Под знаменем марксизма» была собрана новая конференция, постановившая заменить «буржуазную и реакционную» генетику «подлинно советской наукой». В 1940 был лишен званий и сослан академик Н. Вавилов, истинный ученый, обвинявший Лысенко в насаждении средневекового обскурантизма. Начавшаяся вскоре война дала некоторую передышку не столь явно выступавшим упрямцам. Но в 1948 Лысенко на сессии Академии сельскохозяйственных наук вновь выступил, заявив, что Центральный Комитет партии одобрил его учение. И все же против него был выдвинут аргумент, единственно возможный тогда: что он упрощает марксизм и тем самым его искажает. Бесполезно: западная биология была осуждена как «идеалистическая и метафизическая», «инструмент империалистической экспансии», а «мичуринская школа» объявлена «единственной, могущей дать подлинно научное направление биологии». Последовали практические меры: «ликвидация» подлинных экспериментаторов, защищавших права науки, превращение Лысенко в неоспоримый авторитет, заполнение его друзьями и сторонниками Академии сельского хозяйства, лабораторий, журналов.

Науки теперь существуют не для самих себя, но ради нужд экономических программ, «кампаний», проводящихся на очередном «фронте». Самые высокопоставленные «научные работники» наравне с новичками вынуждены в согласии с утвержденным планом открывать новые промышленные вещества, снижать себестоимость, вводить механизацию или рационализацию в той или иной отрасли промышленности. Научные изыскания подчинены нуждам момента. Следовательно, больше нет органичного развития науки, есть лишь следование зигзагам, соответствующим изменениям в политике, хотя зачастую с трудом поддающимся объяснению, ибо надо всем царит мнение одного-единственного человека. Примером таких поворотов, со стороны кажущихся случайными, может служить судьба марризма.

Марр был настоящим эрудитом, автором интересной гипотезы о взаимоотношениях различных неиндоевропейских языков: грузинского, этрусского, баскского, азиатских. После революции он объявил себя революционным лингвистом, материалистом и марксистом. Он создал теорию, согласно которой язык является сугубо классовым явлением. Современные языки он выводил не из мертвых, а из скрещения гетерогенных языков, в свою очередь бравших начало в завоеваниях и революциях. Первобытному коммунизму соответствовали синтетические языки, кастовым обществам — агглютинативные, развитию классов — флективные. Первоосновой всего являлось слово, означающее руку — первое орудие труда. Столь «марксистская» теория была объявлена примером советской прогрессивной лингвистики, противостоящей западной сравнительной лингвистике, идеалистической и отжившей свое. Марр, умерший в 1934, оставался неоспоримым авторитетом. Малейшая критика марризма была поводом для увольнения, а кафедры были в руках у его последователей. Еще в 1949 году никакой вопрос лингвистики невозможно было излагать, не превознося до небес Марра и «превосходство марксистской лингвистики над буржуазной».

В течение четверти века марризм считался соответствующим диалектическому материализму. И вот 9 мая 1950 марризм подвергся критике в «Правде», официальном органе партии, затем в течение шести недель следовали резкие выступления о его антимарксистском характере, о его ответственности за застой советской лингвистики. Наконец, 20 июня его осудил лично сам Сталин. Отныне язык считался явлением базовым (а не надстроечным), национальным, независимым от классов, а сравнительный метод — единственно верным. Оставалось лишь перевести на русский язык книги А. Милля и его учеников, которых совсем недавно клеймили. Марристы же были обвинены в саботаже и поспешили отречься от своих заблуждений.

Действительно, коли всякое отклонение от «генеральной линии» ставит под сомнение разом СССР, пролетариат и ход истории, то естественно, что совершивший его осуждается и «ликвидируется». Отсюда успешные массовые аресты историков, экономистов, статистиков, физиков, биологов, которых часто на следующем витке реабилитировали и ставили себе на службу.

Всякая интеллектуальная деятельность подчинена политике и сиюминутной практике, философия сведена к «диамату», то есть «диалектическому материализму», застывшему в прописных формулах, которые должен был знать наизусть любой ученик любой школы, хоть музыкальной, хоть межевой, которые ежедневно упрощались властными разъяснениями в газетах, журналах, речах руководителей. Даже среди преданных режиму интеллигентов очень немногие читали сами труды Маркса, а начатое Рязановым их научное издание остановилось после его опалы в 1931. Все довольствуются комментариями и изложениями, или, лучше всего, сталинскими «Вопросами ленинизма», постоянно переиздаваемыми массовыми тиражами. Журнал «Вопросы философии», сменивший «Под знаменем марксизма», плачевно убог. Огромный, в 766 страниц, сборник «История русской философии», появившийся в конце 1950 года, пережевывает скудость самого

вульгарного позитивизма 1860-х. С 1930 года нет больше живой мысли, даже внутри марксизма.

2. В ри ции ст линизм . Данное выше описание относится к двадцатилетию между 1930 и 1950 годами. Система стабильна. Она только выказала способность к вариациям в своем применении.

Так, поначалу заявляли, что математика бывает марксистская, а бывает буржуазная, последняя обречена на бесплодие. Картины в музеях располагались в соответствии с марксистскими схемами. Крыленко полагал, что существует марксистский способ игры в шахматы. В то время марксистский период истории России противопоставлялся предшествующему, как свет тени.

Начиная с 1934, принимая во внимание международную обстановку, руководители начинают затушевывать эту противоположность. В приказном порядке восстанавливается преемственность между СССР и старой Россией. В один прекрасный день официальный стихоплет Демьян Бедный получил суровую отповедь за то, что высмеял витязей из народных легенд, а историк Бахрушин был возвращен из ссылки для возобновления научных работ, освещающих обращение Руси к христианству как прогрессивное для своего времени явление. Вновь в почете некогда развенчанные герои, цари Иван Грозный и Петр Великий. Советский патриотизм — наследник патриотизма русского, даже великорусского. Составленный в этом духе очерк русской истории был опубликован в 1937 году, отменив принятый прежде за образец очерк Покровского.

Вместе с тем в этот период имели место массовые «чистки» 1936–1938 годов, каравшие за настоящие или прошлые «уклоны», на самом деле совершенно незначительные, но безмерно раздутые. Тогда же еще неистовей стала война с религией: в итоге второй пятилетки не должно было остаться действующих церквей. Против религии были мобилизованы все науки, все технические средства.

В 1941 началась война. Патриотизм превратился в шовинизм: Россия есть авангард цивилизации и всегда им была. Марксистские крайности смягчились. Антирелигиозная пропаганда свернута, православная иерархия интегрирована в государство, и отправление культа стало реально возможным. Эти новшества вовсе не означали терпимости к религиозной мысли, ибо еще суровей, чем прежде, пресекались как религиозное образование, так и какое-либо выражение отличных от «диамата» идей.

После 1945 положение вещей осталось тем же. «Журнал Московской патриархии» главным образом призван служить русскому отечеству и славе Сталина. Пропаганда атеизма возобновилась под эгидой «Общества по распространению политических и научных знаний». Любая «идеалистическая» мысль остается запрещенной, а марксистская ортодоксия вновь торжествует. Этот период характеризуется еще более явной, чем когда-либо, оппозицией всему, что считается «западным», войной с «космополитизмом», на щит поднимается все русское, вплоть до царского империализма: так, в учебниках истории сопротивление горцев Кавказа русскому завоеванию при Николае I определяется как «реакционное движение на службе английского капитализма, противоречащее подлинным интересам народа». Такова нынешняя позиция.

3. Литер тур . Сходные перемены в политике ощущаются и в сфере литературы и искусства. С 1929 по 1932 была тирания РАППа и МАППа во главе с критиком Авербахом. Литература должна была или не быть вовсе, или быть пролетарской и напрямую служить пятилетнему плану. Писателей сгруппировали в бригады и отправили на заводы, стройки и в *колхозы*, чтобы они повествовали о великих свершениях партии, славили преданных ей строителей и ругали саботажников. Из этого не родилось никаких шедевров, и даже такие вещи, как «Волга впадает в Каспийское море» Пильняка или «Дурак» Леонова оказались

ниже способностей авторов. Что же до писаний Гладкова, Шагинян, Катаева, то они вовсе не остаются в памяти. Изобиловали лишенные какой-либо литературной ценности документальные очерки. Крупными штрихами и яркими красками описывалось процветание колхозников.

Второй период начался 23 апреля 1932 с резолюции Центрального Комитета Коммунистической партии, ликвидировавшего РАПП и его филиалы и призвавшего «объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей». На первый взгляд, это было освобождение: предшествовавший период был назван троцкистским уклоном и саботажем. Но особенность была в том, что Союз создавался единственный, возглавить его должна была собственная коммунистическая организация, а в качестве литературного стиля ему предлагался социалистический реализм. Итак, нет больше независимых группировок, нет соперничающих школ. Социалистическому же реализму так никогда и не было дано точное определение, но изначально заведомо исключалось любое превалирование формы над содержанием, в содержании же — любые не социалистические тенденции. На первом съезде Союза Сталин назвал писателей инженерами душ, давая понять, что они должны всегда служить целям государства и партии. Несомненно, социалистический реализм останется официальным стилем советской литературы.

Наиболее заметным результатом социалистического реализма стало сведение стиля к самому банальному классицизму, заменившему зачастую дерзкие поиски первых лет революции, да назойливое повторение романтических порывов времен гражданской войны. Произведения, появившиеся после 1932, совсем не обогатили русскую литературу и уже забыты в собственной стране. «Как закалялась сталь» Николая Островского, автобиографический роман, не представляющий художественной ценности, до сих пор

рекомендуется для прочтения, поскольку рассказывает о формировании характера молодого коммуниста, его героизме сначала в революции, потом в работе на стройке.

В последние предвоенные годы, когда власти велели прославлять патриотизм, появилось множество исторических романов о великих русских людях — Александре Невском, Иване Грозном, Пушкине, Грибоедове, героях Цусимы. Существовали даже роман Павленко «На Востоке», заранее описывавший победное отражение японского вторжения, и новелла Шпанова «Первый удар» о нападении Германии на Россию.

Это была подготовка к литературе, расцветшей между 1941 и 1945. Достаточно привести несколько названий: «Дмитрий Донской», «Чингиз-хан», «Маршал Кутузов», «Маршал Суворов», «Севастопольская страда», «Брусиловский прорыв», — чтобы увидеть стремление увязать настоящее с давним и недавним военным прошлым. В то же время изобиловали рассказы о современности, часто похожие на репортаж: «Наука ненависти» Шолохова, «Война» Эренбурга, «Испытание чувств» Федина, «Нашествие» Леонова — это все театральные пьесы. Единственный появившийся новый талант — К. Симонов, автор романа «Дни и ночи Сталинграда», написанного естественно и просто, а также сборника военных стихов, дышащих дикой ненавистью к врагу. В конце 1945 года Фадеев в романе «Молодая гвардия» восторгался гражданскими доблестями и личными достоинствами молодых участников сопротивления из города Донца [Краснодона]. Во всей этой литературе мотивы сугубо коммунистические уступают место патриотическим и воинственным настроениям.

Должна была последовать реакция. 14 августа 1946, использовав как повод публикацию в двух ленинградских журналах лирических стихов Ахматовой и сатирического рассказа Зощенко, Центральный Комитет партии указал, что литература должна помогать государству в воспитании

населения и что никакие аполитичные, лишенные идеологии произведения не могут иметь места. Затем собрание писателей Ленинграда уточнило, что авторы должны иметь целью размышления о «величии победы, патетике подъема и социалистического строительства, героических усилиях советского народа по выполнению и перевыполнению нового сталинского пятилетнего плана», что «невозможно без углубленного изучения учения Маркса-Ленина и без ясного понимания политики партии и правительства». Чтобы стало еще яснее, Жданов напомнил авторам о «традиции великих русских революционных демократов Белинского, Добролюбова, Чернышевского, сформулированной и научно выработанной Лениным и Сталиным».

Не видно, чтобы эти директивы, сопровождавшиеся повторным осуждением «космополитизма» и «формализма», породили замечательные произведения. То же положение и с искусством, несмотря на обещание «Правды» в 1948, что «борьба с аполитизмом и формализмом приведет к расцвету изобразительных искусств». Сходные указания получила и музыка: «Пишите музыку для миллионов... Помните о культурных нуждах трудящихся!» Повсюду, в прозе, поэзии, театре, живописи, графике, музыке, лучшее из того, что можно увидеть, — это талант, в безнадежной борьбе пытающийся освободиться от пут системы. Остальное — конформизм и посредственность.

Г. Эмигр ция

Продолжение Русский Ренессанс XX века нашел в эмиграции в произведениях уже известных писателей и мыслителей, а также в некоторых идейных течениях. Но как бы ни были хороши люди и идеи, силою вещей тем и другим недоставало естественной среды: у писателей все сводилось к воспоминаниям, философы имели очень узкую аудиторию, а идейные движения с трудом освобождались от по-

литики. Если к этому прибавить материальные трудности, революции в давших убежище странах, личные превратности, то тем более следует восхищаться тем, что независимая русская мысль в течение этих тридцати лет ухитрялась жить и выражать себя.

Объяснение кроется в интеллектуальном качестве эмиграции: из миллиона с лишним эмигрантов первых лет почти три четверти имели среднее, а половина — высшее образование. Сыграла также роль свойственная русским способность к коллективному действию, например созданию журналов, газет, издательств, образовательных центров. Некоторые из этих инициатив были, впрочем, поддержаны правительствами или частными организациями. Наконец, национальной мысли давала опору и даже вдохновляла религиозная обособленность православия.

1. Первый период. Первая эмиграция состояла из врагов революции как таковых — монархистов, побежденных участников гражданской войны, «кадетов», — тех, кто ужасался или презирал «анархию», «предательство» Брест-Литовска, террор. Бежали через все границы и старались остановиться неподалеку от них в надежде скоро вернуться: в Финляндии, прибалтийских странах, Софии, Харбине. Отношение было тогда совершенно негативное: Леонид Андреев, умерший в 1919 году в Финляндии, не видел в революции ничего, кроме бунта рабов, русского хамства, позора, безумия, ада.

Тем не менее уже тогда значительная группа эмигрантов осела в Париже. Сначала Бурцев, Алексей Толстой, князь Львов; в 1920 Бунин, Куприн, Мережковский и Гиппиус, Хмелев, Бальмонт. Появились первые попытки объяснить события: Алексей Толстой видел предтечу большевизма в декадентах и футуристах, обвинял Ленина в проведении опытов на теле России. Князь Львов пошел дальше, предъявив счет Западу: «Вы, западные люди, наши наставники, а мы ваши ученики... Мы гибнем из-за вас.. Утопии, пара-

доксы, абстракции, подарки Запада... были приняты в России как истины. Русская кровь была отравлена Западом. Россия погибла, потому что хотела быть верной четырнадцати пунктам Вильсона и установить всемирную справедливость. Запад должен возместить причиненное им зло». Вокруг этих двух взаимосвязанных вопросов — смысла большевизма и отношений России с Западом — и будет работать эмигрантская мысль. Второй вопрос в сущности традиционен, он лишь принял новую форму.

В 1920 в Париже было основано множество изданий. «Грядущая Россия», ежемесячный литературно-политический журнал Чайковского, Алданова, Нольде, вышел лишь дважды в январе и апреле, но включал первые главы «Хождения по мукам» А. Толстого. Напротив, ежедневник П. Милюкова «Последние новости» прожил долго, до 1940, так же как и ежемесячный журнал «Современные записки», с их идеей, что большевизм является делом русских и Западу не следует вмешиваться.

2. «Смен вех». Польское нападение 25 апреля поставило для многих советскую власть в положение защитника России. Затем русская победа, конец гражданской войны, отказ от «военного коммунизма» и с марта 1921 «новая экономическая политика» были частью эмиграции расценены как упрочение новой власти и ее возвращение на демократические пути.

Еще в Харбине профессор-«кадет» Устрялов высказал мысль, что революция перестала быть фактором разрушения и распада, а созрела как национальная созидательная сила. В Париже еженедельный сборник под заглавием «Смена вех» поставил себе целью распространять аналогичное направление мысли. Вышло двадцать его выпусков с осени 1921 по 1922 год. В Праге тоже был издан сборник под тем же названием. Таким образом, речь шла о следующем, после памятных «Вех» 1909, повороте интеллигенции: констатируя социальную революцию как факт, они признавали новую власть как поборника национальных интересов.

К концу 1921 года интеллектуальная столица эмиграции переместилась из Парижа в Берлин. Это имело как экономические (хороший курс марки), так и политические причины (близость к России, возможность коммерческих контактов с нею). С весны 1922 представители нового направления издавали в Берлине свой ежедневный орган «Накануне» с «Литературным приложением», выходивший до 1924. Однако из идеологического, каким был поначалу, он быстро превратился в политический: слишком явно он служил советским целям, чтобы не выглядеть орудием большевиков, и это его дискредитировало.

3. Берлинский период. К концу 1922 года Берлин обогатился цветом русской интеллигенции. Это были не только изгнанные в сентябре из СССР за идеализм двадцать пять философов, историков, писателей, но также Струве, приехавший в 1921 Горький, Андрей Белый, В. Зайцев, перебравшийся из Парижа А. Толстой, Эренбург. Если еще с 1919 Ладыжников в германской столице занимался переизданием Тургенева, Толстого, Достоевского, Лескова, то теперь число русских издательств умножилось: в определенные моменты их насчитывалось до тридцати. Гржебин затеял под патронажем Горького собрание классиков с примечаниями Амфитеатрова, выпустил шесть томов Зайцева, семь томов воспоминаний о революции меньшевика Суханова, «Пять дней» левого эсера Мстиславского. Скифы опубликовали множество произведений Блока, Белого, Есенина, Клюева, Иванова-Разумника, Ремизова, Шестова и других. Появлялись журналы: по искусству, вроде роскошной «Жар-Птицы»; по истории — как объемистый «Архив русской революции» И. Гессена; и особенно литературные — например, «Эпопея», куда Белый отдал свои «Воспоминания о Блоке».

Наряду с литературой расцвела философия, возглавляемая Бердяевым, Франком, Вышеславцевым. 26 ноября 1922 была открыта Религиозно-Философская Академия, возобновляв-

шая, по замыслу основателей, Религиозно-философские общества. Бердяев одно за другим выдал «Миросозерцание Достоевского», «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы», «Философию неравенства, письма о социальной философии»; написал и издал книгу «Новое Средневековье», сделавшую ему репутацию на Западе. Книга была проникнута размышлениями о ходе истории, в ней сильно ощущалось влияние недавних событий. Бердяев писал, что родившийся в эпоху Ренессанса атеистический гуманизм привел к тьме индивидуализма или обожествленного коллективизма, и «тени спустились на Европу». В них, как в Средние Века, начинается новый мир, где единственным духовным средоточием станет Церковь, но Церковь ожившая, экуменическая. На смену прежним абстракциям капитализма и социализма придет святой реализм: материальная и интеллектуальная работа; духовные и экономические профессиональные объединения; государство сольется с обществом, но обществом, направляемым аристократией разума. Россия же вдвойне во тьме, потому что не знавала Ренессанса и гуманизма. Для нее революция является и бедствием, и искуплением. Большевизм, грех народа в целом и каждого лично, не искоренить контрреволюцией: он должен быть сначала побежден духовно, а уж потом политически. Россию не спасти извне, и пребывающая в агонии Европа ничего не может ей дать. Будущее России зависит от веры ее народа и очистившейся в гонениях Церкви.

В том же духе Франк выдержал свое выступление о «Крушении кумиров»: кумира всеобщей революции как панацеи (не следует менять его на противостоящих кумиров капитала или монархии); кумира политики (ибо никакой политический режим сам по себе ни плох, ни хорош); кумира западной культуры (не надо менять его на отвращение к ней же); кумира морального идеализма (ибо не существует категорического императива вне живой реальности родины и Бога).

И у Бердяева, и у Франка совпадают разочарованные суждения о Западе. Близки они и настроению, свойственному теперь группе «Евразийцев».

4. Евр зийское движение. В 1921 филолог князь Н. С. Трубецкой в брошюре «Европа и человечество» вернулся к положениям, уже выдвигавшимся в XIX веке Данилевским и К. Леонтьевым. Речь шла о том, что европейская цивилизация не имеет права отождествлять себя с цивилизацией как таковой: она не более чем «продукт истории определенной этнической группы». Идея была тут же подхвачена сборником «Исход к Востоку», опубликованным в Софии окрестившими себя «евразийцами» П. Савицким, П. Сувчинским, Н. Трубецким и Г. Флоровским. Романо-германскому Западу противопоставлялось обширное пространство культуры всадников Европы и Азии, где русских окружали угро-финские, тюрко-татарские и монгольские народы: это пространство также по праву принадлежит миру. Теория родилась, очевидно, в противовес негативному отношению Запада к России после революции. По той же причине она имела достаточно широкий успех среди эмиграции. Она развивалась в серии сборников и брошюр, изданных в Берлине, Париже, Праге и опиравшихся на исторические, географические, ботанические, даже лингвистические доводы: применительно ко всем этим сферам доказывалось евразийское единство. Россия являлась не чем иным, как последней степной империей, после сарматов, скифов, гуннов и монголов. На ее историю надо смотреть с Востока, а не с Запада, и Г. Вернадский публикует в 1927 задуманный под этим углом зрения «Очерк истории Евразии». Евразийцы без зазрения совести восхищались Чингиз-ханом и упрекали царей за прозападную политику. В религиозном отношении причину всех грехов они видели в латинизме и восторгались православием, в основе которого, как они полагали, лежали евразийские языческие культы. Дань этому движению воздали такие философы, как Франк и, в особенности, Карсавин.

К несчастью, амбиции руководителей евразийства привели к попыткам превратить его в политическую силу. В феврале 1927 конференция евразийцев сформулировала экономическую и политическую программы. Полагая, что революция принесла России благо рациональной экономики, они высказывали лишь пожелание восстановления прав личности, имея в виду создать наряду с национализированными государственными секторами промышленности некоторое количество частных предприятий. Советы должны были остаться выборным представительством трудящихся, но государство оказалось бы под руководством способной элиты, такой же хранительницы евразийской идеи, как коммунистическая партия — марксистской. Новый режим мыслился не демократией, а идеократией. Подобная программа, да плюс идеи о СССР-Евразии, противостоящей Западу, готовили возможность сближения евразийцев с советским правительством. Оно не замедлило произойти, и течение мысли, обновлявшее концепции славянофилов и, хотя в преувеличенном виде, но содержавшее некоторые истины, очень быстро оказалось ослаблено и разложено политической тенденциозностью. К 1935 году оно уже доживало свое, в основном в Праге.

Возникали и другие «пореволюционные» группировки, считавшие революцию фактом, который невозможно отрицать; но они были сугубо политическими, лишенными свойственных евразийству интеллектуальных посылок: таковы «младороссы» Казем-бека.

5. Философское и теологическое движение. С 1924 года начался отлив, лишивший Берлина роли интеллектуальной столицы диаспоры. Существенная группа профессоров, историков, экономистов, ученых оставалась в Праге, вокруг Университета, Славянской библиотеки и русских архивов, которые с 1932 собирались усилиями всей эмиграции. Там с 1927 работал Seminarium Kondakovianum, посвященный истории искусства, византийским и рус-

ским древностям. Прага была также средоточием народнического и крестьянского направлений. Белград и София имели свои институты, публикации, религиозные движения сугубо антиреволюционной ориентации. Мистическое направление православия поддерживалось в монастыре на о. Валаам в Финляндии, с его трудами о «молении Иисусу».

Наиболее оживленной русская мысль 1924–1939 годов была в Париже. Правые группы с 1925 имели там ежедневник «Возрождение», куда писали Струве и Карташов. Левые с июня 1937 — журнал «Русские записки», руководство которым с апреля 1938 осуществлял Милюков. В Париже в 1937–1938 встречались, скажем, в Религиозно-философской академии — Бердяев, в двадцати лекциях говоривший о «человеке перед его внутренними противоречиями и перед историей»; Вышеславцев, трактовавший «трагизм жизни»; Федотов с «христианством и нацией»; Мочульский с «религиозной мыслью Достоевского, Несмелова и Розанова». Отец Булгаков преподавал в Православном богословском институте, основанном в 1925. В августе того же года начал выходить журнал «Путь», орган религиозной мысли, вышедший до марта 1940 в шестьдесят одном на редкость содержательных номерах. Наконец, русские издательства Христианской ассоциации молодежи (YMCA) давали возможность публиковать свои работы жившим в Париже и других местах богословам, философам и писателям. В то же время они старались с помощью интеллектуальной и духовной деятельности вызвать подъем Христианского молодежного движения, основанного в 1923 и сразу же принявшего чисто православное и аполитичное направление.

В самом общем виде можно сказать, что вся эта парижская активность была направлена на возобновление или продолжение свободных интеллектуальных поисков дореволюционной поры. В то время как в Белграде Георгий Флоровский вел свою теологию и экклезиологию к строгому византийскому православию и в чрезвычайно эру-

дированной книге «Пути русской теологии» (1937) сурово судил о мыслящих слишком индивидуально, в Париже люди светские и церковные вольно рассуждали о вопросах как вечных, так и выдвигаемых современностью.

Отец Булгаков, пользовавшийся большим авторитетом благодаря деятельности духовника, преподаванию, многочисленным статьям и брошюрам и особенно трактату о Богочеловеке в трех томах: «Агнец Божий» (1933), «Святой Дух» (1936), «Невеста Агнца» (1945), придал софиологии дерзкое развитие. Премудрость не испостась, но ипостасность; она лишь персонифицируется через три ипостаси; она есть идея тварного мира, вечно пребывающая в Боге; так разрешается внутренняя антиномия первоначального творения и становится возможным конечное обожествление мира. Вся христианская система, Воплощение, Искупление, роль Святой Девы и Церкви, были перетолкованы Булгаковым с точки зрения системы, никоим образом не обоснованной ни Писанием, ни традицией, но перекликающейся, пожалуй, с идеями Оригена и Климента Александрийского. Смысловой центр христианства перемещался от Христа к Софии, от Божественного всемогущества к душе мира и свободе творения. Софиологию подвергли цензуре одновременно митрополит Сергий Московский и Синод в Карловцах, самая консервативная фракция Церкви в изгнании. Терпимо к ней отнеслись Церковь митрополита Евлогия, экзарха Константинопольского патриарха, и Бердяев, отдавший должное в «Пути» полной свободе церковной мысли.

Бердяев может служить примером необыкновенной плодовитости. Он продолжал излагать свои метафизические концепции «несотворенной свободы, необходимости для Бога сотворения человека, объективации, абсолютной ценности личности и трагического конфликта с миром» в многочисленных трудах: «Дух свободы [Философия свободного духа]», «О назначении человека» (1931), «Cinq meditations sur l’existence», «Дух и реальность». Но для него теория всегда связана с жизнью, человеком, бытием. Поэтому он не-

престанно прилагает философские размышления к актуальным проблемам: капитализм и социализм, классовая борьба и христианство, марксизм и религия, правда и ложь коммунизма. Он убежден в том, что путь прогресса проходит посередине между капитализмом и коммунизмом, противоречащими личности и свободе, — через христианство, очень разное как на практике, так в мысли «недостойных» современных христиан. Он высказывает это во множестве статей, речей и брошюр, выходящих на русском, английском, французском языках и создающих ему широкую известность в прогрессивных кругах и среди молодежи. Бердяев — единственный современный русский мыслитель, принятый западным миром и реально на него воздействующий. Можно сказать, что он, — экзистенциалист, персоналист, прогрессист, — вошел в пореволюционное течение мысли и значительно его усилил. Наименьшее влияние он снискал в русских кругах.

В эмиграции созревали таланты, не имевшие времени проявиться раньше. Г. Федотов, один из самых деловитых сотрудников «Пути», рассматривал религиозную мысль, историю, политику не абстрактно, а в применении к русскому народу: «Святые древней Руси» (1931), народная вера в «Стихах духовных» (1935). Он хотел основать политическое движение «Новый Град», отправными точками которому должны были послужить «народная революция», живая и творческая, не похожая на революцию коммунистическую, и отказ от идолов — монархии, социализма, формальной демократии.

6. Литер тур . Литература эмиграции продолжила не символистскую или модернистскую, а реалистическую линию литературы императорской России. Это — Бунин, Куприн, Хмелев, сотрудники сборников «Знание», да и сам Горький в эмиграции, а также А. Толстой, Б. Зайцев, А. Ремизов, позднее Замятин, — все более-менее близкие к реализму. Писатели-новаторы, напротив, приняли революцию: за границей они представлены лишь Мережковским, Гиппиус, Бальмонтом.

Последние молчали. Мережковский отвернулся от русских сюжетов. Одни реалисты продолжали, с различными нюансами, былую литературную жизнь: у Бунина больше искусства, у Хмелева иногда больше резкости, а иногда — ностальгии, Зайцев более интимен и мягок, у Ремизова больше индивидуальности, фантазии и замысловатости. Их лучшие произведения — из личных воспоминаний, воссоздающих исчезнувшее общество, рассказы о путешествиях или жизни классических авторов. Бунин лишен идеологии; Ремизов черпает из народных источников, фольклора, старых фантастических, полуязыческих рукописей; Хмелев питается почтением к прошлому; Крымов жесток к мертвым. Эти мастера имеют учеников. У эмиграции есть и свои поэты, довольно многочисленные. Эфемерные журналы, самые значительные из которых уже были названы, публикуют их произведения. В этой несколько беспорядочной активности сложно различать тенденции; по крайней мере, она свидетельствует о достойной похвалы жизнеспособности.

7. Войн . Война во всех странах прервала большую часть эмигрантской деятельности. Она породила противоречивые настроения: сначала возрождение надежд на реставрацию, поощряемое успехами немцев; затем сильные патриотические порывы, быстро принявшие политическую, просоветскую окраску. На таких позициях находится философия статей Бердяева, собранных затем в книгу «На пороге новой эпохи». Новая эпоха — эпоха советской социалистической России, осуществляющей вечное призвание России в мире — синтез Востока и Запада, общинности и личности, и создание самого справедливого социального устройства. Это поспешное отождествление Советской России с Россией идеальной вызвало протесты более внимательных к реальности мыслителей: Г. Федотов, уехавший в Соединенные Штаты, удивлялся, каким образом философ свободы мог превратить в абстракцию отсутствие свободы в СССР.

8. Послевоенное время и нов я эмигр ция. Новая эмиграция состояла из людей, выросших при советском режиме, и включала немалое число интеллигентов, принесших компетентные, взвешенные суждения об СССР и придавших новую жизнь зарубежной русской мысли и литературе. У нее два главных места пребывания — Соединенные Штаты и американская зона в Германии.

В Соединенных Штатах новая эмиграция соседствовала со старыми эмигрантами, частью жившими там давно, частью недавно выгнанными из Европы коммунистической экспансией; таким образом сложился новый интеллектуальный центр русской эмиграции. В Нью-Йорке существует великолепный триместровый журнал, где представлены все направления мысли — «Новый журнал», возглавляемый профессором Карповичем. Ежедневная газета «Новое русское слово», стремящаяся к литературному сотрудничеству. Издательство, под эгидой имени Чехова печатающее неизданные произведения, а также не востребованную в СССР классику. Там происходит большая работа если не по созданию, то по крайней мере по сохранению немарксистской русской мысли во всех ее проявлениях.

В Мюнхене вновь прибывшие эмигранты создали в 1950 мощный Институт по изучению истории и культуры СССР. Во Франкфурте-на-Майне базируется «Посев», еженедельный литературно-политический журнал, в качестве программы принявший солидаризм. Солидаризм, считающий своими предшественниками Кропоткина, Леона Буржуа, Бугле и Ш. Гида, выработал в декабре 1950 программу «национальной революции», понимаемой во всей полноте: общество, государство, экономика, социальная политика, культура, установление нового режима. Под новым режимом подразумевается осуществление той революции, какой чаяла нация в 1917. Как и во всех «постреволюционных» системах, речь идет о согласовании с идеей прав человека достигнутых результатов революции, направленных на укрепление государственной власти и считающихся

позитивными. Но «солидаристы», в отличие от евразийцев, вынесли из своего советского воспитания большую неприязнь к идеологическим и философским конструкциям. «Посев» издал в Ратисбоне Гумилева и Есенина.

Старая эмиграция не обновлялась, более того, с конца войны обеднела. Она лишь частично восстановила былую деятельность. Смерть Булгакова в июне 1944 оставила большую пустоту в религиозной мысли. Философская мысль оказалась представлена лишь двумя бывшими марксистами, имена которых мы встречали в начале этого очерка: С. Франком и Н. Бердяевым.

Если первый незадолго до смерти в 1950 в Лондоне завершил свой путь «очерком христианской этики и социологии» — «Свет во тьме» (1949), то второй вновь обратился к апокалиптическим видениям («Опыт эсхатологической метафизики», «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»). «Буржуазная цивилизация... мучительно угасает»; «сопротивление, которое поднялось против будущего для защиты разлагающегося мира, — нелепость и зло»; «Христиане находятся не на столь высоком нравственном и духовном уровне, чтобы позволить себе отрицать и осуждать марксистов», — писал он в 1947 в предисловии к сборнику «На пороге новой эпохи». Но и он был разочарован СССР, в котором не произошло ожидавшихся великих изменений, и, оправдывая советские тоталитаризм и национализм, первый как «извращение религиозного инстинкта», второй как следствие избытка патриотизма, он вынужден был признать в первом угрозу полного крушения свободы, а во втором — зло. И закончил сознанием бессилия: «В исторических судьбах действуют иррациональные принципы, которые сами по себе не являются злом, но могут, однако, порождать его. Невозможна борьба против этого зла лишь с помощью разумных принципов, так как они утратили всякую силу. Можно бороться только с помощью веры, которая сверхрациональна». Это заключение не было отменено последними стра-

ницами его «Самопознания», опубликованного в 1949, вскоре после его смерти.

Таков, в итоге, философский конец истории человека, который своей творческой смелостью, огромной культурой, страстным поиском, постоянной изменчивостью и финальным крахом наиболее возвышенно и талантливо воплотил русский Ренессанс минувшего полувека.

Н. К. Г врюшин

За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н. Н. Страхова

«Боратынским нашей философии» называл Николая Николаевича Страхова (1828–1896) его именитый биограф.[1] Удивительно меткое определение: та же созерцательность, неформальная религиозность, переживание мистической глубины бытия, поразительное чувство языка...

Можно было бы еще добавить, что Т. И. Райнов считал страховский «Мир как целое» «лучшей русской книгой по философии», но надо иметь уверенность, что сам Райнов достаточно известен за пределами узкого круга историков науки...

Есть, впрочем, в отношении Н. Н. Страхова совершенно другие, куда менее лестные суждения и эпитеты, главным образом принадлежащие кругу поклонников В. С. Соловьева...

Не затевая дискуссию о месте Страхова в истории русской мысли и не ставя своей задачей дать анализ всего его творческого пути, мы хотим поведать о той «буре помышлений сумнительных», которая реально происходила *по ту сторо-*

[1] *В. В. Роз нов*. Литературные изгнанники. М., 2000. С. 330.

ну его убежденно построенных публичных выступлений, и, опираясь, главным образом, на эпистолярное наследие, заглянуть в мир его мысли *изнутри*.

* * *

В 1878 году Н. Н. Страхов писал Льву Толстому: «Христианство все в себе совместило — и буддизм, и иудейство, и язычество; оно отозвалось на все вопросы сердца, — зато понимать его уже вовсе невозможно. Как мне горько иногда, что, воспитанный на евангелии, я теперь не могу читать его с ясной мыслию. Буддизм или магометанство понятнее — Вы сами это знаете».[2]

Страхов был уже не молод — в том году ему исполнялось пятьдесят лет. Он был известным философом, литературным критиком, одним из идеологов почвенничества — консервативного направления в русской историософской и социально-политической мысли, принявшего эстафету у славянофилов. И — что отнюдь немаловажно — выпускником Костромской духовной семинарии... Выходит, что бурса не помогла ему в *поним нии веры*, не привела в *р зум истины*? И как с такими неустоявшимися религиозными воззрениями мог он строить национальную идеологию?

А может быть, он ее вовсе и не строил?

Сотрудник и собеседник двух величайших русских писателей — Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского — Страхов как религиозный мыслитель отнюдь не является сателлитом того или другого. Он открывает свой, адогматический путь критической созерцательности, который ошибочно был принят многими его противниками как односторонне-консервативный...

Страхов глубоко переживал это упорное непонимание. В 1890 г. он писал Л. Н. Толстому: «Когда я говорю против Дарвина, то думают, что я стою за катехизис; когда против

[2] Толстовский Музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 148.

нигилизма, то считают меня защитником государства и существующего в нем порядка; если я говорю против вредного влияния Европы, то думают, что я сторонник цензуры и всякого обскурантизма и т. д. О, Боже мой, как это тяжело!»[3]

Но ведь и в самом деле, однозначно трактовать позицию Страхова было очень непросто. Вчитаемся теперь в его текст, опубликованный в 1894 г. и посвященный защите книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»:

«Бог и его святая *церковь,* — пишет здесь Страхов, — вот что *выше* всего для *человек* , твердо держащегося православия. Если мы обобщим, то должны будем сказать, что *религиозн я и нр вственн я обл сть стоит для всякого человек выше истории, культуры и всякой политики. История есть дело земное, временное; мы всегд носим в себе позывы к небесному, вечному...* Для человека, ищущего спасения своей души, для того, кто глубоко погружен в вопросы нравственности, *история исчез ет* или является не в том виде, как обыкновенно... В той или иной степени мы всегда *отрек емся от мир* , когда начинаем искать Бога».[4]

Вот, кажется, позиция убежденного религиозного мыслителя, давно преодолевшего многоразличные сомнения и недоумения, который вплотную подошел к последним вопросам мессианства и личностной сотериологии, следования за «историческим Христом» и встречи Духа Утешителя...

Но ведь тот же Страхов в 1890 году, рассказывая Толстому о читательской реакции на свою «Поездку на Афон», недоумевает, «как из церковно-верующих никто <...> не заметил, что *Поездку* писал не верующий».[5]

Можно ли все это согласить?

---

[3] Там же. С. 404.

[4] *Н. Н. Стр хов*. Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского // Русский Вестник. 1894. Октябрь. С. 136–138. Цит. по: *В. В. Роз нов*. Литературные изгнанники. М., 2000. С. 84–85.

[5] Толстовский Музей. Т. II. С. 405.

Заметим, что характер отношений Страхова с Толстым дает основания придавать особое значение их переписке: она глубоко искренняя, интимно-доверительная. Страхов однажды написал Толстому: «Перед вами я всегда как перед исповедником!»[6] К теоретическим и критико-публицистическим статьям идеолога почвенничества его признания, сделанные в письмах к Толстому, дают чрезвычайно ценные, порой весьма контрастные дополнения и уточнения.

В чем же особенность *пр восл вия* «неверующего» Страхова, возможна ли вообще *историософия* у мыслителя, по сути дела ставящего историю ни во что, есть ли и какая за всем этим *мет физик* ?

Как «неверие», так и «православие» Страхова весьма неоднозначные, и разобраться в характере его религиозного мира — задача отнюдь не простая, но без ее решения хотя бы в общих чертах все прочие суждения об этом интереснейшем мыслителе буквально повисают в воздухе...

Религиозный мир Страхова

Уже одно то обстоятельство, что, окончив семинарию, Страхов отправился продолжать образование в светские учебные заведения по естественнонаучной проблематике, говорит о многом. В области религии ничто не подвигло его к дальнейшим изысканиям. Она ему была преподнесена в бурсе так, что его ум в основном остался невостребованным. Тем не менее семинария дала Страхову достаточно много в плане общего духовного настроя, привычки самонаблюдения.

В своем стилизованном панегирике Н. М. Карамзину Страхов вспоминает: «О моя семинария! Когда-нибудь я напишу о тебе «особую поэму», разумеется в прозе, но —

---

[6] Там же. С. 236.

никогда я не помяну тебя лихом. Ты запечатлелась в моем воображении картиною светлою, идиллическою».[7]

В его памяти сохранились высокие религиозные переживания, нравственные максимы, молитвы. Вот характерное начало его письма к Л. Н. Толстому от 17-го ноября 1879 г.: «*Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух пр в обнови во утробе моей*. Эту молитву я часто вспоминал в последние двадцать или тридцать лет, когда случалось мне мучиться совестью. Теперь я вспомнил ее, задумавши писать о своей жизни; нужно писать в хорошем духе, т. е., ясно понимая, что я делаю, и спокойно и твердо соблюдая истину, — а это мне очень трудно».[8]

Итак, с семинарской скамьи *молитв* — всегда со Страховым. Но догматика и метафизика не были раскрыты перед ним как историческая *др м идей*. Они были совокупностью готовых, свалившихся с неба «откровенных» формул, значение которых он начинает порой осмыслять лишь многие годы спустя. При более углубленной философской подготовке Страхов, скорее всего, должен был озаботиться вопросами теории познания, *критики чистого р зум* . Но он сначала, подобно молодому Канту, отправился в ту сферу, в которой разум уже демонстрировал, казалось бы, очевидные внешние успехи, т. е. в область естественных наук, и оттуда, вполне закономерно, вплотную подошел к проблематике *критической философии*.

Даже мистическими писателями Страхов заинтересовался лишь в поздние годы жизни, что резко отличает его от старшего представителя русских любомудров кн. В. Ф. Одоевского.

Так, в письме от 20 января 1878 г. Страхов сообщает Л. Н. Толстому о том, что читает мадам Гюйон, «на которую ссылается Шопенгауэр».[9] Много позднее в их переписке

---

7 *Н. Косиц [Н. Н. Стр хов]*. Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») // Заря. 1870. Кн. 10. Отд. II. С. 203.

8 Толстовский Музей. Т. II. С. 238.

9 Там же. С. 143.

появится и имя апологета мадам Гюйон, архиепископа Фенелона, от которого Страхов был в восторге («это чудесно, и весь Боссюэт не стоит одной страницы этой книжки»).[10] Как тут вновь не вспомнить о русском «брате Рамсее» — Н. М. Карамзине, тезоименитый идейный патрон которого (по линии вольных каменщиков) был воспитан на Фенелоне![11]

Толстой восторга творениями камбрейского архиепископа не разделил[12] (скорее всего, он не нашел в них того, чего в тот момент искал), и Страхов продолжил тему: «Ваше мнение о Фенелоне, — пишет он, — очень меня заинтересовало. Вы уже не раз помогали мне вернее понимать писателей, например, Макса Миллера[13], Ренана. Послушаю Вас и об Фенелоне. «Невидимой брани» — не знаю и постараюсь добыть. Исаак и Ефрем у меня давно есть, и в Исаака я не раз старался вникнуть — не могу сказать, чтобы особенно успешно».[14]

Обсуждают Страхов с Толстым в этот период и других мистических писателей, в значительной мере восстанавливая круг чтения мартинистов конца XVIII — начала XX в. и близких им мыслителей, отчасти пользуясь и советами оптинских старцев, т. е. пытаясь найти опору в устном предании. Но результат был скорее отрицательным.

«В Оптиной пустыни, — пишет Страхов, — о. Амвросий дал мне Исаака Сирина. Я принялся читать, — представьте, что книга переведена на *несуществующий* язык, подобие славянского. Я бросил, так как не мог добраться до смысла. Достал другой перевод, на русский язык. Читаю и чув-

---

[10] Там же. С. 430.

[11] См., в частности, мою статью: *Н. К. Г врюшин*. Метафизика и историософия Н. М. Карамзина // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М., 2013. С. 173–192.

[12] Там же. С. 432.

[13] Так Страхов, учитывая специфику немецкой фонетики, передает фамилию известного философа-религиоведа Макса Мюллера.

[14] Толстовский Музей. Т. II. С. 434..

ствую, что переводчик не понимал половины того, что переводил, а очень старался о пышности выражений. Досада меня берет ужасная. Все ведь это сделки; — для верующих всякая бессмыслица хороша, лишь бы пахло благочестием. Они в бессмыслицах плавают, как рыба в воде, и скорее им противно все ясное и определенное».[15]

О «верующих» Страхов судил, конечно, не понаслышке... Но парадокс заключается в том, что и сам он в немалой мере был настроен против «ясности» и «определенности» — как своего рода догматической навязчивости и рационалистической амбициозности. Апофатизм и религиозное чувство ему были гораздо ближе.

Так, в одном из писем Страхов осуждает Толстого за забвение прошлой его жизни, за выхолащивающее описание *религиозного опыт* . «Мне помнятся, — пишет он, — мои детские и зрелые чувства с такою живостию, что в последних Ваших писаниях я иногда нахожу странную неполноту и, кажется, мог бы Вам доказать ее на основании Ваших прежних произведений. Я помню и то благоговение, с которым стоял в церкви, когда был мальчишкой».[16]

Тем не менее относительно смысловых неувязок и умственной лени в церковной среде Страхов высказывался неоднократно.

В письме от 3 августа 1893 г. Страхов выражает Толстому свой восторг по поводу его «Критики догматического богословия», в которой нашел «удивительные вещи»: «Во-первых, — пишет Страхов, — я понял направление, — истинно философские требования, обращенные к Макарию, жалкому и типическому представителю нашей богословской премудрости. Во-вторых, есть отдельные места и выражения — несравненные. Одно из них прямо из моего сердца: «я залез, — пишете Вы, — в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, *которых я боюсь*

[15] Там же. С. 143.
[16] Толстовский Музей. Т. II. С. 405.

более всего: отвращения, злобы и негодования». Как сильно и ясно сказано!». [17]

В другом письме, в ответ на сообщение Толстого о его беседах с епископом Алексием (Лавровым-Платоновым), митрополитом Макарием (Булгаковым) и архимандритом Леонидом (Кавелиным),[18] Страхов пишет:

«Архиереи не помогли — вот вы увидели это жалкое умственное состояние. Они люди верующие, но эта вера подавляет их ум и обращает их рассуждения в презреннейшую софистику и риторику. Они не признают за собою права решать вопросы, а умеют только все путать, все сглаживать, ничему не давать ясной и отчетливой формы, много говорить и ничего определенного не сказать. Я ненавижу все эти приемы, хотя знаю, что при них может существовать дух действительного смирения и действительной любви. История нашей церкви в этом отношении очень жалка. Великих богословов, великих учителей — нет, нет никакой истории, ни борьбы, ни развития, ни расцвета, ни падения. Я думаю только в Индии можно найти что-нибудь подобное этой неподвижности мысли».[19]

В то же время Страхову было очень приятно узнать о положительном отклике на его статью ректора МДА архим. Антония (Храповицкого): «Ректор Моск. Дух. Академии Антоний, — сообщает он В. В. Розанову 29 сентября 1891 г., — пишет Гроту, что он *в восторге* от моей статьи. Он прислал мне свою брошюру об Л. Н. Толстом».[20] И Страхов в другом месте охотно цитирует «прекрасное» выражение арх. Антония «священное волшебство», обобщая с его помощью свои критические суждения о К. Н. Леонтьеве.[21]

---

[17] Толстовский Музей. Т. II. С. 446.

[18] «...все трое прекрасные люди и умные, но я больше еще укрепился в своем убеждении», — писал Толстой (Там же. С. 234).

[19] Там же. С. 234–235.

[20] Цит. по: *В. В. Роз нов*. Литературные изгнанники. С. 201.

[21] Там же. С. 210.

Таким образом, однозначно и непротиворечиво позицию Страхова по религиозным и церковным вопросам описать довольно сложно. Тем не менее его высказывания дают, на наш взгляд, возможность кратко резюмировать его религиозное credo, исповедание веры.

Страхов, во-первых, *монотеист*, и любовь к Богу считает, вполне по-евангельски, первой и важнейшей божественной заповедью.

Так, в письме к В. В. Розанову из Эмса от 4 июля 1893 г., похвалив стиль проповеди служившего здесь обедню русского священника, Страхов выражает неудовольствие его «ересью»: «он напомнил две заповеди: 1) возлюби Бога и 2) возлюби ближнего, и говорил, что вторая *особенно* полезна для души. А ведь Христос сказал, что первая есть б*о*льшая, и, конечно, она главная, а не вторая».[22]

Но значимость заповеди о любви к ближнему Страхов также отстаивает совершенно бескомпромиссно. В письме к Л. Н. Толстому от 1 ноября 1884 г. он говорит о «жалких» понятиях немецкого христианского социалиста и придворного проповедника Штёккера, у которого «*любовь к ближнему* «оказалась на третьем месте!».[23]

Для уточнения *христологических* воззрений Страхова чрезвычайно важно его письмо к В. В. Розанову от 22 января 1893 г. Здесь он, в частности, пишет: «Семиты поставили Бога так далеко от мира, что потом все усилия греческих мудрецов и подвижников не могли наполнить этой бездны, и наши религиозные взгляды составляют компромисс между пантеизмом арийцев и семитическим представлением Бога. Помните — *неслиянно* и *нер здельно, —* «*две* природы», «*две* воли», «*три* ипостаси».[24]

И именно в этом христологическом контексте очень показательно критическое высказывание по поводу литера-

[22] Там же. С. 236.

[23] Толстовский Музей. II. С. 316.

[24] Цит. по: *В. В. Роз нов*. Литературные изгнанники. С. 224.

турного наследия К. Н. Леонтьева: «Есть вещи дорогие, которыми поступаться никогда нельзя. Грехи К. Н. Леонтьева его личное дело и не в них важность. Кто же свят, кто может бросать камни в других? Но важно развращение мысли, грех против Духа Святого».[25]

Итак, догмат о Св. Троице, халкидонский орос, дифелитство — это те черты христианского вероучения, которыми Страхов несомненно дорожил, несмотря на все свои сомнения и интересы к другим учениям.

Но эта *догм тическ я* сторона долгое время не была для него по-настоящему подкреплена *внутренним* пониманием христианства. Таким пониманием, по собственному признанию Страхова, он обязан своему будущему оппоненту Вл. С. Соловьеву!

Откроем письмо, датированное 24 июня 1884 года. Страхов обращается к Толстому с вопросом: «Читали ли Вы последнюю книжку Вл. Соловьева, *Религиозные основы жизни*? Она занимала меня в последнее время. Это почти полная параллель Вашему истолкованию Евангелия и книге *В чем моя вер* . Его понимание Христа и Церкви есть лучшее изо всего, что мне случалось читать у чистых церковников. Он мне открыл самую внутреннюю сторону Церкви, и хотя я не признаю этой постановки дела, но начал понимать, в чем состоит великая привлекательность этого учения и какими силами создалось то историческое явление, которое называется Церковью».[26]

Вот поистине эпохальное признание бывшего семинариста! Только тридцатилетний Вл. Соловьев, с которым они схлестнутся вскоре вокруг книг Н. Я. Данилевского, открыл ему *внутреннюю сторону Церкви*! За что же тогда, в самом деле, винили Толстого, в бурсе не учившегося? А сколько позднее достанется Соловьеву и от Страхова, и от Толстого, и от Розанова...

---

[25] Там же. С. 212.

[26] Толстовский Музей. Т. II. С. 314.

Но исходя из собственных свидетельств Страхова в других его работах и письмах, мы можем все же заключить, что роль Вл. С. Соловьева в своем «воцерковлении» он под влиянием свежего впечатления несколько преувеличил.[27]

Более того, спустя всего четыре года Страхов решительно заявит о своем неприятии соловьевского понимания Церкви как сильной внешней организации. По поводу брошюры «L'idée Russe» Страхов пишет Л. Н. Толстому 13 сентября 1888-го года:

«Важно, что он прямо объявил, что нужно подчиниться папе, и даже исповедал его непогрешимость: chef infaillible du sacerdoce. Все рассуждения идут по методе аналогии и симметрии, и красота формулы составляет главное доказательство верности ее содержания.

По-моему, все это наводит на одну мысль, на то, что христианство уже стало покидать форму церкви (как это Вы не раз высказывали), и вот где причина этих горячих забот о церкви, и создания новых догматов, и провозглашения непогрешимости. Напрасные усилия! Церковь возникла во времена падения древнего мира. Тогда она образовала крепкое общество среди разлагавшегося государства и создала свою догматику как противовес тогдашней языческой мудрости. Монахи сначала даже называли себя философами и жизнь свою философскою жизнью. Но в настоящее время ни догматы, ни церковь не могут иметь такого значения и напрасно пытаются удержать прежнюю главную роль».[28]

Вероятно, к этой точке зрения Страхов склонялся много раньше, но Соловьев подтолкнул его к четкой формули-

[27] Характерна резкая критика эклектизма и пантеизма Вл. Соловьева в письме от 9 апреля 1878 г. (Там же. С. 160). Ср. в письме от 28 марта 1878 г.: «об мертвом предмете мертвым языком говорит мертвый человек» (Там же. С. 157). В гностических корнях софиологии и христологии Соловьева Страхов разобрался довольно быстро (Там же. С. 154–155).

[28] Толстовский Музей. II. С. 375.

ровке неприятия Церкви как внешней организации. Однако, когда Страхов описывает свой *религиозный иде л* как «дух действительного смирения и действительной любви»,[29] когда высшим критерием деятельности им ставится «религиозное отношение к предмету»,[30] когда им исповедуется смиренномудрие и «соблюдение себя» от суеты и корыстных помыслов,[31] когда он думает «лишь о том, как бы кончить жизнь с ясным и спокойным духом, не волнуясь ни самолюбием, ни всякою другою мелочностию»,[32] он, несомненно, воспроизводит то *бл гоговейное н строение*, с которым вышел из Костромской духовной семинарии...[33]

Кстати, именно это настроение очень обогатило его как литературного критика, умевшего дать ненавязчивую, свободную от клерикальных штампов, но по сути дела проникновенную, сердечно-религиозную оценку многим значительным явлениям русской словесности.

Для характеристики религиозных симпатий Страхова немаловажен его отзыв о книге православного публициста Н. П. Аксакова «Духа не угашайте»:

«*Дух не уг ш йте* прочитал я до конца и был очень доволен. Поучительная и отлично написанная книга. Жаль, что ее никто не будет читать», — писал он В. В. Розанову за несколько месяцев до своей кончины, 13 сентября 1895 г.

---

29 Там же. II. С. 234.

30 Там же. С. 171.

31 «Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. И особенно я берегся нравственно — совесть у меня слабая, беспокойная; сделать подлость или несправедливость для меня несносно» (Там же. С. 165).

32 Там же. С. 187. Ср. еще: «Спаси душу — вот единое счастье. Добродетель — сама себе награда» (Там же. С. 327).

33 В письме от 8-го января 1880 г. Страхов признается: «*Иго мое бл го и бремя мое легко* — мне кажется, я это понял! И не дай только Боже забыть, не дай Боже поддаться злу, чтобы потерять из виду узкий путь спасения. *Любите вр ги в ш , добр творите нен видящим в с.* И это я понимаю» (Там же. С. 244). За разъяснение этих евангельских слов Страхов здесь же благодарит — Л. Н. Толстого...

Религия была предметом глубоких размышлений Страхова на протяжении многих лет, и, конечно, он испытывал различные колебания и настроения, в чем признавался с полной откровенностью.

«Вы знаете, — писал он Толстому в мае 1878 г., что я постоянно занят вопросом о религии. — Что из этого будет, не знаю; вероятно доведется умереть в том же грустном раздумьи. А может быть перед смертью поглупею и отупею — и пропадет для меня мой великий интерес. Но, пока дело идет как теперь, я довольно спокоен; отчасти мое самолюбие удовлетворено, но главное — поверьте — в том, что я сознаю свою добросовестность, свои искренние усилия, свое религиозное отношение к предмету».[34]

Между тем Лев Толстой по поводу одной из статей Н. Н. Страхова писал жене: «Так понимать сущность христианства может только христианин или, лучше, — ученик Христа».[35]

Что Страхов писал в 1878, то он думал уже в бурсе, почему и отправился изучать «науку», которая и привела его к натурфилософии, методологии и метафизике, к выявлению и критике умозрительных тенденций, которые были враждебны его идеалу «цельного» мировоззрения, еще не построенного, но предчувствуемого, сблизившего его с Данилевским и Вл. Соловьевым и восходящего к романтическому органицизму, ранее ярко проявившемуся у кн. В. Ф. Одоевского, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова...

«Органические категории» и метафизика

К проблемам метафизическим Страхов шел преимущественно путями критическими, последовательно и остроумно свергая разных популярных идолов, олицетворявших «научное мировоззрение» середины XIX века.

[34] Там же. С. 171.
[35] Там же. С. 428. Прим. 3.

В письме к Толстому от 16 августа 1877 г. Страхов сообщает о том, что задумал статью под названием «*Мысли об истории физических н ук*». «Я буду стараться, — поясняет он, — на фактах указать начало, от которого зависит движение этих наук, и следовательно характеризовать самую их сущность».[36]

К решению этой задачи он продвигался на протяжении многих лет. Защитив магистерскую диссертацию «О костях запястья млекопитающих» (1857), Страхов переходит в область изучения *методов* науки, демонстрируя необходимую связь научных понятий и установок с вненаучными формами мышления, с метафизикой, искусством и т. д.[37] Он стремится установить *гр ницы н уки*, изучить реальный генезис *н учных понятий*, отстоять права *субъективного метод* ,[38] показать значение *орг нических к тегорий.*

Вопросы метафизические приобретают для Страхова актуальность только в результате критики научных понятий и методов. Подобный ход развития философской мысли для России XIX столетия, пожалуй, беспрецедентен. Впрочем, А. И. Герцен, прошедший школу гегелевской диалектики на полтора десятилетия раньше Страхова, двигался в том же направлении, хотя и не столь систематично.

---

[36] Толстовский Музей. II. С. 127.

[37] «О методе естественных наук и их значении в общем образовании» (1865), «Мир как целое» (1872) и др. Флорилегий его высказываний на эти темы был собран автором этих строк в середине 1970-х гг. и, после длительных борений в редакции, нашел место на страницах журнала «Природа» (*Н. К. Г врюшин.* Мир как целое. Н. Н. Страхов о развитии естествознания // Природа. М., 1982. № 7. С. 100–107).

[38] «На знаменитый вопрос: как отделить субъективное в нашем познании от его объективного содержания, — пишет Страхов, — нужно отвечать, что никакое отделение здесь невозможно, что определенная точка зрения (т. е. субъективный элемент) есть необходимое условие познания, условие, которое не только не лишает его объективности, а одно лишь и делает его объективным, так как только с определенной точки может получиться определенный образ» (*Н. Н. Стр хов.* Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1894. С. 105).

Субъективный аспект науки, или ее точка зрения, выявляется в основных понятиях и принципах, под которые она подводит действительность. Страхов рассматривает их как «новые органы, которые в течение столетий выращивает у себя человеческий ум», и ставит перед собой задачу изучения наук «в их историческом развитии.[39]

Его симпатии к Гегелю совершенно нескрываемы. В письме к В. В. Розанову Страхов подчеркивает: «категории, по Гегелю, растут одна из другой; все их разветвления как будто выходят из одного семени, и он показал процесс этого выхождения».[40]

В другом письме Страхов отмечает, что *орг нические к тегории* «сознательно употреблять стал Шеллинг», хотя у Гегеля «это дело взято всего глубже».[41] Наконец, особенного внимания заслуживает следующее признание нашего мыслителя: «Философия *немецкого иде лизм* вообще чужда догматичности, дает свободу и вполне развязывает ум».[42]

Вот чего недоставало Страхову в Костромской семинарии!

Именно опираясь на школу немецкого идеализма, Страхову удалось наглядно показать внутреннюю связь таких расхожих «метафизических» представлений, как *томизм* и «жители планет».[43] Он в самом деле осуществил критику *мет физики* — не jeden künftigen и не «всякой возможной»,

39 Там же. С. 106. Он не раз подчеркивает, что «история наук... есть история путей, по которым идет ум человеческий, и изучая ее, мы изучаем вместе и основываем приемы ума» (*Н. Н. Стр хов.* Мир как целое. СПб., 1892. С. 322) и выражает сожаление, что люди, вновь посвящающие себя науке, прямо хватаются за последние вышедшие книги, хлопочут только о том, чтобы узнать последнее слово науки, в котором и видят всю науку» (*Н. Н. Стр хов*. Об основных понятиях... С. 252).

40 Цит. по: *Роз нов В. В.* Литературные изгнанники. С. 106.

41 Там же. С. 188.

42 Там же. С. 95.

43 Подробнее см.: *Н. К. Г врюшин.* Критика космизма Н. Н. Страховым // Из истории авиации и космонавтики. Вып. 30. М., 1976. С. 46–54.

а вполне конкретной, занимавшей множество умов в середине XIX столетия, — метафизики атомов и пустоты, «существ выше человека»...

Страхова можно считать последовательным сторонником принципа *ἐποχή*, метафизической воздержанности, но все же не скептицизма. Его положительные метафизические утверждения весьма немногочисленны и даже скупы, ибо их смиряет сознание ограниченности чисто рассудочного пути миропознания и неявное предпочтение метафизических *предчувствий* и *н строений,* лейтмотивы которых — антропоцентризм и органицизм.

Но в гораздо большей мере Страхов сосредоточен на методологии, на выявлении основных понятий научного мышления. Его любимая проблематика по сути дела ближе всего к аристотелевским категориям, трансцендентальной эстетике Канта, логике Гегеля.

В письме к Розанову от 16 октября 1890 г. он сообщает о работе над статьей «О законе сохранения энергии» — «все на тему *о времени, числе и простр нстве*»...[44] Эта проблематика занимала его многие годы.

В русле своих категориальных штудий Страхов приходит к любопытным выводам относительно соотношения мышления и созерцания, которые сближают его с когда-то оставленными в стороне средневековыми мистиками, скажем, с Сен-Викторской школой.

«Идеал мышления, — пишет он, — бытие непреходящее, занимающее всю линию времени, т.е. вечное в обыкновенном, мыслительном значении этого слова. В сущности только такое бытие признается мышлением за истинно существующее. Так, физик признаёт вечные неизменные частицы-атомы, богослов — неизменное, вечное Божество. Вечность созерцательная и вечность мыслительная суть два различные представления. Одна есть всегдашнее на-

[44] Цит. по: *В. В. Роз нов*. Литературные изгнанники. С. 168. См. также: С. 171.

стоящее и составляет как бы остановку течения времени; другая состоит из бесконечного прошедшего и бесконечного будущего, и представляет непрерывное и беспредельное течение времени. Мышление приходит к полному отрицанию созерцания, когда истинно существующим признаёт лишь свое вечное, продолжающееся без конца. Созерцание приходит к полному отрицанию мышления, когда истинно существующим признаёт лишь настоящее, существующее налицо».[45]

«Вечность созерцательная» и «вечность мыслительная» — это попытка Страхова выявить краеугольные дистинкции «метафизики всеединства», которая его так или иначе не могла не занимать. И этот его шаг очень напоминает движение мысли Л. П. Карсавина, который именно таковую метафизику попытался положить в основу своей историософии. Но Страхов явно так далеко не заглядывал... Скорее он готовился к ответу на вопрос: «когда времени больше не будет?». И вполне был готов сказать: именно тогда, когда мы сможем жить *созерц нием*, вести vita contemplativa...

От своих размышлений о *времени* Страхов вполне логично перешел к вопросу о *смерти*, который в христианском миропонимании неразрывно связывает *мет физику* и *исповед ние веры*: «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века»... И вот здесь, рассуждая как *н тур лист* и *мет физик*, Страхов почему-то обходит *нр вственную* сторону понимания смерти в христианстве.

«...Организмы, — пишет он, — должны быть понимаемы, как предметы существенно временные, то есть не как тела, но скорее как процессы. Притом, они суть процессы изменяющиеся, и, по тому самому, они ограничены во времени, имея начало и конец».[46]

---

[45] *Н. Н. Стр хов*. Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 414: http://hrono.ru / proekty / metafizik / fk308.html

[46] Цит. по: http://hrono.ru / proekty / metafizik / fk308.html

В этом Страхов видит их «преимущество» перед телами *неорг ническими*. — «Смерть — финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни».

Невольно вспоминается «гимн смерти» Е. А. Боратынского:

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Однако в метафизике Боратынского важную роль играет *будущий век*, в котором есть место для *неизменного* начала личности.

У Страхова же нет речи о будущем веке, о неподвластной времени *нр вственной сущности*. У него человек в этой статье рассматривается просто как *совершенный орг низм*:

«Человек, как высший организм, представляет высший образец жизненного развития; у него эпоха зрелости обнаруживается ясно и определенно (...) Очевидно, организм достиг полного своего раскрытия; он не изменяется, он держится на этой высоте именно потому, что выше подняться уже не может. Так что, когда начинаются изменения, когда не останавливающееся движение жизни производит в организме новые явления, то эти новые явления уже не могут быть ходом вперед; они необходимо ведут к дряхлости и смерти».

Смерть — просто необходимый предел совершенствования организма... Но и сами организмы, понимаемые «скорее как процессы», по сути «бессубъектны», никакого *мет физического*, сверхприродного начала не несут, не продуцируют, не способны *стяж ть*... «В терпении вашем стя-

жите души ваша» (Лк. 21, 19) с этими рассуждениями никак не вяжется...

И никакого лейбницианства, никаких «семенных логосов» или «самости», которая в аналогичном контексте появится у Т. И. Райнова в его «Odinzoviana» (1947)...

Но то, что Страхов *опубликов л* из своих размышлений о значении смерти, выражает далеко не полностью то, что он *дум л.* А думал он постоянно, и не только головной была его мысль, а *экзистенци льной*, переживаемой всем существом. И об этом он писал Толстому: «О смерти часто думаю; давно уже живу как будто в тени какого-то огромного крыла».[47] «Каждый день думаю о смерти, и так ясно мне, как она подходит все ближе и ближе. Хотелось бы еще написать о естественных науках и о том неведомом Боге, который всегда к нам близок».[48]

Смерть — *предел с моопределения*, и Страхов надеется его достичь пером, вербально, высказавшись окончательно относительно *естественного Богопозн ния.* Только так и можно понять его слова.

Кстати, в письме от 22 августа 1886 г. Страхов прямо говорит о своих планах: «Я был бы совершенно доволен, если бы удалось мне написать еще книгу, последнюю, о том, как искать Бога, как все делать во славу Божию и всякое познание направлять к познанию Бога».[49] Характерно, что это намерение высказано спустя месяц после знакомства Страхова с архивными отрывками Данилевского, которые представляли собой «нечто вроде *естественного богословия,* но без сомнения очень остроумное, блестящее строгостью и определенностью мысли».[50]

Однако самое замечательное — предшествующее этим высказываниям свидетельство Страхова о своих личных

[47] Толстовский Музей. II. С. 406.

[48] Там же. С. 311.

[49] Там же. С. 335. Как это сродни исканиям архим. Феодора (Бухарева)!

[50] Там же. С. 333.

переживаниях в связи с кончиной Н. Я. Данилевского, в которых он осознал значимость давно ему, конечно, известной максимы: *memento mori*.

«Ужасно меня поразила смерть Н. Я. Данилевского, — пишет Страхов Толстому 8 декабря 1885 г. — Я был тогда болен, и с удивительной ясностию почувствовал ничтожество жизни. Если не половина, то треть этой жизни для меня исчезла. Мои привычки, книги, мои планы и надежды — мне опротивели, как чистая глупость; на несколько дней я получил способность плакать и ничем не волноваться. Сошло на меня спокойствие, которое стало наконец открывать мне новый, лучший взгляд на вещи. И пожелал я, чтобы оно навсегда у меня осталось, и с горем чувствую, что уходит оно по мере возвращения здоровья и беспамятства, в котором мы всегда живем. Могила подходила ко мне близко, была у самых ног; а теперь я опять вижу ее далеко в тумане. Нет, напрасно люди жалуются на горести, когда так легко забывают уроки этих горестей и возвращаются к своим пакостям. Дай Бог мне еще пожить и потерпеть; может быть, не останусь я до конца таким гадким, как теперь».[51]

Здесь Страхов существенно ближе к евангельскому «в терпении вашем стяжите души ваша», нежели в предложенной им широкой публике статье о значении смерти...

И именно в *письм х* он откровеннее указывает на важнейшую задачу обдумываемой им *мет физики* — уловить связь *орг нического*, *естественного* с *нр вственным*, *сверхприродным*.

«Наша душевная жизнь, — пишет он Толстому 11 декабря 1886 г., — очевидно вполне сливается с органическою. И та, и другая состоят в каком-то непрерывном изменении. Как наши мысли и чувства непременно преходящи, не могут остановиться неподвижно, а, по самой своей природе, текут и обновляются, так точно происходит и органическое развитие. Нет сомнения, что одно составляет условие дру-

[51] Там же. С. 328.

гого. Как будто кто-то стремится создать самые подвижные существа, такие, что их подвижность равнялась бы течению мышления. Но, в то же время, мысль есть ведь [нечто единое и] то, что изо всего существующего обладает наибольшим единством и не изменяющимся от времени тожеством. Так и организм — есть нечто сосредоточенное и сохраняющее в себе все прошлое. Правы Шеллинг и Гегель, когда говорят, что в нашем сознании сознает себя то вечное духовное начало, в котором корень всего бытия. Я готов сказать, что всякая жизнь происходит непосредственно от Бога, что Бог одинаково ростит (!) и мелкую травку и душу величайшего человека. В этом росте и во всякой жизни соблюдаются известные законы, как соблюдаются неизменно и все законы физические; но это не есть стеснение, а наоборот, пособие и необходимое удобство. Так человек не может подняться до 5-го этажа иначе, как шагая по лестнице, но это не значит, что лестница его стесняет, и нелепо воображать (как думают материалисты), что сама лестница есть причина, подымающая на высоту.

Конец же и цель всякого развития есть Бог, то самое, что есть и его источник. Все это у меня еще не совсем ясно, хотя крайние точки уже стали для меня совершенно незыблемыми. Все из Бога исходит и все к Богу ведет и в Боге завершается. Мы в нем живем и движемся и существуем.

Вот, бесценный Лев Николаевич, немножко моей метафизики, и она сходится с Вашею в мысли о господствующем значении сознания. И я думаю, что сознание есть «высшая сила мира»».[52]

В этом метафизическом кредо можно только угадывать пространство для самых робких побегов *персон лизм* (который и славянофилы не очень жаловали) и чаяния «иного неба и иной земли». И, отправляясь от него, Страхову, конечно, вряд ли было удобно строить какую бы то ни было *историософию.* Но спор о концепции Н. Я. Данилевского,

[52] Там же. С. 341.

в котором он принял живейшее участие, заставляет предполагать, что определенные историософские симпатии у него все-таки были.

Нравственный эсхатологизм и апофатическая историософия

С *историей* вообще у Страхова складывались довольно противоречивые отношения. Так, мы уже замечали, что он декларировал важность изучения *истории н ук,* хотя сам обращался к этой сфере не особенно часто, да и то больше в публицистических целях. *Гр жд нск я история* занимает его никак не больше, хотя он и оставил вдохновенный панегирик Н. М. Карамзину, который, несомненно, заслуживает внимательного прочтения.[53]

Поводом для этого сочинения, стилизованного в духе сентиментализма, послужили холодно-неприязненные высказывания о Карамзине со стороны либерального историка А. Н. Пыпина.

Страхов в ответе Пыпину в значительной мере ставит акцент на своем, глубоко лично-эмоциональном восприятии автора «Истории Государства Российского», и вообще делает ряд исповедальных признаний, связанных с порой своего обучения в Костромской семинарии.

Она располагалась в старинном монастыре XV века, и ее воспитанники «жили, так сказать, постоянно и со всех сторон окруженные Историею». Здесь Страхов и начал читать Карамзина.

«...Я вам открою, — пишет он в статье «Вздох на гробе Карамзина», — что я воспитан на Карамзине, что мой ум и вкус развивался на его сочинениях. Ему я обязан пробуж-

[53] Хороший пример такого прочтения — статья: *П. А. Ольхов.* Здравый смысл и история: Заметки к полемической эпитафии Н. Н. Страхова «Вздох на гробе Карамзина» // Вопросы философии. М., 2009. № 5. С. 125–132.

дением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями».[54]

Карамзин для Страхова — «великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы», обладающий редкими нравственными качествами. Он — «человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России».

В стихах Страхов «подражал Державину», но его «отрадою и утешением», «властителем дум и чувств» был, конечно, Карамзин.

«С какою жадностию, — признается Страхов, — я читал и перечитывал его «Вестник Европы»! Уверяю вас, что ни одна книжка нового «Вестника Европы», издаваемого под редакциею г. Стасюлевича, не возбуждала во мне и тени того восторга, с каким я поглощал напечатанные на пухлой синеватой бумаге книжки Карамзинского журнала. «Письма русского Путешественника» действовали на меня как самая животрепещущая новость; «Марфа Посадница» была недосягаемым образцом поэзии, благозвучия, красноречия; первый том «Истории Государства Российского» я знал почти наизусть. Словом, Карамзин на меня действовал так, как будто я был его современником; я могу сказать, что пережил, перечувствовал на себе самом переворот, совершенный им в русской словесности, то невыразимое обаяние, которым этот великий писатель некогда покорил себе все умы и сердца».

В Карамзине Страхов видит сознательного представителя эпохи величия и устойчивости Российской Империи. «Если бы для Карамзина не было делом несомненным, что Россия была счастлива во время его юности, то он иначе смотрел бы на ее историю и едва ли бы сделал из этой истории цель всей своей жизни».

Именно эта екатерининская эпоха воспитала в нем подлинного патриота, разделяющего умозрительные интересы

[54] Заря. 1870. № 10, отд. II. С. 202–232.

Запада, но хранящего верность идеалам Отечества. «Вот человек, который посетил чужие края — и однако же любит свою родину прежнею пламенною любовью; он беседовал с первыми умами Европы — и однако же умственные интересы Москвы имеют для него ту же кровную драгоценность; он украшен всею глубиною и тонкостию тогдашнего образования, и однако же он вполне русский, русский до мозга костей. Какова сила, каково притяжение русской жизни! Какая способность взять у Запада много, очень много — и не отдать ему ничего заветного!»

Именно эта *с мостоятельность* мысли ставит Карамзина в глазах Страхова «выше Сперанского, который без раздумья и колебания отдался французской системе!».

И, конечно же, понимание России как *целостного орг низм* Страхов искренне разделяет с Карамзиным.

Историк руководится в своей «Записке о Древней и Новой России» «не какими-либо отвлеченными понятиями, определенными целями, а только живым инстинктом, только сильным, хотя неясным сознанием положения своего народа, непосредственным чувством, и он *ук зыв ет не н то, что следует дел ть, только н то, чего дел ть не следует. Это превосходный пример того консерв тизм , который прин длежит к с мой сущности всякой жизни* (курсив мой. — *Н. Г.*). Живое не дает себя резать безнаказанно; живое дает под ножом кровь и испускает крики. Такое явление очень досадно многим умным людям, но я нахожу его прекрасным и думаю, что было бы хуже, если бы жизнь не чинила никакого отпора этим умникам. Как человек, которого жизнь тончайшими нервами связывалась с жизнью народа, Карамзин оказался упорным консерватором и ничем другим он и не мог оказаться».[55]

Итак, Страхов в весьма широком смысле — *к р мзинист*... Также при отдельных частных разногласиях он заявляет

[55] *Н. Косиц [Н. Н. Стр хов]*. Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») // Заря. 1870. Кн. 10. Отд. II. С. 202–232.

себя сторонником *сл вянофильств* и, конечно, историософию А. С. Хомякова изучал очень внимательно.

4 мая 1871 г. Страхов пишет Ф. М. Достоевскому: «С большим нетерпением жду я выхода 3-го тома Хомякова (Записки о Всеобщ. Истории) <...> Примусь серьезно изучать его взгляды на историю; что-то он хотел сказать?»[56]

«Хомяков мне очень нравится, — делится Страхов спустя два года своими впечатлениями с Л. Н. Толстым, — хотя я еще мало читал его, чтобы произнести суждение. Какое живое понимание жизни народов! Как выставлены Славяне! Но книга загромождена сомнительною ученостию и бесконечными отрывочными гипотезами».[57]

Впрочем, в дальнейших его работах и письмах никаких заметных следов изучения хомяковских взглядов найти не удается. Зато уже начиная с письма Ф. М. Достоевскому от 24 ноября 1868 г. просматривается то важное значение, которое Н. Н. Страхов придает историософским взглядам Н. Я. Данилевского.

«Самое капитальное произведение, намеченное для журнала,[58] — это ряд статей Ник. Яковл. *Д нилевского*, которого Вы вероятно помните по истории 47–48 годов и по ссылке в Вятку. Он теперь действ. с. советник и в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей Россия и Европа. Это — целое учение, славянофильство в более определенных и ясных чертах».[59]

В другом письме Страхов вносит еще одно уточнение: «он тот самый фурьерист, которого вы помните».[60] Изначальный *фурьеризм* Данилевского важен не только его социалистическим идеалом, но в первую очередь космическим масштабом историософской парадигмы. Фурье,

[56] Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. М.; Л., 1940. С. 272.

[57] Толстовский Музей. II. С. 28.

[58] «Заря». — *Н. Г.*

[59] Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. С. 260.

[60] Там же. С. 261.

как известно, связывал социальные процессы на Земле с солнечной активностью и движением галактик. Так что *орг нический* взгляд на субъекты исторического процесса возник у Данилевского не только под влиянием занятий биологией.[61]

Достоевский сразу почувствовал, что сочинение Данилевского — это «будущая настольная книга всех русских людей надолго», и он был озабочен вопросом, как она отразит сущность русского призвания, «которого начало заключается в нашем родном православии».[62] Страхов отвечает ему: «*Пр восл вие* у Данилевского будет, хотя, я подозреваю, у вас оно должно представляться в ином виде, как у художника. Данилевский не касается прямо содержания, а только указывает историческое значение нашего исповедания».[63]

Наконец, в письме от 4 мая 1871, выше уже цитированном в связи с Хомяковым, Страхов еще раз свидетельствует о своей готовности *принять* концепцию Данилевского:

«Конечно, — пишет он, — очень грустно то уродливое развитие, которое мы переживаем. Едва ли не прав Данилевский, что поправить нас может только борьба с Европою, море крови, всяческие битвы и потрясения. Мне иногда кажется, что самые светлые умы подверглись заразе. Обожание прогресса, чрезмерное уважение к уму, к знанию, весь склад, все привычки мысли — как Вы все это вырвете и очистите? Чувствуя, что Запад падает, мы однако же едва ли понимаем, где корень этого падения. Римляне когда-то жаловались, что вся беда от греков. Но наше положе-

[61] См. также: *П. П. Шитихин*. Сравнительный анализ историософских взглядов Н. Я. Данилевского и Л. Н. Гумилева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2012. С. 22 сл.

[62] *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 29. Кн. I. Л., 1986. С. 36.

[63] Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. С. 263.

ние хуже, потому что до сих пор нельзя даже утвердительно сказать, что Россия не есть

Больной расслабленный колосс».[64]

В дальнейшем Страхову пришлось потратить немало сил на защиту концепции Данилевского, хотя порой это мешало его собственным планам.

В самом начале спора с Вл. Соловьевым о книге «Россия и Европа» Н. Н. Страхов писал Льву Толстому: «Всего меньше меня радует полемика с Соловьевым, и право, не я виноват. После своей второй статьи — в марте в *Вестн. Европы,* он был у меня, и я попробовал хоть в разговоре добиться от него определенности. Невозможно! Он весь в общих фразах, и в целый вечер я едва успел добиться, что он указал на два места, у меня и у Данилевского, с которыми он не согласен. А то он согласен *вообще,* и начинает много говорить, но ничуть не о том, что высказано его противниками. Я ему сказал, что у него нет никакого определенного взгляда на историю, он отвечал, что думает его скоро написать».[65]

Но какие *определенные* взгляды на историю были у самого Страхова? Выше мы цитировали его слова: «Для человека, ищущего спасения своей души, для того, кто глубоко погружен в вопросы нравственности, *история исчез ет* или является не в том виде, как обыкновенно... В той или иной степени мы всегда *отрек емся от мир* , когда начинаем искать Бога».[66]

Историософия Страхова изначально отступает перед его *нр вственным эсх тологизмом*. Причем эсхатологизм его принципиально не визионерский, не профетический, без «всадников Апокалипсиса», а исключительно *совестный*.

Вл. Соловьев мог писать нечто в духе Иоахима Флорского, ему принадлежит вполне историософская «Повесть об Ан-

[64] Там же. С. 272. Последняя строка — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Бородинская годовщина».

[65] Толстовский Музей. II. С. 377–378.

[66] *Н. Н. Стр хов*. Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского. С. 84–85.

тихристе», Страхов же от подобных конструкций заведомо дистанцировался. И вообще, как это ни покажется неожиданным, *сторонником* идей Н. Я. Данилевского вполне логично было бы стать именно автору идеи *Богочеловечеств* ...

Какая *общ я* платформа могла быть у Страхова и Соловьева в отношении концепции Н. Я. Данилевского, если бы политические мотивы не развели их по разные стороны баррикад? Нетрудно предположить.

Должен (согласно целям Провидения) образоваться в конкретных земных условиях такой *тип (цивилиз ционной) деятельности*, который осуществит максимальную полноту жизни, единения разума и всех творческих сил. Он по праву может быть назван *Богочеловечеством*, путь к которому Соловьев рисовал изначально внешне-организационный, через единение властей Папы Римского и Русского императора, В. Ф. Одоевский видел его в развитии *н уки инстинкт* , а Данилевский и Страхов в выражениях более осторожных говорили о том, что он должен явиться *орг нически*, в пространстве *русского мир* .

Но в такой категорической форме ни Данилевский, ни Страхов не высказывались, разве что только *подр зумев ли*.

Страхов вообще от строгих догматических утверждений старался воздерживаться, и в историософии Данилевского ему больше импонировала *интенция*, нежели законченная *систем* . Может быть, именно поэтому он не раз признается в своих письмах, что защита Н. Я. Данилевского для него является тяжким бременем, отвлекающим от собственных трудов.

В письме к Л. Н. Толстому от 20 сентября 1890 он признается: «Сказать по правде, мне очень тяжело так долго хлопотать о Данилевском, но так выходит, что нельзя бросить дела».[67] А в другом письме, скорее непроизвольно, он проговаривается, что темы Данилевского — не его *з ветные*: «Теперь я уже кончил свои хлопоты с умственным наследием Данилевского

[67] Толстовский Музей. II. С. 414.

и принимаюсь за свои темы — о времени, числе и пространстве, и еще о законе сохранения энергии».[68]

Теория науки, методология, метафизика — это Страхову было все-таки ближе. Он не столько *р зделял* взгляды Данилевского, сколько сочувствовал их автору, а главное — никак не мог принять аргументов противоположной стороны.

«Велика была бы для меня радость, — писал Страхов В. В. Розанову 4 июля 1893 г., — если бы кто взял на себя определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского. Мне непременно предстоит это дело, но не могу Вам выразить, какую лень я чувствую при этой мысли. Эти две книги не имеют между собой ничего общего; Рюккерт пускается во всякие рассуждения, но не держится никакой определенной мысли; мельком он говорит о типах, но это не те типы, какие у Данилевского. Если рассматривать зачатки мысли о национальностях в истории, то нужно бы взять 1) Гердера, 2) Шеллинга и Гегеля, 3) Вильгельма Гумбольдта. Тут везде можно указать, что *человечество* все больше и больше оказывается отвлеченным понятием, а реальность народностей выступает все яснее».[69]

Страхов не вспоминает здесь об «Основаниях новой науки об общей природе наций» Джамбаттисты Вико, о славянском мессианизме А. Мицкевича и Хёне-Вронского, даже о «Русских ночах» В. Ф. Одоевского, предваривших построения Н. Я. Данилевского. Ему просто важно было «снять» навязчивое сближение последнего с Риккертом, а положительное развертывание этой концепции и ее ближайшее родство для него живого интереса не представляли. *Орг ничность* русского мира для Страхова была несомненной, а вот разного рода дискурсивные конструкции вокруг этой темы он принимал скорее условно.

Достоевскому о своих спорах с Данилевским Страхов сообщать не стал. Толстому же он писал, что часто подолгу

---

[68] Там же. С. 400.

[69] Цит. по: *Роз нов В. В.* Литературные изгнанники. С. 235–236.

дискутировал с Данилевским «об атомах, о жителях планет, о началах нравственности»,[70] и не раз прямо давал понять, что в *философском* плане видит у автора «России и Европы» некую существенную *огр ниченность*.

«Я вам писал, — рассказывает он Толстому в письме от 21 апреля 1877 г., — о наших беседах; каждую неделю мы шесть часов сряду с глазу на глаз толковали о философии, и он уехал, купивши себе философскую книжку (Фихте-младшего *Теизм*) и собираясь читать мой перевод Куно Фишера. Тут я мог вполне измерить и умственные силы и *степень серьезности* своего приятеля, и, признаюсь, очень разочаровался. Не мало значит, конечно, десять или пятнадцать лет, проведенные в занятиях одним садоводством. Очевидно, его самолюбие было затронуто тем, что оказалась область мысли, ему недоступная; но он самым ребяческим образом упирается и собирается читать философов, чтобы убедиться, что философия пустяки. При этом он мил, как дитя, но и настолько же серьезен».[71]

В письме от 28-го сентября 1878 г., развернуто процитировав соображения Н. Я. Данилевского по поводу своей книги «Об основных понятиях психологии», Страхов замечает: «Но вы видите, что понятие *созн ния* для этого умнейшего человека совершенно недоступно. Это очень странно, и я даже этого не ожидал. Впереди он пишет, что научился из моей статьи понимать Cogito ergo sum. Но для Стасова и это непонятно. И вот источник бесконечных разногласий между людьми, источник философских школ и разных исторических событий; вот вам и Дарвин, материализм, спиритизм, четвертое измерение, и Соловьев, и Гартман, и т. д.».[72]

Тем паче не мог Страхов надеяться встретить у Данилевского глубокое понимание христианства. Толстой же для него —

[70] Толстовский Музей. Т. II. С. 19.

[71] Там же. С. 113. Ниже к «аналогичным» явлениям Страхов причисляет «спиритизм, нигилизм, Тургенева с его *Новью*, Мещерского с *Гр жд нином*, Достоевского с *Дневником* (!), наконец, Вл. Соловьева (!!)».

[72] Толстовский Музей. II. С. 187.

образец разумения веры, носитель *святости*[73] и русского духа... «Когда русского царства не будет, новые народы будут по «Войне и миру» изучать, что за народ были русские».[74]

Порой Страхов начинает сомневаться в верности концепции Данилевского, его захватывает типичная для эпохи вера в *нр вственный прогресс.* В письме от 2 января 1891 года он делится с Толстым следующими соображениями: «Таким образом, все смягчается, все начинают понимать, что худой мир лучше доброй ссоры (...) Даже предсказание Данилевского, что Европа вздумает задавить Россию, теперь не кажется мне таким вероятным».[75]

В какой-то момент в Германии он вообще вышел из противостояния *Россия* и *Европ* и признается Толстому: «Странные впечатления. Баварцы (в Байрейте, в Мюнхене, в Штутгарте) показались мне такими добрыми и милыми людьми, что кажется люблю их больше русских и охотно бы там остался. Вообще, я три месяца чувствовал себя космополитом, и, вернувшись домой, до сих пор не привык к патриотизму, вероятно, охладел к нему навсегда. Как хорошо смотреть на каждого человека как на брата и не разбирать, какого он племени и закона».[76]

Именно в это время, в Эмсе, Страхов, по его словам, «начал преважное исследование *о времени, числе и простр нстве*».[77] — *Мет физик* перевесила *историософию...* И для Страхова это было вполне логично.

---

[73] «Напряжение Вашей духовной жизни, — пишет он Толстому, — постоянно меня изумляет, с первого нашего знакомства (...) В Ясной Поляне возможны всяческие человеческие бедствия, кроме одного — невозможна скука, потому что центр этого мира — человек, непрерывно растущий душою. И смысл этой жизни я не могу иначе назвать, как *святостью*; это культ чистоты, простоты, добросовестнейшее и непринужденнейшее служение высшим целям человека» (Там же. С. 85).

[74] Там же. С. 27.

[75] Там же. С. 421.

[76] Там же. С. 316.

[77] Там же. С. 318.

Конечно, он время от времени обращается к проблемам истории, но скорее по случаю. В 1878 г. он задумал написать «Об истории» — «маленький очерк».[78] Вскоре статья получает название «Главная задача истории». В ней его «манит возможность высказать немножко свои нравственные взгляды». [79]

Видимо, именно ей он порой дает другие названия. Так, он собирался написать для С. А. Юрьева в «Русскую мысль» статью под названием «Задача истории».[80] А в письме к В. В. Розанову от 7 ноября 1893 г. Страхов сообщает, что пишет [статью] «О задачах философии истории».[81] То же ли это сочинение, что и «Главная задача истории», мы с уверенностью сказать не можем, хотя, скорее всего, дело обстоит именно так.

Материалы к статье «Главная задача истории», опубликованные посмертно,[82] позволяют, во всяком случае, судить, в каком направлении он собирался развивать свои мысли. Оно может быть охарактеризовано как *методологическое*, что и неудивительно. Много сил посвятив изучению «методы» естественных наук, Страхов решил высказаться на ту же тему и относительно гуманитарных. *Философию истории* и какие-либо аллюзии на ее связь с *мет физикой* здесь можно угадывать только с большой условностью.

Тем не менее почти в самом начале этого текста мы встречаем противопоставление *истории* как формы памяти — *смерти*, однажды уже трактованной Страховым чисто положительно, как предел совершенствования организма. Здесь же *история* по сути выступает как *н дприродн я,* т. е. *мет физическ я* оппозиция *смерти.*

«Смерть и забвение, — пишет Страхов, — вот участь всего живого и всякого душевного проявления. Но человек во-

---

[78] Там же. С. 193.

[79] Там же. С. 196. Ср.: С. 214, 217, 232.

[80] Там же. С. 232.

[81] Там же. С. 237.

[82] *Н. Н. Стр хов.* Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 1012–1020.

оружается против закона времени; он хочет, чтобы люди и народы с их судьбами, мыслями и чувствами вечно жили в нашей памяти <...> Откуда это желание? Очевидно, корень его заключается не в искании какой-нибудь пользы, не в любви и благодарности к предкам, одним словом, не в каком-нибудь побуждении настоящей минуты и нашей личной жизни, а в естественном действии наших способностей и в том значении, которое может иметь это действие. Мы обладаем способностью памяти, мы умеем *помнить*, а потому и желаем помнить».[83]

При всей незавершенности формулировки видно, что Страхов не только противопоставляет историю *смерти* и *з кону времени*, но и, верный своей критике утилитаризма, подчеркивает ее *совершенно свободный,* «незаинтересованный» характер. Она не «служанка политики» или какой-либо личной выгоды. Она относится к естественным действиям наших способностей, но не «физиологических», а составляющих — позволим себе уточнить — *обр з Божий* в человеке.

Однако, в отличие от математики или химии, «*история еще не есть н ук »*. В ней слишком много фальши, догадок, выдаваемых за бесспорную истину.

«Когда мы читаем простодушную летопись монаха или записки частного человека о своей жизни, мы часто бываем чрезвычайно довольны — очевидно потому, что простые и ясные требования, которыми задавались эти писатели, выполнены ими почти в совершенстве. Но, читая ученые сочинения об истории, мы обыкновенно поражаемся ужасною несоразмерностью между задачами и самого автора и теми, которые он в нас возбуждает, с одной стороны, и чрезмерно слабым и неправильным выполнением этих задач, с другой».[84]

Чтобы избежать подобной фальши, надо обратиться к *методологической* проблематике. «Мы предполагаем, — про-

[83] Там же. С. 1013.
[84] Там же. С. 1014.

должает Страхов, — что возможно открыть цель, к которой стремится эта наука,[85] и что есть определенные и ясные пути, по которым следует идти к этой цели. Отыскивая эту цель и эти пути, мы, очевидно, будем стараться найти не временные, а *всегд шние* черты этой умственной сферы».[86]

Правда, «основные приемы ума» Страхов, как мы помним, уже изучал на материале естествознания, поэтому ожидать здесь каких-то новых открытий не приходилось, и он, наверное, сам это чувствовал.

Тем не менее о *цели* истории он высказался достаточно ясно. «История есть изложение судеб человечества. Мы так уже привыкли к отвлеченности, что для нас легко и даже неизбежно брать предмет истории в этой его общности и целости. Мы берем все человечество как нечто единое и задаемся мыслью изобразить его развитие от начала и до настоящей минуты. Мало того: по естественному течению мысли мы задаем себе вопрос о будущем, куда идет и к чему приведет это развитие. Из рассказа о минувшем история часто переходит в предсказание о будущем и таким образом захватывает весь возможный объем своего предмета».[87]

Здесь самое время поинтересоваться, судьба человечества в ее изложении Библией — от *Книги Бытия* до *Апок липсис* — это *история* или *притч* ? Есть ли *мет физический* аспект начала и конца истории? Этих вопросов бывший семинарист не ставит. Он только констатирует, что «созерцание судеб человечества в его целом есть дело невообразимо-трудное, если не невозможное», поэтому лучше избегать амбициозных схем, мириться с «таинственною загадочностью истории».[88]

---

85 Отвергнув выше *утилит ризм*, Страхов все-таки не решается сразу расстаться и с *целепол г нием,* хотя «Критику способности суждения» не мог не знать. Сравнив историю как *свободную деятельность* с *искусством*, он, конечно, пошел бы по этому пути до конца...

86 Там же. С. 1015.

87 Там же.

88 Там же. С. 1016.

За этой незавершенной экспозицией следует еще несколько отрывочных замечаний, наиболее важные из которых следующие:

Привлекательность истории состоит в том, что к ней «можно относиться чисто созерцательно, чего нельзя к современным событиям». В истории Страхов ищет «постоянного, неизменного, вечных сил и законов», а потому считает «менее существенным все прогрессирующее». Нравственная природа как *неизменн я* для него «важнее, чем умственная», «поэзия не прогрессирует сравнительно с наукой, следовательно, важнее науки».[89]

Так что, решимся резюмировать эти тезисы, *история — это школ возвр щения к вечности.* Historia est magistra vitae... А учит она, между прочим, тому, что *орг нической* смены одной эпохи другою — нет, а есть *под вление* недозревших начинаний другими. «Естественная смерть есть такое же редкое явление в истории, как и в неразумной природе».[90]

Иными словами, то, что Страхов писал в статье «Значение смерти», он здесь «диалектически» отвергает...

Пытаться после этого выявить историософские мотивы в таких литературно-критических сочинениях Страхова, как «Ход нашей литературы, начиная от Ломоносова», дело заведомо неблагодарное, ибо поэзия, по его убеждению, некоторым образом вне времени, а история все-таки именно в нем и *о нем...*

В итоге остается констатировать, что основной мотив философской деятельности Страхова — это прежде всего *скез ум* , но не положительная метафизика, историософия и тем паче *идеология.* Его *критик З п д* не предполагает выдвижения альтернативы, сравнимой хотя бы с той, что намечена в «Русских ночах» кн. В. Ф. Одоевского...

Страхов хорошо знал что *проповедь*, *идеология* как форма догматически-утвердительная — не его путь... «...До пропо-

---

89 Там же. С. 1017.

90 Там же.

веди, может быть, я никогда не дойду, — писал он Толстому, — хотя буду стараться».[91] Но постепенно он все больше убеждался, что в нем самом «мало деятельности»,[92] — в отличие от нигилистов и революционеров. «В них жива жажда деятельности, и они с радостию хватаются за указываемые им цели. А мы, консерваторы, славянофилы и т. п., — мы только знаем, чего не делать».[93]

91 Толстовский Музей. II. С. 43.
92 Там же. С. 70.
93 Там же. С. 72.

И. В. Воронцов

Роль и место церковной публицистики 2-й половины XIX в. в модернизации традиционного религиозного сознания в России

Церковная публицистика, выросшая на основе такого хорошо разработанного жанра, как проповедь или «пастырское поучение» («слово»), во 2-й половине XIX — начале XX в. заняла в России по популярности если не второе место (после литературы), то, несомненно, третье после светской журналистики, став целой областью обращения, обогащения и развития церковной мысли.

Во многом своей идеологией церковной публицистике было обязано открывшееся в начале XX в. религиозно-философское движение «новое религиозное сознание» (НРС), ставившее задачей обновление Церкви и выступавшее в течение 15 лет за модернизацию традиционного религиозного сознания в России. Церковные публицисты всколыхнули сознание русской интеллигенции; отшатнувшись от позитивизма, она пришла к религиозному поиску, в начале XX в. к диалогу с Русской Церковью, а в 1907–1909 гг. увлеклась философским осмыслением христианства, чтобы на основе, с ее точки зрения, *уст ревшего* церковного сознания найти содержание для нового.

Публицистика *религиозного* направления в середине XIX в. была представлена в сочинениях духовного писателя архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), ей в значительной мере была обязана своими псевдодогматами метафизика радикального «неохристианства»[1], входившего в XX в. в то же религиозное движение; «неохристианство» отстаивало внецерковный путь развития НРС.

Публицистика гражданско-политического направления сформировалась позднее, она ставила своим правилом решение всех проблем общественно-политической жизни на основе нравственного учения христианства (из-за чего ее следовало бы назвать «духовно-гражданской»). Именно ей церковное сознание должно быть благодарно тем, что набиравший силу в публицистике архимандрита Феодора (Бухарева) вопрос о необходимости обновления отношения Церкви к текущей гражданской жизни был направлен во 2-й пол. XIX в. в надлежащее русло.

Важнейшим фактором, повлиявшим на появление этого направления, несомненно, был рост гражданской позиции среди клириков, связанный с изменением общеполитической обстановки в стране; не меньшую роль сыграл рост такого рода просветительской деятельности как занятие литературным творчеством. Например, в конце 1840-х и 1850-е гг. среди семинаристов[2] был очень популярен журнал «Современник», направление которого в эти годы формировалось литературным критиком, демократом и атеистом В. Г. Белинским. Долгое время журнал был

---

1 См. об это подробно: *И. В. Воронцов* . Синтез науки и религии, опыта и веры в богословии архимандрита Феодора (Бухарева) // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 68–77; *И. В. Воронцов* . Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) и проблема «плоти и духа» в «неохристианстве». На материале писем к диакону А. А. Лебедеву // Вестник ПСТГУ. 2013. № 2. Сер. II (история). С. 7–21.

2 Об особой симпатии к журналу «Современник» в среде семинаристов 1850-х гг. см.: *Л. Ф. П нтелеев*. Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 568.

«настольной книгой» архимандрита Феодора (Бухарева). По его собственному признанию, сочинения В. Г. Белинского указали нужное ему направление мысли и остановили его внимание на литературе, как концентрирующей в себе духовно-нравственные ценности в истории человечества. (Бухарев первым из современников начал писать *литер турно-критические* статьи с позиции православного богословия; и это направление, в своей манере, продолжил архиепископ Никанор (Бровкович)).

Духовно-гражданская публицистика возникла на основе церковной *проповеди* — на стыке христианской этики и литературного творчества — и вначале обратилась к вопросу о состоянии религиозного сознания середины XIX в., рассматривая его во взаимодействии с научным прогрессом и современной жизнью. Выбор этого сектора был не случаен, все яркие представители церковной публицистики 2-й пол. XIX в. поддерживали поставленную архимандритом Феодором (Бухаревым) проблему: христианство теряет свою позиции, Церкви необходима такая стратегия, которая вернула бы христианству его роль, — идеологии, определяющей и мышление, и бытие, и хозяйственно-экономическую жизнь человека. Важнейшими представителями духовенства, чье творчество фактически формировало это направление в XIX в., были архимандрит Климент (Можаров), епископ Смоленский Иоанн (Соколов) и архиепископы Херсонский Никанор (Бровкович)[3].

Представленное ими направление церковной публицистики имело свои место и роль в том процессе модернизации традиционного религиозного сознания, который начал разворачиваться по мере преобразования собеседований интеллигенции с Церковью в Санкт-Петербургских

[3] Значительное место в этом процессе занимает архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев), но, вследствие дат его жизни и творчества, правильнее будет здесь отнести его к церковным публицистам начала XX в.

религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. в религиозное движение реформистского характера.

Культурологи и историки целенаправленно не занимались исследованием истории отечественной церковной публицистики 2-й половины XIX в. В центре немногих исследований были непосредственно связанные с ней области — церковная *журн листик* , *история проповеди*. Видные историки Русской Церкви И. К. Смолич и протоиерей Г. В. Флоровский составили небольшие обзоры церковной периодики в своих трудах[4]. В «Истории Русской Церкви» И. К. Смолича[5] была кратко представлена история русского проповедничества XIX в., в ее основном, религиозно-нравственном аспекте. Факторам, влиявшим на развитие церковной журналистики, достаточно внимания уделили известные историки П. В. Знаменский[6] и С. Г. Рункевич[7]. Студент Киевской духовной академии В. [?] Богданович[8] на ярких примерах проповедей видных церковных деятелей провел исследование, задачей которого было определить, влияла ли особенность стиля каждого из публицистов на направление развития церковной публицистики в начале следующего, XX века. Труды современных исследователей являются, как правило, опытом систематизации церковной журналистики того или иного периодов[9]. Так,

4 *И. К. Смолич*. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 54–56; *Г. Флоровский*. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 199, 224, 335–339, 351–352, 417.

5 *И. К. Смолич*. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. 8. Ч. 2. С. 37–42.

6 *П. В. Зн менский*. Приходское духовенство в России со времени Петра Великого. Казань, 1873.

7 Напр., в первой монографии по церковной истории XIX в.: *С. Г. Рункевич*. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.

8 *В. Богд нович*. Отражение эпохи 60-х годов в русской церковной проповеди // Учено-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии LVI курса (1903 г.). Киев, 1904. С. 95–321.

9 *В. К. Нетужилов*. Церковная публицистика в царствование Александра I // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 44–57.

в 2010 г. доктор филол. наук К. Е. Нетужилов систематизировал в своей диссертации данные по истории дореволюционной церковной печати почти за 100 лет[10]; ученый справедливо отметил многоплановость содержания церковной журналистики, которая создала «гигантский пласт информации», важной не только для специалистов по истории Русской Церкви, но и других гуманитарных наук, и дал статистику роста церковных периодических изданий в разные годы XIX — начала XX в. В 2011 г., наконец, тему самой *церковной публицистики* поднял Б. А. Ершов[11], но в масштабах культуры региона Центрального Черноземья России. Названные работы представляют собой ценный материал для начала систематического анализа роли и места церковной публицистики как части церковной журналистики в истории церковно-государственных отношений 2-й половины XIX — начала XX в. Однако необходим анализ эволюции и самой церковной публицистики, который, с нашей точки зрения, должен быть начат с первых публикаций устной проповеди в тех ее вариантах XIX в., которые имели тенденцию *сближения* религиозно-нравственной проблематики и светской, политической и культурной. Не претендуя в рамках статьи на глубокий анализ такого рода (который в компетенции значительного историко-культурного исследования), автор ставит задачу внести тему «церковная публицистика во 2-й половине XIX в.» в современную научную разработку.

Термин «публицистика» подразумевает особый жанр, прозаическое произведение, посвященное актуальным проблемам текущей жизни; являясь своего рода средством выражения общественного мнения, публицистика может

---

10 *В. К. Нетужилов.* Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX века: историко-типологический анализ. Автореф. дис. д. филол. наук, СПб., 2010.

11 *Б. А. Ершов.* Возникновение и развитие церковной публицистики в губерниях Центрального Черноземья России в XIX в. // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 139–142.

играть важную идеологическую роль в обществе, формируя мнение и влияя на решение острых проблем. И с нашей точки зрения, церковная публицистика, в силу особой, присущей ей культуры и стоящего за ней авторитета Церкви, способна оказывать значительное влияние на религиозное сознание общественности, обсуждая, анализируя и предлагая решения для насущных проблем. Особенное ее воздействие религиозное сознание испытывает в сложные исторические периоды, когда по тем или иным причинам ломается или модифицируется христианская культурная традиция. Россия во 2-й половине XIX — начале XX в. прошла через период значительных перемен и факторов, повлиявших на интеллектуальное развитие ее общества: внутригосударственные реформы, нигилистическая и революционная идеология, скачок естественно-научных знаний, вызвавших эйфорию по поводу способностей человеческого разума, открытие возможностей исторического метода в целой области гуманитарных наук, в том числе в библеистике и экклезиологии, культ технического прогресса. Место и роль церковной публицистики 2-й половины XIX в. в этом процессе исследованы не были.

Появление элементов публицистики в пастырской проповеди следовало бы отнести к рубежу третьего и четвертого десятилетий XIX в., когда в нее проникло понятие «злободневный вопрос». Свободу высказывания представителю церковной мысли в дореформенные годы XIX в. могла дать устная проповедь. Но и на нее, ее текст в письменном виде, необходимо было получить разрешение если не Цензурного комитета, то своего епархиального начальства. В пределах этих возможностей священнослужители изредка позволяли себе в контексте религиозно-этических проблем напоминать о животрепещущих темах и нравственно-этическом состоянии общества. В середине XIX в. общественное сознание России вошло в период ускоренного и динамичного развития: ожидание реформ, рост периодических изданий, в том числе неофициального характера, где обязателен был элемент критики в печатных материалах, спо-

собствовали тому, что все отрасли светской литературы — научной, художественной и журналистики — в той или иной мере охотно использовали приемы и методы публицистики. То же произошло и с проповедью: духовенство не хотело оставаться в стороне, но академические журналы не принимали материалы с непрофильной тематикой, а число духовно-просветительских периодических изданий увеличивалось медленно. Их издатели, обращавшиеся за разрешением выпускать журнал смешанного типа, получали отказ духовной цензуры; и пастыри-проповедники включали общественные вопросы в поучения, которые произносились если не с амвона, то на праздничных или торжественных (государственных, общественных) мероприятиях. (Например, редакторы-издатели журнала «Народное чтение» представили в Цензурный комитет программу намечавшегося издания, которое должно было совмещать статьи светского содержания и адаптированные к народному пониманию тексты Евангелия, согласно постановлению Св. Синода им был послан обстоятельный отказ[12]. «Смешение духовного со светским» Св. Синод нашел «не сообразным с важностью Священных Писаний»[13]. Магистр богословия В. И. Аскоченский, впоследствии ставший ярким церковным публицистом, несколько лет боролся за издание «Домашней беседы» по *предст вленной им* программе[14] и был вынужден отступить[15].)

Такие пастырские «поучения», где «мирские» вопросы не оставались в стороне, а получали церковную оценку, привлекали внимание светской публики[16], создавая очевидную

12 НИ ОР РГБ. Ф. 214. Т. 1. Д. 59. Л. 13, 14.

13 Там же. Л. 17.

14 Программа включала «общие политические обозрения... в простых и доступных понятию народа картинах», «исторические рассказы, описания замечательных событий в нашем Отечестве... и бедствиях Церкви православной»: НИ ОР РГБ. Ф. 214. Т. 1. Д. 59. Л. 3.

15 Там же. Л. 6, 7.

16 Обычно проповедь просили записать или дать списать: переписанная волонтерами, она расходилась по рукам во многих литографированных экземплярах.

возможность сближения между церковной интеллигенцией (ученым монашеством) и уже в значительной степени секуляризованным светским и образованным социальным сообществом. Как правило, интерес к такой проповеди переходил на личность проповедника, его просили издать прочитанный текст или помогали ему напечатать «поучение» в нескольких экземплярах. Устные «поучения», заслужившие особенное внимание светской публики и прихожан, издавались по прошествии нескольких лет в сборниках, чаще составителями, чаще после смерти их авторов.

До середины XIX в. вопросы общественного и государственного характера правительство нередко отдавало на рассмотрение митрополита Московского Филарета (Дроздова) и определялось в соответствии с его авторитетным мнением. Из таких отзывов позднее составилось несколько томов под заглавием «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», они вошли затем в пятитомное собрание его сочинений[17]. В проповедях митрополита Филарета, как человека старого времени, дух современности почти не отразился, исключая чувство скорби за настоящее России и предчувствие будущих перемен[18]. То же можно сказать и о Петербургском митрополите Григории (Постникове), — если он и обнаруживал стремление к упоминанию современности в проповедях, то ограничивался нравственной областью (например, выступал против чтения юмористических журналов во время поста) и не касался общественно-государственных вопросов.

Первые попытки обратиться к социальным фактам и событиям столкнулись с темой «умов заблуждающихся», раскалывающих единство религиозного сознания российского общества. Эта мысль стала лейтмотивом ряда пастырских

[17] Сочинения Филарета Митрополита Московского и Коломенского. В 5 т. М., 1874–1885.

[18] *В. Богд новић*. Отражение эпохи 60-х годов в русской церковной проповеди. С. 168.

проповедей[19] 1838–1840 гг. архимандрита Русской Церкви Климента (Можарова)[20]. Тревога за будущее религиозного сознания в православной России беспокоила и пастырей, и воцерковленную часть русской интеллигенции. Так, за границей был издан сборник статей о русском священстве, в одной из них священник И. С. Беллюстин писал: «Душа... возмущается чувствами скорби, досады, негодования и невыносимой боли. Где оно, это православие, которым хвалится Россия, в каком звании, в каком сословии?» Он отмечал или полное отсутствие «истинного, твердого, чистого» православия, «ярко выражающегося в жизни, делах и даже словах», или призрак его в виде внешних форм. Особенно критиковал И. С. Беллюстин отсутствие элементарных знаний катехизиса православной веры у крестьян, а также систему преподавания и воспитания в средней и высшей Духовной школе[21], низкий образовательный уровень выпускников семинарий[22]. «Состояние Церкви на Руси не может не тревожить... — писал епископ Костромской Платон в частном письме. — Неверие проповедуется открыто: кощунствуют над всем священным, не стесняясь ни мало: пишут и печатают против Церкви

[19] Собрание нескольких слов, говоренных Санкт-Петербургской духовной академии экстраординарным профессором архимандритом Климентом. СПб., 1838. С. 9, 14–15.

[20] Выпускник рязанской семинарии, Петр Можаров в 1831 г. окончил С.-Петербургскую духовную академию, был оставлен при ней бакалавром, в 1831 г. принял монашеский постриг, в 1832 г. причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры. В 1836 г. был возведен в сан архимандрита, в 1837 г. стал членом С.-Петербургского Духовного цензурного комитета, в 1838 г. был утвержден экстраординарным профессором СПбДА. Миссионер среди кантонистов, энергичный и непокладистый, он несколько раз переводился начальством с места на место, в 1853 г. был уволен от преподавательской работы и назначен настоятелем Вознесенского (Ново-Иерусалимского) монастыря с последующим увольнением на покой в 1856 г.

[21] [*И. С. Беллюстин*] Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin: Paris: London, 1858. С. 9–15, 17, 18–22, 27–37.

[22] Там же. С. 49–51.

и духовенства. Старики, за два года считавшиеся в числе благочестивых, стараются показать себя вольнодумцами и неверами. В храмы Божии уже стыдятся ходить те, которые хотят слыть передовыми... Всеми силами стараются внести неверие и разврат в среду простого народа»[23]. Не раз высказывался по тем же темам небезызвестный историкам генерал А. А. Киреев.

Настойчивое стремление обращаться к внецерковным темам проникло в поучения архимандрита Климента (Можарова) в эти годы. Объективно, его сочинения еще были религиозной проповедью, т. е. относились к жанру, который по самой природе своей трудно соединим с проблемами гражданской жизни, это сказывалось на качестве его сочинений и было подчеркнуто его начальником, Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым)[24]. Так, уже будучи настоятелем Ново-Иерусалимского Вознесенского монастыря, архимандрит Климент в присутствии императора и знати в 1852 и 1855 гг. произнес «слово», в которое включил некоторый анализ внутренней и внешней политики русских государей. Известие об этом дошло до исполнявшего обязанности обер-прокурора А. И. Карасевского, архимандрит Климент получил замечание, в том числе и от митрополита Филарета (Дроздова) относительно того, что духовенству не положено поднимать политические темы. С сегодняшней точки зрения, произнесенные архимандритом Климентом «слова» не имели привычного нам «критического анализа»: в них не было ярко выраженной авторской позиции и оценок, но некоторый аналитический подход присутствовал, а для начала 1850-х гг. XIX в.

[23] Церковные вопросы в недалеком прошлом (из переписки иерархов 60 гг.) // Странник. 1909. Октябрь. С. 412.

[24] «На царский день он написал проповедь, дав ей содержание наиболее политическое..» (Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам / Собр. и изд. Саввой, архиеп. Твер. и Каш. [Предисл.: Савва, архиеп. Твер. и Каш.] Тверь, 1888. С. 32).

сам факт обращения священнослужителя не к религиозно-нравственным темам, а к политическим вопросам, истории и аллегориям выходил за рамки церковных гомилетических правил и «приличий».

Собрание проповедей архимандрита Климента[25] как документ времени достаточно полно демонстрирует постепенное включение к середине XIX в. темы «современность и Церковь», а также нравственно-этических и социальных вопросов в традиционное пастырское «слово». Архимандрит Климент (Можаров) обладал хорошим литературным стилем, его живое слово переплеталось с художественными образами[26], аллегориями[27] и элементами исторического анализа[28]. Архимандрит Климент пробовал применять психологический подход при использовании евангельских сюжетов, это позволяло ему сравнивать состояние «умов и сердец» первохристиан и его современников[29]. Высказывался он и по сугубо светским проблемам, так, его «Слово на избрание судей для Санкт-Петербургской губернии» было посвящено гражданскому событию[30], разбирая и комментируя которое автор придал выборам судей нравственный оттенок.

Если обратиться к изданиям его поучений 1850-х гг., можно выделить три «поучения», в которых Климент (Можаров) дал своего рода анализ состояния религиозного сознания православного российского общества середины и 2-й половины XX в., охарактеризованного им как «век мыслительности»[31].

---

[25] Собрание нескольких слов, говоренных Санкт-Петербургской духовной академии экстраординарным профессором архимандритом Климентом. СПб., 1838.

[26] Там же. С. 131–140.

[27] Там же. С. 52–60.

[28] Там же. С. 68–69.

[29] Там же. С. 62–63.

[30] Там же. С. 145–156.

[31] Поучение 15. В неделю Великого поста // Год в Новом Иерусалиме или собрание поучений ново-иерусалимского архимандрита Климента, говоренных в продолжение 1855 года. М., 1856. Ч. 1. С. 97.

И этот анализ показывал, что а) вера стала для его современников не частью жизни, а предметом осмысления, б) налицо была субъективность суждений о христианской вере, она граничила с ересями, церковному человеку известными и анафематствованными Церковью, в) превалировало рациональное отношение к христианству, которое рассматривалось как одна из равных религий, г) стала распространяться религиозная толерантность («всякая вера есть богоугодная»). Таким образом, архимандрит Климент столкнулся с началом процесса разрушения традиционного религиозного сознания русского общества, но, чтобы пастырю быть понятым, нужно было говорить с терявшими веру людьми на их языке. И новым в его поучении стало то, что аргументом *достоверности и незыблемости истины* он назвал суждения о ней «философов и математиков»[32], а не отцов и учителей Церкви. Этот факт указывает, что архимандрит Климент (уже в середине века) был ориентирован на слушателя (и читателя «слова») из числа современников, открытых не церковной апологетике, а последним достижениям науки и культуры. К людям околоцерковным были направлены его «слова» с критикой увлечения «предрассудком новизны» и пренебрежения православной культурной традицией[33]. Собрание «поучений» архимандрита Климента (Можарова) в трех «частях» во 2-й половине 1850-х гг., изданных отдельными книгами, было очень популярно в середине XIX в. в центральных городах России.

Атмосфера наступивших 1860-х гг. была проникнута духом освобождения, свободу получили около 23 млн крестьян, произошли реформы — цензурная и университетского устава, мощным стимулом к стремлению разного рода «освобождений» стало самоуправление университетов. Активизировавшаяся печать обсуждала вопрос внутри-

[32] Там же.

[33] Поучение 15. В неделю Великого поста // Год в Новом Иерусалиме или собрание поучений ново-иерусалимского архимандрита Климента, говоренных в продолжение 1855 года. М., 1856. Ч. 1. С. 97–98.

государственных реформ — и до, и после их проведения. Состояние «умов» в эти годы, по отзыву епископа Смоленского Иоанна (Соколова), было таково, что в столкновении с рационализмом нового знания, не находя истины, они «в борьбе со всеми заблуждениями века» теряли «собственные силы»[34]. Все это естественным образом сказалось на церковной проповеднической мысли. Потребность дать оценку, высказаться по этому поводу привела к необходимости совмещать правила построения устного «поучения» и публицистической статьи, это уверенно стал осуществлять церковный писатель следующего поколения — архимандрит Иоанна (Соколов)[35].

Занимая несколько лет пост инспектора СПбДА, архимандрит Иоанн сконцентрировался на изучении и преподавании «церковного законоведения»[36]. Изучение истории Русской Церкви не могло не повлиять на формирование критического отношения к современному состоянию дел в Церкви синодальной и не способствовать анализу ее гражданско-правовой позиции в миру. В его творчестве, а также в сочинениях его современника, учившегося в те же годы в Московской духовной академии и служившего некоторое время под его началом — архимандрита Феодора (Бухарева), — церковное гомилетическое произведение приобрело уже ярко выраженное публицисти-

[34] *Ио нн, епископ Смоленский*. Поучение в день Рождества Христова (1867 г.) // Беседы, поучения и речи. 2-е изд. Смоленск, 1876. С. 10.

[35] Иоанн (Владимир Соколов) родился в 1818 г. в семье священника московской Вознесенской церкви бывшего Варсонофьевского монастыря, обучался в Высокопетровском духовном училище и Московской духовной семинарии и МДА. В мае 1842 г. принял решение о монашестве. В 1842 г. был возведен в сан иеромонаха; в 1842 г. назначен преподавателем на кафедру нравственного и пастырского богословия, затем — на кафедру Священного Писания, был переведен в СПбДА, в 1848 г. возведен в сан архимандрита, в 1851 г. назначен инспектором академии.

[36] В 1853 г. архимандрит Иоанн (Соколов) за сочинение «Опыт курса церковного законоведения» получил ученую степень доктора, что являлось в то время большой редкостью.

ческое направление. Такие сочинения в 1860-х гг. охотно принимали и светские журналы, из-за чего «поучения» церковных писателей стали приобретать форму статей. Статьи в таких журналах легче проходили цензуру, иногда после опубликования комплектовались в сборники и сразу обретали своего читателя. Например, архимандрит Федор (Бухарев), фактически впервые вынесший в своих статьях на публичное обсуждение тезис о насущной необходимости соединения православия с современностью и освящения им каждодневной обыденности в жизни христианина, публиковался в журнале «Странник», который был духовно-литературным изданием, т.е. полусветского характера, и в политическом и литературном журнале «Сын Отечества».

С 1855 г. в Казани при духовной академии выходил журнал «Православный собеседник», При первом редакторе — архиепископе Григории (Постникове) — он заполнялся святоотеческими сочинениями. Но вскоре членом редакционного комитета «Православного собеседника» был назначен переведенный из МДА архимандрит Феодор (Бухарев), лейтмотивом всех сочинений которого был вопрос об отношении православия к современности[37], а с 1857 г. у журнала появился и новый редактор — назначенный ректором КазДА архимандрит Иоанн (Соколов). Как ректор академии, Иоанн (Соколов) обязал профессорско-преподавательский состав ежемесячно представлять для портфеля редакции по научной статье. Мало интересный до сих пор и однообразный «Православный собеседник» стал при архимандрите Иоанне серьезным и жизненным изданием, публиковавшим в том числе статьи по культурно-политическим темам (освобождение крестьян, католицизм и православие, проблемы духовного образования, место духовных академий в современном просветительском процессе,

[37] Позднее из таких статей был составлен и издан сборник «О современных духовных потребностях жизни, особенно русской» (М., 1865).

анализ религиозного сознания российского общества, рост нигилистических настроений).

В журнале КазДА были часты статьи архимандрита Иоанна (Соколова) по межконфессиональным (напр., «Нечто о современном отношении Римской Церкви к Православной»), социальным (напр., «Слово о духовном просвещении России») и общественно-политическим вопросам, церковно-публицистические сочинения А. И. Лилова[38] и известного народническими взглядами А. П. Щапова (не скрывавшего своего мнения о Христе как о «преподавшем демократическое учение»[39]). Вскоре журнал приобрел особенную популярность и репутацию издания, совмещавшего научные публикации с церковно-нравственной публицистикой, возникла перспектива укрепления единства религиозного сознания, но и стала популярной тема обновления жизни и деятельности Церкви в согласии с условиями современной культурно-политической жизни гражданского общества[40]. Журнал быстро набрал тираж, войдя в число самых читаемых изданий середины XIX в., совершив своей публицистикой «переворот во всем строе тогдашней духовной журналистики»[41].

Ориентация журнала вызвала негативную реакцию Св. Синода, нашедшего в его материалах реформаторские настроения, мысли «крамольные» и не соответствующие духовному назначению академического издания[42]. В марте 1859 г. редакции и цензорам журнала сделали замечание (в том числе за использование иностранных слов), а цензуру переводных и оригинальных статей перевели в Москов-

---

[38] Лилов Александр Ильич, выпускник Казанской духовной академии, писатель, педагог, историк, этнограф.

[39] См.: Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам. Ч. 1. С. 45.

[40] НИ ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Дневник А. А. Киреева. Л. 31 об., 29 об., 30 об.

[41] *свящ Д. Рождественский*. Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский. С.-Посад, 1914. С. 25.

[42] НИ ОР РГБ. Ф. 214. Т. 1. Д. 59. Л. 20–22.

ский Духовно-цензурный комитет, под личный контроль митрополита Филарета (Дроздова).

Сочинения архимандрита Иоанна (Соколова) показали, что он имел особенный дар слова, острый, наблюдательный ум и загнанное вглубь и рвущееся наружу эмоциональное напряжение. Стиль их был соединением привычных приемов гомилетики с разговорными оборотами речи и новыми — заимствованными из других языков — словами; он эффективно использовал прием нагнетания читательского внимания вокруг одного, исследуемого им вопроса и виртуозно доводил свою речь до высшего напряжения, после которого ответ не навязывался автором, но читатель корректно подводился к выводу. Епископ Смоленский Иоанн (Соколов) историками русской проповеднической мысли признан основателем отечественного общественно-публицистического направления в Русской Церкви. Его заслуги в этой области[43] заметили уже его современники, отметив, что он *привил* церковной проповеди публицистический элемент, «вдунул в нее дыхание жизни, влил струю свежей силы, полноты, жизни и духа»[44].

Следующим в этом ряду должен быть упомянут архиепископ Одесский и Херсонский Никанор (Бровкович). Архиепископ Никанор был ярким представителем церковной публицистики 1880–1890 гг. Многие в России, писал исследовавший его творчество в 1899 г. А. Воронцов, знали его как талантливого и красноречивого богослова и проповедника-публициста[45]. Во многом являвшийся последователем архимандрита Феодора (Бухарева)[46], но опередивший его в своем интеллектуальном

---

[43] Сохранилось около 90 проповедей еп. Иоанна (Соколова), но большинство из них (60) рассеяно по периодическим изданиям, 30 изданы в 1871 и 1876 гг.

[44] *П. З ведеев.* История русского проповедничества. Тула, 1879. С. 235.

[45] *А. Воронцов.* Метафизика высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского. 1899. С. 3.

[46] Н. А. Бердяев признавал несомненное значение архимандрита Феодора (Бухарева) для зарождения и формирования в XX в. религиозно-фило-

и духовном развитии[47], архиепископ Никанор вправе быть назван религиозным философом, писателем, литературным публицистом: его считают предтечей многих путей развития русской религиозной философии[48], ставят в ряд «ранних предшественников» русского религиозно-философского ренессанса[49] и называют одним из «праотцев» православной публицистики.

Воспитанный «в духе самого строгого православия», твердо убежденный в «несомненности» православно-восточного богословия[50], студент А. И. Бровкович мечтал написать «свод религиозно-философских идей», чтобы «согласить» философию с православием. И свое религиозно-публицистическое творчество А. И. Бровкович — архимандрит Никанор — воспринимал как «труд решить мировую задачу соглашения всех требований философствующего разума с требованиями положительной веры»[51]. Церковная и литературная публицистика Никанора (Бровковича) отражала в себе те стороны его мировоззрения, которые задолго до работы его над построением

софского движения «новое религиозное сознание». Архимандрит Феодор (Бухарев) пытался осмыслить и привести в соответствие православную религиозную традицию с гуманитарным и естественно-научным прогрессом его современности, для чего в своих богословских сочинениях строил религиозно-философские концепции. Хорошо знавший творчество архимандрита Феодора Никанор (Бровкович) продолжил поиски последнего, переведя их из религиозной — в область философской мысли, и работал над построением своей системы всеединства, свой вариант которой впоследствии успешно создал В. С. Соловьев.

[47] Архимандрит Феодор умер в 1871 г., в возрасте 47 лет.

[48] В. В. Зеньковский поставил его в один ряд с Вл. С. Соловьевым и С. Н. Булгаковым, Розановым, которые, согласно Зеньковскому, являются продолжателями его направления мысли.

[49] *В. В. Зеньковский*. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Гл. VII. М., 2001. С. 296.

[50] *Ник нор (Бровкович), рхиепископ*. Отрывок из автобиографии // *Ник - нор (Бровкович), рхиепископ*. Биографические матерьялы. Одесса, 1900. С. 263.

[51] *Ник нор (Бровкович)*. Наша светская и духовная печать о духовенстве // *Ник нор (Бровкович), рхиепископ*. Биографические матерьялы. С. 168.

своей философской «системы» составили особенность восприятия владыкой мира в его всестороннем единстве.

А. И. Бровкович принял пострижение в 1851 г., был возведен в сан иеромонаха и оставлен при СПбДА бакалавром кафедры основного богословия, назначен помощником инспектора академии. Его увлечение философией[52] и критическая оценка современного ему академического преподавания сказались на ведении лекций, сведения о которых распространились по Петербургу. Причиной популярности молодого преподавателя были также новаторский подход к методике преподавания современных отрицательных течений, критическое изучение на занятиях со студентами книги Штрауса «Жизнь Иисуса», которая входила в разряд сочинений, замалчивавшихся в 1850-е гг. в академии.

После первого года преподавания к его лекциям ректор СПбДА добавил курс введения в православное богословие — предмет, учрежденный самим ректором Макарием (Булгаковым). На лекциях курса архимандрит Никанор высказал критику[53] доказательств бытия Божия во «Введении в православное богословие» своего непосредственного начальника епископа Винницкого Макария (Булгакова). Методом епископа Макария (и в последующем труде[54]) было обширное цитирование святоотеческих сочинений; в течение ряда лекций Никанор (Бровкович) построил свои доказательства с привлечением философии А. А. Фишера, который использовал критику Кантом доказательств бытия Божия[55]. Все эти обстоятельства, вместе с привычкой молодого педагога подробно излагать неправославные учения[56], вызвали недо-

[52] *Ник нор (Бровкович), рхиепископ*. Биографические матерьялы. С. 259–262.

[53] Там же. С. 259.

[54] Через два года началась публикация его пятитомного труда «Православно-догматическое богословие» (1849–1853), за который владыка был удостоен демидовской премии.

[55] *Ник нор (Бровкович), рхиепископ*. Биографические матерьялы. С. 259.

[56] Будучи рекомендован еп. Макарием обер-прокурору Протасову, архи-

вольство ректора академии[57]. Этому критическому настрою и стремлению к свободомыслию Никанор (Бровкович) оставался верен до 1860-х гг., т. е. — «до ректорства в Казани», куда в 1853 г., в связи с открытием в академиях дисциплины о расколе, Никанор (Бровкович) был перемещен на кафедру обличительного богословия. Здесь он стал осмотрителен и более не импровизировал во время чтений лекций. В 1856–1865 гг., будучи архимандритом, Никанор (Бровкович) последовательно назначался ректором Рижской, Саратовской и Витебской духовных семинарий, где был заботливым и рачительным начальником[58]. В период ректорства в Казанской духовной академии, в 1870-х гг., началась и проповедническо-публицистская деятельность архиепископа Никанора: его речи, опубликованные в академическом журнале, принесли ему первую известность на этом новом поприще.

В своей публицистике рационально осмысленные «истины» Никанор (Бровкович) стремился сблизить с истинами Священного Писания, одновременно опровергая нигилизм и эволюционизм. Публицистическое творчество архиепископа Никанора было многопланово: он свободно писал статьи по разным темам — о типах образования[59], литературные и гражданско-правовые статьи, об эмансипации, в защи-

мандрит Никанор, чтобы оправдать доверие, напряженно работал, готовя одну за другой лекции — о несторианстве, монофизитстве, «армянстве», католичестве, расколе.

57 *Ник нор (Бровкович), рхиепископ*. Биографические матерьялы. С. 257.

58 Архимандрит Никанор занимался устройством семинарий, руководил делами строительными и хозяйственными. В Уфе — епископ Уфимский и Мензелинский (хиротонисан в 1876 г.), он построил мужское духовное училище, а женское улучшил, перестроил. Будучи ректором Саратовской семинарии, помимо семинарских дел, он принял участие в устроении монастыря, где переделал три церкви, возвел две часовни и устроил монастырское кладбище.

59 *Ник нор (Бровкович)*. О классицизме в духовно-учебных заведениях // Странник. 1886. № 6–7; *Ник нор (Бровкович)*. О классицизме. Мысли Филарета Московского и Иннокентия харьковского // Странник. 1890. № 4.

ту ученого монашества и духовенства[60] от нападок светской печати[61]. Для церковной публицистики архиепископа Никанора был характерен стиль живого разговорного и вместе с тем правильного литературного языка, отсутствие значительных библейских цитат и аллегорий и фигур речи. Некоторые из опубликованных церковных бесед были написаны им специально для печати или целенаправленно для зачитывания на внецерковных собраниях.

Архиепископ Никанор (Бровкович) написал несколько блестящих работ о творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Обращаясь к жизни и сочинениям А. С. Пушкина, Никанор (Бровкович) рассматривал его прежде всего как человека, исполнившего в жизни свой христианский долг[62]. Речь на 50-летие со дня смерти А. С. Пушкина была полна критики современного секулярного сознания образованной части общества. Владыка назвал возвращением к язычеству творчество видных литераторов XIX в. — Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, констатировав, что «религия в интеллигентном круге из житейского обихода исключается. Даровитые... из писателей взывают к общественному перевороту»[63]. Архиепископу Никанору ставятся в заслугу «смелость, ревность в защиту православного учения, разносторонняя образованность и живой интерес к современной ему культуре»[64].

---

[60] *Ник нор (Бровкович).* Правда против хулы: по поводу посмертной клеветы на почившего в Бозе митрополита Антония, бывшего Новгородского и Санкт-Петербургского // Странник. 1885.

[61] *Ник нор (Бровкович).* Наша светская и духовная печать о духовенстве. Воспоминания бывшего альт-солиста А. Б-а. СПб., 1884.

[62] Беседа преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и одесского в неделю Блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его. Изд. 2-е. М., 1889. С. 37.

[63] Там же. С. 38–39.

[64] *прот. А. Вертелев, М. Е. Козлов.* Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной Церкви. Загорск, 1994. С. 94.

В своей литературной публицистике архиепископ Никанор дал объективную характеристику тем обстоятельствам и причинам, которые формировали русское монашество, описал условия его жизни и причины негативного отношения со стороны светского общества. Он создал образы иерархов и священников XIX в., аскетов и подвижников, неудачников-мечтателей с нелегкой судьбой, в том числе глубоко ученых, знающих языки и науки (естествознание, историю древнего христианства и Древнего мира) и не находивших применения своим знаниям и таланту. К последним он относил архимандрита Феодора (Бухарева) — человека созерцательного, увлекавшегося исследованием Священного писания до самозабвения, до пренебрежения служебными обязанностями и здравым смыслом[65]. Причиной нестабильности в среде русского монашества Никанор (Бровкович) считал невозможность для ученого монаха свободно заниматься научной деятельностью, не наталкиваясь то и дело на обвинения в неправославности. Сам пройдя ту же школу, архиепископ Никанор искал для Церкви выхода из создавшегося тупика.

В 1883 г., в период уфимского служения, был издан первый сборник его речей и поучений. Через год и в течение следующих трех лет выходили тома второго издания его публицистических сочинений (1884–1887), на 1890-й год пришлось уже пятитомное их издание, в которое вошли некоторые журнальные публикации предыдущих лет (в «Православном собеседнике», «Страннике» и других). В 1894 г. вышло 3-е издание сборника из восьми статей («бесед») «против графа Толстого»[66], в 1880-х гг. опубликованных

[65] В критической позиции архимандрита Феодора (Бухарева) относительно взаимодействия Церкви с современностью, Никанор (Бровкович) видел искреннее служение Церкви, ее цельности, жизненности и авторитету в обществе, понимал, но не оправдывал практику его поиска жизненного решения проблемы: архимандрит Феодор и снял с себя священно-иноческий сан.

[66] Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. Изд. 3-е. Одесса, 1894.

в разных номерах «Странника». Собранные вместе, они показали архиепископа Никанора как высокообразованного культурного деятеля и религиозного публициста, ведущего борьбу с враждебными православию учениями и религиозными заблуждениями.

На пространстве восьми бесед архиепископ Никанор дал очерк дестабилизации русского религиозного сознания, начиная со 2-й половины XVIII в.[67] под воздействием западно-европейской философии, чрезмерного доверия текучему процессу опровергающих и сменяющих друг друга научных теорий[68]. Под общей рубрикой «противотолстовских поучений» архиепископ Никанор заявил о вещах, на которые в те годы мало кто обращал внимание: а) на формирующуюся тенденцию к отделению христианства от Церкви и Христа, умаление харизматического значения церковных таинств и догматов, б) переход к пропаганде представления о христианстве как о религии практической, истина которой исчерпывается ее нравственно-этическим содержанием. Так, в «беседе IV» он отстаивал мысль, что нельзя (в т. ч. во имя каких-либо историко-археологических достоверностей Евангелия или «истинно-божественного учения» Христа) отделять Иисуса Христа, главу Церкви, от тела Церкви[69], от пророков и апо-

[67] Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 6, 8–9, 10, 13–24.

[68] «С половины XVIII века христианский мир представляет... небывалую свалку всяких антихристианских учений», толчею «взаимно уничтожающих одна другую научно-философских теорий» (Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 27).

[69] «В наши дни появилось особое ересеучение, особенно резко выразившееся именно в нашем... отечестве... которое отделяет Господа Иисуса Христа от апостолов и от Церкви», утверждающее, что евангельское «высочайшее... истинно-божественное учение... изложили, во-первых, апостолы, а затем апостольские преемники... исказили его до неузнаваемости» (Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 62).

столов[70], разделять нравственное учение Христа и проповеданное им Откровение. Архиепископ Никанор опроверг правило новых западно-христианских католических мыслителей «противополагать» синоптические Евангелия — четвертому благовествованию и отдавать предпочтение евангелиям синоптическим[71] по принципу исторической достоверности.

К сожалению, владыка только обозначил общие контуры новейших «еретических» тенденций, не углубляясь в вопрос, почему предпочтение этической стороны в христианской религии приводит к разделению Христа и его сакрального тела — Церкви. В 1907–1909 гг. русская религиозная интеллигенция из числа участников «нового религиозного сознания» будет согласно констатировать отделение Христа и «дела Христа» от Церкви, как исторический факт, на заседаниях Петербургского религиозно-философского общества. А либеральное духовенство XX в. мало что сможет и захочет противопоставить этим утверждениям, потому что объектом обвинений тех и других будет синодальная «историческая» Церковь.

Третья и четвертая «Беседы» обращали внимание на перевод писателем Л. Н. Толстым «истины» христианской религии из сакральной области — в область практическую[72]: согласно писателю, истина христианства есть учение о любви, смирении и обязанности не воздавать злом за зло. Из Евангелия, писал архиепископ Никанор, Л. Н. Тол-

70 Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 62–63.

71 Там же. С. 63.

72 Вера Толстого, уточнял еп. Никанор, носит характер «прикладной», «практический», «не случайно он пересмотрел и самый источник и написал «Новое Евангелие», которое дало требуемые приципы...» (Беседа преосвященнаго Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, на день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, о том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, главу Церкви, от тела Церкви и в частности от святых пророков и апостолов. (Против графа Л. Толстого) // Странник. 1886. Октябрь. С. 337).

стой берет только 5 заповедей: не противься злому, не прелюбодействуй, не клянись, не судись, не воруй. Никанор (Бровкович) четко проводит мысль, что писатель является проводником усилившегося в последние годы нравственно-социального подхода к сущности христианства и умалении его догматического основания[73]. Л. Н. Толстой, считал он, в своих произведениях и отзывах о вере произвел смешение «религиозного с социологическим»[74], учение Христа по Толстому — «это протосоциология... по началу, по... процессу. (...) Л. Н. граф Толстой во всех своих новейших произведениях есть прежде всего социолог... только социолог»[75], — писал он. Подлинная «социология», по Никанору (Бровковичу), может родиться только на основе истинного христианства[76]. Опасность заключается в том, что свое мировоззрение писатель вкладывает и передает словами Христа, и пропаганда этого социального христианства облечена «в такую форму, которая может легко соблазнить умы, привыкшие принимать слова Христа за слова Самого Бога»[77], уточнял архиепископ. Конечно, мораль христианскую можно, отрешая от догматизма, «спустить в самую жизнь, сделать ее пригодной даже в практическом обиходе; но это и будет мораль человеческая, социология гр. Л. Н. Толстого...»[78].

И это предостережение архипастыря не было услышано: в следующем столетии, после революционных событий 1905 г., «отрешенную от догматики христианскую мораль» увлеченная идеями НРС интеллигенция и либерально настроенное духовенство Русской Церкви облекли в формы

[73] Епископ Никанор называет Толстого представителем особого, «социально-богословского» направления (Там же. С. 327).

[74] Там же.

[75] Там же. С. 335.

[76] Там же. С. 341.

[77] Там же. С. 340.

[78] Там же. С. 342.

«социального христианства»[79], а ряд петербургских церковных реформаторов попытались на этой основе вывести «новую формулу спасения» в миру[80].

Совершенно очевидно, что свои обобщения об изменившемся характере восприятия христианства Никанор (Бровкович) делал не только на основе «учения» Л. Н. Толстого[81], но и на том впечатлении, которое он вынес от чтения сочинений тех европейских мыслителей, которые были им перечислены в первой же «беседе»[82]. В свете этого Л. Н. Толстой виделся ему лишь некоторым вариантом, одной из прививок позитивной философии[83]; вместе с тем содержание «бесед» широко прорабатывало общую тему: разрушительности для традиционного религиозного сознания России творчества и взглядов писателя.

На склоне лет архиепископ Никанор (Бровкович) стал убежденным церковным консерватором, лейтмотивом его сочинений стала мысль о значении вековой традиции православного сознания. Он перенял девиз: того, что «освя-

---

79 См.: *И. В. Воронцов* . «Свободное христианство» еп. Михаила (Семенова) и «социальные» программы 1905–1915 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 52–56.

80 См. об этом: *И. В. Воронцов* . Дискуссия о христианизации повседневной жизни в среде петербургского духовенства 1907–1908 гг. // Вестник ПСТГУ (II). 2014. № 3 (58). С. 9–23.

81 Беседа преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, на день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, о том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, главу Церкви, от тела Церкви и в частности от святых пророков и апостолов. (Против графа Л. Толстого) // Странник. 1886. Октябрь. С. 342.

82 Владыка отмечал разрушительное действие на мышление православного сознания философии Гегеля, Шеллинга, Штрауса, Фейербаха, Бюхнера, Лассаля, Маркса, Шопенгауэра, Гартмана, Ланге. Беседа в день святого благоверного князя Александра Невского о том, что не следует христианским проповедникам опровергать все лжеучения // Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 6–9.

83 Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 9.

щено народною верою, не трогай. Тронешь — расстроишь, а расстроишь — не поправишь». «Так оно, — писал он в 1884 г., — и вышло: с 60-х годов даже церковно-житейские обычаи сами собой всколебались, а всколебавшись, некоторые и разрушились»[84].

С самых азов своего возникновения церковная публицистика сделала главным вопрос о нравственном состоянии общества и степени его религиозного просвещения. Естественно, что все вопросы рассматривались ею через призму христианского вероучения. Но эволюция ее сформировала особый жанр художественного слова, содержание которого апеллировало к высшей истине и потому обладало безусловным авторитетом, свобода религиозной мысли в таких условиях часто воспринималась клерикалами, а порой и действительно граничила с искажением православной традиции. Так, религиозная публицистика архимандрита Феодора (Бухарева), которая искала метафизическую основу для проблемы «православие и современность»[85], привела писателя к церковному осуждению и выходу из монашества. В те же годы происходило параллельное течение церковной мысли, по сути решавшее ту же проблему. Таким, совершенно отличным (если не сказать противостоящим по своему проаскетическому мировоззрению) было творчество архимандрита (в 1860-е гг. епископа Владимирского) Феофана (Г. В. Говорова)[86] (период 1857–1866 гг.). Золотой серединой в этом потоке церковной мысли следовало бы считать творчество названных нами священнослужителей — архимандритов Климента (Можарова) и Иоанна (Соколова), архиепископа Никанора (Бровковича), ощутивших опасность в пассивности Русской Церкви

[84] Наша светская и духовная печать о духовенстве. С. 39.

[85] *И. В. Воронцов* . Синтез науки и религии, опыта и веры в богословии архимандрита Феодора (Бухарева) // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 68–77.

[86] Мы называем здесь наиболее ярких представителей религиозной публицистики.

по отношению к набиравшей силу тенденции атеизации населения и, несмотря на противодействие синодальной Церкви, попытавшихся пройти между Сциллой и Харибдой, чтобы решить проблему в условиях, когда неразвитая русская религиозная философия и слабое академическое богословие были не в силах противостоять западно-христианской мысли и влиянию протестантской культурной традиции.

Архимандриты Климент (Можаров) и Иоанн (Соколов) в своем творчестве наметили, а архиепископ Никанор (Бровкович) в своей публицистике обозначил приоритетные направления будущей церковной культурной мысли. В доступной каждому мере, эти деятели «диагностировали» начало изменений в традиционном религиозном сознании русского общества 2-й половины XIX в. Наиболее точно начала изменений подметил архиепископ Никанор (Бровкович), живший и творивший ближе к концу столетия. Не отвергая саму необходимость модернизации отношения Церкви к меняющемуся в своих приоритетах общественному сознанию, эти деятели предполагали решать проблему, не разрушая церковной традиции.

К сожалению, процесс модернизации православного сознания России, начавшийся в XX веке, пошел по другому пути, имена и творчество этих видных деятелей Русской Церкви никем из религиозной интеллигенции НРС не были названы, а труды привлечены; вопрос об использовании их метода работы по проблеме христианизации современности ни разу и никем на Санкт-Петербургских Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. предложен не был.

М. А. Колеров

П. Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография

1880–1898: русский марксизм.
1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме.
1901–1905: «идеалистическое направление» в русском социализме.
1905–1908: культура и партийный социал-либерализм.
1908–1917: религиозный индивидуализм и политический национализм.

Пётр Бернгардович Струве (26 января / 7 февраля 1870, Пермь — 26 февраля 1944, Париж) — в истории русской общественно-политической мысли до 1917 года[1] — социалистический и либеральный политик, экономист, философ, историк, в истории русской литературы — организатор, редактор и издатель журналов, газет, издательских серий,

[1] Здесь исследуется творческая биография Струве (далее — С.) до 1917 года.

инициатор идейно-общественных направлений, литературно-общественное значение которого знавший его лично Максим Горький описал в формуле «Иоанн Креститель всех наших возрождений» («Несвоевременные мысли», 18 мая 1917), а В. Г. Короленко — из враждебного народнического лагеря в декабре 1900 года — «неистовым Виссарионом», по аналогии с литературно-критическим богом русского освободительного движения — В. Г. Белинским[2]. Сам себя в конце жизни С. определил как «экономиста и историка»[3], несомненно, исходя при этом из общей для того времени универсальности и высокого уровня философских требований к системе профессиональных экономических и исторических знаний.

В главном роль С. свелась к организации ряда интеллектуально-политических движений и традиций, среди которых наиболее влиятельным стал русский марксизм 1890-х, сменившийся недолговечным «критическим направлением» в марксизме (1899–1902)[4] и социал-либеральным «идеалистическим направлением» (в освободительном движении) (1902–1905). После 1905 С. становится одним из центральных представителей русского политического либерализма, но быстро теряет своё практическое влия-

[2] *Ф. Берсенев*. Нечто о «критерии истины» [1901] // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901] / Сост. В. В. Сапова. М., 1999. С.358.

[3] *П. Б. Струве*. [Дневник политика.] 6 (25 июня 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 26. Ранее он называл себя «социологом, прошедшим эволюционную и в частности, и в особенности марксистскую школу» (*П. Б. Струве*. В чем революция и контрреволюция? // Несколько замечаний по поводу статьи И. О. Левина // П. Б. Струве. Избранное / Сост. М. А. Колеров. М., 1999.).

[4] Марксизм С. и его коллег этого времени вслед за полемическим сочинением В. И. Ленина «Что делать» (1902) в литературе по дурной инерции называется чаще всего «легальным марксизмом», но я считаю это понятие совершенно негодным ни с содержательной, ни с исторической точки зрения. Об этом см. ниже.

ние. Вершиной интеллектуальной биографии С. стало его участие и лидерство в интерпретации значения сборника «Вехи» (1909), который преимущественно толкуется как попытка поворота социал-либеральной русской мысли к либерально-консервативному синтезу, религии и государственности. Главным творческим итогом деятельности С. в России этого времени стало редактирование и издание им «толстого» журнала «Русская Мысль» (в целом 1907–1918), которому удалось преодолеть узко-либеральную партийность, став местом принципиального и гибкого соединения современной русской литературы, религиозной и политической философии, истории литературы и научных знаний.

Воспитаннику равно западнических и славянофильских кругов, активному работнику демократических просветительских институций, активному участнику революционного подполья и нелегальной марксистской пропаганды, первому на территории России публичному деятелю социал-демократии, С. удался ранний и очень успешный литературно-политический дебют на внутриполитической сцене, по итогам которого в 1900-е гг. С., вдохновляясь примером А. И. Герцена, выбрал карьеру влиятельного политического эмигранта-издателя, а затем — политического вождя, затем — либерала-индивидуалиста, политического националиста и империалиста британского образца, хотя и под немецким и славянофильским именем «национал-либерала». Этот выбор дал ему всероссийскую известность, но потребовал в жертву научные интересы С., лишь в 1910-е завершившего свои ранние (конца 1890-х) труды по истории и экономике. Революции 1917 г. и Гражданская война стали апогеем его политической карьеры, после которой в эмиграции влияние С. быстро затухало, издательские проекты не удавались, но энциклопедически широкая научная активность только росла, хотя и оставалась фрагментарной.

1) 1880–1898: русский марксизм

Младший, шестой сын пермского губернатора[5], принадлежавшего к известной немецкой научно-административной династии, основанной в России В. Я. Струве, создателем Пулковской обсерватории[6], С. при рождении был крещён в православии и вырос в славянофильской идейной среде, тесно связанной с либерально-государственной мыслью. В 1871 отец С. вышел в отставку, 1879–1882 гг. семья провела в Германии (Штутгарт), а с 1882 — поселилась в Санкт-Петербурге. Родители С. близко общались с И. С. Аксаковым и Ф. М. Достоевским, его отец уже в 1870-е демонстративно «носил только бороду»[7], а юный С. остро переживал публичные выступления И. Аксакова, Достоевского и В. С. Соловьёва 1880-х гг., вплоть до 1885 года питая славянофильские и националистически-монархические надежды[8]. В течение 1885–1888 гг. С. эволюциониро-

[5] О нём специально см.: *Н. П. М тх нов* . Чиновник и мемуарист Бернград Васильевич Струве // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. № 1. Б. В. Струве (1827 — 18 февраля 1889, Ницца) — в 1865 назначен Пермским губернатором, но после ревизии вышел в отставку в 1870-м. Его жена — баронесса Анна Фёдоровна Розен (1835? — 1903, Санкт-Петербург), с ней он имел всего 6 сыновей. Директор Константиновского межевого института в Москве Василий Б. Струве (1854–1912) был единственным, с которым С. поддерживал (не близкие) отношения, при этом его женой была сестра известного марксистского деятеля В. А. Поссе Екатерина Александровна Поссе (1857–1917) (См. об этом: *А. Н. Н рбут*. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20). С. 10–11). См. также: *П. Струве*. Откуда берутся выдающиеся ученые и какова бывает судьба их потомства? // Возрождение (Париж) № 387. 24 июня 1926: в том числе о своей семье и египтологе В. В. Струве — приёмном сыне своего двоюродного брата.

[6] О нём: *З. К. Новокш нов (Соколовск я)*. Василий Яковлевич Струве (1792–1864). М., 1964.

[7] *П. Б. Струве*. Об Евгении Ивановиче Ламанском (21 декабря 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 83.

[8] См.: *М. А. Колеров*. Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006 / 2007 год. М., 2009.

вал к либерализму западнического толка под впечатлением от произведений Б. Н. Чичерина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Д. Градовского и выступал активным участником либерального кружка редактора «Вестника Европы» К. К. Арсеньева, в котором познакомился с В. С. Соловьёвым, В. Д. Спасовичем, А. Ф. Кони и в котором одновременно принимали участие яркие деятели литературы Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, Л. З. Слонимский, С. А. Венгеров[9]. С 1888 года, под влиянием своего старшего брата М. Б. Струве и, по позднему признанию, книги Р. Майера «Освободительная борьба четвёртого сословия», С. признал себя социалистом, став марксистом, социал-демократом и революционером. Впрочем, С. не раз менял акценты в своих автобиографических экскурсах, и потому ярче и ближе к оригиналу переживания звучит его воспоминение-признание о Салтыкове-Щедрине:

> «Последнее поколение, которое слышало и ощущало голос Салтыкова живым во всей его полноте силе, это было поколение, которое приблизилось к сознательной жизни в 80-х гг. Пишущий эти строки решал тригонометрическую задачу на выпускном экзамене в тот день, когда хоронили Салтыкова. Про себя я могу сказать, что из всей литературы, появившейся в дни моей юности, ничто так не повлияло на образование моих морально-общественных чувств и взглядов, как сатиры Щедрина, печатавшиеся уже не в Отечественных Записках, а в Вестнике Европы, и морально-философские произведения Толстого той же эпохи. Целые места из «Пёстрых писем» просто вонзились в мою память, когда я был на гимназической скамье. Надо было пережить реакцию 80-х гг. для того, чтобы на всю жизнь за-

---

Подробно о предках и юности С. см. классическое исследование: *Рич рд П йпс*. Струве: левый либерал, 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 14–47.

9 *К. Арсеньев*. Воспоминания о В. Д. Спасовиче // Вестник Европы. СПб., 1906. Т. VI. Кн. 11. С. 460.

помнить такие слова: “Живые притаились в могилах; мёртвые самолично встали из гробов и ходят по стогнам, стуча костями”...»[10]

Как общественный деятель, С. вырос также внутри широкого круга практиков народного просвещения и освободительного движения: в общении с семьёй Гердов, близкой к В. М. Гаршину и Салтыкову-Щедрину, ученицами гимназии А. А. Оболенской во главе с Я. Г. Гуревичем (А. В. Тырковой, Н. К. Крупской, Н. А. Герд (сестра однокурсника С.[11], преподавательница вечерней школы для рабочих[12]), Л. К. Давыдовой[13]); с 1889 года — под личным покровительством известной просветительницы А. М. Калмыковой, в книжном складе которой он стал работать и которая познакомила его с участниками леволиберального «Приютинского братства» (Д. И. Шаховским, В. И. Вернадским, С. Ф. Ольденбургом и др.) и ввела его в круг радикальных деятелей оппозиционного Комитета грамотности Вольного экономического общества, а с 1895 года, после пере-

---

10 *Пётр Струве*. М. Е. Салтыков // Русская Мысль. СПб., 1914. Кн. V. II о. С. 142.

11 В. А. Герд был однокурсником С. на естественно-математическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1889 году: В. А. Оболенский. Воспоминание о Струве [1944] // Вестник РХД. № 134. Париж, 1981. С. 103.

12 *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве. С. 106–107.

13 М. К. Давыдова (по мужу — Иорданская, бывшая замужем за социал-демократом Н. И. Иорданским и писателем А. А. Куприным), вторая дочь издательницы журналов «Новое Слово» (до весны 1897) и «Мир Божий» А. А. Давыдовой вспоминала: «Я училась в гимназии (частной) Стоюниной, а моя старшая сестра Лидия — в частной гимназии Оболенской. Там она училась вместе с Н. К. Крупской и О. К. Григорьевой (Витмер по мужу). Это были три очень близкие подруги» (*М. К. Иорд нск я*. Новый table-talk / Публ. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. М, 1994. № 9. С. 213). Л. К. Давыдова стала женой М. И. Туган-Барановского, с которым вместе они в 1899–1900 гг. выстроили из «Мира Божия» марксистский внепартийный журнал.

дачи Комитета в ведение Министерства народного просвещения, — в III (экономическое) отделение самого ВЭО, где развил активную научную и публичную дискуссионную деятельность вплоть до изменения устава ВЭО в апреле 1900, закрывшего его для публики.

В 1889 С. поступил на естественно-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где, в частности, прослушал вводный курс «Основ химии» из уст Д. И. Менделеева[14]. В 1890 году перевёлся на юридический факультет (оставил его в 1892 году и в 1895 — экстерном окончил полный курс университета по этому факультету с дипломом первой степени). С 1889 года С. вошёл в близкие сношения со студентами-марксистами и их кружками, готовившими пропагандистов для рабочей среды[15]: В. С. Голубевым (университет, руководитель[16] «Рабочего союза», основанного М. И. Брусневым), Д. В. Странденом (университет, член того же союза[17]), в 1891 — на юридическом факультете университета, где возглавил кружок[18]; с 1892 — с брусневцами Л. Б. и Г. Б. Красиными и Р. Э. Классеном[19] (Технологический институт), в женский круг которых входили А. В. Тыркова, Н. К. Крупская и Н. А. Герд (с 1897 — жена С.)[20]. Вместе с социал-демократической молодёжью

[14] *Петр Струве*. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911. С. 182 («“Профессор” Шварц и “куратор” Мелиссино», 1908).

[15] Подробно о них: *Р. А. К з кевич*. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960.

[16] *В. В. Святловский*. На заре Российской социал-демократии // Былое. М., 1922. № 19. С.149,150, 153.

[17] Там же. С.153.

[18] Однокурсник С. свидетельствует об этом во времени вплоть до осени 1891 года: *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве [1944]. // Вестник РХД № 134. Париж, 1981. С. 104–105.

[19] *В. В. Святловский*. На заре Российской социал-демократии. С. 150, 153.

[20] О них: *Р. А. К з кевич*. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского

накануне и в ходе учебы в университете С. принял участие в общественных демонстрациях на похоронах М. Е. Салтыкова-Щедрина (1889), публичной панихиде по Н. Г. Чернышевскому (1889), многолюдной демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова (1891). После серии арестов марксистов в начале 1890 г. С. выехал в Австро-Венгрию, где провёл два семестра, изучая общественные науки в университете г. Граца. Однокурсник и друг С. по социал-демократическим кружкам А. Н. Потресов отправился в Швейцарию для установления связи с марксистской группой «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым и получения изданной ею литературы. Это, по-видимому, было едва ли не первой попыткой установления столь активного контакта, поскольку, по свидетельству В. С. Голубева, брусневцы-технологи о марксистской литературе круга Плеханова в 1890–1891 гг. просто не знали: «Социал-демократия только-только ещё намечалась. О группе же “Освобождение Труда” как-то позабыли»[21]. Другой марксист вспоминал об этих годах: «В это время имя Маркса не имело для русской учащейся молодежи ничего притягательного. Не помню я, чтобы оно пользовалось популярностью среди студенчества Петербургского университета, куда я поступил в 1890 году»[22].

и М. И. Бруснева). Л., 1960. В браке с Ниной (Антониной) Александровной Герд (1867–1943), дочерью известного педагога А. А. Герда (Heard, британского происхождения) и сестрой ещё более известного педагога и организатора среднего образования В. А. Герда, у С. родилось пять детей, все — сыновья: Глеб (1898–1985), Алексей (1899–1976), Константин (о. Савва) (1900–1948), Лев (1902–1929), Аркадий (1905–1951). Г. П. Струве стал самым известным из них — историком и издателем русской литературы в эмиграции. Не менее известен ныне живущий внук С. — глава русского зарубежного издательства YMCA-Press и журнала «Вестник РХД (РСХД)» — Никита Алексеевич Струве (1933).

[21] *В. С. Голубев.* Страничка из истории рабочего движения (памяти Н. В. Шелгунова) // Былое. СПб., 1906. № 12. С. 111.

[22] *К. Т хт рев.* Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. Л., 1924. № 24. С. 5.

В немецком мире того времени марксизм и социал-демократия вступили в полосу очень быстрого роста своего электорального и политического влияния, непосредственно вызванного отменой в Германии многолетнего исключительного закона против социалистов («Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии», 1878–1890). Идейный вождь этой социал-демократии Ф. Энгельс оценивал перспективы партии как скорый парламентский путь к власти на фоне революционного кризиса в стране в течение ближайших лет, в пределах 1896–1904 гг. Видя кратное расширение партии, Энгельс уделил особое внимание отношениям партии и «социалистической науки», отстаивая её независимость и право на критику партийных программы и тактики, внутрипартийной терпимости и самокритики[23], одобрил и высоко оценил Эрфуртскую программу СДПГ (1891), в которой религия была объявлена «частным делом» партийца. В области политической борьбы Энгельс рисовал образ самосбывающегося прогноза индустриализации как приближения социализма: «чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс (...) нужен ещё более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии (...) рабочие же массы с помощью всеобщего избирательного права заставят с собой считаться (...) мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможны лишь

[23] См. письма Ф. Энгельса 1891–1892 гг. к К. Каутскому и А. Бебелю (*К. М ркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 17, 31, 77, 436, 442). Представителей социалистической науки и партийной прессы в СДПГ было принято называть «академиками»: это именование было воспринято и в ранней русской социал-демократии (об этом см.: *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; *Е. Лозинский*. Что же такое, наконец, интеллигенция?: Критико-социологический опыт. СПб., 1907 (переизд.: М., 2003)).

тогда, когда экономический переворот приведёт широкие массы рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству (...) лет через пять-десять различные парламенты будут выглядеть совсем по-иному»[24].

Всё это позволило личному секретарю Энгельса и хранителю архива Маркса Э. Бернштейну считать Энгельса «отцом» ревизионизма и реформизма в марксизме. В России же своеобразным «сыном» Энгельса и воспитанником немецкой «социалистической науки» можно считать С. 1890-х — начала 1900-х гг., старавшимся применить в России стандарты легализации германской социал-демократии и повторить личные карьеры её публичных вождей. Это отвечало и его собственным приоритетам, хотя практика и демонстрировала его непригодность к успешной карьере политического вождя: «Собственные мысли составляли один из основных интересов его жизни. (...) Поэтому я не помню его ведущим нескончаемые споры, столь обычные для русской интеллигенции. (...) Он никогда не искал поклонения толпы и, отстаивая свои убеждения, постоянно шел против течения». И поэтому кумиром молодежи 1890-х гг. С. стал «неожиданно для себя»[25].

В переписке со своим русским корреспондентом, близким к народничеству Н. Ф. Даниельсоном (в русской печати: *Никол й -он*) Энгельс предметно анализировал перспективы общины, промышленности, капитализма и социализма в России в контексте масштабного голода 1891–1892 гг., показавшего экономическую слабость общинного сельского хозяйства, на который русские социалисты-народники полагались как на зародыш будущего социализма. Здесь русским народникам, взявшим на вооружение «букву» марксизма и отстаивавшим особость

[24] *К. М ркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 51 (письмо к М. Оппенхейму 24 марта 1891).

[25] *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве [1944]. С. 110–111.

русского пути к коммунизму, минуя капитализм как общую основу народного хозяйства в силу его прогнозируемой маргинальности из-за слабости внутренней основы и недоступности внешних рынков, удалось найти в марксистском учении для Германии противоречие между образцом интернационального британского капитализма и случаем его особого национального развития в условиях германского протекционизма. В противоречие своим ранним надеждам на переход Германии к коммунизму именно в силу невозможности беспредельного локального развития капитализма[26], но не переставая говорить, что голод и сокращает внутренний рынок (в деревне), и создаёт его

[26] Об этом подробно писал позже Туган-Барановский: он обратил внимание, что в своей речи конца 1840-х (в «Рейнском Ежегоднике») и статье 1850 года (в «Новом Рейнском Обозрении») Энгельс заключал (изложение): «Германия должна выбирать между свободой торговли и протекционизмом. Если Германия предпочтёт первое, то германская промышленность будет уничтожена английской конкуренцией и массовая безработица вызовет в Германии социальный переворот. Но если Германия пойдёт другой дорогой и введёт высокие покровительственные пошлины, то это должно иметь своим следствием быстрое развитие германской промышленности. Внутренний рынок скоро окажется слишком узким для всё возрастающей массы её продуктов, и Германия быстро окажется в необходимости искать для своей промышленности внешние рынки, что, в свою очередь, должно повести не на жизнь, а на смерть между немецкой и английской промышленностью. (...) Эта же теория недостаточности рынка для продуктов быстро развивающейся промышленности составляет и в других сочинениях Маркса и Энгельса теоретическую основу их рассуждений о необходимости крушения капиталистического строя, так, напр., в знаменитом «Манифесте» и в полемической книге Энгельса против Дюринга» (*М. И. Туг н-Б р новский*. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015. С. 192, 194). Более того, замечал экономист, проблема достаточности внутреннего рынка для развития капитализма оставалась не решённой и для Германии — настолько, что ещё в 1903 году, когда для России она была уже теоретически решена, знаменитый выходец из марксизма Вернер Зомбарт по итогам специально предпринятого статистического исследования доказал, что внутренний рынок способен поглотить растущую производительность национального капитализма (С. 211–212).

(в городе), Энгельс всё же определённо писал Даниельсону: «переход от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности... со временем... распространит капиталистическую систему также и на сельское хозяйство»[27].

«Для 70-х годов прошлого столетия характерно, что Маркс был как бы экономическим и историко-философским авторитетом русского народничества — в эту эпоху духовное влияние Маркса, пожалуй, нигде не было так велико, как в России. Между тем, через 10–20 лет в борьбе русского марксизма с народничеством, начавшейся в 80-х годах заграницей и в 90-х годах породившей русский, так называемый "легальный" марксизм, авторитетом того же Маркса побивалось народничество»[28], — вспоминал С. Именно поэтому главным источником идейного переворота стало не распространение марксизма и обнаружение его равно применимости к России с её «социалистической» сельской общиной, как и к Западной Европе, где община уже была уничтожена. «Меня марксистом гораздо больше сделал голод 1891–1892 гг., чем чтение "Капитала" Маркса»[29], — вспоминал С., обнажая трагедию отсталости, но умалчивая о том, что, подобно славянофилам, политические операторы отсталости, народники, уже вполне освоились с «Капиталом» и выступали его главными толкователями[30]. Именно мысль о *дост точности* внутренне-

27 *К. М ркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 312, 400.

28 *Пётр Струве.* Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 328–336.

29 Patriotica. С. 410. «На разные темы» (1908).

30 Народническое истолкование взгляда Маркса на источники развития капитализма и разъяснений Энгельса о применении его к реальности России ёмко дал В. В. (В. П. Воронцов), дополнительно к тезису об обнищании народа, утверждая недостаточность внутреннего рынка в силу сужения и платёжеспособного спроса: «Рост внутреннего рынка далеко не соответствует возрастанию производства, потому что наибольшая часть дохода от умножающихся фабрик и заводов поступает в руки не-

го рынка страны для развития капитализма начал отстаивать С., дебютировав в немецкой социалистической прессе в 1892 году[31]. И, как ни странно, три года спустя после содержательной дискуссии с Энгельсом об этом, на критической недостаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России настаивал его конфидент Н. Ф. Даниельсон, исходя из политической недоступности рынков внешних, — и потому ожидал прекращения капиталистического развития страны[32]. Имея такую противоречивую поддержку против русских народников, лучшие из которых уже начали теоретический дрейф к марксизму, но политически оставались едины с государственным славянофильством, боровшимся за общину как за оплот монархии, С. выбрал мишенью своей политической публицистики именно вопрос о приятии русского капитализма как фактора общечеловеческого прогресса и пути собственно России к социальному и политическому освобождению. Это предстояло сделать общепринятым фактом в среде революционной интеллигенции.

Осенью 1892, по возвращении в Россию, через посредство работавших в Технологическом институте химиков, переводчиков и издателей немецкого текста упомянутых «Основ химии» Д. И. Менделеева (1891), Л. Ю. Явейна

большой кучки капиталистов, которые не имеют возможности потребить достающуюся им долю национальной продукции и не предъявляют достаточного спроса на товары. Для широкого развития крупной капиталистической промышленности нужно иметь возможность продавать её продукты не только на внутреннем, но и на внешних рынках. Наиболее промышленные европейские государства на завоевании таких рынков и основали пышный расцвет своего капитализма» (*В. П. Воронцов [В. В.]*. Очерки экономического строя России [1906]. М., 2015. С. 67–68).

[31] Три статьи в Sozialpolitisches Centralblatt и рецензия в Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik только в этом году.

[32] *Никол й -он*. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. СПб., 1894. №6.

и А. Э. Тилло[33], лично знакомых с Ф. Энгельсом[34], С. сблизился с «кружком технологов» (из него в 1894 выдвинулся как революционер В. И. Ульянов (Ленин) и в 1895 вырос «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»).

В университете С. стал активным участником научных кружков, в частности, М. И. Свешникова, члена редакционного комитета журнала «Северный Вестник» А. Л. Волынского и Л. Я. Гуревич (1890–1898)[35]. Одновременно по рекомендации Калмыковой С. как титульный сотрудник (наряду с Калмыковой, Е. М. Гаршиным, Е. А. Соловьёвым, Ф. Ф. Эрисманом, Н. И. Кареевым, Л. Е. Оболенским) принял активное авторское участие в новом журнале «Русская Школа» Я. Г. Гуревича, в котором в 1890–1893 гг. опубликовал большое число партийно нейтральных обзорных статей о сфере образования в Германии, Австрии, Франции, России[36]. В 1892–1894 с научными целями посещал Австрию, Германию и Швейцарию, где начал сотрудничество с немецкой социал-демократической печатью, своими текста-

---

33 Именно они протежировали в этом кружке В. И. Ульянову, считает биограф: *В. Т. Логинов*. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 151. Во всяком случае, А. Э. Тилло оказался среди первых и главных знакомых семьи Ульянова-Ленина при переезде его в Санкт-Петербург (В. И. Ленин — М. А. Ульяновой 5 октября 1893 // *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений. Т. 55. М., 1975. С. 1). Согласно официальной истории КПСС, на квартире Л. Ю. Явейна (Санкт-Петербург, Подольская ул., д. 2, кв. 6) весной и осенью 1891 Ленин встречался с марксистами. См. также некролог: *П. Струве*. Л. Ю. Явейн // Русская Мысль. М., 1911. Кн. XI. II о. С. 49. Химик, преподаватель Технологического института, 1854–1911, А. Э. Тилло был его сотрудником.

34 С Ф. Энгельсом был лично знаком и коллега С. по университетскому марксистскому кружку А. М. Воден.

35 *П. В. Куприяновский*. «Оглядываясь на прошлое...» Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 30.

36 В наиболее авторитетной ныне библиографии трудов С., составленной Р. Пайпсом (*Рич рд П йпс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001), сведения о его публикациях в этом журнале существенно неполны, содержат ряд фактических ошибок и требуют уточнения de visu.

ми об аграрном развитии России и др. обратив на себя внимание русских народников и Ф. Энгельса. По возвращении в Россию работал помощником библиотекаря Учебного комитета Министерства финансов С. Ю. Витте под непосредственным покровительством его ближайшего помощника, неформального «голоса» Министерства финансов в печати[37], учёного секретаря учёного комитета министерства финансов А. Н. Гурьева (1864 — после 1910)[38]. В 1894 С. находился под трёхнедельным арестом по делу о (неподтвердившейся) принадлежности к революционной подпольной партии «Народное право». После ареста был уволен из библиотеки по личному распоряжению Витте[39].

Взаимная изоляция марксистских кружков Петербурга и Москвы, обрекая идейные круги на формирование собственных центров легальной концентрации (в Петербурге — Комитет Грамотности, Вольное Экономическое

37 *А. С. Суворин*. Дневник. М., 2015. С. 166 (1 января 1897).

38 В должности с 1889 до 1903 гг. См.: С. Ю. Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. В 2-х т. [3 изд.] Т.1 / Предисл. Мст. П. Афанасьева. М., 2015. С. 12, 17. Один его труд переиздан: *А. Н. Гурьев*. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк [1903]. М., 2015. Под редакцией Гурьева С. в то время подготовил к печати не учтённый в библиографиях перевод труда основателя «австрийской школы» политической экономии, скрывшись под псевдонимом, образованным от девичьей фамилии матери (Розен): *К. Менгер.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / Пер. с нем. Я. Розенсона под ред. А. Гурьева. СПб., 1894. В библиотеке С. помогал в научных занятиях единомышленникам: см. публичную благодарность ему в современной событиям книге: *М. И. Туг н-Б р новский*. [Предисловие к первому изданию «Периодических промышленных кризисов», 1 марта 1894] // М. И. Туган-Барановский. Избранное / Сост. Г. Н.Сорвина. М., 1997. С. 54.

39 *Б. М. Виттенберг.* По направлению к Струве (Обзор книг о П. Б. Струве) // Новое литературное обозрение. № 67. М., 2004. С. 358, прим. 5. Об отношении С. к Витте см.: *П. Струве*. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики // Русская Мысль. М.: СПб., 1915. Кн. III. II о.

Общество, отдельные издания вокруг фигуры С.; в Москве — издательство Н. В. и М. И. Водовозовых, Московское юридическое общество, вокруг фигуры С. Н. Булгакова) преодолевалась прежде лишь немногочисленными «шлюзами» партийного и литературного общения вокруг личных связей Н. В. Водовозова, Г. Б. и Л. Б. Красиных (они были равно близки и с кругом Водовозовых, и с кругом Булгакова — хотя бы просто потому, что Н. В. Водовозов и С. Н. Булгаков были женаты на революционно активных родных сёстрах М. И. и Е. И. Токмаковых[40]. С ростом присутствия С. в печати интеграция столиц ускорилась: «Для борьбы с марксистами народники в эту зиму [1893–1894 года] вызывали из Питера свою тяжелую артиллерию; так на Рождестве 1893 года в Москву приезжал и читал реферат В. В., но вслед за ним приехал в то время лидер марксизма, П. Струве» и «с большим успехом противостоял народничеству»[41]. Наибольший успех публичной марксистской пропаганде создавали легальные студенческие праздники в дни основания университетов, собиравшие в университетских столовых по 500 человек и более, с речами перед которыми выступали известные публичные фигуры — для организаторов таких мероприятий их известность была принципиальным условием для их при-

---

[40] *Г. Б. Кр син.* Детство и юность Леонида Борисовича (Семейная хроника) // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов. М.; Л., 1928. С. 28. Тем не менее в течение всех 1890-х гг. фактом является отсутствие координации и даже конкуренция между Струве и Булгаковым, который очевидно не признавал лидерства С.: в этом видится генезис пониженной солидарности Булгакова со средой С, несмотря на его непременное участие во всех его проектах. Как позже говорилось, «генерал» общественной активности Булгаков после эмиграции С. стал первым среди «идеалистов» и явно претендовал быть вождём «идеализма», повторяя эстрадную популярность С. в Санкт-Петербурге и отчасти Москве 1890-х — уже в Киеве 1900-х.

[41] *С. М.* На заре рабочего движения в Москве // Текущий момент. Сборник. М., 1906. С. 3.

глашения в аудиторию. Знаменитый социолог, историк и публицист, в середине 1890-х гг. активно выступивший против русского марксизма (под именем «экономического материализма») с точки зрения рядовой научной критики, но отвергнутый общественными симпатиями, Н. И. Кареев писал:

> «В университетские годовщины, 8 февраля (для Санкт-Петербургского университета. — *М. К.*), я был в числе сравнительно немногих, в том числе и писателей, приглашавшихся на «чаепития», которые происходили в кухмистерских и сопровождались речами на высокие темы (...) Дружное настроение прогрессивного студенчества во второй половине девяностых годов было нарушено спором между «марксистами» и «народниками», На чаепитиях происходила иногда полемика, и раздавались шиканье и свистки. Однажды приглашённый говорить, я произнёс речь на ту тему, что неужели хоть раз в год, на празднике науки, студенты не могут забыть свои теоретические разногласия. Речь была принята хорошо, но в то время, когда я ещё только подходил к столу, какая-то сидевшая за ним девица с крайней ненавистью во взоре уже заранее на меня шипела (я считался за народника, хотя сам себя таким не называл). Особенно же студенческая аудитория делилась на два лагеря, попеременно аплодировавших и свистевших на заседаниях Исторического общества, где П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский были просто идолами одной части слушателей, а их оппоненты пользовались сочувствием другой. Разделение это приняло такой характер, что один наивный первокурсник сказал мне после такого бурного заседания, что не знает, кем ему быть, марксистом или народником, а быть тем и другим студенту-де нельзя... Нужно прибавить, что это разделение ещё не было политически партийным на социал-демократов и социал-революционеров, а догматически теоретическим по вопросам об экономическом материализме и роли личности в истории, о фабричном труде и крестьянской об-

> щине с артелью и кустарным производством. В таком именно аспекте, совсем, притом, не касаясь экономического вопроса, а только имея в виду историко-философскую теорию, я и рассматривал возгоравшийся спор в своих журнальных статьях тех годов...»[42]

В 1870–1880-е годы для оппозиционных кругов в России Германия служила образцом регулярного полицейского государства и одновременно — образцом социал-демократического движения, которое преследовалось полицейскими ограничениями во исполнение «Исключительного закона против социалистов» канцлера Бисмарка и кайзера Вильгельма Первого[43] и который прямо принуждал социал-демократию к сведению всей своей деятельности в имперском и локальных парламентах как единственной форме легальности. И прямо запрещал партийные организации, партийную печать, партийные собрания. Таким образом вся партийная жизнь СДПГ была нелегальной, а её политический результат в виде числа парламентских мандатов и её интеллектуальное влияние — единственными формами легальности. Интеллектуальная верность партии становилась делом личного самоопределения в сфере науки и идеологии. Интеллектуальное влияние социал-демократии и марксизма институционализировалось в явлении университетского катедер-социализма и «Союза социальной политики», в частности. По итогам этих лет Энгельс даже в применении к СДПГ говорил в 1891 году о «немецкой социалистической науке» как о факте и факторе, имеющем внутри партии права независимости, равной независимости партийной печати[44]. Следуя практике статусных народ-

[42] *Н. И. К реев*. Прожитое и пережитое / Публ. В. П. Золотарева. Л., 1990. С. 194–195.

[43] «Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии» (1878–1890).

[44] Письма к К. Каутскому от 23 февраля 1891, А. Бебелю от 1–2 мая 1891 и др.

ников и практике СДПГ, Струве впервые для марксистской революционной среды в России — осознанно и рискованно — выбрал для себя путь «публичного марксиста», с юности предпочитавшего выступать под своим именем и стремившимся к публичному участию в качестве лектора в социал-либеральных институциях — Комитете Грамотности, Вольном Экономическом Обществе, ежегодных праздниках Петербургского университета 8 февраля. И всё это — параллельно с многолетним участием в подпольных марксистских кружках для самообразования и подготовки агитаторов среди рабочих, изданием нелегальной литературы. Образцом в этом ему служила Германия с ее марксизмом и социал-демократией.

В целом Германия последней четверти XIX века была для России образцом национального объединения, науки, техники и экономического прогресса, обеспеченного политикой в области образования, милитаризацией и протекционизмом. Новый кайзер Вильгельм Второй в 1888–1889 гг. инициировал ряд мер социальной политики и лишь после этого, в 1890 г., прекратил действие «Исключительного закона против социалистов», демонстративно соединив в этих первых мерах «государственного социализма» полицейский контроль и социальную политику. Первый же после этого съезд СДПГ в Эрфурте затвердил в программных принципах СДПГ, проверенных Энгельсом с точки зрения их верности Марксу и практики, религию (включая философское мировоззрение) как «частное дело» партийца (именно поэтому, кстати, секретарь Энгельса Эдуард Бернштейн после его многолетних ревизионистских выступлений, осуждённых партией, так и не был исключён из СДПГ, что до крайности удивляло Плеханова). Это стало дополнительной санкцией интеллектуальной свободы социал-демократов при соблюдении политической лояльности партии. В России эта среда социал-демократической

интеллигенции, по немецкому образцу, с конца 1890-х гг.[45] звалась «академиками» и нашла специальное критическое исследование в известной книге Е. Ю. Лозинского об интеллигенции как классе[46].

Вплоть до 1891 года СДПГ вполне эффективно боролась за выживание и рост в условиях полицейских ограничений, развивая нелегальную инфраструктуру. Разветвлённая нелегальность в соединении с парламентско-интеллектуальными трибунами позволила СДПГ втрое увеличить число своих активных избирателей на имперском уровне.

Принимая полицейский вызов, СДПГ выработала особое отношение к легальности, которое осталось действительным и после её полной легализации и которое ясно выразил Энгельс в письме Каутскому, отвечая на его сетования о том, что уход видного марксиста (и затем ревизиониста) Конрада Шмидта наносит ущерб партийной печати, в которой тот мог бы работать: «Я не могу поставить в упрек Шмидту его приват-доцентство, оно издавна было его мечтой и мечтой его родителей. К тому же в Швейцарии теперь и у марксиста имеются некоторые шансы»[47].

Высокая степень внутрипартийной терпимости к разноголосице философских и иных исповеданий «эрфуртского образца» может быть истолкована (по крайней мере, так была истолкована и воспринята в России того времени и служила образцом б*о*льшей части русской социал-демократии вплоть до 1917 года) как форма поддержания и удержания внутри партии стабильности широкой радикальной коалиции, зримо идущей к власти в стране (в России она явно к власти не шла, но с отставанием на четверть века ши-

---

[45] См.: *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1992. № 6; *П. Б. Струве*. Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1994. № 4.

[46] *Евгений Лозинский*. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб., 1907.

[47] Письмо к К. Каутскому от 30 апреля 1891.

роко проникала как аналог катедер-марксизма). П. И. Новгородцев в своём глубоком исследовании социалистической практики конца XIX — начала XX века писал так:

> «Те разнообразные влияния, которые отразились на Эрфуртской программе, по существу своему были несогласимы, и потому они поместились в ней рядом не органически примирённые, а только механически связанные. Но так как социализм революционный и утопический нашёл себе место лишь в теоретической части программы, все же практические требования получили характер государственный и реалистический, то в соответствии с этим и вся программа, как партийное credo действующего социализма, приобрела очевидный уклон к реформизму. Теоретические принципы Маркса, выраженные в программе, оказались висящими в воздухе, так как практическая часть программы не только от них не исходила, но самым решительным образом их опровергала. Принципиальные, как и исторические, корни этой части лежат... вне революционных основ марксизма. Непререкаемые и незыблемые положения марксистской догмы торжественно открывают собою Эрфуртскую программу; но оказывается, что это торжественное начало имеет чисто декларативный характер, практические же положения марксизма вытекают не из марксизма, а из теории правового государства, из принципов Руссо, Канта и Гегеля, проникших в немецкий социализм под влиянием Лассаля».[48]

Отстаивая совместимость идеализма с революционностью, его независимость от реакционного мистицизма и вообще независимость политических программ от философских мировоззрений, С. совершенно в духе Новгородцева вычленял в философской традиции примеры соединений,

[48] *П. И. Новгородцев*. Об общественном идеале [1917] / Сост. А. В. Соболева. М., 1991. С. 376.

которые придавали особую «легитимность» доктринам: «Фихте — идеалист и социалист, Кант — идеалист и либерал»[49].

К традиции Энгельса и Бебеля в СДПГ следует отнести и неоднократно публично выраженный в ней консенсус вокруг признания приоритета национальных интересов «немецкого отечества» в случае войны, в которой главным противником ожидалась именно феодальная и «варварская» Россия. В этом контексте манифест Базельского конгресса Интернационала 1912 года об отрицании единства национальных интересов в войне и приоритете классового интернационального единства пролетариата в борьбе против войны — был эпизодом, непосредственно привязанным к повестке Балканских войн, где Балканы выступали в образе почти колоний великих держав, что создавало иллюзию дистанции по отношению к ним. Первые же залпы 1914 похоронили Базельский манифест, принятый единогласно. И СДПГ шла в первом ряду этих похорон.

Зимой 1893 / 1894 года, находясь, после ряда опубликованных им немецких статей, уже на вершине дебютного признания в немецкой социал-демократической литературе в качестве специалиста по капиталистическому развитию России и отмеченный живым классиком марксизма Ф. Энгельсом, С. решил выступить в России в качестве нового интеллектуального лидера марксизма, место которого в результате эмиграции Г. В. Плеханова оставалось вакантным. Здесь С. уже имел богатый опыт обзоров, рецензий и публицистических выступлений в легальной (с 1890 г. — в либеральной газете «Русские Ведомости», журналах «Русская Школа» Я. Г. Гуревича и «Вестник Европы» К. К. Арсеньева) и нелегальной печати[50], но, готовя текст

[49] *Пётр Струве.* На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 619 («Г. Чичерин и его обращение к прошлому», 1897).

[50] *Русский соци л-демокр т Nemo [П. Б. Струве].* Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892) / Публ.

своей первой книги, С. предпочёл заявить, что для выражения своих взглядов не имеет места в периодической печати (что противоречило его же собственным ссылкам на свои публикации в «Вестнике Европы», имевшем значительное распространение в образованной части аудитории. Обязанный Арсеньеву многолетней, начиная с ранней юности, интеграцией в либеральные и журнальные круги, обязанный ему лично как редактору очень почётной возможностью стать автором энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона по ряду ключевых статей, в это время С., однако, решил дистанцироваться от этого своего учителя. Видимо, мотивом к этому стал отказ Арсеньева поддержать радикализацию своего ученика (позже именно он приветствовал сближение С. с либералами и либеральной программой). С. весьма прозрачно вспоминал об этом в эмиграции: «когда А. И. Чупров или К. К. Арсеньев как (...) руководители либерально-оппозиционного против самодержавия общественного мнения России отклоняли участие в активной революционной борьбе с властью и какую-либо солидаризацию с тогдашними революционерами, они могли ссылаться на факт безвозбранного существования и огромного культурного влияния *своих* (и очень многих других) терпимых самодержавием оппозиционных органов печати»[51].

В конце лета 1894 года на средства Калмыковой С. издал первый и анонсировал второй выпуск (он никогда не был написан даже частично) своей книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894): вышедшая тиражом 1200 экземпляров (из них 750 были проданы в первые две недели)[52], она получила весьма широ-

М. А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

[51] *П. Б. Струве.* Неизбывная дилемма (7 февраля 1927) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1927) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 97.

[52] Так суммирует данные самого С. Р. Пайпс: *Рич рд П йпс.* Струве: левый либерал. 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 171. Но А. М. Калмыко-

кое распространение и сразу же попала в центр внимания правящих кругов, которые увидели в ней манифест одного из сторонников капиталистической индустриализации, проводимой С. Ю. Витте как экономического последователя теоретика протекционизма Ф. Листа. Внимательный современник даже зафиксировал презрительный оттенок отношения части читающей публики к этому идейному сближению марксиста С. и властвующего протекциониста Витте, назвав тогдашнего С. «подыгрывавшимся к Витте *в силе* своею шумихою с марксизмом»[53]. Поставив в переписке с Н. Ф. Даниельсоном проблему достаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России, Энгельс так и не дал определённого ответа: остановит ли голод и обнищание аграрной России развитие русского капитализма, сократив для него объём внутреннего рынка. Но поместил проблему в контекст политики протекционизма как фактора становления крупной национальной промышленности при недостаточной зрелости национального капитализма, чем «легализовал» начатое ещё Плехановым[54] и продолжен-

ва писала, что напечатано было 200 экземпляров: «Через два месяца всё издание было распродано и не переставали поступать требования из провинции» (Мои воспоминания о Ленине. Неизданная рукопись Александры Михайловны Калмыковой // Огонёк. М., 1926. № 17. [Без нумерации страниц]). То же число экземпляров названо в другой публикации мемуаров: *А. М. К лмыков* . Обрывки воспоминаний // Былое. Л., 1926. № 1 (35). С. 66.

[53] *В. В. Роз нов*. Литературные и политические афоризмы (Ответ К. И. Чуковскому и П. Б. Струве) [1910] // В. В. Розанов. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / Собр. соч. под ред. А. Н. Николюкина. М., 2005. С. 420.

[54] «В то время, когда Лист вёл свою агитацию, очень многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто в этом не сомневается (...) Теперь... ни один скептик не спрашивает, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность в отечестве Листа. (...) Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке, — лишь давши окрепнуть своей промышленности, путём господства на своём внутреннем рын-

ное С. обращение русских марксистов к наследию Ф. Листа как идеолога германского протекционизма, политика которого была реализована одновременно с объединением, экономическим развитием Германии и рождением пролетарской социал-демократии в стране. Ещё в 1891 г. в письме к П. Лафаргу (тогда же опубликованном в печати) Энгельс заключал: «Россия много потрудилась над созданием крупной национальной промышленности; развитие этой промышленности сразу приостановится, так как голод лишит её единственного рынка сбыта — внутреннего рынка»[55] — и это сильно укрепляло теоретические позиции русских народников, как тут же следом отсылал адресата к той части «Капитала» Маркса (Т. 1. Гл. 24. § 5), где тот описал «создание внутреннего рынка для промышленного капитала», в частности, в формулах, которые разрушали народнические построения о сжатии внутреннего рынка по мере обнищания крестьянства: «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок»[56].

Марксист вспоминал об обращении С. за помощью к наследию Листа, равно удобного и для германской практики, и для идеологии С. Ю. Витте, бывшего поклонником и пропагандистом Листа: «Несколько тяжеловесный, но не лишённый своеобразной силы, западнический пафос «Критических заметок» можно лучше всего охарактеризовать фразой самого Струве, сказанной по поводу «Национальной системы» Листа: это — победная песнь торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающая его культурно-историческую мощь и победоносное

ке» (*Г. В. Плех нов*. Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 186, 184).

55 *К. М ркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. 2-е изд. Т. 38. М., 1965. С. 129.

56 Там же. С. 169.

шествие по всем языкам». Правда, воспевая свою победную песнь, Струве ни на минуту не забывал о той «широкой исторической критике», о том «социально-политическом обличении капиталистического строя», которые дал Маркс, он искренно считал себя марксистом...»[57] В этом понимании Листа С., кстати, был не одинок, ибо одновременно и Плеханов писал о Листе как идеологе буржуазии в деле развития капитализма в Германии[58]. «Под прикрытием Листа, — вспоминал через 10 лет после дебюта С. марксист, — была доказана “законность” русского капитализма»[59]. В самом общем и кратком курсе научно-популярной истории Германии Ф. Лист был определён как проповедник обязательности развития национальных политических институтов. Подчёркивалось, что в его «Национальной системе» «немало страниц посвящено доказательству мысли, что без политической свободы немыслима успешная хозяйственная деятельность»[60].

В условиях философского плюрализма в рядах образцовой для тогдашней России и мира германской социал-демократии и практике политического марксизма как экономической и исторической доктрины, С. объявил себя в книге «критическим позитивистом», в то время как, например, ведущий представитель русского марксизма в эмиграции Г. В. Плеханов заявил себя материалистом, а материализм — единственной философией марксизма. В этом плюрализме реализовывалась Эрфуртская программа СДПГ (1891, то есть уже легализованной СДПГ) (Ausgehend von diesen Grundsätzen fordert die Sozialdemokratische Par-

[57] *В. Б з ров*. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 484–485.

[58] *Н. Бельтов*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К° [1894] / Под ред. С. Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 246–247.

[59] *Мих. Оленов*. Так называемый кризис марксизма. СПб., 1905. С.134.

[60] *А. К. Дживелегов*. История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб., 1908. С. 106.

tei Deutschlands zun chst: (...) 5. Erklärung der Religion zur Privatsache). Яркий русский марксист В. М. Шулятиков писал, подводя предварительные итоги развития дореволюционного русского марксизма (в котором радикальными «диалектическими материалистами» были лишь В. И. Ленин и А. М. Деборин):

> «В интеллигентных кругах установилось традиционное отношение к философии: на последнюю смотрят, как на своего рода Privatsache, как на нечто такое, что составляет область индивидуального благоусмотрения, индивидуальных оценок, индивидуального творчества. Утверждают, что расхождение, даже самое коренное, в философских вопросах, отнюдь не должно свидетельствовать о наличности социальных разногласий. Философские идеи представляются слишком мало и слишком слабо связанными с какой бы то ни было классовой подпочвой... в данном случае допускается широкая свобода. Того же взгляда придерживаются весьма и весьма многие марксисты. Они убеждены, что в рядах пролетарского авангарда допустимо пёстрое разнообразие философских воззрений, что не имеет большого значения, исповедуют ли идеологи пролетариата материализм или энергетику, неокантианство или махизм»[61].

---

61 *В. М. Шулятиков*. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха [1908]. М., 2012. С. 5. Г. В. Плеханов иронически отрецензировал эту книгу, но ничем не опроверг процитированное мной исходное её утверждение: *Г. Плех нов*. [Рец.:] В. Шулятиков. Оправдание капитализма в западноевропейской философии... // Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 144. Перед лицом этого действующего в СДПГ программного принципа, в декабре 1901 года Плеханову, потерпевшему неудачу с требованием исключить Бернштейна из СДПГ за «разрыв с социализмом», пришлось лишь разводить руками: «...он остаётся “товарищем”, и его не просят удалиться. Это отчасти объясняется очень распространённым теперь между социал-демократами всех стран *ложным взглядом н свободу мнений*. Говорят: “как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь”...» (*Г. В. Плех нов*. Cant против Канта,

Компетентный свидетель и участник процесса, С. Л. Франк годы спустя резюмировал:

> «Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере, впервые о нём заговорил П. Б. Струве во вступительных главах своих «Критических заметок» (1894 г.), и он первый среди марксистов призывал «обновить» философскую основу марксизма путём замены материализма кантовским критицизмом. Несколько лет спустя в Германии появилась нашумевшая в своё время книга Штамлера «Wirtschaft und Recht», содержавшая методологическую критику экономического материализма с точки зрения кантианского различения между «сущим» и «должным». Позднее Эдуард Бернштейн, в числе отмеченных им изъянов и недомыслий традиционного социал-демократического вероучения, указал на философскую несостоятельность материализма и на необходимость опереться на Канта»[62].

Критически откликаясь на книгу С., главный оппонент русского марксизма 1890-х, влиятельнейший политический социалист-публицист конца XIX в. Н. К. Михайловский обоснованно отметил, указывая на русскую литературу 1860–1870-х гг. и особенно труды Ю. Г. Жуковского, что марксизм — не новость для русской науки и общественной мысли и что приоритет здесь вовсе не принадлежит С., «смешно» претендующему на «новое слово», но приоритет С. законно принадлежит ему в апологии неизбежного капитализма как культурной силы, выраженной в финальной

или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 97).

[62] *С. Фр нк*. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 80–81.

формуле «пойдём на выучку к капитализму»[63]. Выступая с таким призывом, по мнению критика, С. «служит злу, потому что оно необходимо»[64]. Да и сам призыв этот не оригинален: в народнической среде считалось, что её изобретателями были народники[65].

Но эта громкая формула, которой завершалась книга, на десятилетия стала лозунгом оптимистической проповеди молодого С. и была даже признана им изобретенной в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 года, а в устах его критиков — знаком «оправдания» капитализма вообще, а не только как стадии развития к коммунизму. Якобы изначально присущая С. в этой формуле «буржуазность», однако, на деле свидетельствовала о его презрении к общинно-феодальной архаике и о его надеждах на передовой пролетариат: «Симпатии к трудящейся народной массе — не монополия народников, и мы также чувствуем глубокое сожаление к разорённому страдальцу-народу. Но картина его разорения лучше всего доказывает нам его культурную беспомощность. На почве её, страшно вымолвить, крепостное право — меньшая утопия, чем обобществление труда. Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму»[66]. Поэтому более точ-

---

63 *Н. К. Мих йловский*. О г. П. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» [1894] // Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. СПб., 1900. С. 419–421.

64 Там же. С. 442.

65 Считалось, что впервые он был произнесён народником Н. С. Русановым в журнале «Дело» в 1880 году (№ 10) в статье «Штопанье мужицкой сермяги» (*В. А. Тв рдовск я, Б. С. Итенберг*. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999. С. 154).

66 *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 288. Позже, когда критик указал на то, что впервые формулу «выучки к капитализму» ввёл в оборот известный народник Н. Е. Русанов (Кудрин) ещё в 1880 году, С. официально настаивал на её собственном изобретении вне внешнего влияния (*И. Кон д ков* . «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к ка-

ной следует признать оценку, которую дал новации С. другой радикальный критик, Е. А. Соловьёв (Андреевич): в отличие от прежних русских социалистов, С. выбрал Маркса не как диагноста Запада, а как учителя общемирового прогресса: «Теперь не открыли Маркса, а постарались применить полностью его учение и к России»[67]. Как в большой перспективе оценил отклик на первую книгу С. в России французский марксолог, «в гегемонию российского пролетариата верили все марксистские группы — вот почему они с энтузиазмом отнеслись к тому, что П. Струве окрестил «исторической миссией капитализма». (...) Можно воспользоваться даже марксистским понятием «фетишизм» для характеристики этого двойного культа: не только рабочего класса, силы, возглавляющей демократические и либеральные тенденции в царской России, но и капитализма, предварительного условия для торжества социализма»[68]. Именно в такой, социалистической перспективе проповеди С. не сомневались и те его современники, перед которыми не стояло задачи непременно посрамить С. как недостаточно радикального революционера. Например, Милюков

питализму...» // Ориентиры. М., 1991. № 2. С. 29–33). К этому можно добавить и предвосхищение Плехановым дискурса выучки в своём классическом марксистском манифесте: «Если... мы ещё раз спросим себя — пройдёт ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом — почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила?» (*Г. В. Плех нов*. Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264). Позже именно этот дискурс и — что особенно важно — в русле доктрины Листа развивал Витте: «На протекционизм Лист смотрит как на временное лишь средство для развития производительной силы нации, как на школу» (*С. Ю. Витте*. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 233).

[67] *Е. А. Соловьёв*. Очерки из истории русской литературы XIX века. 2-е изд. СПб., 1905. С. 539.

[68] *М ксимильен Рюбель*. Большевизм и марксизм [1968] // М. Рюбель. Маркс против марксизма / Пер. Ю. В. Гусевой. Сб. ст. под ред. А. В. Гусева. М., 2006. С. 142.

резюмировал мысль С. так: «Россия не составляет исключения в ряду других культурных стран... перед переходом к социалистическим формам хозяйства ей предстоит этап развитого капитализма. Этот смысл имело знаменитое приглашение Струве, которым он закончил свою книгу: “Пойти на выучку к капитализму”»[69].

При этом важно заметить (и это заметили сразу современники С.), что пролетарский революционаризм С. носил не миметический, а вполне искренний, даже — пролетарский, классовый, характер, делая С. тем идеалистически настроенным пролетарским революционером из буржуазно-интеллигентской среды, образ которого стоял перед сознанием Ленина, когда он говорил о внесении социалистического сознания в рабочий класс, имея в виду происхождение и роль Маркса и Энгельса, а также, наверное, свои собственные (В. И. Ленин. «Что делать?»). Современник (не Ленин) вспоминал о С. как «бывшем теоретике гаршинских глухарей», где центральный, страшный антикапиталистический образ был взят из рассказа В. М. Гаршина «Глухарь» — о рабочем тяжелейшего физического труда, изнутри котла силой своего тела поддерживавшего стенку котла при обработке его извне кузнечным молотом, который быстро доводил рабочих до истощения и смерти...[70]

Влиятельная общественная деятельница, вхожая в высшие столичные круги, баронесса В. И. Икскуль[71] сообщила тогда же А. М. Калмыковой о первой книге С.: «“Заметки”... лежат на столе у всех министров, и в кабинетах их только и говорят о книжке»[72]. В ней С. впервые в рус-

[69] *П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 178.

[70] *Е. Ч рский*. [Рец.:] Л. Тахоцкий. Петр Струве в политике (...) // Мир Божий. СПб., 1906. Июль [№ 7]. II о. С. 99.

[71] О ней: *Вер Боков* . Баронесса Икскуль // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб., 1994. С.95–123.

[72] Цит. по: *Р. П йпс*. С. 172; То же со ссылкой на другую публикацию: В. Т. Логинов. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 182.

ской легальной литературе выступил не только с изложением, но и с проповедью марксистского взгляда на экономическое развитие России, согласно которому её путь к социализму и коммунизму должен был произойти в результате капиталистического развития страны и формирования класса революционного пролетариата, а не минуя капитализм, ведущий к обнищанию крестьянства и тем якобы уничтожающий рынок для своего развития (о чём вроде бы говорил опыт голода 1891–1892 гг.), и опираясь на коллективистские традиции русской крестьянской общины, в которую интеллигенция была призвана внести социалистический общественный идеал, как то утверждали народники.

Уже после политического и идейного разрыва со С., исторический «отец русского марксизма» как революционной теории — Плеханов — даже в резко критическом по отношению к С. тексте был вынужден признать «Критические заметки» — «тяжеловесно написанной и местами наивной, но в общем всё-таки дельной» книгой[73].

Программа и историографический круг «Критических заметок» С. фактически стали программой для будущих изданий и научных трудов русских марксистов 1890-х гг., в которых был детализирован, расширен или преодолён научно-политический горизонт этой книги по обозначенным ею приоритетам (марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895); статья «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» (1897) В. И. Ленина; серия переводов издательства М. И. Водовозовой из «Handswörterbuch des Staatswissenschaften» под редакцией С. Н. Булгакова и др. (1890–1900-е); марксистская полемика о рынках в журнале «Научное Обозре-

[73] *Г. В. Плех нов.* Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Статья первая [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 209.

ние» (1898–1899)[74]; «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве» (1897) и «Капитализм и земледелие» (1901) С. Н. Булгакова; «Русская фабрика в её прошлом и настоящем» (1898) М. И. Туган-Барановского; «Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899) В. И. Ульянова-Ленина[75]; «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901) Н. А. Бердяева, «Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (1913) самого С.[76]). Примечательно, что даже такая узкоспециальная историографическая тема, как экономическая эффективность крепостного права накануне его отмены в преломлении полемики народников и марксистов даже в конце 1890-х гг. продолжала звучать как повод к общественной партийной мобилизации, вменяя С. роль интеллектуального и политического вождя социал-демократической молодёжи, которую он *год ми*, как минимум, с 1894 по 1900 гг., играл на всех доступных ему публичных

[74] Эта полемика переиздана В. В. Саповым в приложении к книге: *С. Н. Булг ков*. О рынках при капиталистическом производстве. М., 2006.

[75] Именно С. предложил ему это заглавие, нашёл издателя — М. И. Водовозову, обеспечил весьма значительный тираж в 2400 экземпляров и снабдил автора специальной литературой (*В. Измозик, Б. Ст рков, Б. П влов, С. Рудник*. Подлинная история РСДРП — РКП (б) — ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 86).

[76] В 1913 году С. лишь собрал свои очерки конца 1890-х — начала 1900-х о крепостном хозяйстве, тщетно полагая продолжить исследование. Резкий критик этого сборника, марксист М. Н. Покровский, тем не менее признал, что С. «принадлежит неоспоримая и крупная заслуга в истории русского народного хозяйства: он первый поставил вопрос о «крепостном хозяйстве» как известной исторической категории» (*М. Покровский*. [Рец.:] Пётр Струве. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.... // Голос Минувшего. М., 1914. № 3. С. 299. Переизд.: *М. Н. Покровский*. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. Изд. 2. М., 2012).

площадках. Московский университетский историк и либерал А. А. Кизеветтер вспоминал о чтении С. в Московском юридическом обществе доклада о крепостном хозяйстве:

> «Крепостное хозяйство первой половины XIX столетия! Какое было дело до этого студенческой массе, наполнившей актовую залу университета такой толпой, что люди стояли плечом к плечу? Конечно, до крепостного хозяйства этой толпе никакого дела не было. Но ведь на кафедре должен был показаться апостол марксизма, имя которого вызывало столько восторгов со стороны одних и столько нападок со стороны других. Как же было не взглянуть на него, хотя бы одним глазком? Впрочем, зала, видимо, была переполнена поклонниками лектора, представителями социал-демократической молодёжи. Эти социал-демократические кавалеры и девицы вели себя чрезвычайно возбуждённо. Для чего-то они перекрикивались из одного угла громадной залы в другой весьма воинственными голосами, словно кому-то хотели этим заявить: «Дескать, знай наших, мы марксисты, мы всех за пояс заткнём». Наконец на кафедре появился с нетерпением жданный лектор. Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных кликов. Она долго не смолкала. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звоня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно. Наконец пары были выпущены и аудитория поуспокоилась. Струве начал свой доклад. Поклонники ожидали от него митинговой речи, а он читал специальный научный доклад, в котором давал предварительный очерк тех мыслей, которые были позднее им развиты в его книжке о крепостном хозяйстве. Я смотрел по сторонам и видел, что социал-демократические барышни совсем увяли, да и кавалеры нахмурились. Ведь они пришли совсем не ради учёной премудрости, а ради всё той же изо дня в день повторяющейся словесной потасовки»[77].

[77] *А. А. Кизеветтер*. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 159. Интересно, что с либеральных позиций докладу С.

Неожиданно большой культурный багаж, который приходилось принимать левой молодёжи в связи с партийным лидерством С. сообразно его не вполне типичным для революционной среды широким интересам. Они уже были имплантированы в руководимые С. журналы «Новое Слово» и «Начало». Ведя редакционный портфель «Начала», С. писал своей давней коллеге, переводчице З. А. Венгеровой 7 марта 1899 о предложенной ею в марксистский журнал фигуре «декадента» и символиста М. Метерлинка и её опасениях: «То обстоятельство, что нас ругают за вас, не играет... *ник кой роли*. Нас ругают *з всё*. Я лично сочувствую статьям о Метерлинке и не боюсь конфликта с “читающей публикой”. Итак, не торопитесь с Метерлинком, но *не ост вляйте его* — вот мое *откровенно* высказываемое желание. За рецензию о переводе Нитцще буду очень благодарен»[78].

Статьи самого С. 1890-х гг. о Ф. Ницше, Б. Н. Чичерине, В. С. Соловьёве, А. П. Чехове, первыми открывшие их творчество для марксистской литературы, затем получили продолжение в специальных очерках о них, с которыми выступили в 1900-е гг. С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и с течением времени всё более широкий и радикальный круг социал-демократических критиков.

Следуя модели интеллектуального лидерства, С., видимо, копировал и образец, явленный Н. К. Михайловским (которому С. тщетно пытался противопоставить авторитет Н. В. Шелгунова). Признанный систематизатор того времени, конфликтовавший с Михайловским, не мог не признать, что тот в годы политической реакции оказался единственным, кто мог публично стать во главе «практического движения», только потому, что начал работу по «системати-

возражал будущий весьма догматический историк-марксист М. Н. Покровский.

[78] Цит. по: *В. М. Абр мкин, А. Л. Дымшиц*. «Начало». Марксистский журнал девяностых годов. М., 1932. С. 113.

зации новых идей», что «главная сила [его] таланта заключается именно в философски-воспитанном уме, обладающем при богатой эрудиции непреоборимою диалектикою, всё разлагающим анализом и своеобразным остроумием» и что если бы его статьи «перевести на один из иностранных языков, они не замедлили бы доставить автору общеевропейскую известность»[79]. Несомненно, С. не только выступил с претензией на такой статус публичного политического мыслителя-систематизатора, но и буквально дебютировал на общеевропейской социалистической сцене — в идеологическом центре германской марксистской печати, что позволило ему персонально конкурировать с Михайловским в качестве «европейской известности». Н. К. Михайловский (1842–1904), несомненно, адекватно понимал этот вызов и остро переживал его: если за два года до появления книги С. Михайловский легко расправился с попыткой личной полемики против него, предпринятой А. Л. Волынским (1861–1926) и «Северным Вестником», создав ему и его журналу общественную репутацию маргиналов, то теперь Михайловский вынужден был терпеть интеллектуальное поражение от ещё более молодого человека, не сумев с тем же успехом мобилизовать на свою сторону «последние слова науки», как это внешне сделал С.: Михайловский полемизировал неудачно и ревновал[80]. Это было тем более не-

[79] *А. М. Ск бичевский.* История новейшей русской литературы (1848–1892). 2 изд. СПб., 1893. С. 109–110.

[80] Не будучи марксистом, известный экономист и фабричный деятель старшего поколения И. И. Янжул кратко похвалил книгу С. (*И. И. Янжул.* Промысловые синдикаты, или предпринимательские союзы, для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895. С. 402) — и поплатился за это полным прекращением общения с Н. К. Михайловским. «В нескольких строках своей новой книги “Промысловые синдикаты” я сказал комплимент талантливому и остроумному очерку г-на П. Б. Струве, и что с главнейшими его выводами я вполне-де согласен. Моя книга о синдикатах положила конец нашей дружбе с Михайловским, он перестал у меня бывать, посещая Москву, а в «Русском Богатстве» появилась довольно

удачно, что уже через ряд лет С. и его сторонники, закончив триумфальное начало своей борьбы за интеллектуальное лидерство «научного» марксизма против «субъективной социологии» Михайловского как идейного лидера народничества, согласились с выдвинутой Михайловским самой постановкой проблемы соотношения свободы и необходимости и далее развивались в её фарватере.

Выдающиеся интеллектуальные способности С. и многократно отмеченная широта его научных интересов не только делали его, несмотря на возраст, идейным лидером публичного русского марксизма как идейно-политического движения, но и одновременно лишали его психологических мотивов к построению инфраструктуры лидерства, в которой партийная солидарность и политическая лояльность вождям была важнее индивидуальной правоты. Коротко говоря, подобно Энгельсу, С. изначально поставил себя в русском марксизме в качестве интернационального законодателя идейной моды, оставляя за собой полную свободу для личного поиска и саморазвития, учителя партии, а не строителя подполья. При этом нет сомнений, что С. был полноценным участником нелегальной, подпольной революционной работы, в которой традиционно обслуживал «интеллигентскую» часть — создание студенческих кружков марксистского самообразования для подготовки агитаторов в рабочей среде. Позже старый марксист, большевик и поэтому, конечно, радикальный политический противник С., для которых он был бóльшим образцом ренегатства, чем даже меньшевики, тем не менее лично свидетельствовал, критически рецензируя уже появившуюся партийную историю русской социал-демократии, из которой её авторам уже хотелось вычистить, дезавуировав, С.:

нелепая, но резкая критика о моей книге, написанная, по слухам, моим товарищем и учеником профессором Карышевым» (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 271–272).

в 1890-е годы «Струве не боялся принимать личное участие в делах социал-демократических организаций»[81].

Несмотря на известную высокую самооценку С., источники не содержат никаких свидетельств о том, что он испытывал акты ревности, зависти или личной конкуренции в отношении других идейных лидеров русского марксизма того времени, близких ему поколенчески, — Г. В. Плеханова, М. И. Туган-Барановского, Н. В. Водовозова, С. Н. Булгакова. Видимо, он понимал, как много позже, с большой дистанции засвидетельствовал экономист-теоретик его поколения В. Я. Железнов, что С. «благодаря своим большим аналитическим и одновременно интуитивно-творческим способностям, благодаря своему исключительно глубокому и всестороннему образованию не имел с самого начала своей научной деятельности равноценной конкуренции среди марксистов»[82].

В «Критических заметках» С. впервые легально в России дал изложение не только экономического учения Маркса (что до него сделали управляющий в 1889–1894 гг. Государственным банком, член Совета министра финансов Ю. Г. Жуковский[83] и Н. И. Зибер[84]), но и системы «историко-экономического материализма» и впервые после трудов Г. В. Плеханова и членов группы «Освобождение труда», запрещённых в России, и вообще впервые в российской легальной печати выступил с радикальной критикой народ-

[81] *М. Ольминский.* [Рец.:] Н. Батурин. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906 // Былое. СПб., 1906. № 12. С. 294.

[82] *В. Я. Железнов.* [Современные теории хозяйства] Россия [1927] // Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / Сост. М. Г. Покидченко. М., 2003. С. 280.

[83] См. переиздание его труда, предшествующего изложению доктрины Маркса: *Ю. Г. Жуковский.* История политической литературы XIX столетия. От преддверия до середины XIX века [1871]. М., 2015.

[84] *Н. И. Зибер.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. 3 изд. СПб., 1897.

ничества как системы взглядов и теории «самобытного экономического развития» России, сосредоточив её теперь не на старых его вождях в лице А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачёва, П. Л. Лаврова, Л. А. Тихомирова, как это было сделано в последних на тот момент марксистских трудах Плеханова[85], а на актуальной публицистике Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова, В. В. (В. П. Воронцова) и перешедших на экономический язык Маркса народников Николая -она, Н. А. Карышева, Н. А. Каблукова[86], которым Плеханов не дал марксистской *экономической* альтернативы, дал очерк

[85] На это обратил внимание мемуарист, апологет В. И. Ленина, объясняя особый смысл его нелегальной и на деле мало известной работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», так же, как и «Критические заметки» С., посвящённой критике трудов Михайловского, Кривенко, Южакова и нелегально вышедшей в свет общим тиражом до 175 экземпляров летом—осенью 1894 года (*С. И. Мицкевич*. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. Мемуарная запись. М., 1937. С. 181, 182–183). Исследователь резюмирует: «Широко распространенная версия о том, что [эта работа] произвела переворот в умах молодежи и похоронила либеральное народничество, скорее похожа на историографическую мифологему. (...) Нам не удалось обнаружить значительных доказательств ее широкого положительного или отрицательного восприятия в либерально-народнических кругах». В 1910 году библиограф не смог найти 2 и 3 выпусков, в том числе за границей, и у самого Ленина, в библиотеке Плеханова книги также отсутствовали (*Б. П. Б луев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 166–167). Примечательно, что, готовя и активно обсуждая в переписке из ссылки в Шушенском с родными состав сборника своих статей «Экономические этюды и статьи» (СПб., 1899) и особенно включения в него неопубликованных полемических статей, Ленин ни разу даже не упомянул «Что такое...», хотя цензурные условия вполне позволяли включить эту работу или её вариант в книгу.

[86] «Народники очень любят подчёркивать своё полное согласие с чисто экономическим учением Маркса, особенно с теорией ценности...» (*Н. А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901]. С. 294, прим. 62).

индустриализации и экономического развития России до и после отмены крепостного права в 1861 году. С. заявил здесь о марксистах (и был позже поддержан в этом Плехановым): «Мы считаем наш спор с народниками естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством» — и, ссылаясь на П. Я. Чаадаева, утверждал «единство цивилизации России и Запада»[87]. С. оригинально различил внутри народничества, солидарного в вопросе о возможности «самобытного развития» России, — «западническую» и «славянофильскую» фракции[88] — учение о роли личности в истории (интеллигенции, свободной вы-

[87] *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 29.

[88] Г. В. Плеханов прежде утверждал лишь славянофильский характер народников как «славянофильствующих революционеров» (*Г. В. Плех нов*. Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264), критикуя их за «мелкобуржуазность». Позже, когда В. И. Ленин стал неизменно отвергать славянофильскую природу народничества, настаивая исключительно на его «мелкобуржуазности», Плеханов настаивал на том, что «наше народничество состояло в тесном родстве со славянофильством» (*Г. Плех нов*. Письмо в редакцию // Голос Минувшего. М., 1913. № 11. С. 307). Подвергая С. критике за «внеклассовое» сближение народничества со славянофильством, Ленин, однако, ни тогда, ни позже не предъявил подобных претензий Плеханову. В целом в начале XX века, до проведённой в СССР идеологической унификации исторических формул, в русском политическом языке уподобление дихотомии народников (неонародников) и марксистов расколу славянофилов и западников — было обычным делом. Даже простой наблюдатель политических споров поэт О. Э. Мандельштам вспоминал, что «в глубокой страстной распре с.-р. и с.-д. чувствовалось продолжение старинного раздора славянофилов и западников» («Шум времени», 1925: главка «Семья Синани») Ещё важнее, что даже руководитель ранней советской пропаганды и цензуры Н. Л. Мещеряков, сам участвовавший в начале 1890-х гг. в названных спорах, писал в исторической экспозиции: «Старое славянофильство и западничество надели на себя новые одежды. Первое выступило в костюме народничества, а второе под видом социал-демократии» (*Н. Мещеряков*. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции) М., 1922. С. 63) .

бирать путь развития своего народа) и учение об особой судьбе русского народа, которые соответственно представлены Лавровым, Михайловским и Южаковым — и В. В., В. С. Пругавиным и И. И. Юзовым (Каблицем), с другой стороны. Именно в этом контексте прозвучала знаменитая формула, повторённая С. вслед за Г. Зиммелем, о том, что марксизм «игнорирует личность как социологически ничтожную величину»[89] и поэтому русская интеллигенция и её народнические вожди — в вопросе об историческом развитии России — «кучка идеалистов, мечтающая о сохранении «устоев», есть в *социологическом* отношении quantit négligeable (...) Мы нарочно подчёркиваем, что считаем «кучку идеалистов» quantit négligeable в *социологическом* отношении, так как вполне признаём и её интеллектуальную мощь, и её великое этическое значение», по сравнению с пролетариатом — ««бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила»[90]. Из этого полемического поля в последующей русской литературе выросла известная полемика между С. и С. Н. Булгаковым в 1896–1897 гг. о поставленной в результате применения кантианства к марксизму в труде Р. Штамлера «Хозяйство и право» о проблеме соотношения «свободы и необходимости»[91], развитая в трудах П. И. Новгородцева, и последующие штудии Пле-

[89] *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 30.

[90] Там же. С. 70–71.

[91] В этой полемике С. продолжал позитивистски и «ортодоксально» выводить общественный идеал целиком из данных науки, а Булгаков, значительно ранее С., уже выступал с более творческих позиций, близких кругу московских университетских идеалистов и правоведов, выступавших за «возрождение естественного права»: «В результате полемики с Штамлером и Струве для меня выяснилось, что идеал даётся не наукой, как это думает настоящий марксизм, а «жизнью», следовательно, он вненаучен или ненаучен и в этом смысле относительно науки автономен» (*С. Н. Булг ков*. Задачи политической экономии [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 695, прим.)

ханова о «роли личности в истории». Выступление Булгакова в московском журнале «Вопросы философии и психологии» со штудией о сфере социального идеала фактически открыло журнал и для самой тематики, и для участия в дискуссии С. и Н. И. Кареева, и для дальнейшего сближения петербургского «критического марксизма» с московской университетской средой и кругом журнала «Вопросы философии и психологии». Естественным фоном для неё были систематические и полемические тексты С. Н. Трубецкого и В. С. Соловьёва, направленные против доминировавших в издании проблем позитивизма, психологии и гносеологии, в частности программная статья С. Н. Трубецкого «В защиту идеализма» (1897). Именно «в защиту идеализма» (и по аналогии с отвергаемой и революционными марксистами, и самим С. серией статей 1897–1898 гг. «Проблемы социализма» идеолога СДПГ и реформиста-ревизиониста Э. Бернштейна, собранных в книгу в 1899 г.) планировал в 1901 году сборник «Проблемы идеализма» С., который он реализовал в союзе с П. И. Новгородцевым и московским кругом идеалистов С. Н. Трубецкого. Видимой для современников была и сознательная перекличка с «идеалистами сороковых годов» (1840-х), заложившими основы русского идейного западничества[92].

Откликаясь на рецензию Булгакова на книгу Штамлера в «Вопросах философии и психологии», С. действовал вполне лояльно по отношению к марксистской доктрине, радикально отделяя её партийную историческую проповедь от любых гносеологических методик, применяемых её сторонниками на пути партийности. Главное в этой дискуссии С. с Булгаковым о громкой новой книге из круга германской социал-демократии состояло в том, что она вполне ве-

[92] Модель их типового описания, выработанную в сочинениях П. В. Анненкова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, Б. Н. Чичерина, см. в позднем очерке Н. А. Бердяева «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Глава II).

сомо показала интегрированность молодых русских марксистов в интернациональную марксистскую дискуссию и одновременно обнаружила в них достаточно самоуважения и доктринальной и академической квалификации, чтобы они могли уже в 1896–1897 гг. свободно и самостоятельно решать вопрос о Privatsache. Можно прямо сказать, что в русском марксизме тогда не было иных сил, кто мог бы выступить в этой сфере наравне с Булгаковым и С., хотя и без каких бы то ни было философских открытий. Никто из марксистов, в общем, даже недоумевая от герметичности спора, и не протестовал. С. писал в полемике с Булгаковым, из всех сил изображая наличие интеллектуальной традиции в России там, где пока было лишь кричащее одиночество двух собеседников:

> «Живое обсуждение т. н. «экономического материализма» или материалистического понимания истории вновь поставило на очередь вопрос о соотношении между свободой и исторической необходимостью. Материалистическое, — или мы охотнее станем говорить — экономическое понимание истории есть грандиозная попытка ввести историю человечества в систему *н учного опыт* , основным формальным понятием которого является необходимость или закономерность в смысле строгой причинности.
>
> Но история в то же время *дел ется людьми*, стремящимися к осуществлению *своих целей*, действующими во имя *своих иде лов*. Ставить цели и стремиться к их осуществлению можно только при сознании своей свободы. С другой стороны, научное познание и понимание явлений мыслимо лишь под руководством идеи необходимости, прямо противоречащей идее свободы. (...)
>
> Исход из этого противоречия, по-видимому, один — в метафизике. Этот исход указан Кантом, Шеллингом и Шопенгауэром, каждым на свой лад. Эти три философа прекрасно понимали занимающее нас противоречие, понимали во всей его глубине. Канту мы и обязаны его раскрытием,

после которого тщетны все попытки объединить свободу и необходимость в одном высшем начале.[93] Штамлер в своем сочинении «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung» с полною силою вновь противопоставил свободу и необходимость. В этом главное значение и основная заслуга полемики Штамлера против материалистического понимания истории. Такая постановка вопроса, как справедливо указывает г. Булгаков[94], вынуждает у представителей этого учения самокритику. (...) Считаю нужным заметить, что я стою при этом на той же самой почве, что и г. Булгаков: мы оба одновременно — сторонники критической философии и материалистического понимания истории[95]. Опровергая Штамлера, г. Булгаков говорит и слишком мало, и слишком много. Все здание социального

---

[93] Читатель, знакомый с моими «Критическими заметками к вопросу об экономическом развитии России» (СПб. 1894), заметит в предлагаемой статье уклонения от высказанных в моей книге взглядов. Но мне кажется, что я только подвинулся дальше в том направлении, в котором написана моя книжка. Один из моих немилостивых критиков (г. Михайловский) заметил, что я «напрасно» пытаюсь опереться на критическую философию. Дальнейшее развитие литературы и собственная работа мысли, наоборот, убеждают меня, что это было вовсе не «напрасно». — *Прим. Струве*.

[94] Вопросы философии. 1896 г., ноябрь—декабрь. — *Прим. Струве*.

[95] Это сочетание критической точки зрения и материалистического понимания истории показывает, что последнее по существу нисколько не связано с материалистическою метафизикой. Генетическая связь экономического материализма и материалистической метафизики неоспоримо доказывается главой о французском материализме в «Heilige Familie» Маркса. В мировоззрении Энгельса материалистическое понимание истории и материалистическая метафизика составляли прочное психологическое единство. Но ни генетическая связь, ни психологическое единство этих учений у Маркса и Энгельса не обусловливают их систематического или логического единства. Материалистическое понимание истории заявляет свои притязания лишь на «das fruchtbare Bathos der Erfahrung» и не нуждается ни в какой метафизике. См. мою статью о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Арсеньева и Петрушевского. — *Прим. Струве*.

идеализма, возведенное Штамлером, нисколько — выражаясь юридически — не конкурирует с материалистическим пониманием истории. (...) Свобода беззаконна. Впрочем, другого *философского* смысла, кроме отрицания необходимости или закономерности, слово *свобод* и не имеет. (...)
Материалистическое понимание истории в его применении к современной нам жизни и является именно попыткой показать историческую необходимость определенного социального идеала. Говорят — и я тоже говорил это, — что научный коллективизм выводит свой идеал из социально-экономической действительности. Это верно и в то же время неверно. Идеал, конечно, вырос из условий действительности, как это всегда бывает со всеми идеалами, но для каждого действующего субъекта, сознательно строящего идеал, и для массы, стихийно или тоже сознательно к нему стремящейся, он представляет психологическое prius по отношению к действительности и действующим в ней силам. В научном исследовании этой действительности идеал ищет лишь признания за собой реальности и необходимости. Таков и был действительный ход развития современного коллективизма от утопии к науке. Идеал остался неизменным[96], изменился лишь взгляд на условия его реализации. Сам же идеал стоит вне науки, или, если хотите, выше ее, хотя и нуждается в научной санкции. (...)
Итак, научным является тот идеал, который в своей картине будущего заключает возможно больше элементов необходимости. Круг никогда не может оказаться совершенно зачерченным, по крайней мере, для психологического сознания; это означало бы смерть идеала и деятельности. Но чем меньше будет целый сегмент нашего круга, тем увереннее будем мы в нем двигаться, т. е. действовать. Удивительное и вполне заслуженное обаяние основанного на материалистическом понимании истории представляет наиболее удовлетворяющее современному научному духу

[96] Конечно, в общих чертах. — *Прим. Струве.*

соотношение необходимости и свободы. (...) Тут необходимость не противоречит свободе, а поддерживает ее. В этом смысле за гносеологически совершенно несостоятельным определением Энгельса, что свобода есть «познание необходимости», скрывается величайшая психологическая истина. (...)
Материалистическое понимание истории не претендует давать ответ на вопрос: что делать? этот вопрос решается в другой инстанции — интересов и идеалов, оно говорит лишь: как делать. И этой теории как раз достаточно, не слишком мало и не слишком много, для исполнения завета Фихте: Man muss nicht nur kampfen, sondern auch siegen wollen[97]»[98].

Несмотря на то, что в России главными распространителями экономической доктрины марксизма уже стали статусные интеллектуалы Зибер и Ю. Г. Жуковский, а влияние её очевидно и в «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве», прочитанных наследнику престола министром финансов С. Ю. Витте в начале 1900-х, более всего с марксизмом знакомила широко легализованная в прессе, статистике, университетах народническая интеллигенция, в 1870–1880-х гг. перешедшая на марксистскую платформу при описании мирового и западного прогресса, из которого она временно исключала полуфеодальную Россию, в которой был недостаточно развит капитализм. Казалось, что если Энгельс ждал свершения социалистического переворота в Германии уже в течение 1890-х гг. (внешним противником коего станет Россия), то Россия уже не имеет времени для капиталистического развития перед на-

[97] «Нужно стремиться не только к борьбе, но также и к победе» (*нем.*).
[98] *П. Б. Струве.* Свобода и историческая необходимость // Петр Струве. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб., 1902. С. 487–507. Впервые: Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 120–139.

ступлением эры социализма. В отрицании перспектив развития капитализма в России народники находили частичную поддержку у Энгельса, но более всего — у охранителей, составлявших в России весомую часть правящего слоя. Предсказуемо, что критики «государственного народничества», старого славянофильства и уже институционализированного народничества П. Н. Милюков, В. С. Соловьёв, Г. В. Плеханов этот их идейный стык воспринимали как признак их взаимного вырождения. В поле критики родилось и понятие «легальное народничество», призванное дискредитировать или, наоборот, глорифицировать его как нечто не революционное[99]. Ясно, что эта шкала революционности даже внутри пропаганды выглядит продуктом

[99] Об этом подробно: *Б. П. Б луев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *В. В. Зверев*. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. М., 1997; *Г. Н. Мокшин*. Русское легальное народничество 60–90-х годов XIX века. Очерки истории и историографии. Воронеж, 2005; *Г. Н. Мокшин*. Что такое «легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. Саратов, 2011. Т. 11. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. Плеханов в своих ранних марксистских работах 1880-х гг. «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» уже различал в народничестве «революционное» и «легальное» («мирное»). При этом исследователь справедливо замечал, что «вряд ли логично называть либеральное народничество легальным, одновременно противопоставляя его народничеству Чернышевского как революционному, ведь Чернышевский тоже проповедывал свои взгляды в легальной прессе. Но, к сожалению, и сейчас некоторые последователи вслед за Плехановым, оперируют этим термином» (*Б. П. Б луев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 146–147). Впрочем, само употребление слова «легальный» в русском языке конца XIX века тесно сопровождалось противопоставлением его «нелегальному», «подпольному», а легальность понималась не как приспособление к условиям легальности, а как публичное признание того, что прежде существовало исключительно в подполье. Например, К. Н. Леонтьев в письме к В. М. Эберману от 1 мая 1890 упоминал «легальных нигилистов» (Неизданные письма Константина Леонтьева / Публ. Д. Соловьёва // Звезда. СПб., 1993. № 3. С. 152).

чрезмерного радикализма, полагающего революционность исключительно в виде непрерывной смерти на баррикадах.

Когда народничество дошло до своего этаблирования и в радикальном, и в респектабельном образе и уже подвергалось критике за его превращение в *обыденный политический* фактор, русский марксизм оставался исключительно интеллектуальным изыском на кафедре или в подполье. Плеханов, уже в начале 1880-х нашедший в России массовый промышленный пролетариат и, следовательно, индустриальный капитализм и, следовательно, полагавшийся на социал-демократическую перспективу, жил в эмиграции и в России оставался практически неизвестен.

Главным нервом своей полемики против народничества С., философски присягая «критическому позитивизму», сделал противопоставление «экономического материализма» («исторического материализма») К. Маркса и Ф. Энгельса и «субъективного идеализма» русской радикальной интеллигенции (согласно самоопределению Михайловского), из рецепции которого уже в конце 1890-х гг. выросла мощная синтетическая неонародническая традиция, в 1900–1930-х породившая плодовитое поколение русских социалистических мыслителей, соединявших опыт недогматического марксизма и его «ревизионистской» критики с русской идеалистической философией и практикой русских социал-демократов и социалистов-революционеров.

Вызванная первой книгой С. полемика его с интеллектуальным лидером социалистического народничества того времени Н. К. Михайловским изначально сконцентрировалась на проблеме (впоследствии афористически развитой Бердяевым в его статье в сборнике «Вехи») взаимоотношений свободы и необходимости, сущего (правды-истины) и должного (правды-справедливости), способности идеологов развить, внести в общество и реализовать политический идеал свободы и социализма (коммунизма), равно отрицающий самодержавный строй и капиталистическую эксплуатацию. Это представление о свободе

политической воли в деле изменения направления экономического развития страны в сторону социализма основывалось на презумпции отсталости России от Запада и отсутствии в ней собственных корней для самодостаточного роста капитализма. Одновременно проблема развития капитализма в России актуализировала теорию французских экономистов-физиократов и их последователей о фундаментальности и самодостаточности земледелия как основы для «изолированного государства» (И. Тюнен), которая в применении к Германии была предвосхищена И. Г. Фихте и развита Ф. Листом в доктрину протекционизма в интересах суверенного промышленного развития и национального объединения Германии и защиты её от экономической конкуренции Англии. В 1870–1880-х гг. доктрина Ф. Листа была успешно реализована канцлером Бисмарком в Германии, что сделало её живым политическим примером для русской оппозиции, которая увидела тесную связь экономического роста с основами парламентаризма, устойчивой политической свободы и активной социальной политики государства. Одновременно масштабный голод в России 1891–1892 гг., ставший национальным бедствием, поставил под вопрос и экономическое выживание сельской общины как народнической «ячейки» социализма и способность самодержавия эффективно управлять аграрным развитием страны вне капиталистического пути. Это нанесло серьёзный удар по славянофильскому консенсусу самодержавной власти и народнической оппозиции и создало основу для консенсуса марксистов и правительства, проводившего интенсивную индустриализацию России. Однако народники утверждали, что разорение крестьянства в любом случае лишает капитализм в России перспективы, ибо лишает его внутреннего рынка, обязывая русскую буржуазию вести при поддержке государства борьбу за колонии в конкуренции с великими державами, к чему Россия объективно не приспособлена. Вопрос о внутреннем рынке

для капитализма стал центральным в полемике марксистов против народников, которым в итоге пришлось признать, что пролетаризация деревни ведёт к росту городского населения и промышленности. Именно марксистов в этом споре поддержал «индустриализатор» Витте, позже явно вступив в полемику на их стороне и фактически повторяя и развивая их аналогии между континентальными масштабами России и Северной Америки: «Раскинутая на обширном пространстве, на сплошной территории, обеспеченная всем необходимым для достижения высшей степени экономического развития Россия сама представляет единственный по величине рынок сбыта, и её международные торговые сношения являются для неё не вопросом существования, а лишь способом естественного и потому мирного обмена излишков. В колониальной политике Россия не нуждается»[100].

«Критические заметки» С., выйдя в свет значительным тиражом в 1200 экземпляров, сразу попали в центр внимания власти и оппозиции не только как манифест русского марксизма, но и как аргумент в пользу политики индустриализации, проводившейся С. Ю. Витте. Имея в виду эти толкования, Ленин («Что делать?», 1902) ввёл в поли-

[100] *С. Ю. Витте.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 237.

В эмиграции это авторское мифотворчество С. достигло особых высот: «В моё духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И. С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессианизма как в его консервативной, так и в его революционной редакции, вошли определяющим образом, как одно из самых важных «влияний», породивших тот строй идей, первым выразителем которого я явился в русской исторической и философски обоснованной публицистике и который стал известен под внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения наименованием “легальный марксизм”...» (*П. Б. Струве.* И. С. Тургенев как политический мыслитель [1933] // П. Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981. С. 212).

тический оборот понятие-теорию «легального марксизма» во главе со С., согласно которой «легальный» изначально был ревизионистским и реформистским, а «нелегальный» во главе с самим Лениным — истинным и революционным. Уже в середине 1900-х, также исходя из политических интересов, эту теорию поддержал С. При этом игнорируются те факты, что Ленин стал автором многочисленных легально изданных работ, С. вёл активную нелегальную работу, в том числе вместе с Лениным, а «нормативов» истинного марксизма тогда просто не существовало, ибо они были разработаны лишь в СССР. Несмотря на широкое распространение даже в современной литературе этого понятия в применении к С., оно не имеет особого предмета описания, поскольку в легальной сфере работали все без исключения литераторы-марксисты, а появившееся в 1899 году условное разделение марксистского движения на «критиков» и «ортодоксов» никак не отражалось на подпольной деятельности его участников ни до, ни после этого[101]. «В период между 1894 и 1899 гг. российская социал-демократия выступала единым фронтом», резюмирует немецкий исследователь темы, указывая на активное участие «ортодоксов» Ленина и Плеханова в легальной печати (хоть и под псевдонимами)[102].

Осознанный отказ С. от использования псевдонимов в его главных марксистских трудах и его ставка на максимальное использование легальных институций для прямой пропаганды марксизма (Вольное экономическое общество, легальная периодика, праздничные студенческие вечера

---

[101] О бессмысленности и пропагандистском характере понятия «легальный марксизм»: *Р. П йпс*. С. 181–182. Специальный критический очерк по истории понятия и независимая от труда Р. Пайпса развёрнутая аргументация в пользу его научной негодности: *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5.

[102] *Йо хим Цв йнерт*. История экономической мысли в России. 1805–1905 [2002] / Пер. под ред. В. С. Автономова. М., 2008. С. 298.

в Санкт-Петербургском университете) требовали его личного участия под своим именем. Образцом для этого, несомненно, служила практика германской социал-демократии, где все марксисты были «легальными», а ведущие идеологи не скрывали своих подлинных имён, формируя партийную доктрину в непрерывных публичных дискуссиях. Для всех легальных и нелегальных последователей Маркса в России С. надолго стал первым политически публичным марксистом и социал-демократом в стране. Один из первых университетских марксистов в Москве, активный автор и редактор марксистских изданий, доверенный посредник в отношениях российских социал-демократов с эмигрантом Г. В. Плехановым, зять главной марксистской издательницы 1890-х — начала 1900-х гг. М. И. Водовозовой С. Н. Булгаков свидетельствовал: «когда были напечатаны его [С.] «Критические заметки», то «все мы считали, что появился гений»[103]. Каутский в письме к Плеханову ряд лет спустя, в 1901 (!) году, когда в России размежевание «критиков» и «ортодоксов» марксизма уже достигло финала, зная всё личное ожесточение, с которым Плеханов публично выступал в 1898–1899–1900 годах против Бернштейна, К. Шмидта и С., продолжал оценивать значение С. как международной фигуры социал-демократии очень высоко:

> «Многие из молодых марксистов — неокантианцы (я имел в виду Струве, Виктора Адлера в Австрии, Конрада Шмидта, Вольтмана, Бернштейна (...))... некоторые из этих марксистов-неокантианцев — наши лучшие головы (Бернштейн, Струве, Адлер), но я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя одной из этих лучших голов»[104].

[103] *Н. А. Цуриков*. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым (1908–1934) // Н. А. Цуриков. Прошлое / Сост. В. А. Цуриков. М., 2006. С. 346.

[104] К. Каутский — Г. В. Плеханову, 6 февраля 1901 // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 172.

Бывший социал-демократ и профессиональный историк Г. П. Федотов десятилетия спустя в эмиграции ответственно свидетельствовал о С., Туган-Барановском и Булгакове: «Русские марксисты сумели выдвинуть ряд действительно талантливых учёных. На целое десятилетие экономические вопросы заслонили в России даже политические, сделавшись основными («теологическими») для интеллигентского мировоззрения. (...) Русские марксисты, как в экономике, так и в истории, во всяком случае, не имели себе равных на Западе»[105].

Вслед за книгой С., в декабре 1894 на средства его близкого сотрудника и друга А. Н. Потресова была издана первая легальная русская книга Г. В. Плеханова (Н. Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой Плеханов, изложив свою доктрину марксистского «диалектического материализма», взял С. под защиту и тем придал ему вес равного первого систематика марксизма в России. Плеханов даже практически сравнил С. с молодыми Марксом и Энгельсом, также подвергшимися несправедливой (и в случае С. — явно недобросовестной из уст русских народников) критике за признание исторической обоснованности и «школы» (у С. — «выучки») капитализма и якобы оправдание вызываемых им социальных бедствий в Германии, каковой был подвергнут С. в России со стороны С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловского[106]. С. вы-

[105] *Г. П. Федотов*. Наука в России [1940-е] // Г. П. Федотов. Собр. соч. в 12 т. Т. 7. Статьи в журналах (...) / Под ред. С. С. Бычкова. М., 2014. С. 417.

[106] *Н. Бельтов*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К° [1894] / Под ред. С. Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 231–233, 235, 241; в развитии полемики с Михайловским, выступившим против книги С. в «Русском Богатстве» (1894. Кн. X): [Г. В. Плеханов] Ещё раз г. Михайловский, ещё раз «триада» [1894] // Там же. С. 261. Здесь же — вполне комплиментарное адвокатирование Плехановым С. за его «очень неосторожное» выражение «признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму» с помощью ссылки на подобные же «неловкости» В. Г. Белинского.

соко оценил эту книгу Плеханова в ряду других его трудов по философии материализма, не разделив, однако, его материалистического пафоса: «русская книга Бельтова «Монистическое понимание истории» — по-моему, наилучшее изложение историко-философских основ ортодоксального марксизма»[107].

В противоположность первому популяризатору марксизма в России Н. И. Зиберу[108] и С. (а затем и М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков), Плеханов положил здесь, в книге Бельтова, начало новой терминологической традиции в русском марксизме, поддержав перевод термина Wert не как «цена»[109], а как «стоимость», что затем приняли на вооружение В. И. Ленин и И. И. Скворцов-Степанов[110]

107 *Пётр Струве*. Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А. В. Чусова под ред. Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 99, прим. 14.

108 *Н. И. Зибер*. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. Изд. 3. СПб., 1897.

109 *Н. Бельтов*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С. 43. Первые переводчики «Капитала» на русский язык Г. А. Лопатин и Н. Ф. Даниельсон в 1872 г. перевели Wert как *стоимость* согласно тогдашним толкованиям К. Маркса, которые были им пересмотрены уже в 1873 г. (*В. Я. Чеховский*. О переводе Марксова «Wert» на русский язык // Вопросы экономики. М., 2008. № 1 (автор призывает вернуться к переводу *цен*). Оппонент настаивает на общетеоретической верности перевода *стоимость*: *Л. Л. В син* . «Ценность» versus «стоимость» // Альтернативы. М., 2015. № 2 (87)), но были оставлены без внимания Н. Ф. Даниельсоном при двукратном переиздании его перевода в 1898 г.

110 В том же 1898 г. С. в качестве редактора нового перевода «Капитала» уделил особое внимание точному переводу Wert как цены («Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в «Капитале», является понятие ценность. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого Wert, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова» (*П. Б. Струве*. Предисловие редактора русского перевода // К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. СПб., 1898. С. XXVIII): этот перевод в 1900-х годах Плехановым (Редактор журнала М. М. Филиппов, следуя консенсусу, без санкции

и вся советская наука[111]. Это оставило всю прежнюю терми-

Г. В. Плеханова исправил его *стоимость* на *ценность*: *Н. К релин*. Заметки читателя по поводу «упразднения» Туганом-Барановским и Струве учения Маркса о норме прибыли // Научное Обозрение. 1900. № 10. С. 1725–1735; № 11. С. 1922–1936. В полемике по существу перевода Плеханов заявил, что считает перевод *стоимость* более удачным, чем *ценность* (*Г. П.*: [Рец.:] С. Франк. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб., 1900 // Заря. Stuttgart. № 2–3: Декабрь 1901. С. 325, прим.)) и Лениным (Тот же М. М. Филиппов так же произвольно исправил Ильину-Ленину *сверхстоимость* на *сверхценность*: *Вл -димир Ильин*. Заметка по вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова) // Научное Обозрение. 1899. Январь. № 1. С. 37–45. Тем не менее Ленин далеко не сразу решился идти против традиции, пока она представила ему в лице С. и Булгакова: ещё в конце 1890-х он не имел готового терминологического решения, приводя в своих конспектах спорное понятие без перевода, на немецком Wert: *В. И. Ленин*. Тетради по аграрному вопросу. М., 1969. С. 6) и его последователями был отвергнут в борьбе против С., в новом переводе И. И. Скворцова была вновь введена *стоимость* (изд. 1907–1909).

[111] В. В. Сапов акцентировал внимание (*С. Н. Булг ков*. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903. С. 899, 935) на важном разъяснении Б. П. Вышеславцева (в его книге 1953 года «Кризис индустриальной культуры»): «Здесь необходимо сказать несколько слов о неудачном переводе слова Wert, установившемся в советской науке. Этот перевод филологически неверен, философски безграмотен и покоится на непонимании духа языка. «Стоимость» совсем не соответствует немецкому слову Wert и всецело соответствует немецкому слову Preis. «Сколько стоит?» означает по-немецки Was kostet? Поэтому «стоимость есть Kostenpreis». «Стоимость» выражает то, что политическая экономия и Маркс называют «ценой» в отличие от «ценности». Это важное противопоставление уничтожается при пользовании термином «стоимость», ибо стоимость и есть цена. Но нелепость перевода достигает своего предела, когда мы имеем дело с «потребительной ценностью»: дело в том, что огромная потребительная ценность может не иметь никакой стоимости. Воздух и вода имеют великую ценность, но «ничего не стоят». Это безвыходное затруднение марксистские переводчики «Капитала» В. Базаров, И. Степанов и А. Богданов принуждены были открыто признать (предисловие к «Капиталу». Киев — Нью-Йорк, 1929): если ещё и возможно, говорится здесь, Tauschwert перевести как «меновую стоимость», то логика требует, чтобы Gebrauchswert переводилось как «ценность» (ибо она может не иметь стоимости!). Переводчики в заключение при-

нологическую традицию С. (которая в этой части была плодом консенсуса в русской науке[112]) с его теоретическим ря-

нуждены сознаться, что этот термин «не совсем удобен» и «не логичен». Другое основание для сохранения термина «ценность» состоит в том, что широкое философское понятие Wert как раз передаётся русским словом «ценность»: можно говорить о ценностях научных, эстетических и, наконец, экономических. И эти ценности суть объективные ценности. В этом преимущество термина Маркса: экономические ценности входят в универсальную систему ценностей. Термин «стоимость» даёт не перевод, а безграмотное исправление Маркса. Единственный довод, который мы встречаем у русских марксистов против термина «ценность», состоит в том. что ценность будто бы означает субъективную оценку. Верно как раз обратное. Современная философия давно установила объективное значение ценностей. Оно на каждом шагу применяется и марксистами (...)».

[112] Политико-экономическое понятие «ценность» при переводе понятия Wert в России 1870-х — начала 1900-х гг. употребляло абсолютное большинство экономистов вообще и марксистов, в частности: Ю. Г. Жуковский, Н. И. Зибер, неизвестные марксисты-нелегалы и кружка Бруснева (брошюра «Что теория ценности должна разъяснять?» (1891–1892?) была изъята у брусневца при аресте (Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Книги и периодические издания. Часть IV. М., 1971. С. 775 (№ 2150)), коллега Бруснева по руководству кружком В. С. Голубев (*В. Голубев*. [Рец.:] Б. С. Труд и капитал. М., 1897 // Образование. 1897. № 4. С.192), ранний В. А. Базаров (*В. Б з ров*. Труд производительный и труд, производящий ценность. СПб., 1899), С. С. Штейнберг и А. М. Воден (*Осв льд Кюльпе*. Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901), П. Нежданов (он сам употреблял понятие «ценность», но констатировал наличие двух «партий» вокруг перевода *цены-стоимости*: *П. Нежд нов*. О старом вопросе (По поводу новой книжки: Е. Смирнов. Цена и трудовая стоимость). СПб., 1903. С. 25, прим.), С. Н. Булгаков (*С. Булг ков*. О некоторых основных понятиях политической экономии. I. Ценность // Научное Обозрение. Февраль 1898. № 2. С. 330–353), С. Л. Франк, М. И. Туган-Барановский (он принципиально различал и одновременно употреблял оба понятия, следуя их «психологическому» и «социальному» смыслам: *М. И. Туг н-Б р новский*. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015 (Отдел II. Ценность и прибавочная ценность)), ранний А. А. Богданов (*А. Богд нов*. Обмен и техника // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 279–344.

дом «цена — ценность» в стороне от русской политической экономии XX века, но в широком философском контексте интернациональной «австрийской школы»[113].

Богданов употреблял *ценность* и *стоимость* на равных, но в полемике против субъективно-психологической теории, политической экономии Струве, Франка, Туган-Барановского), А. Ю. Финн-Енотаевский (*А. Финн*. Промышленный капитализм в России за последнее десятилетие // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1904. С. 345–408), А. Сурков (Васильев) (*А. Сурков*. Экономические статьи наших журналов // Жизнь. 1900. Октябрь. Том X. С. 321–330), П. П. Маслов (*П. М слов*. [Рец.:] С. Л. Франк. Теория ценности Маркса... // Жизнь. 1900. Декабрь. Том XII. С. 392–395), А. А. Санин (*А. С нин*. Экономические иллюзии. III // Научное Обозрение. Апрель 1899. № 4. С. 824–839), М. М. Филиппов (*М. Филиппов*. Опыт критики «Капитала» // Научное Обозрение. 1899. № 6. Июнь. С. 1090–1109), П. А. Берлин (*П. Берлин*. [Рец.:] Das Ende des Marxismus von D-r Paul Weisegruen. Leipzig, 1899 // Научное Обозрение. 1899. № 6. Июнь. С.1238–1241), Ю. О. Мартов (*Г. Геркнер*. Рабочий труд в Западной Европе [/ Перевод Л. Мартова] СПб., 1899. Идентификация автора перевода — в переписке его близких родственников и единомышленников: *В. О. Цедерб ум* — Ю. О. Мартову. 12 мая 1899 // РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 27. Л. 9 об.), В. Э. Ден (*В. Э. Ден*. К учению о ценности. Три очерка: А. Смит, Д. Рикардо, К. Родбертус. СПб., 1895), Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова (СПб., 1899. Стлб. 1241–1242 (Маркс)), переводчики А. Лабриолы (*Антонио Л бриол* . Исторический материализм и философия (письма к Сорелю). СПб., 1900. С. 13; *А. Л бриол* . К «кризису марксизма». Киев, 1905. С. 11), П. Фишера (*П. Фишер*. Теория ценностей. Введение в изучение К. Маркса. Киев, 1907), А. А. Мануилов, А. Н. Миклашевский, В. А. Косинский, М. Н. Соболев, Н. А. Каблуков (Протокол заседания Московского юридического общества 9 октября 1895 года // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 725–727), Л. Н. Канцель (*Э. Бернштейн*. Исторический материализм / Пер. Л. Канцель. СПб., 1901). См. развитие этой терминологической традиции в эмиграции: *С. И. Гессен*. Правовое государство и социализм [1924–1925] // С. И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 209.

[113] Русский перевод марксового термина Wert как «ценность» давал русским адептам австрийской школы политической экономии плодотворные выходы к сопредельным сферам философии и социологии (осо-

Одновременно Плеханов, выстраивая схему генезиса марксизма, включил в неё французских материалистов XVIII в. Гольбаха и Гельвеция, французских историков времён реставрации Тьерри, Минье и Гизо, социалистов-утопистов Фурье, Оуэна и Сен-Симона (и в их контексте народники — «наши утописты»[114]), немецкую идеалистическую философию Гегеля и Шеллинга. Опираясь на формулу Шеллинга «в свободе должна быть необходимость», Плеханов, подобно С., боролся с народническим подчинением экономической «необходимости» идущей капитализации крестьянской России — «свободе» антикапиталистического выбора интеллигенции в пользу общинного крестьянского социализма — и трактовал подлинную свободу как реализацию исторической необходимости[115] (он назвал здесь народников «нашими утопистами» по аналогии с утопистами французскими и немецкими: это определение потом было детально развито у С.). В духе времени Плеханов, даже пропагандируя политический смысл «диалектиче-

---

бенно С.: «работы Струве по методике политической экономии близко подходят к той области, где философия сливается с социологией. Благодаря сопредельности областей, всё новейшее развитие философии отпечаталось на социологических исканиях» (*Леонид Г брилович*. Новейшие русские метафизики. С. 647). Работая над своей неоконченной книгой «Основы политической экономии», Струве писал сыну Льву Струве, экономисту, 17 ноября 1922: «Основные положения моей системы: положительная ценностная разность есть категория менового, основанного на цене (и деньгах), хозяйственного уклада, потому и «прибавочная ценность» не только есть, но не может даже мыслиться иначе как некоторый итог “обмена”» (ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 218. Л. 53.)). Богатый понятийно-лексический подтекст в связи «цена — ценность — оценка» в немецком языке отметил О. Кюльпе, а русские переводчики бережно сохранили в формуле об этике, которая «обладает одним основным понятием, общим ей с эстетикой и политической экономией, а именно — понятием ценности» (*Осв льд Кюльпе*. Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901. С. 98).

[114] Там же. С. 57.

[115] Там же. С. 99–100, 128.

ского материализма», не стал утверждать его философскую монополию и уверенно высказался за соединение материализма с практическим идеализмом развития политического сознания пролетариата интеллигенцией: «Маркс и Энгельс поставили себе задачей развивать это самосознание: согласно духу диалектического материализма, они с самого начала поставили перед собой совершенно, исключительно идеалистическую задачу», «мы вовсе не «грубые материалисты»... мы... ставим перед собою, прежде всего, совершенно *иде листическую з д чу*»[116]. Только после того, как в 1898 году душеприказчик Энгельса Э. Бернштейн соединил философский идеализм с реформистской ревизией революционного марксизма, Плеханов начал требовать от С. и других материалистической «ортодоксальности».

Книги С. и Плеханова (Бельтова) сделали вопрос об «экономическом материализме» — «модным» в русской печати[117]. При этом компетентный наблюдатель обнаружил при сравнении обеих книг, что С. «более догматичен», чем Плеханов, и даже «не признаёт никакого значения за идеалами и идеями»[118]. В целом С. и Плеханов, по оценке критика, равно далёкого и от народничества, положительно решили «самый насущный вопрос нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадию экономического развития Западной Европы, которая называется капитализмом», при этом несомненно являясь «врагами капитализма»[119]. При этом,

[116] Там же. С. 233–234, 255.

[117] [Рец.:] Историко-философские и социологические этюды Н. И. Кареева // Русская Мысль. М., 1895. Кн. III. III о. С. 158.

[118] *Л. Е. Оболенский*. Новый раскол в нашей интеллигенции (Н. Бельтов: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России») // Русская Мысль. М., 1895. Кн. VIII. II о. С. 30, 32.

[119] Там же. С. 30. Такого рода адвокатирование не было излишним, ибо среди современников нередки были обвинения в адрес С. за якобы апологию капитализма (*И. А. Гофштеттер*. Доктринеры капитализма (По поводу книги г. Струве «Критические заметки к вопросу об эко-

по другому свидетельству, всё-таки именно С. собрал своей книгой главный урожай марксистской славы: его «Критические заметки» «долго служили чем-то вроде бумажных скрижалей русского марксизма... соображениям народничества противопоставили какую ни есть теорию... на редкость вовремя»[120]. Во всяком случае, как свидетельствовал современник, «в 90-ые годы, чтобы заслужить звание готового марксиста, требовалось и от юношей, и от барышень ознакомление с Марксом, Энгельсом, Бельтовым, Струве, Зибером и т. д.»[121].

Начиная с 1894 года по протекции К. К. Арсеньева (и по следам Маркса и Энгельса, писавших энциклопедические статьи) С. принял авторское участие в составлении редактируемого им «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, ставшего высшим справочным авторитетом того времени. Здесь С. до 1899 г. опубликовал серию статей по экономике и, в частности, о К. Марксе[122], в которой, в от-

номическом развитии России»). СПб., 1895). Интересно, что позже, в эмиграции, С. с лёгкостью перетолковал свой марксизм именно в этом апологетическом духе.

120 *Мих. Оленов*. Так называемый кризис марксизма. СПб., 1905. С. 132.

121 *Ю. П.* Среди общественных валов (Письмо в редакцию) // Полярная Звезда. СПб., 1906. № 13. С. 152.

122 *С.* Маркс, Карл Генрих // Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». Т. XVIIIa (36). М., 1896. С. 662–667: «В духовном творчестве М. слились три крупные умственные течения новейшего времени: английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия, и дали новый и совершенно своеобразный продукт». Эту формулу С. повторил в статье 1897 года «Наши утописты» (*Пётр Струве*. На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 64). Но дидактическая триада, конечно, не стояла и не могла стоять в центре внимания С. и его единомышленников: она лишь выражала основу их философского пафоса, давая — даже в рамках «Проблем идеализма» (1902) устами Энгельса им марксистскую санкцию и социал-демократическую легитимность, дополнительную к программному Privatsache: «Пусть наконец действительно осуществятся известные слова Энгельса, который приводил современный социализм в связь не только с Сен-Симоном, Фурье, Лассалем, Марксом, но и Кантом, Фихте, Шеллин-

личие от упомянутой схемы Плеханова и в развитие суждений Ф. Энгельса об источниках социализма и марксизма в Германии («Развитие социализма от утопии к науке», 1880)[123], впервые была дана формула «трёх источников» (английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский утопический социализм) и «трёх составных частей марксизма», значительно позже ретранслированная (без ссылки на первоисточник в словаре) В. И. Лениным в специальной статье[124], канонизированной в советском марксизме.

В январе 1895 года новый император Николай II принял представителей земств и городов, перед которыми выступил с краткой речью, в которой ответил на либеральные надежды на новое царствование в духе реформ Александра II и расширения уже существующих прав земства на участие в вопросах местного самоуправления. В речи, авторство которой общее мнение приписывало обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, была оглашена формула о том, что надежды на «участие представителей земства в делах внутреннего управления» — «бессмысленные мечтания» и, следовательно, все иные попытки компромиссной либерализации самодержавия — тоже. Воспользовавшись этим поводом и следуя уже архаичному монархическому пафо-

гом, Гегелем. Связь эта существует и должна быть сделана достоянием общественного сознания» (*С. Н. Булг ков*. Основные проблемы теории прогресса [1902] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 533).

[123] «Современный социализм ... выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует ещё и поныне. Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней возникла новейшая немецкая философия, нашедшая своё завершение в Гегеле».

[124] *В<л димир> И<льин>*. Три источника и три составных части марксизма // Просвещение. СПб., 1913. №3. С. 28–31.

су И. С. Аксакова, С. впервые выступил автором обращения в стилистике некогда лоялистской оппозиции, пробуя играть роль не только в марксистской и социал-демократической политике, но и в политической реабилитации революционеров в глазах умеренной части общества и радикализации биографически близкого ему либерального движения. В нелегально размноженном на мимеографе «Открытом письме к Николаю II», принадлежность которого перу С. вскоре выяснилась, говорилось: «Вы сказали своё слово, и оно разнесётся теперь по всей России, по всему культурному миру... со вчерашнего дня вы стали определённой величиной, относительно которой нет более места «бессмысленным мечтаниям» (...) Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии... дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалёком будущем падёт под напором живых общественных сил. (...) Ваша речь вызвала чувство обиды и удручённости, от которого однако живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других оно обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать»[125]. Это выступление в соединении с растущей активностью публичных выступлений С. в Вольном экономическом обществе, в которое он вступил в 1895 году, начало создавать ему широкую известность как крайне радикальному представителю в целом единого антисамодержавного освободительного движения, и марксистское кредо С. легитимировало марксизм как новый язык респектабельного общественного знания, использование которого было равно удобным для бюрократической, университетской, политически — либеральной, неонарод-

[125] XXXVI. Открытое письмо к Николаю II // За сто лет. 1800–1896 / Сост. В. Бурцев. Ч. 1. Лондон, 1897. С. 264, 266–267.

нической или собственно социал-демократической среды. А противостоящее этому новому, западническому консенсусу самодержавие получало клеймо устаревшей самоизолированной власти, для которой сама современность была «бессмысленными мечтаниями»[126].

Под впечатлением от успеха книг С. и Бельтова (Плеханова) А. Н. Потресов в 1895 году составил первый марксистский «идейный» сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», который должен был продемонстрировать наличные писательские силы русского марксизма и, в русских интеллектуальных традициях, представить существующим общественное и идейное направление. Оказалось, что из наличных русских марксистских литературных сил в России и за рубежом сборник смог привлечь только П. Н. Скворцова, В. А. Ионова, В. И. Ульянова (Ленина) и А. Н. Потресова, Г. В. Плеханова, С. и Р. Э. Классена[127], но был уничтожен цензурой.

Начиная примерно с 1894 года С. упорно искал возможности для создания легального партийного органа русских марксистов по образцу народнического «Русского Богатства», либеральных «Вестника Европы» и «Русской Мысли»: сохранились глухие свидетельства даже о возможности проекте использования какой-либо газеты для этой цели[128] (например, в её литературно-политическом отделе — подобно тому, как, по общему признанию, именно корреспонденции газеты «Русские Ведомости» из Германии ста-

[126] Даже в советской драматической сказке Е. Л. Шварца «Тень» (1938–1940) был использован его освободительный код, в котором власть характеризовалась в антикатегориях «Открытого письма»: «Тень: Никаких перемен. Как было, так будет. Никаких планов. Никаких мечтаний».

[127] *М. Колеров*. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887–1947. М., 2000. С. 27.

[128] Первой марксистской газетой в России стал «Самарский Вестник», издававшийся инженером и известным писателем Н. Г. Гариным (Михайловским) в Самаре в 1895–1897 гг.

ли для всего русского общества главной информационной школой парламентаризма и социал-демократии). О периоде 1894—1896 гг. вспоминал тогдашний марксист, однокурсник С. В. А. Оболенский:

> «Когда возникла мысль о издании марксистского органа печати, я получил приглашение от П. Б. Струве и А. Н. Потресова вступить в его редакционную коллегию. Эта коллегия несколько раз собиралась на квартире М. И. Туган-Барановского, обсуждая всевозможные вопросы, связанные с изданием нового журнала. (...) Перечислю здесь всех людей, принимавших участие в наших заседаниях... Это были: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Потресов, В. В. Водовозов, К. К. Бауэр, А. А. Никонов, М. А. Рейтлингер и я. Кроме того членами редакционной коллегии считались живший в провинции А. С. Изгоев и находившийся в ссылке В. И. Ульянов (будущий Ленин) (здесь ошибка памяти мемуариста: во время ссылки Ленина, т.е. в 1897—1899 гг., в свет выходили марксистские журналы «Новое Слово» и «Начало», организованные без участия Оболенского. — *М. К.*). Фактическим редактором был единодушно выбран самый младший из нас П. Б. Струве. Официальным издателем наметили меня, а официального редактора, обязанность которого заключалась в те времена лишь в отбытии тюремного заключения из-за каких-либо «криминальных статей» (таких редакторов имели все оппозиционные журналы и газеты), купили за хорошее жалование. Впрочем, из этой затеи ничего не вышло, так как в моем ходатайстве о разрешении издавать журнал Главным Управлением по делам печати мне было отказано».[129]

В ноябре 1895 года близкие к кругу С. и Потресова петербургские марксисты-пропагандисты среди рабочих, исторически связанные с кружками в Технологическом ин-

[129] *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве. С. 106.

ституте, создали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Ульяновым и Ю. О. Мартовым, но с декабря 1895 по август 1896 практически всё руководство и активный состав «Союза» был арестован, а в феврале 1897 приговорён к ссылке в Сибирь. «Союз» успел распространить многочисленные листовки, выпустить ряд нелегальных изданий, поддержать массовую стачку петербургских текстильщиков в мае—июне 1896, выдать делегатский мандат Плеханову, С. и Потресову на участие в IV конгрессе Интернационала в Лондоне в июле—августе 1896 года. Русская делегация на конгрессе распространила доклад о стачке текстильщиков, которая, объединив до 30.000 рабочих, действительно стала почти всеобщей, учитывая, что по переписи 1897 года в Петербурге было учтено всего 50.000 рабочих. С. так вспоминал об этом и своём пережитом тогда энтузиазме:

> «Во время этой стачки и после неё пишущему эти строки пришлось быть за границей, и он никогда не забудет того внимания и того огромного интереса, с которым западноевропейские рабочие и социалисты относились к известиям приходившим тогда из Петербурга. Мне пришлось в эти дни — по поводу стачки и материальной поддержки её участников — беседовать с вожаками германской социал-демократической партии, с покойным Либкнехтом, с Бебелем, с Зингером, и в первый раз из их уст услышать признание того, что с весны 1896 года русское фабричное движение не есть уже мечта кучки интеллигентов-социалистов а факт русской действительности, засвидетельствованной поведением рабочих масс»[130].

У хорошо понимавшего тогдашние условия России вождя СДПГ К. Каутского такая личная стратегия С. вызывала удивление и уважение. Когда в 1896 году С. собрался

[130] *П. Струве*. Привет // Рабочее Слово. № 3. 5 апреля 1906. С. 2.

(и в итоге прибыл) на Международный социалистический конгресс (IV конгресс Интернационала) в Лондоне под своим именем, Каутский писал Плеханову: «мы увидимся в Лондоне? Наш друг Пётр тоже собирается туда. Я должен признаться, что считаю это отчаянной смелостью, так как Лондон, конечно, будет кишеть русскими шпиками, а он и без того уже на подозрении»[131].

2 июня 1897 по всеподданнейшему докладу министра финансов С. Ю. Витте император Николай II издал закон об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности, который существенно развил начальные меры регулирования «рабочего вопроса» по законам 1882 и 1885 гг. и стал существенной основой для возможной социальной политики государства. Закон был воспринят обществом и особенно социал-демократами как серьёзная уступка правительства, вырванная у него забастовкой 1896 года, и внушила им большие надежды одновременно и на перспективы экономической борьбы пролетариата против капитализма (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова), и на перспективы политического влияния социал-демократии, если бы она смогла возглавить рабочее движение и представить его интересы в широкой освободительной коалиции против самодержавия (Струве). Казалось, что именно социал-демократическая активность находит отражение в политике правительства. Примечательно, что именно тогда, 28 июля 1897 года, по распоряжению Департамента полиции МВД С. был поставлен под негласный надзор полиции[132].

Тем временем в результате трёх волн арестов и ссылок петербургский «Союз» практически прекратил своё существо-

[131] К. Каутский — Г. В. Плеханову 20 июля 1896 // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3-х т. Т. II: Г. В. Плеханов и международное рабочее движение / Гл. ред. М. Т. Иовчук. М., 1973. С. 160.

[132] Справка СПб. Охранного Отделения от 30 мая 1911 // ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Д. 59 л. Ч. 2 (1910). Л. 46.

вание, выведя из активной деятельности тех его лидеров, кто стремился соединить практическую пропаганду среди рабочих с политической работой в кругах интеллигенции: в результате вне репрессий сохранились лишь практики низовой работы, обеспечивающие экономические интересы пролетариата и узкий круг социал-демократических публицистов, пропагандировавших в доступной ему печати идеи марксизма и обеспечивавших ссыльным марксистам доступ к легальной литературной авторской и переводческой работе, дававшей им серьёзный заработок. Во главе этого круга, несомненно, стояли А. Н. Потресов, С., М. И. Туган-Барановский в Санкт-Петербурге и Н. В. Водовозов и С. Н. Булгаков в Москве. Однако Потресов был вскоре арестован и сослан, Туган-Барановский не проявил организационных талантов, Водовозов скончался, Булгаков сосредоточился на переводческой работе в издательстве М. И. Водовозовой. В Санкт-Петербурге С. как политический социал-демократ остался практически в одиночестве.

Весной 1897 года издательница трудов Н. А. Добролюбова, Н. К. Михайловского, Н. В. Шелгунова, Н. И. Кареева, С. Н. Кривенко, научно-популярной литературы и ежемесячного журнала «Новое Слово» О. Н. Попова предложила его редактору, одному из лидеров народничества С. Н. Кривенко приобрести безнадёжно убыточный под его редакцией журнал. После отказа Кривенко и выхода всего коллектива народников из числа сотрудников журнала она продала его родственнику С. В. А. Поссе[133], который пригласил возглавить редакцию противостоящих народничеству марксистов во главе со С. и М. И. Туган-Барановским при участии А. М. Кал-

[133] Владимир Александрович Поссе (1864–1940) — был участником демонстрации 17 ноября 1886 у Волкова кладбища в память Н. В. Добролюбова, был знаком с А. И. Ульяновым, за что подвергался аресту. Два старших брата Струве были женаты на сестрах Поссе. Соучениками Поссе по университету были В. В. Водовозов, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, В. И. Вернадский, В. В. Вересаев (*В. А. Поссе*. От Февраля до Бреста / Публ. В. Ю.Черняева // Русское прошлое. Кн. I. Л., 1991. С. 173–187).

мыковой[134]. Марксистское «Новое Слово», несмотря на то, что никто из руководителей новой редакции не имел редакционного опыта, стал лучшим журналом этого направления до 1917 года, обеспечив на своих страницах консенсус всех наличных партийных и научных сил русского марксизма (кроме редакторов, Плеханова, В. И. Ленина, И. Гурвича, Булгакова, В. Я. Богучарского, Б. А. Кистяковского, Е. Смирнова, А. Н. Потресова, Ю. О. Мартова, Х. Раковского, Л. Крживицкого, Е. Лозинского), деятельное сочувствие немарксистских сил. Член «Приютинского братства» востоковед С. Ф. Ольденбург свидетельствовал, что именно С. был центром редакционных решений, когда вспоминал, что именно на квартире Калмыковой, где жил С., проходили редакционные встречи с Лениным, В. В. Водовозовым, Потресовым[135] (относительно Ленина, он, конечно, ошибся: встречи с ним здесь проходили ранее, а в момент издания «Нового Слова» Ленин был уже с февраля 1897 в ссылке).

Редакция С. обеспечила политическую актуальность «внутренних обозрений» С., следовавшего в этом образцу К. К. Арсеньева, единство петербургского и московского круга авторов, представительную провинциальную хронику, ряд значимых имён в целом пресного литературного материала и квалифицированный рецензионный отдел. С марта 1897 в литературной части новая редакция дебютировала сочинениями М. Горького, И. С. Шмелёва, Е. Н. Чирикова, И. Франко, В. В. Вересаева, М. О. Гершензона, Д. Н. Овсянико-Куликовского, архивными публикациями о А. И. Герцене. В майском номере (№ 8: подписной год начинался осенью) журнала С. поместил первую для марксистской критики положительную рецензию на сочинение А. П. Чехова — повесть

[134] *М. А. Колеров*. Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

[135] *С. Ольденбург*. Памяти А. М. Калмыковой // Красная летопись. № 4(19). 1926. С. 143.

«Мужики»[136], которую как неудачную оценил Н. К. Михайловский, развязав полемику с рецензентом: С. приветствовал повесть как художественное свидетельство социально-культурной дифференциации деревни и крестьянства, обнаружив в Чехове крупного художника, а не простого бытописателя и юмориста. В этой ситуации С. единственный из политических авторов выступил в защиту Чехова от тех многих, кто увидел в повести измену «радикальному принципу»[137].

Вероятно, слабость собственных литературно-критических сил подвигла создателей «Нового Слова» при соучастии имевшего значительные личные средства инженера, писателя и марксиста, прежде содержавшего влиятельную и радикальную марксистскую газету «Самарский Вестник» (1895–1897), Н. Г. Гарина-Михайловского искать союза с признанным, но непрерывно существовавшим на грани банкротства журналом «Северный Вестник» Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынского. Гуревич свидетельствовала, что в 1897 году «одно время велись переговоры с Н. Г. Гариным-Михайловским. Струве и Туган-Барановский предлагали слить воедино «Северный вестник» и «Новое слово» ввиду того, что их журнал «эволюционирует в сторону идеализма», а «Северный вестник» в общественном отделе эволюционировал, как им казалось, в сторону марксизма. Но они ставили при этом условием, чтобы Волынский остался в журнале на правах обычного сотрудника, а не члена редакции, что было для меня принципиально неприемлемо, — и я отказалась»[138].

[136] Переизд.: *Пётр Струве*. На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. СПб., 1902 («“Мужики” г. Чехова» и «“Мужики” Чехова и г. Михайловский»). В обширное собрание критики (А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология / Сост И. Н. Сухих. СПб., 2002) не включена.

[137] *А. С. Суворин*. Дневник. С. 210.

[138] *Л. Я. Гуревич*. История «Северного вестника» // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 250.

Учитывая, что редакции во главе со С. и Туган-Барановским удалось подготовить лишь 10 номеров журнала и обеспечить его идейный старт практически с нуля, успех журнала был огромным — тираж его номеров составлял от 4000 до 5600 экземпляров. Журнал, признавался позже марксист, «сразу же стал на такую высоту, которой впоследствии не достигало уже ни одно из периодических изданий русского марксизма»[139]. В декабре 1897 он был закрыт решением Комитета министров как политически вредное издание.

Начатое в «Новом Слове» сотрудничество С. с О. Н. Поповой после закрытия журнала продолжилось: С. стал редактором, составителем, отчасти переводчиком обширной книжной серии под маркой издательницы. В ней, в частности, вышли: первый том «Капитала» К. Маркса в переводе под редакцией и с предисловием С., труды Туган-Барановского, серия переводов по истории индустриальной экономики Европы, западной философии и литературы, превратив санкт-петербургское издательство О. Н. Поповой (наряду с московским издательством М. И. Водовозовой, где редакторами работали С. Н. Булгаков и С. Л. Франк) в крупнейшее русское марксистское издательство 1890-х гг.

За исключением, видимо, бездоходных «Критических заметок» С., все эти издательские предприятия, несмотря на очевидный дефицит оборотных средств у издателей, носили полноценный коммерческий характер и подразумевали выплату существенного гонорара авторам, переводчикам и редакторам, что стало весомым фактором финансирования социал-демократической партийной общественности. Книгопродавцы свидетельствовали о рыночной популярности марксистской литературы того времени: «Книги Бельтова и Струве расходятся в очень короткий срок и делаются библиографической редкостью», а, например, полный

[139] *В. Б з ров.* Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 486.

тираж первого тома «Капитала» в переводе С. — 3020 экземпляров «разошлись за несколько дней»[140].

В марте 1898 по просьбе члена ЦК новосозданной РСДРП С. И. Радченко, знакомому С. по группе Бруснева, «кружку технологов» и петербургскому «Союзу борьбы», С. написал «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии»[141] (издан в апреле 1898), в котором суммировал, по его признанию, то, что было предметом консенсуса русских марксистов: в ходе политической борьбы «пролетариат улучшает своё положение и вместе с тем борется за своё конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм». «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение. (...) Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»[142]. Несмотря на позднейшие попытки С. задним числом преуменьшить свой социалистический радикализм и особенно — антибуржуазный радикализм написанного им манифеста, очевидец свидетельствовал, что и в своей частной жизни С. оставался вполне ортодоксальным революционером. Крупская вспомина-

[140] *О. В. Монеров.* Наше время и его отражение в книжной литературе // Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. Год II. № 1. СПб.; М. Октябрь 1898. С. 12.

[141] В советской литературе формула «просьбы» была заменена формулой «поручения». О самом факте — прямое признание С., где Радченко назван — «инициатор «Манифеста», написанного... П. Б. Струве по просьбе покойного по соглашению с ним» (*[П. Струве]* С. И. Радченко [Некролог] // Русская Мысль. М., 1910. Кн. X. III отд. С. 44).

[142] Опубликовано в многочисленных собраниях партийных документов в годы СССР. См., например: Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Часть I: 1898–1924. Изд. 4, испр. и доп. М., 1933. С. 2–3.

ла, как после 19 апреля (1 мая) 1898 года жена С. писала ей об их первенце: «каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса[143], говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется»[144]. Примерно тогда же, в 1900–1901 гг., на стене кабинета С. Н. Булгакова висели портреты Маркса и затем рядом — В. С. Соловьёва[145].

В конце 1898 года написал и вскоре выступил в немецкой марксистской печати с трактатом, который на русском языке появился в неавторизованном и низко оцененном самим автором переводе Б. В. Яковенко лишь в 1905 году, когда споры «критического направления» в русском марксизме были уже делом истории. С., написав его, видимо, сразу на немецком языке, не приложил усилий к тому, чтобы сде-

[143] Компетентный исследователь и участник движения свидетельствовал, что этот жанр марксистской наглядной агитации имел своим источником первоначального распространения круг близкого к С. «технолога» Р. Э. Классена: «Первые фотокарточки Маркса, впервые распространённые в России кружком Классена, были получены от Екатерины Григорьевны» Бартеневой. Лично знакомая с участником заговора о цареубийстве А. И. Ульяновым (1887), участница I конгресса Интернационала, Е. Г. Бартенева работала в 1889–1891 гг. в организации Бруснева-Голубева (в неё входил кружок Классена), специализируясь на пропаганде среди рабочих, подготовкой которой были объединены до 130–140 интеллигентов (*И. С. Книжник-Ветров*. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны (Е. А. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева). М; Л., 1964. С. 252, 237, 240–242, 244–245).

[144] Цит. по: *В. Т. Логинов*. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 312.

[145] Мемуарист, сообщающий свидетельство об этом Е. Н. Трубецкого, готов счесть его «шаржем» (*Н. А. Цуриков*. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым // Н. А. Цуриков. Прошлое. М., 2006. С. 342). Но чуть более ранняя переписка Булгакова с Гершензоном, в которой оба выказывают интерес к распространению фотоизображений Энгельса и Маркса для личного пользования (В ожидании Палестины. 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925 гг. / Публ. М. Колерова // Неизвестная Россия. XX век. II / Под ред. В. А. Козлова. М., 1992. С. 115) говорит о том, что шаржа в этом сообщении нет.

лать его доступным для русского читателя и, похоже, был вполне удовлетворён тем, что своим выступлением в ходе полемики о наследии Маркса заявил себя самостоятельно мыслящим критиком интернационального уровня, признанного в СДПГ. Пожалуй, лишь Плеханов тогда вовремя изучил этот текст С., но был, видимо, столь увлечён полемикой против Бернштейна, что надолго отложил сведение идейных счётов со С., с которым весь 1899 год вели общее партийное дело вокруг журнала «Начало», а в 1900–1901 гг. договаривались о коалиции для издания газеты «Искра». Это сделало «ревизионизм» С. либо «терпимым» как дело сугубо научных споров, либо известным для русской социал-демократии с большим опозданием, когда в 1899 году «критическое направление» было наконец замечено и Лениным. Фундаментом для «критического направления» стало вынесение социалистического идеала за пределы исторической закономерности и научного знания и отказ от «теории катастрофы», то есть коммунистической революции, которая одномоментно должна была соединить в себе политический и социальный переворот, став крахом для экономики капитализма. Историческое соседство критики С. с ревизионизмом Бернштейна сослужило С. дурную услугу: он так и не смог преодолеть поверхностных или недобросовестных уподоблений одного другому и в общих очерках идейной истории русской социальной мысли это сближение до сих пор доминирует. На деле же С., с точки зрения русских марксистов рискованно приветствуя Бернштейна за порыв к свободе мысли, постарался перехватить его критическую инициативу, чтобы укрепить и отстоять «конечную цель» — социалистический идеал как теперь уже независимый от практических приземлений. С. писал, сразу демонстрируя свой выбор в полемике вокруг Бернштейна, который противникам С. было угодно проигнорировать: «Буржуазный мир обнаруживает некоторого рода приятную взволнованность по поводу критического устранения марксизма. Оживлённо обсужда-

ется «конец марксизма» и взвешиваются его благотворные последствия. Однако мне кажется, что здесь имеет место крупное заблуждение, и если бы я хотел дать своей статье громкое название, то озаглавил бы ее скорее «Начало марксизма», или, лучше, «Марксизм и никакого конца»...». Резюме трактата словами самого С. выглядит в целом так:

> «Понятие революции изгоняется в ту область, в которой со времени Канта находятся свобода воли (в смысле беспричинного действия), субстанциальность души и т. п. — это в высшей степени важные практически, но теоретически непригодные понятия. (...) Если переход от капитализма к социализму следует признать необходимым, то его нужно представлять как общепонятный процесс, то есть нужно *пок зыв ть постоянное и причинно обоснов нное изменение обществ* . (...)
> От многих противоречий не удастся избавиться, если не откинуть совершенно мысль о «социальной революции» как теоретическое понятие. Но с ней рушится и любая интерпретация капиталистического развития, которая в само развитие вкладывает абстрактную противоположность капитализма и социализма. Необходимость социализма обосновывается тогда не чудом «социальной революции», которая на место капиталистического общественного строя ставит социалистический, но единственно посредством постепенного развития экономических феноменов и их правового нормирования в капиталистическом обществе. (...)
> Марксизм даже в его реалистическом понимании содержит не так много науки, чтобы кто-нибудь потерял живую радость творчества от того, что социальное будущее предстанет его сознанию полностью предопределённым. Но он достаточно научен, чтобы сделать истиной для своих адептов смелые слова Фихте: *«Нужно жел ть не только борьбы, но и победы»*.
> Утопические черты необходимо были присущи марксизму как теоретическому обоснованию социализма, поскольку

он исходил и не мог не исходить из действительных предпосылок [18] 40-х годов, то есть из теории обнищания. *С тех пор, одн ко, ст л явной ре льн я почв р звития к соци лизму, ин че говоря, он впервые появил сь.* Я имею в виду *действительное хозяйственное и политическое усиление р бочего кл сс в р мк х к пит листического общественного строя.* (...)
Так называемая «теория крушения», или теория социальной «революции», поэтому оказывается для нас понятийно-логически несостоятельным учением. Теория крушения в её новейших прочтениях почти без исключения привязана к учению о возрастающей анархии капиталистического производства в противоположность одновременно прогрессирующему обобществлению производства и росту производительных сил. Проклятие анархии согласно этой теории делается явным в кризисах. Однако у Маркса стихийность производства обосновывала лишь возможность, но не необходимость кризисов. (...)
...Возьмём проблему социализма не как, или, лучше сказать, не только как историческую, но и как *пр ктически-политическую. Тогд* отношение между конечной целью и движением переворачивается. *Тогд* конечная цель должна господствовать над движением. Здесь лежит ключ к гносеологическому объяснению и социально-психологической оценке эволюционно-исторического утопизма. Каждый социалист исходит из социализма как морально-политического идеала; он является для него регулятивной идеей, которою меряются и оцениваются отдельные факты и события с этико-политической точки зрения. Ничем иным не является он и у класса, который, будучи организован в партию, выступает вовне и внутри себя как единый *этико-политический субъект*. Социал-демократическое движение должно быть подчинено, как идеалу, конечной цели, или — оно распадется. Вера в конечную цель есть религия социал-демократии, и эта религия является не «частным делом», а важнейшим общественным делом партии... Содержание

социал-демократической религии дано в движении, в его носителе — пролетариате, и в конечной цели.

И тут я должен сказать о книге Бернштейна, которая дала внешний повод к настоящим рассуждениям[146]. Эволюционно-исторический утопизм, с которым борется Бернштейн, причем отчасти успешно, исторически теснейшим образом сросся с теоретически необходимым содержанием социал-демократической религии. Этот утопизм нельзя просто отсечь, даже располагая более острым духовным инструментом, чем Бернштейн. Для этого он слишком глубоко врос в социал-демократическое сознание.

И это вполне отвечает его великой исторической функции. Мысль, что только верные по содержанию или истинные идеи могут производить полезное действие на личную или общественную жизнь, есть рационалистический предрассудок. Научно ложные идеи могут, в силу своего *психологически* обусловленного действия, оказывать на общественную жизнь могущественное и благотворное влияние. Они могут приводить к политически верным действиям. Не только реалистические элементы марксизма, но и эволюционно-исторический утопизм имеет неоценимые заслуги в деле социалистической пропаганды и агитации (...) И в прошедшем периоде социал-демократического движения это было практически самым важным и наиболее ценным: это означало социал-демократическое воспитание пролетариата.

Трудно судить, пережило ли себя это средство воспитания. В любом случае оно с течением времени стало традицией.

[146] Излагаемые в настоящей статье воззрения по сути совпадают с общей идеей, которую я изложил в моей работе на русском языке «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», С.-Петербург, 1894. В предисловии к этой работе я уже защищался от упреков марксистской ортодоксии. Несмотря на это, я продолжаю претендовать на то, что мои взгляды имеют название «марксистских». Они связаны именно с основным реалистическим положением Марксовой философии истории. — *Прим. Струве.*

Но традиция далека от того, чтобы быть для большинства тем, чем она стала для Бернштейна, — непереносимым *Cant* [молитвенным песнопением. — *М. К.*]. Она ещё истинна для верующих, но не существует объективного Cant. Социал-демократическая религия, однако, может изменить своё содержание, оставаясь социал-демократической. И она изменит его. Со временем она сбросит эволюционно-исторический утопизм, ряд представлений, являющихся ныне религиозными, будет уничтожен или заменён иными, не носящими религиозного характера, представлениями. Видимо, произойдёт движение назад — на место уничтоженных ясных представлений придут неясные, вследствие их всеобщности, постулаты или же практические и, я бы даже сказал, мелочные программные пункты. Но так всегда происходит изменение религиозных или подобных религиозным идеологий. Да будет мне позволена одна аналогия: в некотором смысле социализм существует подобно идее бога. (...)
Бернштейн твёрдо стоит за социализм и классовую борьбу. Поэтому он остается социал-демократом, и этого, справедливости ради, не должны оспаривать его противники. Но от эволюционно-исторического утопизма он полностью отказывается. Все свои сомнения, полное разрушение и новый строй социально-политических воззрений он изложил в своей книге. Его книга является значительным симптомом преобразования социал-демократической идеологии и, в то же время, поскольку Бернштейн наряду с Энгельсом и Каутским является одним из основателей марксистской ортодоксии, событием, производящим сильное моральное впечатление. Но, чтобы её влияние сказалось, нужно время. Научный социализм не является чистопородной наукой: как социальный идеал, он необходимо является сопряжением науки и утопии. (...) Утопия тоже имеет свои права. Она является *с мостоятельным*, не растворимым в науке остатком социального идеала. Утопию утверждают в её правах, когда требуют её строгого отделения от науки. Уто-

> пия не должна противоречить науке, но в остальном она может и должна быть автономной. (...) социализм является социальным идеалом и, как таковой, обладает божественным правом на добрую долю утопии. (...)
> Для каждого, кто чувствует себя социалистом, утопическое и революционное в нём так же дороги, или даже ещё более дороги, чем реалистическое. Ложен лишь тот утопизм, который выдает себя за науку. То, что Маркс и Энгельс были утопистами и революционерами, придает им человеческое и в значительной мере историческое величие. (...)
> В заключение ещё раз подчеркнём одну мысль: если критический марксизм в своём дальнейшем достраивании Марксова учения хочет действительно твёрдо встать на ноги, то он должен придерживаться основного реалистического взгляда самого Маркса, его «материалистического», а правильнее, экономического взгляда на историю»[147].

С января по май 1899 года С. и Туган-Барановский получили под своё руководство новый марксистский журнал «Начало», тайно для них и даже для цензуры специально организованный в провокационных целях полицейской агентурой во главе с М. И. Гуровичем. Журнал попал под жёсткое давление цензуры, сдвинулся в сторону большего академизма, что отразилось на его меньшем, по сравнению с «Новым Словом», тиражом в 3500 экземпляров, и не успел выявить своей работой социал-демократическую сеть (что было его задачей для полицейской провокации), но зафиксировал полное интеллектуальное лидерство марксизма в России. Параллельно он ясно продолжил избранный кругом курс на соединение политического радикализма с новыми течениями в литературе, предоставив страницы

[147] *Пётр Струве.* Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А. В. Чусова под ред. Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. Passim.

для сочинений не только социал-демократам Н. Г. Гарину-Михайловскому, В. В. Вересаеву, но и Д. С. Мережковскому, З. Н. Гиппиус, а также для обзоров З. А. Венгеровой о Метерлинке и Ницше. К участию в журнале С. лично пригласил А. П. Чехова и Ф. К. Сологуба[148], принял предложение о сотрудничестве М. О. Гершензона[149]. Здесь же С. впервые подробно в истории левой журналистики исследовал феномен В. В. Розанова («Романтика против казёнщины»)[150]. Помимо текстов редакторов, в журнале было весомо солидарное присутствие марксистов независимо от их уже намечавшегося размежевания на «ортодоксальных» и «критических»: Плеханова[151], Булгакова и ссыльного Ленина, успевшего разместить здесь 6 публикаций.

История «Начала» продемонстрировала новое качество марксистского движения. Оказалось, что в 1898–1899 годах Департамент полиции МВД назначил своего негласного сотрудника М. И. Гуровича издателем марксистского

[148] 12 января 1899 С. пригласил Чехова: ОР РГБ. Ф. 331. К. 59. Ед. хр. 67; 14 января 1899 С. пригласил Сологуба: РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 24.

[149] 13 апреля 1899 С. ответил в Берлин Гершензону согласием на его сотрудничество в «Начале»: ОР РГБ. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 4.

[150] В более поздней специальной статье о писателе С. вспоминал: «В 1899 г. приходилось убеждать и доказывать, что Розанов крупный писатель. В «прогрессивной» печати видели тогда в Розанове только Иудушку... как его окрестил Вл. Соловьёв, ...изувера, писавшего... что Ходынка есть искупительная жертва за 1-е марта 1881... [с тех пор] в русской литературе обозначился блестящий литературный талант, создавший почти новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль, философская или политическая, всецело сливалась с образами действительности, и исторической, и повседневной. (...) Розанов — один из первых русских писателей» (Patriotica. С. 492, 493, 504. «На разные темы. В. В. Розанов, большой писатель с органическим пороком», 1910).

[151] Плеханов начал публиковать в этом журнале свой цикл статей об искусстве «Письма без адреса», который С. после закрытия журнала передал для печатания в «Научное Обозрение» М. М. Филиппова: *[Е. С. Коц]* Примечания // Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в 5 тт. Т. V. М., 1958. С. 773–776.

журнала («Начало») и обеспечил его значительными средствами. Его целью было сконцентрировать вокруг журнала все наличные руководящие силы русских марксистов и поставить их сначала под наблюдение, а затем под контроль. Первая задача была успешно решена: всё пишущее сообщество марксистов во главе со Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и от эмигранта Плеханова до ссыльных Потресова и Ленина. Но ничего нового для полиции практически не было в этой выставке достижений русского марксизма: все авторы, выступавшие открыто и скрывавшиеся под псевдонимами, были уже известны полиции. Легальное звучание марксизма, его влияние, его распространение вширь оказалось результатом активности публичных фигур, а не подпольных организаций. Численность активных членов этих организацией во всей России даже в 1902 году Фёдор Дан определил в 50 с небольшим человек. Здесь полицейские задачи и, прямо скажем, полицейский кругозор вступили в противоречие с политическим восприятием событий правительством. «Начало» было подвергнуто жёсткой цензуре и быстро, уже 22 июня 1899 закрыто решением Комитета министров (министров юстиции, внутренних дел, народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода), а его номера было предписано изъять из публичных библиотек.

Политически острый, «боевой» журнал «Новое Слово», несмотря на сопутствовавший ему масштабный разгром марксистского подполья, был хорошо принят аудиторией как первый легальный, то есть публично политический марксистский журнал в России. Ему сопутствовал «рабочий закон» 2 июня 1897 года, вскоре после его закрытия, в марте 1898 года С., в развитие журнальной проповеди написал уже нелегальный первый манифест РСДРП, в котором тоже акцентировал задачи социал-демократии как авангарда борьбы против самодержавия за политическое освобождение. В этом контексте журнал «Начало» в начале 1899 года, несмотря на то, что точно так же аккуму-

лировало все литературные марксистские силы в столицах, ссылке и эмиграции, прозвучал слабо, ибо оказался слишком академичным и не смог проявить особой политической остроты. К тому же в условиях широкой диффузии марксизма в периодической печати «Началу» стало невозможно соединить идейное лидерство с монополией на марксизм, в пространстве которого в 1899 году уже действовали журналы «Мир Божий» тёщи Туган-Барановского А. А. Давыдовой, В. А. Поссе «Жизнь», М. М. Филиппова «Научное Обозрение», а в ноябре 1899 — январе 1900 — петербургская газета «Северный Курьер».

Тем не менее накопленный журналами опыт имел взрывной характер: марксистская наука и публицистика быстро разлились по целому ряду общедемократических «толстых» журналов начиная с 1898–1899 гг. и с тех пор захватывали всё новые позиции в легальной печати, главным ограничением в которой был уже только отказ от прямых политических призывов, а «социалистическая наука» уже де-факто была признана легальной и легитимной. Последующая социал-демократическая деятельность в России развивалась уже в поле легальной практики широкой марксистской печати, марксистских книгоиздательств, а в тени этого, как известно, именно система распространения нелегальных эмигрантских изданий в России (социал-демократической «Искры» и социал-либерального «Освобождения») стала стержнем для создания подпольных партийных организаций.

2) 1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме

В ноябре 1899 — январе 1900 гг. С. выступил во вскоре закрытой цензурой газете «Северный Курьер» с серией статей, в которых предпринял попытку синтезировать антиреволюционное наследие «либерального консерватизма»

правоведа и публициста А. К. Градовского с революционной социал-либеральной проповедью политического освобождения и социальной справедливости. Формулой такого социал-консервативного синтеза стало понятие «усложнения жизни», впервые появившееся у С. ещё в «Критических заметках». Индустриальное, антинародническое, капиталистическое усложнение жизни, по мнению С., требовало его политического «усложнения» и свободного национального развития. С. и позже возвращался к этой формуле, стремясь применить её и к нуждам идеологической консолидации национальной буржуазии, прямо адресуясь к которой в издании П. П. Рябушинского, компромиссную цель видя в «развитии и усложнении жизни, выражающемся в капиталистическом преобразовании общества»[152].

Однако, как признался позже одним из участников «критического направления» в марксизме С. Л. Франк, «неокантианское движение в социализме имело, несомненно, серьёзное значение в смысле расшатывания старых устоев марксистской догмы. (...) Но положительное значение этого движения нельзя признать особенно большим»[153]. Идеалистические поиски в области философии ничего не могли прибавить практической деятельности марксистов в России, а признание религиозного фактора консолидирующим по аналогии с католической Италией — плохо встраивались в условия огосударствленной цезарепапистской православной церкви синодального строя.

На 1900 год пришёлся пик энциклопедической интеллектуальной активности С., который одновременно выступил со своим политико-экономическим учением, близким к «австрийской школе», центром которого было понимание

[152] *Пётр Струве*. Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия. Сб. Кн. II. М., 1911. С. 145.

[153] *С. Фр нк*. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 81.

экономической реальности как совокупности бесконечного числа индивидуальных субъектов хозяйства и производимых ими оценок ценности хозяйственных благ, серией политических статей в газете «Северный Курьер» («Усложнение жизни», «Высшая ценность жизни»[154], 1899–1900), этюдом по экономической истории крепостного права в России, учением о либерализме («В чём же истинный национализм?»), изложением своего нового философского кредо, призывом к философскому развитию марксизма в направлении («Назад к...») И. Г. Фихте и Ф. Лассаля, серией статей в журнале «Мир Божий», которую затем объединил в сборнике «На разные темы» (СПб., 1902).

> «Как я теперь понимаю, это время (январь—февраль 1901 года) было для П. Б. [Струве] моментом его окончательного, уже формального разрыва с русскими социал-демократами и его внутреннего осознания себя участником русского либерального движения. (...) Он писал тогда статьи в «Мире Божием» (постепенно переходившем на «марксистскую» платформу), в которых... продолжал идеалистическую борьбу не только с «народниками», но и с «ортодоксальными» марксистами, то есть с догматическим мировоззрением русских «социал-демократов»; главный политический смысл этой борьбы (по цензурным условиям выражаемый только намёками для чтения «между строк») состоял именно в призыве от сектантской партийности перейти к объединяющему всю русскую оппозицию соглашению в борьбе за политическую свободу», — вспоминал С. Л. Франк[155].

В течение 1900 года С. готовился к изданию в эмиграции радикального журнала в сотрудничестве своего «критиче-

[154] Ср.: *Е. Дюринг.* Ценность жизни. 4-е изд. [1891] / Рус. пер. Ю. М. Антоновского [1894]. М., 2010.
[155] *С. Л. Фр нк.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 25–26.

ского направления» в марксизме (вместе с Туган-Барановским, Булгаковым, Франком, Бердяевым) с издательским газетно-журнальным предприятием Ленина, Плеханова, Засулич и Потресова («Искра», «Заря») и даже выступил в первых номерах газеты «Искра» с авторскими статьями. Примечательно, что переговоры об этой издательской коалиции начались в конце марта — начале апреля 1900 года во Пскове на квартире ссыльного В. А. Оболенского, скорее уже сочувствовавшего С., но гостеприимно заранее принявшего на постой Ленина. Разногласия, подробно описанные в научной литературе с позиции Ленина, сделали невозможным длительное сотрудничество С. с «Искрой». Глядя на разногласия с иных сторон, можно кратко отметить, что «Искре» не хотелось оставаться в тени гораздо более крупного и денежного либерального проекта, который явно затевал С. (будущее «Освобождение») на средства одного и того же Д. Е. Жуковского и его редакционных возможностей, а С. в итоге оказалось дискомфортно состоять в коалиции с тем, кто вёл против него личностно и пропагандистски окрашенную публичную борьбу: радикальные марксисты правильно опасались раствориться в широкой политической коалиции, а С. не видел оснований поддерживать тех, кто не скрывал своей к нему ненависти. Старый социал-демократ, начавший свою партийную карьеру в начале 1890-х, вспоминал о своём с разговоре с Лениным в 1902 году:

> Ленин назвал Струве «изменником, ренегатом и новым Тихомировым. (...) Я считал Струве всегда человеком идейным и искренним, но для которого рабочее дело было ни в каком случае не его делом. (...) Я обратил внимание Владимира Ильича на возможные последствия подобного клеймения Струве. Я сказал ему: а что если кто-либо из рабочих, фанатически преданных делу, под влиянием травли Струве на страницах «Искры», вдруг решится расправиться с ним или даже убьёт его как «изменника и ренегата»? «Его и надо

убить», — ответил мне Владимир Ильич. (...) — А что же? — возражал он мне горячась: по-вашему, мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?» (...) Я редко видал Владимира Ильича в состоянии того раздражения, которое он проявил при нашем разговоре о Струве»[156].

Вышедший из круга московских марксистов 1890-х, редактор марксистского издательства М. И. Водовозовой, хорошо знакомый семейному революционному кругу В. И. Ленина молодой экономист С. Л. Франк в изданной Водовозовой в 1900 г. книге об экономической категории «ценности» внятно выразил переход от принятой для себя С. и его кругом формы своей революционной работы только как «социалистической науки» (формула Ф. Энгельса) и «критического направления» в марксизме — как внеклассовой претензии на общенациональное интеллектуальное лидерство в целом и во внепартийной науке, в частности:

«За последнее время в западно-европейской и русской экономической литературе одновременно замечается отрадный поворот: догматическое преклонение перед системой Маркса уступает место её критической проверке и созидательной работе её дальнейшего развития и дополнения. Это служит симптомом к прекращению того невыносимого состояния, в котором ещё до сих пор находится экономическая наука. Мы имеем в сущности не одну, а две экономические науки — науку «марксистскую» и науку «буржуазную», из которых каждая говорит на совершенно особом языке, не прислушиваясь к мнению другой и считая это мнение в большей или меньшей степени заведомой ложью. (...) тогда как так называемая «буржуазная» или «официальная» политическая экономия быстрыми шагами двигалась вперёд и с каждым днём завоёвывала новые горизонты, наука «марксистская», несмотря

[156] *К.Т хт рев.* Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. № 24. Пг., 1924. С. 22–23.

на глубину и плодотворность её основных мыслей и талантливость её представителей, упорно топталась на одном месте, занимаясь догматическим толкованием старых, превратившихся почти в ходячие фразы, положений даже там, где действительность или научная мысль давным-давно их опередила. К счастью (...) уже недалеко то время, когда разногласие социально-политических миросозерцаний не будет выражаться в обособленном существовании двух самостоятельных наук. Для нас, русских, такая тенденция особенно необходима. Если европейская мысль не сумела ещё примирить двух научных направлений, то она по крайней мере знакома с результатами обоих. Иначе обстоит дело в России: вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. (...) Великое вековое течение европейской мысли стоит выше мнений, быть может, величайшего и гениальнейшего, но всё же одного из его представителей и не может потерпеть ущерба от критики этих мнений, которые служат лишь одним из этапов его научного освещения»[157].

[157] *С. Фр нк*. Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. СПб., 1900. С. I–II, VI. Непосредственно о теории Франк писал в духе австрийской школы политической экономии и штудий С. так: «Критическая разработка теории ценности Маркса — как и всех остальных его теорий — может и должна заключаться в исправлении и углублении её на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западно-европейской теоретической экономии (...) единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путём органического её соединения с... теорией субъективной ценности или предельной полезности» (С. V). И радикально применял эти новации к социальной философии: «Явления права, этики, общественных верований, принципов и идей, вообще все явления социальной культуры (...) суть только продукт психического взаимодействия отдельных людей и без остатка сводятся на индивидуальные психические элементы, из комбинации которых они возникают. (...) Точно так же и меновая ценность приобретает характер природного и относительно постоянного свойства товара, хотя она есть лишь продукт колеблющихся субъективных оценок» (С. 357).

Беспокойство Франка и, надо полагать, его наставника С. о единстве науки и отказе от её партийности, разумеется, было прямым продолжением борьбы С. за внеклассовость и внепартийность истины и этического идеала и, в источнике, «должного» (личной идейной свободы и независимости этического идеала) от «сущего» (исторической реальности), как бы первое, в конечном счёте, ни диктовалось вторым. Главным контекстом для этой апологии объективной или равно значимой для всех партий науки служила полемика вокруг реформизма и ревизионизма Э. Бернштейна, которые в своей критике марксистской доктрины опирались на новые данные науки и, в целом, были без ожесточения восприняты в СДПГ, занятой практической борьбой за политические и экономические интересы пролетариата. В решительную противоположность этому, в русской социал-демократической эмиграции в среде марксистов в России выступление Бернштейна против материализма, теории всеобщей социально-экономической революции («катастрофы», Zusammenbruchstheorie), теории обнищания пролетариата и др. в основе социал-демократической программы вызвало полновесную истерику. При этом мало кто обратил внимание на то, что всю серию своих критических очерков под названием «Проблемы социализма» Бернштейн уже публиковал в партийном органе «Neue Zeit» в 1897 и 1898 гг., что они мало что добавляли нового в общий контекст немецкой «социалистической науки» и тем более — катедер-марксизма, привыкших без чрезмерного пиетета относиться к наследию Маркса и Энгельса, что в этом контексте они во многом шли вдогонку, а не впереди публикаций Струве в русской и немецкой партийной печати, что — *гл вное — они почти не вызыв ли ник кого полемического сопротивления* со стороны других марксистов[158], что, на-

[158] Исключением стали две статьи Плеханова июля и октября 1898 года, параллельно с тем, как Бернштейн обратился к Штуттгартскому съез-

конец, число сторонников Бернштейна в СДПГ и в России было невелико (в России их были буквально единицы — С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, др.).

Когда серия статей Бернштейна была завершена, С. кратко обсудил её итоги со своим многолетним единомышленником и конфидентом, в тот момент ссыльным А. Н. Потресовым. Потресов ответил ему 9 января 1899:

> «Я очень рад, что мы сходимся с Вами по крайней мере в оценке Бернштейна: «он плох в философии, немножко филистер, теоретически не совсем ясно мыслит». All right! подписываясь под всем этим, добавлю только следующее: полнейший невежда в философии, я не судил и не сужу о воззрениях Бернштейна в *этой* области и просто... готов Вам верить на слово. Но из-за чего же сыр-бор загорелся? Неужели из-за того, что «плохой философ» и «неясно мыслящий человек» осмелился поднять руку на ортодоксальную ветошь? Неужели из-за этого бомбардировал его своими статьями Parvus, негодовали Liebknecht, Schönlank, Zetkin, Luxemburg, скорбил Kautsky и гневался монист [Г. В. Плеханов]? (...) В статьях Бернштейна нет,

ду СДПГ 3–8 октября 1898 г. с изложением своих взглядов, выступившего на защиту марксистского материализма, словно Бернштейн был первым, кто не видел непременной связи между марксизмом и материализмом. Среди первых упрёков Бернштейну громче всего из уст Плеханова прозвучал династический argumentum ad hominem, обнажая претензию на некую персональную передачу догматической благодати от признанного вождя к его верному наследнику: «Г. Бернштейн много лет жил в ближайшем общении с Фр. Энгельсом и не понял его философии. Он, который мог обеими руками черпать из великой сокровищницы великого мыслителя (...) В 1889 г. я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашёл у нас разговор о философии...» (*Г. В. Плех нов.* Бернштейн и материализм [1898] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 40, 51).

> на мой взгляд, сколько-нибудь серьёзной работы мысли. (...) В многих и многих из его аргументов узнаются старые знакомцы: те давным-давно известные «поправки» и возражения, с которыми обыкновенно выступали против «ортодоксии» и наши доморощенные оппоненты, и их западноевропейские коллеги. И вот почему на мой взгляд мы имеем дело в статьях Бернштейна не с *«критикой»* или *«с мокритикой» — т ковую я всегд готов приветствов ть*, — а не с чем иным, как самооплеванием. (...) Нельзя походя изрыгать: die Bewegung ist mir alles, das Endziel nichts. Это значит — другими словами — мне наплевать на идеологию того общественного движения, которое я ставлю якобы центром своих интересов»[159].

Выход книги Бернштейна в целом в 1899 году (в наилучшем русском переводе её заголовок «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») и сам статус автора как душеприказчика Энгельса и Маркса буквально взбесил Плеханова, который (что странно для эмигранта и почти одиночки в отношении к общенациональной партии с миллионами легальных избирателей) потребовал от СДПГ исключения Бернштейна из партии (оно было отвергнуто).

Отвечая на критику Плеханова, Бернштейн отверг его обвинения в эклектическом соединении социализма с данными «буржуазной науки», указав, что «9 / 10 элементов научного социализма взяты из сочинений «буржуазных экономистов», как будто вообще существует «партийная наука»...». На это Плеханову, в общем, нечего было ответить по существу, и ему пришлось в своей антикритике капитулировать, придав своим утверждениям частный, непринципиальный и даже двусмысленно обоюдоострый характер, а именно: «“Партийная наука”, строго говоря, невозможна.

---

[159] *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. №6. С. 40–41.

Но, к сожалению, очень возможно существование “*учёных*”, *проникнутых духом п ртий и кл ссовым эгоизмом*»[160].

Почти одновременно с Плехановым на книгу Бернштейна и ответную ему книгу К. Каутского, также выступившего в защиту «ортодоксии» от Бернштейна, в немецкой марксистской печати выступил С.: его рецензия, как это уже стало обычно для его немецких текстов, прошла практически незамеченной в среде русских марксистов (хотя практически вся периодическая печать СДПГ была доступна в России, что показывает, например, известная переписка Ленина из ссылки в с. Шушенском) — настолько сложными им казались обсуждаемые вопросы, что даже форсированный алармизм Плеханова и позже Ленина-Ильина не мог их заставить увидеть в этой полемике нечто вредное для интересов распространения социал-демократии в России. С., в частности, писал:

> «Можно как угодно низко оценивать книгу Бернштейна, но она всё же обладает тем достоинством, что казалось бы окончательно решенные вопросы социализма в ней поняты и поставлены именно как проблемы (...) И всё же сомнения и возражения Бернштейна поражены одним недостатком. (...) Марксизм — это содержательно определённое учение, определённая точка зрения, может быть даже и эвристический принцип, но методом он является столь же мало, как и дарвинизм. Так же и то, что обычно называют «диалектикой», представляет собой метод лишь при метафизическом допущении тождества бытия и мышления; она есть метод онтологической логики.
> (...) Маркс всегда исходил из социализма как готового тезиса. Как исследователь, он обязан этой предубеждённости не только своими ошибками, но и своими блестящими достижениями. Ибо в эпоху Маркса лишь социалистический критик мог оценить грандиозное историческое значение капитализма

[160] *Г. В. Плех нов*. Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 93.

и вместе с тем ясно постичь его историческую относительность. (...) С точки зрения последовательного эволюционизма, фундаментальное противопоставление «реформ на почве существующего правового порядка» и «радикального переворота основ этого порядка» просто бессмысленно. В бланкизме речь идёт не о прославлении «революции» в полицейском смысле (бунт), а о вере в основополагающее значение политического захвата власти в целях радикального общественного переворота. Эта вера теснейшим образом связана с верой в возможность «снятия» капиталистического общественного порядка. Противоречие между «бланкистским» революционизмом и марксистским эволюционизмом — это имманентное противоречие марксова учения о социальной эволюции в *его исторической определённости* (...)

Маркс, сам того не замечая, использовал несколько понятий ценности. Это происходит оттого, что он рассматривал две совершенно различные проблемы — социологическую проблему эксплуатации, в особенности капиталистической эксплуатации, и экономическую проблему ценности, и специально меновой ценности, — как *единую* и причем как *единственную* проблему ценности. Тем самым у Маркса в его теории ценности параллельно присутствуют и сливаются два различных угла зрения: угол зрения социологического рассмотрения, в соответствии с которым капиталистическое производство есть особая исторически определённая форма эксплуатации производителя и присвоения прибавочного продукта, и угол зрения экономического рассмотрения, в поле которого попадают явления обмена и тем самым собственно проблема ценности.

На Бернштейнову критику теории крушения Каутский отвечает утверждением, что такой теории среди аксиом социал-демократии вообще не существует. Мы бы живейшим образом приветствовали это несколько странно звучащее[161] утверж-

[161] Ср.: R. Luxemburg. Sozialreform oder Revolution. S. 56: «Поскольку.... крушение буржуазного общества есть краеугольный камень научного социализма» и т. д. — *Прим. П. Струве.*

дение как отказ от эволюционно-исторического утопизма, если бы оно хоть сколько-нибудь было верным. Но, к сожалению, Каутский сам заворожён теорией крушения, которую он объявляет несуществующей, и которая, однако, образует сокровеннейшую сущность оротодоксального марксизма.

«Теорию обнищания», решительно отвергнутую Бернштейном, Каутский подчёркнуто сохраняет в её релятивистском варианте. В этом он примыкает к Марксу и, в ещё большей степени, к Родбертусу, которого он тоже цитирует. При этом он говорит много верного (например, что упорство мелких предприятий часто является источником обнищания), но свой основной тезис «Доля рабочего в созданном им множестве продуктов сокращается» (S. 128) он нигде не доказал. (...) Основной аргумент в пользу допущений «социального обнищания» Каутский видит в росте детского и женского труда.

Сочинение Каутского против Бернштейна кульминирует в обвинении, что Бернштейн с помощью оппортунистических идей хочет добиться разжижения социал-демократии до уровня народной партии, в которой «классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазии имеют определяющее влияние» (179). Но мне это кажется совершенно недоказанным. Во-первых, и Бернштейну должно быть понятно, что в государстве, которое подобно Германии стремится превратиться в развитое «индустриальное государство», действительно *н родн я* партия не может не подчиняться интересам промышленного пролетариата.

(...) Мы понимаем суть дела иначе и соответственно можем сказать: социал-демократия полагает конечной целью «социальную революцию» и добивается этой конечной цели демократически-социалистическими реформами.

...Бернштейн отказался от некоторых аксиом марксизма. Но то, что он сделал это непоследовательно, что он лишил свои реалистические взгляды в порыве невнятного идеализма их лучшей опоры — материалистического понимания истории, всё это безмерно осложнило его позицию в поле-

> мике... не столько для науки *вообще* как коллективного целого, сколько для её социал-демократического употребления. То, что в лице Бернштейна социал-демократия сделала порядочные заимствования у «буржуазной» науки, — это не позор и не несчастье. Надеюсь, это будет способствовать тому, что фразы о «буржуазной науке» утратят свою власть над умами. Между прочим, больше всего Бернштейн перенял у фабианцев и, в особенности, у супругов Вебб»[162].

Да, тех самых супругов С. и Б. Вебб, чей труд о теории и практики британского тред-юнионизма ради заработка С. предложил переводить ссыльному Ленину и взялся его переводить, не зная английского языка, и высоко оценил и гонорарные условия перевода, и сам труд, несмотря на то, что он мог бы стать для него классическим примером «ревизионистской» и «буржуазной науки». В целом Бернштейн, немецкий ревизионизм и реформистская эволюция британского марксизма, похоже, застали русских социал-демократов, до 1903 года, совершенно новой эпохи в политической истории западного социализма, когда уже началось его нарастающее вхождение во власть, — так и не сумевших выстроить устойчивые партийные организации даже за границей, врасплох. «Конечная цель — ничто, а движение — всё» Бернштейна глубоко оскорбили русских марксистов, даже усилия Каутского сформулировать компромисс, «отвязав» природу постоянно отодвигающейся вдаль «конечной цели» от ежедневной практики, не помогли. Перед Россией были поставлены, как минимум, две радикальные цели: свержение самодержавия и достижение политической свободы — и уничтожение капитализма и достижение социализма и коммунизма (не важно:

[162] *Петр Струве*. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm [1898] / Перевод Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

революционным или эволюционным путём). И «критические марксисты» во главе со С. не в силах отрицать того, что проповедь Бернштейна стала лишь собранием полемических тем внутри марксизма за последние 10–15 лет, в том числе одномоментной «социальной революции» как *фр зы*, принципиально не могли принять его отказа от «конечной цели», которую они сами уже «отвязали» от «сущего», обеспечив «должному» полную свободу нравственного идеализма. Только, видимо, их революция была уже не «прыжком из царства необходимости в царство свободы», не была социальной революцией, за которой следовал коммунизм, а актом национального освобождения одновременно от самодержавия и остатков крепостнического феодализма, синодального строя церкви в пользу её реформации, первоначального капитализма в пользу государственного социализма, конституционной демократии и национальных автономий. То есть национально-освободительной буржуазной и социалистической революций сразу. Весь горизонт своих научных занятий С. намеревался объединить созданием нового революционного миросозерцания, которое объединило бы данные науки с ценностями либеральной философии и социализма. В начале 1900 года он писал жене о своих растущих разногласиях с марксистами как «партийными товарищами» (parteigenossen): «Все они не понимают, что я недаром бросил якорь моего общественно-политического миросозерцания в твёрдый (для меня) грунт идеалистической метафизики и что поэтому я не только критикую, но и подготовляю новое политическое миросозерцание, гораздо более смелое, чем марксизм»[163].

Несмотря на удерживаемое публично фиксируемой идейной эволюцией «критических марксистов» их внешнее единство как «направления», С., Туган-Барановский, Булгаков, Б. А. Кистяковский, их младшие коллеги Н. А. Бер-

[163] Цит. по: *К. Ф. Ш цилло*. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 59.

дяев и С. Л. Франк, в общем, несмотря на тогдашние отношения Бердяева и Франка к С. как учеников к учителю, отнюдь не были партией (их общей партией была так и не консолидировавшаяся русская социал-демократия), сектой, клубом единомышленников: они скорее были товарищами по интеллектуальному поиску в сторону от первоначального догматизма к широко расцветшему в лоне немецкой социал-демократии разнообразию экономической, социальной, исторической и философской науки, к которой они лично имели непосредственное соприкосновение как авторы, переводчики и редакторы. Это вовсе не снижало градуса их взаимной критики и острых разногласий, которым они, однако, не были склонны придавать политического или партийного звучания: например, С. остро полемизировал с Булгаковым, Булгаков — с Туган-Барановским и т. д.

Бернштейнианский ревизионизм стал ложной целью во внутрипартийной полемике марксистов, уведя внимание от главной перемены исторического момента: русская левая интеллигенция массово начала сосредотачиваться не вокруг доктринальных дискуссий марксистов, а вокруг внятного дела политического освобождения, внепартийное знамя которого подняло «Освобождение» С. и вокруг сети распространения которого в России уже в начале 1904 сложился леволиберальный «Союз Освобождения» (внутри руководящего ядра которого было ясно заметно присутствие социалистов-идеалистов[164]). Под эту широкую коа-

[164] О едва ли не партийном совещании «идеалистов» накануне одного из собраний для формирования «Союза Освобождения» летом 1903 года на границе Германии и Швейцарии в Шаффгаузене, в котором они также приняли весомое участие, подробно вспоминал С. Л. Франк: «Сначала съехалась в Штутгарте [где издавалось «Освобождение»] небольшая группа ближайших единомышленников П. Б. [Струве] — из «интеллигентов» и так называемого «третьего элемента»; в их числе я помню С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева (с которым я тогда впервые познакомился), В. Я. Богучарского, С. Н. Прокоповича, Е. Д. Куско-

лицию С. и его «идеалистическое направление» (особенно в журнале Булгакова и Бердяева «Новый Путь» осенью 1904 и «Вопросы Жизни» в 1905 году) и стремились сформировать «новое мировоззрение», придающее обескрыленной практике социалистической борьбы новые идеалистические горизонты. Получалось, что идейный поиск представлял больший смысл не для спасения социал-демократии от оппортунизма, а для идейного достраивания современного русского либерализма на основе социал-либерального идеализма, над которым потрудились «Проблемы идеализма» и «идеалисты». В 1903 году С. привлёк С. Н. Булгакова к составлению аграрной программы либеральной оппозиции, давшей начало «Союзу Освобождения», а сам настоял на подготовке программы по рабочему вопросу, во всех своих положениях бывшей программой государственного социализма.

Наиболее опытные и с большим интеллектуальным горизонтом русские марксисты, особенно бывшие соратники С., увидели это очень ясно. Обсуждая вопросы недавней истории русского марксизма для исследовательского проекта «Общественное движение в России в начале XX-го века» (1909–1914), Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов, внутри этого проекта упорно перетолковывавшие даже самые случайные и индивидуальные события в категориях классового анализа (в итоге в дружеском дуэте генеральских сыновей С. и Потресова первый оказывался представителем мелкобуржуазной демократии, а второй — пролетарского революционаризма), не могли скрыть друг от друга более существенные обстоятельства. А именно то, что в 1900-е Плеханов, ведя полемику против С. как продолжение полемики против Бернштейна, просто сводил личные счёты, а главное направление эволюции С. было, конечно,

ву, Б. А. Кистяковского...» (*С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 38).

не в сторону «бесцельного» Бернштейна, а в сторону либерализма[165].

Именно в начале 1900-х во внутрисоциалистической полемике в ходе практического партийного строительства и родилось клеймо «легального марксизма»[166], активно введённое в оборот Лениным, с тем чтобы показать и доказать изначальную «буржуазность» и «нереволюционность» марксистских «академиков», то есть на деле тех, кто — *не прекр щ я нелег льной р боты* — в 1890-е гг. был идейным лидером и организатором, спонсором и практическим руководителем марксистской и социал-демократической практики в легальных институциях, в первую очередь — в легальной печати. Ирония этого полемического клейма состояла в том, что *никто* из нелегальных или эмигрировавших марксистов и революционеров вообще, в том числе сам Ленин и его конфиденты, никогда сами не пренебрегали возможностями, в том числе материальными, например, легальной печати и книгоиздания, для Ленина лично в течение всех 1890-х годов связанных исключительно и лично со Струве. На это тогда же публично и печатно Ленину и своим партийным товарищам указал центральный участник этой легальности 1890-х, тоже политически порвавший со Струве, — Потресов. Однако именно ленинское клеймо победило в русской, советской и западной историографии и до сих пор, за редкими исключениями, преобладает даже в энциклопедической литературе.

Дополнительную иронию клейму «легального марксизма» придал годы спустя сам Струве, в строительстве мифа своей жизни принявший полемическую эту подачу для утверждения своей якобы изначальной марксистской

165 *Ю. О. М ртов, А. Н. Потресов*. Письма 1898–1913 / Сост. И. Х. Урилов. М., 2007. См. переписку 1908 года.

166 Об истории этого клейма подробно: *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5.

неортодоксальности и «буржуазности», мемуарной формулой которого стал для него «легальный марксизм»[167]. В этом Струве не только отвергал германский образец социал-демократической легальности, но и прямо противоречил общеизвестным фактам того, что никакой в принципе общепринятой и общеобязательной марксистской ортодоксальности ни в Германии вообще, ни в России до 1918 года не существовало, а вся «ортодоксальная нетерпимость», прежде осуждаемая самим Струве в полемике против части революционеров, была зеркальным клеймом на уличения в предательстве мифической догмы.

Наблюдатели не раз отмечали, что в Германии именно катедер-социалисты конца XIX века в начале XX века определили экономический язык и принципы государственного управления экономикой и управления крупнейшими корпорациями. Всё это уже в начале 1920-х гг. было подвергнуто восходящей звездой либертарианства Людвигом фон Мизесом резкой критике в качестве преступного социализма. Крах Веймарской республики, приход к власти нацистов, нацификация Австрии породили целое поколение австро-немецких критиков социализма и всего, что не крайний либерализм, как социализма — которые неизменно нашли приют в США и в конце и после Второй мировой войны сформулировали доктрину тоталитаризма,

[167] «Не подлежит сомнению, что главная роль «легального» марксизма, как идейного движения, состояла в направленном против народнической идеологии *историческом опр вд нии к пит лизм в России*. Русский «легальный» марксизм 90-х годов в сущности выполнял ту функцию, которая в других странах была историческим призванием и свершением экономического либерализма. И при том он выполнял её в обоих направлениях: и в отношении промышленного, и в отношении аграрного развития страны. Русский «легальный» марксизм явился истолкованием и оправданием индустриальной политики Витте; он был замечательным предвосхищением аграрной политики Столыпина» (*Пётр Струве*. Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 328–336).

отталкиваясь от немецкого опыта нацизма и антисемитизма, но и от государственной социальной политики, порождённой социал-демократической «легальностью» конца XIX века: Л. фон Мизес, Ф. А. фон Хайек, Й. Шумпетер, Х. Арендт, К. Фридрих. В США этого времени им интеллектуально сопутствовали члены Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков), поделившиеся с властями США своей многолетней экспертизой в области практики марксизма в России и СССР и, в том числе, категорическим отвержением мифа об «однопартийной диктатуре», отделявшей ортодоксов от неортодоксов.

Позже, подводя итог одному из своих научных замыслов, С. признался, что 1900–1901 гг. стали временем, когда ему «пришлось отложить» свои научные труды (по экономической истории, теоретической политической экономии, философии) — «так как на целый ряд лет я отдался исключительно публицистически-политической деятельности»[168]. К систематической научной работе С. вернулся лишь в 1913 году, но ненадолго, так и не завершив целостное изложение ни одной из своих научных теорий.

На этом пике свершилось и необратимое поражение С. в политических правах и его последующее почти полное погружение в нелегальную политическую борьбу, которое в целом и положило конец его главным творческим открытиям. Как вспоминал позже многолетний соперник С. в борьбе за лидерство в русском либеральном движении П. Н. Милюков, расставшись с марксизмом и подступив к работе в рамках либерального движения, С. «перестал быть идеалом молодёжи»[169].

4 марта 1901 С. принял участие в масштабной демонстрации возле Казанского собора Санкт-Петербурга в поддержку студентов, уволенных администрацией из университета

---

[168] *Пётр Струве*. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. VIII.

[169] *П. Н. Милюков*. Воспоминания [1940]. М., 1991. С. 137.

с отдачей в солдаты. Демонстрация была разогнана полицией, С. был избит и арестован на две недели, после чего в административном порядке был выслан из столицы под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах, университетских городах и Ярославле.

Чуткий и просвещённый современник, студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, участник кружка А. С. Лаппо-Данилевского Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) вспоминал о том дне так:

> «Время действия — полдень 4 марта 1901 года, место действия — площадь у Казанского собора в Петербурге. Площадь залита многочисленной толпой: студенты «всех родов знания», главным образом универсанты, но много и технологов, и горняков, и путейцев; молодые девушки — слушательницы Высших женских курсов. Много и штатских людей, среди них немало и пожилых. Вижу в толпе седобородую и всегда весело оживлённую фигуру известного публициста Н. Ф. Анненского; неподалёку от меня две восходящие марксистские звёзды — ходившие тогда в социал-демократах П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Но молодёжь — преобладает, заливает густою толпой всю громадную площадь. Тротуары Невского проспекта тоже залиты и просто любопытствующими, и втайне сочувствующими зрителями: всем известно, что ровно в полдень, когда ударит пушка с Петропавловской крепости, студенты пойдут демонстрацией по Невскому проспекту.
>
> На демонстрацию эту нас созвал подпольный студенческий Организационный Комитет, чтобы выразить этим протест против мероприятий министра народного просвещения Боголепова, создателя «временных правил» о сдаче в солдаты студентов, наиболее замешанных в бурно развивающемся студенческом движении. Боголепов был убит выстрелом бывшего студента Карповича 14 февраля 1901 года, но «временные правила» не были отменены. В виде проте-

ста мы объявили забастовку в стенах университета, а теперь заключали её демонстрацией на улицах города; тысячи студентов отозвались на призыв Организационного Комитета.... В прокламации, выпущенной 4 марта, Организационный Комитет (официально именовавшийся «Советом объединённых землячеств и студенческих организаций») обращался не только к студенчеству, но и ко всему русскому обществу: «Выступая на защиту попранных прав человека, на борьбу за них на общественно-политическом поприще, мы обращаемся ко всем слоям общества. Идите с нами!»
Итак — мы на площади; шумно оживлённая, нервно возбуждённая толпа — и ни одного полицейского. Полиция, пешая и конная, вместе с отрядами казаков, до поры до времени запрятана во дворах прилегающих к площади домов. Ждём сигнала. Ударила полуденная пушка — и началось...
В середине площади, в густой толпе молодёжи, развернулся красный флаг — и в ту же минуту распахнулись ворота домов на Казанской улице и Екатерининском канале, отряды казаков врезались в толпу, работая наотмашь нагайками. Вопли боли и ярости, стоны раненых; крики негодования зрителей, которых пешая и конная полиция, разгоняя, избивала на тротуарах...
Полная победа в несколько минут оказалась в руках казаков и полиции; мы были разгромлены, избиты, оттеснены к ступеням Казанского собора, куда и ввалились толпой, поддерживая раненых; их мы сложили на мраморные скамьи около гробницы Кутузова...
В соборе заканчивалось воскресное богослужение, прерванное нашим появлением, шумом и криками...
Земное начальство вскоре появилось в соборе в образе бородатого полицейского полковника, пристава Казанской части. Собор к тому времени до отказа наполнился студентами, искавшими спасения от продолжающегося на площади избиения и начавшихся арестов... пристав... обратился к нам с речью такого содержания: западные врата собора широко открыты для тех, кто пожелает спокойно уйти до-

мой, доказывая этим, что их присутствие на площади было случайным и что они — граждане вполне благонамеренные; оставшиеся будут рассматриваться как бунтовщики, и с ними будет поступлено по всей строгости закона; он даёт нам полчаса на размышление и на исход из храма, после чего оставшихся арестуют, и пусть они пеняют сами на себя...

Не для того мы шли на демонстрацию, чтобы доказать свою гражданскую благонамеренность! Но надо сказать правду, что после речи пристава толпа в соборе стала редеть и редеть: многие то небольшими группами, то поодиночке, конфузливо таясь, стали пробиваться к «западным вратам».

Когда через истекшие полчаса пристав вновь явился в собор, в нём оставалось только человек пятьсот—шестьсот студентов и сотня курсисток. Пристав развёл руками, сказал: «Вы сами этого хотите» — и предложил нам выходить через «западные врата» на Казанскую улицу, где нас уже ожидал сильный наряд полиции, окруживший нас и во главе с приставом направивший наши стопы прямо в полицейскую Казанскую часть, что неподалёку от Мариинского театра. Нас ввели во двор этого участка, заперли за нами ворота — и предоставили с часа дня и до позднего вечера проводить время по собственному нашему усмотрению. В середине дня нам дали хлеба, который мы по-братски между собой поделили. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Среди толпы студентов и курсисток выделялось только несколько штатских (не в студенческих мундирах. — *М. К.*), а среди них — почтенные марксистские Диоскуры, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский»[170].

Поражённый в правах, ограниченный в географии передвижений, готовясь выехать в эмиграцию на неопределённо долгий срок для издания нелегального для России оппо-

[170] *Ив нов-Р зумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Сост. В. Г. Белоус. М., 2000. С. 98–101.

зиционного журнала «Освобождение», С. под прозрачным криптонимом[171] выступил в журнале «Вопросы философии и психологии» с исповеданием своего нового политического и идейного мировоззрения, которое биографически вполне могло оказаться и политическим завещанием и потому привлекло к себе особое внимание идейно-политической общественности. Наследуя риторической традиции И. С. Аксакова («В чём недостаточность русского патриотизма», 1864[172]) и посвящая свой труд памяти В. С. Соловьёва (умершего 31 июля 1900), в статье «В чём же истинный национализм?» С. изложил систему обоснования того, что можно назвать национальным возрождением на основе западного пути развития, синтезирующую наследие Фихте, Герцена, Соловьёва («Национального вопроса в России»), народнического народолюбия[173], права человека как основу «естественного права» и сердцевину «истинного либерализма». И поэтому он ополчился против славянофильского сужения «национального духа» до консервативных задач и одновременно максимально расширил смысл либерализма как движения «общенародного и идеального происхождения», начатого за «свободу совести» и служащего демократической практике, а не материальным интересам буржуазии. В финале С. сформулировал свой призыв к национальному освобождению как призыв к освобождению личности: «Если верно, что «нация есть начало ду-

[171] Он был вскоре раскрыт Н. А. Бердяевым, несмотря на то, что С. ещё находился в эмиграции: *Никол й Бердяев*. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь — декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 697.

[172] *Ср.: М. К тков*. Истинный и разумный патриотизм // Московские ведомости. 14 мая 1863. № 103.

[173] Впрочем, здесь С. явно перетолковывает социально-сословное понимание «народа» в духе русского XIX века как, в первую очередь, (общинного) крестьянства — в пользу его внесословного и внесоциального смысла как «нации» (в духе немецкого Nationalwirtschaft переводимого в русской и советской традиции как «народное хозяйство» или французского Nation переводимого как «нация» польским словом narod).

ховное», то истинный национализм не может быть ничем иным, как безусловным уважением к единственному реальному носителю и субъекту духовного начала на земле, к человеку»[174]. В этой проповеди С. следовал Новгородцеву, который за полгода до этого так же обращался к *пр вовому* наследию Соловьёва. В речи на торжественном заседании Московского психологического общества в память В. С. Соловьёва 2 февраля 1901 года он сказал о философе: «С горячностью истин-

[174] *П. Борисов*. В чём же истинный национализм? // Вопросы философии и психологии. Сентябрь—октябрь 1901. Кн. IV (59). I о. С. 493–495, 506–509, 511–512, 517, 528. Публикация статьи под псевдонимом, вероятно, была вызвана политической эмиграцией Струве за границу в декабре 1901 года (но в менее подверженном цензуре сборнике «На разные темы» (1902) С. уже переиздал эту статью под своими именем). Современный авторитетный исследователь в самых превосходных степенях описывает историческое значение русского опыта применения «естественного права» к либеральной философии и практике: «Конфликт права и этики, обозначившийся с развитием русского пореформенного общества, вызвал к жизни три направления русской философии права начала XX в. Они оказали несомненное влияние на мировое конституционно-правовое развитие. Это этическая (деонтологическая) теория, психологическая теория права и социологическая теория права. Первое направление, определявшееся как «возрождение естественного права», противопоставляло нравственный идеал и позитивное право. К этому направлению, наиболее видным представителем которого стал П. И. Новгородцев, принадлежали (или разделяли его идеи) другие крупные русские юристы начала XX в. — В. Гессен, И. Покровский, князья С. и Е. Трубецкие. Опираясь на философию неокантианства, данное направление стремилось переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить сущему — должное (идеал справедливости), действующей правовой системе русского самодержавия — концепцию либеральных правовых реформ. (...) Это направление наиболее близко деонтологическим трактовкам права, ставшим основой современной (сформировавшейся после Второй мировой войны) доктрины прав человека, положенной в основу Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), всех международно-правовых актов в этой области и национальных конституций. признающих их верховенство» (*А. Н. Медушевский*. Российская правовая традиция — опора или преграда? М., 2014. С. 51–52).

ного патриота он стремился указать своей стране истинный путь, — «путь жизни». Время ещё не ушло, и выбор свободен. «Мы не признаём предопределения ни в личной, ни в народной жизни, — писал он, — судьба людей и наций, пока они живы, в их доброй воле. Одно только мы *зн ем н верное*: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины, — она никогда не будет иметь никакого успеха...»[175]

Здесь С., вслед за Новгородцевым, дал своим сподвижникам по идеалистическому реформированию социализма формулу национального возрождения, которая легла в основу недолговечного (1902–1905) «идеалистического направления» (в освободительном движении[176]) и была горячо поддержана[177], в частности, С. Н. Булгаковым, который источник своего вдохновения также (но в гораздо большей степени) нашёл в наследии В. С. Соловьёва[178].

[175] *П. И. Новгородцев*. Идея права в философии Вл. С. Соловьёва [1901] // П. И. Новгородцев. Об общественном идеале / Сост. А. В. Соболев. М., 1991. С. 529–530. Впервые опубликовано в Кн. VI «Вопросов философии и психологии» за 1901 год.

[176] К нему, кроме большинства авторов сборника «Проблемы идеализма», можно отнести и близкого к ним тогда С. А. Котляревского и ряд других авторов журналов «Вопросы философии и психологии» и «Вопросы Жизни».

[177] Продолжение этой риторической традиции см. также в статьях авторов, которые, несомненно, были знакомы с текстом С.: *С. Котляревский*. Об истинном и мнимом реализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь—декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 613; *С. Ф. Ольденбург*. Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1916; *Н. С. Трубецкой*. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

[178] «Национальность не состоит в тех или других исторических пережитках, но представляет собою положительную духовную силу, которая требует их устранения для своего полного и свободного проявления

Отходя от партийных рамок практического марксизма, претендуя выстроить широкий фронт социалистов и либералов в борьбе против самодержавия, С. надеялся, вслед за законоучителями СДПГ, придать своему социализму громкое философское звучание в духе Фихте и Лассаля. Для большинства его партийных товарищей такой поворот С., несмотря на всю публичность его эволюции и несмотря на его укоренённость в партийной и теоретической литературе СДПГ, включая наследие Энгельса, был неожиданным, оторванным от практики и неприемлемым, неприятно созвучным (их различие не было очевидным) «ревизионизму» Бернштейна. Ленин позже не раз писал о том, что якобы с самого начала чувствовал и порицал «неполноценность» С. как марксиста, но на деле так и не понял, не оценил и не подверг внятной критике его «идеалистических» поисков 1897–1898–1899 годов, когда литературное сотрудничество со С. было наиболее близким. Вероятно не только потому, что оставался некомпетентным в тех специальных философских вопросах, в решении которых С. выстраивал своё «новое миросозерцание», но и потому, что просто не хотел рисковать утратой возможностей, которые предоставляло ему внутрипартийное сотрудничество со С. Ближайшая соратница Плеханова по марксист-

(это основное требование истинной политики национализма с большим публицистическим подъёмом было сформулировано в статье “В чём же состоит истинный национализм?”...) (...) До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, поставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма» (*С. Н. Булг ков.* Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 634, 627).

ской группе «Освобождение Труда», в прошлом героиня террористического народовольчества, близкая знакомая С., которой он всю жизнь восхищался независимо от политических разногласий, участница его издательских предприятий, В. И. Засулич разъясняла в немецком партийном органе «Neue Zeit» механизм раскола русского марксизма этого времени:

> «В начале движения для русских социал-демократов общепризнанным образцом считалась немецкая социал-демократия; во время же экономизма, напротив, в качестве образца приводились английские тред-юнионы и бельгийская партия с её кооперативными товариществами... на людей, взгляды которых только ещё начали оформляться, самым роковым образом подействовал тот переворот, который произошел в мыслях известнейших «столпов» марксизма Струве и Ко, работавших в легальной прессе. (Другие, которые писали в легальной прессе из мест ссылки или изгнания, могли пользоваться лишь незначительным влиянием уже по той причине, что они оставались незнакомыми для читателей, так как они почти каждую статью должны были подписывать разными псевдонимами)»[179].

Призыв С. к русской социал-демократии вернуться к идеалистическому пафосу Фихте и Лассаля был новым только именно для России, будучи излишним для СДПГ, где оба неизменно поминались с неизменным почтением, и был поддержан рядом единомышленников и учеников С., но почти не встретил позитивного отклика в партийных рядах, где некоторые не без оснований готовы были поднять его на смех за попытку искусственного, умозрительного, «интеллигентского» и кабинетного пафоса. При этом даже

[179] *В. И. З сулич.* Террористическое движение в России [1902] // В. И. Засулич. Избранные произведения. М., 1983. С. 366–367. Здесь эта статья впервые увидела свет на русском языке и была переиздана.

после того, как бернштейнианский ревизионизм доктрины актуализировал проблему философского обоснования исторического материализма, а философское разнообразие в СДПГ и западном социализме в целом превысило нормативное умолчание о философии как о Privatsache и стало предметом широко распространившейся моды, в том числе в России, к столетию «Речей к немецкой нации», в партийной печати один из партийных и публицистических патриархов СДПГ Франц Меринг (никогда не дезавуированный марксистской ортодоксией в России) выступил с новой апологией обоих культов:

> «Никто из лиц, явившихся после Фихте, не понял этого идеализма [Фихте] так глубоко, так резко и по существу, как Фердинан Лассаль. Он принял политическое наследие Фихте, вырвав его из опустошительных рук «образованных сословий» и передав его, как важное национальное дело, народу, который к тому времени созрел, мог отказаться от всякой помощи и с тех пор крепкими своими руками неустанно работает над осуществлением самой величественной идеи Фихте, открывшейся лишь взору умирающего мыслителя: над осуществлением истинного царства права, основанного на свободе и равенстве всех носящих человеческий образ и подобие»[180].

Одновременно с подготовкой «Проблем идеализма», С. предпринял экспериментальное издание книги Н. А. Бердяева с продолжением критики народнической «субъективной социологии», начатой в «Критических заметках» С. «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (СПб., 1901), снабдив его своим огромным предисловием, фактически — небольшой монографией. Книга стала наиболее

[180] *Ф. Меринг.* Речи Фихте к германскому народу [1908] // Ф. Меринг. На страже марксизма / Пер. Е. и И. Леонтьевых. М., 2011. С. 189.

серьёзным шагом к философскому примирению С. с «субъективизмом» Михайловского и философской программой «идеалистического направления» в социализме, которое, собственно, и создало на десятилетия вперёд особую моду на философию в русском социализме в целом. Одновременно «прощение» в радикальной среде получила и многолетняя борьба общественно маргинального антипода Михайловского — А. Л. Волынского «за идеализм»[181]. Однако большинство участников освободительного движения против самодержавия воспринимало этот «идеализм» как прежнее антиреволюционное «упадничество» и идейная капитуляция перед церковной санкцией самодержавия[182]. Соединение простой религиозности и социального

[181] «Прощением» А. Л. Волынского прозвучало принятое Бердяевым от имени направления имени «борьбы за идеализм» (в статье 1901 года в журнале «Мир Божий»), прямо и прежде монопольно связанное с именем Волынского и сборником его критических трудов «Борьба за идеализм» (1900). Это внешнее сближение вызвало критику в радикальной среде, но обнаружило суть раскола между прежней радикальной общественностью и интересами философии и новой культуры, ситуативно выраженными в фигуре Волынского. С., все 1890-е гг. осознанно преодолевавший это раскол, вспоминал в эмиграции о Волынском так, косвенно излагая свои культурные амбиции: «Либералы и радикалы возненавидели его за развенчание русской либерально-радикальной традиции в журналистике и литературной критике. Сейчас можно и должно сказать, что, развенчивая, Волынский был прав. Конечно, русский радикализм был философски малообразован и даже убог. Волынский вскрыл это убожество, и в этом его несомненная отрицательная заслуга. У него были философские знания и какая-то, казавшаяся в своё время кощунственной, неустрашимость суждений. Но, развенчивая, Волынский сам ничего не построял» (*П. Б. Струве.* О Фете — прозевала ли Россия Фета // П. Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981. С. 225).

[182] «Я веду культурную историю данного молодого поколения с 1892 г., когда Д. С. Мережковский издал свой «манифест» «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Мне пришлось столкнуться с этими литераторами, свергавшими «старые цепи» для «новой красоты», как раз когда они перенесли свои упадочные на-

протеста удалось лишь рабочему движению в Санкт-Петербурге во главе с Г. А. Гапоном. Соединение философского идеализма и религиозности с революционностью интеллигенции осталось делом узкого социального круга.

Рафинированный философ, эстет и практический социал-демократ Л. Габрилович (Галич) так оценил предисловие С. к книге Бердяева:

> «Впервые “возвращение к метафизике”, как лозунг передового движения, было брошено П. Б. Струве (...) Это яркое, блестящее предисловие, в сжатой афористической форме содержавшее целое мировоззрение, послужило мощным ферментом. Вокруг него заиграла и забродила молодая русская публицистика (...) в конце 1902 года вышли “Проблемы идеализма”, в которых необходимость метафизики высказывалась уже не как боевой тезис, а как самоочевидная предпосылка, не подверженная никакому сомнению. Вина за этот новый “этап” падает в значительной мере на бывшего главаря марксистов П. Б. Струве. (...) Философская начитанность Струве помогла ему отыскивать аргументы для утверждения “потусторонних” исканий на основаниях, схожих с легальными. Знаменательно, что “обращение” Струве послужило как бы сигналом к быстрому и поголовному “обращению” по всей линии марксистов-ревизионистов. То, что раньше целомудренно пряталось за кантианство, в приспособлении Штамлера, обнаружилось решительно и внезапно”[183]. В предисловии к книге Бердяева С., по замечанию внимательного современника, “отрицает возведение классовой точки зрения в необходи-

строения из литературы в политику. Таким являлся поворот к религиозно-философскому «идеализму» в сборнике 1902 г. — и уже совершенно открытое нападение того же круга на политику в сборнике “Вехи”» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 176–177).

[183] *Леонид Г брилович*. Новейшие русские метафизики (спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. Ноябрь—декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 646–647.

мость и следовательно ратует за полный простор для теоретической мысли. В сущности говоря, у Струве тут ничего не остаётся от исторического материализма»[184].

Популярный как автор очерков истории общественности и, благодаря своей партийности как социалиста-революционера, независимый по отношению к внутримарксистской полемике такой интеллектуальный свидетель, как Иванов-Разумник, дал этому совместному труду С. и его протеже Бердяева оценку в контексте его времени и очевидных для современных ему читателей авторских усилий:

«Книга Бердяева-Струве была попыткой построения социологического (и именно социалистического) мировоззрения на основе трансцендентально-нормативного неокантианства, развитого в цельную и стройную систему Виндельбандом, верным учеником которого и является в этой книге Бердяев. (...) Новое "идеалистическое" течение сыграло во всяком случае громадную и развивающую роль. Марксизм поспешно ухватился за философию Авенариуса и Маха, признав этим самым бессилие философской позиции диалектического материализма; господствовавший раньше позитивизм принуждён был занять оборонительное положение. Высшей точки успеха идеалистическое течение достигло в 1903 году, когда появление сборника "Проблемы идеализма" было своего рода событием в истории развития русской философской мысли. В сборнике этом мирно уживаются рядом и трансцедентальный, и трансцедентный идеализм в борьбе против общего врага — позитивизма. (..) Книга Бердяева "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии"

[184] *А. Дживилегов.* [Рец.:] Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием Петра Струве // Вопросы философии и психологии. Январь — февраль 1902. Кн. I (61). II о. С. 613.

> объявила войну настолько же субъективизму Михайловского, насколько и ортодоксальному марксизму (...) Бердяев, однако, имел мужество признать, что во многом он стоит ближе к Михайловскому, чем к его противникам девяностых годов. (...) в книге этой и статьях единомышленников русская социалистическая мысль вышла наконец на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощно толклась более полувека. Начинается новый период в истории русской философской мысли, новая полоса в эволюции русской интеллигенции; старые идеалы получили новую точку опоры, получили несколько иную форму и изменили свой центр тяжести»[185].

Позже С. окончательно сформулировал своё кредо, в котором, по-видимому, вплоть до 1917 года сильнее всего звучал мотив превращения революционного социалиста не в консервативного реформиста, как пытались показать его марксистские критики, а скорее в индивидуалистического вождя авангардистского и модернистского типа, созвучного новой культуре его времени. Кредо, достроенное от идеализма до религиозности, звучало так: «На смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное миросозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённые новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческ я* автономия. (...) Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая... захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»[186].

---

[185] *Ив нов-Р зумник*. История русской общественной мысли. В 3-х т. Т. 3. М., 1997. С. 187–188, 190.

[186] Patriotica. С. 611. «Религия и социализм», 1909.

Какую же судьбу выбирал себе С., расставаясь с партийной социал-демократией и не спеша перестать быть социал-демократом в личном качестве? Несмотря на политически ангажированные мемуарные интерпретации своего марксистского прошлого как едва ли не буржуазной апологии капитализма в полемической столь удачно изобретённой Лениным и позже принятой С. оболочке «легального марксизма» — в их обоюдных интересах оказалось важным дезавуировать их радикальное сотрудничество в 1890-х — С. дал внятные описания того, как ему виделась судьба этаблированного социалиста, на примере того, кто повлиял на него не только идейно, но и образом биографии. В поздней немецкой энциклопедической статье о социальном либерализме он писал об эволюции Луйо Брентано в 1890-х гг.: «Брентано превратился в наиболее социально-политически опытного в академических кругах союзника социал-демократии и в этом качестве оказал, бесспорно, огромное влияние на молодое поколение немецких социалистов и профсоюзных деятелей, сам сознательно и бессознательно испытав влияние социал-демократии как мощного социального и политического движения»[187]. Проводя в применении к социологу Ф. Теннису градации догматичности социал-демократических мыслителей от крайней (через стадии: «вульгарный марксист», «последовательный марксист», «партийный социал-демократ») — к минимальной, С. в этой градации говорил и о себе: «я сам — *тогд* ещё умеренный социал-демократ-ревизионист (...) протагонист русского неортодоксального марксизма, выросший из либеральных потребностей и освободительных припадков русской интеллигенции...»[188]

[187] *П. Струве.* Социальный либерализм [1932] // П. Б. Струве. Избранные сочинения. С. 414–415. Пер. с нем. Н. С. Плотникова.

[188] *П. Струве.* Фердинанд Теннис (1855–1936). К оценке его социально-философского и социологического творчества [1937] // Там же. С. 425. Пер. с нем. Н. С. Плотникова. В переводе: «либералистских припадков».

3) 1901–1905: «идеалистическое направление»[189] в русском социализме

Тем временем именно «свобода совести» была дебютной организующей идеей сборника «Проблемы идеализма», с инициативой которого осенью 1901 года выступил С., затем попросив главного энтузиаста возрождения «естественного права» П. И. Новгородцева стать его титульным составителем[190].

[189] Идеалистическое направление в освободительном движении (социализме) — это самоназвание движения социалистических участников сборника «Проблемы идеализма» (1902) С., Бердяева, Булгакова, Франка, поддержанное Новгородцевым и С. А. Котляревским, было актуализировано автором этих строк для обозначения того образа направления, которое приняла для себя, прежде всего, группа этих бывших «критических марксистов», чтобы придать своей коллективной эволюции терминологически внятную динамику. См.: *М. А. Колеров*. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996 (раздел «Идеалистическое направление (1902–1906)»); *М. Колеров*. «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Новый Путь (1904) / Вопросы Жизни (1905); Народ (1906); Полярная Звезда (1905–1906) / Свобода и Культура (1906); Живая Жизнь (1907–1908). Росписи содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999. В историографии, в отличие от истории права, это понятие, однако, не получило развития, если не считать его простого воспроизведения (без ссылки на литературу) в статье: *Е. Л. Рудницк я*. Трактовка социализма «идеалистическим направлением» общественной мысли России. С. Н. Булгаков // Вопросы истории. М., 2006. № 5 (вошла в сб.: *Е. Л. Рудницк я*. Лики русской интеллигенции. М., 2007). О связи идеалистического направления в целом с социал-либеральной правовой мыслью в трудах Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, Г. Ф. Шершеневича, Л. О. Петражицкого: *А. В. Попов* . Неолиберальная модель государственного и общественного устройства России на рубеже XIX–XX вв. М., 2012. С. 71–94 (Гл. II. § 1. Предмет философии права в трактовке представителей позитивистского и идеалистического направлений неолиберальной правовой доктрины).

[190] Несмотря на свой университетский статус приват-доцента и профессора, П. И. Новгородцев с середины 1890-х стоял очень близко к текущей

общественной полемике, явно выделяя в ней и разделяя позицию «критического направления» в марксизме. В 1901 г. он защитил и в 1902 г. издал докторскую диссертацию, в которой, рискуя навлечь на себя критику за бедность привлечённой литературы, сконцентрировал актуальные проблемы соотношения этических и общественных факторов в новейших трудах А. Д. Градовского, П. Н. Милюкова, Б. Н. Чичерина, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Н. Булгакова, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, И. М. Гревса, В. С. Соловьёва, включая внутримарксистскую полемику Булгакова и Струве 1896–1897 гг. о «свободе и необходимости» (*П. И. Новгородцев*. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902]. СПб., 2000). Фокусирование внимания Новгородцева на «критических марксистах» одновременно с вождём новейшего русского идеализма Соловьёвым и его последователями Трубецкими — не могло звучать иначе, как беспрецедентный аванс академической науки идеалистическому радикализму и прямая ему поддержка, вокруг которого созрело авторское ядро будущего сборника «Проблемы идеализма». Выступая за возрождение «естественного права», Новгородцев изначально вполне изящно обходил сложнейший вопрос о его возникновении, утверждая, что самостоятельная нравственная оценка явлений важнее условий образования права и за обоснованием её философии не к кому более обратиться, кроме как к Канту (Там же. С. 30–31). Новгородцев специально осветил политический смысл своего философского творчества, будучи известным практиком легальной и нелегальной либеральной оппозиции. Символически изображая Канта как основателя философии либерализма, а Гегеля как основателя философии социализма, Новгородцев искал между их крайностями линию социал-либерального баланса и для этого, хоть и выводил идеи из подчинения общественно-политическому контексту, подчёркивал их политические, прикладные роль и генетику. Здесь он прибегал к формуле Виппера: *«политическ я идея есть действительно бстр кция, хотя он ... продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности д нных...»* (С. 39). И резюмировал: «Иногда теоретик идёт в своих желаниях далее распространённых взглядов своего времени, иногда он только прикрывает громкими фразами свои партийные цели» (С. 67). Именно этот конфликт идей и практики в ходе реализации требований «естественного права» превращается в подобие революционной теории: «сущность естественно-правовой идеи состоит прежде всего в её критическом духе. Она знаменует собою независимый и самостоятельный суд над положительным правом. Это призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей. (...) Самый факт критики, самая идея суда над положительным порядком име-

Традиционно видя образец достижения целей политического либерализма в религиозном и институциональном опыте Британии, С. просил принять участие в сборнике только что эмигрировавшего в Англию историка-англомана П. Г. Виноградова, но тот отказался.

Осенью 1901 года С. начал организацию «идейного сборника», впоследствии получившего название «Проблемы идеализма» (издан на средства Д. Е. Жуковского под эгидой Московского психологического общества Московского университета в ноябре 1902), в котором, поручив официальное ведение дела либеральному правоведу П. И. Новгородцеву, объединил своих немногочисленных единомышленников по русскому «критическому марксизму» и «идеалистическому направлению» Б. А. Кистяковского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и своих новых политических союзников в среде либеральных философов-соловьёвцев — С. Н. Трубецкого, Е. Н. Трубецкого и др. В своей статье в сборнике С., укрывшийся за криптонимом (П. Г.), вновь сводит счёты с Н. К. Михайловским за его позитивизм, хваля его за поиск «целостного миросозерцания», понимаемого как поиск идеальных, абсолютных основ мировоззрения. Выступая с автобиографической рецензией на формально избранную им книгу о Михайловском[191], С. дал первый в таком роде очерк собственной

ют огромное значение» (С. 225). И Новгородцев вполне революционно заключает, что в таких требованиях права «обыкновенно находили себе место идеальные стремления и самостоятельные и прогрессивные начала, которые не получили доступа в положительное право и существующий строй. Иногда заявления о естественной справедливости свидетельствуют о готовящихся конфликтах государственной жизни, о тех потрясениях, через которые она должна пройти, прежде чем проникнуться новыми началами. Соответственно степени обострения этих практических конфликтов возрастают пафос и красноречие теоретических построений, переходящих порою в пропаганду революционных идей» (С. 113).

[191] *С. П. Р нский*. Социология Н. К. Михайловского. СПб., 1901.

идейной эволюции как примера и части идейной борьбы в стране («К характеристике нашего философского развития»). К такому, лишённому скромности, жанру описания истории русской общественной мысли конца XIX–XX веков сквозь призму своей биографии С. впоследствии прибегал не раз. С. здесь от имени «критических марксистов» щедро признал важной идею Михайловского о независимости «должного» от «сущего», ещё недавно служившей ему примером субъективистского произвола народников-социалистов перед лицом марксистского «объективизма», и провозгласил, что теперь «критическими марксистами» открывается «широкая область метафизического творчества» на основе онтологии и этики В. С. Соловьёва, системы Б. Н. Чичерина, панпсихизма А. А. Козлова (в сборник был приглашён его сын С. А. Аскольдов), «конкретного идеализма» С. Н. Трубецкого.

Несмотря на то, что центральную роль в его составлении сыграл именно С., сборник «Проблемы идеализма» был издан под титульной редакцией П. И. Новгородцева, а самому С. как политическому эмигранту и публичному редактору выходившего в эмиграции с лета 1902 г. и нелегально распространявшегося в России журнала-газеты «Освобождение» пришлось скрыть своё участие в сборнике под узнаваемым псевдонимом. Это не помешало С. сформировать влиятельное лобби «практической философии», заинтересованное в практическом соединении философского идеализма с политическими либерализмом и радикализмом. Философски ангажированный марксист, не разделяя заявленной, по его мнению, более всего в статьях Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Жуковского, позиции «Проблем идеализма», вполне адекватно изложил идейную суть и политические пределы перемен в лагере революционеров, вступивших в коалицию с либералами: он увидел прежнее единство авторов сборника с традиционными революционерами в «практических вопросах», которое укрепило «психологический» успех

книги в среде интеллигенции. Сборник в его изложении всего лишь установил приоритет должного над сущим и отказался от позитивизма потому, что он был признан неспособным обосновать моральный идеал революционеров, за обоснованием которого они обратились к религии и философскому идеализму[192].

В свою очередь, либеральный критик и идеалист, в главном повторяя марксистского критика, внятно определил вес и непосредственную причину названного успеха: «Эта книга обратила на себя особенное внимание русского общества; ею заинтересовались даже те, кто вообще не склонен раскрывать сочинения философского характера. (...) Объясняется это, конечно, тем, что центр тяжести этой объёмистой книги лежит не столько в достоинствах её философского содержания, сколько в тех общественных воззрениях и симпатиях, которыми проникнуты её авторы — в своём большинстве, недавние или новые гости в доме отвлечённого мышления. Не то, что говорит эта книга, а то, «о чём она думает»,[193] — вот для многих её притяга-

[192] *Н. Рожков.* Значение и судьбы новейшего идеализма в России (По поводу книги «Проблемы идеализма») // Вопросы философии и психологии. Март—апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 315–316, 318–319. Эпоху спустя известный советский большевик и марксист чутко обнаружил доминирующую социалистическую, социал-демократическую тенденцию в этой эволюции С. и его круга, помещая её в контекст германской социал-демократии: «В настоящее время вся социал-демократия окрашена в один ревизионистский цвет (...) идеологи социал-демократии, освободившись от марксистского «груза», заняты не более и не менее, как созданием новой *соци листической религии.* (...) Подобно русским Булгаковым, Струве и Булгаковым, идеологи немецкой социал-демократии разочаровались в науке и находят единственное спасение уже не в этике, а просто в религии» (*А. М. Деборин.* Последнее слово ревизионизма [1924] // А. М. Деборин. Философия и марксизм. Изд. 3. М., 2011. С. 71).

[193] В своей авторецензии на сборник в журнале «Освобождение», названной «О чем думает одна книга?», С. написал: ««Проблемы идеализма» знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, нача-

тельная сила. Если бы «Проблемы идеализма» написали исключительно философы-специалисты, мирные деятели учёных кабинетов, то они, бесспорно, не вызвали бы такого шума и страстей. Но самые имена писателей, которые до сих пор известны были своей работой в иных областях теории и практики и которые чаще всего примыкали к действенному марксизму, — самые эти имена сосредоточили вокруг себя новый и обширный контингент читателей. (...) «Проблемы идеализма» хорошо показывают, что служение передовым гражданским идеалам и спиритуалистическое мировоззрение вполне совместимы. Но кто знаком с историей философии, тот в этом никогда и не сомневался»[194].

Редакция издаваемого Московским психологическим обществом журнала «Вопросы философии и психологии» в это время широко открыла свои страницы для представителей «идеалистического направления», главой которого в России, в отсутствие С., стал Булгаков, — для самого Булгакова, Франка, Бердяева, близкого к ним Котляревского, который в те дни ярко заявил о себе диссертациями о католическом социализме и религиозном факторе национального освобождения. Вплоть до издания журнала «Вопросы Жизни» в 1905 году (и осенних месяцев журнала «Новый Путь» 1904 года) этот журнал стал фактически философским органом направления, что было замечено не только критиками, но и радикальной аудиторией[195].

ло которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Соловьёв. Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения» (Цит. по: *М. А. Колеров.* Не мир, но меч: русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996. С. 48).

[194] *Ю. Айхенв льд.* [Рец.:] Проблемы идеализма. Сборник статей под редакцией П. И. Новгородцева // Вопросы философии и психологии. Март — апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 333, 356.

[195] И наблюдали это ещё с первого эпизода сотрудничества — с полемики С. и Булгакова в 1896–1897 гг.: «Когда в недрах марксизма зародилось

Кроме того, в одном номере с текстами Булгакова, Новгородцева, Аскольдова, Е. Н. Трубецкого немедленно по выходе в свет «Проблем идеализма», не опасаясь эмигрантского статуса С. и демонстрируя солидарность с его новым политическим идеализмом, «Вопросы философии и психологии» опубликовали неумеренно апологетическую рецензию другого соавтора С. по «Проблемам идеализма» С. Л. Франка на сборник С. марксистского и «критического» периодов «На разные темы» (1902), прямо называя автора по имени. Франк с наибольшей точностью выразил, очевидно, оригинальный пафос и основные тезисы авторского мифа С. о своём призвании и задачах развиваемой им русской политической мысли, воспринятые рецензентом «из первых рук». Франк тем активней форсировал свой апологетический тон, что честно признавал факт невнимания общества и печати[196], с которым была встречена эта книга. «Весьма крупную величину» 33-летнего С. в русской современности Франк первым из биографов С. увидел (и превратил эту формулу в банальную) в соединении в проповеди С. «науки и публицистики, теории и практики, отвлечённой и прикладной мысли», которое оказывалось ответом на давнюю проблему, поставленную

течение, нашедшее потом своё выражение в лозунге «назад к Канту», П. Б. Струве и некоторые другие видные тогда марксисты, перенесшие свои изыскания на философскую почву, начали печатать свои статьи в журнале, выходившем под редакцией С. Н. Трубецкого. Известный дотоле только специалистам, журнал появился в более широких кругах читающей публики. Преклонявшиеся в ту пору перед г. Струве, русские ученики Маркса готовы были, казалось, с головой уйти в увлекшую его «гносеологию». Но это продолжалось очень недолго. Область была слишком специальна и экскурсии в неё для непосвящённых были слишком утомительны» (*А. В. Пешехонов*. Накануне [Сборник статей из журнала «Русское Богатство», 1904–1905]. СПб., 1906. С. 156. («Памяти парламентёра», октябрь 1905)).

[196] Объявления о продаже нераспроданной книги С. «На разные темы» журнал С. «Полярная Звезда» всё ещё публиковал даже весной 1906 года.

«субъективным методом» Михайловского так, как её акцентировал сам С. (а позже довёл до хрестоматийного звучания Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» в сборнике «Вехи»). В творчестве С. этот ответ Франк обнаружил в том, что его «искание *пр ктической* правды — правды социально-политической, этической и отчасти даже (в последнее время) религиозной... [при том что у других деятелей] жажда “правды-справедливости” (термин г. Михайловского), потребность найти нравственно удовлетворяющие ответы на “проклятые вопросы”... редко уживается мирно и гармонически с влечением к “правде-истине”» — и достигнутое С. соединение морали, политики и науки[197]. Пример такого соединения апологет увидел в «Критических заметках» С., где «вывод о неизбежной европеизации русской экономической жизни» опирался одновременно на экономический анализ и теорию познания.

Примечательно, что «критический» сборник С. приветствовал и его политический оппонент, марксист-бернштейнианец С. Н. Прокопович в марксистском журнале «Образование». Он писал, также прямо приветствуя эмигранта: «Сборник статей П. Б. Струве представляет собою самое крупное литературное явление за этот год. Струве по праву занимал и занимает первое место среди молодого поколения писателей, вступивших в литературу в середине 90-х годов. Его кругозор гораздо шире поля зрения его соратников по перу; он уважает и ценит теоретическую мысль и литературу вообще и имеет смелость додумывать свои мысли до конца...» Прокопович точно вычленил в це-

[197] *С. Фр нк.* [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902 // Вопросы философии и психологии: Книга 66 (1). Январь — февраль 1903. М., 1903. С. 96–97 (с неточным названием переиздано в: *С. Л. Фр нк.* Русское мировоззрение / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1996. С. 481–486). С. Прокопович [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.) Сборник статей. СПб., 1902 // Образование. СПб., 1902. № 10. III о. С. 80–82, 84.

лом томе написанных по случаю статей С. его новую программу: в апелляции «назад к Лассалю и Фихте» — развитие мысли Фихте о том, что «конечная цель» — «устроить всеобщую жизнь и ввести человеческий порядок вещей»; в признании о новой основе своей этики: «Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую (...) я выбираю эти идеалы потому, что они выражают то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы». Обоснованно привлекая к анализу не вошедшее в сборник обширное предисловие С. к книге его протеже Н. А. Бердяева о Михайловском, Прокопович вычленяет из него формулу нового, этического и идеалистического социализма: «Социальный идеал должен быть подчинён идеалу этическому, социальная политика должна быть подчинена этическому началу (...) Мораль свободно выполняемого долга, состоящего в осуществлении абсолютного блага, есть единственная мораль, способная создать нового человека и новое общество...». Далее, защищая Бернштейна от «сектантских» претензий С. к нему как к «филистеру» и осуждения им экономических интересов пролетариата как буржуазных и их обслуживание ревизионистами, критик, однако, поддерживает С. в том, что его внеклассовая этика смыкает социализм с либерализмом: «Идею либерализма Струве вполне основательно видит в защите естественных прав человека, а не классовых интересов буржуазии»[198].

«Проблемы идеализма» — как действие по сути коалиционное, объединившее недавних марксистов, а ныне — радикальных социалистов, с политическими либералами и политическими философами-наследниками В. С. Соловьёва и сторонниками «возрождения естественного права» — заметно отодвинули в тень самоорганизацию круга С., который в сентябре 1901 г. успел высту-

[198] Там же. С. 85.

пить с менее громким, но вполне громким манифестом, скандально посвящённым фигуре несомненного лидера радикальной оппозиции Н. К. Михайловского в дни широкого празднования 40-летия его общественной деятельности[199], — книгой Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» и большим предисловием к ней С. (С. обнаружил в ссыльном марксисте Бердяеве близкие настроения и помог ему дебютировать в печати с проповедью соединения социал-демократии с философским идеализмом) В своём предисловии (написано ещё в сентябре—октябре 1900) С. прямо провозгласил от имени своих единомышленников, что книга Бердяева, имеющая своей целью «внести идеалистическую струю в марксизм», —

> «знаменует собой в нашем направлении умственную жизнь и критическое движение, противополагающиеся духовной смерти и догматическому застою (...) В предлагаемой книге то практическое направление, появление которого в России относится к 90-м годам, составляя самый крупный факт в умственно-общественной жизни этого десятилетия, совершенно открыто и решительно делает поворот к философскому идеализму и вступает, таким образом, в союз с духовными силами, которые до сих пор лишь по историческому недоразумению считались ему враждебными (...) Исторически — мировоззрение Маркса вызрело из оппозиции всякой идеалистической философии, в частности и гегелевскому логизму. С идеалистической философией у марксизма общё лишь стремление к широкому синтетическому построению мирового целого, т. е. обща лишь голая форма целостного миросозерцания. И то эта формальная связь сознательно устанавливается лишь во второй период литературной деятельности Маркса, когда его материализм

199 Сорокалетие деятельности Н. К. Михайловского отмечалось 16—17 октября 1900.

> становится диалектическим, когда происходит синтез материалистической метафизики и диалектической логики. Важный шаг в деле критической перестройки марксизма на основе идеалистической философии делает книга Бердяева. Его критика, обращённая против г. Михайловского, направляется против ограниченности всякого позитивизма вообще... если отбросить скудную диалектику и ещё более скудный материализм, то и ортодоксальная форма марксизма представится нам в образе позитивизма»[200].

Развивая свою личную критику Михайловского, но уже расставшись с классовым марксизмом, но вновь присягая «бесподобному научному зданию» Маркса в области социальной философии, С. снова возвращается к проблеме сущего и должного — и здесь вынужден солидаризоваться с прежним и нынешним оппонентом против себя самого, прежнего марксиста середины 1890-х гг:

> «Как классовая точка зрения не есть критерий истины, так интересы класса не суть критерий должного. Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую, или благоприятна ему; наоборот, я потому стал на точку зрения этого класса, что в ней я нашёл истину. Я признаю такие-то идеалы ценными не потому, что они идеалы данного (моего) класса; наоборот, я выбираю эти идеалы потому, что выражают то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы, они — безусловно автономны. С точки зрения этих законов я исследую конкретную действительность и оцениваю её. Истина и идеал не заимствуют своего достоинства от классовой

[200] *Пётр Струве*. Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901]. С. 8, 5, 10.

точки зрения, а сообщают ей это достоинство. Такова точка зрения философского идеализма. Принципиально, это — внеклассовая, общечеловеческая точка зрения, и было бы нечестно и смешно утаивать это. Г. Михайловский всегда совершенно правильно отстаивал самозаконность этической совести, о которой столь часто забывают ортодоксальные марксисты...»[201]

Уже в этом тексте, стоящем на границе «критического направления в марксизме» и «идеализма», С. настойчиво закладывал основу для включения в свою будущую программу освободительной коалиции и «естественное право», видя в нём юридическую и философскую основу для борьбы за полное политическое освобождение, главным смыслом которого было бы не просто ограничение самодержавия, а признание полных прав личности независимо от форм ограничения монархии:

«Отказ от “естественного права” представляется нам не только социологической или исторической ошибкой. Этот отказ для нас есть моральная невозможность. С той этической точки зрения, на которой мы стояли и стоим всегда, «естественное право» не может быть уступлено ни за чьё и ни за какое “счастье”»[202].

За два месяца до выхода в свет московского сборника «Проблемы идеализма», 22 сентября 1902, главный пропагандист «возрождения естественного права» Новгородцев, как лицо будущего идейного события и представитель московской университетской либеральной школы права, выступил в Санкт-Петербургском университете с речью «О задачах современной философии права», в которой впервые заявил о сложившемся направлении в философии

[201] Там же. С. 24–26.
[202] Там же. С. 78.

права и политике, не останавливая внимания на различиях их составных частей, либеральном праве и социалистической практике[203]:

> «Мне приятно думать, что в настоящее время то идеалистическое направление философии права, к которому я принадлежу, не представляет исключительного достояния какого-либо учёного, но объединяет под общим знаменем целый ряд представителей нового поколения юристов и публицистов»[204].

Новгородцев, довольно холодно заметив о марксистском прошлом своих новых единомышленников («мы уже пережили эпоху крайних увлечений историческим принципом и социологической методой»), вновь (как и в своей диссертации о Гегеле и Канте) вывел за пределы анализа происхождение «идеальных начал» естественного права, подтверждая «необходимость понять и обосновать нравственную проблему, как самостоятельную и независимую от всяких исторических и социологических предпосылок. Это стремление находило для себя, прежде всего, опору в самом факте нравственного сознания, которое возвышает свой голос над несовершенной действительностью, как бы ни казалась она необходимой для теоретических размышлений»[205].

Радикальная апелляция к независимости нравственного сознания, столь близкая С. того времени, однако, в строе

[203] Санкт-Петербург был «идейной территорией» многолетнего оппонента «естественного права» Новгородцева — Л. И. Петражицкого. О длительной полемике между ними по этому и близким вопросам см.: *Е. В. Тимошин* . Идея справедливости в дискурсе петербургской школы философии права // Исследования по истории русской мысли [10]. Ежегодник за 2010–2011 год. М., 2014.

[204] *П. И. Новгородцев*. О задачах современной философии права [1902] // П. И. Новгородцев. Сочинения / Сост. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М., 1995. С. 300.

[205] Там же. С. 301, 304–305.

рассуждений Новгородцева уже имела перед собой готовый горизонт социал-либеральной доктрины, которую С. ещё только предстояло достроить, основываясь на своём социалистическом опыте. Новгородцев говорил:

> «То, что мы вносим, то, что мы предлагаем, существует не со вчерашнего дня. Это не туманная социальная динамика, относительно которой ещё не известно, есть ли она или нет; это — вечные основы морального сознания, принципы равенства и свободы, справедливости и любви»[206].

То есть Новгородцев в это время уже имел ясный образ должного там, где С., как ни странно, не мог (и, думаю, так и не смог никогда) предъявить того главного, что, собственно, и требовалось от человека с марксистским опытом и социалиста, — внятного пафоса социальной справедливости.

Возглавив и отчасти породив русский марксизм как течение, С., по оценке Франка, встал к нему же в оппозицию, породив течение «критического марксизма», которое (видимо, к моменту составления «Проблем идеализма») начало строить «самостоятельную общественно-философскую программу». «Новый строй идей» С., который он поторопился изобразить в качестве итоговых фрагментов своего марксистского сборника статей за 1893–1901 гг., явно со слов самого С., Франк находил в статьях «Право и права» (1901) и «В чём же истинный национализм?», в которых материалистически-классовое обоснование политической (социалистической и либеральной) программы заменялось «философско-этическими» моральными правами и абсолютной ценностью личности. И главное, что, согласно апологии, объединяло прежний марксизм С. (где свобода личности была подчинена и реализована в следовании научной закономерности) с его «новым строем идей» (где свобода личности ставилась выше материального

[206] Там же. С. 305–306.

вообще), — это «последовательное и решительное западничество» и «идея *культуры* и *культурного р звития*»[207]. Здесь же Франк высказал надежду, что, как и прежде, идеи С. окажут «сильное воздействие на общественное мнение» и «увлекут за собой». Но на практике оказалось, что новое обоснование социального идеала на принципах свободы личности и приоритета культуры пришлось повторить ряд лет спустя, уже в иную эпоху, убеждаясь, что политическая практика перекрывает перспективы свободного творчества. Франк в своей апологии посетовал на отсутствие в сводном сборнике С. его преимущественно научных трудов: предисловия к книге Бердяева о Михайловском, немецкой статьи «Учение Маркса о социальном развитии», работ о крепостном хозяйстве, немецкого же критического отклика на ревизионистскую программу Э. Бернштейна.

В начале 1901 г. в либеральной газете «Право» С. выступил с по необходимости кратким манифестом о том новом образе общественно-политической борьбы, ради которого он разрывал свои партийные связи с классовым марксизмом и вступал в коалицию с земскими, традиционно вполне умеренными либералами. Здесь он, укрывшись за стилистически узнаваемый криптоним, опубликовал статью «Право и права». Находя политическое вдохновение в образце британского парламентаризма и фигуре русского англомана историка П. Г. Виноградова, образ национального возрождения и социалистической политики С. находил в германской практике[208]. Именно вновь апеллируя к ценностям «естественного права», национального освобо-

[207] *С. Фр нк*. [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). С. 99–102.

[208] В историческом понятии «Германия» в дореволюционной России традиционно соединялись объединённая Пруссией Германия и её предшественники — и Австрия внутри Австро-Венгрии. Яркий пример этого см. в очерке из представительной серии: *А. К. Дживелегов*. История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб., 1908 (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / Под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

ждения[209], С. предлагал традиционному либерализму преодолеть партийные рамки[210] своей борьбы за историческое обусловленное право. Он писал: «правовой порядок ценен не только потому, что он выражает собой господство объективного и бесстрастного права, а и потому, что, благодаря господству этого... права, обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности». Полноту прав человека он соединял с исторической традицией русской «национально терпимой и сильной национальности», но, ожидая «усложнения национальной жизни»,[211] — одновременно отвергал

[209] В течение середины XIX в., на глазах поколения родителей С. прошло успешное превращение Германии и Италии в национальные государства. Даже такой вполне холодный в отношении пафоса национального возрождения и прямо враждебный к русскому национализму и особенно враждебный к славянской национально-освободительной борьбе в её сербском примере, как Милюков, разделял общее для русской оппозиции восхищение прежними образцами национального возрождения в Европе, также сопряжёнными с государственным объединением, но — в отличие от сербского — поддержанного именно революционной, а не официальной Россией. Он вспоминал: «Я переживал душой итальянское risorgimento и триумф национального принципа в годы объединения Италии» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 432).

[210] В газетной версии статьи С. обращался к «каждой здравомыслящей политической партии» (Стлб. 89), а при переиздании её в своём сборнике «На разные темы» уже заменил надпартийный образ «всех здравомыслящих людей» (С. 522).

[211] «Усложнение жизни» («усложнение национальной культуры») — одно из центральных общественно-политических понятий С. 1890–1900-х гг., позволявших ему соблюсти цензурные требования «эзопова языка» и одновременно выразить некоторую доктрину («удачное понятие, — говорил С. позже, — in nuce содержит в себе целую научную теорию»). Понятие «усложнения», связанное с интенсивной русской идейной традицией «сложности» (начиная с М. Погодина («Дела становятся час от часу мудрёнее, отношения сложнее; а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами»), опираясь на «сложность» зрелости и демократии у К. Н. Леонтьева («Византинизм и Славянство»), имея в виду и то, что писал в своём «Московском сборнике» К. П. Победоносцев (1896) («как усложняются формы быта общественного» и др.), С. впервые применил в описании и развитии

и славянофильское отрицание самоценности прав личности, и позитивистскую успокоенность на достижении набора формальных прав, ставя задачу масштабного социалистического и либерального синтеза в понятии *достойной жизни (и лица, и нации), намеченного* В. С. Соловьёвым[212] и впоследствии развитого в дни Революции 1905 г. именно в журнале С. П. И. Новгородцевым и И. А. Покров-

---

экономической жизни капитализирующейся и индустриализирующейся России в «Критических заметках» и затем в журнале «Новое Слово» (*П. Б.* Текущие вопросы внутренней жизни // Новое Слово. СПб., 1897. №6. II о. С. 157). Одним из манифестов С. для перехода от «критического марксизма» к «идеализму» стал его специальный комментарий к понятию «усложнение жизни» («Северный Курьер», 1899). И позже С. сохранял верность этому понятию. В дебютной статье С. как редактора «Освобождения» говорилось: «Усложняющаяся жизнь великого народа требует широких политических форм, свободы и простора для личной и общественной самодеятельности» (*П. Струве.* От редактора // Освобождение. 1902. №1. 18 июня). Постфактум, после революции 1905 года, отметившей крах усилий самодержавия избежать политических перемен, С. вернулся к этой формуле и в своей статье в сборнике «Вехи»: «Крушение этой политики было неизбежно, и в связи с усложнением общественной жизни и с войной оно совершилось очень быстро». См. также: «Эра Витте [дала] усложнение экономической жизни» (Patriotica. С. 212. «Чрезмерность полиции и к чему она приведёт?», 1908).

212 Развивая «право на прожиточный минимум / существование» Г. Еллинека в «минимум Добра» В. С. Соловьёв (см.: *Е. А. Прибытков* . Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьёва. М., 2011. Глава III) предопределил внесение русскими «возродителями естественного права» этой новации «право на достойное существование» (см.: Там же. Глава IV. §2) в фундамент *современного, соци лизиров нного либер лизм* и затем — в основу современного цивилизованного права. См. также специально об этом: *Е. А. Прибытков* . В поисках «этического минимума»: Г. Еллинек, Э. ф. Гартман, Вл. Соколов // Исследования по истории русской мысли [8]. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009. К исследованию Е. А. Прибытковой следует добавить и толкование «права на достойное существование» социалистом С. И. Гессеном: *С. И. Гессен.* Правовое государство и социализм [1924–1925] // С. И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 187–189.

ским[213] и сподвижником С. по «критическому марксизму» Б. А. Кистяковским: «Никакая техника и никакой объективный правопорядок не достаточны для великой развивающейся и усложняющейся национальной культуры современной России. (...) Кто мнит *з д чу достойной*[214] *н циональной жизни* разрешить путём усвоения промышленной техники (...) тот питает мечту, которая была бы пагубной и грозила поставить нашу родину... спиной к Европе, если бы она не была совершенно утопической»[215]. Этот новый манифест С. встретил идейную поддержку в либеральной среде. Постфактум С. кратко определил эту свою социал-либеральную программу как революционную борьбу во имя права, а себя отнёс к числу «*идейных и пр ктических революционеров* во имя начал права, понимаемого в двуеди-

[213] *П. И. Новгородцев*. Два этюда. 1. Перед завесой. 2. Право на достойное человеческое существование // Полярная Звезда. СПб., 1905. № 3; *И. Покровский*. Право на существование // Свобода и Культура. СПб., 1906. № 4. Переизд.: *П. И. Новгородцев, И. А. Покровский*. О праве на существование. М., 1911. См. также: «Человек борется не просто за своё существование, а за достойное существование» (*С. Н. Булг ков*. Очерки по истории экономических учений. I. (1913)). См. формулировки Новгородцева со ссылкой на детализацию этого права в «Оправдании добра» В. С. Соловьёва: «Среди тех прав, которые помещаются обыкновенно в современных декларациях, нет одного, которое по всем данным должно бы найти место в символе веры современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование. А между тем, если есть какая-либо яркая и отличительная черта нового воззрения, которое всё более даёт себя знать в различных общественных заявлениях, так это именно — признание за указанным правом не нравственного только, но и юридического значения. (...) Речь идёт в данном случае, очевидно, о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнёта таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно (*П. И. Новгородцев*. Право на достойное человеческое существование [1905] // П. И. Новгородцев. Сочинения. С. 321–322).

[214] В газетной публикации ошибочно «достойную». Исправлено по переизданию в сборнике «На разные темы».

[215] *П. И*. Право и права // Право. СПб., 1901. № 2. 7 января. Стлб. 88–91.

ном смысле «Прав» (т.е. неприкосновенных прав личности) и «права» (т.е. возможной допустимости только правового преобразования правовых норм). Лежащие в основе этих *положений мысли* я (...) сформулировал в статье «Право и права», которая появилась в 1901 г. (...) и тогда же ветераном русской либеральной публицистики и большим юристом К. К. Арсеньевым была признана целой программой. (...) В эту эпоху я был ещё социалистом, но в своей духовной жизни и в своей политической деятельности я и тогда был уже движим прежде всего и более всего любовью к свободе и правовому государству. С тех пор возникла не теория, а практически огромная и роковая проблема соотношения между свободой и социализмом. Эту проблему поставил русский опыт»[216]. Несмотря на острые идейные и личные разногласия с политически близкими ему ортодоксальными марксистами А. Н. Потресовым, Г. В. Плехановым, В. И. Лениным, удивительно откровенно и эмоционально описанные последним по итогам переговоров с С. и Туган-Барановским об организации газеты «Искра» в декабре 1901, социал-демократическая партийность С. в целом не подвергалась сомнению даже его критиками: даже в ходе II съезда РСДРП в августе 1903 г. Ленин выражал надежду, что «Струве сорганизуется и войдет в партию»[217].

Перспективы творчества были принесены С. в жертву политической борьбе. Проведя лето 1901 в Твери и Тверской губернии, С. вступил в соглашение с земскими либералами, которые предложили ему организовать и возглавить в эмиграции аналог знаменитых изданий А. И. Герцена — финансируемую ими вместе с Д. Е. Жу-

[216] *П. Б. Струве*. О непримиримости (10 ноября 1935) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 813.

[217] *В. И. Ленин*. Заметки о прениях по §1 устава // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 7. С. 430. Об этом см.: *В. Измозик, Б. Ст р-ков, Б. П влов, С. Рудник*. Подлинная история РСДРП — РКП(б) — ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 71.

ковским двухнедельную газету «Освобождение» (Штуттгарт—Париж, 1902–1905). Поначалу кандидатом на руководство изданием выступал П. Н. Милюков, не имевший значимого редакторского опыта, но, не желая повторить «судьбу Герцена»[218], то есть обречь себя на, возможно, пожизненную эмиграцию, отказался, порекомендовав вместо себя С. Выехав за границу для организации издания, С. совершил вояж по европейским общественно-политическим столицам, где заручился поддержкой изданию со стороны практически всех ведущих социалистов, и решил начать издание в Штуттгарте, где издавался теоретический орган СДПГ «Neue Zeit», в партийном издательстве СДПГ. «Освобождение» стало большим и тиражным предприятием, которое точно так же, как «Искра», создало вокруг своей корреспондентской и читательской инфраструктуры прообраз социал-либеральной партии — «Союз Освобождения» (1904), в России превратившейся в конституционно-демократическую Партию народной свободы (1905). В приложении к газете, получившей в России,

[218] *П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 141.
Его выступление здесь библиографически давно известно, но до сих пор не привлекло внимания ни издателей наследия, ни биографов М. О. Гершензона: Письмо с берегов Женевского озера N. N. и ответ на него редактора «Освобождения» // Освобождение. Кн. I. Stuttgart, 1903. Об этом с указанием на признание авторства см.: *К. Ф. Ш цилло*. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 1985. При этом важно, что интенсивная литературная литературная связь Гершензона с московскими университетскими либералами П. И. Новгородцевым, Л. М. Лопатиным, С. Н. Трубецким, В. И. Вернадским, П. Г. Виноградовым (его секретарём в 1890-е был Гершензон), С. А. Котляревским (см. обширные литературные и театральные обозрения Гершензона в их журнале «Научное Слово», 1903–1905), по-видимому, оказалась для С. более весомой, чем более давняя его марксистская связь с Булгаковым (см.: *М. А. Колеров*. Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999).

несмотря на нелегальность, чрезвычайно широкое распространение, издавались оперативные «Листки Освобождения» и сборники «Книжки Освобождения», в которых, в частности, в развитие коалиции социалистов и либералов внутри «Проблем идеализма», в качестве политического мыслителя анонимно дебютировал яркий представитель круга московских университетских либеральных интеллектуалов и друг С. Н. Булгакова М. О. Гершензон, вступив в полемику со С. в защиту приоритета морального переворота от его проповеди политической революционности и создав тем самым идейную основу для будущего сотрудничества с ним в деле организации сборника «Вехи». Ближайшими редакционными сотрудниками С. в журнале стали А. А. Корнилов и С. Л. Франк. Благодаря «Освобождению», по свидетельству современницы, близко стоявшей к доставке и распространению издания в России, «кружковая известность [С.] в марксистских кругах превратилась в широкую общерусскую известность»[219].

Свою ключевую роль в формировании программы либеральной партии в это время С. использовал для внесения в среду умеренного земского либерализма социалистических требований по разрешению аграрного и рабочего вопросов[220]. Но три года напряжённого политического журнализма бесследно прошли для идейного творчества С. После «кровавого воскресения» 9 января 1905 года (его С. отметил никогда им не переиздававшейся статьёй «Палач народа»[221])

[219] *А. Тырков -Вильямс.* На путях к свободе [1952] // А.Тыркова-Вильямс. Воспоминания. То, чего больше не будет. М, 1998. С. 268.

[220] *П. Н. Милюков.* Воспоминания. С. 166.

[221] Вот её текст полностью: «Народ шёл к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем. Всё равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу, — после событий 22 / 9 января 1905 г. царь Николай стал от-

растущий революционный процесс и явочное облегчение цензуры в России не дали эмигрантской газете успевать за событиями и конкурировать с легальной прессой внутри России.

Продолжая начатую в редакции «Освобождения» и в «Союзе Освобождения» борьбу за внесение социал-демократических программных требований в области рабочего вопроса, социалистических установок в области вопроса аграрного, после образования кадетской партии, членом ЦК которой он стал в 1906 году, С. не оставил этих усилий, с согласия партии став её главным экспертом и стратегом в рабочем и аграрном вопросах[222]. Здесь С. предлагал начать партийную пропаганду либеральной программы в среде крестьян и рабочих, сотрудничая с социалистами, лобби-

крыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нём не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах — и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас. Она душит нас спазмами, она владеет нами, она ведёт и приведёт нас туда, куда мы должны идти и прийти. Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжёт душу и неотвязным призывом гвоздит мозг. Против ужасных злодеяний, совершённых по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая, человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть покарано и что корень его должен быть истреблён. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть закончена. Ни о чём другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободой мы отомстим» (*П. С.* Палач народа // Освобождение. № 64. Париж, 25 января (12 января) 1905. С. 233: (Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 326–327).

[222] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.. В 6 т. / Т. 1. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов. М., 1994. С. 47–48, 114, 140, 147–148, 169, 176, 178.

ровал проведение по спискам партии в Государственную думу рабочих и крестьян[223].

В контексте усилий С. в части рабочего вопроса остаётся без исследования замалчиваемая всеми без исключения участниками, свидетелями и мемуаристами деятельность С. во главе ежедневной петербургской газеты «Рабочее Слово» (выходила в свет с 31 марта по 16 мая 1906), центром идеологического вещания которой стал «великий и всеобщий идеал социализма», реализуемый в эволюционной борьбе пролетариата на основе профсоюзного движения. Ему удалось привлечь к (объявленному) сотрудничеству в газете таких опытных и признанных социалистических и политико-экономических авторов (В. С. Голубев, Л. Я. Гуревич, В. Э. Ден, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, В. В. Хижняков, М. И. Фридман, Г. Н. Штильман, А. А. Яблоновский), что само это исключало «притворный» характер издания, что, кстати, подтверждало и карательное внимание цензуры, конфисковавшей воскресные номера газеты: № 7 от 9 апреля и № 13 от 16 апреля. Надеюсь, в ближайшее время общий характер этого предприятия С. будет исследован.

Вплоть до весны 1908 года, когда политическая активность С. в рамках партии иссякла (и практически прекратилась с осени 1909, когда партийное большинство выступило против сборника «Вехи»), С. возглавлял партийную «рабочую комиссию» и был единственным лоббистом темы социальной политики в партии по германскому образцу. В это время, когда русская социал-демократия переживала период «ликвидаторства» нелегальной партийной инфраструктуры, С., не возвращаясь на классовые позиции, тем не менее публично выступал за необходимость и возможность в России «классовой рабочей партии» — «социал-демократической партии в западном

[223] *В. В. Шелохаев.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 52, 157–159.

смысле»[224] (которая, как и преследуемая в 1870–1880-х гг. СДПГ, не обходилась без нелегальной работы).

Кроме того, наряду с П. Н. Милюковым, С. был главным инициатором обсуждения и создания партийной платформы в области внешней политики[225], которая отныне стала предметом его творчества одновременно с созданием по британскому имперскому образцу доктрины «Великой России» как внешнего могущества и национальных интересов, независимых от вопросов внутренней политики и партийных пристрастий, символизированных будь то в парламентской Англии или монархической Германии, как развивал эту мысль С. А. Котляревский[226] в одном из томов составленных С. и изданных В. П. Рябушинским сборников «Великая Россия». При этом в практических вопросах, в тени империалистической риторики в печати, во внутрипартийных дискуссиях, С. демонстрировал приверженность традиционным для оппозиции принципам пацифизма. Например, 1 марта 1909 года, в связи с присоединением Боснии к Австро-Венгрии, он предупреждал ЦК своей партии: «будь у нас правильная, основанная на действительных интересах народа политика, мы не имели бы никаких поводов к войне с кем бы то ни было. (...) А случись война, побиение России было бы грандиозное и невиданное в мире»[227].

Скрыто полемизируя с «Очерками философии культуры» С. и Франка, марксист и диалектический материалист А. М. Деборин в теоретическом органе СДПГ «Neue Zeit» выступил с очерком, в котором чутко уловил идейное от-

224 Patriotica. С. 431. «На разные темы» (1908).

225 Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. С. 79, 133.

226 *С. А. Котляревский*. Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сб. статей по военным и общественным вопросам. М., [1911]. С. 57.

227 Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. С. 343.

личие их проповеди «культуры» как цивилизации от революционных инспираций того времени: «Революция и культура! Эти понятия представляются современным буржуазным идеологам диаметрально противоположными (...) по их мнению, революция стремится к уничтожению «культуры», а «культура» требует сохранения существующего строя»[228].

В своём идейном развитии С., несмотря на попытки найти широкую философскую основу для «освободительного движения» против самодержавия, казалось, демонстративно предпочёл самоценность своих теоретических решений и быстро утратил социального адресата своей проповеди, рискуя быстро политически маргинализироваться в своём индивидуализме. Это вынуждало его искать новую, внеклассовую социальную опору в обществе, тщетно апеллируя к концепту «культуры» как системы преемственного цивилизованного развития. И лишь почти полное отсутствие в рядах русских либералов специалистов по рабочему вопросу (наиболее опытные эксперты по этому вопросу, работавшие в «Союзе Освобождения», внепартийные социал-демократы Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович не вступили в кадетскую партию, сочтя её, подобно Н. А. Бердяеву, слишком «буржуазной») заставляло С. сохранять рабочий вопрос в своей повестке дня (во многом как образ и практика СДПГ, перед которыми С. благоговел, даже став правым либералом), что, впрочем, почти не отражалось на его актуальном идейном творчестве.

Став одним из ключевых организаторов широкой нелегальной антисамодержавной коалиции либералов и социалистов в основанном при помощи газеты «Союзе Освобождения» (1904–1905), в момент легализации оппозиции в России после 17 октября 1905 года в виде конституционно-демократической партии С. вместе с П. Н. Милюко-

[228] *А. М. Деборин*. Революция и культура [1907] // А. М. Деборин. Философия и марксизм. Изд. 3. М., 2011. С. 1.

вым пытался организовать партийную печать, действовал по её избирательному списку в составе II Государственной думы (1907), но уже с 1908 года отошёл от активного участия в делах партии. Мемуаристка свидетельствовала: «Он всё проверял, переворачивал, перекапывал. Начав с марксизма и материализма, он через радикализм и идеализм дошёл до православия и монархизма. Немало образованных людей нашего с ним поколения прошли через этот путь. Но Струве шёл впереди. Он первый находил оправдание, объяснение, выражение для ещё не оформленных изменений в общественных настроениях... Это привлекало к нему как к мыслителю, как к публицисту, но мешало ему стать влиятельным политиком», «именно своеобразный дар умственной неугомонности и политической дальнозоркости мешал Струве стал руководящим политиком»[229].

4) 1905–1908: культура и партийный социал-либерализм

В 1905 году, ещё до возвращения из эмиграции, С. вместе со своим ближайшим сотрудником С. Л. Франком начал готовить к изданию общий труд «Культура и свобода», в котором, по свидетельству Франка, «должны были быть выражены основные общественно-философские идеи, к которым мы совместно пришли в то время (мы формулировали тогда нашу веру так, что определяющим началом её было несколько неопределённое понятие «духовной культуры», во всем многообразии её содержания)»[230]. Плодом

[229] *А. Тырков -Вильямс*. На путях к свободе. С. 350, 468.

[230] *С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 45. Переиздание с исправлением названия мемуаров в соответствии с авторской волей: *С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // Семён Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова и Ю. П. Сенокосова. М., 2001.

совместных усилий стали лишь общие для авторов «Очерки философии культуры» и статья С. «Индивидуализм и социализм», которые призваны были выстроить систему *«гум нистического индивиду лизм »*[231]. При этом С. попытался выстроить прямую связь политического социализма с дисциплинарным философским идеализмом. Он писал в своей статье для этой книги: «[Социализм] колеблется в истории между двумя идейными полюсами. В одном социализме идейною сущностью является подчинение личности целому: личность есть средство, общество — цель, или иначе, личность есть орган, общество же организм. В другой концепции социализма целью и венцом является личность, общество же есть лишь средство или орудие осуществления целей личности. Первый тип есть *соци лизм* принципиальный, *философский*. Это социализм Платона, Фихте, Адама Мюллера, Родбертуса»[232].

Сверка с неполной авторизованной рукописью, хранящейся в фонде Струве в РГАСПИ (Ф. 279), даёт представления о планах дальнейшей работы соавторов и причинах её остановки:

> Во втором параграфе главы «Что такое культура?» (фрагмент «Порвав внутренне с наивной верой...») в первой редакции было написано (в квадратных скобках восстанавливается опущенный авторами при публикации текст): «Порвав внутренне с наивной верой *[в р зные вещи (во что мы не можем в н стоящее время верить, об этом ещё не р з будет речь ниже)]*, на чём же утвердит свое духовно-общественное бытие современный человек?». Кроме того, в отличие от опубликованного, окончание текста выглядело следующим образом: «Принцип личности и принцип культуры (...) сплетаются в цельное и внутренне-согласованное культурно-философское миросозерцание, которое

231 Реконструкцию проекта см.: *П. Б. Струве*. Избранные сочинения. М., 1999. С. 127–160.
232 Patriotica. С. 571. «Индивидуализм и социализм», 1906.

> можно назвать ***гуманистическим индивидуализмом***. *[Н м предстоит теперь р звить это миросозерц ние в его философских, мор льных и политических р зветвлениях и пок з ть, к кие точки зрения оно д ёт для решения отдельных культурных и общественных проблем, волнующих современность]»*[233].

Видно, что авторы всё ещё продолжали исходить из уже давнего для 1905 года собственного отказа (1898–1902 гг.) от революционного пути к социализму, что они вполне серьёзно планировали в своём «гуманистическом индивидуализме» найти основу для общественно-политической программы в переживающей революцию стране. Неудивительно, что эти намерения победить политическую катастрофу монархии и России в целом на пути утверждения широко понимаемой культуры потерпели крах. И в первую очередь потому, как это хорошо видел сам С., что одномоментное, как флотоводческое «все вдруг», перенаправление общественной борьбы с «против» на «за» — было прямо противоположным всей предыдущей революционной борьбе, в том числе, самого С. Он писал об этом: «прежде [до 1905] можно было сказать — и, по крайней мере, психологически это было верно, — что никакой культурный прогресс невозможен без решительного, принципиального политического разрыва с прошлым»[234]. Теперь культурному прогрессу тщетно устанавливались иные ориентиры.

---

[233] *П. Б. Струве*. Избранные сочинения. С. 454. С. переживал свой отказ от доктрины коммунистической революции как «теории катастрофы» (Zusammenbruch) и позже, почти в финале своей быстрой эволюции к апологии этатизма. Он и в 1907 году продолжал (себе, в первую очередь) напоминать резюме своей «Марксовой теории...»: «Вера в близкое, полное, механическое осуществление социализма, вообще в его «осуществление» рушится или, вернее, уже рухнула» (Patriotica. С. 64–65. «Facies hippocratica. К характеристике кризиса в современном социализме», 1907).

[234] *П. Б. Струве*. Избранные сочинения. С. 80. «Интеллигенция и народное хозяйство», 1908.

Сохранив верность индивидуализму, который ярче всего проявился в его полемике с Д. С. Мережковским вокруг революционной религиозности, С. вскоре начал окончательный отход от «гуманизма» в сторону всё более определённого этатизма, в котором целое было уже представлено не обществом, а государством, которое для С. в любом случае было «несомненнее» личности.

В 1908 году С. начал готовить к печати новую книгу «Государство, интеллигенция, революция», в которой намеревался дать очерк своего нового государственничества, политического национализма и новой революционности. Она должна была называться, но реализовалась лишь в трёх статьях, одна из которых вошла в сборник «Вехи»[235]. Идейный строй книги был реализован в публицистике С. В своём последнем сводном сборнике статей «Patriotica» (СПб., 1911), в котором представлены в основном статьи ноября 1905 — декабря 1910 гг., С. расширил свою идейно-философскую платформу, добавляя к реализованным в «Вехах» *консерв тивной* критике русского интеллигентского сознания и радикальной общественности и защите «личной годности», политической ответственности и пафоса государственного строительства. Восстанавливая баланс после общего предисловия М. О. Гершензона к «Вехам», где была заявлена преемственность авторов от П. Я. Чаадаева, В. С. Соловьёва и Л. Н. Толстого, С. подтверждает особое признание революционно-демократических авторитетов: «традициям и идеям эпохи Станкевича—Белинского, философские увлечения которой были так плодотворны для русской культуры и в духовном творчестве которой... Михаил Александрович Бакунин сыграл такую крупную роль... присуща вечная ценность»[236]. Здесь же С. систематизирует свою *соци л-либер льную* критику «реального об-

[235] Этот проект реконструирован в: *П. Б. Струве.* Избранные сочинения. С. 163–210.

[236] Patriotica. С. 69. «Памяти А. А. Бакунина и П. А. Корсакова», 1907.

раза русской государственности» и «тех сил, которые заправляют судьбами государства», защиту политических прав и свобод «во имя идеалов демократии и социальной справедливости»[237], ставит задачу превращения буржуазной леволиберальной кадетской партии в монопольную для внеклассовой «идейно интеллигенции», а затем — «народную, крестьянско-рабочую». Здесь С. продолжает говорить не только о своей приверженности социализму, но и о своём марксизме и «социал-демократизме» германского образца, отрицая марксистское качество большевизма (Там же. С.17). Развивая свои прежние обвинения в адрес народничества как явления реакции, архаики, славянофильства и консерватизма, С. применяет их и к освободительному движению революции 1905 года в целом (именно как контрреволюцию С. позже оценил Октябрь 1917 года): «Консерватизм русской революционной интеллигенции сказался в том, что в идейном отношении наша революция всецело была во власти славянофильски-народнической теории: русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении; мы можем и должны перескочить через отвергаемые нашим интеллигентским сознанием «буржуазные» фазы: мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»[238].

После Манифеста 17 октября 1905 С. направился в Россию, намереваясь проникнуть в неё нелегально, но уже в пути, по личному докладу председателя Совета министров С. Ю. Витте императору С. был им персонально амнистирован[239] и немедленно вернулся из эмиграции, оставив жену и сотрудников ликвидировать дела «Освобождения». Вернувшись в Россию, С. попытался капитализировать свою известность как редактора-издателя «Освобождения», кото-

[237] Patriotica. С. 10. «От автора».

[238] Там же. С. 42. «Из размышлений о русской революции», 1908.

[239] *П. Б. Струве.* Тем, кто «Возрождение» замыслили побить «Освобождением» (27 июня 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 29.

рое в печати сравнивали с «Колоколом» Герцена, а самого — чаще критически — с Герценом[240], и, развивая миф о Герцене как символе русского социалистического культурного западничества, начал редактирование так же отсылающего к фигуре предшественника и издаваемого специально под имя С. М. В. Пирожковым еженедельного журнала «Полярная Звезда» (декабрь 1905 — март 1906), который под давлением карательной цензуры был вынужден преобразовать в такой же журнал «Свобода и Культура» (апрель — май 1906). Его главным редакционным сотрудником здесь и отныне (до лета 1917) стал С. Л. Франк. Видимо, в сотрудничестве именно с Франком С. написал краткий манифест одновременно социалистического и либерального, национального социально-политического освобождения: «наш журнал... будет бороться за то, чтобы общественно-политическое бытие русской нации было непоколебимо утверждено на основах свободы, равенства и социальной справедливости. (...) Своё название наш журнал заимствовал у Рылеева и Герцена. Это значит, что мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций, которые связаны именно с этими славными именами»[241]. В издании С. демонстрировал весьма широкий фронт авторов от земцев до социал-демократов и христианских коммунистов (В. Д. Набоков, И. М. Гревс, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, С. А. Котляревский, Б. А. Кистяковский, Туган-Барановский, Бердяев, Булгаков, В. И. Вернадский, Ольденбург, Л. Галич, В. П. Свенцицкий), отстаивая свой проект кадетской партии (партии народной свободы) как широкой коалиции социалистов и либералов, построенной на практической философии компромисса, правового творчества, культуры

[240] Розанов назвал его «“маленьким Герценом” наших дней» (*В. В. Роз нов*. Струве о духовном). См. также: *А. Лун ч рский*. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб., 1906. № 3.

[241] От редакции // Полярная Звезда. № 1. 15 декабря 1905. СПб., 1905. С. 3–4.

и новой социальной доктрины «права на достойное существование» (И. А. Покровский и П. И. Новгородцев). В литературно-критической и философской части в этом издании были значимо представлены Розанов, Мережковский, Гиппиус, Д. В. Философов, Л. И. Шестов. Несмотря на попытку сформулировать идеологию общенародного социал-либерального компромисса, отказавшегося от революционной перспективы, С. не встретил в этом понимания ни кадетской партии в целом[242], ни власти. Опубликованная уже в одном из первых номеров «Полярной Звезды» статья С. стала основанием для возбуждения против него уголовного дела, длившегося по 1913 год, когда оно было прекращено по амнистии в связи с 300-летием династии Романовых (одновременно С. был награждён и памятной медалью в честь этого юбилея). В подпавшей под уголовное преследование статье С. возлагая равную ответственность за кровавые события революции в Москве на власть — и интеллигенцию и народ, писал о «чудовище самодержавия» и «бесчинствах» правительства во главе с Витте: «С момента опубликования манифеста 17-го Октября я считаю, что в России есть конституция, а потому я полагаю, что в настоящее время я, «крамольный» литератор Пётр Струве, — лояльный гражданин, а адмирал Дубасов и действительный тайный советник Дурново — бунтовщики...»[243].

[242] Милюков, упорно строивший центральный орган кадетской партии и нашедший его в буржуазной газете «Речь», ревниво отвергал медийные интеграционные усилия С. и назвал «Полярную Звезду» — «личным органом» С., а его проповедь компромисса — «идиллией» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 238). И в этом Милюков был прав: С., похоже, не замечал, что компромисс монархии с нацией и буржуазии с пролетариатом вокруг ценностей свободы и справедливости проповедовался от лица самого С., не претендовавшего, однако, на положение общенационального вождя и духовного авторитета, как, например, итальянский революционер и объединитель Мадзини.

[243] *П. Струве*. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. СПб., 1905. № 3. 30 декабря 1905. С. 224, 226–227.

Социал-демократ (большевик) и марксист А. В. Луначарский в своей персональной рубрике, названной «Заметки философа», обоснованно оценил практику этой «Полярной Звезды» как завершение социалистического «идеалистического направления», начатого «Проблемами идеализма», в лоне общеевропейской эволюции[244] социализма и левого либерализма, как часть эволюции С. как «равноускоренного движения слева направо»: имея в виду, что журнал рассылался подписчикам в красной упаковке («под бандеролью»), он определил его партийный цвет как «розовый», а о его авторах в лице С., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. И. Новгородцева заключил: «им вовсе не хочется порвать всякую связь со знаменем, со словом, которое... является знаменем и лозунгом будущего»[245]. Об обратном влиянии этого философски-политического идеализма, начатого кругом С., на революционную среду чуть позже вспоминал другой марксист: «Российское «третье сословие», в дни, когда развёртывалось революционное движение, увлекалось «проблемами идеализма» и идеалистической «культуры». Но теперь, вместе с ним, увлечению философией отдаются самые широкие слои интеллигенции, не исключая и таких, которые выделяли и продолжают ещё выделять из своей среды защитников пролетарских интересов»[246].

После нарастающего давления карательной цензуры, переименования журнала в «Свободу и Культуру», перемены

[244] «За последнее время в России много говорят и пишут об “идеализме” и его “проблемах”. Но оживление интереса к этим «проблемам» не составляет особенности только русской литературы; напротив, развитие этого направления в России стоит в несомненной связи с соответствующим течением западноевропейской мысли» (*В. Хвостов*. Идеалистическое направление в современной юриспруденции // Научное Слово. М., 1903. Кн. IV. С. 140).

[245] *А. Лун ч рский*. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб., 1906. № 3. II о. С. 83, 86, 89.

[246] *В. М. Шулятиков*. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха [1908]. С. 8.

главного редактора С. на его формального местоблюстителя С. Л. Франка и отказа издателя М. В. Пирожкова от продолжения журнала С. предложил продолжить издание его О. Н. Поповой, но она отказалась[247], готовя к изданию сборник процитированной и иных полемических работ Луначарского. В результате С. лишился последних собственных проектов в периодической печати и фактически — стабильных средств к существованию. Одновременно с началом занятий Первой Государственной думы России, в апреле—июне 1906 года редактировал газету И. Д. Сытина «Дума».

20 октября 1906 г. С. выступил Московском клубе партии с докладом «Идейные основы партии Народной Свободы», которому в печати придал ещё более широкий характер «Идеи и политика в современной России». Вменяя своей конституционно-демократической партии задачу стать общенациональным «блоком» либеральных и социалистических сил, не стесняясь его рыхлости и зыбкости и, видимо, уповая на то, что динамика развития событий сама скрепит его логикой борьбы, С.-социалист искал в лице кадетской партии «внеклассового объединения демократических элементов на широкой либеральной и демократической программе». Для этого он выступил в партийной печати с трактатом «Идеи и политика в современной России». Принимая во внимание, что хоть трактат и не вызвал значимых откликов, а акцентированный в нём призыв к политическому компромиссу прозвучал едва ли не как призыв к капитуляции перед самодержавием, следует признать, что данный в нём образ социал-либерализма либо «демократического социализма», во всяком случае, шёл в первом ряду истории тогдашних либерализма и социализма, из которых вскоре и выросла практическая «демократическая альтернатива» радикальному социализму и коммунизма, до сих пор питающая мировой консенсус вокруг идей социального государства. С. писал:

[247] О. Н. Попова — П. Б. Струве, 6 июня 1906 // РО РНБ (АДП). Ф. 753. № 84.

«Смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, — и всего человечества), в интересах всестороннего развития личности (...) В нашей партии могут быть и работать убеждённые социалисты, хотя доктринального лозунга социализма она и не написала на своём знамени. (...) Социализм в настоящее время должен бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основании которой определяется доброкачественность человека, его приверженность к известным идеалам реально осуществляемым политикою. А, с другой стороны социализм должен бы перестать быть тем пугалом, каким он был прежде. Ибо в настоящее время, в начале XX столетия, после всего того огромного опыта, социального и политического, который имеет теперь человечество, после той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятие «социализм» может смущать и пугать только, как бы выразиться деликатнее, только... старых и слабонервных дам обоего пола.

Происходит крушение доктринального социализма: всякий внимательный наблюдатель развития германского социализма должен констатировать неудержимую тенденцию в этом направлении. В связи с этим крушением должна измениться тактика германского социал-демократизма и должны открыться перспективы для создания именно того «блока»: общественных сил, который в России считается непрочным. (...)

Быть настоящим социал-демократом, т.е. стоять за идею классовой борьбы, как руководящую идею политики, и в то же самое время начисто отрицать революционизм. (...)

Наша партия либеральная: она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для всякой личности и потому она демократична. И, в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а наоборот, утверждает в своей программе дей-

ственную, практическую идею социализма. В то же время она есть партия не классовая, а национальная»[248].

Словно исполняя давний свой завет себе создать новое целостное миросозерцание, равно противостоящее филистерству Бернштейна, утопизму Каутского и Плеханова, социальному бесчувствию традиционного русского либерализма, равно поднимающего права личности против политической несвободы самодержавия и политического сектантства социал-демократии, пытаясь выстроить *пок* внерелигиозную идеологию национального и социального освобождения, которое было бы именно освобождением в духе социальной революции, а не разрушением в духе социалистического переворота, позже С. вновь встал перед необходимостью равно «достроить» и социализм, и либерализм, взаимно их дополняя доктринальными расширениями. В поиске идейных образцов национального и социального освобождения С. и его единомышленники, вслед за Лассалем и Энгельсом, обращались к наследию И. Г. Фихте, в первую очередь, к его «Речам к немецкой нации». Этот яркий пример, надо признать, мало впечатлял даже просвещённую часть русской интеллигенции. И, например, Булгаков — как другой, в 1902–1905 гг. равный С., лидер русского социального идеализма и «идеалистического направления», настойчиво обращался к наследию В. С. Соловьёва. «До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, по-

[248] *П. Б. Струве.* Идеи и политика в современной России // П. Б. Струве. Избранные сочинения / Сост. М. А.Колеров. М., 1999. С. 45–62.

ставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма»[249]. Но и пафоса Соловьёва было явно недостаточно для социального движения. Всех затмевала поистине народная и общенациональная фигура Льва Толстого.

Формулируя причины духовного лидерства Льва Толстого как анархиста, социалиста, но прежде всего — борца за свободу религиозной совести и личности, С. видит главный недостаток социализма в его безрелигиозности и неспособности предложить принципиальное обеспечение неотъемлемых прав личности перед лицом коллективизма (подразумевается: *пр в р звитой культурной личности* перед лицом *принудительно примитивиров нного феод льной и к пит листической эксплу т цией коллективизм* — прежде, чем этот коллективизм будет культурно воспитан в условиях политической свободы) и личной ответственности:

> «По идее социализма стихийное хозяйственно-общественное взаимодействие людей должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением. Я нарочно подчёркиваю слово *сплошь*, ибо социализм требует не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы всё поле общественной жизни. В этом заключается основная трудность социализма, ибо очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и неспособен все происходящие в нём процессы подчинить одному плану. Это вытекает из существа дела, и отсюда явствует, что с реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении про-

[249] *С. Н. Булг ков.* Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 627.

> блемы социализма. (...) Очевидно, для рационализации общественной жизни первым условием является рационализация и дисциплинирование индивидуальной жизни. В настоящее время в обществе, основанном на свободной конкуренции, такое дисциплинирование достигается естественным подбором (...) Демократический социализм должен изменить этот общественный уклад, рациональное устроение общественных дел и в огромной мере также и индивидуальной жизни перейдёт при нём к большинству общества. (...) Социализм немыслим при ослаблении чувства и идеи личной ответственности, и, таким образом, эта идея и её крепость в человеке есть необходимое (хотя, по всей вероятности, и недостаточное) условие осуществления социализма»[250].

В отличие от своих многолетних единомышленников Булгакова и Бердяева, особенно в отличие от учительских претензий Д. С. Мережковского, С. был убеждён, что даже великому духовному революционеру, Льву Толстому, как и любому духовному вождю времени, было просто не под силу стать «великим религиозным реформатором»[251], и, видимо, сама невозможность религиозной революции в современности останавливала поиск С. там, где его продолжали Булгаков и Бердяев. Этому под стать был и чисто философский идеализм С. как революционера и его типичный для революционера атеизм. Развитие С. по пути религиозного индивидуализма так и не дало заметных результатов вплоть до начала 1920-х гг., когда в эмиграции С. стал православным — и более всего именно политическим православным. Полемизируя с кругом Мережковского, тщащимся внести религиозность в революционное движение, он вполне нелицеприятно, идентифицируя себя с либера-

[250] *П. Струве.* Лев Толстой. 1. Смысл жизни [1908] // П. Струве. Избранное. С. 109–114.

[251] Там же. С. 107.

лами в настоящем и с социалистами в прошлом, признавал, что секуляризованный либерализм бессилен перехватить у социализма его внедоктринальный, но оттого не менее подлинный пафос справедливости, освобождения и жертвы, что либерализм не порождает религиозно окрашенного политического героизма:

> «Не религиозной ли смертью либерализма объясняется то, что он оказывается идейно так беспомощен в борьбе с социализмом, который практически лишь гораздо последовательнее своего секуляризованного родителя, а идейно с ним совершенно тождествен?! (...) [Социализм] был верой в тысячелетнее царство, которое *принципи льно* отличается от всей предшествующей истории; являясь, как с довольно забавной метафизической наивностью сказал Энгельс, «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Именно эта формальная религиозность, этот энтузиазм, прикреплявшийся к социализму, представлял себе, вопреки принципу эволюции, будущее общество не просто как усовершенствованное, или преобразованное, а как *совершенное*, или *преобр жённое*»[252].

Собственное кредо С. прозвучало в этом контексте действительно как рационалистическая «личная вера», не имеющая никаких шансов на её превращение в предмет общественной веры, фундамент социального движения, даже сколько-нибудь коллективного убеждения в рамках партийной ячейки. Есть подозрение, что эта «личная вера» была изобретена С. ad hoc, исключительно ради целей журнальной полемики:

> «Я думаю, что на смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное миросозерцание,

[252] *П. Б. Струве*. Религия и социализм. Ответ З. Н. Гиппиус [1914] // П. Б. Струве. Избранное. С. 94–95.

в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённая новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческ я* автономия. В старом религиозном либерализме недаром были так сильны идеи божественного предопределения и божественной благодати. Всю силу творческой воли этот либерализм сосредоточил в Боге. Современное религиозное сознание с таким пониманием Бога и человека мириться не может. Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая мирно или бурно, медленно или быстро захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»[253].

Осенью 1906 возобновились прерванные революцией занятия в Санкт-Петербургском политехническом институте, основанном Витте в системе Министерства торговли и промышленности. 25 ноября 1906 С. был избран здесь преподавателем. Не пройдя академической карьеры, он здесь был обречён позже своих сверстников достигать университетских званий и позже обычного срока и в повышенном темпе защищать необходимые диссертации. Лишь 12 сентября 1908 он поступил сюда на государственную службу, когда был назначен доцентом по кафедре политической экономии, только 7 декабря 1913 получил степень магистра за диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 1», 30 июня 1914 стал экстраординарным профессором, 17 февраля 1917 защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2». На вакантное после смерти И. И. Янжула (октябрь 1914) место академика по политической экономии и статистике РАН еди-

[253] Там же. С. 97.

ногласно избран 22 марта 1917[254] (избрание утверждено 11 июня 1917[255].

В конце 1906 года, после смерти редактора журнала «Русская Мысль» (РМ) В. А. Гольцева, при котором РМ практически сошёл с общественной сцены, С. был приглашён известным историком и либеральным политическим деятелем, жителем Москвы А. А. Кизеветтером, которого издатели назначили новым редактором, разделить с ним редактирование классического либерального «толстого журнала» в качестве титульного соредактора, представлявшего петербургскую часть авторского коллектива и целевой аудитории. К этому времени журнал уже сместился на обочину общественного внимания, пропустив мимо своего внимания все ключевые дискуссии 1890–1900-х гг., а С. в свою очередь — после закрытия ПЗ и СК — оказался без собственного печатного органа, в котором он мог бы проводить свои идеи и консолидировать сторонников интеллектуального движения, условно называемого «от марксизма к идеализму». При несомненном лидерстве С. как более опытного журнального организатора, соредакторство с Кизеветтером сохранялось до лета 1911 года, отчасти сдерживая дальнейший политический дрейф С. вправо и поддерживая верность РМ литературной непартийности в художественной части издания. В 1911 году Кизеветтер решил

---

[254] Полный текст подписанного академиками А. С. Лаппо-Данилевским, Ф. И. Успенским и М. А. Дьяконовым представления от 8 марта 1917 к избранию академиком РАН опубликован: *А. Л. Дмитриев*. Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из истории экономики. СПб., 2001. С. 99–101; по другой копии источника здесь: *М. А. Колеров*. Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // Русский Сборник: Исследования по истории России. XI. М., 2012.

[255] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 74 / 1006–1065. Л. 432–435 (Формулярный список о службе П. Б. Струве, 1917). См. также личное дело С. о службе в Политехническом институте: РГИА (СПб.). Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 4336 (1909–1917 гг.); Ед. хр. 5345 (1917–1918 гг.).

прекратить долго накапливавшиеся разногласия со С. и подал в отставку с поста соредактора, оставшись близким сотрудником журнала[256]. С. стал единоличным редактором РМ, с 1912 года став уже редактором-издателем, каковым оставался до прекращения издания РМ в России летом 1918 года (и стал им при возобновлении РМ в эмиграции в 1921–1927 гг.). При этом С. не отказывался от партнёрства с теми, кто признавал его лидерство, и, например, начиная с 1909 г. заключил соглашение с «Московским Еженедельником» Е. Н. Трубецкого (издатель — М. К. Морозова) о льготной совокупной цене на издания при одновременной подписке на оба журнала.

С марта 1907 в РМ появилась новая рубрика «Философия / Философия и религия», которую, однако её основному автору С. Л. Франку, даже при расширении авторского коллектива за счёт Л. Е. Галича (Габриловича), А. К. Топоркова, Г. Г. Шпета, М. М. Рубинштейна, К. М. Милорадович, Н. О. Лосского, С. И. Гессена, П. П. Блонского, С. А. Аскольдова не удалось поднять её до общественного звучания. С целью утверждения публичного веса философии, С. ввёл в РМ дополнительную рубрику для статей и обзоров «Философское движение» (с февраля 1911 по декабрь 1915), где, рядом с классическими текстами Франка, проявилась активная авторская «практическая философия» А. З. Штейнберга, Галича, Новгородцева, Г. Э. Ланца, И. А. Ильина, С. В. Лурье.

Именно в РМ, рядом с последовательным отрицанием анархизма, народничества / славянофильства и социально-культурного мессианства С. выступил с послереволюционным и постлиберальным альтернативным кредо, одновременно сопроводив его нелицеприятным признанием:

[256] О предыстории этого см.: *М. А. Колеров*. О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А. А. Кизеветтера к П. Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006 / 2007 год. М., 2009.

«я западник и потому националист, я западник и потому — государственник»: и в результате *уже* фактом стало признаваемое им самим его «духовное одиночество в той среде, которую обычно зовут интеллигенцией»[257]. Прямо противореча позднейшему автоапологетическому мифотворчеству периода эмиграции, С. трезво говорил о себе и своём круге ещё *до* скандала вокруг «Вех»: «Нигде в мире действительно умеренные прогрессивные элементы не имели и не имеют так мало авторитета, как у нас [в России]. В эпохи [общественно-политического] подъёма они в общественном мнении стушёвываются пред крайними течениями; в эпохи реакции власть практически не ставит их ни во что»[258]. С. легко признавал свою «непопулярность» после революции 1905 г.: в противоположность тому, что в 1890-е гг. он был «кумиром молодёжи», теперь «успеха я не имею (...) в «новые вожди» я не попал и не попаду (...) той роли, которую я играл прежде и в русском марксизме, и в освободительном движении, я не могу и не хочу играть. (...) «Вождём» можно быть лишь тогда, когда либо «толпа» покорно следует за тобой, либо ты сам приспосабливаешься к толпе. (...) Когда я был руководителем *Нового Слов* и когда я был редактором *Освобождения*, я шёл в ногу с другими в своей деятельности осуществляя коллективное действие, был... в известной мере «артельным человеком». Это было нужно для дела и было нужно для меня», — писал он[259]. Впрочем, это политическое одиночество нисколько не препятствовало С. в политически успешном руководстве РМ.

В годы редакторского сотрудничества С. с Кизеветтером литературная часть РМ[260] находилась под руко-

[257] Patriotica. С. 116, 112.

[258] Patriotica. С. 203. «Нечто о моём мнимом импрессионизме», 1908.

[259] Patriotica. С. 426–427. «На разные темы», 1908.

[260] Подробно об этом см.: *М. А. Никитин* . Русская мысль // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.,1984; А. А. Гапоненков. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакцион-

водством Ф. К. Арнольда, С. В. Лурье, Ю. И. Айхенвальда (1907–1908)[261], Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (1909), В. Я. Брюсова (1910–1912)[262], Л. Я. Гуревич (1913–1914), С. Л. Франка (1914–1918)[263]. В литературной части с 1907 года РМ была представлена сочинениями К. Д. Бальмонта, А. Серафимовича, Д. Мамина-Сибиряка, З. Н. Гиппиус, М. О. Гершензона, В. Я. Брюсова, Л. Я. Гуревич, Ф. К. Сологуба, С. Кречетова, Б. Садовского, М. Волошина, И. С. Шмелёва, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева. В части философии и философской критики уже в 1907 г. РМ открылась для (кроме упомянутых выше) Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, Л. И. Шестова, В. В. Розанова, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского. В 1908 в РМ появились Н. Минский, В. И. Вернадский, Ф. Ф. Зелинский, А. М. Ремизов, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилёв, К. Чуковский. Затем: Б. В. Савинков (В. Ропшин), А. А. Блок, Андрей Белый, М. М. Пришвин, Вяч. Иванов, А. Н. Толстой, О. Д. Форш, Е. Г. Лундберг, С. Н. Дурылин, Н. Я. Абрамович, В. Ф. Эрн (в 1909-м); Ф. А. Степун, И. И. Лапшин, А. И. Введенский, В. В. Жаботинский (в 1910-м); Б. А. Грифцов, Ю. К. Балтрушайтис, П. С. Романов, С. Парнок, А. А. Мейер, А. М. Огнёв (в 1911-м); И. Г. Эренбург, А. С. Грин, В. Ф. Ходасевич (в 1912-м); Д. В. Болдырев, Н. К. Пиксанов, Н. В. Недоб-

ная программа, литературно-философский контекст: Диссертация... доктора филологических наук. Саратов, 2004.

[261] Результаты его деятельности как редактора литературного отдела журнала С. оценивал скептически: *П. Б. Струве*. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда [1928] // П. Б. Струве. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Paris, 1981. С. 302.

[262] См.: *В. Я. Брюсов*. Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. М.; Л., 1960. Вып. 5; *И. Г. Ямпольский*. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого // Вопросы литературы. М., 1973. № 6.

[263] См. об этом: *М. К.* С. Л. Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

рово, М. А. Кузмин (в 1913-м); В. Н. Муравьев, С. Сергеев-Ценский, А. А. Ахматова, В. М. Жирмунский (в 1914-м); П. Н. Савицкий, Г. И. Чулков, С. А. Есенин, Е. И. Замятин, Л. И. Каннегиссер (в 1915-м), Н. В. Болдырев, Н. В. Устрялов, Б. А. Пильняк (в 1916-м), И. И. Фудель, В. В. Зеньковский, В. А. Зоргенфрей, С. Я. Маршак (в 1917-м). Постоянно испытывая серьёзные финансовые трудности, РМ не могла платить большие, конкурентные на рынке авторские гонорары и потому в области «идейного вещания» более рассчитывала на философскую солидарность, репутацию издания, идеологически и художественно терпимого к разнообразию, личные связи и авторскую активность литературных редакторов. Но, впервые опубликовав классические поэтические произведения Блока, Вяч. Иванова, Ахматовой, РМ так и не смогла предъявить читателю яркие образцы художественной прозы[264].

В принципиальной для периода интеллектуального самоопределения С. и важной для него по тематике своей рецензии на сборник А. П. Чехова «В сумерках» юношеский наставник С., редактор журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньев признавался: «Критический отдел наших периодических изданий давно уже не претендует на полноту, давно уже представляет пробелы, пополняемые более или менее случайно...»[265]. Поэтому представляется не случайным, что свою версию РМ С. снабдил значительно большими по сравнению с другими «толстыми журналами» объёмом и интенсивностью отделов рецензий, культурной хроники и (по образцу журнала «Мир Божий») энциклопедической по качеству библиографии, в этом смысле прямо наследуя недолговечному журналу Б. А. Кистяковского,

[264] На литературно-художественные усилия журнала дважды критически откликался В. А. Чудовский: Аполлон. СПб., 1911. № 8; 1913. № 2.

[265] *К. К. Арсеньев*. Беллетристы последнего времени [1887] // А. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы / Изд. подг. Г. П. Бердников, А. Л. Гришунин. М., 1986. С. 295–296.

М. О. Гершензона и Е. Н. Орловой «Критическое Обозрение» (1907–1909) и журналу «Книга» («Новая Книга»). После прекращения «Критического Обозрения», с февраля 1911 С. ввёл в РМ постоянный раздел под таким же именем, соответствующий традиционному III отделу «толстого журнала», но оформленный как фактический «журнал в журнале», с собственной структурой и отдельным оглавлением. Этот раздел стал, вероятно, самой трудоёмкой и в этом — оригинальной частью РМ (близким к РМ по вёрстке и спектру рецензируемой литературы опытом такого внутреннего библиографического журнала был социалистический журнал «Мир Божий»): этот раздел и составлял весомую часть журнала вплоть до его закрытия летом 1918 года. Его беспрецедентно энциклопедический состав, отражая широкие интересы С., был неизменно представлен рецензиями на книги по естествознанию и точным наукам, статистике, политической экономии, финансам, медицине и гигиене, философии, праву, географии, этнографии, национальным проблемам, военному и морскому делу (где доминировали тексты А. А. Свечина), авиации, истории литературы, языкознанию (где с 1913 года, по рекомендации Л. Я. Гуревич, преобладали рецензии Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского[266]), религии и церкви, педагогике и народному образованию, изобразительному искусству.

После отдельных публикаций из неопубликованного наследия А. П. Чехова, В. В. Стасова, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, семьи Бакуниных, Г. И. Успенского, В. С. Соловьёва, специально для М. О. Гершензона в РМ был создан раздел «Материалы по истории русской литературы и культуры» (с первой книги 1911 года), в котором, однако, большее участие принял В. Я. Богучарский. В раз-

[266] Об этом см.: Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум, вст. ст. Е. А. Тоддеса // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1988.

деле вышли многочисленные архивные публикации о русской классике (А. И. Герцен, А. Н. Островский, А. С. Пушкин, В. М. Гаршин, М. П. Драгоманов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. П. Огарёв, Аксаковы, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. А. Григорьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, К. П. Победоносцев, К. Д. Кавелин, В. С. Соловьёв, Бакунины, Д. В. Григорович, А. С. Грибоедов, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Н. В. Гоголь). Впрочем, историко-культурная часть РМ проиграла и именно в избранной тематике специальному журналу «Голос Минувшего», начавшему выходить в свет с 1913 года, и в дальнейшем не была отмечена значительными историко-культурными открытиями.

Стержень своей редакционной политики С., очевидно, полагал вне партийных традиций и в этом принципиально спорил со сложившейся в России практикой. Он писал, едва приступив к руководству РМ: «Время «партийных» и даже «направленских» журналов... прошло. По умственной косности, по известному идейному консерватизму они могут иметь ещё наибольший успех в кругах интеллигенции..., но внутренно они мертвы. О «партийном» характере не только беллетристики, философии, литературной критики, но даже сколько-нибудь углублённой, сколько-нибудь философской публицистики, странно говорить»[267].

Журнал РМ в руках С. превратился в авторитетный «парламент мнений» в политическом отношении правее радикального социализма и левее политического монархизма. С. верно увидел, что критически, вместе со всеми ежемесячными (и даже еженедельными) изданиями, проигрывая мощной и массовой «большой» ежедневной прессе, расцветшей после 1905 года, в политической оперативности и влиянии (чтобы поспевать за политическими событиями, в 1917 году С. издавал в приложении к РМ двухнедельный тонкий журнал «Русская Свобода») и всё же обречён-

[267] Patriotica. С. 384–385. «На разные темы» (1908).

ная соблюдать универсальный формат «толстого журнала» с его большим литературно-художественным отделом, РМ испытывала и растущую конкуренцию в сфере идейного влияния других журналов этого формата, хотя теперь они могут показаться интеллектуально более пресными[268]. Журналу было трудно конкурировать и с партийно-направленческими непериодическими «идейными сборниками» и по своей рентабельности, и по теоретической монолитности и, следовательно, внятности привлекаемого ими внимания аудитории (именно это предопределило новое, после «Проблем идеализма», обращение круга С. к жанру «идейного сборника»[269] — в сборнике «Вехи»).

РМ под руководством С., оставаясь праволиберальным органом в своей внутриполитической публицистике, в остальном медленно смещалась в нишу внепартийной и политически в целом индифферентной высокой культуры, науки, философии, религии, фундаментального обсуждения, например, таких тем из актуальной интеллектуальной повестки дня, как «проблемы нового религиозного сознания», «проблемы аскетизма», философия прагматизма, национальный вопрос[270] и этнография, внешняя политика и империализм. Начиная с очерка «Великая Россия» (1908), С. был первым русским мыслителем, открывшим для России тему империализма, только на рубеже

[268] По данным студенческой библиотеки Московского технического училища, готовившего высшие инженерные кадры, в 1914 году, доли читателей, то есть иерархия «толстых» журналов (они поступали библиотеку бесплатно) по числу запросов, были таковы: либеральный «Вестник Европы» (29%), народническое «Русское Богатство» (22%), социал-демократический «Современный Мир» (19%), струвеанская «Русская Мысль» (18%), эсэровские «Заветы» (12%) (посчитано по: *А. Е. Ив нов*. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. Очерки. М., 2010. С.121).

[269] *М. А. Колеров*. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947. М., 2000.

[270] Полемика о национализме в РМ с участием С. собрана в сб.: Национализм. Полемика 1909–1917. 2-е изд. / Сост. М. А. Колеров. М., 2015.

XIX и XX вв. получившую освещение в английской исторической и марксистской немецкой политико-экономической литературе (Р. Гильфердинг, К. Каутский) как связанные факты колониальной активности (англо-бурская война, интервенция в Китае, др.), многонационального единства и высшей капиталистической концентрации производства, переходящего в государственный социализм. В тот момент эта тема ещё не нашла отражение даже в русской марксистской литературе, впервые обратившейся к ней примерно в 1913 году (И. И. Скворцов, В. И. Ленин, М. Н. Покровский, М. П. Павлович (Вельтман)).

Однако в решительную противоположность громкому читательскому и рыночному успеху сборника «Вехи», в пяти изданиях 1909–1910 гг. вышедшего общим тиражом в 16 тыс. экземпляров, РМ как признанный «орган веховцев» в 1909 году собрал всего 2 500 подписчиков, что было в несколько раз меньше числа подписчиков у таких лидеров рынка «толстых журналов», как «Русское Богатство», и, главное, исключало перспективу его текущей финансовой рентабельности[271]. Активный автор РМ и опытный журналист, в будущем знаменитый советский литературовед Б. М. Эйхенбаум, чьи интересы, впрочем, скорее были подчинены личной научной карьере, двойственно похвалил и оценил журнал как «аристократический орган»[272]. Также подчинявший все искушения своей научной судьбе, однако принадлежавший к одному поколению со С., разделявший с ним пафос философского творчества вкупе с (впрочем, затухающим) интересом к общественной деятельности государственного масштаба близкий к кругу С. ещё со времён «идеалистического направления», Н. О. Лосский всё же оценивал РМ не с точки зрения демократичности аудито-

[271] Об этом подробнее: *Рич рд П йпс.* Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001. С. 243.

[272] Б. М. Эйхенбаум — В. М. Жирмунскому 28 июля 1916 // Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского. С. 285.

рии, а под знаком общекультурной миссии журнала. Он вспоминал:

> «Опыт революции 1905 года многому научил русскую интеллигенцию. Освобождение от узости сознания, сосредоточенного только на политической борьбе с самодержавием и на социально-экономических проблемах, начавшееся уже до революции, пошло ускоренным ходом. Появился интерес к религиозным проблемам и к православию; ценность национальной идеи и государства стала привлекать к себе внимание; проблемы эстетики, художественного творчества, истории искусства стали увлекать широкие круги общества. Журнал «Русская мысль», редактором которого стал П. Б. Струве, был выражением расширения и подъёма интересов ко всему богатству духовной культуры»[273].

5) 1908–1917: религиозный индивидуализм и политический национализм

В сентябре 1908 С. поступил на службу в Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Великого Министерства торговли и промышленности доцентом по кафедре политической экономии. По итогам защиты диссертации «Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Часть 1» (изд.: СПб., 1913) на юридическом факультете Московского университета в декабре 1913 г. утверждён в степени магистра политической экономии и с февраля 1914 г. назначен экстраординарным профессором Политехнического института. В феврале 1917 г. на юридическом факультета киевского Университете св. Владимира защитил док-

[273] *Н. О. Лосский.* Воспоминания. Жизнь и философский путь [1958] / Сост. О. Т. Ермишина. М., 2008. С. 133–134.

торскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2» (изд.: СПб., 1916). В июне 1917 года по рекомендации академиков А. А. Чупрова, М. М. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского был избран ординарным академиком Российской академии наук по политической экономии и статистике. Современный исследователь так резюмировал учение С. в этой науке: «Корни оригинальной научной концепции С. следует искать в недрах теории «австрийской школы» (Ф. Визер, К. Менгер, Е. Бем-Баверк), а основные его исследования во многом тождественны или предвосхищают философско-экономические построения американской «неоавстрийской школы» (Л. Мизес, Ф. Хайек, И. Киршнер, М. Розбар и др.). Если пытаться продолжить аналогию, то идеи С. ближе утончённому консерватизму Ф. Хайека, нежели прямолинейному догматизму Л. Мизеса. (...) В итоге [согласно С.] экономическая теория сводится к изучению процесса экономического взаимодействия отдельных независимых личностей, чей выбор взаимных услуг (или материализованных услуг — товаров) многофакторно отражается в цене. Цена в концепции С. становится центральной, системообразующей категорией»[274].

Продуманную оценку личностного своеобразия идейно-политической эволюции С. этого времени дал Л. Д. Троцкий:

> «С. на протяжении ряда лет ведёт с собой непрерывную и неутомимую борьбу: сегодня — со своим завтрашним, завтра — со своим вчерашним днём (...) каждой из этих идейных трагедий, казалось бы, достаточно, чтобы довести политика и писателя до морального банкротства и отчаяния. Но перед нами психологическое чудо: из всех своих идейных катастроф и политических крахов Пётр С. выходит, точно из лёгкой кори — невредимым... Как личность

[274] *М. П. Аф н сьев.* Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 141, 142.

С. не знает банкротства, ибо он как личность он не участвует в [партийной. — *М. К.*] борьбе. Его политические убеждения никогда не сливаются с его духовной физиономией (...) С. воображает себя не связанным ни с одним классом, ни с одной партией, ни с одной идеей, а непосредственно состоящим в распоряжении Матери-Истории генерал-инспектором по делам идеологии»[275].

16 марта 1909 года вышел в свет сборник «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, С., С. Л. Франк), в течение последующего года выдержавший пять переизданий и вызвавший громкую общественно-политическую полемику. Представителями политической оппозиции «Вехи», которые подвергли систематической критике идеалы и практику русской антиправительственной интеллигенции, отказались от революционной перспективы и присягнули политической эволюции, консервативной религиозной и правовой традиции, были объявлены актом предательства. Число сторонников «Вех» оказалось невелико. Несмотря на то, что этот сборник был инициирован Гершензоном, его финальный авторский коллектив почти полностью был составлен представителями круга С. из сборника «Проблемы идеализма»[276]. С. стал главным толкователем и пропагандистом антиинтеллигентской и государственнической проповеди сборника, в значительной мере подчинив её своей полемике с Д. С. Мережковским, которая увенчивала печатную дискуссию 1907–1908 гг. М. О. Меньшикова и В. В. Жаботинского, В. В. Жаботинского и С. о политических ценностях молодёжи и принципах национального

[275] *Л. Д. Троцкий*. Господин Пётр Струве (Попытка объяснения) [1909] // Л. Троцкий. Политические силуэты. М., 1990. С. 206–209.

[276] Об этом: *М. А. Колеров*. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

(этнического) самоопределения общества[277]. С. представлял себе Мережковского в качестве нового претендента на роль религиозно-революционного вождя интеллигенции (в этом со С. были согласны Бердяев и Булгаков и даже В. В. Розанов[278]). Основой полемики с ним С. служило тогдашнее (и, по-видимому, подлинное, в отличие от его попыток участия в коллективной церковной религиозности «Братства Св. Софии» в эмиграции) убеждение С. в свершившемся преодолении «*ст рого* христианства». «Религиозному социализму» Мережковского С. противопоставлял свой «религиозный индивидуализм», «для которого не нужна и не интересна материализация царства Божия» и который реализовывал себя вне церкви и догматов[279]. Отрицая шансы Мережковского стать духовно-общественным вождём, С., несмотря на сотрудничество с ним в редакции «Русской Мысли», ещё до «Вех» спорил с широко распространившейся позже теорией об особой, «подспудной», «превращённой» религиозности русской атеистической революционной интеллигенции, на которую, в частности, опирались надежды Мережковского как общественного деятеля. С. так писал об этом: «Религиозности у “интеллигенции” не может быть вне религиозных идей. Религиозных идей у русской “интеллигенции” никогда не было. Религиозность русской революционной “интеллигенции” есть благочестивая легенда»[280]. Непосредственно откликаясь на французский сборник Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова «Царь

[277] Переиздание антологии из периодической печати «По Вехам: Сборник статей об интеллигенции и “национальном лице”» (1909) см.: Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М. А. Колеров. М., 2015.

[278] Мережковский этого времени, по его словам, «завоёвывал или коммерчески приобретал себе левую славу» (*В. В. Роз нов*. Литературные симулянты [1909] // В. В. Розанов. О писательстве и писателях / Собр. соч. под ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 326.

[279] Patriotica. С. 442, 446, 448, 452. «На разные темы», 1908.

[280] Patriotica. С. 113. «Спор с Д. С. Мережковским», 1908

и революция» (1907)[281], С. резюмировал: «Есть что-то трогательно детское в этом сочетании апокалипсиса и революционного социализма. Это самая художественная и в то время самая детская, самая наивная форма славянофильства и революционизма... Должен сознаться, апокалиптической теории Мережковского о русской революции я на французском языке не мог читать без улыбки»[282].

Здесь видно, что, несмотря на позднейшие интерпретации позиции С. как консервативно-религиозной, главный идейный конфликт между С. и «новым религиозным сознанием» развивался по линии отторжения его этатизма и индивидуализма С. от православия[283], от любой церкви, пар-

[281] *Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов*. Царь и революция. Сб. / Первое русское издание. М., 1999.

[282] Patriotica. Там же. С. 117. В ответ на статью Мережковского «Борьба за догмат» (Речь, 14 декабря 1908) С., официально объявляя о привлечении группы Мережковских к «ближайшему участию» в журнале, развивал свои идейные уличения: «Мережковскому нужна церковь, и потому ему (...) нужен какой-то идейный цемент, связывающий или склеивающий верующие души в некое соборное целое или единство. (...) Утопизм Мережковского, как религиозного мыслителя, и заключается в его (впрочем, отнюдь не оригинальной) попытке спасти от увядания и возродить социализм и материализм христианства, вдохнуть в него новую жизнь. (...) А для людей, стоящих духовно вне интеллигенции, религиозный социализм и религиозный материализм прямо невыносимы. (...) Двойной утопизм Мережковского обрекает всю его религиозно-общественную деятельность на неудачу. Тут для меня не может быть вопроса» (*Пётр Струве*. На разные темы // Русская Мысль. 1909. Кн. I. II о. С. 209–210).

[283] Эту позицию, впоследствии им замалчиваемую, С. публично выразил именно в заседании Религиозно-философского общества, где общий тон задавали Мережковские, а инициативу христианского социализма пытался перехватить В. Ф. Эрн: «У нас есть одно крупное, так сказать, действительное религиозное движение, — которое выходит из сферы литературной, — это то, что можно назвать русским протестантизмом. Можно спорить о том, хорошо это или дурно, — но нельзя отрицать, что русское религиозное движение адекватно Толстому. Это учение вошло в жизнь, а ваше [В. Ф. Эрн] учение идёт поверх православия, но в жизнь не входит. Это — «литературщина», так сказать.

тийности и социализации. С другой стороны, этот скепсис «веховской» проповеди С. вызвал протест в широких либеральных и революционных кругах, представители которых толковали её государственническую природу в условиях политической реакции в России — в узком диапазоне от «добросовестных заблуждений» и «политической наивности» С. до его личного, партийного и классового «предательства идеалов». Соредактор С. по РМ А. А. Кизеветтер и член редакции РМ С. В. Лурье на страницах журнала оперативно отмежевались от позиции «Вех», но фактически «веховская» риторика и сами «веховцы» в журнале преобладали, обеспечивая ему интеллектуальное лидерство в либеральной среде, несмотря на политическую маргинальность. В 1910 просвещённый дилетант и состоятельный эксперт-химик Лурье покинул редакцию и, видимо, участие в её капитале и расходах, что дополнительно заставило снижать гонорары в РМ, в первую очередь, на художественные произведения и переводы, составлявшие, в свою очередь, основу читательского и коммерческого успеха любого журнала.

Товарищи С. по либеральному движению и кадетской партии составили тематический сборник «Интеллиген-

Православие, конечно, в своё время вошло, создало крупные явления и огромные, так сказать, корни пустило. Но теперь обнаруживается огромное неудовлетворение. Ваше течение дальше литературы не идёт. Я думаю, что это неизбежно. Это не случайно. Это умерло, как и на Западе: там осталась только католическая церковь, но религиозное сознание приняло протестантскую форму. (...) всё наше движение, скажем, освободительное, — как принято теперь говорить и в кавычках, и без кавычек, — вся его слабая сторона в сравнении хотя бы с Английской Революцией заключается именно в отсутствии религиозного содержания. Этого отрицать нельзя (...) К сожалению, я вижу пока только литературщину, которая подымается над старой, уже загнившей почвой исторической церкви» (Прения по докладу В. Ф. Эрна «Идея христианского прогресса» на 6-м собрании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, 3 февраля 1908 / Публ. О. Т. Ермишина, О. В. Лексиной, Л. В. Хачатурян // Вопросы философии. М., 2005. № 7. С. 101–103).

ция в России» (1910), полностью посвящённый сборнику «Вехи»: в нём наиболее значимые для личной биографии С. и практического либерализма фигуры публично отказали С. «Вехам» в либерально-социалистической легитимности и солидарно отказали С. и его единомышленникам в праве выступать и призывать к покаянию от имени интеллигенции вообще и либеральной особенно, указав на их философскую маргинальность. И. И. Петрункевич («Интеллигенция и “Вехи”») и специально К. К. Арсеньев («Пути и приёмы покаяния») указали на то, что «ни «богоискателям», ни «богостроителям» не удаётся возбудить сколько-нибудь широкое и глубокое движение; никому из них не дано «глаголом жечь сердца людей». Нет этого дара и у господствующей церкви. (...) Проповедь «Вех» (...) бессильна возбудить чувство, в котором, сознательно или бессознательно, ищет для себя основу. Она не исходит из существующего религиозного движения и не соединяет в себе условий, необходимых для появления его в ближайшем будущем»[284]. Ближайший соратник С. в его марксистский период, М. И. Туган-Барановский («Интеллигенция и социализм») уличил авторов «Вех» в классовой буржуазности. П. Н. Милюков («Интеллигенция и историческая традиция»), демонстрируя позитивистскую солидарность с ортодоксальными марксистами и не боясь задеть и самого Туган-Барановского в его увлечениях, корень эволюции авторов «Вех» в сторону от радикального либерализма к религиозному консерватизму увидел в самой истории идейной борьбы этого круга марксистов 1890-х, которые, одновременно с общеевропейским увлечением политического марксизма идеалистической философией, вступили сначала на путь формулирования «критического направления в марксизме», а затем — «идеалистического направления в освободительном движении», которое внесло свой значи-

[284] Вехи [1909]; Интеллигенция в России [1910]: Сборники статей. М., 1991. С. 223–224.

тельный вклад и в создание самой кадетской партии. Милюков ставил диагноз с полным знанием дела, которое более всего касалось самого С., но явно преувеличивая его влияние: «Тогда ещё, впервые в конце 80-х годов, а окончательно и решительно с середины 90-х, кружок молодых философов, политико-экономов, юристов и литераторов выкинул знамя «борьбы за идеализм» против позитивизма и материализма русских шестидесятников и семидесятников (...) они проложили дорогу младшим, нынешним, и на обломках их «новых слов» расположился лагерем «марксизм» (...) Начав с протеста против всего «субъективного» во имя «объективной истины», они прежде всего реабилитировали «субъективное» как «психологическое» в отличие от «логического» как объективно-познавательного»[285].

Откликаясь уже на последовавшие после «Вех» усилия С. и Булгакова вместе с промышленником В. П. Рябушинским умозрительно сформулировать идеологические основы русского политического национализма как платформы для формирования коалиции национальной буржуазии и либеральной интеллигенции, Милюков верно заметил: «Вопрос о положительном содержании, на котором можно было бы основать русский национализм, остаётся самой тёмной из всех туманностей "Вех"»[286]. Милюков успешно противопоставил им неизменно близкого к ним (но не принявшего участия в сборнике) исследователя современной социально-политической практики и видного члена руководства кадетской партии П. И. Новгородцева, уже исходившего из общеевропейских итогов институционализации либеральной демократии и социализма: «По несчастью, кружок писателей, объединившихся в сборнике «Вехи», почерпнул свою философскую и научную подготовку исключительно из германских источников... Это, собственно, и ставит их в особенное затруднение, когда им приходится выбирать между «внешними фор-

[285] Там же. С. 301.
[286] Там же. С. 355.

мами» и «внутренним совершенствованием». Это же лишает их возможности справиться с примиряющей, промежуточной идеей социального воспитания в духе “солидарности”», вне опыта Англии, Франции и США[287].

Одним из самых громких событий вокруг литературной политики РМ в феврале 1912 года стал скандал вокруг категорического отказа С. принять к публикации в журнале первую часть романа Андрея Белого «Петербург», уже редакторски одобренную Брюсовым. В литературе настойчиво звучит мнение, что С. почему-то, в противоречие всей его политической борьбе и принципиальной редакционной терпимости, обидел антиправительственный и даже антимонархический пафос романа[288]. Сам Белый считал, что С. был обижен на образ либерального профессора, забыв, что в главах, которые писатель направил в РМ, этот образ отсутствовал. Анализ показывает, что Андрей Белый представил для публикации в РМ не роман, а лишь его первые главы в виде острого памфлета на самого С., невольно изобразившего интимную историю его ранней общественной карьеры, что и вызвало его крайний, хоть и не сформулированный ясно протест[289].

[287] Там же. С. 373.

[288] «Струве, один из идеологов конституционной монархии (?!) и лидеров кадетской партии, вряд ли способен был одобрить (?!) ту злую критику в адрес буржуазных верхов России и всей системы государственности, которая содержалась в романе Белого» (*Л. К. Долгополов*. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 556).

[289] *М. А. Колеров*. Почему П. Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // De Visu. М., 1994. № 5 / 6. Эти аргументы в целом приняты А. В. Лавровым: Примечания // Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 969. Примечательно, что, независимо от привходящих обстоятельств, этот роман А. Белого внутри редакции РМ считался мерилом литературного «бреда» (*М. К.* С. Л.Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916). С. 589).

Несмотря на интеллектуальный авторитет, активное участие в литературном процессе, особую чуткость к философским новациям и фундаментальный анализ вопросов текущей политики, к 1910 году РМ в руках С. оказался в тяжёлой финансовой ситуации, а сокращение числа подписчиков лишило его перспектив самостоятельного выхода из банкротства. В 1911 г. новым сотрудником РМ был объявлен благотворитель газеты «Искра», журнала «Освобождение», сборника «Проблемы идеализма», журнала «Вопросы Жизни», переводчик Д. Е. Жуковский, что на деле означало его привлечение к РМ в качестве его акционера (пайщика), немедленно выступившего издателем сборников статей руководителей редакции РМ С. и С. Л. Франка — соответственно «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.)» (СПб., 1911) и «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб., 1911)[290]. Однако финансовый дефицит РМ, по-видимому, превышал возможности Д. Е. Жуковского, и не его участие помогло РМ выжить. Участвуя вместе с С. Н. Булгаковым в политических встречах интеллигенции и профессуры с представителями крупного капитала в 1909–1910 гг., С. пытался внести в их политические приоритеты задачи общенационального экономического, внутри- и внешнеполитического развития. Однако главным результатом этих встреч для С. стала финансовая поддержка со стороны П. П. и В. П. Рябушинских обанкротившейся РМ[291], издание двух томов сборника «Великая Россия»

[290] Предыдущий сборник С. «На разные темы (1893–1901). Сборник статей» (СПб., 1902) объединял марксистские, критические и первые «идеалистические» статьи автора, устарев как актуальный текст ещё до Революции 1905 года. Важно учесть, что оба эти сборника С. плохо расходились в продаже и не встретили читательского успеха, вплоть до весны 1906 года появляясь в рекламных сообщениях о продаже нераспроданных тиражей этих книг.

[291] *В. В. Шелохаев.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 286, 345.

(1910–1912) и ряда книг по экономической истории и теории под редакцией С. В любом случае, это помогло сохранить журнал настолько, что в глазах критиков он даже стал символом органа широкой либеральной коалиции. Ему попытались даже создать альтернативу разнообразные русские марксисты, планируя создать на деньги И. Д. Сытина общемарксистский толстый журнал на основе «Современника», который, по определению Ю. О. Мартова, должен был стать «контр-РМ» и включить в свой коллектив во главе с бывшим другом С. А. Н. Потресовым широкую коалицию в составе Горького, Троцкого, Мартова, Валентинова, Луначарского, Базарова, Рязанова и др. Но проект не состоялся[292].

Продолжая полемику 1908–1909 гг. о еврейском вопросе, начатую с утверждения «асемитизма» как курса на ассимиляцию, непосредственно после циркуляра председателя Совета министров П. А. Столыпина от 20 января 1910 года, в котором «украинцы» (после признания по запросу правительства Российской академией наук в 1905 году украинского — особым языком) были включены в состав «инородцев», и тем самым была официально уничтожена официальная же доктрина о триединстве русского народа (в составе великороссов, малороссов / украинцев и белорусов), С. предпринял многолетние публицистические усилия к формулированию основ русского надэтнического национализма, противостоящего официальному этническому национализму[293]. Главным

[292] И. *С. Розент ль.* Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 86–87.

[293] Тогда же в специальной статье по этому вопросу С. писал: «Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа? Первый национализм открыт для всех, не боится соперничества, сознательно задаётся прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ними окажется более крепким и стойким. Не может быть никакого сомнения: свободный, открытый, завоевательный на-

противником в этом вопросе для С. стало политическое движение в пользу обособления украинцев от русских и за автономию Украины. Придерживаясь, так сказать, «конструктивистского» взгляда на национально-государственное строительство как единство национально-политического освобождения и объединения, имевшего своим образцом объединение Германии и Италии в середине XIX века, С. в этом продолжал и собственную риторику С. и «идеалистического направления» (особенно Булгакова) о национальном освобождении как антисамодержавном «истинном национализме». «Антиукраинская» позиция С. в полемике по украинскому вопросу в 1911–1915 гг. была и продолжением интернациональной дискуссии статистиков, этнографов, демографов о принципе определения национальности при переписях: немецкие и русские научные принципы в пользу определения по языку (и отсюда отрицание статуса украинского как языка, а не диалекта, и, напротив, лексическое, литературное и школьное развитие его для обретения статуса языка у сторонников отдельной украинской национальности) — против французских и австро-венгерских определений этноса как географического единства. На деле — политическая борьба против дальнейшего строительства украинской нации для расчленения России, против тех, кто боролся за её автономию ради укрепления целостности России[294]. Сфо-

ционализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации (...) это есть вопрос о том, что быть или не быть Великой России (...) Отгораживаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. (...) Вот почему торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму. Он не собирает, а дробит государство» (Patritica. С. 299–301. «Два национализма», 1910).

[294] *Жюльет К диo*. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 [2007]. М., 2010. С. 37–46, 124–127.

кусировав полемику о национализме на украинском вопросе, С. столкнулся с неожиданным сопротивлением в своей среде. В итоге 8 июня 1915 г. С. даже официально вышел из состава ЦК кадетской партии из-за своей изоляции в партии по украинскому вопросу[295], где ярче всего против него оказались многолетне и лично близкие ему лица: публично выступил Б. А. Кистяковский, не поддержал В. И. Вернадский, а вне партии — М. И. Туган-Барановский, связывавшие себя с украинским политическим движением за автономию Украины. Незадолго до этого Лев Троцкий в специальном очерке о жанре русского «толстого журнала» подвёл итоги курса, избранного С. во главе РМ: «Это, в сущности, единственный толстый журнал, который не просто живет автоматической силой идейной инерции, а действительно стремится вырабатывать «новые ценности»: национально-либеральный империализм на консервативной религиозно-философской платформе. Но именно поэтому «Русская мысль» вступает в конфликт с практическим, политическим, партийным либерализмом, с кадетством»[296].

В январе 1914 З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский организовали исключение В. В. Розанова из Санкт-Петербургского Религиозно-Философского Общества за антисемитские выступления писателя в печати в связи с известным делом еврея Бейлиса, обвинённого в «ритуальном убийстве»[297]. Протестуя против исключения Розанова, осуждая Розанова, но считая его «морально невменяемым» и потому неподсудным, Струве и солидарные с ним С. Л. Франк

[295] *В. В. Шелох ев.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 426.

[296] *Л. Троцкий.* Судьба толстого журнала [1914] // Лев Троцкий. Литература и революция. М., 1991. С. 305.

[297] Об этом см.: Доклад Совета РФО и прения по вопросу об отношении Общества к деятельности В. В. Розанова / Публ. Е. В. Ивановой // Наш современник. М., 1990. № 10.

и Н. А. Бердяев подали заявления о выходе из Совета Общества[298].

[298] Струве писал председателю Общества А. В. Карташёву 26 января 1914: «Глубокоуважаемый Антон Владимирович! В виду того, что в печать проникли невероятные сведения о моем отношении к вопросу об исключении В. В. Розанова из числа членов Религиозно-Философского Общества, прошу Вас в сегодняшнем заседании огласить настоящее мое письмо, как особое мнение (на особом листе я препровождаю это особое мнение для приложения к протоколу). Я высказался в Совете Общества, как его член, вполне определённо против исключения Розанова по двум основным соображениям. *Во-первых.* Поведение Розанова — и именно это я высказал совершенно категорически в своих последних статьях о Розанове, после которых я сознательно и последовательно не возвращался к суждениям о личности и поведении этого писателя — по-моему глубокому убеждению совершенно устраняет применимость к нему начала вменения. Я вполне определённо считаю Розанова морально невменяемым. Поэтому в его деле, на мой взгляд, отсутствует основное *субъективное* условие разумного суда над человеком. *Во-вторых.* Религиозно-Философское Общество само по своим задачам не может притязать на функции суда, хотя бы морального, над отдельными лицами. Таким образом исключение из общества, как действие дисциплинарно-судебное, есть действие, не соответствующее природе такого общества, как Религиозно-философское. В силу этого в данном случае отсутствует и основное объективное условие разумного суда. По этим двум соображениям я в Совете Общества высказался против внесения в Общее Собрание предложения об исключении В. В. Розанова. В настоящее время я считаю для себя необходимым огласить это мое особое мнение и одновременно выхожу из состава Совета Общества, о чём прошу Вас сообщить сегодняшнему Общему Собранию. Искренно Вам преданный Петр Струве» (РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1–1 об.; также: Записки С.-Петербургского Религиозно-Философского Общества. Вып. IV. Пг., 1914–1916. С. 23–24). Подобное же письмо направил А. В. Карташёву и С. Л. Франк: «исключение из членов нейтрального в политическом и религиозном отношении Общества не есть целесообразная и надлежащая форма борьбы с тем злом, которое представляет литературная деятельность Розанова последнего периода» (РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1–2).

Развитие этих идей С. см. в: *С. А. Котляревский*. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909 (рец. Г. Н. Трубецкого в: Русская Мысль. 1910. Кн. III).

Одновременно в 1908–1916 гг. С. подробно, насколько это возможно в публицистике, возвращается к детализации своего кредо о противостоящем официальному «лженационализму», «дробящему государство», либеральном, надэтническом, государственно-объединительном в духе Фихте и Мадзини, «освободительном» национализме, прежде сформулированному в статье «В чём же истинный национализм?» (1900). Сначала С. противопоставляет «открытый» англосаксонский национализм — самозамкнутому еврейскому, и присягает первому, Затем, в упомянутой полемике о национализме 1916–1917 гг., он пытается придать ему внеправовой, метафизически-органический характер и формулирует своё представление о реализации национальных интересов в форме «Великой России» (статья «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», 1908) — в соединении внутриполитических либеральных и социалистических прав, свобод и ценностей с империалистической внешнеполитической и внешнеэкономической экспансией России. Главным смыслом этого оказывалось стремление избежать сценария национальной катастрофы в результате противоборства великих держав: «*Сл б я* Россия со всей позицией, со всем прошлым, со всеми традициями *великой* державы. Положение... опасное до трагизма. (...) При этом положении Россия... всегда может быть отброшена назад в XVII век и низведена на ту ступень, которую она занимала до великой северной войны»[299]. Ясно понимая, что будущую войну Россия будет вести против объединённого фронта Германии и Австро-Венгрии, С., тем не менее, требует переориентировать направление империалистических усилий России с Дальнего Востока на Ближний Восток и турецкие Проливы. При этом у С. нет сомнений, что политическое освобождение России означает политическое отделение от неё Финляндии и Польши. С точ-

[299] Patriotica. С. 137, 139. «Современное международное положение под историческим углом зрения», 1909. См. также: С. 235. «О “Вехах”», 1909; С. 299–301. «Два национализма», 1910.

ки же зрения литературной традиции, в этой концепции С. реабилитирует внешнюю политику и «внешнюю мощь» государства для левой и либеральной оппозиции, стремясь обосновать «новую русскую государственность», устанавливает «мерилом» эффективности внутренней политики правительства и политического класса страны того, «в какой мере эта политика содействует т. н. внешнему могуществу государства», «государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи... государство и нация должны органически срастись»[300]. Актом этого сращивания С. мыслит именно революцию: «Как смута [XVII века] была первым рождением нации, так революция XX века была её вторым рождением»[301]. «Государство... сверхразумно и внеразумно... Государство есть существо мистическое... Война есть самое видное, самое яркое, самое бесспорное обнаружение мистической природы государства... Могущество государства есть его мощь вовне»[302]. Из этой формулы впоследствии, прямо указывая на свою генетику, выросли национал-большевизм Н. В. Устрялова (1920) и идеология эмигрантского сборника «Смена Вех» (1921).

Февральскую революцию 1917 года С. встретил с надеждами на полноценное государственное строительство[303] и лично принял в нём участие, в апреле 1917 став директором Экономического департамента МИД России (при министре П. Н. Милюкове). В поддержку журнала «Русская Мысль» предпринял издание более оперативного журнала «Русская Свобода». Октябрьскую революцию оценил как антилиберальную контрреволюцию[304] и принял активное участие в Гражданской войне на стороне белых, а за-

[300] Patriotica. С. 73, 76–80, 93. «Великая Россия», 1908.

[301] Там же. С. 206. «Мнимая пропасть», 1908.

[302] Там же. С. 98, 100. «Отрывки о государстве», 1908.

[303] *П. Струве.* Освобождённая Россия // Русская Мысль. М.; СПб., 1917. Кн. II.

[304] *П. Струве.* В чём революция и контрреволюция? // Русская Мысль. М.; СПб., 1917. Кн. XI–XII. II о.

тем — в жизни правого крыла политической антибольшевистской эмиграции. Подвести итоги дореволюционного развития С. пытался в московском «идейном сборнике», составленном в развитие закрытого большевиками журнала «Русская Мысль», «Из глубины» (1918), в котором почти полностью приняло участие авторское ядро сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909): С., Бердяев, Булгаков, Франк, Изгоев и их единомышленники Новгородцев, Котляревский и другие, — но он не смог выйти в свет и был издан лишь малым тиражом годы спустя, не получив никакого распространения.

Архивы

РО РНБ (Архив Дома Плеханова). Ф.753 (письма С. к А. А. Кизеветтеру (1907–1911), Г. В. Плеханову (1895–1899), Н. А. Герд (1910–1911), Л. Я. Гуревич (1906–1910)); РО ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 89 (письма С. к Л. Я. Гуревич, 1906–1915), Ф. 39 (письма С. к З. А. Венгеровой, 1897–1899), Ф. 444 (переписка С. и Н. А. Герд с В. Я. Брюсовым, 1906–1916); РГИА. Ф. 727 (письма С. к Б. Э. Нольде, 1909–1916), Ф. 25 (Политехнический институт, личное дело С., 1909–1918), Ф. 776. Оп. 1. Д. 31а. Оп. 8. Д. 803, Оп. 21, ч. 1. Д. 342, Ф. 777. Оп. 25. Д. 1863б (цензурное дело журнала «Новое Слово», 1897); Ф. 776. Оп. 1. Д. 31а. Оп. 8. Д. 803, Оп. 21, ч. 1. Д. 342, Ф. 777. Оп. 25. Д. 1863б; Ф. 776. Оп. 1. Д. 32, Ф. 776. Оп. 8. Д. 1216, Ф. 777. Оп. 5. Д. 22 (цензурное дело журнала «Начало», 1899); РГАСПИ. Ф. 279 (личный фонд С.); ГАРФ. Ф. 604 (личный фонд С.).

Сочинения

П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894; *П. Струве*. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб., 1902; *П. Струве*. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник

статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911; *П. Струве*. Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Т. 1; Т. 2. Ч. 1. СПб., 1913–1916; *Pierre Struve*. Le Bolchévisme et Lénine // La Russie d'aujourd'hui et de demain / Dir. G. Klutchnikoff. № 1. Paris; Neufchatel, 1920; *П. Струве*. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Париж, 1949. № 9, 10, 12; Манифест РСДРП (1898) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1898–1925. М., 1953; *П. Б. Струве*. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981; Материалы к творческой биографии П. Б. Струве / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *П. Б. Струве*. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жуков и А. П. Поляков. М., 1997; *Н. А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием Петра Струве [1901] / Сост. В. В. Сапов. М., 1999; *П. Б. Струве*. Избранные сочинения / Сост. М. А. Колеров. М., 1999 (Приложение к журналу «Вопросы философии»); *Пётр Струве*. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина / Сост. А. В. Хашковский. СПб., 2000; *Русский соци л-демокр т Nemo [П. Б. Струве]*. Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892). Приложения: Петр Струве: 1. Письма о нашем времени (1894), 2. Усложнение жизни (1899), 3. О нашем времени. I. Высшая ценность жизни (1900) / Публ. М. А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; *П. Струве*. Марксова теория социального развития (1898) // Там же; *П. Струве*. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus... (1898) // Там же; *Пётр Струве*. Палач народа (1905) // Там же; *Пётр Струве*. Карл Маркс и судьба марксизма (1933) // Там же; Национализм. Полемика 1909–1917. Сб. ст. / Сост. М. А. Колеров. М., 2000 (Переизд.: М., 2015); *П. Б. Струве*. Дневник политика (1925–1935) / Отв. ред. Н. А. Струве. М.; Париж, 2004; *П. Б. Струве*. Торговая политика России / Сост. М. М. Савченко. Челябинск, 2007; Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник

за 2006/2007 год. М., 2009; *П. Б. Струве*. Избранные труды / Сост. О. К. Иванцова. М., 2010.

Переводы

Г. Шульце-Геверниц. Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса / Пред. П. Струве. СПб., 1897; *М. Шиппель*. Денежное обращение и его общественное значение / Пер. под ред. П. Струве. СПб., 1897; *П. К мпфмейер*. Очерки по истории немецкой культуры / Под ред. П. Струве. СПб., 1898; *К рл М ркс*. Капитал. Т. 1 / Под ред. и с предисл. П. Б. Струве. СПб., 1898; *Поль Де-Рузье*. Профессиональные рабочие союзы во Франции / Под ред. и с предисл. П. Б. Струве. СПб., 1898; *В. Болин*. Спиноза / Пер. под ред. П. Струве. СПб, 1899; *Ю. Липперт*. История культуры / Пер. П. Струве. СПб., 1899; *Кюльпе*. Введение в философию / Пер. под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901; *Т. Липпс*. Основные вопросы этики. Пер. под ред. П. Б. Струве и Н. О. Лосского. СПб., 1905.

Переписка

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3-х томах / Глав. ред. М. Т. Иовчук. М., 1973–1974; Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания / Отв. ред. М. Т. Иовчук. М., 1984; *А. А. Борм н*. Москва — 1918. (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Кн.1. Л., 1991; *С. Л. Фр нк*. Письма к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) / Публ. М. А. Колерова // Путь. № 1. М., 1992; *В. В. Роз нов*. Письма к Н. К. Михайловскому [1892] и П. Б. Струве [1917] / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 9; *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; Испытание революцией и контрреволюцией: Переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925) / Публ. М. А. Колерова и Ф. Буббайера // Вопросы философии. 1993. № 2; Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) [1899–1905] / Публ. М. А. Колерова // Лица. 3. М.; СПб., 1993; *Сергей Булг ков*.

Письма к П. Б. Струве (1901–1903) / Публ. М. А. Колерова // Новый Круг. № 3. Киев, 1993; *П. Б. Струве*. Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Сер. 8, история. 1994. № 4.

Библиография

И. А. Конд ков . «Он не был бунтарём...» // Советская библиография. 1991. № 6. С. 85–107; *О. Л. Гн тюк*. П. Б. Струве. Библиография печатных работ и исследований о его творчестве // Вече. Альманах русской философии и культуры. 11. СПб., 1998; Библиография // Ричард Пайпс. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001. С. 581–671.

Литер тур

А. Ф ресов. Народники и марксисты. СПб., 1899; *Мих. Оленов*. Так называемый «кризис марксизма». СПб., 1905; *Л. Аксельрод (Ортодокс)*. Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. М.; *Пг.*, 1923; Н. И. Кареев. Основы русской социологии [1920-е]. СПб., 1996; *А. М. Воден*. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. 1927. Т. 3;. *Б. С. Ижболдин*. П. Б. Струве как экономист // Новый журнал. № 9. Нью-Йорк, 1944; *Б. И. Никол евский*. П. Б. Струве // Новый журнал. № 10. Нью-Йорк, 1945; *С. Л. Фр нк*. П. Б. Струве (Опыт характеристики) [1949] // С. Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1996; *С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956; *Н. А. Цуриков*. Пётр Бернгардович Струве [1953] // Н. А. Цуриков. Прошлое. М., 2006; *Н. В лентинов*. Из прошлого: П. Б. Струве о Ленине // Социалистический Вестник. 1954. № 8–9; *С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956; *В. А. М ксимов* . «Новое слово» и «Начало» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890–1904 / Отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1981; *М. А. Никитин* . «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.,1984; *К. Ф. Ш цилло*. Русский либерализм накануне рево-

люции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985; *Е. В. Ив нов* . Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. М., 1990. № 10; *И. Конд ков* . «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму...» // Ориентиры. М., 1991. № 2; *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5; *П. П. Г йденко*. Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *М. А. Колеров, Н. С. Плотников*. Творческий путь П. Б. Струве // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *М. А. Колеров*. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De Visu. М., 1993. № 9; *М. А. Колеров*. Журнал «Полярная Звезда / Свобода и Культура» (1905–1906) // Новое литературное обозрение. № 3. М., 1993; *З. М. Зотов* . Петр Бернгардович Струве // Вопросы истории. М., 1993. № 8; *О. Г. Прост ков*. П. Б. Струве и В. В. Розанов // Мир источниковедения. Пенза, 1994; *М. А. Колеров*. Почему П. Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // De Visu. М., 1994. № 5 / 6; *М. П. Аф н сьев*. Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. М., 1994. № 12; *И. П. Смирнов*. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М., 1995 (переизд.: 2012); *М. А. Колеров*. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; *Б. М. Виттенберг*. П. Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 1997; *М. А. Колеров*. «Начало» (1899). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998; *О. Л. Гн тюк*. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; *М. В. Мих йлов* . Нужно ли «обуздывать» личное? (Новые штрихи к портрету А. М. Калмыковой) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. Вып. I. М., 2000; *Б. П. Б луев*. П. Б. Струве как историк (к постановке проблемы) // Отечественная история. 2001. № 1; *А. Л. Дмитриев*. Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из ис-

тории экономики. СПб., 2001; *Рич рд П йпс*. Струве: левый либерал. 1870–1905 [1970]. М., 2001; *Рич рд П йпс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001; *С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // Семен Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова и Ю. П. Сенокосова. М., 2001; *Йо хим Цв йнерт*. История экономической мысли в России. 1805–1905 [2002] / Пер. под ред. В. С. Автономова. М., 2007 (Глава 5.4); *А. Н. Потресов*. Избранное / Сост. Д. Б. Павлов. М., 2002; *М. А. Колеров*. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / Сост. М. Г. Покидченко. М., 2003; *М. А. Колеров*. Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; *А. А. Г поненков, С. В. Клейменов , Н. А. Попков* . Русская Мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания. 1907–1908. М., 2003; *А. А. Г поненков*. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст: Диссертация... доктора филологических наук. Саратов, 2004; *А. Н. Н рбут*. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20); *О. К. Ив нцов* . Философия либерального консерватизма: Опыт историко-философского анализа наследия П. Б. Струве. М., 2004; *С. В. Белов*. История одной «дружбы» (В. И. Ленин и П. Б. Струве). СПб., 2005; *А. Дмитриев*. Эмигрантский диспут П. Б. Струве и А. Д. Билимовича [1923–1924] // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007; Из архива А. Н. Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев. М., 2007; Из архива А. Н. Потресова. Вып. 2. Письма А. М. Калмыковой. 1894–1905 гг. / Отв. ред. Н. В. Макаров. М., 2007; *Йо хим Цв йнерт*. История экономической мысли в России [2002]. М., 2008 (Глава 5.4); *О. В. Ан ньев*. Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. СПб., 2009; *М. А. Колеров*. О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А. А. Кизеветтера к П. Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009; Из архива группы «Освобождение тру-

да». Вып. 1. Переписка 1883–1897 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев. М., 2009; Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 2. Переписка 1898–1903 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев, С. В. Тютюкин. М., 2009; *Г. М. Г мбург*. Л. Толстой, «Вехи» и П. Б. Струве в 1909 г. // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011; Пётр Бернгардович Струве / Под ред. О. А. Жуковой и В. К. Кантора. М., 2012; *М. А. Колеров*. Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // Русский Сборник: Исследования по истории России. XI. М., 2012; *О. А. Жуков* . Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П. Б. Струве) // Вопросы философии. М., 2012. № 3; *П. Ю. С вельев*. «Новое Слово» // Революционная мысль XIX — начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В. В. Журавлёв, А. В. Репников. М., 2013; *П. Ю. С вельев*. «Начало» // Революционная мысль XIX — начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В. В. Журавлёв, А. В. Репников. М., 2013; *В. Н. Жуков*. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; *В. В. Шелох ев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

Борис Ков лев

Философские беседы в умершем городе: С. А. Аскольдов и оккупанты в Великом Новгороде в 1941–1943 гг.

«Город воли дикой, / Город буйных сил, / Новгород великой / Тихо опочил», — так писал в начале XIX века поэт Эдуард Губер о Великом Новгороде. Город мало изменился и к началу XX века. Казалось, что все войны и революции обходят его стороной. Что из себя представлял Великий Новгород в 1930-х годах? Это был относительно небольшой районный центр Ленинградской области, утративший свой губернский статус в 1927 году. Он практически не имел серьезной промышленности, но сохранились в достаточно большом количестве памятники древней архитектуры.

Находившийся в менее чем 200 километрах от Ленинграда, Новгород являлся достаточно «курортным» местом ссылки. Именно здесь в 1933 году, отнюдь не добровольно, оказался известный российский религиозный философ Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев, 1871–1945). Написано о нем немало, и о его философских трудах, и о его работе в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Гораздо меньше исследован период его пребывания в Новгороде. Известно, что он нашел себе работу в одной из средних

школ. Однако в фондах Государственного архива Новгородской области документы, относящиеся ко второй половине 1930-х годов, представлены очень слабо: практически все они погибли в годы Великой Отечественной войны. Часть архивохранилищ сгорела во время немецкой бомбардировки, а что-то было просто сожжено в печках немногочисленных горожан в зиму 1941–1942 гг.

О чем может мечтать так называемый истинный интеллигент? Конечно о свободе. В XX веке она являлась ему то в образе Манифеста 17 октября 1905 года, то Февральской революции 1917. Он был готов поддерживать любые действия, направленные против «проклятого царизма», но установившаяся власть большевиков явно не соответствовала его идеалам и чаяниям. И надежда стала возлагаться на «цивилизованную Европу» во всех ее проявлениях. Поскольку для них, «внутренних интеллектуальных эмигрантов», правилом хорошего тона было категорически не верить всему, о чем писалось в советских газетах, национал-социализм Гитлера не казался чем-то страшным и отвратительным. Наоборот, можно было поверить в лозунг «о грядущей свободе от ига большевизма, которую принесет немецкий солдат». Конечно, Сергей Аскольдов к началу войны был уже стар. Но он особо и не пытался эвакуироваться. Тем более что в начале 1941 года в Новгороде появился его старый знакомый по Ленинграду и религиозно-философскому обществу «Братство преподобного Серафима Саровского» Борис Филистинский (в послевоенной эмиграции известный как историк литературы Борис Филиппов, 1905–1991), который свои первые недели пребывания в городе на Волхове позднее опишет так: «Было это в Новгороде зимой 1941 года, в то время — города бывших зеков и ссыльных. Сестры Татьяна и Ольга Николаевны Гиппиус, художница («тетя Тата») и скульптор («тетя Ната»), психиатр и литературовед И. М. А., наконец, статный седокудрый красавец — Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов, талантливый философ, как и все петербуржане,

выбравший Новгород как «постоянное место жительства», после тюрьмы и лагеря»[1].

Знакомству Филистинского и Аскольдова было уже почти пятнадцать лет. Так Филистинский описывал одну из первых их встреч: «Сергей Алексеевич — высокий, стройный, очень красивый старик. Старик, впрочем, он только для нас, восемнадцати- и двадцатилетних. Ему пятьдесят три года. Но длинные, почти до плеч, немного вьющиеся волосы совершенно седы, и серебряная борода красиво подчеркивает характерный пушкинский подбородок. Из университета его уже года два как изъяли, как «идеалиста», и он сейчас преподает технологическое товароведение в Политехническом институте, да что-то читает в институте истории искусств»[2].

Начало войны с нацистской Германией Борис Филистинский воспринял положительно. Ему давно нравилась нацистская Германия с ее культом силы, физического развития и безусловной доминантой титульной нации[3]. В новых реалиях у него появилась возможность отплатить советской власти за все перенесенные страдания и репрессии. Любую силу, которая воевала с большевиками, он считал правой и считал своим долгом ей всячески помогать. И, конечно, была мечта — реализовать свой творческо-интеллектуальный потенциал, совершенно не востребованный в реалиях советского строя.

Самый конец июля — начало августа 1941 года описываются коллаборационистским журналистом Сергеем Климушиным весьма убедительно и точно: «До вчерашнего дня жители города все еще не думали, не знали, придется ли, и куда уходить, далеко ли немцы, и будут ли, и как защи-

[1] *Б. Филиппов*. Статьи о литературе. London, 1981. С. 55.

[2] *Б. Филиппов*. Избранное. Лондон, 1984. С. 64.

[3] См.: Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (СРАФ УФСБ СПБЛО). Д. 10586. Лл. 27об., 100.

щать Новгород. Лихорадка последнего месяца, с того дня, как город стал подвергаться бомбежкам, притупилась, улеглась, — и порой казалось, что уже никогда не жили иначе, не ночевали нигде, как только в сырых сводчатых подвалах, где все углы были забиты мешками с пришитыми заплечными лямками — на всякий случай»[4]. Но ссыльные скорее ждали прихода немцев, чем боялись его. Они надеялись на позитивные перемены как в своей судьбе, так, быть может, и России. Сразу же после того, как вермахт занял Новгород, Филистинский отправился в немецкую комендатуру и предложил оккупантам свои услуги по налаживанию «нового порядка»[5]. Это предложение было нацистами благосклонно принято. Собрав на своей квартире всех тех, кому он доверял, Борис Андреевич сообщил им, что по поводу создания «новой русской администрации» получено предварительное согласие, так как он с немцами уже говорил, и те поручили подобрать ему надежных людей. При встрече с немецким военным комендантом Новгорода (офицер в чине майора), тот расспросил пришедших об их биографиях, времени проживания в Новгороде, наличии образования. Также был задан вопрос и о репрессиях против них со стороны советской власти[6].

Одним из основных направлений работы коллаборационистской администрации Новгорода являлась борьба с любыми проявлениями сопротивления новым властям. Для этого были созданы городская стража («русская полиция») и политическая полиция, которую возглавил Борис Филистинский. В условиях, когда город жил впроголодь, любой кусок хлеба казался роскошью. На общем собрании персонала Колмовской больницы, где Филистинский по-прежнему числился, его решили лишить пайка как пе-

---

4 За Родину (Псков). 1942, 12 декабря.

5 См.: Архив Управления ФСБ по Новгородской области (АУФСБ НО). Д. 43689. Л. 12.

6 Там же. Л. 83.

реставшего работать. Но это предложение он заметил: «Попробуйте. Я сейчас работаю в русском гестапо»[7].

Предполагалось, что все лица, заподозренные в связях с советским подпольем, относятся к ведению только тайной государственной полиции рейха. При выявлении полицейскими таких людей о них докладывалось Филистинскому. Последний выделял нескольких вооруженных немецких солдат, и люди, выражавшие недовольство нацистским оккупационным режимом, арестовывались и доставлялись в немецкую комендатуру для разбирательства. Многие арестованные после этого бесследно исчезали. Согласно показаниям многочисленных свидетелей, выступая перед полицейскими и сотрудниками городской управы Филистинский неоднократно заявлял о том, что нужно «активизировать выявление коммунистов и евреев и передавать их на расправу немцам. «Нечего их жалеть» — говорил он»[8]. Согласно информации, полученной после освобождения Новгорода органами государственной безопасности, Филистинский в сентябре 1941 г. лично арестовал советского партизана Прокошина, бывшего начальника штаба ПВХО (противовоздушной и химической обороны) Колмовской больницы. Арест был им произведен вместе с русскими полицаями, служившими под его началом. Все это происходило в кладовой больницы, где партизан, будучи раненым, скрывался[9]. В конце сентября 1941 г. Филистинский выдал немцам столяра Колмовской больницы еврея Гринберга[10].

Следует признать, что для человека, оказавшегося в экстремальных условиях нацистской оккупации, свобода выбора всё-таки была. Кто-то встал на путь антифашистского сопротивления, кто-то просто пытался выжить: спасти

[7] Там же. Л. 56.
[8] Там же. Д. 1/13280. Л. 64.
[9] Там же. Д. 43689. Л. 72.
[10] Там же.

свою жизнь, а также жизни своих близких. Но даже сотрудничать с гитлеровцами можно было по-разному. У кого-то переход на сторону гитлеровцев был связан с неверием в победу Красной Армии. Так называемые «бывшие», репрессированные в годы советской власти или ранее скрывавшие свое социальное положение, готовы были мстить. Но были и обыкновенные приспособленцы, желающие хорошо и сытно жить в экстремальных условиях оккупации, сделать карьеру при новой власти. Причины, толкнувшие на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, они были в значительной степени порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. С одной стороны, Борис Филистинский гордо заявлял, что он работает в «русском гестапо» (со всеми вытекающими отсюда последствиями), с другой же, — попытался создать что-то вроде философского кружка.

Уже после окончания войны, в эмиграции, Филистинскому вспоминалось несколько другое: «Война. Немецкая оккупация. Голодная и холодная зима 1941–1942 года. Город разбит, сожжен, разрушен дотла. Немногие погорельцы скучились и прижились на территории уцелевшей чудом пригородной Колмовской психиатрической больницы, поселившись в полуподвальных этажах больничных корпусов, в докторских флигельках. Тут поселились и Аскольдов, и крупный эллинист, известный переводчик Платона и поэт-футурист А. Н. Николев (псевдоним), и его младший брат — поэт и прозаик Александр Котлин (псевдоним), и я и еще несколько уцелевших... И в тесной комнатке психиатра и литературоведа И. М. А. при ночнике, у железной печурки — под канонаду и разрывы бомб — философские споры, чтение своих стихов и особенно своевременного венка сонетов Вячеслава Иванова. Гадания о будущем раздираемой войной и террором — и советским и немецким — России. Только что вырвавшиеся из испепелённой души стихи: не только Котлина и Николева, не только

мои, но и стихи Аскольдова. Еле-еле брызжет свет ночника. То и дело дом пошатывается от взрывов. Кровля пробита осколками снарядов. Иной раз доносится явственно исступленный вой смертельно напуганных сумасшедших. И тем глубже западают строфы «Зимних Сонетов»»[11].

Что это были за стихи? Вот, например, произведение Аскольдова, опубликованное в 1943 году:

Но правит миром всё ж, с огнем в союзе, сталь.
Военный гром ее всех громче и победней,
Решает правды спор теперь она последней....
Пусть гибнет лживый мир — нам прошлого не жаль![12]

Безусловно, служба оккупантам не исключала возможности философских споров и чтения стихов, маленьких человеческих радостей. Более того, что-то из этого цитированного отрывка соответствует действительности. Но, конечно, не страдания от немецкого террора, поскольку данный автор, согласно показаниям многочисленных свидетелей, сам был его непосредственным организатором.

А. Н. Николев — это переводчик городской управы Андрей Николаевич Егунов, Александр Котлин — его брат, Александр Николаевич Егунов, И. М. А. — врач Колмовской больницы Иван Михайлович Андриевский. Что касается «литературных посиделок», то они запомнились соседям следующим образом: «На квартире Филистинского часто устраивались вечера, где присутствовали немецкие и испанские офицеры. Играли на пианино, пили и пели. Все это мне известно, так как я жила рядом с Филистинским»[13].

Что касается самого Алексеева-Аскольдова, то он получил возможность не только читать свои стихи и рассуж-

[11] *Б. Филиппов*. Статьи о литературе. С. 55–56.
[12] За Родину (Псков). 1943, 24 декабря.
[13] Для всех. Иллюстрированный журнал. Рига, 1944. № 3.

дать о будущем России. Свои страницы для публикаций ему предложили различные организованные оккупантами газеты и журналы. Среди них были такие издания, как «За родину» (Псков — Рига) и «Для всех» (Рига). Нет, в его произведениях не было восхваления Гитлера и нацизма. Но в бедах сегодняшнего дня он мягко обвинял как саму Россию, так и русский народ, поправший самое святое. «В итоге о душе русского народа, в первую четверть текущего XX века, а особенно в период советской власти просто не приходится и говорить. Это какие-то деформированные остатки былого целостного духовного организма. Здесь мы имеем все переходные ступени от полного искажения типа русской души до почти полного его сохранения в некоторых представителях простого народа и интеллигенции»[14].

Понятно, что исцеление России может быть связано только с теми людьми, которые встали на путь борьбы с большевизмом: «В этих уцелевших после низвержения советского ига людях залог возрождения русской души от тех поистине катастрофических повреждений, которые причинили ей революция и советский строй... Старый мир рушится во всех частях земного шара и наступает нечто трудно представимое по своей новизне... Усилия всех, уцелевших после бурь революции и войны, русских людей, должны быть направлены на то, чтобы укрепить и развить все то лучшее, что уцелело в русской душе, и связать это с лучшими сторонами западного гуманизма»[15].

Сложно представить, что все эти стихи, разговоры о поэзии и «лучших сторонах западного гуманизма» звучали в нескольких десятках метров от Колмовской больницы, располагавшейся в пригороде Новгорода. Есть несколько источников о гибели больных этой больницы зимой 1941–1942 гг. Так, в материалах для книги, предназначенной для внутреннего пользования «Чекисты на защите Ле-

[14] Там же.
[15] Там же.

нинграда» (Ленинград, 1945 год), говорится следующее: «...так же о массовом умерщвлении немцами и их пособниками больных советских граждан в одной из психлечебниц в Новгородском районе... К моменту оккупации г. Новгорода немцами в 1941 г. в Колмовской психиатрической больнице осталось не эвакуированными около 800 человек больных советских граждан»[16].

Уже после войны один из свидетелей А. А. Пензин расскажет сотрудникам органов государственной безопасности следующее: «Во время моего поступления на работу в сентябре 1941 года в Колмовскую больницу, там находилось значительное число психических больных и мирного населения, которое выехало туда из разрушенного Новгорода и размещалось в многочисленных зданиях посёлка. На излечении в больнице находились, кроме психических, и другие больные из окружающих населённых пунктов. Также там находились на излечении военнопленные красноармейцы из лагеря, разместившегося на территории черепичного завода, который располагался в полукилометре от Колмово»[17]. И далее: «В истреблении больных, помимо немецких военных врачей, участвовали медработники из числа советских граждан — Андриевский Иван Михайлович, врач, ранее судился за антисоветскую агитацию; Филистинский Борис Андреевич, сослан в Новгород»[18].

И еще о «западном гуманизме». На колмовских литературных вечерах иногда присутствовали и немецкие врачи. Кроме игры на музыкальных инструментах и чтения стихов, они рассказывали собравшимся о том, что «в Германии после 2-х лет лечения психических больных, которые неизлечимы, физически уничтожают»[19].

---

16 АУФСБ НО. Д. 1 / 6717. Л. 36.
17 Там же.
18 СРАФ УФСБ СПБЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 180–181.
19 Там же. Л. 181.

Можно понять нелюбовь, а зачастую и ненависть этих людей, участников философских вечеров в Новгороде, к советской власти. Но трудно осознать: почему они, образованные, прекрасно знающие литературу и искусство, говорящие о своей любви к России, пошли на сотрудничество со службами III Рейха. Ведь они не могли заявлять, как большинство немцев после войны, что, мы, мол, ничего не знали и ничего не видели! Что не знали о концлагерях, не догадывались, куда исчезают бывшие соседи-евреи.

И после всего пережитого, после видов разоренного Новгорода и Пскова, картин гибели тысяч своих соотечественников Аскольдов в одном из последних номеров газеты «За родину» публикует статью «О святой ненависти». В ней он пишет: «По отношению к советской власти эта ненависть, безусловно, имеет свое оправдание. Именно к большевикам мы никогда не можем быть снисходительными. Между ненавистью и любовью существует глубокая связь. Кто сильно любит все высокое, доброе, справедливое, тот неизбежно ненавидит высшее проявление зла и, особенно, когда оно торжествует над добром и является его поработителем и мучителем»[20].

В 1944 году нацисты были готовы привлечь любых союзников для борьбы с наступающей Красной Армией. Русские к этому времени уже перестали числиться унтерменшами, а рассматривались как возможная «третья сила» в этой войне. Поэтому слова Аскольдова были вполне понятны читателям: мол, немцы нехороши, но большевики — абсолютное зло. Конечно, эта мысль давалась в более изящной словесной конструкции: «Конечно, безупречных правительств история знает немного, дурных знает очень много, но такого подлого и зверского правительства, как советская власть, в истории не найти. Этот случай единственный, и, чтобы он так и остался в истории единственным, — нужно совсем особое к нему отношение. Ненависть к этой власти,

[20] За Родину (Рига). 1944, 8 августа.

пробуждение ее в других должна быть священным долгом каждого и особенно русского человека»[21].

В это время бывшие участники новгородских философских посиделок вместе с немцами начали свое движение на Запад. Победа над большевиками, которая казалась такой близкой, становилась все более иллюзорной. Оставалась одна надежда — надежда на Бога. В апреле 1944 года Сергей Аскольдов публикует небольшое стихотворение, в котором пытается убедить читателя, что далеко не все еще потеряно. Оно называлось «Война и шахматы»:

Как новичок за шахматной игрою
Двух мастеров бессмысленно следит,
Так мы следим за мировой войною,
Пытаясь угадать, кто победит.
Зачем-то отодвинут конь у белых,
А пешка заняла его квадрат.
Как много видится ударов смелых
И кажется, так близок белым мат.
Ан смотришь: пешка стала вдруг угрозой,
А конь шагнул, чтоб дать ладье простор,
И сам король величественной позой
Готов уж произнесть свой приговор.
Так неисповедимы Божьи планы,
А Бог средь всех — искуснейший игрок;
Нежданно смелым Он залечит раны
И отведет от них грозящий рок[22].

Но война становилась все более неудачной для нацистов и их союзников. Русские же коллаборационисты готовили для себя миссию эмигрантов. За XX век это была уже вторая волна. Аскольдов в своем стихотворении с говорящим

[21] Там же.
[22] Для всех. Иллюстрированный журнал. Рига, 1944. № 4.

названием «Жизнь прожита не так, как надо» так оценивал свое ближайшее будущее:

И так, возьмем с собой в могилу
Цветы несбывшихся надежд
И неистраченную силу,
Обиды мстительных невежд.
Там, в зарубежном мире, снова
Все то, что здесь не дало плод,
Все, что растоптано сурово,
Нездешней порослью взойдет...[23]

В 1944 г. Сергей Аскольдов получит премию за свою книгу «Критика диалектического материализма». Он умер в Потсдаме через несколько недель после окончания Великой Отечественной войны.

[23] Для всех. Иллюстрированный журнал. Рига, 1944. № 5.

Ст тьи С. А. Аскольдов из оккуп ционной печ ти 1943–1944 годов

Сокр т и его учение

Сократ жил в V столетии до Р. Х. Он был сыном ваятеля Сифрониска и повивальной бабки Фенареты. Неизвестно, чтобы Сократ занимался каким-нибудь профессиональным трудом. По-видимому, его заработок был случайным и скудным. Быть может, этим объясняется сварливость жены его Ксантиппы, имя которой стало нарицательным. Насколько обострялись иногда их супружеские отношения, и с каким спокойствием переносил это Сократ, свидетельствует один случай, когда жене, вылившей на него ведро с помоями, он спокойно заметил: «после грома всегда бывает дождь».

Большую часть времени Сократ проводил на улицах, площадях, гимнастических площадках, где вступал со множеством различных людей в длительные беседы. Но, видимо, беседы эти были совсем особого рода, если слушать Сократа домогались многие знаменитые люди того времени, вроде, например, Алкивиада.

Источников о жизни и учении Сократа существует два: первый — это «Воспоминания о Сократе», написанные его учеником Ксенофонтом, второй — «Диалоги» его второго ученика Платона, в которых центральным лицом является именно Сократ.

Философская позиция Сократа была преимущественно скептической. Большинство его предшественников строило всякие смелые гипотезы о сущности мироздания, о мировом разуме и тому подобном. Сократ же скромно признавался, что во всех этих «небесных» проблемах он ничего не знает и, что, вообще, он ничего не знает. Поэтому, если можно судить

об учении Сократа, то первым тезисом в нем является его знаменитая фраза: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

Но, если уж пытаться что-нибудь познавать, то это, по выражению Сократа, не «небесные» дела, земные, а, главным образом, самого человека. Поэтому его вторым тезисом было «познай самого себя».

Конечно, если бы только этим ограничивались беседы Сократа, то он был бы забыт через десятилетие после своей смерти.

Что же увековечило его имя? Во-первых, метод ведения беседы и, во-вторых, весь живой образ его, как мудреца и праведника. Будучи вообще скептически настроенным, Сократ в одном, однако был твердо уверен, что объективная истина и познание существуют и что они для человека достижимы при правильном и добросовестном мышлении. Далее, он был уверен, что истинное знание и, особенно, знание того, что такое благо и справедливость, — неизбежно ведет к счастливой и правильной жизни. По Сократу, все дурное всегда происходит от незнания. Мудрость и нравственность у Сократа совпадали. Вот этой-то практической мудрости он и учил всех.

Можно смело сказать, что Сократ был первым философом, учившим логически мыслить. Он приковывал внимание собеседников железной логикой своей мысли. Он пленял своих современников — невозмутимым спокойствием и добродушием. Скромно вступал он в возникавшие то тут, то там споры и, принимая вид человека, желающего поучиться у людей более умных и знающих, обычно приводил в тупик и этим разоблачал мнимых знатоков дела, а затем, путем наводящих вопросов, незаметно приводил своих собеседников к правильному решению вопроса, причем выходило так, что собеседник сам, руководимый вопросами Сократа, приходил к тому или иному правильному понятию. Эта оригинальная манера выставлять себя неучем, а собеседника знающим, эта мягкая чуть заметная ирония, — сквозившая в его речах, придавали собеседованиям Сократа

особую задушевность и красоту. Как зачарованные слушали собеседники этого старика с его всклокоченной бородой и неправильным шишковатым черепом.

Содержанием бесед Сократа было, главным образом, выработка понятий о справедливости и общественном благе. Он, несомненно, проводил в этой области определенные взгляды, сводившиеся, главным образом, к нравственному учению о главенстве духовного начала в человеке над телом, его страстями и потребностями, о необходимости подчинять личные интересы общественным. Но при этом Сократ учил, что всякого рода самоограничение человека в отношении низшей, телесной его природы, ведут неизбежно к личному и общественному благу.

Возникает вопрос, как мог такой безобидный человек, пользовавшийся популярностью, преданный своему отечеству гражданин, когда-то храбро сражавшийся за свою родину, быть присужденным к смертной казни? Об этом мы подробно узнаем из Платоновского диалога: «Апология Сократа». Чтобы понять, как могло это случиться, надо представить, в какой общественной обстановке жил Сократ. То была переломная эпоха в духовной жизни греков, когда стали входить в моду разрушительные нигилистические учения, получившие название софистики.

В противоположность Сократу, софисты утверждали, что никакой абсолютной истины не существует, а лишь — относительная. Наиболее крайние из них утверждали, что существует лишь искусство убеждать людей в том или другом, в зависимости от обстоятельств. И это искусство они преподавали за деньги. С этими софистами Сократ находился в постоянной полемике. Для правящего класса Сократ был просто беспокойный человек, от которого им нужно было во что бы то ни стало избавиться.

И вот, недоброжелатели Сократа подговорили кое-кого подать на него в суд жалобу, имеющую характер политического доноса. В ней Сократ обвинялся в трех государственных преступлениях: в том, что он развращает юношество,

подрывает веру в богов и вводит новые божества. Все три обвинения не имели под собой никакой основы. Что у Сократа было много почитателей среди молодых людей — то было верно, но ни о каком развращении не могло быть и речи, поскольку Сократ всегда учил о необходимости воздержания и полном господстве духа над телом.

Неверно было и то, что Сократ разрушал народную религию. Он всегда одобрительно относился и к жертвованиям и к другим видам эллинского религиозного культа. Но, правда, о богах он говорил несколько в ином тоне и видел в народной вере лишь приближенное постижение стоящего над человеком высшего мира.

Сократ произнес на суде свою защитную речь. Она была очень убедительна и полна достоинства. Речь свою он заключил тем, что за свою полезную деятельность он почитает себя достойным не наказания, а награды, а именно быть избранным в высшее судебное учреждение — Притонеи. Это был самый дерзостный вызов суду. Большинством голосов Сократ был присужден к смертной казни через отравление.

В продолжении многих дней, проведенных в темнице, Сократ продолжал беседы с посещавшими его друзьями и учениками Последняя его беседа о бессмертии души описана Платоном в высоко художественной форме в диалоге «Федон». Когда подошла роковая минута, Сократ простился со своими семейными и велел удалить плачущих женщин.

После этого Сократ спокойно выпил яд, лег и через несколько мгновений умолк навсегда.

В наибольшей степени воспринял сократовскую философию молодой его ученик Платон, на все учение которого наложили свою печать не столько мысли Сократа сколько обаятельный его образ и его трагическая судьба.

З Родину, № 34 (11 февр ля 1943).
Подпись: проф. Зырянский

Душ русского н род

Странная это душа, очень трудно поддающаяся характеристике. Во всяком случае она глубоко отличается от души любой другой нации, населяющей Европу. Русский поэт Ф. И. Тютчев (1803–1873 г.), хорошо знавший русский народ, хотя и проживший свыше 20 лет за границей, дал когда-то следующую поэтическую характеристику:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

Но что же он разумел под Россией? Не территорию, конечно, а именно народ, его душу. Почему трудно ее понять? Во-первых, потому, что она полна противоречий и какой-то непоследовательности — что в ней совмещается много чего-то очень ценного, святого и прекрасного со всякого рода греховностью и безобразием», — терпенья с нетерпеливостью.

Русские писатели и в прозе, и в стихах неоднократно давали характеристики русской душе по разным поводам, то говоря о «родине», то просто о России. И везде, везде сквозила эта особенность трудно объяснимых противоречий. Так поэт Некрасов пишет про Россию:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь.

А. Блок — один из последних русских великих поэтов — свое стихотворение «Русь» кончает так:

Дремлю — и за дремотой тайна
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна
Ее одежды не коснусь...

Попробуем, однако понять ее своеобразие из истории.

Россия всегда была государством промежуточным между Западной Европой и Азией. Она не сливалась с Азией в силу расового своеобразия тех племен, из которых она составилась. Но она же была вполне обособлена от Западной Европы, как наследницы древней греко-римской культуры. В России все запоздало по сравнению с Западной Европой на много веков. Вплоть до реформ Петра, т. е. до 18-го столетия, она была почти полудикой.

Тот гуманизм, который в Западной Европе выковывался в течение тысячелетия средних веков и раскрывался в искусстве — в литературе, живописи, архитектуре, в философии, богословии и политических течениях — был совершенно чужд русскому народу. Он, можно сказать, прошел мимо всего этого. Получив в конце первого тысячелетия христианство в виде византийского православия, русский народ воспринял эту своеобразную форму религиозности, лишенную развитых уже в Западной Европе начал гуманизма. Но в человеческой природе вообще можно различать три основных. душевных слоя или принципа — во-первых, нечто общее с животным, или «звериное», во-вторых, специфически «человеческое», т. е. то, что раскрывается в той или иной цивилизации и культуре и в-третьих, начало «святости», влагаемое религией христианства.

Но в русском народе это промежуточное начало человечности было в совершенно неразвитом состоянии к тому времени, когда он принял христианство. Святое соединилось в душе русского человека, можно сказать, почти непосредственно со звериным. Но что же было в нем от этого звериного начала. Во-первых, богатая, развившаяся в привольях русских равнин, телесная организация со все-

ми присущими ей потребностями и страстями. Но вместе с тем и исключительная непритязательность к условиям жизни и выносливость. Затем доброта или жестокость в зависимости от обстоятельств, простота и душевная открытость. Но вместе с этим были проявления иногда необузданной страстности. Вообще для русского человека свойственно жить данной минутой. Планомерное устроение будущего, благоразумная сдержанность — это было чуждо русской душе старых времен. Святое, идущее от религии начало, развивалось в душе русского человека наряду со звериным без этого промежуточного регулятора: человеческой разумности, как культурного достижения.

Но русский народ воспринял христианство со всею искренностью и глубокой верой. Кроме того, необходимо отметить, что он воспринял христианство в очень своеобразной форме, глубоко отличающейся от западных вероисповеданий. В православии религиозные чувства и представления гораздо более тесно связаны с пышным и богатым подробностями церковным культом, чем даже в католичестве. Замечательно, что в этот культ вросло и органически соединилось с ним даже многое из дохристианского язычества славян, например, тризны превратились в поминки, уцелело кое-что из языческих свадебных обрядов и т. п. Можно сказать, что русское православие оказалось наиболее «телесной», «плотской» формой христианства. И это опять-таки вполне гармонично срослось с плотской «звериной» природой русского человека старых времен. Западноевропейский романтизм ни в какой мере не коснулся русской души. Это глубокое различие самым явственным образом обнаруживается даже на эпосе западноевропейском и русском.

Что общего между русским былинным богатырем, осушающим залпом чару «зелена-вина в полтретья ведра», опрокидывающим столы белодубовые» и каким-нибудь мечтательным рыцарем из туманной Эдды или Лоэнгрином и Тангейзером или даже Зигфридом? Ничего или очень

мало. Но эта в значительной мере грубая и простоватая звериная душа, плененная зовами и идеалами христианства, образами древних, а потом и своих собственных русских подвижников и святых — оказалась в то же время способной к самым высоким и трудным подвигам христианского благочестия, смирения и жертвенности. Из слияния этих столь разнородных стремлений вниз — к земле и к телу и ввысь к духу и к небу и возникло это своеобразное образование — «душа русского народа» — некий, если позволительно так выразиться «свято — зверь». Отсюда можно сказать все качества русского народа, ярко выраженные в его истории и отраженные в русской литературе. Конечно, не без того, чтобы качества эти определялись и своеобразием расовых особенностей основного славянского племени, а также не без того, чтобы на склад русской души не влияла природа с ее дикими привольными просторами, словно манящими самую душу человека в широкие ничем не стесняемые просторы.

Этим своеобразным сочетанием основных духовных начал и объясняется своеобразие характера русского человека, его внутренние противоречия и непоследовательности, постоянные колебания между душевным подвигом и глубоким паденьем. Таким именно знает русского человека история. В войне за веру и отечество — храбрый и стойкий, в дружбе преданный и самоотверженный, радушный и щедрый как хозяин — таков он всегда пока светит в нем религиозное начало святости и преданность заветам православия. Но угасают в нем, по тем или иным причинам религиозные чувства и позывы, и он легко превращается в зверя, иногда вредящего только себе (пьянство, разврат), иногда же и всем, кто так или иначе задевает его эгоизм, а то просто всем окружающим (разбойничество, насилие, жестокости). И какое обилие художественных образов подтверждает это своеобразие русской души. Можно было бы привести десятки литературных иллюстраций. Специально крестьянский быт и характер в лучших проявлениях

широкой русской натуры красочно изображал поэт Кольцов — сам вышедший из крестьян. Гоголь и в отдельных индивидуальных образах, и в художественно-символическом образе России, как неведомо куда несущейся тройки, говорил о том же самом. Некрасов в многообразных картинах изображал как возвышенное и светлое, так и зверское низменное в душе русского человека. Его стихотворение «Влас» и рассказ о Кудеяре в «Кому на Руси жить хорошо» живо рисуют этот размах падений русского человека в неистовстве корыстолюбия, насильничества и потом возвышения почти до святости путем искреннего покаяния. Характерную иллюстрацию братской русской души дал Некрасов в «Кому на Руси жить хорошо» в эпизоде с Ермилом-мельником, которому нужно было в течение получаса реализовать большую сумму денег. Он пошел на базар и обратился к народу за помощью, и ему в несколько минут собрали необходимую сумму с излишком без всяких долговых расписок с его стороны, доверясь лишь его слову, что он отдаст. Да и самые «герои» этой замечательной Некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — эти семь мужиков — разве это не самый яркий образец этой простодушной звериной русской души. Ведь в Западной Европе в XIX веке такие «взрослые дети» просто непредставимы. Лев Толстой в «Войне и Мир»дал пленительный образ простого русского крестьянина в лице Платона Каратаева, который можно сказать одним своим видом и поведением осветил как светочем душу графа Пьера Безухова. Достоевский в своем «Дневнике писателя» в воспоминаниях о детской встрече с мужиком Мареем представил удивительной духовной красоты образ простого русского крестьянина. Такие же положительные образы крестьян дал Тургенев в своих «Записках охотника» («Хорь и Калиныч», «Бирюк» и др.). Еще более богатую галерею художественных образов типичного русского человека, при том из разных сословий, особенно из духовенства и дворян, дал писатель 2-ой половины XIX века Лесков. Здесь опять мы видим тот же раз-

мах всякого рода неистовства с одной стороны и кротости и душевного благородства с другой в образах Плодомасова, княгини Протазановой и помещика Рогожина. Рогожин это можно сказать специфически русский Дон-Кихот.

Да, таков был этот иногда достойный преклонения, иногда звероподобный «свято-зверь» в течение многих веков. Мы не особенно ошибемся, если скажем, что так было до 70-х — 80-х годах прошлого столетия. Но с этого времени началась роковая метаморфоза русской души. Запоздалые влияния западноевропейского гуманизма начали воздействовать на русский народ во всей силе. И, к сожалению, это начало происходит чрезвычайно неравномерно.

Если городское население и главным образом интеллигенция воспринимали в течение XIX столетия влияние западной культуры во всем богатстве ее идейного и художественного содержания, то до простого народа — крестьян и рабочих — эти влияния доходили уже лишь в конце XIX века в односторонней искаженной форме атеистических, материалистических, революционных идей. Революция 1917 года и явилась итогом этого постепенного подтачивания религиозных и политических основ жизни русского народа. Но надо быть справедливым. Разложению и искажению народной души способствовали не только революционные и либеральные партии интеллигенции, но и партии правого консервативного уклона, правительство и даже охранительная позиция церкви. С этой стороны было плохо понято, что исторический процесс требовал не слепого сохранения вековых устоев русской жизни, а вывода России на какие-то новые пути и формирования, только не на материалистических, а на духовных и религиозных началах.

Как это неоднократно бывало в истории косный консерватизм оказался пособником злого разрушения. В итоге о душе русского народа в первую четверть текущего XX века, а особенно в период советской власти просто не приходится и говорить.

Это какие-то деформированные остатки былого целостного духовного организма. Здесь мы имеем все переходные ступени от полного искажения типа русской души до почти полного его сохранения в некоторых представителях простого народа и интеллигенции. В этих уцелевших после низвержения советского ига людях залог возрождения русской души от тех поистине катастрофических повреждений, которые причинили ей революция и советский строй.

Можно ли думать, что душа русского народа восстановится в своих прежних характерных чертах? Тот душевный строй, который мы постарались охарактеризовать в предыдущем изложении, конечно, уже неповторим после всего происшедшего и в совершенно новых условиях исторического процесса, которые должны наступить после войны. Старый мир рушится во всех частях земного шара и наступает нечто трудно представимое по своей новизне.

Та душа русского народа, о которой мы говорим, есть достояние далекого прошлого. Будет ли ее новое возрожденное состояние лучше или хуже прежнего, это покажет будущее. Усилия всех, уцелевших после бурь революции и войны, русских людей, должны быть направлены на то, чтобы укрепить и развить все то лучшее, что уцелело в русской душе и связать это с лучшими сторонами западного гуманизма.

Для всех: Иллюстриров нный журн л. № 3 (1м рт 1944).
Подпись: Проф. С. А. Зырянский

Вл. Соловьев и соединение Церквей

Все потрясения и катастрофы, связанные с русской революцией, периодом советской власти и общемировой войной, невольно заставляют нас вспомнить того, кто отчасти все эти события предсказал и чьим призванием было смотреть на все этапы всемирной истории орлиным взглядом пророка, их религиозно понимать и связывать с концом этой истории. Я имею в виду Вл. С. Соловьева. В своей «лебединой песне» — повести об «антихристе» и немногих страницах, написанных им за несколько месяцев до смерти (в 1900 г.) Соловьев отчетливо предсказал и назревшие общемировые, небывалые по своему размаху, войны и надвигающееся владычество «власти тьмы», т.е. стоящий «при дверях» апокалиптический период истории. Ни у кого из религиозных писателей прошлого века не было таких обостренных и мрачных предчувствий, какие так характерны для конца жизни Соловьева. И во всем — во всем осуществились чаяния этого непонятного русского пророка. Правда, владычество советской власти слишком мелко и мало соблазнительно, чтобы видеть в нем последнее мировое царство — царство антихриста, а Ленин и Сталин при всей своей сатанинской злобе и коварстве слишком ординарны и недальновидны, чтобы видеть в одном из них того почти гениального человека, каким представлен был Соловьевым антихрист в его знаменитой повести.

Но если мы вспомним Вл. Соловьева, то нам нельзя не вспомнить и его заветной идеи, и своего рода религиозно-исторической мечты. Мы имеем в виду его ожидание соединения церквей. В своей повести «Об антихристе» смелыми вдохновенными штрихами набрасывает Соловьев картину этого воссоединения в виде экстренного и неожиданно возникшего последнего вселенского собора. Собор этот образовался из небольшой группы, отвергнувших посягательства антихриста, представителей 3-х церквей. Глу-

боко верна мысль Соловьева, что перед общим страшным врагом должны пасть те второстепенные различия, которые в более мирное время послужили основанием для рокового по своему мистическому значению раздробления единого ствола церковного организма на три ветви... И эта мысль становится особенно актуальной в наше время. Владычество абсолютного боевого безбожия, осуществившегося в течение 25 лет в виде советской власти и установленного его государственного строя есть ведь нечто в истории человечества небывалое, поскольку с начала мира не было еще государственного строя, который имел бы своей духовной основой отрицание всякой религии. Человечество никогда еще не находилось пред лицом такой организованной дьявольской силы, и пережитый опыт зла, конечно, должен иметь своим итогом усиление связи и солидарности всех тех, кто религиозно призван этому злу противостать. В самом деле, какое может быть разделение среди тех, кто, имея образ и учение Христа руководящим началом всей своей жизни, стоит пред лицом Его злейшего врага. Не должны ли в таком положении пасть все те перегородки, которые касаются все же тех или иных частностей общего учения. И не следует ли ими пренебречь особенно потому, что самое это учение дошло до нас в такой отрывочной форме, в форме по тем или иным причинам полной загадочных выражений, иносказаний и символических сравнений, и образов. Едва ли в истории человечества было религиозное учение, изложенное столь загадочно, с такой лишь частично приоткрытой глубиной сокровенного смысла, как христианство. Богословы всех времен, в течение 19 веков, пытались установить единогласное толкование всех Евангельских текстов и всегда терпели крушение на разрешении этой задачи. Не напрасно сказано было ап. Павлом: «Надлежит быть и разномыслиям между вами» (1-ое посл, к Коринф., гл. 11, ст 19). Они всегда были и будут. Да и может ли быть иначе по отношению к такому глубоко таинственному учению, как Евангельские изречения Спасителя о Себе,

о церкви, о воскресении. А первый христианский богослов в лице ап. Павла не прибавил ли спорных вопросов хотя бы на тему о первенстве веры или дел в требованиях христианства. А откровение Иоанна Богослова разве не удвоило и не усугубило загадочность основных текстов Евангелия о последних днях человеческой истории. Можно ли при таких условиях кому бы то ни было настаивать, что именно «Я» или «Мы» поняли Христа и Его учение единственно и неоспоримо правильным образом. И не есть ли такое притязание на непогрешимость истолкований одно из проявлений человеческой самоуверенности и гордыни, т. е. его-то наиболее чуждого духу христианства.

В самом деле, если всмотреться в историю человечества вообще и церковную в частности, то не найдем ли мы, что основные виды общественного зла имели всегда в своей основе чью-нибудь нетерпимость к чужим мнениям.

Далее явленное нам в недавнем прошлом высшее проявление государственного зла в лице советской власти разве не имеет своей специфической особенностью именно это свойство человеческой природы считать, что «мы» единственные носители правды и истины. Какое правительство в мире было так ортодоксально в своем учении, с такой неистовой яростью оберегало свое партийное единство от малейших уклонений в ту или другую сторону. Какое правительство так преследовало малейшее иномыслие, т. е. естественное право по-иному понимать тот или иной спорный вопрос. Могут ли христианские церкви уподобляться этому примеру нетерпимости в области своих религиозных убеждений. И что же мы, христиане, по отношению к спорным вопросам нашей религии можем иметь кроме «мнений», которые до решения этих вопросов уже в ином мире не должны претендовать на признание их непогрешимой истиной. Уеденные в своей ортодоксии любят ссылаться на тексты св. писания.

Но они очень не любят вспоминать слова ап. Павла, в сущности в корне отсекающие всякие притязания на по-

стижение бесспорной истины: «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем». «Теперь мы знаем, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю подобно, как я познан» (1-ое посл. к Коринф., гл. 13, ст. 9 и 12).

Наши соображения о терпимости к иномыслиям в спорных пунктах христианского вероучения имеют для нас самое прямое отношение к вопросу о соединении церквей. Этот принцип терпимости определяет, на наш взгляд, и самую возможность такого объединения. Трудно представить его на почве отказа каждого из разъединившихся трех церквей от всех своих веками освященных взглядов и особенностей. Такой отказ едва ли возможен, да едва ли и нужен. Церковь и должна составлять многогласный, а не в унисон построенный хор мнений и настроений. Разномыслие в какой-то мере и необходимо, ибо оно отражает всю сложность, глубину и богатство возможностей, заложенных в пределах церкви, как тела Христова.

Литургический возглас «да единомыслием исповемы» не должен ли относиться лишь к самому главному и основному в христианстве, т. е. в сущности лишь к тому, что с достаточной полнотою выражено в символе Веры. Недаром же он и поется почти непосредственно вслед за этим возгласом. Иначе говоря, нам мыслится соединение церквей не на почве отказа отдельных трех церквей от всех своих специфических взглядов, а на почве охвата церковным единством этих существующих разномыслий, как вполне возможных и не служащих достаточным основанием для розни и взаимных противоположений. Конечно, здесь не обойтись и без трудностей, однако, главным образом практического порядка. И быть может наибольшей из этих трудностей будет та, которая лежит в основе разделения Католической и Православной церквей. Мы имеем в виду вопрос о главенстве в пределах земной церкви. Папа или иное церковноначалие должно возглавлять церковь. Но мало ли какие способы разрешения этого трудного вопроса воз-

можны на том Вселенском Соборе, который осуществил бы в будущем эту исторически назревшую идею соединения Церквей. Дух примирения и взаимного уважения найдет способ разрешения и этого наиболее трудного вопроса. Говорить ли о filioque?

Можно ли на основе этой и других тонкостей вероучения удерживать разделение церквей. Что изменится в умах, чувствах, настроениях, вообще в душах верующих в зависимости оттого примем ли мы filioque или его отвергнем. И кто может что-либо твердо и уверенно знать о таких глубоко таинственных процессах в недрах Триипостасного Бога, как исхождение св. Духа. И к чему вообще нужна эта чрезмерная и твердо не оправданная подробность в пределах христианской догматики. Ей именно надлежит быть вне этих пределов, т. е. в области одинаково возможных мнений.

Вообще, думается нам, одна из основных причин всяких церковных разномыслий является претензия на многознайство в области таинственных мистических процессов в природе Бога и Его связи с миром. Но что мы, люди, можем действительно точно и уверенно утверждать в этой области? Очень и очень немногое. И что нужно для единства действия и настроения каждого христианина. Опять-таки очень и очень немногое. Символ веры и есть это немногое. Конечно, пытливость и религиозная активность нашей мысли идет далеко за пределы этого немногого. И очень хорошо, что она идет и что каждый по своим способностям и ширине умственного кругозора дополняет это немногое теми или иными домыслами и гипотезами. В этом свободомыслии нет ничего плохого, если оно принимается в качестве гипотезы и не противоречит основному, догматическому. И разномыслия в области этих вне догматических вопросов не должны вовсе выводить людей за пределы церкви. Излишество в догматике есть величайшее зло истории церкви. А как много этих излишеств. Как много религиозных положений, которые даже и чисто формально не могут подойти под понятие догмата, поскольку они не имеют ни-

каких санкций вселенского решения, и, однако утверждаемых и защищаемых теми или иными церковными группировками с такой уверенностью и нетерпимостью, как будто они были когда-либо оправданы в порядке догмотворчества. Все это имеет обычно психологически недоброкачественную основу, что «мне» или «нам» что-то доподлинно и бесспорно известно.

Все эти наши соображения на тему о нетерпимости, как основном зле в истории христианской церкви и о том, как на самом деле мало дано человеку знать в области сверхчувственного мира не претендуют, конечно, на какое-либо предугадывание того, как и на какой почве может произойти соединение церквей. Нам лишь хочется всем сказанным создать основной тон психологической атмосферы, которая, по нашему мнению, должна подготовить почву для этого ожидаемого нами в недалеком будущем великого исторического акта.

Вера может быть и должна быть тверда и неуклончива лишь в основном и важнейшем, а в подробностях каждый может твердо и неуклонно верить в те или иные разрешения частных богословских вопросов, особенно если за этими разрешениями стоит большая работа ума и опыта. Однако, в этой твердости личной уверенности должно быть оставлено место и для внутренней психологической оговорки: «так представляется дело для меня по моему опыту и способу разумения данного вопроса, но вполне правомерно и допустимо иметь к данному вопросу и иной подход, а в зависимости от этого и иное решение». На почве такой внутренней оговорки скорее всего может быть достигнуто религиозное единение и связь всех членов вселенской христианской церкви, точные пределы которой по составу входящих в нее людей знает один лишь Бог.

Для всех: Иллюстрированный журнал.
№ 4 (1 апреля 1944).
Подпись: Проф. С. А. Зырянский

Восприятие и оценк произведений искусств

Как часто среди любителей тех или иных видов искусства возникают такого рода разногласия: некий А., любящий поэзию и сам пишущий стихи, называет Блока гениальным поэтом и, между прочим, восхваляет его «Незнакомку», как один из его шедевров. В ответ на это некий Л., тоже любитель стихов, и сам поэт, пренебрежительно отзывается: «Упадочная поэзия», а уж ваша «Незнакомка» — просто ресторанное приключение и по сюжету, и по поэтическому оформлению вещь совершенно ничтожная». Или некий Б. называет оперу «Фауст» Гуно гениальным произведением, а некий Н., большой знаток музыки, пренебрежительно говорит: «Весь ваш «Фауст» — слащавая пошлость и больше ничего. Если есть музыка на «Фауста» Гете, то это лишь у Берлиоза». Или еще: «Эта картина — одна из лучших на выставке», — говорит один из посетителей выставки. «Я бы никогда ее не допустил на выставку», — говорит его спутник: «И бездарность и безграмотность».

И так везде и всегда в оценках произведений искусства — разногласие, доходящее до крайности.

Отчего это происходит? Оттого ли, что вообще в красоте и в частности «в художественно-прекрасном» нет ничего объективного, и все оценки — дело лишь субъективного вкуса?

— Нет, мы этого не думаем. Красота есть несомненно некая объективная ценность и мира и Бога. Правда, то, что мы называем «художественно-прекрасным», — есть уже некоторая иная категория, лишь частично совпадающая с живой красотой. Ведь и Гоголевский Плюшкин — «художественно-прекрасен», хотя он абсолютно чужд красоте, как живое лицо. Но и в «художественно прекрасном» есть, конечно, своя объективность. Но, вопреки этой объективности, наши человеческие восприятия и оценки произведений искусств все же

более, чем на половину субъективны и зависят от умения и способности восприятия, от точки зрения на произведения искусства, отличных пристрастий и от множества иных случайностей чисто субъективного подхода к произведению искусства. От чего же зависит эта субъективность? Можно ли от нее освободиться и как-то достигнуть правильной объективной оценки? Это на наш взгляд дело почти невозможное. Постараемся объяснить, почему.

Основная причина заключается здесь в многосторонности и сложности всякого художественного произведения. Уже одно то, что в нем всегда можно различать содержание и форму и что мы можем обсуждать художественные произведения с этих двух точек зрения, создает известные трудности. Но и всякое содержание в том или ином отношении сложно и, в свою очередь, его оформление имеет разные стороны и качества.

Свести все это разнообразие положительных и отрицательных свойств и сторон содержания и формы к некоему единству ценности, — как бы «к одному знаменателю» дело чрезвычайно трудное. Количества можно приводить к одному знаменателю, но никак ни качества сложного по своей архитектонике произведения искусства.

Нам также трудно произнести здесь твердую и окончательную оценку, как и оценку человека с моральной точки зрения. Конечно, имеются крайние случаи, когда можно человека уверенно назвать «подлецом» и «негодяем» и когда его можно назвать «святым». Но людей середины, людей с обилием положительных и отрицательных свойств уверенно отнести к категории дурных или хороших — дело обычно очень трудное и ответственное. Этот суд принадлежит каким-то высшим инстанциям. А нам, людям, подобает быть в этих оценках скромнее и выражать их в форме субъективных суждений: «он мне симпатичен» или «он мне не симпатичен». Точно так же и в отношении произведений искусств чаще всего мы вправе лишь сказать: «мне это нравится» или «мне это не нравится».

Но, кроме этой объективной причины, мешающей нашей справедливой оценке, то есть, кроме сложности и многогранности произведений искусств, имеются еще причины, лежащие в субъекте художественного восприятия. Одни из них мы можем назвать вполне законными и естественными, другие же возникают от тех или иных наших недостатков. Рассмотрим же их подробнее.

В основе наших восприятий художественного произведения и способности получить от него эстетическую эмоцию, удовольствие или восхищение, — лежит всегда та или иная степень духовного развития — развития ума и чувств, та или иная степень образования. Дикарь, как и ребенок, может наслаждаться всякой погремушкой, колокольчиком, самой примитивной дудочкой. Это для него уже музыка. Мы от такой музыки заткнем уши и убежим. Для нас открывается совсем иной мир музыкальных красот, определяемый нашей способностью воспринимать сложные мелодические и симфонические сочетания звуков, как музыкальной гармонии. Эта гармония обогащается, кроме того, сложными отзвуками в области чувств и мыслей. Но чувства и мысли это уже сложный итог известной культуры. Посредине между человеком, вполне развитым для музыкального восприятия, и дикарем будет стоять простолюдин, человек деревни, для которого высшее музыкальное наслаждение дает какая-нибудь гармошка или балалайка. Поскольку дело обстоит так, мы, конечно, вправе нашу субъективную способность воспринимать высшие виды музыки, признать уже некоторой объективной, правильной нормой художественной оценки, и мы вправе сказать, что гармошка или какая-нибудь деревенская частушка — музыка самая примитивная, а симфония Бетховена или оперы Вагнера и Римского-Корсакова — высшее достижение музыкального гения.

Но почему же все-таки различие в оценках возникает у людей, как будто одинакового уровня развития, вполне способных воспринимать и оценивать Моцарта, Бетхове-

на, Чайковского, способных чувствовать прелесть стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева и т. п.? Здесь определяющими условиями являются уже разного рода субъективные особенности людей, стоящих даже на приблизительно одинаковой ступени эстетического развития.

Душа человека по своей возможности давать внутренние отзвуки на разного рода воздействия внешнего мира и, между прочим, на эстетические впечатления, подобна многострунной лире или еще более сложному инструменту, способному к резонансу. И каждый художник — есть такая, на свой лад настроенная, «лира». И вот эту, свою настроенность каждый художник вкладывает в свое произведение. Он вкладывает то, чем он живет вообще и то, что его художественно пленяет в данную минуту в процессе творчества. Но если у меня, как у зрителя или слушателя, совсем нет тех «струн», которыми богат художник, и звучание которых в известном смысле вложено в его произведение, то как я могу его воспринять, как я могу его оценить? Я неизбежно буду глух к его произведению искусства, не дам на него никакого внутреннего резонанса и, если я самоуверен в своих суждениях, то скажу, что данное произведение ровно ничего не стоит. Разъясним это на таком примере. В прошлом столетии, в эпоху творчества Рихарда Вагнера, любители музыки в Европе и в России резко разделились на вагнерьянцев и анти-вагнерьянцев. Отголоском этого музыкального спора явилась, между прочим, известная статья гр. Льва Николаевича Толстого, в которой он жестоким образом расправился с теми операми Вагнера, из которых состоит цикл «Кольцо Нибелунгов». Совершенно ясно, в чем тут дело. Вагнера нельзя воспринимать и музыкально понимать, если вы предварительно не поймете и не оцените героическую романтику его сюжетов. Что мудреного, что гр. Л. Н. Толстой не понял Вагнера, если он по натуре своей был совершенно чужд и глух к этой романтике. Как понять Блока и, между прочим, его «Незнакомку» человеку, которому моральная требовательность

застилает глаза на восприятие случайных красот и романтических очарований, возникающих иногда в обстановке, весьма сомнительной в смысле морального уровня, т. е. как у Блока, в обстановке загородного ресторана. Он заранее поставит крест на том сюжете, который дан в рамках такой обстановки. Но, т. к. Блок умел улавливать что-то запредельное и мистическое даже в таких условиях, то такой ценитель вообще отвернется от Блока и назовет его упадочником. Во всех этих случаях разногласия в оценках будут в какой-то мере законны. Как я могу воспринять и оценить те эстетические созвучия (все художественно-прекрасное музыкально в широком смысле слова), для которых в моей душе не хватает звучащих струн. Но здесь же люди часто впадают и в совершенно незаконные утверждения. Вместо того, чтобы сказать: «Я этого не понимаю», или «это мне не нравится», — они говорят: «Вещь ничтожна и в художественном смысле пуста». На это иногда можно было бы ответить: «Не вещь пуста, а вы пусты и бедны в каком-то отношении».

Вообще мы склонны выставить такой тезис, что чаще всего, когда один из спорящих утверждает ценность того или иного произведения, а другой отрицает, то обычно прав бывает первый, а не второй.

Разумеется, это положение относится к тем случаям, когда дело идет о людях, приблизительно одинакового художественного развития. Голое отрицание «нет» — не является в таких случаях веским опровержением утверждения «да». Поскольку говорящий «да» получает от данного произведения положительную эстетическую эмоцию, он тем самым оправдывает свое «да». Эту эмоцию нельзя опровергнуть только тем, что кто-то другой ее не имеет. Как можно простой душевной пустотой, чистым «нет», законно отвергнуть какое-то содержательное «да» другого человека? Это особенно незаконно, когда отрицающее «нет» возникает на почве невнимания и непонимания. Возьмем пример с «Фаустом» Гуно. Отрицающий ценность этого произведе-

ния на том основании, что это сентиментальная пошлость, не хочет понять, что самый сюжет в каком-то смысле требует этой примитивной сентиментальности.

Она должна быть налицо в сценах толпы (отсюда сладкий вальс начала второго действия) и везде, где появляется Гретхен, которая ведь все же нечто иное, как средневековая мещаночка. И вот, почувствовав эту, для нас уже несколько приторную, слащавость любовных сцен, он машет рукою на все остальное и капризно не замечает, что все-таки эта слащавость передана с высокой музыкальной выразительностью и что, кроме нее, в опере имеются уже совсем другие тональности, тоже гениально переданные, хотя бы в партии Мефистофеля, Валентина и Фауста. Когда такой каприз и, в сущности, невнимание лежит в основе эстетических разногласий, они становятся уже совсем неоправданными. А как часто это бывает. По поводу случаев отсутствия требуемой настроенности приведу пример личного характера. Мне совсем чужда музыка Скрябина, и я не понимаю, почему многие ею так восхищаются. Но одно то обстоятельство, что некоторые из моих знакомых, понимающие и знающие музыку, ею восхищаются, заставляет меня сказать, что мне чего-то не хватает для восприятия и оценки этой музыки. Я чувствую, что мое пустое «нет» не вправе отменить содержательное «да» моих знакомых, поклонников Скрябина.

Отметим еще другую причину эстетических разногласий. Один оценивает произведения со стороны содержания, другой — со стороны технического мастерства. И первый хвалит целое, имея в виду все содержание, второй же отзывается пренебрежительно за какие-нибудь детали исполнения и называет вещь «безграмотной». Хорошо еще, если эту «безграмотность», т.е. техническую небрежность или неумелость он видит в чем-нибудь существенном, а то бывает и так, что, например, картина отвергается за то, что не доделана или неправильно сделана какая-нибудь левая тесемка у правого башмака, или, что стена дома кажется ему имеющей наклон на 10°. «А хотя бы и так, для меня

это не важно», — отвечает человек, умеющий схватить главное и игнорировать пустячные изъяны техники.

Много существует и других, совершенно незаконных, субъективных оснований к неправильной и пристрастной оценке художественных произведений. Иногда здесь играет роль даже самолюбие, — желание стать в позу тонкого знатока и «метра». Чего проще везде находить недостатки — каждый подумает, что имеет дело с тонким ценителем искусства. Вообще субъективных уклонов не оберешься в эстетических оценках, причем их обычно в себе и не замечают.

Всем изложенным мы не хотим сказать, что все в оценках произведения искусства зависит лишь от субъективного вкуса и что объективные оценки здесь абсолютно невозможны. Они, конечно, возможны, но они предъявляют человеку очень высокие требования: быть вполне внимательным при восприятии произведений искусства, уметь оценить их со всех точек зрения, быть свободным от личных пристрастий, быть способным дать внутренний резонанс на все тональности произведения, не быть слишком самолюбивым, самоуверенным в себе, быть чутким и открытым к непривычным для него мнениям и т. п. Но многие ли из нас удовлетворяют этим условиям?!

Для всех: Иллюстриров нный журн л. № 5 (1м я 1944).
Подпись: Проф. С. Зырянский

Н ук и христи нство

Советская антирелигиозная пропаганда утверждала, что христианство, как и вообще всякая религия, находится в непримиримом противоречии с твердо установленными положениями современной науки. При этом, однако, не замечали — вернее старались не замечать — того, что огромное количество ученых с мировыми именами, как, например, Ньютон, Дарвин, не только не отрицало христианства, но и сами были верующими людьми. Замалчивали, что современный советский ученый, И. П. Павлов, которого советская власть всячески старалась сделать союзником материализма, человек верующий и часто бывал в излюбленной им Знаменской церкви в Ленинграде, которую осмелились снести только после его смерти. Это — единственный случай, когда советская власть сама прислуживалась к русскому ученому, — слишком уж авторитетно было его имя. Но, конечно, не принадлежностью мировых ученых к категории верующих решается вопрос. Здесь есть нечто более принципиальное, что надо иметь в виду при разрешении вопроса о взаимоотношении науки и христианства.

Во-первых, надо понять, что вообще между верой и научным знанием нет никакого прямого противоположения. Знание опирается на естественный, т. е. всем доступный опыт, и на доказательства рационального порядка, вера же имеет свой путь убеждения в истинности тех или иных положений.

Этот путь многообразный, — в него входит и доверие к тем или иным представителям веры, и интуиция, и опыт мистического порядка, и многое другое. Но эти два рода путей дополняют друг друга, а вовсе не исключают. Ведь и в науке есть область веры. Именно там, где нет полноты доказательства и, вообще, в области гипотезы (гипотезы атомного строения, мирообразования, внутреннего состава земли и т. п.). Но, с другой стороны, и вера никогда не бывает абсолютно слепой в смысле разумности. Ведь мы верим людям, книгам с известным разум-

ным основанием, а не всякой басне, которую нам расскажет первый встречный. А главное основные истины христианства получают часто свое обоснование и на путях философской мысли, т. е. и рациональным путем. Конечно, это обоснование никогда не может быть полным, но всегда имеет ту или иную неполноту. В вере мы всегда делаем как бы некий духовный прыжок в неведомое; поэтому-то она и не бывает общеобязательной, неколебимой, как полное знание, которое можно сделать обязательным для каждого способного мыслить. В знании путь к неизвестному есть твердый сплошной мост доказательств от известного к неизвестному.

В тех противоречиях, которые обычно находят между наукой и христианством, имеется два, казалось бы, наиболее выигрышных пункта. Первый из них состоит в противоположении библейского рассказа о сотворении мира и научной теории мирообразования. Однако, это противоречие лишь кажущееся. Оно совершенно устраняется, если мы подойдем к библейскому рассказу с надлежащим пониманием, т. е. поймем, во-первых, что этот рассказ во многих своих элементах имеет характер иносказания; во-вторых, что он в сжатых образах сообщает о процессах исключительно сложных и длительных и что он вообще есть нечто, подлежащее весьма разнообразным, возможным истолкованиям. Если мы поймем, что под библейским выражением «день» надо разуметь огромные периоды времени, и если обратим внимание на то, что последовательность образования органических форм по Библии (растения, рыбы, птицы, Животные и человек) совершенно совпадает с той последовательностью, которая дается в научной теории эволюции, то основные кажущиеся несоответствия у нас уже отпадут. Далее, если мы поймем, что творение солнца, луны и звезд в четвертый день можно опять понимать иносказательно, а именно, как видимое появление их на впервые очистившемся от пелены облаков небе (ведь по всем космологическим теориям первые периоды Жизни земли она была окутана облаками от обилия паров), то этот обычный камень преткновения при понима-

нии библейского рассказа опять-таки устранится. Вообще никаких противоречий не получится, если мы не будем настаивать на буквальном понимании библейских передач (например, что человек был сотворен Богом из глины), а поймем их в иносказательном символическом смысле, дающем простор самым разнообразным толкованиям.

Второй обычный пункт в предполагаемом противоположении науки и христианства состоит обычно в том, что все христианство стоит на признании чудесного, и основной догмат христианства — воскресение Христа есть несомненное чудо. Наговорят нам воинствующие безбожники, — чудо противоречит данным науки, ибо в чуде мыслится отмена законов природы. Но и этот обычный выпад рассчитан на непонимание проблемы чуда. На самом деле понятие чуда предполагает вовсе не отмену законов природы, а только лишь преодоление естественных сил природы силами сверхъестественного, то есть, принадлежащими существам высшего порядка, которые находятся поверх, «сверх» видимой нам и доступной научному изучению природы. Здесь также нет основания видеть «отмену» законов природы, как нелепо было бы выводить отмену закона тяготения из обычных приемов поднимания тяжестей. Просто одна сила преодолевает другую. В чудесном это преодоление принадлежит высшему, недоступному научному изучению миру. И только существование этого высшего мира предполагается признанием чуда. А может ли какая-нибудь наука отвергнуть существование этого мира только на том основании, что она его научным способом не может установить. Смешно вообразить, что мир исчерпывается тою ничтожною областью явлений, которые попадают в кругозор науки. Поистине — гораздо мудрее всех этих самоуверенных в своих отрицаниях врагов веры был изображаемый Шекспиром датский принц, Гамлет, сказавший своему другу: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам».

Для всех: Иллюстриров нный журн л. № 6 (1 июня 1944).
Подпись: Проф. С. А. Зырянский

Поэзия Никол я Гумилев

В 1921 году, в возрасте 35 лет, советским правительством был расстрелян, как контрреволюционер, талантливейший, а для некоторых даже гениальный, русский поэт, Николай Степанович Гумилев.

Гумилев стоял как-то особняком от современных ему поэтов. Его относили к группе «акмеистов» — довольно неопределенному направлению, возникшему в противовес туманному символизму и звавшему к предельной ясности образов и звучности стиха (акмэ — вершина, расцвет). В поэзии Гумилева был несомненно этот возврат к кристальной четкости образов и поэтических созвучий пушкинской эпохи, но в наибольшей степени он все же отдал дань своему времени и даже тому же символизму. Этот символизм ясно обнаруживается во многих самых многозначительных его стихотворениях, например «Слово», «Память», «Заблудившийся трамвай».

По содержанию своих произведений Гумилев исключительно оригинален и многообразен. Можно отметить три основные пути его творчества. Первый путь ведет нас в давнюю эпоху смелых завоевателей новых земель и, скажем точнее, его излюбленным термином, «конквистадоров». Если его пленяют эти смелые искатели приключений и опасностей, то его тем самым пленяет и поприще их деятельности — не города культурной Европы, — а не исследованные страны, где живут особой, нам непонятной жизнью и верованиям, дикие племена, нам непривычные животные и растения. Экзотика этих стран, по преимуществу Африка, в которой побывал наш поэт, — экзотика географическая и — скажем шире — экзотика духа — вот что многообразно отражается в поэтических видениях Гумилева В этой области Гумилев обычно переходит в романтику, то есть он рисует не реальную действительность, как всякий путешественник, а какую-то потенцированную действительность,

то, что могло бы быть, иногда просто легендарное. Он фантастически воссоздает образы далекой истории, как, например, в красочном стихотворении «Царица» изображает какую-то супругу завоевателя Тимура, — рисует сцену неудавшегося покушения на ее жизнь каким-то свободолюбцем покоренного народа, переодетым жрецом.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел Бога
И робко выронил свой лук.
Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

Эта пленительная, почему-то полная страстной муки, женщина рисуется поэтом, как видение из далекого прошлого. Она привычна к убийству, словно дикая пантера, и в то же время исполнена какой-то первобытной одухотворенности.

В четырех стихотворениях о «капитанах» Гумилев от чисто реалистической картинки — стоянки в приморском порту, где изображаются драки матросов и подозрительный люд в портовых тавернах, — переходит к героическим образам смелых мореплавателей — Лаперузо, Де-Гамма, Кука, — а в последнем стихотворении из этого цикла повествует о каких-то мистических областях океана.

...Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль «Летучего голландца»!

И это опять не Летучий голландец из немецкой легенды, обработанной музыкально Вагнером, а более жуткий образ «капитана с ликом Каина».

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется другою.

И экзотика диких племен Африки упирается у Гумилева в мистически потустороннее.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих
Мест:
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.
Весело думать, если мы одолеем —
Многих уже одолели мы —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.
Если же завтра волны Уэби,
В ров свой возьмут мой пред-
смертный вздох, —
Мертвый увижу, как в звездном
небе
С огненным черный борется бог.

Влюбленный в Африку Гумилев видит ее под особым знаком таинственных, высших сил. Замечательно то, что это особое мистическое восприятие Африки мы встречаем не у одного Гумилева. В поэзии Вл. Соловьева, в его центральном стихотворении «Три свидания», последнее, наиболее полное видение «Софии» он воспринял в Африке, по голосу: «в Египте будь».

Нельзя не припомнить по этому поводу незаурядного, начинающего писателя Франции, погибшего в войну 1914 г., Психари, который в своем оригинальном сочинении «Путешествие центуриона», описывая свой военный поход

в Африку, изображает ее, главным образом, со стороны своеобразных мистических восприятий.

Вторая область поэтических вдохновений Гумилева — это область эротики разнообразных ступеней и оттенков. Здесь и любовь в состоянии достигнутого счастья, как, например, в «Сентиментальном путешествии», где поэт изображает свою поездку по Архипелагу и Средиземному морю, как упоительную, свадебную прогулку.

...И плывем мы древним путем
Перелетных веселых птиц,
Наяву, не во сне плывем,
К золотой стране небылиц.

Но у него же мы найдем неутоленную, но загадочно уверенную в победе любовь. Ей посвящено замечательное по музыкальности стихотворение, написанное «белыми стихами».

Если встретишь меня — не узнаешь,
Назовут — едва ли припомнишь.
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.
Но, клянусь, ты будешь моею,
Даже если ты любишь,
Даже если долгие годы
Не удастся тебя мне встретить.
Я клянусь тебе белым храмом,
Что видали мы, на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором...

Опять по иному звучит тоска потерянной любви в необычайно сложных по своему содержанию «пятистопных ямбах».

...Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук.

Я сам себе был гадок, как паук.
Меня пугал и мучил каждый звук.
И ты ушла в простом и темном платье,
Похожая на древнее распятье.

Но уже самыми нежными тонами звучит эта любовь в стихотворении «Нет тебя тревожней и капризней» и в сонете «Храм твой, Господи, в небесах», где религиозная тема переплетается с возвышенно-эротической и где поэт просит Бога:

...Перед той, что сейчас грустна,
Объявись, как незримый свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Наиболее трагично звучит тема потерянной любви в «Заблудившемся трамвае»:

...Как ты стонала в своей светлице,
Я же, с напудренною косой,
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Третья настойчивая тема Гумилева — область религиозных идей и чувств, иногда пафоса, как, например, в конце стихотворения «Память»:

...Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, так на земле.
Сердце, будь же пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут ясны
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Совсем иными, умиротворенными тональностями звучит религиозное чувство поэта в конце тех же «пятистопных ямбов», где некоторые строчки являются парафразами известной Богородичной молитвы:

...Честнейшую честнейших Херувим,
Славнейшую славнейших Серафим,
Земных надежд небесное свершенье,
Она величит каждое мгновенье.
И чувствует к простым словам моим
Вниманье, милость и благоволенье.
Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый.
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь!
В тот золотой и белый монастырь.

Мы перечислили только главные этапы поэтических сюжетов Гумилева. Но у Гумилева множество прекрасных по форме и многозначительных по содержанию стихотворений, которые не попадают в намеченные нами рубрики, например, «Рабочий», где поэт пророчески предвидит, что он погибнет от пули:

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седой, вспененною Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Есть несколько стихотворений и их частей, которые можно отнести к категории «военных», насыщенных опытом войны, например, «Наступление», «Смерть», середина «пятистопных ямбов». У Гумилева есть полное поэтических красот стихотворение «Крест», где поэт изображает страсть

игрока, сначала как бы потушенную проигрышем, а потом снова вспыхнувшую. Проиграв все, кроме золотого креста, игрок отрезвляется и ему рисуется прекрасная, освобожденная от страстей жизнь в бедности:

...Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.
Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять — о, сестра, нищета —
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста.,.
Мгновенье... И в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил свой крест.

Вообще тематика стихотворений Гумилева исключительно разнообразна и богата самыми, подчас неожиданными, мыслями и психологическими окрасками. В стихотворении, посвященном городу Пизе, поэт начинает с описания внешности города, затем переходит к историческим воспоминаниям, потом бросает несколько метких мыслей о природе времени:

...Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

И наконец опять дает неожиданное, блестящее картинное заключение:

...Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,

Наклонился с тоскою всегдашней
Над кривою пизанскою башней.

В этой неожиданности точек зрения Гумилева на всякое явление, в его исключительной изобретательности в развитии всякого сюжета именно и сказывается гений поэта. И все это оформляется в соответствующую музыку ритма и образов. По этому богатству духовного диапазона Гумилева можно сопоставить более чем других с Пушкиным.

Напечатанная в настоящем номере драматическая поэма Гумилева «Гондла» уже по чисто формальным основаниям заслуживает особого внимания: поэтических талантов у нас много, но все же их хватает обычно лишь на небольшие стихотворения. Поэма же, да еще в драматической форме — это уже исключительное явление для наших русских поэтических богатств. Если же учесть внутренние достоинства этого произведения, а именно: сильный и выразительный, как бы кованный, стих и абсолютно оригинальный и острый по драматичности сюжет, то поэму «Гондла» можно отнести к выдающимся произведениям мировой литературы.

Сюжет поэмы в какой-то мере исторический. Дело идет о распространении христианства в IX веке на островах севера: Ирландии и Исландии. В Ирландии христианство уже усвоено и оно перекидывается оттуда в Исландию — остров более суровый и дикий и по климату, и по нравам населения. Вот все, что относится к истории. Далее идет уже богатая фантазия поэта-драматурга.

Никто иной, как ирландский королевич Гондла, случайно попавший в Исландию, является передатчиком веры Христовой. Но вот тут же и заложен искусный драматический замысел автора. Гондла в одно и то же время и королевич и ничтожный, слабосильный, некрасивый сын простолюдина. Корона на его голове все колеблется. Он — жертва страшной злобной интриги со стороны исландцев. Он переносит величайшие муки оскорбления и унижения. У него хищнически и обманно отнимают невесту тот-

час после свадебного пира. Он побеждает всех своих врагов лишь в конце и добивается обращения в христианство исландцев лишь ценою своей жизни.

Второе по значению лицо драмы –его невеста Лера, она же и Лаик. Ее образ замечателен и глубоко оригинален. В ней как бы две души: дневная, связанная с именем Леры, полна животной силы и страсти, и той примитивной грубости, которой отличаются все исландцы. Но ночью в ней просыпается другая душа, связанная с именем Лаик. В этой своей второй половине она романтична и нежна. Как Лаик, она любит, хотя и некрасивого, но нежного душою Гондлу, а как Лера, она уступает дикой страсти обидчика Гондлы, сильного и красивого Лаге. В поэму интересно замешан и мистический колдовской элемент. Дикие исландцы, прозванные за свою дикость волками, от звуков зачарованной лютни почти превращаются в настоящих волков. Поэма «Гондла», кроме ее поэтических достоинств, во всех своих действиях полна сильного драматического движения и прямо просится на сцену.

Но разнообразие и многогранность творчества Гумилева не исключают каких-то постоянных и преобладающих черт его поэзии. Гумилев, как и всякий поэт «Божьей милостью», имеет свою поэтическую физиономию. Его лицо всюду и везде дышит какой-то побеждающей силой и бодростью, даже когда он как бы падает в изнеможении под ударами судьбы.

Такою бодростью и глубокими мыслями о плодотворности страданий проникнуто его замечательное стихотворение «Солнце духа». «Как могли мы, — восклицает он, — прежде жить в покое»:

И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

И в другом месте какому-то истомленному и упавшему духом больному грозно вещает Св. Георгий:

От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слыхал твоего отреченья,
Ты встанешь заутра и встанешь для славы.

Гумилев был бесстрашным воином на войне. Об этом свидетельствуют его два Георгиевских креста. Но вся его поэзия и его славный мученический конец от пули подлых советских палачей свидетельствуют, что он был не только доблестным воином на полях сражений, но и был воином духа на всех жизненных поприщах. Поэтому теперь, в годину войны и всех военных испытаний, его поэзия особенно должна быть нам близка и созвучна и служить призывом к духовному подвигу на всех фронтах нашей жизненной борьбы.

Для всех: Иллюстриров нный журн л. № 6 (1 июня 1944).
Подпись: Проф. Зырянский

О святой нен висти

Мой третий клад — святая месть
Ее готовлюсь Богу снесть.
(«Полтава» Пушкина)

О ненависти к своим идейным и политическим врагам любили говорить и писать большевики. Большевики ненавидели всех инакомыслящих. Они жестоко расправлялись не только со своими врагами, но даже с родственными им партиями, которые раньше с ними же рядом боролись против царской власти. Они ненавидели и жестоко расправлялись со своими братьями по идеологии убежденными марксистами — меньшевиками и с социал-революционерами, и со всякого рода «уклонистами» вроде Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других, лишь в деталях от них отличающихся, марксистов.

Их ненависть имела в своей основе крайнюю степень идейной и политической нетерпимости. Мы же провозглашаем ненависть именно к этой дьявольской нетерпимости, то есть только к этому впервые возникшему в человеческой истории гнезду и сгустку исключительной лжи, насилия и злобы.

По отношению к советской власти эта ненависть, безусловно, имеет свое оправдание. Именно к большевикам мы никогда не можем быть снисходительными.

Между ненавистью и любовью существует глубокая связь. Кто сильно любит все высокое, доброе, справедливое, тот неизбежно ненавидит высшее проявление зла и, особенно, когда оно торжествует над добром и является его поработителем и мучителем.

Гениальному Микеланджело приписывается один замечательный афоризм: «Кто хвалит дурных людей, тот, тем самым, обижает хороших». Все это имеет прямое отношение к нашему вопросу. Кто к советской власти относится только с полуравнодушной отрицательной оценкой, тот значит до-

вольно спокойно и равнодушно смотрит на все небывалые мучительства и казни, которым эта власть подвергала десятки миллионов наиболее честных и порядочных людей.

Конечно, безупречных правительств история знает немного, дурных знает очень много, но такого подлого и зверского правительства, как советская власть, в истории не найти. Этот случай единственный, и, чтобы он так и остался в истории единственным, — нужно совсем особое к нему отношение. Ненависть к этой власти, пробуждение ее в других должна быть священным долгом каждого и особенно русского человека.

З Родину №.175 (8 вгуст 1944)
Подпись: Профессор Зырянский

О. Сергий Булг ков

Программа по догматическому богословию: 1943–1944 академический год. II курс[1]

I. Дело Христово

Дело Христово: Ио. XVII, 4. Его распространение на всю земную жизнь Спасителя. Его богочеловеческий характер. Учение о трех служениях Иисуса Христа.

ПРОРОЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА.

Его <о>пределение и содержание. Его характер в свете общего учения о боговоплощении (в частности в свете Филип. II). Библейские основания для учения о Христе, как о пророке: Втор. XVIII, 15; Деян. III, 22–33; Мф. XIX, 16–17; Мф. XIII; Лк. IV, 24; Лк. XIII, 33; Ио. XIII, 13–14; Ио. XVIII, 37. Характер пророческого служения вообще: упраздняет ли вдохновение святе человеческую стихию. Богочеловеческий характер пророческого служения И. Христа. Пророчественное воздействие Духа Свято-

[1] Публикация Н. Ю. Голубковой по машинописному тексту: Свято-Сергиевский Институт (Париж). Архив о. С. Булгакова. Л. 1–10. Далее следуют примечания публикатора.

го на Богочеловека. Христоцентрический характер проповеди Господней. Самосвидетельство воплотившегося Сына Божия о Себе. Возвещение Христом будущего: апокалипсис и эсхатология; его характер. «Неведение» Христово (Мф. XIII, 32 и т. д.). Вопрос о чудесах Христовых: входят ли они в пророческое служение Христово (Агнец Божий, стр. 351–363).

ПЕРВОСВЯЩЕННИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ХРИСТОВО.

А. Христос Первосвященник.

Жертва Христова. Ее связь с искуплением человека и с творением мира (I Петр. I, 20; I Кор. II, 7; Евр. I, 4, 5–6, 9–10; Евр. III, 9–11; Ио. III, 16–17; I Ио. IV, 9–10). Боговоплощение и обожение творения. Библейские основания для учения о Христе как о Первосвященнике: I Кор. XI, 23–32; Мф. XXVI, 26; Мр.[2] XIV, 22; Лк. XXII, 19; Ио. VI. Учение о Христе-Первосвященнике по послание к Евреям (IV, 15; V, 7–10), священство по чину Мельхиседекову: VII, 7; IX, 13–28; X, 7; X, 12–20). Характер жертвы Христовой по Евр.: принесение Себя Самого Отцу, исполнение воли Отчей, Боговоплощение (Евр. X, 7–9; Псал. XXXIX, 9). Единократность жертвы Христовой, ее путь в уничижении и прославление как ее свершение. (А[гнец] Б[ожий], стр. 363–367).

В. Учение об Искуплении.

Учение об Искуплении в Свящ[енном] Писании: жертва (Евр.), примирение, оправдание (Римл. III, 21–35), [*пропуск*][3] (выкуп) [*пропуск*] (Римл. IV, 25; V, 7–10, 12; I Кор. VI, 2; VII, 25; II Кор. V, 15, 21; Евр. I, 7; Кол. I, 14; I Тим. II, 6), «дорогая цена» (I Кор. VII, 23), смерть Христова за всех (II Кор. V, 15), «искупление от клятвы законной» (Гал. VIII, 13), уничтоже-

[2] Так в тексте вместо *Мк.* (Евангелие от Марка) здесь и далее.

[3] Пропуски в тексте (как правило, оставлено место на 1 или 2 слова): не были расшифрованы машинисткой при перепечатке с рукописного варианта.

ние греха (Евр. IX, 26, 28). Учение Ис. 53[4] о страдающем Мессии. — Учение об искуплении в древних символах и у мужей апостольских. Учение св. Иустина Философа, св. Иринея Лионского и Оригена. Учение св. Афанасия Александрийского, св. Василия Великого, св. Григория Богослова, св. Григория Нисского и др<угих> отцов. Судьба учения об искуплении в средние века и в новое время: Ансельм Кентерберийский и теория [*пропуск*][5]. Влияние этой теории. Абеляр. Социн[6]. Учение митр. Антония (Храповицкого) (Евр. V, 7, Гефсимания, сострадательная любовь); его слабые стороны.

Учение об искуплении: a) Основания искупления: искупление и творение мира; боговоплощение и искупление; искупление и грех, необходимость изживания греха. b) Восприятие Христом греха мира: Христос-Всечеловек, Ветхий Адам и Новый Адам. Восприятие грехов Богочеловеком и человеческая свобода. Реальность этого восприятия. Как можно совместить Божество и грех. Приятие Сыном Божиим Своей судьбы как креста. c) Изживание Спасителем греха мира: Усвоение греха. Значение Гефсимании. Евр. V, 7, чаша, смерть духовная. Значение Голгофы: смерть телесная, ее необходимость и характер. Исключительность страданий и смерти Христовых; их спасительность. d) Плоды искупления: примирение с Богом и его характер, его объективная и субъективная стороны; необходимость человеческой свободы для усвоения плодов искупления. Участие всей Св. Троицы в искуплении человеческого рода. (А<гнец> Б<ожий>, стр. 372–400).

---

[4] В тексте здесь и далее для обозначения глав с номером свыше двух десятков использованы арабские цифры; здесь должно быть: *Ис. LIII.*

[5] Вероятно, имеется в виду т. н. «юридическая» теория искупления.

[6] Социн Фауст (Socino, Sozzini) (1539–1604) — философ, теолог, гуманист. Активный деятель реформационного движения в Польше и Великом княжестве Литовском. Антитринитарий. Разрабатывал самостоятельную концепцию, придающую основное значение свободе индивидуальной роли и стремлению к благородной деятельности.

C. Смерть Христова.

I) Характер смерти Христовой: а) смерть Христова как предельный акт кенозиса (Евр. II, 14–15; Филип. II, 8). б) Смерть Христова как акт богочеловеческой жизни: ее принадлежность к всечеловечению (Евр. II, 11–17). Победа Христа над смертью. в) Искупительное значение смерти Христовой: смерть всех смертей.

II) Свержение смерти Христовой: а) отделение божественного духа и души от тела Спасителя: Мф. XXVII, 50; Мр. XV, 37; Ио. XIX, 30; Лк. XXIII, 46. Пролитие крови и его значение. Неразлучение божеского естества с человеческим в смерти Христовой. б) Загробное состояние Спасителя: сошествие во ад (I Петр. III, 10–11) и проповедь во аде. в) Пребывание Христа во Гробе и состояние нетления. Есть ли это состояние нетления подлинная смерть. Тело Христово во гробе и свв. мощи. (А<гнец> Б<ожий>, стр. 402–408).

D. Прославление Христово.

Принадлежность его к первосвященническому служению И. Христа. Свершения в него входящие. Связь уничижения (кенозиса) и прославления. Фил. II, 9–11; I Петр. I, 28. Значение прославления. Прославление Богочеловека в обоих естествах. Как совершается прославление. Новое послушание в Новом Адаме (I Петр. V, 10; Еф. II, 14). (А<гнец> Б<ожий>, стр. 408–411).

Воскресение Христово: Воскресение Христово, как дело Отца (Дн. Ап. II, 24; III, 15; IV, 10). Воскресение как дело подвига Богочеловека. Участие человеческой воли в приобретении бессмертия. Воскресение Христово и «взятие на небо» Еноха и Илии. О теле воскресения I Кор. XV, 44–46. Надземность и связь с землей. «Явления». 40-дневное пребывание воскресшего Господа на земле и его значение: «Восхождение» (Ио. XX, 7). Продолжение пророческого служения (Лк. XXIV, 15; Дн.[7] I, 3) и жертвенного,

[7] Так в тексте вместо *Деян.* (Деяния Святых Апостолов) здесь и далее.

кенотического служения («неверие» учеников Мф. XXVIII, 17; Мр. XVI, 18; Лк. XXIV, 11, 25). Пребывание Воскресшего на земле, как свидетельство тожественности земной и прославленной телесности (А<гнец> Б<ожий>, стр. 411–417).

Вознесение Христово: Антиномичность догмата и [о] Вознесении (кондак Вознесения). Вознесение как прославление Богочеловека: вознесение как дело Бога Отца (Дн. II, 25), приятие Отцом жертвы Сына (Евр. X, 23; IX, 24); вознесение как дело подвига Богочеловека (Мр. XVI, 19; Ио. XVI, 27). Вознесение Христово в деле боговоплощения: прославление человеческого естества, удаление из мира, значение «неба» и «одесную Отца». Объяснение св. Иоанна Дамаскина (Кратк<ое> излож<ение> прав<ославной> веры, кн. IV, гл. 2). Объяснение Лютера: его теория об [*пропуск*] и ее несостоятельность. — Связь Христа и мира после Вознесения. Вознесение, как прославление всего мира. Вознесение и ниспослание Св. Духа в мир (см. прощальную беседу Господа у Ио. XIII–XVIII). Умоление Отца «на небе». Завершение первосвященнического служения Христова и пребывающая сила жертвы Христовой. Вознесение и окончание дела Христова на земле (А<гнец> Б<ожий>, стр. 417–433, 436–438).

ЦАРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА.

Вопрос о царском служении И. Христа в богословии. Входят ли в него сошествие во ад, чудеса, проявления всемогущества и т. д. Царское служение, как служение. Царское служение и власть Бога над миром. Царская власть Христа, как следствие боговоплощения (Мф. XXVIII, 18; Еф. I, 20–23). Незавершенность царского служения. — Христос Царь. Мф. I, 1; Лк. I, 22, 33; II Цар. XII, 16; Ис. IX, 6, 7; 60, 18 и т. д. Царский вход в Иерусалим (Мр. XI; Мф. XXI; Лк. IX). Связь воцарения с боговоплощением. Понятие Царства Небесного и царское служение Христово. — Образ воцарения Христа: 1) во дни Его земного служения: «царь кротких» (Зах. IX, 9; Ис. 62, 11). 2) По вознесении и прославлении. Воцарение Христово как богочеловеческий акт. Воцарение

Христово в истории (Апокалипсис) и эсхатологии. Значение текста I Кор. XV, 22–28. Воцарение Христа в мире через Христово человечество (I Петр. II, 9; Откр. XX, 4–6; XXII, 5; значение невозможности пророчества о конце Мр. XIII, 32; Дн. I, 7). Воцарение Христа через силу Христову, действующую в мире (Гал. III, 27; II, 30, II Кор. V, 17). Созревание мира к концу. Борьба. Образы победы (тысячелетнее царство, Новый Град). (А<гнец> Б<ожий>, стр. 438–468).

II. Сошествие Св. Дух в Пятидесятницу

А. ПРЕДУСЛОВИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Связь Вознесения и Пятидесятницы. Умоление Отца о ниспослании Утешителя. Ио. XIV, 26, 16; XV, 26; XVI, 7; Дн. II, 23. Ниспослание Св. Духа в В[етхом] Завете. Сошествие Св. Духа в Благовещении на Пресв. Деву Марию. Дух Св. в деле и в жизни Богочеловека. Прославление Богочеловека в Духе Св. и власть посылать Духа Св. в мир. «Посылание» Св. Духа в мир в связи с вопросом об исхождении Св. Духа (Утешитель, стр. 262–271, 281–304).

В. ПЯТИДЕСЯТНИЦА.

Ипостасное сошествие Св. Духа в мир: Дн. II в связи с Ио. XIV, 26; XV, 22; XVI, 13–14; Дн. XIII, 2; I Кор. XII, 11; Римл. VIII, 16–27; Еф. IV, 30. Необходимость и значение сошествия в мир Третьего Лица Св. Троицы. Христологическое содержание Пятидесятницы. Образ пребывания Св. Духа в мире (Ио. III, 1). Дело Св. Духа в мире: воцарение Христа. Кенозис Св. Духа в Его сошествии в мир. Продолжающийся характер Пятидесятницы (Утешитель, стр. 304–323).

С. ГЛАВНЕЙШИЕ НОВОЗАВЕТНЫЕ ДАРЫ СВ. ДУХА.

Облечение во Христа. Пятидесятница как всеобщее крещение. Обожение тварного мира (эсхатологическая обращенность Пятидесятницы [*пропуск*] Дн. II, 16–21; I, 6–18).

Новозаветное состояние человека. Прямое водительство Св. Духа и его исключительность: Дн. X, 1 [3]; XI, 12; XIII, 24; XVI, 6–7; XX, 22. Дар всеобщего пророчества: Дн. II, 16–21; Откр. XIX, 10; Ио. XVI, 13 (рядом с особым даром пророчества I Кор.). Дар духовной жизни. Дар любви: Римл. V, 5; I Иоанн. III, 10; IV, 8; I Кор. XIII. Заповедь новая Ио. XIII, 4 и ее отличие от ветхозаветной заповеди любви к Богу и ближнему. Ио. XVII, 26; церковная любовь ([*пропуск*]) II Кор. XIII, 13 (Утешитель, стр. 323–363).

D. ПЯТИДЕСЯТНИЦА В ЖИЗНИ КОСМОСА.

Сошествие Св. Духа на весь мир. Дух Св. и мировое вещество: возможность восприятия Св. Духа для мирового вещества. Пятидесятница, как прославление всего космоса (I Кор. XV, 52–53; Римл. VIII, 11). Пределы Пятидесятницы: кенозис Св. Духа в мире. Совершающаяся Пятидесятница (Утешитель, стр. 387–401).

III. О Церкви

A. ПРИРОДА ЦЕРКВИ.

Учение о Церкви в Ефес. I. Церковь как Тело Христово и храм Св. Духа. Соборность. Христос — глава Церкви (2 Колос. II, 19). Богочеловечество. Вопрос о пределах Церкви.

B. ЦЕРКОВЬ КАК САКРАМЕНТАЛЬНО-ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Церковь, как иерархическая и каноническая организация. Взгляд католиков и протестантов на иерархизм. Историчность Церкви как совершающегося Богочеловечества. Церковь и установление таинств (Церковь, как всетаинство). Иерархия в Церкви. Христос, как Единый Первосвященник. Учение о всеобщем царственном священстве (I Петр. II, 5–9). Вопрос об апостольском преемстве. Прерогативы иерархии: a) иерархия и таинства; b) власть учи-

тельства (вопрос о [*пропуск*] вопрос о вселенских соборах; с) иерархия и власть управления (юрисдикция). Границы сакраментализма: a) сакраментальные и несакраментальные дары (I Кор. XII); b) сила и действенность таинств за пределами православия (как понимать формулу св. Киприана Карфагенского: «вне Церкви нет спасения»).

IV. О Бл год ти

О понятии благодати. Место учения о благодати. Определение бл. Августина. Классификация разл<ичных> видов благодати и их значение. Природа благодати. Благодать и Церковь. Значение естественной благодати. Католическое учение о [*пропуск*], о [*пропуск*] и о [*пропуск*]. Характер благодатной жизни человека. Благодать в отношении к Боговоплощению и Пятидесятнице. О необходимости благодати. Пелагий и бл. Августин. Предопределение к спасению. Вопрос о ма [*пропуск*] и о [*пропуск*]. Монах Готшальк в IX веке. Учение Кальвина. Благодать и свобода. Учение бл. Августина о свободе, как о субъективном переживании. Учение томизма о Боге как о первопричине и перводвигателе. [*пропуск длиной в строку*]. Янсенизм. Учение Лютера о предвидении. ([*пропуск*]) Учение о свободе и благодати на Востоке (Посл<ание> Вост<очных> Патриархов). Критика схемы Аристотеля и Фомы Аквината о взаимоотношении Бога и мира. Предопределение и предвидение в отношении к вечности Божьей. Учение о синергизме.

V. О Т инств х

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ТАИНСТВАХ.

Церковь, благодать и таинства. Таинства и магизм. Таинства и оккультизм. Протестантское понимание таинств. Определение таинств у бл. Августина. Богочеловеческое та-

инственное соединение в таинствах и его возможность. Католический взгляд на таинства и его критика. Таинства в В. Завете и их значение. Учение о седмеричном числе таинств и предание церковное (Климент Александрийский, бл. Августин и Оптат Милевский, Псевдо-Дионисий Ареопагит, преп. Феодор Студит, Петр Ломбард и Фома Аквинат, монах Иов на Востоке в XIII в., Тридентский собор, Симеон Солунский, Петр Могила). [*пропуск*] О совершении таинств. Совершитель. Материя. Формула, ее значение и характер (католический и православный взгляд). О действительности таинств: вопрос об [*пропуск*] и [*пропуск*]. Учение об [*пропуск*]. Классификация таинств на основании [*пропуск*].

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ.

Значение крещения. Его прообразы. Установление крещения. Крещение Христово в Иордане и его значение. Пятидесятница, как всеобщее крещение, осуществляющееся в индивидуальных крещениях. Свершение и сила крещения (крещение в отношении к первородному греху). Благодать крещения. Учение о крещении у св. Кирилла Иерусалимского. — Крещение как таинство: а) совершитель, б) вещество. Погружение и обливание. Крещение не водою. Вопрос о крещении «за мертвых», [*пропуск*] (I Кор. XV, 27–28). Вопрос о крещении Апостолов и Пресв. Богородицы. в) Формула крещения. Вопрос о крещении детей (Карф<агенский> собор). Вопрос о восприемниках. Судьба некрещеных детей (бл. Августин и др.). Повторяемость таинства. Вопрос о крещении вне Церкви.

ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНИЯ.

Крещение как таинство Второй Ипостаси и миропомазание как таинство Третьей Ипостаси. Связь миропомазания и крещения и их различие. Значение и действие таинства миропомазания. Вопрос об установлении таинства (ссылки на I Ио. VII, 37–39; II Кор. I, 21–22, I Ио. II, 20–27). Образ совершения таинства. Изготовление и освящение мира. Соединение

и разъединение крещения и миропомазания: практика на Востоке и на Западе. Повторяемость таинства (вопрос о помазании при венчании на царство и при возвращении в Церковь).

ТАИНСТВО ЕВХАРИСТИИ.

Значение таинства Евхаристии (древняя Церковь, Дионисий Псевдо-Ареопагит, Максим Исповедник, свят. Григорий Палама, св. Симеон Солунский). Учение о таинстве Евхаристии в Н. Завете: Ио. VI; Мф. XXVI; Мр. XIV; Лк. XXII: моменты этого учения.

I. Евхаристический догмат. Вопрос о [*пропуск*]. Вопрос о евхарист<ическом> догмате в истории церковной на Западе и на Востоке (Пасхазий, Радберт, Ратрамм, Рабан Мавр, Беригарий, собор в Риме в 1059 г., Виклер, Иоанн Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин, Тридентский собор, Православное Исповедание Петра Могилы, Посл<ание> Вост<очных> Патриархов). Католическое понимание евхарист<ического> догмата: пресуществление ([*пропуск*]). Выводы: [*пропуск*]. Критика этого понимания. Православное понимание: преложение [*пропуск*]. Раскрытие этого понимания на основании Лк. XXIV, 23 и учения св. Григория Нисского и преп. Иоанна Дамаскина. Преложение, как метафизическое, а не как физическое чудо. Евхаристия как пища бессмертия (цель преложения — причащение (см. очерк о. С. Булгакова в «Пути»: Евхаристический догмат[8]).

II. О совершении таинства Евхаристии. Необходимые предметы и вещество (вопрос о хлебе). Вопрос о причащении под двумя видами. Об освящении Св. Даров. Вопрос об эпиклезе[9]. Вопрос о моменте и мгновенности преложения Св. Даров (споры в Москве в XVII в.). Учение Николая Кавасилы. Учение св. Димитрия Ростовского. — Вопрос о духовном причащении.

III. Учение о Евхаристии, как о жертве. Место учения о евхаристической жертве. Идея жертвы и ее универсальность.

[8] Путь. 1930. № 20–21.

[9] Ἐπίκλησις, молитва призывания Святого Духа.

Разница ветхозав<етной> жертвы и новозав<етной> жертвы. Значение «воспоминания», [*пропуск*] (I Кор. X). Жертва небесная и жертва земная. Евхаристия, как искупительная жертва (кто ее приносит и за кого и за что она приносится: вопрос о евхаристическом поминании); вопрос о Литургии Преждеосвященных Даров.

ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ.

Определение. Вопрос об установлении таинства покаяния (Мф. XVI, 19; XVIII, 17–18; Ио. XX, 21–26). Таинство покаяния у отцов. Таинство на Западе: католичество и протестантизм. Таинство покаяния на Востоке. В чем нужда и сила таинства покаяния. (Покаяние и прощение). Синергизм в таинстве покаяния. Для каких грехов возможно таинство покаяния. (Споры во II, III и V веках). Вопрос о хуле на Духа Св. (Мф. XII, 31) и о грехе к смерти (I Ио. V, 16). Характер разрешения. Действие таинства. О моменте таинства. О покаянной дисциплине. Чины оглашенных в др<евней> Церкви. Исповедь [*пропуск*]. Значение епитимьи в Правосл<авной> Церкви и на Западе. [*пропуск*] и индульгенция в катол<ической> Церкви. Индульгенции [*пропуск*] и молитвы за усопших.

ТАИНСТВО ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ.

Определение. Установление таинства. Иак. V, 14–15. Таинство елеосвящения в отеческой письменности: Ориген, св. Иоанн Златоуст. Значение и сила таинства. [*пропуск*] на Западе (после X века). Понимание таинства на Востоке. О совершении таинства: семь иереев («седмисвященство» по Иоанну Воину). Материя таинства. Действие таинства и отношение его к таинству покаяния. Применимо ли это таинство к усопшим. — Последование об исцелении бесноватых в Большом Требнике[10].

[10] Большой Требник получил свое название в 1651 г. (в отличие от Малого Требника); молитвословия об отгнании злых духов находятся во второй части Требника. В более выраженном варианте чин изгнания бесов

ТАИНСТВО БРАКА.

Брак как природный закон и как таинство. Об установлении брака. Быт. I–II; Ио. II; Мф. XIX, 2–12. Таинство брака в истории (Игнатий Богоносец[11], Иоанн Златоуст, церковный брак в Византии[12], новеллы Льва Мудрого[13] и Алексия Комнена[14]). Отношение Церкви к браку: Гангрский собор[15] и ублажение девства (Апок. XIV, 1–15; Мф. XIX, 10–12). Природа таинства брака. Полнота образа Божия (Быт. I). Пол и половое размножение. Эрос и половая жизнь. Любовь в браке. Заповедь деторождения. Брак и девственничество (монашество). Брак, как таинство: о совершителе таинства; о моменте таинства. Действия таинства (Мф. XIX, 6; Еф. V, 32). Свойства брака. Вопрос о единобрачии; вопрос о разводе. Соотношения между таинством священства и таинством брака.

приведен в Большом Требнике Петра Могилы (1646) с включенными в него чинопоследованиями из Римского Ритуала (руководства для католических священников по совершению обряда экзорцизма, 1614).

[11] Игнатий Богоносец Антиохийский (сщмч., ум. 107). Признаны подлинными 6 посланий к церковным общинам; основные темы посланий — полемика с докетами, отрицавшими материальный аспект Боговоплощения, кафоличность церкви.

[12] Заключение браков в Византии начиналось с заявления жениха и невесты или их родителей, которое они излагали своему епископу или его хартофилаксу (делопроизводителю). В случае имеющихся препятствий к браку у архиерея испрашивалось особое разрешение на венчание. Просителям выдавалось предписание на имя приходского священника совершить браковенчание при достоверном свидетельстве отсутствия препятствий к нему.

[13] Лев VI Мудрый, или Философ (866–912) — византийский император. Завершил формирование свода законов на греческом языке, называемых «Базилики». В 89 новелле предписал заключать брак не иначе как с церковного благословения. Закон не распространялся на рабов, он касался только свободных лиц.

[14] Алексий Комнин (1081–1118) — византийский император. Распространил обязательность церковного благословения браков и на рабов.

[15] Поместный собор середины IV в., осудивший ересь Евстафия, еп. Севастийского, согласно которой состоящие в браке не имели надежды на спасение.

ТАИНСТВО СВЯЩЕНСТВА.

О понимании священства и иерархии. Священство как таинство. Вопрос об установлении священства, как таинства. Харизматики и постоянная иерархия в др<евней> Церкви. (Дн. XIV, 23; XX, 17–28), Филип. I, 1). Всеобще священство. Состояние мирянства в Церкви. О рукоположении. Дар, подаваемый в таинстве священства (учение митр. Антония и еп. Феодора). О [*пропуск*] таинства священства и вопрос о запреще<нии>[16]

[16] Обрыв машинописного текста.

Вл димир Янцен

К 120-летию со дня рождения Д. И. Чижевского:

1. Д. И. Чижевский.
Академик Владимир Вернадский (1863–1945)
2. Д. И. Чижевский:
Письма В. И. Вернадскому (1926–1936)

1. Д. И. Чижевский. Ак демик Вл димир Верн дский (1863–1945)

Не знаем, при каких обстоятельствах закончил свою долгую жизнь академик Всеукраинской Академии Наук и ее первый президент Владимир Иванович Вернадский. Украинская пресса, как кажется, о нем еще не вспоминала, ибо и сама его смерть в краях, где пребывает значительная часть украинской эмиграции, осталась неизвестной... Из научных американских журналов узнаем, что умер он еще два года тому назад.

Не о деятельности его во Всеукраинской Академии будем здесь вспоминать, — в свое время она иногда вызывала известное розочарование (хотя и не такими уж легкими были условия, в которых ему пришлось начинать организацию высшего центра украинской науки — было это летом 1918 г.). Не буду отводить места и своим личным воспоминаниям о покойном, с которым мне доводилось встречаться

при его довольно-таки частых поездках за границу: он принадлежал к тем немногим ученым Советского Союза, которым удавалось преодолевать «железный занавес» сравнительно легко. Обычно он проведывал своих детей в Праге, часто обращаясь письменно и ко мне — иногда из Праги (когда я там уже не жил), а иногда и из других центров европейской науки или из Петербурга и Москвы: письма его чаще всего были полны просьб о справках (по истории науки — этими темами он охотно занимался в последние годы своей жизни) и указаний по истории украинской науки 18 столетия, — ему посчастливилось найти несколько интересных фигур украинских природоведов того времени (и в своих печатных работах он указывал на — кажется, полтавца — Тереховского, который в своих латинских работах сам себя называл «украино-русом» и научные мысли которого актуальны и поныне). Думаю, что для украинской общественности будет полезна хотя бы краткая информация о научных заслугах Вернадского, обеспечивающих ему определенное место в истории не только украинской, но и европейской науки.

Я не могу здесь остановиться на тех вопросах, которые выходят за пределы моей специальности, а именно: на минералогическом наследии академика Вернадского. Он оставил немало работ, значение которых выходит за границы чисто специального, естествознания, — здесь мы будем говорить о тех из них, которые имеют философское значение.

Отец Владимира Вернадского[1] был выдающимся украинским экономистом; в довольно молодом возрасте он получил приглашение занять профессуру в Московском университете, так что Владимир Вернадский либо уже родился в Москве, либо попал туда в ранние годы своей жизни[2]. С Украиной его связывала не только семейная традиция, но и обыкновение родителей чаще всего проводить время каникул на Украине. Обучение в университете Вернадский прошел в Москве[3], а потом дополнил свою научную подготовку за границей, между прочим, в Швейцарии, где дружил, между прочим,

с известным украинским деятелем Павлом Чижевским[4]. Он охотно вспоминал про Швейцарию, — атмосфера швейцарских (франкоязычных) университетов почему-то казалась ему чуть ли не самой приятной в Европе, а дружба с Чижевским также вспоминалась в весьма лирических тонах (Чижевского, по специальности химика, он считал *н учно* чрезвычайно способным; к сожалению, вернувшись в Россию, Павел Иванович Чижевский попал не на университетскую кафедру, а в многолетнюю ссылку на север...). Научная карьера Вернадского складывалась, кажется, при весьма благоприятных обстоятельствах и достаточно рано привела его из Москвы в Петербург, в Академию Наук.

Уже довольно рано Вернадского заинтересовали вопросы философии природы, сначала методологии естественнонаучного мышления и исследования (книга «О научном мировоззрении» 1902 года[5] и статья о философии Канта 1904 года[6]); достаточно рано он начал преподавать в университете историю естествознания (в основном 18–19 в.). Надо сказать, что на рубеже 19–20 в. в московской науке господствовал «позитивизм» и (механический) материализм, — течения, имевшие между собой главным образом то общее, что они одинаково враждебно относились к общефилософским вопросам и считали достаточным для науки исследование отдельных специальных проблем; говорили, что «науки» (именно специальная наука или совокупность специальных наук) достаточны для того, чтобы дать человеку последние ответы на все вопросы, и что не нужно никаких «мировоззрений», «теорий», «идей»... Замечательное изображение этой антифилософской атмосферы научной Москвы того времени находим ныне в разных мемуарных сочинениях (особенно, в мемуарах русского поэта Андрея Белого[7]). Вернадский уже тогда принадлежал к тем, кто «опережал свое время». Его работы того периода означали разрыв с позитивистским и материалистическим самоограничением науки и не удивительно, что Вернадский быстро вошел в близкие сношения с тем «молодым

поколением», которое где-то около 1905 года начало осознавать недостаточность позитивистских и материалистических предпосылок, с молодым поколением, представители которого были на 10, а то и на 20 лет моложе его. Интересно, что подобное положение среди московских ученых занимал и другой украинец, который был немного моложе Вернадского, — Богдан Кистяковский (1868 года рождения)[8]. Возможно, что в этом уже проявлялась известная черта украинского национального характера: неприязнь к тому «радикальному отрицанию», которое было характерно для русских духовных течений того периода...[9] Интересно, что именно благодаря философскому подходу к специальным проблемам, Вернадский гораздо легче, чем его материалистические и позитивистские современники, отмечал тогда тенденции научного развития: так, он принадлежал к первым, кто (по крайней мере в России) своевременно оценил значение открытия радиоактивности и отметил, что это открытие приведет к глубокому кризису основ физики как науки. Его современники, стоявшие на якобы значительно более «реалистической» почве позитивизма и материализма, были тогда полны наивной веры, что новой науке легко удастся объяснить это явление с позиций механистического мировоззрения.

Работы Вернадского того времени имеют, скорее, историческое значение, — значение симптома... Такое же значение имеют и те его речи, рецензии и статьи (в философских журналах), которые он посвящал новым философским работам (чаще всего с «методологическим» оттенком). Размышления над новыми проблемами науки привели Вернадского, кажется, и к его интересу к *истории* науки: он увидел, что «забытые» или отброшенные научные теории в действительности часто продуктивны и должны после долгого перерыва вновь привлекаться к объяснению пока еще неизвестных явлений...

Мысли, которые в 1900–1910 г. Вернадский мог высказывать только «шепотом», лишь осторожно и намеками, в по-

следние десятилетия, учитывая ставший теперь совершенно ясным и открытым кризис научного мировоззрения, он мог развивать четко и последовательно.

Работы Вернадского о философии природы, о «натурфилософии» интересны уже своим стилем: это «стандартные сочинения» из определенных областей естествознания (как «Геохимия», вышедшая в 1924 году на французском языке[10]). Автор не «вкладывает» в изложение естественно-научных фактов никаких философских мыслей, так сказать, «извне», мыслей, взятых из какой-либо (даже и его собственной) философской системы. Нет! Философские тезисы Вернадского являются «обобщениями» его специально-научных мыслей, являются только заключениями, которые из них можно вывести и к которым факты как бы приводят сами... Во многих случаях философские мысли Вернадского можно было бы распространить и на другие области знания,* но Вернадский с какой-то свойственной ему скромностью не делает этого распространения. Работы Вернадского можно было бы сблизить с так называемой «эмпирической метафизикой» на Западе. Но философия Вернадского не является «надстройкой» над его специальной наукой, это — сама наука; естествознание можно бы, как это было в старину (например, у Ньютона), назвать «философией природы» — «philosophia naturalis».

Остановимся на двух главных пунктах философии природы Вернадского: это, с одной стороны, его мысли об отношении пространства и времени, с другой, — о роли жизни органического в космическом процессе.

Мысли Вернадского об отношении пространства и времени выросли из того «кризиса» современной физики, о котором безгранично писали и который в своем последнем

* Например, мысли о пространстве и времени сближаются со «структурализмом», характерным для многих течений в конкретных науках: вспомним структурализм в языкознании, представленный в украинской науке такими уже ныне покойными учеными, как А. Артимович и В. Симович *(Примеч. Д. И. Чижевского)*.

«практическом» проявлении приводит к вопросам, связанным с проблемой «атомной энергии». Главное в вопросе об отношении пространства и времени — то, что современная физическая мысль не может уже представлять себе пространство и время как какую-то пустую посуду, «скрынки», в которых происходят все процессы во вселенной. Представление о пространстве как о такой «пустоте», которая является совершенно «однородной», всюду однаковой, симметрично распространяющейся во всех направлениях, не имеющей ничего общего со своим содержанием (материей) — таким было традиционное со времен Ньютона представление физики. Аналогично представляли себе и время, равномерно «текущее» всегда «вперед», но которое (в фантазии) можем себе легко представить и как «обратное», так как то, что происходит во времени, могло бы принять и «противоположное» направление: от будущего к прошлому... Правда, это представление вступало уже в полное противоречие с отдельными физическими теориями... И только так называемая теория относительности сделала само это представление о пространстве и времени совершенно сомнительным. Была сделана попытка связать пространство и время в определенное единство (выдающуюся роль, помимо Эйнштейна[11], здесь сыграл немецкий математик Минковский[12]). Открытие радиоактивности и «квантовая» теория (Планк[13]) разрушили представление о равномерном течении времени. Время было разложено, так сказать, на «атомы времени»... К обычным философским аргументам, относящимся к современной картине мира, Вернадский присоединяет целый ряд дальнейших аргументов, имеющих немалый философский интерес. Жизнь, органическая жизнь — это, по мысли Вернадского, та сфера действительности, которую никогда не удавалось полностью встроить в границы наших физических представлений и которая более всего не согласуется с традиционным «ньютоновским» представлением о времени и пространстве. Процессы жизни никогда не заполняют пространства

Содерж ние

и времени, так сказать, «нейтрально». Если колесо можно крутить в обоих направлениях или если вода, которая обычно течет сверху вниз, при условии постройки нами соответствующего аппарата и затраты известного количества энергии может течь и наверх, то ни с какой затратой энергии мы не сможем «развернуть» процессов жизни, например, повернуть жизнь животного так, чтобы она проходила от смерти к рождению. Но тот же характер имеет не только вся жизнь, но и отдельные мелкие жизненные процессы: они направлены «однозначно», идут всегда в одном направлении. — Если мы хотим построить теорию времени не как совершенную абстракцию, а как теорию действительности, охватывающую и живую природу, то должны будем признать за течением времени характер этой «необратимости», неспособности идти в другом направлении. (Эти мысли Вернадского напоминают философские размышления Бергсона[14]). Пространство, в котором происходят процессы жизни, тоже отличается от того пространства, в котором, согласно ньютоновской механике, происходят физические процессы. Пастер[15] открыл в живой материи и химических веществах, образующихся в организмах, «асимметричность»: если в математическом пространстве «правое» и «левое» полностью однаковы, то в биологическом они отличаются друг от друга так же, как «прошлое» и «будущее» во времени. Следовательно, пространство биолога, по мысли Вернадского, не такое же, как пространство математика. Время и пространство нельзя рассматривать «абстрактно», оторванно от их содержания, от материи и происходящих в ней процессов. Основное понятие естествознания — это не пространство, а развивающаяся, «эволюционирующая» вселенная. Это был в известной мере поворот к представлениям доньютоновской эпохи: вселенная, «космос» является единством времени, пространства и материи. «Кризис» естествознания, вызванный этим изменением взглядов, по мысли Вернадского, не есть какое-то трагическое событие, «крах» научного здания: наоборот, он

приветствовал его как развитие научного мировоззрения и с большим оптимизмом смотрел на перспективы нового развития естествознания.

Если в своих мыслях о пространстве и времени Вернадский разделяет взгляды большинства современных естествоиспытателей, лишь иным путем подходя к выводам, к которым пришли самые выдающиеся представители современной физики, то в оценке роли жизни в общей экономике мироздания Вернадский высказывает воззрения, являющиеся его полной собственностью и построенные на его специальнонаучных исследованиях.

Исследование истории коры земного шара привело Вернадского к выводу о том, что роль живой материи, органической жизни в истории земли чрезвычайно недооценена. Землю ученые чаще всего рассматривают как комплекс, собрание мертвого камня, воды и газов. От этой мертвой материи зависят живые организмы, ведущие, так сказать, «паразитарное» существование за счет мертвой материи. Это — совершенная ошибка. По мысли Вернадского, живая материя играет в истории земли выдающуюся роль. Без живой материи были бы невозможны многочисленные процессы, имеющие решающее значение в жизни земли. Чтобы это признать, не надо быть сторонником взглядов, согласно которым жизнь построена какими-то своеобразными силами, выходящими за пределы физических сил и действующими в мертвой природе (так называемый «витализм»). Живые организмы, если в них и не действуют никакие специальные силы, достигают последствий, которых не могли бы достичь никакие другие факторы в природе. Так, *живые* организмы (растения) в состоянии выделять свободный кислород — в противоположность многочисленным процессам (таких процессов — сотни) в *неживой* природе, которые «связывают» кислород, соединяя его с другими химическими веществами. И только существование свободного кислорода в атмосфере земли делает возможным существование на ней большинства животных и это достижение живой материи — мира растений. На зем-

ном шаре нет другой такой же неизменной силы, постоянно управляющей определенными химическими процессами, как сила жизни: эти процессы происходят в том же самом направлении и, таким образом, придают сфере, в которой существуют живые организмы, свообразный характер. Эту сферу Вернадский обозначал специальным словом «биосфера». Не надо думать, что «биосфера» — какая-то незначительная, весьма тесно ограниченная сфера на земле. Если бы не было биосферы, земной шар имел бы совершенно другой вид. Чтобы человеку нашего времени, привыкшему думать и аргументировать с помощью чисел, дать убедительное свидетельство о «силе» и энергии биологических процессов на земном шаре, Вернадский нашел способы выявить при помощи цифр жизненную энергию организмов.

Например, он подсчитал, какое количество неживой материи могли бы превратить в живую («освоить» с помощью процессов выживания) некоторые живые организмы, или с какой скоростью они, если бы не было внешних преград, могли бы «распространяться» в пространстве. Выясняется, что, несмотря на свои малые размеры, некоторые бактерии могли бы покрыть весь земной шар тонким слоем живой материи всего за полтора дня. Скорость, с которой некоторые бактерии, размножаясь, перемещаются в пространстве, достигает скорости звука (то есть 330 метров в секунду). Размножаясь, живое существо может в течение определенного времени освоить, перевести в форму живой материи такое количество мертвой материи, которое равно материи нашего земного шара. Можно признать характерным для каждого вида живых существ время, которое каждому виду потребовалось бы, чтобы перевести в состояние живой материи такое количество мертвой материи, которое равно нашему земному шару (разумеется, если бы у каждого существа было достаточно средств к выживанию и достаточно возможностей размножаться). Вычисления Вернадского показывают, что даже такому животному как слон, размножающемуся весьма медленно, потребовалось бы для такого процесса всего 1300 лет. Но существуют во-

доросли, которые могли бы разрастись до размеров земного шара за 24 с половиной дня, а холерной бактерии потребовалось бы для этого всего 42 часа! Эти цифры, на первый взгляд кажущиеся фантастическими, показывают воочию, какую необычайную, гигантскую энергию имеет жизнь и насколько значительно ее «давление» на мертвую материю.Эти цифры показывают также, какое необычайное сопротивление должна оказывать мертвая материя живой, чтобы сдерживать ее движение, ее распространение. Правда, конкурируя и борясь между собой, сами живые организмы более всего задерживают это движение жизни вперед.

Таким образом, выясняется, что жизнь может равняться с другими факторами эволюции земной коры, так как только с этой поверхностью земного шара биосфера находится в ближайшей связи. Вернадский утверждал, что жизнь не является каким-то исключительным явлением на земле, что, наоборот, жизнь «принадлежит к механизму земной коры и выполняет в этом механизме важные функции, без которых она (земная кора) вообще не могла бы существовать». При этом, невзирая на все разнообразие живых существ, все процессы жизни идут в определенном общем направлении, так что «биосфера» является известным единством, целостностью, которая живет, используя солнечную энергию, и которая выполняет свою работу систематично и планомерно. Вернадский распространяет уже ранее высказывавшийся некоторыми естествоиспытателями тезис о тесном единстве, целостности жизни («лес как организм» и т. п.) на весь земной шар.

При этом материя еще раз попадает в круговорот жизни, привязывается к биосфере и весьма трудно освобождается из ее объема. Только одна небольшая группа организмов может жить непосредственно с мертвой материей, другие живут, питаясь живой материей. Так было всегда. В течение длительного времени истории земли количество живой материи остается одним и тем же. Вернадский говорил о «вих-

ре жизни», захватывающем материю и уже не позволяющем ей выйти из круговорота.

Таким образом, если жизнь есть важный фактор истории земли, помогающий образованию — или разложению — химических соединений, которые без помощи органической жизни никогда бы не возникли — или, наоборот, продолжали бы существовать и дальше, то надо думать, что в будущем давление жизни приведет к дальнейшему расширению биосферы. Не только в том смысле, что жизнь будет понемногу приспосабливаться к другим условиям и распространяться (пространственно) туда, где она пока еще невозможна (бактерии и грибы могут существовать при давлении до 3000 атмосфер, при температурах до 140 градусов тепла, их зародыши могут сохранять жизнеспособность при морозе до 200 градусов, а в течение короткого времени и при более низких температурах, отдельные организмы могут существовать в чисто минеральной среде, например, в растворе борной кислоты, в растворах солей, в растворах веществ, для большинства живых существ являющихся ядовитыми). Еще важнее то, что живые существа, наделенные разумом, не только расширяют сферу своего существования, но и производят (особенно с помощью техники) такие химические процессы, которые в «нормальных» природных условиях вообще не происходят и невозможны, создают соединения, сами по себе не возникающие, и тем самым придают всему развитию земного шара совершенно новый характер. Самым важным шагом, по мысли Вернадского, должно быть создание искусственных средств выживания. Уже и сейчас человек дошел до таких процессов, что в технике производятся почти все химические элементы (кроме немногих, очень редких) и, таким образом, развязывает «спящие силы» природы. Человек является «совершенно новым фактором в жизни земли».

Человек приносит в жизнь земли новый ритм, до известной степени напоминающий ритм гегелевской диалектики. Если первые возникшие организмы должны были быть «автотроф-

ными», то есть не требовали для выживания живой материи, а после этого возникла новая категория организмов — «гетеротрофных», выживающих при помощи уже существующей живой материи, то человек стремится к созданию новой ступени «автотрофии», — выживания человечества при помощи искусственно созданных веществ. Это будущее время приведет к совершенно новому развитию жизни биосферы, ибо наука до сих пор помогала человечеству создавать новые условия существования, расширяя тем самым объем биосферы (чисто пространственно, например, самолет поднимает человека к тем слоям атмосферы, где органической жизни до сих пор не было). История науки — это часть биологического процесса развития человечества, процесса, имеющего немалое космическое значение...

Кажется, Вернадский уже не дожил еще до одного и, может быть, даже самого глубокого завоевания человечеством сил природы, а именно тех сил, которые могут более всего усилить «давление жизни» на мертвую материю: до первых попыток применения атомной энергии. Вряд ли бы на него произвело хорошее впечатление первое применение этой новой силы на службе человека: применение для уничтожения жизни и материальной культуры. Но как мы знаем из его сочинений, он был оптимистом и верил, что человечество найдет пути к позитивному применению всех сил природы, нередко употреблявшихся с подобной же «негативной» целью.

Во всяком случае, философские мысли Вернадского — только одна часть его научного наследия, интересная для нас прежде всего тем, что это — широкие философские обобщения, выросшие на почве его специальной конкретно-научной работы. В этом отношении он — сын своего времени, конца 19 в., приведшего к возникновению философии «специализма», то есть к распылению философской работы между конкретными науками. Как мы видели, Вернадский перерос свое время. И достаточно взять в руки его специальные сочинения, чтобы найти в них намеки на новые и дальнейшие мысли общефилософского характера.

Примеч ния

[1] Иван Васильевич Вернадский (1821–1884) — отец В. И. Вернадского, экономист, статистик, профессор Киевского (1849) и Московского (1850–1856) университетов, чиновник для особых поручений при министре внутренних дел (1856–1867), профессор Главного педагогического института (1857–1859) и Александровского лицея в Петербурге, издатель еженедельного петербургского журнала «Экономический указатель» (1857–1861), управляющий конторой государственного банка в Харькове (1868–1876), автор исторических и экономических трудов: «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала 19 в.» (М., 1849), «Политическое равновесие и Англия» (М., 1855, СПб., 1877), «Романское начало и Наполеониды» (СПб., 1855), «Очерк теории потребностей» (СПб., 1857), «Очерк истории политической экономии» (СПб., 1858), «По поводу статистических конгрессов и административной статистики вообще» (СПб., 1863), «О мене и торговле, публичные лекции, с приложением статей о протективной системе и дифференциальных пошлинах в России» (СПб., 1865).

[2] Фактическая ошибка: В. И. Вернадский родился в Санкт-Петербурге.

[3] Фактическая ошибка: В. И. Вернадский в 1885 г. закончил физико-математический факультет Петербургского университета.

[4] Павел Иванович Чижевский (1860–1925) — политический деятель, депутат Первой и Второй Государственных дум, глава украинской торговой миссии в Швейцарии (1918–1919), автор теоретического труда «Основы украинской государственности» (1921), дядя Д. И. Чижевского по отцовской линии, друг В. И. Вернадского. В воспоминаниях П. Феденко, со слов Д. И. Чижевского, приведен малоизвестный сюжет из биографии В. И. Вернадского: «Дм. Чижевский рассказывал мне, что Павел Чижевский вместе со своим товарищем Владимиром Вернадским (позже — президентом Украинской Академии наук в Киеве) перевозил из Женевы украинские политические издания через австро-русскую границу в Приднепровье. Во время контроля запрещенная литература была найдена в багаже П. Чижевского. Это навлекло на него обвинение в «неблагонадежности», и поэтому была погублена научная карьера молодого исследователя. Русские чиновники как-то недосмотрели, что и у Вернадского в багаже была запрещенная литература, так что у него не было помех в научной деятельности. Павел Чижевский жил в Полтаве и принимал участие в общественной жизни и в кооперации. В 1919 году правительство Украинской Народной Республики назначило П. И. Чижевского членом Торговой миссии в Швейцарии, где он и умер» (см.: Материалы. С. 247).

5 *В. И. Верн дский*. О научном мировоззрении. М., 1903.
6 *В. И. Верн дский*. Кант и естествознание XVIII столетия // Вопросы философии и психологии. 1905. № 76. С. 36–70.
7 Чижевский, очевидно, имеет в виду трилогию воспоминаний А. Белого «На рубеждвух столетий» (1930), «Начало века» (М.-Л., 1933) и «Между двух революций» (Л., 1934).
8 Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920) — юрист, философ права, социолог, обучался в Берлинском, Парижском, Страсбургском и Гейдельбергском университетах, ученик Г. Зиммеля, В. Виндельбанда и Г. Еллинека, приват-доцент Московского университета, профессор Ярославского лицея и Киевского университета, действительный член Украинской Академии наук (1919–1920). Автор опубликованной на немецком языке кандидатской диссертации «Общество и индивид. Методологическое исследование» (Берлин, 1899), сборников статей «Страницы прошлого. К истории русского конституционного движения» (М., 1912), «Социальные науки и право» (М., 1914), соавтор сборников «Проблемы идеализма» (М., 1902) и «Вехи» (М., 1909).
9 Проблема национальной духовности, специфики украинского характера занимала Д. И. Чижевского начиная с его первых историко-философских трудов. В книгах «Фильософія на Україні. (Спробаісторіографії)» (Прага, 1926) и «Нариси історії філософії на Україні» (Прага, 1931) украинскому народному характеру и мировоззрению посвящен специальный параграф, а в 1948 г. вышла немецкая статья «Несколько замечаний о народном характере украинцев и о проблеме характерологии народов и племен», в которой также повторяется та же самая идея: «следует все же подчеркнуть, что украинский духовный тип, очевидно, не предрасположен к заостренным, «радикальным» течениям. В то время как украинцы играли выдающуюся роль в великорусской духовной жизни особенно с 17 в., мы почти не находим представителей украинской интеллигенции среди политических, философских, мировоззренческих «радикалов», что нельзя объяснить только социальной отсталостью страны или социальной принадлежностью интеллигенции (среди великороссов нам известен анархист князь Кропоткин и различные представители высшего дворянства между социалистами и революционерами). Правда, не было недостатка украинцев среди радикалов искусства: достаточно упомянуть основателей русского футуризма в живописи и поэзии — братьев Бурлюков!» (см.: *D. Tschiżewskij*. Einige Bemerkungen über den Volkscharakter der Ukrainer und über das Problem der Charakterologie // Scholar. Zeitschrift ausländischer junger Akademiker der westlichen Zonen Deutschlands unter Mitwirkung ausländischer Dozenten. Heidelberg 1948. № 2 / 3. S. 68).
10 *W. Vernadsky*. La géochimie. Paris: F. Alcan, 1924.

[11] Имеется в виду учение о пространстве и времени в теории относительности Альберта Эйнштейна (1879–1955).

[12] Имеется в виду доклад «Пространство и время» (1908) немецкого математика Германа Минковского (1869–1909), объединившего пространство и время в единое четырехмерное пространство-время.

[13] Макс Планк (1858–1947) — немецкий физик-теоретик, один из основоположников квантовой теории пространства-времени.

[14] Речь идет, вероятно, о получившей широкую известность мысли французского философа Анри Бергсона (1859–1941) о том, что понятия, обозначающие время, заимствованы из языка пространства.

[15] Луи Пастер (1822–1895) — французский биохимик, основоположник микробиологии, иммунологии и стереохимии, открывший оптическую асимметрию молекул.

Коммент рий

Впервые опубликовано: «Наше життя». Ч. 8 (156). Авгсбург, 15 февраля 1948 г. Публикуется по экземпляру статьи из личного архива Д. И. Чижевского в Гейдельберге, хранящемуся ныне в собрании чижевскианы В. Янцена в городе Галле (Германия). Перевод с украинского, комментарий и примечания В. Янцена.

Статья памяти акад. В. И. Вернадского (1863–1945) была написана Д. И. Чижевским для издававшейся с 1945 по 1948 г. в Аугсбурге П. Котовичем и П. Феденко еженедельной украинской газеты «Наше життя». Но основное содержание ее восходит к его же немецкой статье, вышедшей под псевдонимом еще при жизни В. И. Вернадского в Чехии: V. I. Vernadskijs Naturphilosophie. Von *Fr. Erlenbusch* // Slavische Rundschau. Prag 1935. Jg. 7, H. 5. S. 213–221[1]. «Фритц Эрленбуш» — это псевдоним Чижевского, которым он был вынужден пользоваться после прихода к власти в Германии нацио-

[1] Эта статья была переведена на украинский язык во втором томе киевского издания философских трудов Д. И. Чижевского: Натурфілософія В. І. Вернадського // *Дм. Чижевський*. Філософскі твори у чотирьох томах / Під заг. ред. В. С. Лісового. Київ: «Смолоскип», 2005. Т. 2. С. 237–243.

нал-социалистов. Кстати, о выходе этой статьи Чижевский сообщает и в письме к В. И. Вернадскому от 4 ноября 1935 г., не признаваясь, однако, в своем авторстве: «Не обратили ли Вы внимания на статью одного моего ученика о Вашей философии природы (Slavische Rundschau, 1935, V). Несмотря на некоторую элементарность, вызванную отчасти характером журнала, она дает, как кажется, хотя бы указания на наиболее существенные пункты Ваших воззрений»[2]. Но никаких сомнений в принадлежности этой немецкой статьи именно Чижевскому не остается после собственных его признаний сыну В. И. Вернадского Георгию Владимировичу в письме от 11 февраля 1955 г.: «[Владимир Иванович] мне в свое время прислал несколько интересных замечаний по поводу статьи «Эрленбуша» (т.е. моей) о его натурфилософии»[3]. Весьма интересно в другом письме Чижевского к Г. В. Вернадскому от 7 сентября 1966 года сообщение о том, что существует еще одна его статья об академике Вернадском (курсив мой): «Владимир Иванович при своих посещениях Праги всегда назначал мне свидания, еще позже присылал мне свои работы (на основании которых и написана моя статья о его натурфилософии; позже *я н пис л еще одну ст тью для укр инской г зеты в Кр кове*; Вам она осталась неизвестна; если я найду экземпляр, охотно пришлю Вам копию (и писал мне из России и из своих поездок за границу)»[4]. С какой украинской газетой в Кракове был связан Чижевский, неизвестно. Умалчивают об этом и библиографии его научных трудов. Но при этом нам точно известно, что в 1942 году в украинской газете «Краківські вісті» была опубликована рецензия Юрия Клена на книгу Д. И. Чижевского «Історія української літератури» (1942). И не исключено, что именно в этой газете

[2] George Vernadsky Papers // The Bakhmeteff-Archive of Russian and East European History and Culture // The Rare Book and Manuscript Library, Columia University in New York.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

появилась и первая статья Д. И. Чижевского о В. И. Вернадском на украинском языке.

Публикуемые в настоящем издании письма Д. И. Чижевского позволяют исправить одну фактическую ошибку, закравшуюся в мемуарную часть его статьи «Академик Владимир Вернадский (1863–1945)»: в самом начале текста он пишет, что Вернадский «обычно [...] проведывал своих детей в Праге, часто обращаясь письменно и ко мне — иногда из Праги (когда я там уже не жил)»... Между тем переписка между ними началась в 1926 году и продолжилась в 1928 году, когда Чижевский все же еще жил в Праге, и первые встречи между ними, по всей вероятности, состоялись именно там.

Более детальную информацию о характере личного знакомства и сотрудничества Д. И. Чижевского с В. И. Вернадским см. в комментарии к письмам Чижевского в наст. изд.

Весьма интересен вопрос, какими изданиями В. И. Вернадского пользовался Д. И. Чижевский для написания своей статьи. В его личной библиотеке в Галле никаких работ В. И. Вернадского нет. В библиотеке Чижевского в Гейдельберге сохранилась только одна книга академика, дата выхода которой однозначно свидетельствует о том, что при подготовке этой статьи она не могла использоваться: *Верн дский В. И.* Биосфера: избранные труды по биогеохимии. М.: «Мысль», 1967 (Signatur: Tschi 1655 S). В одной из своих поздних статей Чижевский называет ряд работ В. И. Вернадского и других ученых, которые ему были известны и, вероятно, оказали влияние на развитие его собственного интереса к истории науки: «В последнее время проявил интерес к истории науки в России и за границей академик В. И. Вернадский: некоторые его статьи вошли в два тома «Очерки и речи», М., 1922; интересны ранние статьи «Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке» — Русская Мысль 1914, I, и «Мысли о современном значении истории знаний» (оттиск из Известий Академии Наук, 1927). Инициатива Вернадского привлекла некоторых уче-

ных к работе в новых журналах по истории науки и техники (например, «Историко-математические исследования», «Историко-астрономические исследования» и т.д.). Возникли попытки истории науки в России. Книга Т. Райнова: Наука в России XI–XVI веков (М.-Л., 1940) не могла дать целостной и ясной картины уже ввиду отсутствия или малого количества подготовительных работ. Самым крупным специалистом по истории точных наук был Василий Павлович Зубов (1899–1963), напечатавший большое количество работ, в которых он, правда, сравнительно редко касается истории науки в России. Вскоре его работы по истории физики, математической физики, учения о перспективе, методологии точных наук, по истории философии («Аристотель», книга, вышедшая незадолго до смерти автора, в 1963 году) стали известны и за границей, где работы его печатались на ряде иностранных языков. Но интерес к истории науки в России проявился у Зубова, к сожалению, довольно поздно и только в последние годы он стал интересоваться и старыми русскими библиотеками»[5]. Более полный список работ В. И. Вернадского, использованных им при подготовке его первой статьи, указан в библиографическом указателе к этой вышеупомянутой статье[6].

[5] *Д. Чижевский* Произведения Коменского у восточных славян в XVII–XVIII веке // Slavia. Prag 1970. 39 / 4, S. 514.

[6] V. I. Vernadskijs Naturphilosophie. Von *Fr. Erlenbusch* // Slavische Rundschau. Prag 1935. Jg. 7, H. 5. S. 221.

2. Д. И. Чижевский. Письм В. И. Верн дскому (1926–1936)

1.

H. Černošice u Prahy, č. 138
7.I.1926

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Я с большою радостью воспользуюсь Вашим приглашением и посещу Вас в четверг (14-го января) утром — в 10 ч. утра. Т[ак] к[ак] у меня в четверг — лекции, то[,] м[ожет] б[ыть,] Вы разрешите мне, если я не успею кончить всю работу к 10 часам, заехать к Вам около ¾ 12-го в тот же день.

Искренне уважающий Вас
Дмитрий Чижевский

2.

Прага.
25.III.1928 г.

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Посылаю Вам несколько своих оттисков. К сожалению, не всё у меня сейчас здесь есть. В частности мне хотелось бы послать Вам мою статью (под псевдонимом П. Прокофьев) о советской философии («Современные Записки» т. XXXIII, 1927 г.)[1], но у меня ее уже нет ни одного экземпляра.

Сейчас литографируются 2-м изданием моя книга «Философия на Украине»[2] и лекции по «Логике»[3]. Если они выйдут до Вашего отъезда в Россию, то пришлю Вам их сюда, — а то перешлю на адрес Акад[емии] Наук.

Заранее сердечно благодарю Вас за те оттиски Ваших работ, кот[орые] Вы мне пришлете (если у Вас есть свободные экземпляры).

С искренним уважением
и сердечным приветом
Дмитрий Чижевский.

P. S. Конечно, я остался в украинском вопросе на своей прежней позиции и был очень рад узнать недавно, что в Киеве настроения в украинских кругах гораздо более близки к моим, чем к настроениям большинства укр[аинской] эмиграции.

Дм. Ив. Чижевский

Примеч ния

1 *Прокофьев П.* «Советская» философия // Современные записки. Париж, 1927. Кн. 33. С. 481–501.

2 *Чижевський Дм.* Фільософія на Україні. Спроба історіографії. Видання друге, виправлене й доповнене. Ч. 1. Прага, 1929. 144 С. Переиздана была только первая часть работы.

3 *Чижевський Дм.* Льогіка. Конспект лекцій, прочитаних у Вищому Педагогічному Інституті ім. М. Драгоманова у Празі в літньому семестрі 1924 року. Видавниче товариство СІЯЧ при Українському Педагогічному Інституті ім. М. Драгоманова. Літографовано 100 прим. у літографії Л. Каутського у Празї. Прага, 1924. 331 С. Второе издание не вышло.

3.

Прага. 10.VI.1928. PROF. D. TSCHIŽEWSKIJ
HORNÍ ČERNOŠICE u PRAHY. č. 138
Prag. Tschechoslowakei

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Послал Вам на днях свою немецкую статью о Тютчеве[1].

Сердечно благодарю за все присланные оттиски[2]. Историей науки занимался довольно много и я за последние годы, — в частности историей астрологии. К сожалению, пока ничего не удалось напечатать. Надеюсь летом в Германии устроить печатание одной из — довольно, правда, незначительных по содержанию — статей на эту тему. История астрологии в России, а в частности Украине, и в осо-

бенности на Украине — довольно интересна, но почти совершенно не изучена[3].

Новое издание моей работы по истории философии на Украине выйдет из печати летом и тогда я его Вам пришлю.

С искренним уважением
и сердечным приветом
Дмитрий Чижевский.
Простите за скверную машинку со скачущими буквами!

Примеч ния

1 *D. Čyževśkyj.* Tjutčev und die deutsche Romantik // Zeitschrift für slavische Philologie. 1927. Bd. IV. H. 3–4. S. 299–323.

2 Ответные письма и оттиски статей В. И. Вернадского в архивах Д. И. Чижевского пока не найдены.

3 *Д. Чижевський.* Нові досліди над історією астрології // Етнографічний Вісник, Київ, 1929. № 8. С. 190–215. Других статей по истории астрологии Д. И. Чижевский не печатал. Примечателен сам факт выхода статьи эмигранта-Чижевского в советской Украине! Из биографии Д. И. Чижевского известно, что он с юности серьезно занимался астрономией, был членом общества «Мироведение» и что специальностями, которые он выбрал, поступая в Петербургский университет, были математика и астрономия. Астрономии же были посвящены и его первые публикации. Поэтому не удивительно, что, занимаясь в эмиграции историей науки, философии и мистики, он обратил внимание на астрологическую литературу. Эта его статья определенно дошла до В. И. Вернадского, обратившего на нее внимание астронома, историка науки, редактора журнала «Мироведение» Д. О. Святского (1881–1940), о чем последний сообщил Чижевскому в письме от 23 ноября 1929 г.: «Академик В. И. Вернадский обратил мое внимание на Вашу работу, помещенную в “Етногр. Віснике”, № 8 за 1929 г., в которой Вы даете обзор новых работ по истории астрологии за период 1913–28 гг. В ней Вы выражаете сожаление, что вопрос об истории астрологии в России не обследован. Но это не совсем так. Я еще в 1923 г. написал небольшую, популярного рода, работу “Астрология перед судом современной науки”, в которой была глава, посвященная истории астрологии в России. К сожалению, издательство, приобревшее у меня эту рукопись, не смогло ее напечатать и, в конце концов, возвратило ее мне вследствие ликвидации своих дел. Между тем, работая по истории астрономии в России, о чем Вам,

вероятно, В. И. говорил, я попутно не мог не касаться и астрологии, и в своих опубликованных работах нередко подолгу останавливался на астрологии в России, что, по-видимому, осталось Вам неизвестным, чем я только и могу объяснить умолчание о моих трудах. Из них могу Вам, к сожалению, послать только оттиски тех, которые у меня еще имеются | Николай Любчанин, Звезда-Чигирь |. Из других назову: "Астрономическая книга "Шестокрыл" на Руси XV века" | "Мироведение" 1927 г. № 2 |, "Звезда Петра I" | Там же, № 3 |. Кроме того имеются еще ненапечатанные, но зачитанные в "Комиссии по истории знаний при Академии Наук" две работы: "Астрономия | и астрология | в России накануне Петровских реформ" и "Русский трактат | астролого-астрономический | о кометах первой половины XVII стол.". Последний обнаружен мною в одной рукописи и для Вас интересен тем, что автор трактата | попросту церковной проповеди | — священник, если не украинский, то белорусский, обнаруживающий большую ученость — эрудицию, причем известен и год его рождения — 1577, как это видно из текста. Говорил же он проповедь по поводу явления кометы 1618 г. Я сначала думал, что это Захария Копыстенский, но потом, сравнивая его проповеди, увидел, что стиль моего автора совсем другой и украинизмов у него значительно меньше и, как некоторые наши ученые думают, это скорее белорус. Не поможете ли Вы в данном случае отыскать автора? — Ваше замечание, что в Москву астрологию принесли украинцы Скабинский, Богомодлевский и Белобоцкий требуют разъяснения. Не укажете ли основание такого мнения и ссылки на них. Я думаю, что это было значительно раньше. Астрология к нам могла явиться через Схарию, выходца из Кафы в Киев, а оттуда в Новгород и затем в Москву во второй половине XV века. Причисление Вами рассказов о составлении гороскопа Петра Симеоном Полоцким и Дмитрием Ростовским к ряду астрологических анекдотов, на мой взгляд, рискованно. Относительно последнего, правда, нет доказательств, но Симеон Полоцкий несомненно занимался астрологией и составлял гороскопы для царствующего дома, как это думал Полевой (см. "Русский Вестник" 1842 г. № 2 — репродукция-реставрация гороскопа Петра — астрономом Лекселем). Гороскоп Иоанна Антоновича составлялся не Эйлером, а академиком Крафтом, как это следует из рассказа Штелина. — Пока остановлюсь на этом, хотя очень о многом бы хотелось написать Вам и сказать и спросить, но я не уверен, как дойдет до Вас это мое письмо, я ведь не знаю Вашего адреса и пишу наугад. Буду ждать скорого ответа. [...] В "Русском астрономическом календаре" на 1929 г. "изд. Нижегородского Кружка Любителей Физики и Астрономии" на стр. 184 напечатана небезинтересная для Вас моя "программа по изучению народной космографии"». — См.: *Святский Д. О.* Два письма Д. И. Чижевскому

(1929). Публикация *Вл димир Янцен* (Halle / Saale) и *Алекс ндры Тоичкиной* (Санкт-Петербург) // Дмитрий Чижевский и европейская культура. Colloquia Litteraria Sedlcensia. Том IV. Под ред. *Р. Мних и Ю. Урб н*. Дрогобич — Siedlce 2010. С. 295–298, здесь: 295–297.

4.

Галле.

Halle a. S., Kurallee, 12, D. Tschiževskij. 2-7-1932.

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Иванович!

Ужасно жалею, что так поздно узнал о Вашем пребывании в Лейпциге. Я ведь сейчас живу в Галле, где преподаю в университете русский язык и литературу (в этом семестре читаю и украинский язык — двум слушателям)...

Я очень был бы Вам признателен, если бы Вы мне сообщили Ваш ближайший адрес. Я очень хотел бы переслать Вам свои последние работы. Так как Вы, как я слышал, сегодня уезжаете, то[,] вероятно[,] и это письмо Вас в Лейпциге уже не застанет. Иначе я был бы Вам очень признателен, если бы Вы дали мне возможность с Вами увидеться. Я с очень большим интересом слежу за Вашими последними натурфилософскими работами (в Известиях Академии Наук)[1]. К сожалению, не все здесь доступно. Сборник Ваших статей[2] имеется, если не ошибаюсь, только в Праге, сборник памяти К. Бэра[3] — пока мне вообще не был доступен. Меня интересуют некоторые общие вопросы методологии наук (в частности истории литературы и лингвистики), ответы на которые я и нахожу между прочим в Ваших работах...

Желаю Вам всего лучшего!!
С глубоким уважением
и сердечным приветом
Ваш Дмитрий Чижевский.

Я бываю в Лейпциге почти что каждую неделю. М[ожет] б[ыть], буду даже и завтра, но Вас, очевидно, уже не застану.

Примеч ния

1 *В. И. Верн дский*. Об условиях появления жизни на Земле // Изв. АН СССР. Серия 7, Отделение математических и естественных наук. 1931. № 5. С. 633–653; *Он же*. Проблема времени в современной науке: Докл. // Изв. АН СССР. Серия 7, Отделение математических и естественных наук. 1932. № 4. С. 511–541.

2 *В. И. Верн дский*. Очерки и речи. Пг., 1922. Т. 1–2.

3 Первый сборник памяти Бэра. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Труды Комиссии по истории знаний; Вып. 2.

5.

Галле.
Halle, Kurallee, 12.
7/7/32

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Вдвойне жалею, что мы не встретились, раз Вы уже были в Галле. А бродить в Галле по городу, действительно, малоинтересно — город, как таковой, скучнейший из немецких университетских городов. Кажется, впрочем, Гиссен еще хуже.

Одновременно с письмом приготовил небольшой пакет статей, — к сожалению, я еще не совсем здесь обосновался — части моей библиотеки — в Праге и во Фрейбурге, — так что все мои работы последнего времени мне самому недоступны.

Думаю, что Вам были бы интересны работы фонологов (по существу — русское течение в европейской лингвистике, — представленное Трубецким[1] и Якобсоном[2]). Вероятно, в Праге их легко достать, — я посылаю только одну свою работу из четвертого тома работ пражского лингвистического кружка[3], являющегося одним из центров фонологии. К сожалению, эта статья меня самого уже не удовлетворяет, — сейчас я бы многое написал совсем по-другому.

Книгу Георгия Владимировича[4] я, действительно, достал только осенью прошлого года, когда книга моя[5] была уже напечатана. Зимой я буду читать здесь курс «Немецкая философия в России»[6], — при этом, конечно, для 18 века мне много помогает книга Г. В. Мне удалось, кроме того, установить несколько интересных переводных книг[,] изданных масонами, авторство которых до сих пор не было раскрыто.

Флоренский упоминал о Гулаке[7] уже в «Столпе и утверждении истины». Но тогда ему была известна только книга Гулака о геометрии четырех измерений. Как хотелось бы, чтобы он хоть отчасти познакомил нас с неизданными материалами!

Для своей книги я не использовал и Ваших сообщений о Тереховском (?)[8], так как Вашей брошюры о проблеме жизни[9] тогда нельзя было достать в Праге.

Сейчас на моем горизонте появился, кажется, совершенно неизвестный украинец Бурский (Bursius)[10], писавший еще на границе 16–17 веков. — Кроме того[,] один крайне любопытный мистический польский философ 16 века, Scleus[11], о котором также никаких работ нет.

Сейчас я допечатываю книгу о Гегеле в России[12]. После этого начну печатать давно уже готовую книгу о Сковороде[13]. А пишу сейчас о философии языка[14], — думаю, что эта последняя работа будет для Вас методологически небезынтересна.

Здесь в университетской библиотеке хранятся интересные воспоминания харьковского профессора Л. Г. Якоба[15] о Харьковском университете в 1804–08 годах, — масса интересных подробностей; среди бумаг того же Якоба — много писем от русских. Думаю все это напечатать. Воспоминания о Харькове того времени существуют (Роммель[16], напр[имер]), но Якоб живее и многостороннее.

Искренний привет
от уважающего Вас и преданного
Дм. Чижевского

Примеч ния

[1] Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) — русский лингвист, культуролог и этносоциолог, один из основателей евразийского движения и Пражского лингвистического кружка, основоположник фонологической школы в современном языкознании, сын философа С. Н. Трубецкого, профессор Венского университета. Точную дату знакомства Чижевского с Трубецким не смог назвать и сам Чижевский в своих «Пражских воспоминаниях». О том, что это знакомство, возникшее, вероятнее всего, в 1923 или 1924 г. в Праге, когда Трубецкой «еще не был устроен в Вене», вскоре переросло в научное сотрудничество и весьма теплые личные отношения, свидетельствует множество источников: прежде всего некролог «Князь Н. С. Трубецкой», опубликованный Чижевским в «Современных записках» (1939, №68, с. 464–468), письма Н. С. Трубецкого, хранящиеся в Галле и в Гейдельберге, а также многочисленные автобиографические тексты Чижевского, в которых он с нескрываемой гордостью называет князя Трубецкого своим «гениальным другом» (см.: *Д. И. Чижевский.* Избранное в 3-х т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В. Янцена; Коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 68; далее — Материалы).

[2] Роман Осипович Якобсон (1896–1982) — русский лингвист, литературовед, культуролог, один из основателей Пражского лингвистического кружка, в деятельности которого активное участие принимал и Д. И. Чижевский.

[3] Phonologie und Psychologie. Von *D. Čyževśkyj* (Freiburg im Breisgau) // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Prag 1931. Bd. 4. S. 3–21.

[4] Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) — русско-американский историк, сын В. И. Вернадского, ученик В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, И. М. Гревса, участник евразийского движения. Эмигрировал из России в 1920 г. Профессор Русского юридического факультета в Праге (1922–1927). В 1927 г. стал преподавателем, затем — профессором русской истории Йельского университета (1946–1956), автор книг по истории русского масонства, Евразии, русской историографии, а также пятитомной англоязычной «Истории России» (1943–1969). Здесь Чижевский имеет в виду следующее издание: *Г. В. Верн дский.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Записки Историко-филологического факультета Петроградского университета. Пг., 1917. Т. CXXXVII. Это — единственная книга Г. В. Вернадского, имевшаяся в личной библиотеке Чижевского в Галле (см.: Richter. S. 198. Nr. 1708).

[5] *Д. Чижевський.* Нариси з історії філософії на Україні. Прага, 1931.

[6] Курс, прочитанный Д. И. Чижевским в осенне-зимнем семестре 1932–1933 гг. в Галле, назывался «Немецкая философия и немецкая поэзия в России» (см.: Материалы. С. 723).

[7] Николай Иванович Гулак (1822–1899) — уроженец Полтавской губернии, выпускник Дерптского университета, кандидат права, один из создателей Кирилло-Мефодиевского общества (1846–1847), арестованный в 1847 г. и после трехлетнего заточения в Шлиссельбургской крепости сосланный в Пермь, занимался проблемами истории, юриспруденции, филологии, математики, геодезии, автор посвященной Н. И. Лобачевскому книги «Опыт геометрии о четырех измерениях. Геометрия синтетическая» (Тифлис, 1877), с признанием упоминаемой в работах П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (примеч. 1040) и «Смысл идеализма». Ему Чижевский посвятил небольшую главку в книге «Нариси з історії філософії на Україні», где писал о нем как о «чуть ли не наиболее европейски просвященном» деятеле среди кирилло-мефодиевцев.

[8] Мартын Матвеевич (Мартынович) Тереховский (1740–1796) — уроженец Украины, учился в Киевской духовной академии, доктор медицины Страсбургского университета, профессор химии, ботаники и анатомии Петербургского генерального госпиталя и ботанического сада, занимавшийся изучением вопроса о природе и происхождении «наливочных анималькулей» (микроскопических организмов, появляющихся в различного рода настоях) и опытным путем пришедший к отрицанию теории о самопроизвольном зарождении организмов.

[9] *В. И. Верн дский.* Начало и вечность жизни. Пг., 1922.

[10] Адам Бурский (Bursius) — польский ученый XVI–XVII вв., получивший образование во Львове и в Краковской академии, где занимал кафедру математики. Упоминание о нем Д. И. Чижевский мог найти в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

[11] Бартоломей Склей (Bartholomäus Scleus) — польский мистик XVI в., автор сочинения: *B. Scleus.* Theosophische Schrifften: oder eine allgemeine und geheime jedoch einfältige und Teutsche Theologia. Geschrieben aus göttlichem Liecht Anno 1596 in Klein Pohlen; anjetzo aber zum gemeinen Besten ans Liecht befördert. 3 Tle. in 1 Bd. (Amsterdam, Wolters), 1686. О Склее Чижевский писал и немецкому философу Эриху Ротхакеру в письме от 20 сентября 1948 г. (перевод с нем.): «К сожалению, мои записки, в которых я обращался прежде всего к неизвестным Курциусу славянским писателям, остались в Галле, и теперь я сомневаюсь, что когда-либо снова получу свой научный аппарат и свою библиотеку. [...] Поэтому я могу сегодня дать Вам только пару указаний лишь на те моменты, которые, может быть, имеют особое значение. Что представление о книге природы иногда принимает вид представления о трех книгах — природы, откровения и души, — на это, кажется, где-то указывал еще Курциус. Но это представление о трех книгах, причем все они содержат одно и то же и тем самым все три являются различными путями к одинаковым знаниям, особенно основательно развито в странной и загадочной

книге, которая, насколько я вижу, до сих пор ускользала от внимания исследователей. Это напечатанные в 1686 г. в Амстердаме теософские сочинения Бартоломея Склея (из Великой Польши), в том же внешнем виде, что и сочинения Бёме, Амст[ердам] 1682 г., со сходной титульной гравюрой (Яна Лёйкена Старшего!). Один из этих трактатов был отпечатан в Амст[ердаме] еще в 1643 г. (?), а именно: «Отче наш», подробно развивающий эту теорию «трех миров» (– трех книг). Сочинения Склея написаны в 1596 г. Об обстоятельствах его жизни никто не может сообщить ничего определенного. Насколько я знаю, до сих пор о Склее опубликовано лишь несколько моих заметок (Zeitschrift f[ür] slav[ische] Philologie XII (1935), 1 / 2, S. 76 f.)» (Handschriftenabteilung der ULB Bonn. NL Rothacker I).

12 *D. Tschiževskij. (Hrsg.)*: Hegel bei den Slaven. Reichenberg, 1934. В этом сборнике, впервые на немецком языке вышла большая работа Чижевского «Гегель в России» (S. 145–396), послужившая основой для его немецкой кандидатской диссертации (Галле, 1935) и переработанного русского издания (Париж, 1939).

13 *Д. Чижевський*. Філософія Г. С. Сковороди. Варшава, 1934.

14 *D. Tschiževskij*. Zur Geschichte der russischen Sprachphilosophie. Konstantin Aksakov // Charisteria Gvilemo Mathesio Qvinqvagenario a Discipulis et Circuli Lingvistici Pragensis sodalibus oblata. Pragae 1932. S. 18–20. Чижевский, вероятно, имел в виду какую-то другую свою работу по философии языка. Возможно, речь шла о нереализованном совместном проекте Р. О. Якобсона и Д. И. Чижевского — книге «Диалектика языка». Чижевский сообщил об этом проекте в 1945 г. в своей «Творческой автобиографии»: «В контексте сотрудничества с Пражской языковедческой школой написаны некоторые работы, посвященные *философии язык* . Здесь идет речь об обосновании фонологии («Фонология и психология»), о некоторых рефератах в Пражском лингвистическом кружке и о работе «Диалектика языка», которая готовилась совместно с Романом Якобсоном, одним из основателей и руководителей Пражской школы» (см.: Материалы. С. 54).

15 Людвиг Генрих Конрад (Людвиг Кондратьевич) Якоб (1759–1827) — немецкий философ, популяризатор философских знаний в России и Украине, с 1894 г. ректор университета в Галле, профессор Харьковского университета (1807–1809), автор «Курса философии для гимназий Российской империи» (1811–1817).

16 Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете. Харьков, 1869. Дитрих Христоф фон Роммель (1781–1859) — немецкий филолог и этнограф, профессор красноречия и греческого языка Марбургского университета и профессор латинской словесности и древностей Харьковского университета (1811–1814).

6.
Фрейбург
10 / 8 / 32

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Большое спасибо за Ваше письмо! Постараюсь на днях выслать еще две—три своих работы — отчасти принципиального характера. Но не знаю, получу ли так скоро оттиски. Особенно медленно идет печатание книги о Гегеле в России, — но есть надежда, что и оно кончится в ближайшем будущем.

Большое спасибо за Ваши указания. Словарь проф[ессоров] Моск[овского] Университета[1] я получил недавно в подарок, но еще не получил самой книги, лежащей у одного из моих друзей в Бонне[2]. — Сочинения (натурфилософские) Максимовича[3] и ряда более мелких авторов (Зеленецкий[4], Курляндцев[5]) сейчас куплены одной из пражских библиотек, так что я скоро буду иметь их в руках. — Что касается Радлова[6], то я думаю, что у него, наряду с интереснейшими статьями, написанными с эрудицией и детальным анализом материала, есть ряд работ непонятно-небрежных, с ошибками в элементарных вопросах, — [~~просто~~] остается впечатление, что он писал их «на сон грядущий» (например, совершенно невозможный его «Философский Словарь»[7]). Я, как помнится, где-то в одной из рецензий на Радлова отметил, что ему «удаются только специальные работы в широком масштабе»[8]...

Литературное наследство Радлова, несомненно, так же как и необработанный материал (частью готовые произведения), оставшиеся от многих русских авторов, даст еще много интересного... Радлова печатные труды мне были все (как кажется) доступны.

В Галле в библиотеке хранятся интереснейшие воспоминания проф. Якоба о первых годах Харьковского Университета, очень детальные и обстоятельные, а, кроме того, обширная его переписка с рядом немецких профессоров

русских университетов — только письма Лодера[9] напечатаны. Я хочу зимой обработать и воспоминания и переписку и наиболее важное напечатать[10].

За советским «диалектическим материализмом» я следил довольно внимательно. К сожалению, статьи, которые я о нем напечатал (в «Современных записках», томы 33, 37, 43)[11] носят несколько слишком полемический характер (оттисков у меня нет)...

Из работ Щербатского я знаю книгу о Нирване[12].

Последнее время я внимательно следил за выходящей в России литературой по истории литературы — много интересного, но не марксистского. За границей русская наука приобрела сейчас огромное влияние в лингвистике — благодаря Трубецкому (венскому — Николаю Сергеевичу), исходящему отчасти из Фортунатова[13], отчасти из Бодуэна-де-Куртенэ[14], а отчасти — по-моему — из традиций русского гегельянства. Думаю, что это влияние еще усилится с течением времени. Для русской науки вообще сейчас крайне благоприятная конъюнктура и просто трагично, что многое [~~через~~] сквозь многоразличную цензуру вовсе не доходит до Европы, да не появляется в печати и в самой России.

За оттиски Вашей статьи буду очень признателен; тем более, что русскую литературу приходится за границей собирать буквально «по каплям», выписывая ее изо всех библиотек мира...

Сердечный привет и наилучшие пожелания
от искренне уважающего Вас
Дм. Чижевского

Примеч ния

1 Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей,

занимающих кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Под ред. проф. С. Шевырева. Ч. 1–2. М., 1855.

2 Речь идет, очевидно, о швейцарском протестантском богослове, издателе журнала «Orient und Occident» Фрице Либе (1892–1970), большом знатоке истории славянской религиозной мысли, владельце одной из лучших в Европе библиотек по данной тематике, в то время экстраординарном профессоре теологии в Бонне.

3 Михаил Александрович Максимович (1804–1873) — историк, филолог, фольклорист, поэт, ботаник, автор натурфилософских сочинений «Главные основания зоологии, или науки о животных» (1824), «О системах растительного царства» (1827).

4 Константин Петрович Зеленецкий (1814–1858) — историк литературы, эстетик, филолог, литератор-краевед, автор сочинения по эстетике «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (1835–1836).

5 Николай Дмитриевич Курляндцев (1802–1835) — профессор философии Одесского Ришельевского лицея, переводивший натурфилософские работы Шеллинга, Шуберта, Стеффенса.

6 Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928) — историк философии, публицист, главный редактор «Философского словаря» (Спб., 1904, 1913), автор «Очерка истории русской философии» (Спб., 1912, 1921), который Чижевский рецензировал в полемическом ключе.

7 Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э. Л. Радлова. Вып. 1–2. Санкт-Петербург, 1904.

8 Чижевский написал две рецензии на «Очерк истории русской философии» Радлова, одна из которых (на немецкий перевод «Очерка» 1925 года) вышла в «Современных записках» (1926, № 28, с. 491–495). Цитируемая же в письме рецензия на второе издание «Очерка» 1921 г. была написана для пражского журнала «Логос» (1925, № 1, с. 225–228). В письме, очевидно, имеются в виду заключительные строки этой рецензии: «Очень жаль, что автор не выдержал своей книги в стиле и масштабе своих монографий (вроде «Гельвеция в России», упомянутых статей в «Мысли»). Такая книга была бы без сомнения интересна и поучительна для каждого специалиста» (с. 228).

9 Фердинанд Юстус Христиан (Христиан Иванович) Лодер (1753–1832) — немецкий врач, анатом, профессор анатомии, хирургии, повивального искусства в Йене и в Галле, учитель Гёте и А. фон Гумбольдта, с 1806 г. лейб-медик императора Александра I, создатель анатомического театра в Москве и первой клиники, в которой лечили минеральными водами.

10 Этот план остался нереализованным.

11 Имеется в виду серия критических статей, первая и последняя из которых были написаны Д. И. Чижевским под псевдонимом «П. Прокофьев»: «Советская» философия // Современные записки, 1927, № 33,

с. 481–501; Философские искания в Советской России // Там же, 1928, № 37, с. 501–524; Кризис советской философии // Там же, 1930, № 43, с. 471–489. До публикации этих статей у Чижевского через Б. И. Николаевского были научные контакты с Институтом Маркса и Энгельса в Москве, откуда ему предлагали принять участие в издании первого советского собрания сочинений Гегеля. После публикации названных статей все эти контакты были прерваны.

[12] *Th. Stcherbatsky*. The Conception of Buddhist Nirvāna. Leningrad, 1927. См. также перевод на русский язык: *Ф. И. Щерб тской*. Избранные труды по буддизму. М., 1988 (с. 199–262). Издание книги на английском языке имелось в личной библиотеке Д. И. Чижевского в Галле (см.: Richter. S. 158. Nr. 1292).

[13] Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) — языковед, специалист в области общего языкознания и сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, создатель Московской лингвистической школы.

[14] Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) — польский языковед, основоположник учения о фонеме, основатель Казанской школы языкознания.

7.

Exp. Prof. D. Tschiżewskij

Römerstadt
Krankenhaus

Herrn Prof. Dr. V. Vernadskij
Praha-Dejvice
Zemledělská ul., 4, p. I, č. X.

Römerstadt (ČSR)
Krankenhaus

28. 8. [1933[1]]

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Большое спасибо за оттиск Вашей статьи. Я читал и Вашу статью[2] и ответ Деборина[3] («Известия» в Галле получаются).

Кое-что из моих работ пошлю Вам в ближайшие дни: я как-то не захватил оттисков из Германии и надо их выписать.

В течение сентября буду в Праге работать в библиотеках. С удовольствием бы повидался с Вами... Если возможно. — Сейчас, наконец, действительно допечатывается книга о Гегеле у славян, которую издатель Вам и вышлет.

Я сейчас занимаюсь кроме обработки старых работ (по истории философии у славян) — философией языка. Но печатать пока, верно, ничего — или почти ничего — не буду на эту тему. Многое слишком сложно и трудно.

Наилучшие пожелания и искренний привет
от искренне уважающего Вас
Дмитрия Чижевского

Примеч ния

[1] Датировка года — по «Хронологии жизни В. И. Вернадского» (его адресу в это время в Праге).

[2] *В. И. Верн дский.* Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР, Серия 7. Отделение математических и естественных наук. 1932. № 4. С. 511–541. *Он же.* По поводу критических замечаний академика А. М. Деборина // Там же. 1933. № 3. С. 395–407.

[3] *А. М. Деборин.* Проблема времени в освещении акад. Вернадского // Там же. 543–569. При тайных выборах в Академию наук в январе 1929 г. советский философ Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) был забаллотирован не в последнюю очередь потому, что перед выборами в открытой записке к коллегам против его избрания выступил В. И. Вернадский. В академики Деборин все же попал под давлением властей. Его полемика с Вернадским не имела научного характера, в ней доминировали обвинительно-доносительные тона. Не следует забывать, что во время дискуссии с В. И. Вернадским Деборин уже сам находился в опале и, может быть, таким не совсем благовидным образом пытался реабилитировать собственное положение.

8.

Дмитрий Чижевский.
Галле / З. Рейльштрассе 87.

4.11.35

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Очень рад Вашему письму. Оттиск, о котором Вы пишете, к сожалению, не получился!

Архив Шеллинга, поскольку он разработан (а в нем, насколько мне известно, искали за последние годы и русских материалов), писем Чаадаева не содержит, также как и иных русских материалов, которые там можно было бы искать (напр[имер,] связанных с Тютчевым).

Вышлю Вам в ближайшие дни то из моих работ, что у меня здесь имеется; одновременно пишу в Прагу с просьбою доставить Вам еще несколько вещей, которых у меня здесь нет, в частности мою работу о Гегеле в России[1]. — Не обратили ли Вы внимания на статью одного моего ученика о Вашей философии природы («Slavische Rundschau», 1935, V)[2]. Несмотря на некоторую элементарность, вызванную отчасти характером журнала, она дает, как кажется, хотя бы указания на наиболее существенные пункты Ваших воззрений.

Прилагаю также список моих работ за последние годы. Может быть некоторые из тем Вас заинтересуют и Вам удастся статьи просмотреть в пражских библиотеках.

Я работал сейчас главным образом над подготовкой к печати найденной мной «Пансофии» Коменского (которая содержит также обширную философию природы, правда[,] весьма несамостоятельную)[3]. Работа эта затягивается, так как рукопись чрезвычайно обширна. — Краткое сообщение[4] об этой находке Вы найдете среди оттисков, которые я Вам пересылаю.

Чрезвычайно жалею, что у меня здесь нет связей с историками науки, так что целый ряд вопросов приходится прорабатывать самостоятельно по источникам.

Желаю Вам всего наилучшего. Я очень тронут вниманием, которое Вы оказываете моим работам!

Сердечный привет от искренне благодарного Вам
и глубоко уважающего Вас
Дмитрия Чижевского

[Список р бот Д. И. Чижевского з 1933–1935 гг.]

1933:

1. Достоевский-психолог. Сборник под ред. Бема «О Достоевском». Прага 1933, том II.
2. Skovoroda-Studien 2. Skovorodas Erkenntnislehre und Philo. «Zeitschrift f [ür] slavische Philologie», X, 47–70.
3. P. O. Kuliš, ein ukrainischer Philosoph des Herzens. «Orient und Occident», XIII, 7–18.
4. Джерела символіки Сковороди. Прага. 1934 (отдельное издание).
5. Literarische Lesefrüchte. «Zeitschrift f [ür] slavische Philologie», X, 380–401.

1934:

1. Hegel bei den Slaven. Reichenberg 1934. стр. 494, darin von mir: Hegel in Russland, стр. 146–396.
2. Literarische Lesefrüchte 3. «Zeitschrift f [ür] sl [avische] Philol [ogie]», XI, 21–34.
3. Філософія Сковороди. Варшава. 1934, стр. 224.

1935:

1. Aus den neuen Veröffentlichung [en] über die čechische Barockdichtung. «Zeitschrift f [ür] sl [avische] Philol [ogie]», XI, 426–432, XII, 183–191.
2. Das «wahre Christentum» Joh. Arndts in Russland. «Evangelium und Osten», III.
3. Skovoroda-Studien 3. Skovorodas Bibelinterpretation im Lichte der kirchenväterlichen und mystischen Tradition. «Zeitschrift f [ür] slav [ische] Philol [ogie]», XII, 53–78.
4. Neue Comenius-Funde. «Zeitschrift f [ür] slav [ische] Philologie», XII, 179–83.
5. Jacob Böhme in Russland. «Evangelium und Osten», X, XI.

Примеч ния

1 См. примеч. 12 к п. № 5 (от 7 июля 1932 г.).

2 V. I. Vernadskijs Naturphilosophie. Von *Fr. Erlenbusch* [*D. I. Tschiżewskij*] // Slavische Rundschau. Prag 1935. Jg. 7, H. 5. S. 213–221.

3 Находка основного философского сочинения «Пансофии» Я. А. Коменского Д. И. Чижевским в Галле была главным комениологическим открытием XX в. У Чижевского была договоренность с редакцией чешского журнала «Архив исследования жизни и сочинений Я. А. Коменского» об издании найденной им в конце 1934 г. в Галле «Пансофии» Коменского, но из-за закрытия журнала планы эти так и не осуществились. «Пансофия» вышла только после войны в Праге без упоминания имени Чижевского.

4 *D. Čyževśkyj*. Neue Comenius-Funde // Zeitschrift für slavische Philologie. 1935. Bd. XII. H. 1–2, S. 179–183.

9.

DMITRIJ TSCHIŽEWSKIJ
HALLE A. S., REILSTRASSE 87.

10.11.36

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Очень рад Вашему письму, которое, к сожалению, застал здесь по возвращении — так что не успел ответить раньше.

Новые работы мои вышлю Вам при первой возможности. Их не так много, в значительной степени — публикации (мелких) текстов и мелкие справки. Значительную часть времени посвящаю обработке Коменского, о чем пока издал только краткие извещения[1] (к сожалению, всегда с массой опечаток)... Странным образом в чешских кругах единственным откликом пока были различные проявления зависти: обычно, — каждый чешский «специалист» считает своим долгом утверждать, что он «всегда говорил»: надо искать рукописи Коменского в Галле; к сожалению, никто этого намерения (если оно было) не привел в исполнение, да и советов «искать в Галле» никто никогда не слышал.

Книгу о Гегеле в России я просил выслать издателей — вероятно, в прошлый раз она запоздала и вернулась назад. Попытаюсь выслать снова.

Ваши философские соображения меня очень интересуют. Сам я, к сожалению, не имею почти возможности заниматься проблемами философии наук. Пока. Надеюсь к этим темам еще вернуться. В частности, исходя из вопросов языковедения, — не знаю, знаете ли Вы работы Ник. Серг. Трубецкого. У меня, к сожалению, нет их лишних оттисков, но думаю, у него еще есть и он Вам их охотно вышлет: несколько его работ — как раз основоположных — вполне доступны и неспециалисту. Его адрес: Wien. Universität.

Из работ философских меня заинтересовала книга: R. A. Fischer: The design of experiment[2].

Не знаю, окажется ли она интересной и для Вас.

Читали ли Вы статью (моего ученика) F. Erlenbusch'a о Ваших натурфилософских работах? Она появилась в «Slavische Rundschau» за 1935 год[3].

Особенно жалею, что не имею случая поговорить с Вами о естественноисторических частях «Пансофии» Коменского. Исторически в них мне многое неясно, а теоретически интересно — хотя и дилетантски.

С глубоким уважением и искренним приветом
преданный Вам Дмитрий Чижевский

Примеч ния

1 *D. Čyževśkyj*. Nový nález Komenského spisov // Slovenské Pohlady. Turč. Sv. Martin 1935. 3, S. 141–145; Ztracené části Pansofie Komenského nalezeny // Slovo a Slovesnost. Prag 1935. 1, S. 118–119; *Д. И. Чижевский*. «Пансофия» Коменского найдена // Русская школа за рубежом. Прага, 1935. Т. 4, С. 45–47. См. также примеч. 44.

2 *R. A. Fisher*. The design of experiment. London: Oliver & Boyd, 1935. Сэр Рональд Эйлмер Фишер (1890–1962) — английский математик, статистик, биолог, эволюционист и генетик.

3 См. примеч. 2 к письму № 8 (от 4 ноября 1935 г.).

Коммент рий

О переписке Д. И. Чижевского с академиком В. И. Вернадским до недавнего времени на Украине и в России не было

никакой информации. Указанием на хранение части писем Чижевского к В. И. Вернадскому в Бахметевском архиве я обязан бывшему куратору этого архива, историку российской эмиграции Марку Исааковичу Раеву (1923–2008). Вторую же их часть обнаружил совсем недавно — после каталогизации и оцифровки фонда В. И. Вернадского в Архиве РАН.

Между тем, в статье «Академік Володимир Вернадський (1863–1945)» и в письмах к сыну В. И. Вернадского Георгию Владимировичу Чижевский эту переписку несколько раз упоминает. В этой статье есть чисто мемуарный отрывок, однозначно фиксирующий не только факт личных встреч и эпистолярного общения между ними, но и некоторые конкретные вопросы и темы, с которыми В. И. Вернадский обращался к Чижевскому в его ненайденных пока еще исследователями письмах (курсив мой): «Не буду отводить места и своим *личным воспомин ниям о покойном, с которым мне доводилось встреч ться* при его довольно-таки частых поездках за границу [...] Обычно он проведывал своих детей в Праге, *ч сто обр щ ясь письменно и ко мне* — иногда из Праги (когда я там уже не жил), а иногда и из других центров европейской науки или из Петербурга и Москвы: *письм его* чаще всего были *полны просьб о спр вк х* (*по истории н уки* — этими темами он охотно занимался в последние годы своей жизни) и *ук з ний по истории укр инской н уки 18 столетия*, — ему посчастливилось найти несколько интересных фигур украинских природоведов того времени (и в своих печатных работах он указывал на — кажется, полтавчанина — Тереховского, который в своих латинских работах сам себя называл “украино-русом” и научные мысли которого актуальны и поныне)»[7].

Но почему В. И. Вернадский обращался с такими просьбами именно к Д. И. Чижевскому?

Ответ на этот вопрос содержится в письме Чижевского к Г. В. Вернадскому от 7 сентября 1966 года: «[...] интерес к *ис-*

[7] *Проф. д-р Дмитро Чижевський*: Академік Володимир Вернадський (1863–1945) // Наше життя. Ч. 8 (156). Авґсбург, 15 лютого 1948.

тории н уки во мне между прочим поддержал Владимир Иванович, познакомившийся со мною случайно — считая меня по ошибке сыном его друга студенческих лет Павла Ивановича Чижевского, который был в действительности моим дядей и которого я вообще никогда не встречал. Позже Владимир Иванович при своих посещениях Праги всегда назначал мне свидания, еще позже присылал мне свои работы (на основании которых и написана моя статья о его натурфилософии; позже *я н пис л еще одну ст тью для укр инской г зеты в Кр кове*; Вам она осталась неизвестна; если я найду экземпляр, охотно пришлю Вам копию (и писал мне из России и из своих поездок за границу). К сожалению, мне до сих пор не удалось ничего выполнить из работ, которыми заняться он мне рекомендовал (между прочим о физике Коменского). Надеюсь кое-что еще сделать»[8]. Тем самым повод для их личного знакомства был более или менее случайным, чуть ли не анекдотичным, но продолжение его в течение десяти лет мотивировалось общим интересом к истории науки, философии и литературы. Напомню, что об этом писал Чижевский: «Размышления над новыми проблемами науки привели Вернадского, кажется, и к его интересу к *истории н уки*: он увидел, что «забытые» или отброшенные научные теории в действительности часто продуктивны и должны после долгого перерыва вновь привлекаться к объяснению пока еще неизвестных явлений... Во многих случаях философские мысли Вернадского можно было бы распространить и на другие области знания [...] Например, мысли о пространстве и времени сближаются со «структурализмом», характерным для многих течений в конкретных науках: вспомним структурализм в языкознании [...]. Время и пространство нельзя рассматривать «абстрактно», оторванно от их содержания, от материи и происходящих в ней процессов. Основное понятие есте-

[8] George Vernadsky Papers // The Bakhmeteff-Archive of Russian and East European History and Culture // The Rare Book and Manuscript Library, Columia University in New York.

ствознания — это не пространство, а развивающаяся, «эволюционирующая» вселенная. Это был в известной мере поворот к представлениям доньютоновской эпохи: вселенная, «космос» является единством времени, пространства и материи. [...] *История н уки* — это часть биологического процесса развития человечества, процесса, имеющего немалое *космическое зн чение*...»[9]. — Так интерпретировал мысли Вернадского Чижевский. Но ведь сам он из этих натурфилософских и методологических обобщений черпал вдохновение и энергию для творчества в совершенно иной — духовнонаучной области, вполне сознательно применяя методы компаративистики и междисциплинарного подхода к истории науки и надеясь, что и собственные его работы могут заинтересовать Вернадского: «Меня интересуют некоторые общие вопросы методологии наук (в частности, истории литературы и лингвистики), ответы на которые я и нахожу между прочим в Ваших работах»; «пишу сейчас о философии языка, — думаю, что эта последняя работа будет для Вас методологически небезынтересна»[10]. Безусловно историко-научные и философские труды Д. И. Чижевского, его обращение к таким «забытым» сферам знания, как, скажем, астрология и мистика, его размышления как философа-гуманитария о пространстве и времени интересовали академика Вернадского. В противном случае он бы не стал обращать на них внимание Д. О. Святского, с которым Чижевский, кстати, был знаком лично в годы своего сотрудничества с Русским обществом любителей мироведения, т. е. еще до Первой мировой войны.

Но какие вопросы этой переписки были особенно важны для самого Чижевского, помимо основной историко-научной темы[11], объединявшей исследовательские ин-

---

[9] *Проф. д-р Дмитро Чижевський*: Академік Володимир Вернадський (1863–1945) // Ук. соч.

[10] George Vernadsky Papers // Opus cit.

[11] Самым красноречивым примером этой темы является обсуждение им с Вернадским своего открытия рукописи «Пансофии» Я. А. Коменского в Галле.

тересы обоих корреспондентов? Судить о них мы можем не только по переписке Д. И. Чижевского с Г. В. Вернадским 50–60-х годов прошлого столетия, но прежде всего по частотности их упоминания в письмах Чижевского к В. И. Вернадскому.

Шесть раз Чижевский упоминает в них о работе и печатании своей книги «Гегель в России», вышедшей в редактировашемся им немецкоязычном сборнике «Гегель у славян» (1934). Правда, из всех этих упоминаний так и остается неясным, удалось ли ему переслать экземпляр этой работы В. И. Вернадскому. — Трижды обращает Чижевский внимание Вернадского на свою статью о его натурфилософии, так и не признавшись, что это собственная его статья. — Трижды он с пиететом упоминает фонологические труды князя Н. С. Трубецкого. — И, наконец, трижды сообщает о столь важных для него в те годы занятиях философией языка. Неизвестно, заинтересовался ли академик Вернадский лингвистическими работами князя Трубецкого и философией языка Чижевского. Лишь в случае со статьей «Эрленбуша», со слов самого Чижевского, мы точно знаем, что В. И. Вернадский на нее откликнулся: «Очень полезна для меня, — пишет Чижевский Г. В. Вернадскому 11 февраля 1955 г., — Ваша библиография. Кроме Ваших работ, указания на переводы статей Владимира Ивановича: я ведь все еще собираюсь написать о его философских взглядах подробнее. Он мне в свое время прислал несколько интересных замечаний по поводу статьи «Эрленбуша» (т. е. моей) о его натурфилософии. Здесь, однако, его русских работ почти нет»[12]. Хотя план написания новой статьи о В. И. Вернадском остался неосуществленным, из содержания письма видно, что его замечания Чижевский хорошо запомнил или имел еще тогда в своем распоряжении его письма, собираясь писать «о его философских взглядах подробнее». Из предыдущего письма Чижевского к Г. В. Вернадскому

[12] George Vernadsky Papers // Opus cit.

также известно, что существует, по крайней мере еще одна не учтенная в современной библиографической и историографической литутатуре статья Чижевского о В. И. Вернадском, опубликованная в какой-то краковской газете после 1935 года.

Чижевский многократно пишет В. И. Вернадскому о том, что внимательно следит за философией в СССР, за «диалектическим материализмом», дважды упоминая и свою знаменитую «трилогию» статей о философии в СССР («“Советская” философия», «Философские искания в Советской России» и «Кризис советской философии»), не имея, однако, возможности, а, может быть, и несколько опасаясь, дарить их оттиски Вернадскому.

Если внимательно вчитаться в эту трилогию, вполне заслуживающую общего названия «Феноменология философии в Советской России», то окажется, что она является ничем иным, как ответом Г. Г. Шпету, ответом на завуалированный в его «Очерке развития русской философии» (1922) вызов советской философии и прямым договариванием того, что сам Шпет, живя в Советской России, уже не мог сказать открыто. В этих статьях, где, между прочим, содержится первое компетентное, обстоятельное и очень доброжелательное обсуждение почти всех ранних работ А. Ф. Лосева в эмигрантской прессе, Чижевский активно пользуется феноменологической и онтологической терминологией, выработанной им в ходе работы над книгой «О формализме в этике». Не скрывает он и своей принадлежности к феноменологическому и структуралистскому направлениям.

Вот какой виделась ему тогда советская философия: «...К сожалению, в области красной философии перед нами нечто ужасающе безрадостное, нечто такое, для чего нельзя подыскать ни сравнения, ни надлежащих эпитетов. Советская философия принадлежит к категории нелепого — вроде подъемного крана из соломы, мостовой из хлебного мякиша, масла из железных опилок. Эта нелепица напо-

минает царство сказки, мир сна. Только сказка здесь рассказывается жуткая, сон снится кошмарный. Ибо карикатура на культурное бытие, бытийственная пустая форма пытается утвердиться в центре культурной жизни, сказка и сон хочет быть (или только *к з ться*) правдою, «ничто» хочет овладеть миром реальности, водрузить себя на место «истинного бытия». [...] Русские «марксисты» — Плеханов, даже нелепый Шулятиков (автор книги «Оправдание капитализма в новейшей философии от Декарта до Маха»), даже Ленин (в своей безграмотной философской книге[13]) — это все же — просто плохие и мелкие философы, иногда с незаурядным (только чисто ли философским?) пафосом искания истины (как Плеханов). Между тем со страниц «Под знаменем марксизма» и подобных изданий на нас глядит небытие, чистое ничто, тень тени реальности. — Вглядевшись в лицо этого философского призрака, заметим в его облике нечто давно русской культурной жизни знакомое и ей — увы! — отнюдь не чуждое. Ведь нельзя отрицать, философия всегда была в России как-то на задворках культурной жизни. [...] Даже ослепленный и восхищенный «успехами» коммунизма европеец останавливается перед коммунизмом в философии, как перед пустым местом. [...] Какая тема является наиболее характерною, наиболее центральною для лежащего перед нами коммунистического философского журнала? Мы не ошибемся, ответив: «небытие философии». [...] Невозможно удивляться, что в области философии господствует какая-то нарочитая, демонстративная небрежность по отношению к фактам, их полное игнорирование. Ведь философия, как и каждая наука, должна считаться и прежде всего с теми воззрениями и теориями, что были высказаны философами в прошлом, что являются общепринятыми или отстаиваются отдельными мыслителями в настоящем. Коммунистические философы находятся, однако, в том счастливом положении, что считают себя впра-

[13] Речь идет, очевидно, о «Материализме и эмпириокритицизме».

ве игнорировать как прошлое, так и настоящее философии. Со своей точки зрения они, пожалуй что, и правы. Если всякая философия (кроме диалектического материализма) — вздор, пустая болтовня ни о чем, собрание бессмысленных заблуждений, вырастающих на почве то «развития торгового капитализма» (или иных хозяйственных форм), а то из сознательного и злостного обмана, — то и серьезный интерес к фактам этой псевдонаучной сферы не нужен и бессмысленен. Только из такой психологической установки можно сколько-нибудь правдоподобно объяснить как изгнание философии из высшей школы, так и *созн тельное* понижение философской культуры, которое проводится по всему фронту — нарочитое культивирование философского невежества. [...] Но «большевистская философия» с ее характером псевдобытия, с ее неистовством отрицания, неспособного поставить на место отрицаемых некие положительные ценности, с ее подменой критики содержания отрицаемого — для нее невидимого и поэтому ее «критике» недоступного — чем-либо только «смежным» с отрицаемым, с ее «подозрительностью» и злобствованием в отношении ко всему неблагонадежному (непонятному) — является ли эта псевдофилософия чем-то абсолютно новым в русской культурной жизни? Нам думается, что нет. — И указание предшественников «советской философии» не является только удовлетворением нашего пустого любопытства. Понимание генеалогии культурных явлений современности помогает уразумению культурных задач, перед современностью стоящих. Наш ответ имеет в виду не прежнюю русскую марксистскую литературу. Она во многом имела какое-то непосредственное (хотя бы и неглубокое) отношение к объекту своей критики. [...] Корни современных настроений и глубже и шире. Элементы, живущие в современной философской коммунистической нескладице, разбросаны в истории духовной жизни русского общества почти на всем протяжении XIX в. Во всяком случае, с наибольшею силою они выступают, быть может,

не столько по отношению к философии, сколько по отношению к литературе. Русская литература, несомненно, — наивысшее проявление русского творчества. Но этот факт никогда не был осознан всем русским обществом. Значительная его часть, широкие круги «интеллигенции» руководились в своем суждении о русской литературе именно таким же «небытийственным», из ничто и в ничто взирающим воззрением, как и прошедшая перед нами[14] «советская философия» в ее суждениях о философской истине. Не случайностью было, что в литературной критике господствовали «внешние» подходы к *художественным* произведениям — от этики, от политики, от социальных проблем и т. д. [...] Наиболее примечательно и показательно иное, — долголетнее арбитрствование людей без всякой способности художественного восприятия, и поэтому *н ивно и непосредственно* судивших о каждом произведении с точки зрения искусству чуждой и безразличной. Из подобных суждений можно составить потрясающую картину похода «*небытия*» против *великой* русской литературы. Так же обстояло дело и с философией (хотя философия в России и не могла, конечно, по масштабу равняться с литературой). Философское содержание не только оставалось *непонятым*, но и сознавалось как *непонятное*. Поэтому брань была исступленнее и откровенно-невежественнее, чем в литературной критике. И по той же причине философу было еще труднее проникнуть в русскую журналистику, чем литературному критику с эстетическим чутьем и вкусом. Философские статьи большинства русских толстых журналов — произведения дилетантов — по большей части злобных, невежественных и тупых. И часто писатели, в иных сферах не лишенные живости и оригинальности, подходя к философии, опускались до уровня господствовавшего поверхностного и хлестаковствующего дилетантизма. [...] Лежат ли основания отмеченной нами своеобразной «традиции» русской культуры

[14] Исправлено, в оригинале была явная опечатка: «перед ними».

в своеобразии «русского духа» как такового, или в специфичности исторически обусловленных форм духовного бытия России в XIX веке — вопрос сложный, и не здесь место его решать. Во всяком случае, не только русское прошлое, но и русское настоящее требуют сознательного отношения к этой огромной опасности русской культурной жизни. Задачи будущего — не только в «поддержании традиций» русского культурного творчества, но и в существенном *изменении почвы*, на которой это творчество живет и которою питается. Иначе будет продолжать жить и традиция слепоты, торжествующего невежества и изоляции высших проявлений русской культуры»[15].

И все же опасения Чижевского по поводу отношения Вернадского к советской философии оказались напрасными. Разумеется, в СССР Вернадский не мог открыто высказывать свое мнение о насильственном внедрении «диалектического материализма» в научные и учебные заведения. В своей же доверительной переписке он говорил об этом без малейших двусмысленностей и умолчаний. Архивные публикации переписки и дневников В. И. Вернадского последнего времени однозначно свидетельствуют о том, что его отношение к советской философии едва ли отличалось от точки зрения Д. И. Чижевского. Вот что писал он, например, своему сыну 6 мая 1932 года, только что приехав из СССР в Прагу: «Сейчас идет в стране удивительный по идее и тяжелый по энергии опыт насильственного внедрения особой философии в научную работу. Диалектический материализм проводится полуобразованными адептами, целой оравой «диаматов» — при отсутствии настоящих философски образованных и мыслящих; учатся ему сотни тысяч или, м[ожет] б[ыть,] даже мильоны людей и с ними сталкивается вся научная работа: цензура совершенно дикая. Часть диаматов фанатично-изувер-кабаль-

15 *П. Прокофьев*. [Чижевский Д. И.] «Советская» философия // Современные записки. 1927, № 33. С. 482–501.

ная. Часть «чего изволите». Они постоянно ошибаются, извиняются, берут назад, выгоняются из партии. Из-за философских идей и их высказывания люди попадают в ссылку и тюрьмы. Останавливается печатание, т. к. коммунисты даже боятся печатать: много неприятностей и катастроф, которые не могут [предсказать]. Мне кажется, совершается поворот в сторону идеологии Сореля, ставившего философию над наукой. Множеству ученых приходится оправдываться и многие подлаживаются — довольно неудачно. Я думаю, сеют бурю, т. к. многие впервые начинают мыслить, и я знаю случаи, где под влиянием учебы начинают идти (скрывая, конечно) по пути идеалист[ических] филос[офских] течений. В моих сочинениях публично и печатно находят витализм, неовитализм, мистицизм, идеализм, механизм! Я решительно и определенно, когда возможно, выступаю против, считая, что я как философски образов[анный] человек — философский скептик не могу допустить внедрения философии в науку в той дикой форме, в какой это делается. Это тоже одно из обстоятельств, отражающихся на моем печатании. Здесь я пока не безуспешно борюсь!»[16]

Письма Д. И. Чижевского к В. И. Вернадскому хранятся в фонде академика В. И. Вернадского в Архиве РАН в Москве (фонд 518, опись 3, № 1805, по нашей нумерации — письма № 2, 3, 9) и в Нью-Йорке, в фонде Г. В. Вернадского при Бахметевском архиве Колумбийского университета (George Vernadsky Papers // The Bakhmeteff-Archive of Russian and East European History and Culture // The Rare Book and Manuscript Library, Columia University in New York — письма № 1, 4–8). Даты отправления всех этих писем точно совпадают с периодами пребывания В. И. Вернадского в заграничных командировках. За предоставление копий писем

---

[16] *М. Ю. Сорокин* . Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 23. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 306.

и разрешение их публикации выражаю искреннюю признательность директору Архива РАН В. Ю. Афиани, ученице Д. И. Чижевского, проф. А. С. Гумецкой и куратору Бахметевского архива Т. Г. Чеботаревой. Письмо Д. И. Чижевского к В. И. Вернадскому от 10 августа 1932 г. публиковалось в материалах к биографии Чижевского (см.: Материалы. С. 160–161). Остальные письма публикуются впервые.

Ответные письма В. И. Вернадского из-за отсутствия полного списка материалов галльского архива Д. И. Чижевского пока не найдены. Не удалось обнаружить и оттиски статей и книги В. И. Вернадского, принадлежавшие Д. И. Чижевскому.

Являясь новым биографическим источником, эти письма Д. И. Чижевского помогают лучше понять истоки и мотивацию историко-научного творчества этого выдающегося украинского ученого и существенно уточняют наши представления о круге его личного общения.

Н. К. Г врюшин

С. С. Прокофьев как религиозный мыслитель

Осенью 1971-го в Доме творчества «Болшево» случай свел меня с генерал-майором медицинской службы Эфраимом Александровичем Гальпериным, в недалеком прошлом личным врачом Д. Д. Шостаковича. Говорили часами на разные темы, даже о «философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова («он же гениальный человек», — воскликнул Э. А. после моего рассказа), и я решил в какой-то момент проверить собеседника на непредвзятость, сказав, что музыку С. С. Прокофьева ценю больше, чем Д. Д. Шостаковича, — мне он и вправду казался слишком рационалистичным и безысходно-трагичным. — «Да, — неожиданно ответил Э. А., — это музыка будущего»...

О том, что у С. С. Прокофьева были еще и философские интересы и даже религиозные идеалы, нам обоим тогда и в голову не могло прийти. Автора «Классической симфонии» и оперы «Любовь к трем апельсинам» я мог себе представлять только как большое гениальное дитя, беззаботно созидающее музыкальные гротески, как бы напоминая «старшим», что законы для него не писаны... Но оказалось,

что все гораздо сложнее, и даже семечко «эпатажности» заронил в его детскую душу — сам С. И. Танеев.[1]

Родители воспитывали Сергея Прокофьева в традициях православного благочестия, он регулярно бывал в церкви, хорошо знал Священную историю Ветхого и Нового Завета. Но уже в ранних его воспоминаниях встречаются эпизоды, в которых будущий композитор обнаруживал для себя нежданные диссонансы между разумом и религиозным обычаем, наивной набожностью. Он замечает, что скептический ум его матери, происходившей из очень религиозной семьи, «мало-помалу стал подвергать сомнению истину христианского учения»; что для отца «химия и разложение элементов были... гораздо более реальны, чем сотворение мира или учение о будущей жизни». Тем не менее отец С. Прокофьева «уважал моральную сторону» христианства и «в большие праздники для приличия появлялся в церкви».[2]

В душе у С. Прокофьева лет в одиннадцать—двенадцать начались столкновения веры, которую он тогда не мог отличать от доверчивости, и разъедающей рефлексии. Характерны его слова: «всю борьбу за религию я нес внутри, не делясь и не обсуждая ни с кем».[3] Случившийся однажды в церкви обморок склонил чашу весов в пользу рефлексии, «охладил церковное рвение», и она в конце концов расправилась с доверчивостью.

У Прокофьева был сильный аналитический ум. Между прочим, он сумел свести вничью, пусть и в сеансе одновременной игры, партию в шахматы с самим Э. Ласкером, а у Капабланки, тоже в сеансе, даже выиграл.

Рефлексия продолжила диалог с отроческой верой в пространстве философии. Как это все типично для Серебряного века! В 1915–1916 гг. Прокофьев уделял много времени

---

1 *С. Прокофьев*. Автобиография. М., 2007. С. 77.
2 Там же. С. 136–137.
3 Там же. С. 138.

Канту[4] и Шопенгауэру. «Прокофьев со своим другом поэтом Борисом Вериным, — пишет С. Карастелин, — многие дни напролет читали философские работы вслух на языке оригинала (оба владели немецким) и затем спорили, порой до хрипоты, переводя абстрактные постулаты философского учения на реалии окружающего их мира».[5]

В 1920-е годы, близко познакомившись с доктриной евразийцев, Прокофьев мог уже затрагивать религиозные вопросы на вполне серьезном богословском уровне.

Так, например, в письме к П. Сувчинскому от 11 июля 1922 г. он следующим образом высказывается о Н. С. Трубецком:

«В «Религиях Индии»[6] Трубецкой очень пикантно, признаюсь, ново для меня, хотя и не без предвзятости, освещает восточную мораль, но в приеме изложения я вижу ошибку. Трубецкой глубоко верит в каждую букву Писания, и его фундамент сделан не из камня, а из буквы. Поэтому для человека, пускай проникнутого христианской моралью, но не ее цитатами, мысли Трубецкого кажутся золотом, как-то неустойчиво водруженным на глиняные ноги. Только сражаясь на территории и оружием противника, возможно покорять и обращать, иначе ни одна стрела не долетит. Для кого же эта статья написана? Может быть, для тех, которые мыслят, как он, и наперед согласны с каждым словом, которое он скажет? Что же, перед такими декламировать приятно, но можно поставить себе задачу и пошире».[7]

Итак, Прокофьев констатирует у Н. С. Трубецкого проявления «наивного фундаментализма» и высказывает мне-

4 Неслучайно среди произведений Прокофьева есть «Вещи в себе»: 2 пьесы для фортепьяно (1928).

5 *С. К р стелин*. Шахматные автографы // Сергей Прокофьев. Письма. Воспоминания. Статьи. М., 2007. С. 336.

6 Имеется в виду статья: *Н. С. Трубецкой*. Религии Индии и христианство // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин; Прага, 1922. С. 177–229.

7 Цит. по: *И. Вишневецкий*. «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов. М., 2005. С. 412.

ние о совершенной его неуместности при решении миссионерских задач. Оставляя в стороне вопрос о том, в каком объеме можно принять это суждение Прокофьева, отметим лишь, что Н. С. Трубецкой весьма щепетильно относился к вопросам церковной жизни и мировоззрения, нередко предпочитая «акривию» всякой «икономии», о чем, в частности, свидетельствует его подробно мотивированный в письме к С. Н. Булгакову отказ от участия в Братстве Св. Софии (1924).[8] Критикуя князя, С. Прокофьев отдавал себе полный отчет, что ведет речь не о каком-нибудь неофите, и, очевидно, свою позицию понимал как внутренне выстраданную и утвержденную на камне веры.

Очень показательна дневниковая запись 1927 г. его разговора с князем Д. П. Святополк-Мирским об И. Стравинском, который, по едкому замечанию С. Прокофьева, «в каждом кармане носит по кресту»:

«Я сказал:

— Вот уж страх — не христианское чувство!

Князь:

— Наоборот, именно христианское, и в Библии все время говорится о страхе Божьем.

Я:

— Но это совсем другого рода страх, это не страх перед случайностями, а страх не оказаться образом и подобьем Божьим».[9] И в конце разговора Прокофьев был вынужден заметить собеседнику, что у того «представление о Боге ветхозаветное, а не новозаветное».

Этих эпизодов вполне достаточно для того, чтобы утверждать: в середине 1920-х годов рефлексия в значительной мере вышелушила из детской доверчивости зерно веры, она стала разумной, и у Прокофьева сложилась четкая иерар-

---

8 Братство Святой Софии: Материалы и документы. М; Париж, 2000. С. 196–203.

9 Цит. по: *И. Вишневецкий*. «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов. С. 417.

хия религиозных ценностей, главное в которой — человек как *обр з и подобие Божие.*

Прокофьев прекрасно знал, что основным религиозным маяком для идейно близких ему евразийцев было православие, и вряд ли ему могло прийти в голову противопоставлять «вере отцов» какое-либо другое учение. Тем не менее нельзя не признать, что в формировании богословского сознания композитора участвовали не только отроческие впечатления и немецкая философия (русской апологетической литературы всегда было мало), но и знакомство с движением «Христианская наука» (Christian Science).[10]

Вряд ли убедительно утверждение, что тяготение Прокофьева к Christian Science объясняет его «недостаточная укорененность в практике Церкви».[11] Серебряный век в целом и, в частности, Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге, ясно засвидетельствовали, что у русской интеллигенции накопилось немало практических и умозрительных вопросов, на которые внятных ответов в церковной ограде получить было нельзя. И само Православие ведь совсем не обязательно — «византизм», культ «батюшки» и тридентская сакраментология... Как творческая личность, Прокофьев особенно нуждался в раскрытии религии как формы *свободной духовной деятельности,* и именно это он нашел в Christian Science.

Есть мнение, что знакомство композитора с «Христианской наукой» состоялось уже в начале 1920-х годов. В пользу такой датировки приводят письмо Прокофьева к С. П. Дягилеву от 2 сентября 1922 года, в котором композитор предлагает своему другу воспользоваться «теософической библиотекой на английском языке».[12]

---

10 Никак нельзя смешивать это движение с сайентологией.

11 *И. Вишневецкий*. Сергей Прокофьев. М., 2009. С. 230.

12 Цит. по: *М. Р хм нов* . Прокофьев и Christian Science // Сергей Прокофьев. К 110-летию со дня рождения. Письма, воспоминания, статьи. 2-изд., М., 2006. С. 264.

Однако непосредственно о Christian Science здесь нет ни слова, а теософской книжностью в широком смысле Прокофьев интересовался ранее — да и как можно было пройти мимо нее, зная о круге чтения того же Скрябина? Более или менее надежной точкой опоры является запись в дневнике Прокофьева за 1926 г., в которой он дает характеристику Г. Н. Горчакову:

«Три вопроса его интересуют в жизни: Christian Science, музыка и бой-скаутизм. С Christian Science он знаком с шести лет, был исцелен от гангрены и многих мелких явлений, одно время изучал Science and Health [основополагающий труд учения «Христианская наука»], очень упорно по несколько часов в день. Мужчина серьезный, твердый и убежденный, хотя несколько странный, на многие вопросы отмалчивается. Не курит и не пьет вина, и, вероятно, не знает женщин».[13]

Из этой характеристики можно заключить, что Г. Н. Горчаков был близок к масонским структурам (интерес к бой-скаутизму), но что они с Прокофьевым являлись полными единомышленниками в отношении Christian Science — отсюда никак не следует. Скорее можно предположить, что композитор тогда только присматривался к этому движению.

Тем не менее в дальнейшем он продолжает им интересоваться, но его участие в нем должно быть взвешенно осмыслено. Высказывалось предположение, что, «испытывая потребность как-то определиться в религиозном смысле, он не отправился, подобно Стравинскому, в храм традиционной конфессии, а пошел в современную общину, мыслившую свое учение как будущее христианства».[14]

Действительно, православие как «традиционная конфессия», по многим причинам, не всегда отвечало на запросы

---

[13] Цит. по: *С. М ртынов* . Из переписки Прокофьева // Сергей Прокофьев. Письма. Воспоминания. Статьи. М., 2007. С. 168.

[14] *М. Р хм нов* . Цит. статья. С. 264.

его разума, но и рационалистический ригоризм Г. Н. Горчакова со свободной творческой индивидуальностью Прокофьева тоже был несовместим. «Символ веры» Christian Science был, осторожно выражаясь, «доникейский» (что в контексте религиозных брожений XX в. далеко не самое худшее). Зато из общения с адептами этого движения в Париже Прокофьев вынес для себя несколько принципиальных положений, которые по духу чужды августинизму, въевшемуся в «бытовое православие» XIX в., зато скорее сродни той «пелагианской» линии, которую католицизм придирчиво выявлял у восточных отцов.

Понимая, что Православие нельзя сводить к внешнему обряду, Прокофьев свободно размышлял над вопросами взаимоотношений духа и тела, которые занимали в разное время Филиппа Пустынника (XI в.), немецкого пастора Ф. К. Эттингера (1702–1782) или русского мыслителя Н. Ф. Федорова (1829–1903), не демонстрируя разрыва с верой отцов, в которой был крещен и воспитан. В конце концов, ему с детства напоминали то, о чем говорили и провозвестники Christian Science, — «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41. Мк. 14, 38). А то, что спиритуализма Christian Science Прокофьев явно не разделял, видно на множестве фактов его биографии.

Конечно, отношение композитора к этому движению еще будет в дальнейшем уточняться, но даже сейчас можно сказать, что «формальное православие» И. Стравинского с точки зрения понимания христианского делания в мире («в каждом кармане по кресту») вряд ли убедительнее творческой религиозной доминанты С. Прокофьева.

Последняя заметка, которую сделал С. Прокофьев по книге Э. Кимболла «Христианская наука»,[15] гласит: «[p.] 471 CS should raise the dead».[16] — «Х[ристианская] Н[аука] должна воздвигнуть мертвых». Для Православия это, ко-

[15] *Kimball E. A.* Lectures and Articles on Christian Science. Indiana, 1921.
[16] Цит. по: Рахманова М. Цит. статья. С. 260.

нечно, звучит слишком самонадеянно... Но был же и в России православный мыслитель, призывавший к «общему делу» воскрешения отцов, и если не самому «проекту», то, во всяком случае, его *п фосу* готов был сочувствовать даже протопресвитер В. В. Зеньковский. «...Основное вдохновение Федорова о борьбе со смертью так сияет светом христианского благовестия о воскресении, — писал он, — что этого сияния не могут ослабить наивные формы, в какие выливалась мысль об активном участии людей в спасении, открытом для нас подвигом Христа».[17]

Так что мы с Э. А. Гальпериным могли в свое время еще и обсудить тему «Н. Ф. Федоров и С. С. Прокофьев» — в духе неувядающей «Классической симфонии»...

[17] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. II. Париж, 1989. С. 146. См. здесь же: «Федоров строил «Философию Общего Дела», систему «проэктивной» философии, т. е. философии «действия», а не пассивного созерцания мира. Именно эта черта и связывает Федорова со всей русской философией, — и диалектике русских философских исканий Федорову принадлежит свое законное место.

Мих ил Соколов

Евразиец пишет генералиссимусу

(По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого)

К началу Второй мировой войны профессор Петр Николаевич Савицкий был, пожалуй, единственным из основателей политического русского евразийства 1920–1930-х годов, который не отказался от этой теории развития России, критикующей ее якобы насильственную европеизацию, принципиально не изменил своих политических взглядов о необходимости замены власти компартии властью новой евразийской организации и остался фактическим лидером этого движения в Русском Зарубежье.

Основатель движения — филолог Николай Сергеевич Трубецкой — умер в Вене в 1938 году. Другой лидер — Петр Петрович Сувчинский — перешел к началу 1930-х годов на просоветские позиции, жил в Париже и занимался в основном музыковедением.

Оставшиеся верными старому евразийству юрист Н. Н. Алексеев, писатель К. Д. Чхеидзе ориентировались на позицию П. Н. Савицкого. П. Н. Малевич-Малевский нерегулярно переписывался с пражской группой Савицкого из США. С. С. Малевич-Малевский к началу 1932 г. отошел от дви-

жения, обнаружив связи группы левых с ОГПУ. Активист движения П. Н. Арапов, связывавший еще евразийское движение и «Трест», поехал в СССР в 1930 г., был арестован, осужден в 1933 г. на 10 лет и в 1938 г. был расстрелян в Соловецком лагере.

Философ Л. П. Карсавин, переехав в Вильнюс, преподавал в университете и от политической деятельности отошел, в 1948 г. был арестован и умер в инвалидном лагере. Литературовед Д. П. Святополк-Мирский вернулся в 1932 г. в СССР и в 1939 г. погиб на Колыме.

Другие левые евразийцы, спровоцировавшие в 1929 г. «кламарский раскол», перешли на службу в интересах ОГПУ-НКВД и затем вернулись в Советскую Россию. Глава «Союза возвращения на Родину» С. Я. Эфрон, примкнувшие к нему в 1932 г. Н. А. Клепинин и Н. Н. Клепинина были арестованы и расстреляны в 1941 году. Стали жертвами репрессий и ключевые сотрудники разведки, работавшие в евразийском движении: одна из главных фигур «операции Трест» комбриг РККА А. А. Ланговой (1896–1964) выжил в ГУЛАГе, а советский агент в Праге с 1925 по 1938 г. публицист Н. С. Ирманов (полный георгиевский кавалер) умер в СССР в 1942 г. в заключении.

«Мы должны привыкнуть к мысли, что Романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг»[1], — утверждал основатель евразийства Н. С. Трубецкой. Эта принципиальная позиция евразийства не менялась, по крайней мере до конца Второй мировой войны. Идейная эволюция движения, работа внутри него агентуры ОГПУ и его раскол на левую просоветскую и консервативную части в 1929 году подробно описаны в работе М. Ю. Панченко[2].

[1] *Н. С. Трубецкой.* Русская проблема // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 57.

[2] *М. Ю. П нченко.* Политическая история евразийского движения 1926–1929 гг. Фракционная борьба и кламарский раскол. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб.., 2007.

Дальнейшая эволюция евразийского движения в 1930-е годы, фактически при лидерстве П. Н. Савицкого ставшего основой более широкого «Оборонческого движения» по защите Советской России от внешней агрессии, до сих пор остается малоизученной. Это подчас приводит авторов, пишущих на эту тему, к странным выводам. Так, Анастасия Матвеева сообщает в 2015 г. в журнале «Родина»: «Несмотря на попытки Савицкого вывести движение из кризиса, взяв на себя руководство «антисоветской белогвардейской организацией», «Евразийское движение» стало затухать и в 1938 г. после смерти Н. С. Трубецкого перестало существовать. Прекращение деятельности эмигрантского евразийства — результат блестящей операции, проведенной ОГПУ. Данное движение, финансированное из английских источников, представляло собой угрозу не столько для советской власти, сколько для населения СССР»[3]. Факты явно не соответствуют таким выводам. Как показал в своей диссертации М. Ю. Панченко, ни разоблачение «Треста» в 1927 г., ни «кламарский раскол» 1927 г. не помешали работе евразийского движения. Затухание работы политических эмигрантских структур в 30-е гг. было повсеместным. Причиной были утрата надежд на быстрые перемены в СССР, а главное, интеграция эмигрантов в местную жизнь. Безусловно, потеря финансирования от британского мецената профессора Оксфордского университета Генри Нормана Сполдинга не позволила после 1930 г. регулярно издавать свой печатный орган[4]. В целом же работа евразийского движения в 30-е гг. по масштабам не отличалась от аналогич-

[3] www.rg.ru/2015/06/25/rodina-trest.html

[4] По данным Сергея Глебова, Г. Н. Сполдинг передал на нужды евразийцев только в 1925–1927 гг. около 12 тыс. фунтов стерлингов, финансировал издание газеты «Евразия», а после раскола прекратил помощь «левым» и продолжал дотировать в 1930-е гг. издательскую деятельность группы П. Савицкого в Праге и бельгийских евразийцев С. С. Малевича-Малевского (*Сергей Глебов*. «Евразийство между империей и модерном» // http://fictionbook.ru/static/trials/03/11/80/03118055.a6.pdf. С. 218).

ных эмигрантских организаций, например РДО во главе с П. Н. Милюковым. Евразийцы по мере снизившихся финансовых возможностей выпускали свои альманахи. В 1931 г. прошел Брюссельский съезд, в Праге проводились совещания с участием представителей групп в других странах, например главы парижской группы Н. Н. Алексеева. Прекращение деятельности движения связано не со смертью Н. С. Трубецкого в 1938 г. и тем более якобы «блестящей операцией ОГПУ» в 1927 г., а с оккупацией Чехословакии и Франции Германией в 1939–1940 гг., а стран Балтии — СССР в 1940 г. После запрета политических организаций нацистами и массовых арестов, проведенных НКВД в Эстонии, Латвии и Литве, любая легальная их работа стала невозможна. Об этом говорил и П. Н. Савицкий: «После оккупации организация «Евразийское движение» распалась, и с этого момента моя антисоветская работа против Советского Союза прекратилась»[5].

Что же касается «угрозы... для населения СССР», — данный тезис остается на совести автора официального российского государственного издания А. Матвеевой, так как не подтвержден какими-либо фактами. На мой взгляд, куда большей угрозой для населения СССР был сталинский режим, уничтоживший миллионы граждан своей страны.

...Оставшийся последним председателем Центрального комитета Евразийской организации, проживший всю Вторую мировую войну Праге и работавший в 1940–1944 гг. директором русской гимназии П. Н. Савицкий не мог не попасть в списки советской контрразведки СМЕРШ, разыскивавшей на занятых территориях эмигрантов-антисоветчиков. Сам Савицкий, видимо, рассчитывал, что, хотя он был лидером «консервативной фракции» в евразийском движении, его защитит занятая им в начале 1930-х годов

[5] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 83.

«оборонческая позиция» — публичные выступления за защиту СССР от внешней агрессии.

К примеру, 6 февраля 1934 г. П. Н. Савицкий выступал на собрании в Праге с докладом, в котором «выразил уверенность, что новый создавшийся в революцию русский ведущий слой способен организовать защиту страны на западном и восточном фронте. На него и должны делать ставку россиелюбцы. Победа подразумевает внутренние перемены. Немало таких перемен произошло с 1917 года. Но то были как бы «перегруппировки второго разряда». Предстоит перегруппировка *первого р зряд* , которая низвергнет власть коммунизма и утвердит национальное значение нового ведущего строя. Путь к ней ведет через победу»[6].

Менее наивные в расчетах на «внутренние перемены» эмигранты, предполагавшие, что в Прагу войдет Красная Армия, а не американцы, и начнутся аресты, пытались загодя уехать. Но как вспоминал историк Сергей Пушкарев: «Выезд из Праги в Германию был запрещен. Выехать было возможно только по особой надобности и с особого разрешения немецких властей»[7]. Пушкарев выехал из Праги 19 апреля 1945 г., «получив разрешение ехать в Германию (с женой и с сыном) в качестве лектора на курсах для власовских офицеров в школе летчиков в Нейерен», застрял у границы и даже побывал на допросе у офицеров Красной Армии, но чудом все же сумел выбраться в занятый американцами Пильзен.

Для П. Н. Савицкого получение такого пропуска от администрации Протектората было исключено: в конце августа — начале сентября 1944 года он был уволен с поста директора русской гимназии[8] за то, что не способствовал агитации среди школьников за вступление в РОА. Поднад-

[6] Угроза войны. — Евразийские тетради. Вторая—третья. Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству. Прага, 1934. С. 43.

[7] *С. Пушк рев*. Бегство из Праги // Новый журнал. № 147. Нью-Йорк. Июнь 1982. С. 92.

[8] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 17.

зорному педагогу, которому приказали идти в чернорабочие, пропуск не дали бы, да и он бы за ним, согласно своим патриотическим убеждениям, не пошел...

После вступления Красной Армии в Прагу 10 мая 1945 г. профессору Петру Савицкому сначала повезло. Из-под стражи он вышел на второй день после ареста. Попал он не в тюрьму, а на импровизированную гауптвахту при советской комендатуре. Сын профессора Иван Петрович Савицкий в 2005 году рассказывал мне: «Арестов было несколько, три раза его арестовывали. Первые были в восторге, которые пришли в советской форме: такой хороший русский человек. Потом нас возили на автомобиле, первый раз ездили, было весело и интересно. Потом пришли второй раз, его забрали на этот раз. (Первый раз только поговорили на дому.) Но отпустили, дали бумажку, что проверили, что очень хороший русский человек»[9].

Савицкого доставили домой на Воцелову улицу в служебную квартиру в здании русской гимназии в Праге. Профессор надеялся, что все его неприятности кончились. Как вспоминал сын: «Потом несколько раз обращались за помощью, когда нужно было переводить с немецкого что-нибудь на русский»[10].

Хотя надеяться на благополучный исход было сложно. «Освободители» методично арестовывали русских эмигрантов, например, активистов организации Трудовая Крестьянская партия — «Крестьянская Россия» — забрали всех подчистую. Это не могло не волновать, так как Савицкий в 1939–1940 годах сблизился с лидером партии Сергеем Семеновичем Масловым. Во время войны ходил к нему слушать запрещенное иностранное радио. Судя по письму С. С. Маслова в США, в 1940 году они готовили общую политическую программу[11]. Арестованного немцами в 1944 г.

9 http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp
10 Там же.
11 Bakhmeteff arkhiv (BAR). Butenko collection. Box 5. File KR.

и вернувшегося из тюрьмы нацистского концлагеря Терезин лидера «крестроссов» С. С. Маслова, больного тифом, люди в советской форме унесли из дома на носилках. Судьба его до сих пор достоверно не известна. Арестованных содержали в различных местах, в том числе и в тюрьме Панкрац, и быстро вывозили в СССР. Бежать в американскую зону в Пильзен было почти невозможно, пропуск было не достать. Петр Николаевич, как говорила его родня, отнесся к случившемуся с обреченностью приговоренного к казни.

В дверь квартиры Савицких вновь позвонили вечером 21 мая 1945 года. Приехавшие двое: следователь СМЕРШ старший лейтенант Воронцов и казак Беспалов, — предъявили ордер и предложили проехать на допрос. В протоколе задержания зафиксировано:

> «1945 года мая месяца 21 дня, действующая армия. Я, следователь о.к.р. «Смерш» 9 Гв. НКВД Гв. старший лейтенант Воронцов в присутствии казака взвода о.к.р. смерш 9 гв НКВД Беспалова в городе Прага (Чехословакия) произвел задержание жителя г. Праги, Викторинова ул. д. 6, Савицкого Петра Николаевича 1895 года рождения, уроженца гор. Чернигова, Мстиславской ул. 22, русского, подданства не имеет, жителя г. Праги, Викторинова ул. д. № 6, образование — кандидат экономических наук, Петроградского института — профессора, женатого, который показал, что он до 1920 года работал служащим в экономическом отделении управления внешних сношений и в ноябре месяце 1920 вместе с остатками врангелевской армии эмигрировал за границу, поэтому с целью выяснения личности Савицкий П. Н. был и задержан»[12].

Вскоре Петр Савицкий после недолгой поездки оказался в бывших казармах СС в пригороде Праги, занятых со-

12 ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 1.

ветской кубанской казачьей дивизией. Военная контрразведка СМЕРШ использовала одно из зданий в качестве импровизированной тюрьмы. Поначалу было довольно гуманно: часть задержанных даже кормили в той же столовой, что и офицеров, о чем рассказал в своих мемуарах доцент-филолог Н. Е. Андреев.

Николай Ефремович Андреев, взятый СМЕРШ на месте работы в Археологическом институте им. Н. П. Кондакова, столкнулся с Савицким на второй день своего ареста: «За обедом был сюрприз: вдруг появился Петр Николаевич Савицкий. Его тоже привезли. Это был его не то третий, не то четвертый арест, из этого я заключил, что есть какая-то причина, по которой нас увезли так далеко за город. Петр Николаевич поразил меня бледностью, внутренней озабоченностью и совершенно фальшивыми речами. Меня это не то что удивило, но обеспокоило: значит он находится в разладе мыслей и чувств. Фальшивость была, например, совершенно ни к селу ни к городу и выражалась в том, что он ел, скажем, суп (мы обедали с офицерами) и вдруг говорит: «Лет 20 не ел подобного супа!» Явное преувеличение, и, главное, ненужное: этим он хвалил повара, а не социалистическую систему. Или он говорил: «Я посмотрел сегодня прифронтовую газету: какая острая мысль!» Как раз мысли там не было, сплошные агитки, это понимали и сами офицеры. Такие заявления показывали, что Савицкий страшно боится»[13].

Арестованные коротко сумели поговорить: «Погуляв со мной примерно три четверти часа Петр Николаевич ушел, сказав, что от него требуют письменных изложений. И больше его там не видел», — пишет Николай Андреев.

В начале июня на квартиру семьи Савицких вновь приехали. Лейтенант Макаров 5 июня 1945 г. произвел обыск в квартире гр-на Савицкого Петра Николаевича по ул. Викториновой дому 6, кв. 7. «При обыске были

[13] *Н. Е. Андреев*. То, что вспоминается... СПб., 2008. С. 513

изъяты: контрреволюционная литература под редакцией П. Н. Савицкого.

1. Евразийские хроники выпуски № 6, 9, 10, 12 всего 4 шт. четыре. 2. Евразийство (формулировка 1927 г.) 3. О газете «Евразия» 1929 г. 4. Евразийские сборники — выпуска 1921 г № 1, 1927 г. № 5, 1929 г. № 6, 1931 г. № 7. 5. Брошюра «Разрушающие свою родину» 1936 г. 6. Брошюра «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ» 1937. 7. «В борьбе за евразийство» 1931 г. 8. Разные материалы по поводу Евразийства в СССР 7 штук. Семь. 9. Первый съезд Евразийской организации. 10. Отдельный оттиск из брошюры «Новая эпоха» 1933 г.»[14].

Арест 12 июня 1945 год санкционировали начальник управления контрразведки «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Н. А. Осетров и военный прокурор фронта генерал-майор юстиции Б. М. Шавер.

Первое обвинительное заключение было наскоро составлено именно как перечень «антисоветских» статей Савицкого. Сделать это было легко. К примеру, при обыске были изъяты две брошюры: «Разрушающие свою родину» и «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ», описывавшая массовый снос в Советской России исторических памятников. В работе, впервые опубликованной в 1936 г. в газете «Новая Искра» под названием «Разрушающие свою родину», П. Н. Савицкий обвинял руководство СССР в уничтожении достопримечательностей мирового уровня: в сносе в Архангельске собора 1709 года, допетровского здания таможни и комплекса присутственных мест, в разгроме церквей Устюга Великого, бессмысленном взрыве Симонова монастыря, разрушении Китай-города и Китайгородской стены в Москве, Сухаревой башни, сносе Нижегородского кафедрального собора с гробницей Кузьмы Минина, памятников зодчества в Томске, уничтожении в Ленинграде Троицкого и Сергиевского соборов и всех кроме одной цер-

[14] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 1.

квей, построенных К. Тоном. Речь шла и о массовой распродаже музейных ценностей, в том числе из Эрмитажа (картины Рубенса, Тициана, Рафаэля), за бесценок уходили на берлинский аукцион в 1929–1930 гг. полотна Кранаха, Брейгеля и Лотто. Описана ликвидация десятков уникальных музеев Петербурга и пригородов, музеев-усадеб Подмосковья[15], — этот мартиролог, как выразился автор, «русофобского разрушительства» и культурного варварства под опытной рукой следователя стал антисоветской агитацией, ведь Савицкий делал вывод: «Ликвидаторы художественного достояния страны должны быть ликвидированы в кратчайший срок»[16].

Признать «антисоветскость» своих текстов П. Н. Савицкому следовало собственноручно: «В 1937 году в сборнике «Евразийская хроника» выпуск XII под моей редакцией помещена контрреволюционная статья с общей клеветой на сельскую жизнь в Сов. Союзе. В том же году в моей брошюре «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ» я допускал махровую клевету на мероприятия Партии и Сов. Правительства в области культурного строительства гор. Киева»[17].

Скрывать то, что было в досье СМЕРШ, было бессмысленно. О деятельности Савицкого в советских «органах» были хорошо осведомлены еще с 20-х гг., со времен операции «Трест». А в 1930-е годы на заседаниях в Пражской группе евразийцев неизменно присутствовал агент ИНО ОГПУ СССР Н. С. Ирманов, вызванный в СССР лишь в 1938 г.

Возможно, была у Савицкого и сделка со следствием. Видимо, рассчитывая на откровенность, первые дознаватели — старшие лейтенанты Васильев и Заславский — пошли

15 *П. Н. С вицкий*. Разрушающие свою родину // Новая Искра. № 7–9 апреля, № 8 — 10 апреля, № 10 — 14 апреля, № 12 — 16 апреля, № 15 — 19 апреля, № 17 — 21 апреля, № 19 — 23 апреля. № 21 — 25 апреля 1936.

16 Там же. № 21 — 25 апреля 1936.

17 ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 18. Допрос 4 июня 1945.

на беспрецедентный шаг, который спас от голода семью Савицкого: жена не работала, было две детей. Со счета Савицкого в почтовом отделении Панкрац в Праге было изъято 10 500 крон: «Вся указанная сумма десять тысяч пятьсот крон передана жене арестованного Савицкой Вере Ивановне». В деле имеется расписка о том, что Вера Ивановна Савицкая 19 июля 1945 г. получила эти деньги наличными от старшего лейтенанта Заславского[18].

После этого еще в Праге 23 июня 1945 г. Н. П. Савицкий признает предъявленное обвинение по ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР:

> «Предъявленное мне обвинение мне понятно. В предъявленном мне обвинении я себя полностью признаю виновным. Действительно, в период 1918–20 года я, будучи тогда враждебно настроенным к Советский республике, принял участие в борьбе с ней в составе Врангелевской армии, где я был начальником отделения (экономического) департамента внешних сношений. До этого от Деникинского правительства я в составе делегации ездил в Америку, вернее, должен был съездить в Америку просить помощи в борьбе с Советской властью. Доехали мы до Парижа. После разгрома Врангеля я с остатками армии эмигрировал за границу, где основал антисоветское движение, именуемое «Евразийцы». «Евразийцы» ставили своей целью свержение советской власти и уничтожение коммунистической партии. Я являлся основателем этого антисоветского движения в Праге и одним из руководителей евразийской организации.
>
> В 1927 году я по заданию Евразийского Совета нелегально ездил в Советский Союз в Москву, где установил контакт с евразийской группой Лангового, который также был в контрреволюционной организации «Трест». С этим Ланговым в Москве я выработал программу совместной борь-

[18] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 8–9.

> бы с Советским Союзом. Проживая в Праге, я напечатал в прессе ряд статей антисоветского характера, которые неразрывно связаны с моими евразийским взглядами. Во всем этом я полностью признаю себя виновным»[19].

В то же время Савицкий старался подробно не касаться своих публицистических выступлений в массовой прессе 1930-х годов, которая не попала в руки следствия при обыске — взгляды его на внутреннюю политику сталинского режима были по многим вопросам резко критическими.

Следствие не имело в своем распоряжении найденных мной в Славянской библиотеке до сих пор не использовавшихся исследователями текстов статей Савицкого из выходившей в Польше в Вильно 1936–1937 гг. газете «Новая Искра». В начале 1937 года Савицкий писал, например, о гонениях на верующих: «С православием борется “дивус” Сталин, как в первые века христианства с ним боролся “дивус” Цезарь»[20]. При этом он подчеркивал, что коммунистический режим будет эволюционировать к евразийским ценностям.

Уже во время первых допросов Савицкий пытался быть максимально откровенным, давая показания о политической позиции в 1920-е годы. В этот период наряду с Трубецким и Сувчинским он был одним из политических лидеров евразийства, входил в состав всех руководящих органов евразийского движения: «Совета Трех», «Совета Пяти», «Совета Семи». Свои взгляды в этот период Петр Савицкий характеризовал в той форме, какой хотело следствие: «С 1925 года в евразийстве была поставлена задача: 1) Свержения Правительства и Коммунистической партии с целью установления Евразийского государства. 2) Подбор кадров из числа интеллигенции и ведущего слоя Сов. Сою-

[19] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 26–27.

[20] *П. Н. С вицкий*. Советская перепись — и вера // Новая Искра. 18 января 1937.

за для пропаганды среди населения Сов. Союза. С этой целью в Сов. Союз нелегально ездило несколько евразийцев: П. С. Арапов, Г. Н. Мукалов и я — П. Н. Савицкий»[21].

В мемуарах Н. Е. Андреев приводит свой разговор с Савицким: «Когда мы гуляли в саду, я спросил, как его дела, а он сказал: "Положение очень трудное, потому что они меня спрашивают о 1920-х годах, которые я уже не помню". Я понял, что его допрашивали о его нелегальных поездках в Советский Союз, когда он принимал участие в подмосковных, или еще где-то в Советском Союзе, конференциях якобы тамошних евразийцев. Согласно эмигрантским сведениям это все была инсценировка так называемого "ТРЕСТА", работавшего по заданиям советской политической полиции; полностью ли по заданиям — это уже вопрос другой, и при чистках многие чекисты, осведомленные об этих делах, были ликвидированы. Явно, что первые арестовывавшие его ничего не знали об этих делах. Теперь эти инстанции получили указание из центра, потому его и арестовали в четвертый раз: хотели проверить кого-то из своего аппарата или восстановить детали, которые из-за ликвидации чекистов уже не могли полностью осознавать. Так я предположил, анализируя все, что говорил Савицкий. Понятно, чем он был встревожен и обеспокоен, ибо, во-первых, могло затронуть других людей. Возможно, он не хотел помнить какие-то имена в Советском Союзе — я видел, что он даже не совсем понимает, о чем я его спрашиваю, так что я скоро бросил это занятие»[22].

Пражские следователи СМЕРШ были в курсе тайной поездки Савицкого в Москву в 1927 году по евразийским делам. Как и ранее Василия Шульгина, Савицкого тогда выпустили обратно в Прагу, чтобы создать у его единомышленников впечатление, что евразийское подполье в СССР во главе с А. А. Ланговым существует.

---

[21] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 19–20.

[22] *Н. Е. Андреев*. То, что вспоминается... С. 513–514.

П. Н. Савицкий вынужден был уже в Праге дать описание своего нелегального путешествия в Советскую Россию:

> «Я — Савицкий — приехал в Москву в конце января в 1927 и пробыл там до средних чисел февраля того же года. Больше всего общался с Александром Александровичем Ланговым, к которому, собственно, и поехал, через него познакомился с одним лицом по фамилии Кукушкин, имя отчество не помню, с одним моряком, фамилия имя отчество также не помню, и затем членами нелегального «Треста» — группировка более правая, чем евразийство: с Александром Александровичем Якушевым, генералом Потаповым и генералом Заеничковским[23], кроме того, с лицом, которого я знаю по имени Касаткина-Оперпутта, с последним я вел резкие споры по вопросу о терроре, решительно высказываясь против террора — с ними я потерял связь с апреля 1927 года. Хочу сообщить о том, что впоследствии я прочел в газетах (в апреле 1927 г.) о разгроме контрреволюционной организации под названием (Трест), не получая известий от Лангового, я умозаключил, что евразийская организация в Москве была разгромлена»[24].

Надо заметить, что первые показания Савицкого даны в основном в отношении людей, к тому времени или наверняка убитых (Оперпутт), или давно сошедших со сцены. Особенно любопытно упоминание привлеченного чекистами к работе в «Тресте» профессора Военной академии, генерала от инфантерии царской армии А. Д. Зайончковского, который умер еще задолго до поездки Савицкого в Москву — 22 марта 1926 года. Не сыграл ли кто-то из чекистов его роль? Или ученого подвела память?

---

23 Правильно — Зайончковский Андрей Медардович (8 [20] декабря 1862 — 22 марта 1926, Москва).

24 ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 20–21.

...П. Н. Савицкий как важный контрреволюционер самолетом был доставлен в Москву уже в июле 1945 г. Видимо, это спасло ему жизнь: в эшелонах многие до СССР не доехали. 29 июня 1945 года (согласно квитанциям о сдаче вещей) Савицкий оказался на Лубянке[25]. Здесь в показаниях старшему следователю майору Чеворыкину, специализировавшемуся на эмигрантах из Чехословакии, Савицкий уже подробно описал свою политическую деятельность в эмиграции. Понятно, что специфическим языком чекистского протокола.

> «Еще до создания Евразийского Совета в Берлине, член евразийской группы Арапов Петр Семенович установил связь с представителем существовавшей в то время в Советском Союзе нелегальной антисоветской организации, именуемой «Трестом» Якушевым Александром Александровичем.
>
> Вскоре через посредством того же Якушева Арапов получил письмо от некоего Лангового Александра Александровича, проживавшего в Москве.
>
> В своем письме Ланговой писал, что он входит в состав антисоветской организации «Трест» и проводил активную враждебную Советскому Союзу деятельность.
>
> По его сообщению, — Якушев передал ему евразийские издания и он — Ланговой полностью разделяет идеологические установки «Евразийцев». В заключении Ланговой предложил Арапову с целью установления антисоветских связей посетить его в Москве. Стремясь установить связи с оставшимися в СССР антисоветскими организациями, совместно с которыми и приступить к активной борьбе против советской власти, мы, посоветовавшись с Трубецким, и решили направить его в Москву, используя с этой целью указанного Ланговым Якушева.
>
> В сентябре 1924 года Арапов, выполняя наши указания, встретился с Якушевым, которым и был переброшен на тер-

[25] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 10.

риторию Советского Союза. Оказавшись в Москве, Арапов встретился с Ланговым и договорился с ним о создании антисоветской нелегальной организации «Евразийцы».

Спустя два—три месяца после возвращения Арапова, Ланговой приехал в Берлин, где к тому времени собрался «Евразийский совет» и сообщил последнему, что такая организация им создана и просил прислать для связи с этой организацией кого-либо из евразийцев-эмигрантов.

С этой целью по заданию Трубецкого мной лично был завербован и переброшен в 1925 году на территорию Советского Союза член евразийской организации Мукалов Георгий Николаевич.

Мукалов, 1895 года рождения, уроженец гор. Киев, русский, офицер белой армии Врангеля. За границу бежал в 1920 году вместе с остатками разгромленных белогвардейских войск. В члены «Евразийского движения» вступил в 1924 году и занимался антисоветской агитацией, распространяя среди эмигрантов антисоветскую литературу.

— С каким заданием был переброшен вами Мукалов?

— По моему заданию он должен был доставить Ланговому антисоветскую литературу, издаваемую «Евразийским движением», и остаться в Москве помогать Ланговому в проведении подрывной деятельности против СССР.

— Это ваше задание было выполнено Мукаловым?

— Да, выполняя мое задание, Мукалов при помощи Якушева пробрался в Москву, установил связи с Ланговым и в течение 5—6 месяцев находился с ним, помогая ему в вербовке новых членов в организацию.

В 1926 году по возвращении в Прагу, Мукалов сообщил мне, что им был лично завербован в подпольную антисоветскую организацию Шубин — студент одного из ленинградских Втузов.

В конце того же года Мукалов вторично был переброшен в СССР, однако с задания не возвратился и, как впоследствии мне стало известно от Лангового, Мукалов от работы в этой организации, якобы, отказался и выехал в Ленинград

> на постоянное жительство. [...] — Кроме Мукалова в начале 1927 года по заданию Трубецкого мною совместно с Араповым был завербован, а затем переброшен в СССР Аничков Василий Иванович, в возрасте 45 лет, офицер белой армии Врангеля, в Чехословакию бежал в конце 1920 года, вместе с остатками разгромленных белогвардейских войск. В «Евразийское движение» был завербован в 1924 году. [...] Аничков, так же как Мукалов, должен был пробраться в Москву, установить связь с Ланговым и передать ему антисоветскую литературу. Кроме того он должен был остаться у Лангового в качестве его помощника»[26].

Любопытно, что в своей переписке с П. П. Сувчинским Трубецкой утверждал, что отъезд Савицкого в Советскую Россию зимой 1927 года был для него полной неожиданностью: «Сведения «Зона» [Зайцева А. А.] совершенно верны. Эсдрес [Савицкий П. Н.] находится в А. [России] Мне он ничего об этом не сообщал. [...] Сегодня получил ответ от его отца. Старик в панике, умоляет по этому вопросу ни с кем не переписываться впредь до возвращения Эсдреса. Я все-таки смотрю на это дело очень мрачно»[27]. Несколько позже в письме есть тезис о том, что постановление о «кредитной [связанной с идеологическими соображениями] поездке было принято в прошлом году [1926] и с тех пор не отменялось»[28].

Подробная версия путешествия в Москву и обратно, изложенная Савицким в ответах на вопросы следователя в 1945 г., выглядит иначе, более конспирологически:

> «В конце 1926 года по указанию руководителя «Евразийского совета» Трубецкого я прибыл к нему в Вену. В бе-

[26] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 42–44.

[27] Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 20 февраля 1927 г. // *Н. С. Трубецкой*. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост. К. Б. Ермишиной. М., 2008. С. 234–235.

[28] Там же. С. 23.

седе со мной он указал, что наша организация «Евразийское движение» достаточно выросла в количественном отношении, но не имеет единой программы, что является существенным препятствием в организованной борьбе с советской властью и тут же предложил мне взять на себя составление такой программы. При этом Трубецкой указал мне, что при выработке этой программы необходимо учесть точку зрения Лангового и сгруппировавшихся вокруг него лиц, для чего он предложил мне пробраться в Москву, установить связь с Ланговым, совместно с которым и выработать программу белогвардейской организации «Евразийское движение». На это предложение Трубецкого я согласился и в начале 1927 года с этой целью был переброшен в Москву.

— Кем вы были переброшены в СССР?

— В Советский Союз я был переброшен Артамоновым Юрием Александровичем.

— Кто такой Артамонов?

— Артамонов, 1890 года рождения, уроженец города Ярославля, офицер белой армии, проживал в Варшаве и служил в банке счетным работником, выполняя при этом поручения «Треста».

— Оттуда вам стало известно об этом?

О том, что Артамонов выполняет задание «Треста», мне стало известно от Лангового, в период его пребывания в Берлине в январе 1925 года.

— Каким образом вы были переброшены в СССР?

— В январе 1927 года я написал Артамонову письмо, в котором подробно изложил о своем намерении встретиться с Ланговым, в чем просил оказать мне содействие.

Спустя неделю, мне от Артамонова было получено ответное письмо, в котором он предлагал мне свои услуги. После этого я прибыл в Варшаву, встретился с Артамоновым и был познакомлен им с неким Григорием Васильевичем в сопровождении которого поездом через г. Вильно прибыл на одну из железнодорожных станций в 30 километрах восточнее

Молодечно. Там Григорием Васильевичем была нанята подвода, и на этой подводе вечером мы прибыли на советско-польскую границу в районе селения Радошк[овичи?].

В этом пункте нас уже ожидал один гражданин, известный мне под именем Николая Ивановича. Передав меня Николаю Ивановичу, Григорий Васильевич возвратился обратно, а я вместе с Николаем Ивановичем в ту же ночь прибыл в г. Минск на его квартиру, находившуюся на окраине города. На этой квартире я пробыл около суток, а затем, будучи снабжен Николаем Ивановичем фиктивными документами на имя Петрова Николая — служащего кооператива в Витебске, поездом выехал в Москву, куда и прибыл к вечеру следующего дня.

На Белорусском вокзале я был встречен Ланговым и в его сопровождении доставлен в гостиницу «Спартак», находившуюся в Столешниковом переулке[29], где к этому времени для меня уже был заказан номер, где я и остановился.

Находясь в гостинице, в тот же вечер Ланговой познакомил меня с двумя своими помощниками по антисоветской работе в организации «Евразийское движение», с моряком «Озеровым» и служащим одного из московских кооперативов — Ткачевым. На мою просьбу познакомить меня и с другими членами антисоветской нелегальной организации «Евразийское движение», Ланговой заявил, что в силу ряда технических обстоятельств мою просьбу в данный момент он выполнить не может.

На следующий день после нашего знакомства, начались мои совещания с Ланговым, «Озеровым» и «Ткачевым», которые проходили обычно в моем номере гостиницы «Спартак». На этих совещаниях я подробно изложил цели моего приезда в Москву и с их согласия приступил к составлению антисоветской «Евразийской программы». Когда эта программа была полностью составлена, я поставил ее на об-

29 Гостиница «Спартак» — на углу ул. Большая Дмитровка и Столешникова пер., д. 13/8. Бывшая гостиница «Версаль».

суждение вышеупомянутых лиц. Эта программа после соответствующих поправок была принята в качестве руководящего документа антисоветской организации «Евразийское движение». Вслед за тем я снова выехал из Москвы в Минск, а далее ранее указанными путями через Варшаву в Прагу, а оттуда в Вену к Трубецкому, которому и сообщил о выполнении его задания»[30].

По возвращении из Москвы, П. Н. Савицкий действительно уже 1 марта 1927 г. приехал в Вену. Н. С. Трубецкой с радостью писал П. П. Сувчинскому о том, что триумвират вождей продолжит руководство движением: «У нас второй день гостит ПНС [П. Н. Савицкий]. Поездка его была очень удачной»[31]. Парой дней позже дополняет: «Мне кажется, что мы все исполнены твердой решимости сохранить единство тройки. Надеюсь, что в борьбе за наши права мы противопоставим нападающим на нас действительно полное единство, единый фронт. Но кроме этой борьбы с «внешним врагом» нам надо поработать над собой, продолжить уже начатое в Трагвайне искоренение всяких травм и их причин. Поездка ПНС, мне кажется, сыграет в этом отношении положительную роль. Во-первых, как я уже писал Вам, она его как-то успокоила. С другой стороны, он теперь второй раз уже долго не поедет, так что этот дамоклов меч отпал. Отпала и главная причина нашего недоверия (точнее, не полного доверия) к ПНС. В общем, по-видимому, проездка его была очень удачной и ПНС ничего не сделал, чем мог б подорвать наше доверие к нему. Насколько я мог почувствовать по разговорам, недоверие к Вам, которое у него прежде существовало, тоже как будто исчезло. Ко мне у него вообще недоверия никогда и не было, а наши расхождения по вопросу об активизме теперь, после его по-

30 ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 44–48.

31 Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 2 марта 1927 г. // *Н. С. Трубецкой*. Письма. С. 234–235.

ездки сгладились: соприкоснувшись с реальной действительностью, ПНС понял несостоятельность чрезмерного активизма, против умеренной дозы активизма я и не возражаю»[32]. В обоих письмах упоминается о роли «второго бюро», т. е. польской военной разведки в переправке Савицкого в СССР. В мартовском письме Трубецкого всплывает важная деталь: на поездку в СССР были потрачены 40 фунтов стерлингов, и теперь у спонсоров в Лондоне надо «требовать денег»[33].

Из дальнейшей переписки Трубецкого и Сувчинского выясняется, что евразийцами к лету 1927 г. были отпечатаны листовки, воспрещающие «принимать участие в активной борьбе и в терроре»[34], они были «якобы составлены в М[оскве] и предназначены для М[осквы]»[35]. Трубецкой просил их в Бельгии и Франции никому не показывать. Для ОГПУ это было тоже неплохим результатом влияния на эмиграцию....

Ради чего рисковал жизнью П. Н. Савицкий? Трудно понять. Следователь, похоже, лишь продиктовал ему, в каком ключе изложить основные пункты созданной в Москве программы «Евразийского движения»:

> «Основной своей целью «Евразийское движение» ставило свержение советской власти и установление в России капиталистических порядков. В области промышленности мы предполагали восстановление частной собственности на фабрики, заводы и другие средства производства. В области сельского хозяйства «Евразийское движение» намеревалось после прихода к власти установление частной собственности на землю. Помимо того, согласно написанной мною программы, «Евразийское движение», после сверже-

[32] Там же. С. 238.
[33] Там же. С. 241.
[34] Там же. С. 248.
[35] Там же. С. 254.

ния советской власти должно было распустить всесоюзную коммунистическую партию и тем устранить ее влияние на ход государственных дел»[36].

Можно заметить, что объяснения Савицкого примитивизированы и явно расходятся с реальностью, так как евразийцы искали возможность оптимального сочетания плановой и частной экономики и даже посвятили в 1934 г. этой теме специальное совещание.

П. Н. Савицкий также дал показания на ряд своих пражских соратников, в частности на евразийца, писателя К. А. Чхеидзе (1897–1974) и А. Н. Антипова. Впрочем, и те подтвердили антисоветскую деятельность Савицкого. На основании показаний арестованного майор Чеворыкин в сентябре 1945 г. даже дал указание о розыске евразийцев П. П. Сувчинского, П. Н. Малевич-Малевского и В. А. Пейля и других, упомянутых на допросах, силами 4 отдела Главного управления контрразведки СМЕРШ[37].

Оформили все эти вынужденные признания Савицкого чекисты довольно быстро: приговор был вынесен Особым совещанием при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР уже 20 октября 1945 года: «Савицкого Петра Николаевича за принадлежность к контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, считая срок с 12-го июня 1945 года»[38].

...На допросах Петр Савицкий не мог не говорить, что все 1930-е годы занимал оборонческие позиции (это он позже подробно изложил в письме Сталину 1947 г.). Однако в подписанных им протоколах в деле никаких указаний на это нет, следствию нужны были лишь признания в антисоветской деятельности. Реальные же взгляды П. Н. Савиц-

[36] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 48.
[37] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 80.
[38] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 122.

кого, его роль в антинацистском сопротивлении в Праге их не особенно интересовали.

Между тем был крайне интересен процесс эволюции взглядов политика, обеспокоенного с 1932 года японской, а с 1933 года германской угрозой России. Савицкий в связи с этим начинает все более активно выступать за оборону СССР от агрессии.

Сохранились протоколы обсуждения доклада П. Н. Савицкого на собрании пражских политиков, посещавших в 1934 году заседания так называемого Демократического клуба. В частности, когда бывший лидер ПСР Виктор Чернов заявил: «Оборонец должен сам взять винтовку в руки», — Савицкий ответил: «Я на это готов!»[39] Эта перепалка хорошо запомнилась мемуаристам.

В итоге дискуссии П. Н. Савицкий в заключительной речи сделал такой вывод: «Внутренние перемены придут в результате победы. Попытка устроить революцию во время войны может привести только к одному: к внешнему поражению и сохранению коммунизма на оставшейся русской территории. Этот путь не есть путь евразийцев. Только победоносная Россия может найти в себе силы для коренного и решительного преодоления коммунизма. Докладчик категорически отвергает также сделанное В. М. Черновым сопоставление нынешней позиции евразийцев с позицией кадетов во время мировой войны. Кадеты имели дело со стареющим и разлагающимся ведущим слоем императорской России. Ставка евразийцев — на новый ведущий слой пореволюционной России»[40].

На заседании Евразийского ЦК и Пражской группы 19 сентября 1935 года Савицкий говорил о том, что современный период развития СССР ему напоминает Россию Николая I, отсюда и поиск своей роли в происходящем:

[39] Угроза войны. — Евразийские тетради. Вторая—третья. Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству. Прага, 1934. С. 44.

[40] Там же. С. 46.

> «Мы — евразийцы — должны играть роль Самарина. То, что мы не можем быть схвачены, как Самарин, является одновременно и нашим преимуществом и невыгодой нашего положения (страдальцы за убеждения всегда выигрывают). Мы должны играть роль славянофилов (без их архаических элементов), мы должны вести борьбу в культурных вопросах. Формула «Единственная страна социализма» играет роль формулы «православие, самодержавие, народность» эпохи Николая I; но когда это оказывается нужным, эту формулу кладут в карман и лебезят перед Западом. Будем надеяться, что наша роль будет счастливее роли Самарина. Ведь во времена Самарина Россия становилась отсталой, это указали и пушки под Севастополем, а теперь экономический подъем, поэтому унизительное положение может быть временным, но задача стоит во всей серьезности. Мы отвергаем всякое «дрожание поджилок» перед Западом и должны быть трибунами самостоятельной и творческой евразийской культуры, и в этом качестве мы можем достичь результатов»[41].

П. Н. Савицкий увидел в СССР процесс происходящей «европеизации России без возникновения форм частной собственности, в этом переход европеизации в свою противоположность». Он признал, что «факт личной диктатуры — новое явление». Савицкий определил все это как «принятие дисциплины большой культуры», которое он бы не связывал с Европой, «поскольку такая «дисциплина» была и в Древнем Востоке и в Античном мире»[42].

Фигура Сталина как единоличного вождя явно вписывалась бы в формулу власти — идеократии, которая Савицкого, по его словам, вполне удовлетворяла: «Это не монархия, не республика потому, что в идеократии личность превосходит понятие республики, не монархия, потому, что от-

[41] Евразийские тетради. 1935. С. 17–18.
[42] Евразийские тетради. 1935. С. 21.

сутствует наследственный принцип и весь аппарат монархического государства»[43]. Точной юридической формулы участники Евразийского пленума в Праге дискуссии в тот момент не нашли. Так и не сошлись, цезаризм ли это будет или нечто близкое к республиканской модели? — как вопрошал Н. Н. Алексеев. Ответ дала жизнь через 80 лет: чем не идеократия современная Россия?

Пропаганда обороны СССР к 1936 году начинает становиться основной темой выступлений П. Н. Савицкого, при этом он рисует жуткую перспективу войны с участием Германии и Японии: «Большевистский» в кавычках и без кавычек Советский Союз является очередным этапом в эволюции русского государства. Следующий его этап может родиться только из него самого. Если конец придет ему извне, это будет конец и русского государства... Экономическое рабство готовят России те «патриоты» в кавычках, которые готовы идти с захватчиками, надвигающимися на СССР с Востока и Запада. [...] В результате русские люди оказались бы под властью индивидов, которые ничего общего не имеют с русской культурой. В Советском Союзе ничего подобного не наблюдается. Это мы должны признать категорически, сколь бы решительно мы бы ни отвергали направления, которое пытаются придать русской культуре коммунисты»[44].

П. Н. Савицкий предсказывает грядущий парад сепаратизмов: от Украины до Кавказа, указывает, что русские ««патриоты» в кавычках из пораженческого лагеря не задумываются над этими проблемами», и, описав как грядущий распад СССР, так и господство интервентов, в действиях которых не будет «ни грана либерализма», делает вывод в пользу сохранения империи в ее советском виде: «Наша борьба с коммунизмом предельно обострена. И все-таки

[43] Там же. С. 38.

[44] *П. Н. С вицкий*. Оборона России — и эмиграция. Продолжение // Новая Искра. № 42. 18 мая 1936.

она есть внутренняя борьба в пределах русской культуры. Это особенно резко ощущается пред лицом внешней опасности, грозящей русскому миру. Это должен признать каждый, в ком есть хотя капля исторического смысла и чутья. И в тот момент, когда международная обстановка чревата угрозой войны, вступает в силу положение: оборона страны от внешней опасности имеет первенство перед задачами внутренней борьбы»[45].

Особенно наивным в свете последующих событий выглядят выводы автора, призывающего к сохранению мира, о внешней политике сталинского СССР: «Можно считать несомненным, что современная Россия хотя бы в лице СССР не лелеет никаких завоевательных планов»[46]. Савицкий просто снимал с повестки дня вопрос о возможности агрессии со стороны СССР, или же сценарии оккупации Советским Союзом бывших территорий Российской империи и не только их (как в 1939–1940 г.) его вполне удовлетворяли.

Оборонческая позиция в сочетании с идеей автаркии, самодостаточности России постепенно все дальше уводила Савицкого от темы перемен, которые принесет России победа в войне, к новым выводам о сегодняшних преимуществах диктатуры Сталина по сравнению с отброшенным к этому времени ортодоксальным ленинизмом.

В частности, уже в феврале 1937 года Савицкий явно принимал на веру выбитые из подследственных показания на открытых Московских процессах 1936–1937 гг. Он воспринимал сталинскую пропаганду о заговорах и вредительстве «троцкистов» как непреложный факт. Как политик, делал на основе дезинформации далеко идущие

---

[45] *П. Н. С вицкий*. Оборона России — и эмиграция. Продолжение // Новая Искра. № 43. 19 мая 1936.

[46] *П. Н. С вицкий*. Оборона России — и эмиграция. Окончание // Новая Искра. № 59. 29 мая 1936.

ложные выводы, которые трагически сказались на его собственной судьбе в 1945–1955 гг.

Откликаясь на процесс Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека и других видных большевиков (Процесс 13-й) в феврале 1937 г., наивный П. Н. Савицкий энергично убеждал читателей в том, что Сталин ведет полезную политику, уничтожая антипатриотически настроенных вредителей, интернационалистов-троцкистов и выдвигая новый слой: «По-существу, беспартийный русский патриот, в деле обороны страны в настоящее время гораздо надежнее любого коммуниста. Ведь соблазна «троцкизма» вовсе не существует для такого патриота. Он не станет изменять стране ради идеи «мировой революции». Он не станет вредительствовать в отечественной промышленности — только потому, что «индустриализация» России подрывает зависимость ея от капиталистических стран, эту необходимую предпосылку будущей «истинной» социалистической революции». Для него не имеет никакой особой ценности «общность судьбы» России и Германии и ради такой общности он не станет жертвовать жизнью своих сограждан, ни национальными интересами страны. Его преданность родине несравненно сильнее его социальных и политических предубеждений.

Он не будет утверждать, что современная Россия представляет собою «восточную деспотию». Но если бы (допустим и это) в ней и утвердился строй подобного рода, это не поколеблет его преданности своему отечеству. Ибо приверженность эта не есть условное и ограниченное чувство, на манер современного «патриотизма» интернационалистов разных оттенков. Его любовь к родине — категорический императив, которому он последует в любых условиях. При той невиданной шаткости, которая охватила в настоящее время верхи коммунистической партии, только люди этого склада могут составить действительно надежную базу в деле обороны страны.... Таков урок, с полной неопровержимостью, вытекающий для сталинской власти из опыта недавних процессов. Сумеет ли она воспользоваться на-

глядным уроком? Есть некоторые указания на то, что она пытается это сделать. Обращение к «беспартийным большевикам» очень характерно для нынешней ея практики. Да и сталинская конституция 1936 г. в основе своей должна быть толкуема как своеобразная апелляция к беспартийным массам населения, как бы через голову «партийной бюрократии». Но все эти мероприятия частичны и компромиссны. И сейчас беспартийных пускают на посты, не выше чем «среднего ранга». На решающих местах сидят Князевы, Ратайчики и Лившицы[47], взрывающие поезда и заводы. Во имя спасения страны ставка на беспартийных и молодых, должна быть сделана с бесконечно большей смелостью, чем она делалась до сих пор. Надо покончить с властью партийной клики, которая является в настоящее время грандиозным рассадником «пораженчества», нужно положить конец тому старого дореволюционного типа «интернационализму», прикосновение к которому в русских условиях безотказно рождает изменников родине»[48].

Жизнь, правда, позже показала теоретизировавшему П. Н. Савицкому, что в результате чистки к власти были выдвинуты не профессиональные партийные и беспартийные специалисты, а новый слой номенклатуры, подчас, в силу недостатка опыта и образования куда худшего качества, чем их предшественники. А его личные заслуги в обосновании необходимости обороны СССР как преемника России при любом коммунистическом правлении,

---

[47] Подсудимые на Втором Московском процессе (Пятакова, Радека, Сокольникова и др.) 1937 г., лживо обвиненные во вредительстве и шпионаже. *Князев Ив н Алекс ндрович* (1893–1937) — заместитель начальника Центра управления движением Наркомата путей сообщения СССР. *Р т йч к Ст нисл в Антонович* (1894–1937) — начальник Главного управления химической промышленности Наркомтяжпрома СССР. *Лившиц Яков Абр мович* (1896–1937) — в 1935–1936 гг. заместитель Наркома путей сообщения СССР. Расстреляны. Все реабилитированы.

[48] *П. Н. С вицкий*. Сталинцы и троцкисты (К пониманию советской действительности). Окончание // Новая Искра. № 45. 2 марта 1937.

действующей советской властью учтены не будут, раз он ее не признает целиком и полностью, да еще и выдвигает конкурирующий идеологический проект.

П. Н. Савицкий мог бы и задуматься о судьбе бежавших из Франции в советскую неизвестность бывших евразийцев С. Я. Эфрона, Н. А. Клепинина, Н. Н. Клепининой и В. Кондратьева. От их деятельности П. Н. Савицкий в качестве Председателя ЦК евразийской организации отмежевывался после похищения главы РОВС генерала Миллера в специальном заявлении в газету «Последние новости», отметив 27 октября 1937 г., что С. Я. Эфрон «выполняет задания враждебной евразийству организации»[49]. О самоубийстве Марины Цветаевой и об аресте Д. Н. Святополк-Мирского П. Н. Савицкий должен был знать из очерков «Писательские судьбы» Р. В. Иванова-Разумника, публиковавшихся в 1942 году в единственной русской газете Германии и Протектората — берлинском «Новом слове».

Запоздалый крах иллюзий в июне 1945 г. зафиксировал встретивший Савицкого в тюрьме Н. Е. Андреев, который в своих мемуарах пишет: «Савицкий меня поразил: ко всему прочему у него был еще один, поверхностный, но важный комплекс: что он ошибся, оценивая советскую патриотическую волну во время войны как показатель эволюции власти. И Савицкому как исследователю было крайне неприятно ощущать эту ошибку на собственной шкуре и видеть на моем примере и на примере многих других, что мы невольные жертвы неверных представлений о сущности и развитии советской власти»[50].

...С 10-летним приговором Особого Совещания П. Н. Савицкий ознакомился 1 ноября 1945 года[51]. Уже 9 декабря 1945 г. Савицкий прибыл в Темлаг[52]. Из лагеря в поселке

---

[49] Последние новости. Париж. № 6059. 27 октября 1937.

[50] *Н. Е. Андреев*. То, что вспоминается... С. 514.

[51] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. Д. 122. Оборот.

[52] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. Д. 124.

Явас П. Н. Савицкий 5 января 1947 г. отправляет письмо И. В. Сталину. 16 января оно уже зарегистрировано. Судя по бурной переписке между чекистами, оно сразу попало на высокий уровень и отнеслись к нему серьезно. С 17 марта 1947 г. в МГБ началась работа по изучению дела Савицкого[53].

Каким образом зэк в мордовском Темлаге мог отпечатать и отправить послание вождю? Помощь администрации? Она сомнительна. В последующей переписке Темлага и МГБ П. Н. Савицкий характеризуется оперативной частью лагеря негативно. Письмо явно шло неофициальным путем: конверт надписан и подписан Савицким, но на нем нет следов почтовой обработки, нет марок и штемпелей. Рискну предположить, что подписанный конверт и рукопись были тайно вывезены из лагеря, текст перепечатан в Москве, не случайно машинописный текст Савицким не подписан, лишь от руки кем-то на последнем листе написан адрес отправителя.

Из материалов дела понятно, что Савицкому постоянно помогали. Одним из адресатов была семья академика Дмитрия Николаевича Прянишникова, в частности его дочь Валентина Дмитриевна Прянишникова (1890–1982), которая в переписке ошибочно названа Верой. Это и отразилось в материалах слежки МВД СССР:

> «Савицкому оказывает материальную помощь Прянишникова Вера Дмитриевна, проживающая в Москве по Ивановской улице д. № 23 кв. 1 и Райкова А. И., проживающая в Ташкенте по улице 9 января, дом № 16, что подтверждается входящей и исходящей корреспонденцией Савицкого. В одном из писем в адрес Савицкого Райкова А. И. пишет: «Многоуважаемый Петр Николаевич, 6 июня я Вам послала 100 рублей, а не продпосылку, как вы просили, т. к. ваше письмо долго до меня добиралось и я не была вполне уверена, в госпита-

53 ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 131.

ле вы или нет. Я была в командировке, и только недавно оттуда вернулась. Буду ждать от вас извещения, и тогда пошлю вам или посылку, или денег. Что у вас за ранение, что же вы так долго задержались в госпитале и какой же срок еще, где вы работали до войны, и куда думаете ехать после демобилизации или думаете остаться в армии». О связях Савицкого с Райковой нами информировано УМГБ по Ташкентской обл. 27/7-46. № 942. Ответ не получен.

В письме в адрес 7 на имя Прянишниковой Веры Дмитриевны от 18-X 47 Савицкий пишет: «Многоуважаемая Вера Дмитриевна (правильно ли расшифровываю инициалы вашего имени). Сердечно тронут вниманием Дмитрия Николаевича и вашим. Перевод в мой здешний адрес 500 руб. это большая и реальная мне помощь, за которую искренне благодарю. Если вы хотите ее продолжить, направьте следующий перевод в тот же адрес, я буду до чрезвычайности за это признателен Дмитрию Николаевичу и вам».

О выявленных связях Савицкого по Москве информировано оперативному отделу ГУЛАГа МВД, который своим отношением за № 336682 от 17/7-46 сообщил: [...] По адресу Москва, Ивановская улица д. 23 кв. 1 проживает семья академика Прянишникова Дмитрия Николаевича, но Прянишникова Вера Дмитриевна не проживает. За отсутствием других данных установить в Москве и проверить ее по другим отделам МВД не представляется возможным»[54].

Академик Академии наук СССР и ВАСХНИЛ агрохимик Д. Н. Прянишников (1865–1948) был известен независимым поведением, в частности, он пытался вызволить из заключения Николая Вавилова, не раз писал жалобы Сталину и Берии. Именно он и его дочь Вера, работавшая референтом отца, могли организовать доставку письма в Кремль.

Другим возможным помощником Савицкого могла быть жившая в Москве его родная сестра Анна Николаевна

[54] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 133.

Кренке — вдова видного биолога профессора Николая Петровича Кренке (1892–1939): «Савицкий, находясь в лагере имеет связь со своей женой, проживающей в Праге. Связь осуществляет через свою сестру Кренке Анну Николаевну, проживающую в Москве, Пятницкая ул. д. 48, кв. 5. Кренке оказывает Савицкому материальную помощь, ежемесячно высылает ему деньги [...] Кренке Анна Николаевна проживает в Москве по адресу: Пятницкая ул. д. 48, кв. 5 и работает мл. научным сотрудником института им. Тимирязева. Компрометирующих материалов на нее не имеется»[55].

Александр Николаевич Кренке, в будущем известный гляциолог, вспоминает, что не раз отправлял дяде в Потьму от матери и от «многих людей из Восточной Европы» посылки, которые принимали почему-то в Мытищах[56].

Для таких посланий имелась кремлевская экспедиция, куда сдавали письма на имя Сталина граждане, именитые и обычные. К высшим чиновникам МГБ попало письмо, которое иные нынешние поклонники евразийства посчитают пророческим. На мой взгляд, оно, как минимум, является важным источником русской общественной мысли.

Ключ к решению П. Н. Савицкого попытаться найти понимание в Кремле можно отыскать не только в следственном деле, где упорно игнорировалась оборонческая деятельность Савицкого, — понятно его желание восстановить истину, — но и в его концептуальных предвоенных политических статьях.

П. Н. Савицкий уже в 1937 году вполне одобрительно относился к эволюции сталинизма в сторону русского национализма, закрытого, автаркического общества, к тому, что «троцкизм» и «интернационализм» Сталиным побеждены:

> «Коммунизм, в первую очередь, есть учение о мировой революции. Правда, Сталин и его сторонники истолковали

[55] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 133 об.

[56] http://climate.igras.ru/files/f.2013.05.15.15.02.43..5.pdf

учение Ленина в том смысле, что возможно построение социализма в одной стране. Но последовательным социалистам это всегда казалось националистическим извращением коммунизма. “Троцкисты” боролись против него во всю меру своих сил и в 1920-х годах. Тем более, они должны бороться против него теперь, когда изолированность (в мировом масштабе) русской революции становится все более и более осязаемой.

Последовательные интернационалисты являются, в русских условиях, убежденными и бескомпромиссными западниками... “Социалистический строй” современной России теряет для настоящих “интернационалистов” какую бы то ни было ценность. Он начинает им казаться не символом победившего марксизма, но выражением национальной узости, порождением ограниченности и наивного самодовольства.

Тем более, что взгляд этих “интернационалистов” различает в нынешнем русском “социализме” отвратительные для них черты традиционной “восточной деспотии”...Нет ничего более чуждого этим людям, чем идея и факт хозяйственной самостоятельности, автаркии, самодовления отдельных стран. Факты такого рода неотвратимо отдаляют их, в их понимании от столь вожделенной им “мировой революции”. Россия — как самодостаточный мир — что может быть более далекого всему устремлению и ладу мыслей этих “интернационалистов”. Между тем, Сталин на нынешнем этапе строит именно такой “самодостаточный мир”. К тому же на поверхности жизни совершенно открыто выступают лозунги и мотивы русского “национализма” Экономика и культура и на этот раз оказываются в полном взаимном соответствии»[57].

Как мне кажется, одобрение эволюции режима в сторону национализма и вело П. Н. Савицкого к частичному принятию курса Сталина, строившего в России закрытый и обособ-

[57] *П. Н. С вицкий*. Сталинцы и троцкисты (К пониманию советской действительности) // Новая Искра. № 44. 1 марта 1937.

ленный от влияния Запада режим. Савицкий все еще видел в нем предтечу истинной евразийской национальной идеократической России. Важно только сменить в СССР элиту с коммунистической на иную, на «новый слой».

Ощущение ошибки Сталина, как казалось лидеру евразийцев, несправедливо отправившего его, союзника Кремля в борьбе с Западом, в заключение, привело Петра Николаевича Савицкого к тому, что он пытался договориться с властью в ее послевоенной ипостаси коммунистического державничества и имперскости, о чем и говорит его послание, в котором он, как и подобает стороннику «особого пути» России, выступает уже не против гитлеровской агрессии, а против коалиции стран Запада, пытавшихся защититься от коммунистической экспансии.

Желал Савицкий всерьез бороться с атлантизмом или талантливо попробовал сыграть роль раскаявшегося грешника? Насколько все это было искренне? Можно только догадываться, анализируя глубоко продуманный текст настоящей челобитной XX века, письма плененного интеллектуала главе коммунистической империи.

«Председателю Совета Министров СССР
Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину
Заключенного Савицкого Петра Николаевича, находящегося в Темлаге МВД[58].

Заявление об использовании по специальности

20 октября 1945 г. я был приговорен Особым Совещанием при НКВД (ныне МВД) СССР к заключению на десять лет в исправительно-трудовых лагерях за принадлежность

[58] Письмо П. Н. Савицкого И. В. Сталину частично цитировалось в научной литературе по отрывку в работе: *В. И. Дурновцев.* Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) // Историки России XVIII–XX веков / Ред.-сост. А. А. Чернобаев. М., 1999. С. 111–123. Полностью не публиковалось.

к контрреволюционной организации “евразийское движение” (ст. 58, пункты 4 и 11 УК РСФСР).

Я приношу самое глубокое, искреннее и полное раскаяние в своих былых контрреволюционных установках и действиях. Всем своим существом я отдаю себе отчет в преступности и ложности этих установок и действий.

Такое раскаянье и понимание всей ложности контрреволюционных установок, вообще, и моих контрреволюционных установок в частности, сложилось во мне не сейчас, и не в момент моего ареста в Праге Чешской 4 июня 1945 г., и не в дни начала Великой Отечественной войны, когда немецкие захватчики вероломно напали на мою Родину, но значительно раньше только что названных сроков.

В частности, уже в 1932 г. я стал зачинателем так называемого “оборонческого” движения в эмиграции и, начиная с марта 1932 г., публично выступил в качестве его представителя.

Перед лицом наметившейся к тому моменту угрозы нападения на Советский Союз со стороны Японии мною было публично заявлено в марте 1932 г. в Праге, что каждый русский, оказывающий какую бы то ни было помощь антисоветским агрессорам, является изменником своему Отечеству. Тогда же мною была выпущена печатная летучка на эту тему, развивавшая только что названный тезис и рассчитанная на то чтобы укреплять среди русских, находившихся в тот момент за рубежом, патриотические настроения.

В ряду дальнейших выступлений оборонческого содержания отмечу выступление свое перед аудиторией в несколько сот человек, состоявшееся 6 февраля 1934 г. в Праге. В ходе этого выступления, отвечая на вопрос, заданный мне из аудитории, я заявил, что лично готов взять винтовку в руки и с винтовкою в руках защищать рубежи Советского Союза от всякого враждебного на них покушения. Перед лицом опасности которая грозила тогда нашему Отечеству уже не только с Востока (империалистическая Япония), но и с Запада (гитлеровская Германия), я призывал к твер-

дому стоянию на оборонческих позициях каждого верного своей Родине русского, в том числе и эмигрантов, независимо от их местопроживания, паспорта и партийной принадлежности.

Мои выступления по оборонческим вопросам продолжались и после 1934 г. Так в апреле 1936 г. я выступал перед многолюдной аудиторией в Праге на тему: “Самобытность и независимость отечества — превыше всего”. Я обращался в этом выступлении ко всем зарубежным русским с призывом забыть партийные разногласия в великом деле отстаивания своей Родины от западных и восточных агрессоров. В качестве первой задачи я намечал задачу борьбы с поджигателями войны против Советского Союза, где бы эти поджигатели не действовали. Названные здесь другие подобные оборонческие мои выступления вызвали крайнее раздражение эмигрантской антисоветской печати типа газеты “Возрождение” (Париж). В статьях этих газет меня не называли иначе, как “агентом большевиков” и “пособником большевизма”.

Я понимал, что русская эмиграция может стать немаловажным орудием в руках интервентов и всячески старался расширить и укрепить влияние оборонческих установок в эмигрантской среде — в частности, в Праге, где я находился. С этой целью я взял на себя инициативу образования “русского оборонческого комитета в Праге”, который работал в течение почти всех 1930-х годов (до прихода туда немцев). В нем объединялись русские люди из состава русской колонии в Праге, которые готовы были всеми средствами противиться замыслам агрессоров и всемерно способствовать обороне границ Советского Союза. Число членов комитета было около 15, но влияние его, благодаря личным связям, распространялось на значительную часть русской колонии в Праге. Работа комитета не прошла бесследно, а результаты ее сказались в годы 1941–1945, когда большая часть русской колонии в Праге решительно уклонилась от какого бы то ни было содействия замыслам Гитлера и стала на патрио-

тические позиции. В течение всего периода существования комитета я был его председателем.

С момента прихода в Прагу немцев существование комитета в прежнем его виде прекратилось. Но вокруг меня продолжала группироваться, уже в условиях антифашистского подполья, ячейка единомышленников, стоявших на советско-патриотических позициях.

Летом 1940 г. я стал директором русской гимназии в Праге, обслуживавшей школьные нужды русского населения не только Праги, но и широкого окружающего ее края. При помощи ряда патриотически настроенных преподавателей и служащих гимназии я повел работу по укреплению среди учащихся гимназии патриотических настроений. Усилия эти нашли среди русской молодежи в Праге благодарную почву. Гимназия не дала ни добровольцев в ряды гитлеровских отрядов, ни пополнения гитлеровскому трудовому фронту. В самом начале сентября 1944 г. я был устранен немецкими властями с должности директора гимназии и обращен в состояние чернорабочего.

Но дело уже было сделано. Патриотические настроения учащихся русской гимназии в Праге ярко сказались в исторические дни 5–9 мая 1945 г., когда ученики старших классов вышли на баррикады и приняли участие в боях с немецкими захватчиками. Некоторые из них были ранены.

В годы Великой Отечественной войны я безраздельно и неколебимо сочувствовал Советскому Союзу в его героической борьбе против немецких захватчиков и старался помочь патриотическому делу как мог. Тому есть в Праге десятки свидетелей.

В течение последних 15 лет история и жизнь учили меня патриотизму. Их уроки были для меня особенно внятны в сфере тех вопросов, над которыми я работал специально. Уже в 1916 году в споре в печати с проф. М. И. Туган-Барановским, ставшим к тому времени "аграристом", я отстаивал возможность и необходимость индустриализации России (мои статьи 1916 г. "К вопросу о развитии произво-

дительных сил" и "Проблема промышленности в хозяйстве России", впоследствии перепечатанные также в книге моей 1932 г. "Месторазвитие русской промышленности").

Глубокое сочувствие задачам индустриализации Советского Союза, поставленным в Сталинских пятилетках, было одним из факторов, приведших меня с начала 1930-х годов сначала к оборонческим, а затем и советско-патриотическим установкам. Но не только это.

Всю жизнь я изучал особенности русского мира. По первой моей специальности я экономист-географ кончил экономическое отделение Петроградского политехнического института, где получил в 1917 г. звание кандидата экономических наук. Своеобразие хозяйственно-географической структуры России я старался отобразить в статье своей 1921 г. "Континент-океан (Россия и мировой рынок)". В ходе работы мне стало ясным, что самозаконность и своеобразная самодостаточность присущи не только хозяйственно-географической, политической и культурно-исторической структуре русского мира. Я понял, что эта самозаконность и самодостаточность структуры есть одна из основных ценностей русской жизни и русской истории. В современную эпоху черты эти воплощены в существовании Советского Союза и советской власти, построившей социализм в условиях капиталистического окружения.

Понять это — значило для меня целиком отказаться от контрреволюционных установок. Я и отказался от них в течение 1930-х годов и принял уроки истории.

Гитлеровское нападение на нашу Родину было попыткой уничтожить Советский Союз и растоптать самостоятельность исторической структуры русского мира. Попыткам такого рода я противился и противлюсь всеми силами своей души. В этом — корни моего оборончества и всех моих максимально-антигитлеровских и патриотических установок эпохи Великой Отечественной войны.

Уже 2–3 года тому назад, еще будучи в Праге, я почувствовал, что зреет новый антисоветский замысел и подготовляется новая попытка ликвидировать самозаконность

и самобытность структуры русского мира. На этот раз замысел и попытка исходят из той среды, которая управляется с Уолл-стрит и из Сити, т. е. из реакционных кругов США и Англии. У меня одно желанье, одно стремленье — всемерно бороться с этим замыслом и этой попыткой. В марте—апреле 1945 г. у меня была полная техническая и финансовая возможность выехать из Праги на запад и тем самым оказаться в западной зоне оккупации. Но я совершенно сознательно не сделал этого, не желая очутиться во власти новых недругов России и Советского Союза и послужить оружием в их игре.

В одной из ранних своих работ я занимался проблемой "миграции культуры". Для меня совершенно очевидно, что руководящие культурные центры человечества, зародившиеся на Переднем Востоке (Египет, Месопотамия), передвинулись с течением времени в Средиземноморье (Греция, Рим), а затем в западную и среднюю Европу, в настоящее же время передвигаются в просторы Советского Союза. Гитлеровская агрессия, против него направленная, ставила, по существу дела, своею целью сорвать это закономерное развитие, уничтожить ценности русской культуры на основе роста и укрепления которых оно происходит.

Гитлеровская агрессия кончилась провалом для агрессоров. Теперь дело Гитлера переходит в другие, в своем роде не менее цепкие, руки. Задача, которую ставят перед собой агрессоры, — лишить Советский Союз и русскую культуру того места в мире, которого они по заслугам добились, все советское, все русское поставить в подчиненное, зависимое от себя (т. е. от воли агрессоров) положение. Вся логика мыслей, над которыми я работал и которыми я питался в течение всей своей жизни — против этой человеконенавистнической попытки. Мое оборончество, мой советский патриотизм сложились не случайно, они выросли из глубочайших корней моего духовного существа, в котором идея самозаконности, самостоятельности русского развития, мысль о передвижении центров и культуры в сторону Со-

ветского Союза играла и продолжает играть определяющую роль. Всеми фибрами свой души, каждой жилой своего существа я — за Советский Союз и против агрессоров.

В настоящее время одно меня мучит: по возрасту своему (мне идет в настоящее время 52-ой год), по состоянию своего здоровья и по крайней слабости своих физических сил я могу в тех условиях, в которых я теперь нахожусь (исправительно-трудовой лагерь), принести только очень мало пользы своей Советской Родине. Между тем, я чувствую, что в области своей специальности я мог бы еще потрудиться на пользу Родины.

Всю жизнь я работал над вопросами экономической географии и географии собственно, а также по истории географии. Я посвятил этим вопросам несколько десятков печатных работ. Свои взгляды на географическую природу России я пытался обобщить в книге “Географические особенности России” (1927), где изложены мои воззрения на “периодическую” и в то же время “симметрическую” систему “зон” Советского Союза. Воззрения эти были уточнены в работе моей “За творческое понимание природы русского мира. Периодическая система зон” (1940). Учение о естественно-промышленных ресурсах Советского Союза, в моем понимании этого вопроса, я изложил в книге “Месторазвитие русской промышленности” (1932).

Всем ходом своей жизни я был особенно близко связан со славянскими народами. Более двух десятилетий я прожил в Чехословакии, свободно владею чешским языком, жил в Болгарии и владею болгарским, часто посещал Югославию и Польшу, знаком с научной литературой всех славянских народов и разбираюсь в ней. В ту эпоху сближения братских славянских народов, при решающем участии в этом сближении Советского Союза, которая ныне наступила и которой я от всего сердца сочувствую, я надеюсь, что я мог бы принести пользу своей Советской Родине своими славяноведными знаниями. В частности, я специально занимался географией славянских стран и являюсь автором

“Очерков почвенной географии Чехословакии” (1930), в которых принципы русской “периодической и в то же время симметрической системы зон” применены к чехословацким условиям.

В 1933 г. я издал по-чешски (в пражском издательстве “Мелантрих”) книгу под заглавием “Одна шестая часть света” (“Шестина света”), в которой я выпятил все те исторические и географические обстоятельства, которые делают Советский Союз (Россию) нерасторжимым политическим и экономическим единством. Книга была сочувственно встречена демократической чехословацкой общественностью (в чешской печати появилось более 50 благоприятных на нее рецензий). Книга эта была запрещена немцами (изъята из библиотек) немедленно после того, как они оккупировали Чехию и Моравию.

Я много работал по изучению географии и культурной жизни также других, помимо Чехословакии, славянских стран, состоял членом-корреспондентом Географического общества в Белграде, сотрудничал в Загребском “Всеславянском сборнике” и т. д.

Нет достаточно сильных слов для того, чтобы выразить, насколько глубоко и чистосердечно я раскаиваюсь в своих контрреволюционных преступлениях, насколько тверда моя решимость никогда и ни в какой форме не возвращаться к контрреволюционным установкам. Мои былые контрреволюционные установки без остатка сгорели в огне исторического опыта последних десятилетий.

Все пункты обвинительного заключения по моему делу относятся к обстоятельствам 19–20-летней давности. Но уже и тогда была и другая сторона дела, которая, конечно, не отражена и не могла быть отражена в данных обвинительного заключения: моя органическая тяга к достижениям советской власти и жизни, чрезвычайно высокая оценка названных достижений. Из этого зерна и выросло 15 лет тому назад мое оборончество. А позже (но все же задолго до начала

Великой Отечественной войны) и мои советско-патриотические установки.

Я обращаюсь к Вам с просьбой дать мне возможность поработать на пользу Родины в пределах своей специальности. Крайняя слабость моих физических сил и мой возраст закрывают для меня другие пути быть полезным Отечеству. Я даю торжественное и нерушимое обещание работать со всем усердием, со всей преданностью Советской Родине и советский власти. И я не могу не повторить еще раз, что к этому усердию и этой преданности я приведен неустранимой логикой тех мыслей, которыми я жил и над которыми я работал всю свою жизнь. Я надеялся бы справиться с любым заданием, которое было бы мне дано в области славяноведения или географии, или истории, с проблемой, с которой я также соприкасался и в области которой вел научную работу. Я горю желанием приложить те знания и тот научный опыт, который я накопил, к задачам и целям патриотической работы и там посильно искупить вины своего прошлого.

Отдаю себе отчет в исторической важности того момента, который переживает сейчас весь мир и вместе с ним — наша страна.

Происходит генеральная мобилизация сил реакции против сил демократии и прогресса, во главе которых стоит Советский Союз. Полностью отдаю себе отчет в том, что заговор реакции направлен не только против Советского Союза, но и против славянства, питается стремлением поставить не только все советское, но и все славянское на второстепенное, зависимое место. Долгим опытом своей жизни я подготовлен к тому, чтобы бороться с этими замыслами крепко и стойко. Славянская идея слилась теперь с прогрессивной идеей человечества. Не могу выразить с достаточной яркостью свою жажду служить ей, служить Родине, быть под верховным Вашим руководством. К этой мечте свелась вся моя жизнь, и свелась не теперь, а тогда, когда 15 лет назад, перед лицом японской угрозы я почувство-

вал кровную свою связь со всей Советской Родиной, когда я болел ее болями в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда в марте—апреле 1945 г. я оставался в Праге и не ехал на запад.

Мое раскаяние в моих прежних грехах — чистосердечно до предела. Моя жажда, моя страстная жажда быть полезным Родине, славянству и Вам, Великий Вождь, в тех вопросах, в которых я еще могу быть полезным, выношена в длительном, многолетнем опыте. В этой жажде — все мое существо, весь я. Вся моя воля сосредоточена на том, чтобы передовое, прогрессивное одержало победу над реакционным и косным, чтобы Советский Союз, Россия, славянство и на данном этапе одолели своих недругов.

От глубины души прошу: дайте мне, в пределах моих сил и специальности, остаток дней поработать на подготовку этой победы.

П. Савицкий
5/I 47 Ст. Потьма, почт. отд. Явас, п/я 241-18 Л. К.»[59].

Из Москвы в Темлаг МВД был выслан секретный запрос МГБ СССР. Лагерная администрация не склонна была выпустить жертву из своих рук. Стукачи давали ту «информацию», что требовалась начальству. Высланная в Москву Справка по учетному делу № 1386 на Савицкого Петра Николаевича (по состоянию на 11 июня 1947 года), в частности, сообщает:

«Савицкий, находясь в лагере, поддерживает связь с заключенным Равинским[60] Михаилом Александровичем, быв. белым офицером осужденным в 1945 г. по ст. 58–4 и 58–11 УК РСФСР, который, по материалам нашего источника “Константинова”, является руководителем к-р формирования

[59] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 125–134.
[60] Правильно: Ровинский М. А.

в лагере. Участником этого же формирования является и Савицкий. Равинский 25/6-47 в беседе с н[ашим]/и[сточником] "Константиновым" говорил:
Я ненавижу Советскую власть. Твердо верю в ее падение. Проживая в Праге, я был знаком с Савицким Петром Николаевичем, который в то время работал в качестве директора средних школ и Пухляковым Николаем Васильевичем, крупным торговцем г. Праги. Мы еще в то время на почве ненависти к Советскому строю решили действовать против. Мы еще в Праге решили проводить к.-р. деятельность всеми способами. Тем самым, помочь русскому народу сбросить порабощающую власть большевиков безбожников. Материал первичный не перепроверен»[61].

Грубо состряпанный донос из Темлага помог сотрудникам МГБ в Москове составить 25 июля 1947 г. отказное заключение:

«С места заключения от Савицкого поступило заявление, в котором он раскаивается в проводимой им антисоветской деятельности, указывая, что начиная с 1932 года он якобы уже не занимался подрывной работой против СССР, в связи с чем просит пересмотреть решение по его делу и освободить из-под стражи. По агентурным данным Оперативно-чекистского отдела Темлага МВД, Савицкий состоит в антисоветской группировке в лагере, руководителем которой является осужденный белогвардеец Равинский — старый знакомый Савицкого. Считая, что преступная деятельность Савицкого доказана и не находя оснований к пересмотру решения по его делу, полагал бы: заявление Савицкого Петра Николаевича о пересмотре решения по его делу оставить без удовлетворения, о чем сообщить осужденному.
Ст. следователь следотдела 3 главного управления МГБ СССР — майор Коноваленко.

---

[61] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 133.

> «Согласен». Зам начальника следотдела 3 главного управления контрразведки МГБ СССР полковник Флягин.
> Утверждаю. Заместитель начальника 3 главного управления контрразведки МГБ СССР генерал-лейтенант Бабич»[62].

Решение отказать П. Н. Савицкому в досрочном освобождении было выслано в Мордовию 7 августа 1947 г.:

> «Начальнику управления Темлага МВД пос. Явас Мордовск. АССР. Просим объявить з/к Савицкому Петру Николаевичу осужденному решением Особого Совещания при НКВД СССР 20/X — 1945 года на 10 лет ИТЛ, что его заявление рассмотрено и постановлением МГБ СССР 24 июня 1947 года в пересмотре решения про делу отказано. Зам нач. отдела «А» МГБ СССР полковник Иванов. Зам нач. 14 отделения капитан Кирин. Исп. Данилин»[63].

По существу, П. Н. Савицкий пошел по пути, который ранее осуждал. Он предложил И. В. Сталину приемлемый, со своей точки зрения, идейный компромисс: поддержку в разоблачении чуждого России Запада с позиций русского патриота-изоляциониста, без признания всесильности и верности учения марксизма-ленинизма.

Но в подобных попутчиках, особенно внутри страны, сталинский СССР уже особо и не нуждался, в отличие, например, от периода начала 1920-х годов. Уже в 1927 году, когда П. П. Сувчинский вел в Париже переговоры с торгпредом СССР Г. Л. Пятаковым, энтузиазма в поиске поддержки от евразийцев власти Союза не проявили[64]. Хотя в этом случае по инициативе Карсавина, Святополк-Мирского и Сувчинского и встреча с торгпредом (между 18 и 30 ноя-

---

[62] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 134–135.

[63] ЦА ФСБ. Д. Р-39592. Л. 136.

[64] *Сергей Глебов*. Евразийство между империей и модерном // http://fictionbook.ru/static/trials/03/11/80/03118055.a6.pdf. С. 218.

бря 1927) состоялась, и, как подтверждает выводы С. Глебова в комментарии к своей публикации письма евразийцев Пятакову[65] М. А. Колеров, какие-то советские средства на газету «Евразия» были выделены, причем Н. С. Трубецкой явно о них знал. Все же надолго дотации не хватило.

Во время Кламарского раскола евразийства в 1929 г. Савицкий сделку с большевиками категорически не принимал. Более того, он-то в основном при поддержке Н. Н. Алексеева и К. Д. Чхеидзе ее сорвал, лишив левых британских денежных субсидий. Теперь же, как в силу идейной эволюции и исторического опыта, так и под давлением трагических обстоятельств личной судьбы, П. Н. Савицкий на подобную комбинацию, видимо, вынужденно решился.

К тому же в Союз хлынула волна послевоенных «возвращенцев», из числа которых можно было подобрать для выполнения пропагандистских задач и менее дискредитированных антисоветской деятельностью в эмиграции «патриотов» любого типа, и просто использовать свою старую агентуру из их числа. Так что попытка последнего лидера евразийца найти себе почетное место в абсурдной реальности сталинского мира оказалась абсолютно неудачной.

П. Н. Савицкому пришлось и дальше пребывать в ГУЛАГе, досиживая свой срок в Мордовии (пос. Явас). Впрочем, возможно, послание к Сталину помогло ученому занять в лагере позицию, позволявшую заниматься наукой. П. Н. Савицкий писал в 1957 г. П. П. Сувчинскому: «За одиннадцать лет пребывания в Отечестве я ни на один день не прекращал научной работы. Эту возможность обеспечил мне тот факт, что я все эти годы (за исключением времени болезней) исполнял обязанности культорга и библиотекаря»[66].

---

[65] *М. А. Колеров*. О любви евразийства к СССР: Письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову (1927) // Русский сборник. Вып. XIV. М., 2013. С. 415–421.

[66] http://rus-istoria.ru/library/text/item/1032-petr-savitskiy-i-petr-suvchinskiy-%E2%80%94-perepiska-sudba-evraziytsev

Следов каких-то иных апелляций к советской власти в следственном деле П. Н. Савицкого нет. Документально пока не подтверждаются и сообщения о том, что Петра Николаевича якобы этапировали в 1948 г. в Москву и вновь допрашивали по делам 1920-х гг.

Освобожден ученый был 7 апреля 1955 г., по отбытии почти полного срока заключения ИТЛ. Племянник Савицкого Александр Кренке ездил в 1955 г. дяде в ссылку в Потьму и спорил с ним «с западнических позиций». В своих мемуарах А. Н. Кренке утверждает, что П. Н. Савицкий запрашивал в 1955 г. советское гражданство, «его дело разбирали год»[67], но такой «чести» ему не оказали. Из СССР в январе 1956 года Савицкий был отправлен к жене и детям в «социалистическую» Чехословакию.

В лагере и ссылке Савицкий продолжил цикл лагерных стихов. За публикацию в Мюнхене в 1960 г. книги «Стихи» под знакомым читателям 1920-х годов псевдонимом П. Востоков П. Н Савицкий был в мае 1961 года арестован чехословацкой политической полицией STB. Он отсидел почти год в тюрьме, отказался эмигрировать на Запад (хотел сохранять связи с Москвой). В сентябре 1961 г. был приговорен к 30 месяцам заключения. После организованной находившимся в Англии Н. Е. Андреевым кампании в его защиту, когда за освобождение Савицкого выступили Исайя Берлин, Бертран Рассел, в мае 1962 г. ученый был выпущен на свободу «по амнистии». Жил в Праге, занимался переводами.

Николай Савицкий дожил до начала «чехословацкой весны». Как рассказывал мне его сын, историк эмиграции Иван Николаевич Савицкий, его отец чувствовал себя бодро и как раз собирался написать мемуары, но в эту эпоху надежд и волнений неожиданно 3 апреля 1968 г. умер от разрыва сердца, уже не увидев советскую интервенцию в Чехословакию.

[67] http://climate.igras.ru/files/f.2013.05.15.15.02.43..5.pdf

Дмитрий Морозов

Е. Н. Трубецкой в Ярославле в 1886–1896 гг.

Евгений Николаевич Трубецкой был приват-доцентом в Демидовском юридическом лицее в 1886–1892 гг. Архив лицея сгорел в июне 1918 во время Ярославского восстания, личных дел не сохранилось. В Государственном архиве Ярославской области имеется фонд 571 «Демидовский юридический лицей». Материалов о Трубецком в нём также не сохранилось. Неизвестно и о подобных материалах в других фондах архива. Частично сохранились лишь протоколы Совета лицея, опубликованные во Временнике Демидовского юридического лицея (ВДЮЛ). В них имеется информация о Е. Н. Трубецком, которая приводится ниже.

В заседании Совета лицея 22 марта 1886 года «*Слуш ли:* (…) 13. Прошение кандидата прав князя Евгения Трубецкого, при котором прилагая письменный экземпляр сочинения «Рабство в древней Греции» и кандидатное свидетельство, просит Совет Лицея о допущении его к защите «Pro venia legendi» и чтению публично-пробных лекций на получение звания приват-доцента Демидовского Юридического лицея по государственному праву, предоставив ему потом чтение лекций по Истории политических учений, — при-

лагаемую же диссертацию напечатать в Временнике Лицея; вместе с тем им будут представлены к напечатанию и тезисы.

Определили: Напечатать для Временника Лицея сказанное выше сочинение князя Трубецкого; суждение же о допущении его к защите этого сочинения иметь по отпечатании оного» (ВДЮЛ. 40. С. 57)[1].

В заседании Совета лицея 5 апреля 1886 года «*Слуш ли:* (...) 7. Ищущим звания приват-доцента князем Трубецким представлено к настоящему заседанию напечатанное уже сочинение его «Рабство в древней Греции», которое и передано по экземпляру всем членам Совета. *Определили:* Поручить разбор этого сочинения ординарному профессору И. Т. Тарасову и, в случае удовлетворительного отзыва об этом сочинении, официальными оппонентами при защите оного князем Трубецким назначить его же г. профессора Тарасова и доцента Щеглова» (ВДЮЛ. 41. С. 23).

В заседании Совета лицея 17 апреля 1886 года «*Слуш - ли:* (...) 2. По выслушании отзыва ординарного профессора И. Т. Тарасова... и по рассмотрении... представленных тезисов этого сочинения, *Определили:* 1) Помянутое сочинение князя Трубецкого признать удовлетворительным... допустить его к защите оного...; 2)...тезисы сочинения одобрить и напечатать; 3) отзыв профессора Тарасова также напечатать[2]... 4) назначить пробные лекции» (ВДЮЛ. 41. С. 26).

В заседании Совета лицея 20 апреля 1886 года «*Слуш ли:* 1. Обсудив пробную лекцию Е. Н. Трубецкого о «республике Платона», Совет признал её удовлетворительной. *Определили:* Назначить следующую тему: Взгляд Христиана Вольфа на государство и его задачи» (ВДЮЛ. 41. С. 32).

---

1 Эта работа напечатана 12 июля 1886: *Е. Н. Трубецкой*. Рабство в древней Греции // Временник Демидовского юридического лицея № 40. Ярославль, 1886. 85 с.

2 В этом же Временнике напечатан Отзыв профессора И. Т. Тарасова о сочинении князя Е. Н. Трубецкого «Рабство в древней Греции» (ВДЮЛ. 41. С. 27–31).

В заседании Совета лицея 27 апреля 1886 года «*Слуш ли:* Публичную защиту кандидатом юридических наук кн. Е. Н. Трубецким диссертации его под заглавием «Рабство в древней Греции», представленной для получения звания приват-доцента. По выслушании в настоящем публичном заседании возражений гг. оппонентов и данных диспутантом ответов, единогласно

Определили: Признать защиту кн. Трубецким сказанного сочинения удовлетворительною» (ВДЮЛ. 41. С. 33).

В заседании Совета лицея 28 апреля 1886 года признана удовлетворительной и вторая лекция Е. Н. Трубецкого: «*Определили:* На основании §20 Устава лицея удостоить князя Евгения Трубецкого звания приват-доцента» (ВДЮЛ. 41. С. 33).

В заседании Совета лицея 3 мая 1886 года подвергнутый, по предложению профессора И. Т. Тарасова, баллотировке князь Трубецкой был избран единогласно для поручения ему чтения лекций по кафедре Энциклопедии права по 2 часа в неделю: «*Определили:* Ходатайствовать перед г. Попечителем о допущении к чтению лекций с выдачей за этот труд... 1 000 рублей в год» (ВДЮЛ. 41. С. 36).

В заседании Совета лицея 12 мая 1886 года заявлено особое мнение профессора И. Г. Табашникова о чрезмерности размера вознаграждения Трубецкого. Профессор просил уменьшить оклад до 800 рублей. «*Определили:* приложить особое мнение к протоколу» (ВДЮЛ. 41. С. 41–44).

В заседании Совета лицея 26 августа 1886 года «*Слуш ли:* (...) 5. Управляющий московским учебным округом (письмо за № 6183 от 10 июня 1886 года) и Попечитель округа уведомляют (письмо за № 7082 от 22 июля 1886 года) о том что они разрешают допустить... князя Трубецкого к чтению курсов лекций с 16 августа»[3]. Князь Трубецкой читает

[3] В Отчёте лицея за 1890 год указано, что Е. Н. Трубецкой работает в Лицее с 22 июля 1886 года (Именной список на 1 января 1890: ВДЮЛ. 52. С. 21). Е. Н. Трубецкой присутствует в Отчёте лицея за 1891 год (Именной список на 1 января 1892: ВДЮЛ. 57. С. 67).

не менее 2 часов в неделю с вознаграждением 1000 рублей в год (ВДЮЛ. 42. С. 13).

13 сентября 1886 года Е. Н. Трубецкой впервые участвует в заседании Совета лицея. Указано, что Е. Н. Трубецкой читает курс История политических учений для 1 курса в понедельник с 10 до 12 часов (ВДЮЛ. 42. С. 17, 23).

В заседании Совета лицея 13 декабря 1886 года «*Слуш ли:* (...) 4. Учебный план курса Истории политических учений Е. Н. Трубецкого» (ВДЮЛ. 44. С. 2).

В заседании Совета лицея 18 мая 1887 года «*Слуш ли:* (...) 10. Баллотировка на следующий учебный год». Для чтения курса Истории политических учений по кафедре Энциклопедии права Е. Трубецкой получил 7 голосов «за» и 1 «против». Для чтения 2 часов в неделю — единогласно. О размере вознаграждения: 3 голоса были поданы за назначение 1000 рублей и 5 за 800 рублей (ВДЮЛ. 46. С. 36).

В заседании Совета лицея 18 августа 1887 года «*Слуш - ли:* (...) 7. Предложение Попечителя Московского учебного округа относительно вознаграждения приват-доцентов. Представление Совета лицея считает не мотивированным. Вознаграждение оставить на уровне прошлого учебного года. *Определили:* принять к сведению и руководству (ВДЮЛ. 47. С. 3). Оплата труда приват-доцентов осталась старой. Впоследствии трём из них она была поднята до 1200 рублей за 3 часа. Трубецкому за 2 часа оставлена прежней — 1000 рублей. Следующий, получивший должность приват-доцента, П. Беседкин, получал 600 рублей за 1 час в неделю[4].

В заседании Совета лицея 4 марта 1889 года Е. Н. Трубецкой просит Совет ходатайствовать о его поездке за границу в университетские города Германии и Австро-Венгрии с 1 июня по 1 ноября 1889 года для подготовки диссертации с сохранением содержания. Совет обратился с ходатайством

[4] ВДЮЛ. 49. С. 26. К вопросу об уменьшении оплаты Е. Н. Трубецкому Совет больше не возвращался.

к министру народного просвещения. Далее в протоколах указано что Е. Н. Трубецкой находится то в командировке, то в отпуске. С 28 октября 1889 вновь присутствует на заседаниях Совета. Е. Н. Трубецкой в 1889/1890 учебном году читает курс «История политических учений» для 1 курса в понедельник с 10 до 12 часов (ВДЮЛ. 51. С. 27, 108).

Из журналов Совета следует, что Е. Н. Трубецкой с мая 1892 находился в отпуске (ВДЮЛ. 64), а с августа 1892 в журналах уже не упоминается (ВДЮЛ. 65)[5]. В Отчёте лицея за 1892 год сообщается, что Е. Н. Трубецкой читал лекции только в первой половине года (ВДЮЛ. 59. С. 8). Затем там же сообщается, что состоявший при кафедре Энциклопедии права приват-доцентом князь Е. Н. Трубецкой перемещен на службу в Университет Св. Владимира с 4 июля 1892 (ВДЮЛ. 59. С. 9).

[5] Также не упоминается и в Отчёте за 1893 год (ВДЮЛ. 63).

Н. К. Г врюшин

«Платонизму трижды анафема!»: Кому адресована филиппика А. Ф. Лосева 1930 года?

В 1930 году, когда на советском философском фронте разворачивался очередной этап борьбы между «диалектиками» и «механицистами», произошло совершенно сенсационное событие, на которое, увы, уже более восьмидесяти лет никто всерьез не отреагировал. В своей книге «Очерки античного платонизма и мифологии» А. Ф. Лосев бескомпромиссно заявил о принципиальной несовместимости платонизма и христианства и подробно воспроизвел тексты соборных анафематизмов сторонникам платоновского учения об идеях.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Лосев с юношеских лет заявлял себя именно христианским платоником, последователем Вл. Соловьева, а затем — верным учеником и соратником священника Павла Флоренского, для которого платонизм был безусловной основой и православия, и «общечеловеческой религии». Что же произошло? Неужели Лосева принудили отказаться от платонизма в застенках Лубянки, где он находился с 18 апреля 1930 г.?[1]

---

[1] *А. А. Т хо-Годи*. Лосев. М., 1997. С. 123.

Явно нет. «Очерки античного символизма и мифологии» к этому времени не только были уже написаны и опубликованы, но и стали предметом публичной критики за «воинствующий мистицизм».[2] Таким образом, драматический поворот в мировоззрении А. Ф. Лосева приходится на предшествующие годы. С чем он связан и когда все-таки произошел? К этим размышлениям меня подтолкнула заметка Леонида Кациса,[3] в которой оттенена роль М. Б. Митина в судьбе А. Ф. Лосева и высказано предположение, что «Лосев принимал участие в борьбе не только с «механистами» во времена уже расстрелянного Н. И. Бухарина, но и с «диалектиками» во времена чисто сталинской диктатуры и с участием М. Б. Митина».[4]

Л. Кацис обращает внимание на многознаменательный тезис в «Диалектике мифа» (1930): «Именно борьба в материализме «диалектиков» с «механистами» есть не что иное [! — *Н. Г.*], как борьба православия с католичеством в христианстве по вопросу об исхождении Св. Духа».[5] Именно этой антитезой резюмирует А. А. Тахо-Годи составленный А. Ф. Лосевым «Символ веры» так называемых «имяславцев».[6] Загвоздка, правда, в том, что поддержку и помощь Лосев позднее получал все-таки от «механиста» М. Б. Митина...

Может быть, 1929 год и был точкой перелома, когда «истинному православию» (в лице А. Ф. Лосева) пришло вре-

---

2 Там же. С. 128.

3 *Л. К цис*. Еще раз о пред- и послепосадочной судьбе А. Ф. Лосева // Русский Сборник. XIII. М., 2012. С. 477–480.

4 Там же. С. 479.

5 *Л. К цис*. Еще раз о... С. 478; *А. Ф. Лосев*. Диалектика мифа. М., 1930. С. 154.

6 *А. А. Т хо-Годи*. Лосев. С. 132. «Имяславцы», в частности, считали «лжедогматом» выраженное в послании Синода от 18 мая 1913 г. убеждение, что «святые таинства совершаются не Именем Божиим, а «по молитве и вере Церкви», от её лица» (Там же). Поэтому Лосев и его сотоварищи «утверждают здесь свою веру и свое исповедание» (Там же). Магическое отношение к имени здесь налицо.

мя отмежеваться от идеализма и диалектики и сблизиться с «механистами» как «материалистами», т. е. людьми, умеющими учитывать и ценить конкретную *плоть*? В «Очерках...», в самом деле, присутствует утверждение, «что Церковью анафематствован именно платонизм, в частности же диалектика [! — *Н. Г.*] и учение об идеях» (846),[7] но делать из этого далеко идущие выводы все же не следует. Попробуем вникнуть в ситуацию более детально.

До 1929 г. в работах А. Ф. Лосева никакой речи о масштабной критике платонизма не было. Напротив, в 1922–1925 гг. он работает над книгой «Имяславие и платонизм»,[8] выдержанной в парадигме П. А. Флоренского, т. е. христианского платонизма. 8-м августа 1928 г. помечено предисловие к «Критике платонизма у Аристотеля», вышедшей в 1929-ом. Казалось бы, *критик* ... Но в книге достаточно прозрачно проводится мысль, что держащийся *форм льной логики* Аристотель просто не мог адекватно понять *ди лектическое* учение Платона об идеях...

Если верить авторским датировкам, то «анафемы платонизму» были сформулированы не позднее весны 1928 г. (предисловие к «Очеркам...» датировано 5 апреля 1928 г.) и *совп ли с поворотом Лосев к соци льной проблем тике*. В этом плане очень характерно его высказывание в разъяснительной записке, адресованной в Главлит в 1929 г. «Философия известного идеалиста Гуссерля, — пишет здесь Лосев, — трактована мною как идеология банкового капитала (причем до меня никто из марксистов не производил этого анализа)».[9]

7 Здесь и далее я указываю страницы «Очерков...» по первому изданию 1930 г.

8 *А. Ф. Лосев*. Имяславие и платонизм / Публ. А. А. Тахо-Годи: www.platonizm.ru/content/losev-af-imyaslavie-i-platonizm

9 *А. Ф. Лосев*. «Я от всех беру и всех критикую» («В Главлит» 29. XII.1929. Из протоколов допроса В. М. Лосевой-Соколовой / Предисл. к публ. А. А. Тахо-Годи) // Русская мысль, Париж, № 4150. 21–27 ноября 1996. С. 11. (Цит. по: *Л. Ф. К цис*. А. Ф. Лосев. В. С. Соловьев. Максим Горь-

Если Лосев «снисходит» до такого вульгарно-социологического объяснения философских теорий — *зн чит, это кому-нибудь нужно*. Может быть, ему самому как демонстрация лояльности классовому анализу? А кому в 1929 г. был нужен его разгром платонизма? Простым «внешним заказом» огромную эмоциональную филиппику объяснить невозможно. И трудно поверить, что уже в 1928 году (или пусть даже в середине 1929, когда, не исключено, уже в корректуре, дописывалась последняя глава «Очерков...») Лосев провидел победу М. Б. Митина над А. М. Дебориным и попытался внести в нее свой вклад... В это время атаковали как раз «диалектики»...

Для такого переосмысления платонизма, которое мы находим в «Очерках...», нужен был мощный толчок, какое-то драматическое переживание. Прежде всего, я бы обратил внимание на события «троцкистского мятежа» осени 1927 г., которые могли подтолкнуть Лосева и к более пристальному «классовому» анализу философских теорий, и к хотя бы частичному отходу от П. А. Флоренского (личное общение Флоренского с Троцким, как хорошо известно, имело место).

Дистанцироваться от «христианского платоника» Флоренского захотел Лосев, возможно, еще и потому, что Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. не вызвала со стороны Флоренского явного осуждения, а Лосев был связан с кругом людей, на дух ее не принимавших. Несомненно, Лосев мог и без внешних воздействий, вполне органически искать новых путей в изучении платонизма, так как старые, «логические», по высказанному им в «Очерках...» убеждению, были исчерпаны, а вот социальные и типологические стояли на очереди (693–694).

кий. Ретроспективный взгляд из 1999 года // Л. Кацис. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 548–598. Л. Кацис в связи с этим логично задается вопросом, не могло ли данное признание косвенно сказаться на судьбе ГАХН, вице-президентом которой был крупнейший феноменолог Г. Г. Шпет?

К тому же «морфология культуры» О. Шпенглера засела у него в голове крепко. Открещивается он от её влияния совершенно неубедительно (690–691), ибо выдает себя с головой, провозглашая, что «*физиогномическ я* морфология — очередная задача и всей современной философии, и всей науки, и всего платоноведения» (694). О том, как «морфологию культуры» можно применить в отношении латинства и Московской Руси, Лосев читал и у Л. П. Карсавина.[10] Но все-таки «анафемы» на платонизм отсюда никак не напрашивались.

Возможно, дело не только в логике и методологии. Особенности семейной жизни А. Ф. Лосева, которые привели супругов к *т йному принятию мон шеств 3 июня 1929 г.*, нельзя не принять во внимание. Тем более, что линия, по которой Лосев ведет критику платонизма, слишком явно связана с сексуальной сферой. «*Ф ллос и есть*, — пишет Лосев, — по моему ощущению, *основн я интуиция пл тонизм* , его первичный пра-миф»; даже не просто «фаллос», а к тому же и *бесплодный*: «*Пл тонизм строится* [! — *Н. Г.*] *н непорожд ющем ф ллосе, н ф ллосе без женщины, н однополой и безличностной любви*» (665).

Эта сосредоточенность автора «Очерков...» на «непорождающем фаллосе» очень симптоматична. Сразу вспоминаются «эротические галлюцинации» В. С. Соловьева, о которых писал кн. Е. Н. Трубецкой. Но Лосев широко разворачивает символику «непорождающего фаллоса»,[11] и, в конечном счете, у него получается, что платонизм — это *бесовское н в ждение, основ нное н теории идей, опр вдыв ющей р бство и половые извр щения*: «Пра-мифом Платоновского учения об идеях является мужчина, склоняющий

[10] О чем я писал в статье о Вл. Лосском в парижском журнале «Символ» (№ 48. 2005. С. 163–200) и в двух изданиях «Русского богословия» (Нижний Новгород, 2005 и 2011).

[11] См. также в его художественной прозе, например в «Трио Чайковского»: *А. Ф. Лосев*. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993. С. 285–287.

прекрасного юношу к любви при помощи тонких диалектических и риторических приемов» (666–667). Это уже не Эрос, «*это с м дьявол, бес*» (668).

Отсюда — немаловажные следствия для традиционной семьи: «Христианский платонизм прямо запрещает и семью, и брак, и любовь» (832). Следуя платоновскому учению, «надо быть или монахом или полицейским или рабом-послушником, а быть отцом, быть матерью, быть сыном или дочерью вы не имеете никакого права. Любить надо бога, а не родителей или детей. Любить надо идеи, а не семью» (834). Подобная любовь — только для монахов, не имеющих семьи, но имеющих послушников, или рабов. «Монахи должны созерцать идеи, а рабы должны на них работать»; «рабство и учение об идеях связаны вместе в нерушимое единство своими глубочайшими диалектическими корнями» (669); «*пл тонизм есть философия мон шеств и ст рчеств* » (804); «в *соци льном смысле пл тонизм есть философия мон хов, полиции и р бов-послушников*» (808)...

Чувствуется во всем этом какое-то внутреннее противление отказу от семейной жизни, противление монашеству и старчеству, фактическому рабству «послушников». Не слишком ли тянула Лосева в эту сторону, к «старцам», *его супруг* ?

А. А. Тахо-Годи сообщает более чем достаточно черт к ее психологическому портрету и характеру религиозности. «Она вообще очень своевольна, несмотря на послушание у любимого старца и желание смириться. Удается ей это плохо».[12] Ее старец (живущий «в окружении заботливых, но спорящих из-за любви к о. Давиду матушек и монахинь»), назначает ей «300 молитв Иисусу Спасителю, 200 Богоматери, 30 земных поклонов Иисусу, 20 — Богоматери. Молитву только вслух, чтобы “шла по всем суставам”».[13]

[12] *А. А. Т хо-Годи*. Лосев. С. 108.

[13] Там же.

В доме Лосевых «спорят о православии и его отношении к браку», Валентина Михайловна «переписывает от руки Правило Зосимовой Пустыни об избавлении от плотских страстей».[14] Ее психея была надломлена с детства. «Еще девочкой десятилетней [! — *Н. Г.*] молилась: «Господи, дай Бог, чтобы меня преследовали и мучали»».[15] Конечно, Церковь — врачебница души, но ее врачи не всегда достаточно внимательны, им порой нужна помощь специалистов в белых халатах... Из сказанного понятно, что и Лосева ведут к «послушанию старцу». Как убежденный имяславец, он не особенно противится, но все-таки вновь и вновь ставит перед собой вопрос: не многовато ли платонизма в «православии»? Ориген, как известно, от «непорождающего фаллоса» избавился, и православие его осудило... А тут маячит — брак без физиологии и физиология молитвы... Но победа монашества (или жены?) была предрешена.

По сравнению с прежними взглядами на платонизм, Лосев теперь подчеркивает свой *соци льный* подход к учению Платона, который обеспечивает *целостное* видение этого явления (761) и уже принципиально отличается от того, что говорилось прежде. Здесь не просто отклик на «зов времени», но и ключевое расхождение с Флоренским, для которого платонизм — philosophia perennis, говорить о ее социальной обусловленности просто нелепо. Лосев признает свою сильную зависимость от Флоренского (680–688), отмечает, что не знает его «теперешних взглядов» (681) и что, по его последнему убеждению, Флоренский «слишком *христи низирует пл тонизм*» (691).

В последнем разделе книги Лосев обращается нарочито к тем, которые имеют некоторые иллюзии относительно платонизма, причем имя Флоренского теперь прямо нигде не называется. «Многие считают себя платониками и — думают, что это — какая-то абстрактная теория, с которой

[14] Там же. С. 107.
[15] Там же. С. 75.

может быть объединена любая социально-политическая практика» (765); «всем охотникам отождествлять христианство и платонизм» он разъясняет, что платонизм в принципе несовместим не только с христианством, но и с западно-европейским романтизмом (843), и приводит соборные анафемы на Оригена, Иоанна Итала, Варлаама и Акиндина. В последнем случае он готов признать, что «есть некоторые трудности», но, поскольку аристотелик Варлаам «воспринимал аристотелизм в неоплатонической обработке», его можно вполне считать анафематствованным как платоника (851–852)...

Затем следует параграф «Платонизм и латинство» (856), в котором разъясняется, что Filioque есть «основа латинского платонизма (аристотелизма) [*sic! — Н. Г.*]» (859) и из него выводятся все догматические уклонения католицизма (папизм, догмат о Непорочном Зачатии Богоматери и т. д.), особенности мистики и молитвенной практики. Все это настолько напоминает карсавинское учение о «ереси филиоквизма», что сомневаться в его влиянии на Лосева не приходится. «Православно-восточное, византийско-московское, мистико-символическое и диалектико-мифологическое учение и опыт», объединяющее иконопочитание, паламизм и имяславие, совершенно несовместимо с латинским лжемудрованием (883).

Лосев предпочитает здесь не вспоминать о том, что совсем еще недавно связал нерасторжимыми логическими нитями платонизм и имяславие, и по сути ни во что ставит принципиальные различия между номинализмом (восходящим к аристотелизму) и реализмом платоников. Имяславие для него — составная часть истинного православия, которое на поверку оказывается горючей смесью мистического эстетизма,[16] имябожнического магизма, платони-

[16] 1) «...Немыслимо в широко социальном плане православие без колокольного звона, где апофатизм неистощимо изливаемых энергий Первосущности и протекание сердечных и умных глубин соединяется

ческого учения о «божественных энергиях», тридентской сакраментологии (при решительном отвержении Filioque и держащегося на нем католицизма!),[17] «физиологии умной молитвы» и непрестанного фрондирования с властью — что с царской, что с советской.

«Диалектика мифа» вместе с «Очерками...» — тексты прежде всего исповедальные, хотя и не лишенные местами лукавства, натяжек, политических наскоков и бесплодного схематизаторства. Этим они напоминают прозу Флоренского, главный труд которого Н. А. Бердяев метко окрестил «стилизованным православием»... Лосев сам признает, что его называли «рассудочным схематистом» (688). Этот схематизм, несомненно, мешал раскрыться его литературно-критическому таланту и затягивал в многословные квазидиалектические рассуждения. Идеология ему была гораздо ближе чистого философствования. И платонизм он долгое время воспринимал как основу *христи нской идеологии.*

В 1927–1929 гг. он переживает *кризис* этого убеждения, в истинности которого его в немалой степени утвердили В. С. Соловьев и П. А. Флоренский. Только последнему,

---

со вселенскими просторами космического преображения и с внешним ликованием софийно-умно спасенной твари»» (866); «колокольный звон... очищает воздух от духов злобы поднебесной»; 2) «Нельзя любить при электрическом свете, при нем можно только высматривать жертву. Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предъявлять вексель» (Диалектика мифа. 63); 3) «молиться с стеариновой свечей в руках, наливши в лампаду керосин и надушившись одеколоном можно только отступивши от правой веры. Это — ересь в подлинном смысле слова, и подобных самочинников надо анафематствовать» (Диалектика мифа. 79); 4) «нельзя быть христианином и любить т. н. «изящную литературу», которая на 99% состоит из нудной жвачки на тему о том, как он любил, а она не любила» и т. д. (Диалектика мифа. 124).

[17] «Таинство есть всегда та или иная транссубстанциация и софийное преображение» (853). У каких же православных отцов вычитал Лосев такое определение?

как нам кажется, он и мог адресовать свою филиппику против платонизма, стимулированную интимно-личными переживаниями.

Надо честно признать, что автору этих строк отдельные хлесткие определения «Очерков...» и «Диалектики мифа» (за безусловным вычетом «ономатодоксии» и «софийности») были очень симпатичны в ту пору, когда в своих лекциях по эстетике для искусствоведов истфака МГУ (1978) он стремился донести принципиальные различия между православием и католицизмом; в это время труды и Лосева, и Флоренского воспринимались почти что в статусе святоотеческой книжности и перепечатывались в «самиздате».

Но с той поры немало воды утекло...

Л. К цис

Из заметок читателя историко-философской литературы: Лосев, Мазе, евразийство, ГАХН

I. О «ди лектике лосевского миф », взгляд из 2014 г.

Не так часто случается видеть, как в истории философии, особенно философии советского периода русской истории, происходят тектонические сдвиги. Одним из таких сдвигов является переход от чисто христианского или даже исихастского агиографического подхода к изучению и постижению текстов А. Ф. Лосева к контексту чисто советскому, если не сказать — служебному.

Такого рода работой является статья сотрудника Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом Лосева» — «О некоторых отголосках дискуссии «механистов» и «диалектиков» в творчестве А. Ф. Лосева» С. В. Яковлева[1].

Эта статья настолько новаторская и необычная и в указанном контексте, и в указанном доме с библиотекой, где есть и наши труды, что 10 страниц С. В. Яковлева, что «то-

[1] *С. Яковлев*. О некоторых отголосках дискуссии «механистов» и «диалектиков» в творчестве А. Ф. Лосева // А. Ф. Лосев. Творчество, традиции, интерпретации. М., 2014. С. 254–264 (Далее: Яковлев...).

мов премногих тяжелей», заслуживают специального изучения. Особенно их методология и библиография. Начинается статья с перечисления статей, разрабатывающих тему «Лосев и марксизм», опубликованных или произнесенных с 2003 по 2010 г. Затем ставится задача выявления реакции Лосева «на постепенно набиравшие силу идеологически окрашенные трактовки основных философских проблем и категорий в 1930-е гг.». Предлагается периодизация этих воздействий до 1925 г., затем от «Диалектики природы» Энгельса и ленинского конспекта «Науки логики» Гегеля 1925 г., наконец, до января 1931 г. — выхода постановления ЦК ВКП (б) «О журнале «Под знаменем марксизма»» (Яковлев. С. 254–255).

Итак, в 1930-е речь может идти только о самом 1930 + январь 1931 гг., т. е. никаких проблем 1930-х гг. и развития «трактовок» и быть у Лосева не может, ведь на все про все Яковлеву осталось всего ничего, если не говорить об абсолютном отсутствии «самое самого», — не забудем, Лосев был арестован в апреле 1930 г. и освобожден только в 1933 году. То есть после всех событий. Следовательно, последний, третий, период — это нечто связанное с рецепцией, а вот второй, хоть и не до конца, — другое дело. Остается только понять, что напишет Лосев на тему «механистов и диалектиков» после освобождения и напишет ли? Яковлев, как и принято в русской литературе, — «Не дает ответа»...

Но продолжим следовать его диалектической логике, чье определение еще придется уточнить. Она не так примитивна, как Гегель в изложении конспекта автора «Материализма и эмпириокритицизма».

Теперь цитата:

> «На наш взгляд, комплексность подхода, включающего, кроме изучения собственно конкретных произведений Лосева, исследование хронологически соответствующей специальной литературы, может способствовать более ясному пониманию не только тех целей и задач, которые были

поставлены автором в той или иной работе, но и избиравшихся им средств для их реализации. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что речь идет о таких публикациях (книгах и статьях в периодических изданиях), которые не маркированы ссылками в трудах самого Лосева, поэтому их влияние, скорее угадывается и предполагается, чем постулируется» (Яковлев. С. 255).

Итак, нам предлагается методология изучения глубокого философско-партийного марксистского подтекста непростых сочинений Лосева. И тут снова «триада», как в случае соответствующих этапов:

> «При исследовании творчества Лосева в указанном аспекте считаем возможным выделить ряд факторов, обусловленных особенностями рассматриваемого исторического периода, в том числе: 1) разнообразие менявшихся со временем или же использовавшихся разными авторами, трактовок диалектики в целом (причем здесь «или», нам не понять, проще либо совсем без этой «связки», а вернее — и /или. — *Л. К.*); 2) проблемы интерпретации отдельных философских категорий (в том числе таких категорий, как «целое», «жизнь» и «организм»); 3) взгляды на соотношение диалектики и других философских дисциплин».

Итак, перед нами громадная и неохватная постановка задачи для решения, на наш взгляд, очень ясной и камерной проблемы. Но Яковлев, понимая, что такое 10 страничек крупного шрифта, уточняет: «В рамках настоящей работы мы ограничимся более подробным рассмотрением второго из указанных факторов» (Яковлев. С. 255).

Затем следуют очень краткие рассуждения о том, насколько вписываются хронологически в рамки дискуссии как даты под предисловиями «восьмикнижия», так и даты выхода книг «за счет Лосева» в свет. Затем дается крайне сомнительный и по количеству, и по качеству список советской историко-

философской муры на темы нашей «дискуссии», куда «по перестроечному» скромно затесывается И. Яхот с его «Подавлением философии в СССР» (Нью-Йорк, 1981) и современная перепечатка книги Н. Карева текстов 1920-х гг. Завершение как в плохой провинциальной кандидатской: «Сам процесс названной дискуссии, этапы его развития, позиции участников и основные обсуждавшиеся в ее ходе положения в целом нашли достаточное освещение в исследовательской литературе» (Яковлев. С. 256). Кстати, Яхота печатали в начале 1990-х и в «Вопросах философии», так что не будем о недоступном, но это так, к слову...

Понятно, что книга, с «невозможным» в высоком лосевском контексте названием: Валерий Сойфер. Сталин и мошенники в науке. (М., 2012) со специальной главой о Деборине, Яковлеву не попалась, как и многое другое. Но ладно, методология важнее жалкой библиографии. Здесь, в продолжение сказанного, узнаем о трех, естественно, кандидатских диссертациях 1991, 2003 и 2000 гг. в нехронологическом порядке (Яковлев. С. 257), а прямо за этим как бы не к месту: «В настоящее время опубликовано большинство сохранившихся в архиве Лосева философских трудов (в том числе «Вещь и имя», «Самое само», «Диалектические основы математики» и др.), что позволяет проводить анализ его творчества в указанном аспекте не только по прижизненным публикациям, но и с учетом той части его творческого наследия, которая вышла в свет за прошедшее со времени его кончины двадцатипятилетие» (Яковлев. С. 258).

И вот в самой геометрически и географически середине работы, где из 10 использовано и заполнено типографски воспроизведенными значками и символами 5 (!) страниц, читаем:

> «Характерные черты своеобразной «реакции» Лосева на появлявшиеся в печати новые «философские веяния» можно найти практически в каждой из работ «восьмикнижия». Не публиковавшиеся при жизни мыслителя труды («Вещь

> и имя», «Самое само», «Диалектические основы математики») мы сознательно оставляем за пределами нашего краткого обзора (предполагая продолжить исследования в этом направлении)...» (Яковлев. С. 258).

Главное слово прозвучало: «СОЗНАТЕЛЬНО», следовательно, теперь придется отвечать «по полной». Но и в том же абзаце в третий раз «Вещь и имя» Лосева не дает его поклоннику покоя прямо после предыдущей скобки: «...хотя, разумеется, то обстоятельство, что эти произведения («Вещь и имя», материалы, объединенные под общим заглавием «Дополнение к «Диалектике мифа»» в кн.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001) были подготовлены автором к печати (это касается и «Дополнений» в дошедшей до нас форме или Яковлев более осведомлен? Ждем-с. — *Л. К.*) и не вышли в свет по независящим от их автора причинам, позволяет анализировать их совместно с работами “восьмикнижия”» (Яковлев. С. 258).

Но вот от этого-то Яковлев и отказывается. Почему, теперь уже мы «дадим ответ» чуть ниже. А пока нам рассказывают о проблемах «витализма», о Скворцове-Степанове, затем цитируется «Диалектика мифа» с ее презрительными упоминаниями «диалектиков» и «механистов» (Яковлев. С. 260). И тут же аккуратный переход к цитатам из В. Соловьева, причем из «Оправдания добра», а не чего-нибудь более публицистического. Все это лежит на поверхности и анализа не требует.

А вот завершающий абзац Яковлева относится к тому типу текста, который кто-то очень давно определил, как «умри, ...лучше не напишешь»:

> «Завершая кратчайший обзор проблемы соотнесения лосевского «восьмикнижия» и современной этим трудам философской литературы, выразим уверенность в перспективности проведения более детальных исследований такого рода — как по взятой нами в качестве примера проблеме, так

> и по остальным указанным выше. Кроме этого, считаем необходимым развитие исследований и в других направлениях, в том числе углубленного изучения лосевской диалектики».

Все это ладно, хотя, когда читаешь такое думаешь, не сменилось ли на Яковлева руководство «Дома Лосева» да всей истории русской религиозной философии, но последний абзац превосходит весь кратчайший обзор: «На наш взгляд, издание корпуса философских работ Лосева И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ создают благоприятные условия как для более объективного ДЕИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО анализа специфики довоенного периода истории философии в СССР, так и для дальнейшего углубленного изучения творческого наследия Лосева» (Яковлев. С. 264).

Нетрудно видеть, что после патетического— финала «диалектики «механической» формы» Яковлев как-то сник. Дело в том, что кончаться эта одночастная минималистская философская симфония малой формы должна не примитивным риторическим финалом, основанным на цитате из статьи уфимского автора 1993 г., а громкой и жизнеутверждающей Кодой, т. е. — дополнительным разделом, возможным в конце музыкального произведения и не принимающимся в расчет при определении его строения. Ведь логика Яковлева не совсем диалектическая, она силлогистична и для этого не всегда корректно использует прием «исключения третьего» между собой и Лосевым. Отсюда и наше предположение о «музыкальном характере» статьи. Слишком много в статье пауз и умолчаний. Но это в музыке, в отличие от науки, паузы звучат. А наука пустоты не терпит.

Так заполним паузы яковлевских лейтмотивов лосевского вагнеровского мифа сопровождающими звуками советских песен и маршей 1920–1930-х гг. Пусть делать это приходится после финала работы Яковлева, чье строение мы позволим себе теперь не принимать во внимание, а про-

сто оценить его и этически и, по-лосевски, эстетически. И не наша вина, что звуки Коды теперь только советские.

Итак, в 1999 году в статье «Лосев. Соловьев. Максим Горький. Ретроспективный взгляд из 1999 года» в философском журнале «Логос», давно доступном в интернете (цитируем этот источник http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_06.htm, чтобы не затруднять Яковлева походом в библиотеку «Дома Лосева», где эта статья есть по месту работы указанного сотрудника. Она входит в книгу «Русская эсхатология и русская литература» (М., 2000), вышедшую в серии «Исследования по истории русской мысли»), мы писали как раз о пропущенном и оставленном Яковлевым для дальнейших исследований тексте «Самое само» и о трех его предисловиях, соответствующих этапам дискуссии о «механистах» и «диалектиках» так: «О том, что Лосев был совсем не чужд политико-философской полемике конца 20-х гг., свидетельствует и еще один факт. Следы интереса Лосева к полемике «диалектики — механисты» можно найти и в письме в цензуру, там, где говорится о «крайнем обожествлении субъекта», «что оставляет на долю объективного мира механизированное бытие в виде машины». Но еще одна публикация 1997 года снимает все вопросы. А. А. Тахо-Годи точно и справедливо пишет:

> «Приведем ряд примеров, которые указывают на сглаженность новой редакции “Вещи и имени” по сравнению с первоначальным, представленным в нашем издании. Предисловие 3-го варианта “Вещь и имя” написано от руки Лосевым совершенно заново. В этом предисловии выделяется *с мое с мо* (...), о котором не было ни слова в предисловии 1-й рукописной редакции, всецело и резко направленном против “механистов” и “позитивистов”. Эта группа советских философов выступала в бесплодных спорах против т. н. “диалектиков” в дискуссии, развернувшейся в 1926–29 гг. между А. М. Дебориным и его учениками — “диалектиками” —

с одной стороны, и “механистами” — с другой (Л. И. Аксельрод, И. И. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев и др.)»[2].

В этом описании верно все, кроме кавычек у слова «диалектики». Дело в том, что это сегодня А. А. Тахо-Годи вполне адекватно оценивает споры этих двух школ марксистов-схоластиков как очевидно бесплодные. Мы, естественно, придерживаемся того же самого мнения. Однако это не значит, что так думал (об этом судить не нам) и писал сам А. Ф. Лосев. Процитируем его слова по публикации в книге «Имя»:

> «Борьба “механистов” и “позитивистов” против диалектиков (обращаем специальное внимание на это место! — *Л. К.*) до последней минуты является огромным тормозом нормального развития диалектического метода и для его применения в различных областях действительности. Все еще приходится тратить массу времени и сил на разъяснение самых основных и примитивных понятий и установок. Каждое новое диалектическое рассуждение встречает со стороны “позитивистов” целую тучу возражений, упреков, насмешек и даже угроз».

Далее Лосев излагает некоторые свои принципиальные позиции в диалектике и пишет:

> «Пусть все это думают они, как им угодно. Я, если исключить некоторые немногочисленные места этой книги, веду себя так, как будто никаких “механистов” и не существовало. Это дает мне возможность заняться действительно конкретным, — диалектическим обследованием одной специальной области».

---

2 Внутренние сноски и в статье Яковлева, и в наших цитатах из А. А. Тахо-Годи и А. Ф. Лосева мы не воспроизводим.

Может показаться, что здесь уже выражена вся мера презрения к т. н. механистам и их оппонентам. И это было бы действительно так, если бы не прямое обращение к вполне современным Лосеву «диалектикам» (кавычки уже наши):

> «Но самое главное в моей книге — то, с чем, быть может согласятся и не все диалектики. Дело в том, что я для иллюстраций силы и значения имен привлекаю, между прочим, материалы из истории религии. Скажут: мы думали, вы серьезно говорите нам о значении имен, а вы раскапываете нам отжившие предрассудки о магии, заклинании, заговорах и т. д. На это я должен сказать, что подобное рассуждение по меньшей мере поверхностно. Пусть всякая магия производит теперь комическое впечатление. Я беру не выродившуюся и духовно-реакционную магию, а ту, которая в свое время была как бы максимально-интенсивным социальным бытием. Ведь никто не будет спорить с тем, что всякая религия в свое время была величайшим духовно и материально революционным фактором и что она была регрессом, подобно тому, как и капитализм в экономическом отношении есть прогресс по сравнению с натуральным хозяйством. Это, по-моему, не только не мешает капитализму стать впоследствии духовно-реакционной силой, а наоборот, вполне способствует этому».

Нет никаких сомнений в том, что независимо от реальной позиции Лосева по отношению что к диалектикам, что — к механистам, цель его была одна — под любым соусом и любой ценой, при помощи вполне советско-марксистской терминологии протолкнуть в печать книги, содержащие важные для философа идеи. И в этом не было бы ничего особенного, если бы и за механистами, и диалектиками не стояли вполне реальные человеческие судьбы. Так же, впрочем, как и за ярлыками разного рода, употребляемыми Лосевым. Разумеется, и ему приходилось терпеть подобное от своих современников и коллег, а не только ор-

тодоксов-марксистов. И все же мы можем констатировать, что А. Ф. Лосев считал вполне допустимыми подобные приемы.

Приведем и наше примечание к рассуждениям «о кавычках»:

> «Разговор о кавычках у слова «диалектики» не дань педантизму или текстологическому идиотизму. Они исключительно значимы именно в контексте нашего изложения. Ведь в 1929 г. т. н. диалектики были еще на коне. Их преображение в меньшевиствующих идеалистов произошло чуть позже, в 1930–31 гг. Поэтому неудивительно, что в «Диалектике мифа» мы читаем: «Именно борьба в материализме "диалектиков" с "механистами" есть не что иное, как борьба православия с католичеством в христианстве по вопросу об исхождении Св. Духа». Разницу ситуаций 1929 и 1930–1931 гг. замечательно выразила Л. Гоготишвили в комментарии к этому месту: «На Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений (1929) механицизм был подвергнут резкой критике как "явный отход от марксистско-ленинских позиций в философии" (см.: Под знаменем марксизма. 1929, № 10–11); "диалектики", в свою очередь, подверглись политической дискредитации в 1930–1931 гг., когда за ними укрепилось сталинское название "меньшевиствующих идеалистов" (см.: *Митин М.* Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936)». Напомним, что «Диалектика мифа» вышла в 1930 г., в отличие от Предисловия 1929 г. к «Вещам и имени». Также, небезынтересно заметить, что красный палач философии М. Б. Митин благоволил к А. Ф. Лосеву: академик М. Б. Митин и другие представили Лосева в Академию, но Александров запретил эту акцию. Сам же стал академиком в 1946 году».

Не является ли фраза Яковлева, которую мы цитировали ранее о «средствах для реализации» «поставленных ав-

тором задач», ответом именно на эту нашу фразу. Равно как попытка, не цитируя «Самое само» и письмо в цензуру по поводу «Дополнений к “Диалектике мифа”» начать различать многочисленные контексты употребления слов типа «механисты», включая соловьевский, попыткой уйти от обсуждения очевидного и советского семантического поля этого слова или термина. Но наша работа не пользовалась популярностью в лосевских кругах. Ведь там же в приведенном только что примечании был намек на то, что любовь митиных-александровых к диалектику Лосеву была не случайной. Вот и Яковлев коснулся этой специфической материи: «некоторых тенденций современной историко-философской мысли». И коснулся не случайно. Ведь к конференциям 2013 г., которым посвящен сборник со статьей Яковлева, уже полгода, а к сдаче в печать и полтора, существовал «Русский Сборник» Т. XIII (М., 2012) (также доступный в интернете), где опубликована более поздняя наша статья «Еще раз о пред- и послепосадочной судьбе А. Ф. Лосева», занимающая всего три странички 477–480, где в подтверждение наших давних подозрений приводится потрясающая запись из дневника близкого Лосеву Михаила Пришвина:

> [1937] «17 ноября... Рассказ о карьере философа Л., который отбыл на канале 5 лет и восстановился в правах за разоблачение Деборина как идеалиста. И чем дальше человек от действительности — вот удивительная черта времени! — тем прочнее держится он, пример — я как писатель, Лосев как философ» (Пришвин М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 795).

Не исключено, что «философ Л.» здесь не случайно не назван полностью. По-видимому, это материал для образа одного из возможных героев его постоянно находившегося в становлении «канальского» пришвинского романа. Отсюда и некоторые нестыковки. Ведь отсидевший около двух

лет Лосев был приговорен к 10 годам, а 5 получила его жена. Но освободились они и вернулись в Москву в 1933 году. На первый взгляд кажется, что здесь что-то не то. И сидел Лосев не 5 лет, и Деборина «разоблачил» не в 1937 году. Однако одна деталь из истории советской философии, связанная с Лосевым и Митиным, заставляет думать, что Пришвин (связанный и с М. И. Калининым, и с В. М. Молотовым, и т. д.) абсолютно точен, и Лосев принимал участие в борьбе не только с «механистами» во времена уже расстрелянного Н. И. Бухарина, но и с «диалектиками» во времена чисто сталинской диктатуры и с участием М. Б. Митина. Кстати, и Пришвина очень беспокоила его личная близость к низвергнутому Бухарину, которому в дневнике 1936 года посвящено немало места (Русский Сборник. С. 479).

Вот такие «тенденции», от которых уже не отмахнуться. Кстати, и т. н. «*М тери лы к “Ди лектике миф ”*», которые теперь публикуются с приложением материалов Б. Столпнера, стали включаться в этот корпус наряду с неназванным письмом в цензуру Лосева и материалами следственного дела Соколовой-Лосевой только после наших публикаций и дискуссионных ответов без называния нашего имени и работ А. А. Тахо-Годи. А тексты Б. Столпнера мы публиковали опять же на страницах «Исследований по истории русской мысли».

Но не стоило бы тратить столько времени на пересказ наших текстов, прекрасно знакомых всему лосевскому кругу. Цель у нас иная: прежде всего, показать, почему вдруг оказались вне кратчайшего обзора не наши статьи, а очевидные и общеизвестные тексты Лосева «Самое само», письмо в цензуру и почему-то «Диалектические основы математики». Здесь, кажется, за исключением последнего названия, все ясно. Но его-то и надо прояснить.

Иначе, с пришвинским дневником 1937 (!) года есть проблемы. Дело в том, что когда мы писали о дневнике Пришвина, мы не знали именно «Диалектические основы математики» примерно 1936 (!) г., написанные или подготовленные

к печати точно после Беломорканала, и даже не столько сами эти «основы», сколько статью в этой книге В. Соловьевой-Лосевой. Статью явно послеканальскую. А там мы легко найдем имя означенного Деборина и т. д. Более того, эта наша работа есть лишь обещание попытаться показать именно на основании текста В. Соловьевой-Лосевой, что, выйди этот том в свет, мы бы навсегда получили Лосева в качестве основателя трагической для советских философов марксистской «диалектической логики», из тенет которой не вырвались ни А. Зиновьев, ни Э. Ильенков, ни М. Мамардашвили, ни, по обстоятельствам времени и даже Времен, многие другие способные и яркие люди, потратив на ее построение лучшие годы и неадекватные бесплодные усилия.

В статье Соловьевой-Лосевой (а может быть, отчасти, и совместной) на максимально абстрактном уровне разговора об основаниях математики (которую, кстати, по ее словам, Лосев адекватно понимал далеко не всегда!) делалась попытка примирения как раз т. н. «диалектиков» и еще более т. н. «механистов».

Это наш долг перед лосевоведением. Но к коллегам, даже полностью нас не приемлющим, хотелось бы обратиться с просьбой: не фальсифицировать историю русской философии, не пытаться сохранять тот миф о Лосеве, который был нужен и важен для его возвращения советскому читателю, а то вдруг Дневник Пришвина приведет к актуализации «некоторых других тенденций в развитии историко-философской мысли», которые ведут к «более объективному и деидеологизированному анализу специфики данного периода истории философии в СССР».

Итак, Финал!

«Музыка сыграла так весело...»

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты...

II. Речь Яков М зе в честь Герм н Коген . Предисловие и перевод с иврит Ром н К цм н

В сборнике «Исследований по истории русской мысли» 2010–2011 гг. опубликован замечательный перевод важнейшего документа по истории еврейско-русских — немецко-еврейских религиозно-философских отношений «Речь раввина Якова Мазе, произнесенная им в апреле 1914 года во время приезда Германа Когена в Россию» в 1914 году, но «опубликованная в 1918 году, после смерти философа, в московском журнале на иврите Ха-Ткуфа Т. 2. С. 401–405». Это рассказывает переводчик сложнейшего ивритского текста Роман Кацман в своем вступлении.

Роман Кацман указывает, что жанром этого текста является специфически раввинский способ обращения к почтенному гостю — драша, т. е. שָׂרְד, также *друш* שׁוּרְד, толкование библейского или талмудического текста посредством совмещения логических и софистических построений, как сообщает нам Краткая еврейская энциклопедия. Учитывая специфику этой формы высказывания не только на древнееврейском языке, но и в жанре, не знакомом русскому читателю, мы бы хотели вслед за нашим предшественником попытаться раскрыть еще некоторые из ее источников, приемов толкования и т. н. Софистических построений.

Особый смысл это имеет в истории русской мысли и ее рецепции предельно еврейско-иудейских текстов Когена и Мазе, которые оказываются (через еврейского философа Матвея Кагана и русско-еврейского философа Аарона Штейнберга) основой размышлений бахтинского типа, транспонированных Бахтиным уже в чисто русский контекст. Смысл этого еще и в том, что явно по-разному воспринимали философию Германа Когена те, кто мог понять оба слоя речи раввина Мазе — т. е. «проповедь в двух планах: в честь гостя и в честь Торы» (Исследования 2010–2011. С. 472).

Отметим, что это полезно и в более широком контексте, для понимания, например, классических стихов Осипа Мандельштама.

В нашем случае это особенно важно, т. к. в примечании от редакции мы уже слышим первый комментарий к этой речи о том, «что думал Коген, слушая преисполненные любви упреки оратора», как сообщает публикатор речи в ивритском журнале. Вот этот дуализм, продолжая, как принято в еврейской мысли, наших высокочтимых предшественников, мы и попытаемся хоть частично открыть здесь. Ибо наша главная цель — попытаться понять, как именно Герман Коген понял речь своего современника. А возможность для этого существует.

Мазе пишет: «Мыслитель Коген извлёк святое слово *«один»* из его ивритского футляра, дабы осветить им землю. Он пришёл к выводу, что абсолютное единство [единственность] является основой всех основ как *в н уке, т к и в этике*, и всякий, кто отходит от системы полного *единств* , немедленно попадает в путы *логических и нр вственных* заблуждений». Нетрудно видеть, что здесь *логические и нр вственные* заблуждения вытекают из отказа от Единства, скажем сразу, Всевышнего, и приводят к проблемам *в н уке*. Это становится ясно из дальнейшего: «Бог этой нации, Бог *единый и единственный*, *первый и последний, не имеющий н ч л* , справедливо зовётся *«Ц рь вселенной»*, ибо, только если эта *вер* победит на земле, тогда и только тогда наступит истинный Золотой век и *в н уке, и в нр вственности* — тот, о котором прорицали пророки Израиля».

Это хороший пример для демонстрации того, что такое драш или драша. Ведь в эти немногочисленные слова вплетены: и общеизвестная фраза «Шма Исраэль Адонай Элохейну, Адонай Эхад» — «Слушай, Израиль: Господь Бог наш, Господь Один», и куда менее известный текст Моисея Маймонида «13 принципов веры», который читается каждое утро и «раскрывает» это единство:

«1. Безоговорочно верю в то, что Творец, Благословенно Имя Его, создал все творения до единого и управлял ими; что он — единственный источник всех явлений в прошлом, настоящем и будущем.
2. Безоговорочно верю в то, что Творец, Благословенно Имя Его, — один, и нет в мире цельности, подобной абсолютной цельности Его, и что лишь Он — Бог наш в прошлом, настоящем и будущем».

И чуть ниже:

«6. Безоговорочно верю в то, что все слова пророков — истина.
7. Безоговорочно верю в то, что пророчество Моше Рабейну, пусть душа его покоится в мире, — истина и что он величайший из всех пророков, бывших до него и пришедших после него».

Именно это место, где говорится о единстве пророчеств всех пророков и величайшего пророка Моисея, и есть место спора проф., д-ра Германа Когена и раввина, д-ра Якова Мазе. Вот изложение московским раввином этих принципов в Когеновском контексте «научной» философии:

«В то время как Кант видел два мира, в которых вечно трудится человек, наш уважаемый гость обнажил свет, заключённый в Торе, который может быть выражен в двух словах: «возделывать и хранить». Их смысл состоит в том, что один и единственный, или единый, мир является той почвой, на которой живёт достойный человек: в сфере научного познания он хранит, а в сфере познания нравственного он возделывает. Итак, иудаизм, чьё знамя — возделывание и сохранение, слитые воедино — это и есть философия Когена, и всё противоположное ей не имеет никакой ценности. При том, что многие великие евреи, предшествовавшие Когену, силились показать, что иудаизм не проти-

> воречит философии, Коген показал, что иудаизм есть самая суть философии. В то время, как древние учили, что можно быть одновременно и иудеем, и философом, Коген показал, что невозможно быть философом без оснований иудаизма. Ибо среди тринадцати свойств [Всевышнего], перечисленных в Торе, первое — «любовь и милосердие», а последнее — «милость и истина», и Бог Израиля — это Бог человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, у которого не только нет никакого образа тела, но и всякое телесное познание не способно Его постичь, ибо Его единству нет предела, у Его начала нет начала, у Его бытия нет времени и Его конец — из века и до века, и посему имя, данное Ему наукой — это «был, есть и будет». И вот в то время как это почтенное и грозное имя открыто звучит на устах когенов науки, не только когены, но и простые люди, никогда не вступавшие в храм науки, преклоняют колени, кланяются и произносят: «Да будет благословенно имя славы царства Его во веки веков».

Это с очевидностью выполнение пункта о пророках. Но ведь пророки по большей части говорили о разрушении Иерусалимского Храма и наказании Израиля с прощением во времена Машиха. Лишь один величайший пророк Моисей (Моше) привел евреев и в Землю Обетованную, и к горе Синай, и к Скинии Завета, а впоследствии евреи получили и Храм с коленом Аароновым, с когенами, которые там служили, а знак этого служения сохраняется до сих пор. Здесь учение Когена о необходимости евреям нести мессианский свет всем народам оказывается вполне адекватно представлениям иудаизма. Однако антисионизм Когена противоречит, по мнению Мазе, именно Торе, пророкам и Моисею:

> «Моим, говорит Господь, так будет и семя ваше и имя ваше. Вся Ваша философская система свидетельствует о том, что Вы — старинный последователь Торы Моисея и её пророков, и вот еврейский народ спрашивает: “Кого же нам

слушать: учителя или ученика?” Великий учитель, вот Вы нам говорите, что для тех из сынов Израиля, чьё еврейство разрушено, нужно создать кафедру и учить уму разуму духовно заблудших, и тогда они всё поймут и исправят свою ошибку. Но как быть со словами пророков: “Царь ее и князья ее — среди язычников, не стало закона, и пророки ее не сподобляются видений от Господа”, “ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима”».

И здесь Мазе возвращается к «Шма Исраэль»:

«Учитель, после этих слов, приветствуя Вас благословением «благословен поделившийся мудростью Своей с боящимися Его», мы просим Вас принять наши извинения и уверения в нашем почтении к Вашей мудрости и к Вашей учёной славе, и позвольте нам сделать следующее заявление: мы принимаем Вашу теорию о том, что иудаизм является душой подлинной философии, отцом всех мировых культур, и что без идеи единого и единственного Бога, Бога морали, нет никакой подлинной западной культуры, нет никакого истинного прогресса и нет в действительности истинной этики. Эту Вашу великую теорию принимаем, и мы, и потомки наши на века с тем же воодушевлением, с которым наши отцы услышали глас *«Я Господь Бог твой»*. Однако с этой идеей слита и другая, также данная пророками идея о том, что мы не племя, а народ, и что в будущем нам суждено спастись и вернуться в нашу Землю, и только тогда наше учение перестанет быть презираемо подобно всяким суемудриям для бедных, тогда и только тогда станет оно прекрасным и сильным как внутри, так и снаружи. Согласно этой действительно уникальной идее пророков иудаизма, народ Израиля добавляет к молитве «Итак, праведные увидят и возрадуются, и прямодушные возликуют» также и молитву «Итак, воздай честь, Господи, народу Твоему, радость — земле Твоей, и веселие — городу Твоему». Иудаизм глубоко верит, что будет устранена власть зла с земли,

> что вся неправда сомкнёт уста свои, и всё нечестие рассеется, как дым, но прежде должна нация, сеющая эту чистую веру, вырваться из заточения».

Выделенные слова, как известно, прозвучали на Синае в составе 10 Заповедей. Т. е. Принесены они были Моисеем. Следовательно, именно пророчество Моисея исполнилось в полном объеме, а пророчества других пророков — это слова людей, которые не стояли перед Всевышним. И в этом разница «государства Когенов» (по Мазе) и «государства пророков» (по Когену). Отсюда уверенность Мазе в своей правоте. Государство Когенов — это государство народа на своей Обетованной Земле и с Храмом. А государство пророков — это обетование разрушения, однако с принесением основной идеи иудаизма о Машиахе в мир.

Теперь, когда нам стала ясна природа критики раввином Мазе учения профессора Когена, мы можем обратиться к ответу философа, который сохранила для нас редакция, опубликовавшая этот текст:

> «Нам неведомо, что думал Коген, слушая преисполненные любви упреки оратора, и какие он сделал из этого выводы. Однако *дост точно и того, что н м известно*: по окончании речи, ученый подошел к оратору, чтобы поблагодарить его *н иврите*: “*Если бы я приех л только для того, чтобы услыш ть эти слов , то и тогд мне было бы довольно*”».

Дважды повторенная формула взывает к анализу. Тем более что ответ прозвучал именно на закурсивленном иврите (а у нас в русском переводе, что не меняет ни характера, ни смысла текста, но требует включения его в иудейский контекст, очевидный еврейскому читателю), т. е. маркированном языке сионизма того времени, что говорит о том, что марбургский мудрец хорошо понял своего критика-поклонника. Поэтому и ответил он ему на том же языке талмудических споров, на котором его, когдатошнего ученика

раввинской семинарии, приветствовал теперь раввин Яков Мазе.

Герман Коген процитировал знаменитый текст из Агады на праздник Песах, т. е. на день освобождения из египетского рабства и начало Исхода, когда евреи обязаны чувствовать себя каждый год выходящими из рабства. Только иудаизм помнит об этом еще и духовном, а не лишь материальном, рабстве, т. е. о жизни среди идолопоклонников. Поэтому нам остается лишь привести здесь начало текста «Дай даену...» по-русски:

> Сколько благодеяний оказал нам Вс-вышний!
> Если бы Он вывел нас из Египта, но не судил бы их (египтян),
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он совершил над ними суды, но не над их богами, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он судил их богов, но не умертвил их первенцев, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он умертвил их первенцев, но не передал бы нам их достояния, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он передал нам их достояние, но не рассек перед нами море, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он рассек перед нами море, но не провел бы нас по нему, как по суше, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он провел нас среди него, как по суше, но не пустил бы ко дну наших врагов, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он пустил ко дну наших врагов, но не удовлетворял наших нужд в пустыне сорок лет, —
> нам было бы достаточно.
> Если бы Он удовлетворял наши нужды в пустыне сорок лет, но не питал бы нас манной небесной, —
> нам было бы достаточно.

Если бы он питал нас манной небесной, но не дал бы нам Субботы, —
нам было бы достаточно.
Если бы Он дал нам Субботу, но не приблизил бы нас к горе Синай, —
нам было бы достаточно.
Если бы Он дал нам Тору, но не ввел бы нас в страну Израиля, —
нам было бы достаточно.
Если бы Он ввел нас в страну Израиля, но не соорудил бы для нас богоизбранного Храма, — нам было бы достаточно.

Теперь становится ясно, что ответ Германа Когена был преисполнен понимания и почтения к собеседнику. И как бы и что бы он ни думал про себя (это уже, правда, не в наших силах постичь), но раввина Мазе Коген профессор услышал и понял[3].

Быть может, теперь есть смысл обратиться к текстам Матвея Кагана, который пытался уже во время Первой мировой войны и в 1918 году, сразу по смерти Германа Когена, осмыслять эти же самые проблемы. В «Опыте оценки религиозности во время войны» еврейско-русский неокантианец Матвей Каган писал: «Идея абсолютно совершенного государства человечества, государства гуманности, переносится с имманентности социального в истории в имманентность религии — на трансцендентное царство Б-жие. Трансцендентным царство Б-жие является потому, что в своей полноте и завершенности оно никогда не может быть достигнуто наверняка. Никакую действительность невозможно приписать царству Б-жию научно обоснован-

[3] Подробнее об этой идеологической борьбе вокруг сионизма и осмысления роли Моисея в истории евреев в тогдашнем еврействе на самых разных языках и с учетом знаковых для европейской культуры интересующего нас периода имен см.: *B. Goldshtein, Moses Reinscribing*. Heine, Kafka, Freud and Schoenberg in a European Wilderness. Cambridge (Mass.), London (Eng.), 1992.

ным образом, потому что действительность может быть необходимой только как возможность познания. Трансцендентность царства Б-жия и “конец дней” идеального государства пророков означают именно это и ничего больше. Единство долженствования в единственности имеет ручательство единства трансцендентального принципа Б-га. Единственность и есть единство принципа “царство, которое не от мира сего”» (*М. К г н.* О ходе истории. М., 2004. С. 166).

А уже после смерти учителя он же в некрологе вспоминал, как писал Роман Кацман, о том, что тот воспринял октябрьскую революцию в России как начало исполнения пророчества о «конце веков», то надо полагать, что позиция марбургского старца о предназначении народа Израиля мало изменилась до самой его смерти в 1918 году.

В любом случае, здесь мы видим, что московский раввин Яков Мазе сумел задеть очень тонкие струны души философа и прочувствовать не самые очевидные для вне иудейских реципиентов линии размышлений своего великого современника. Разумеется, все это понятно нашему предшественнику и переводчику речи Мазе Роману Кацману, ведь на иврите весь набор экзегетических приемов и должен был быть виден, однако явно имеет смысл когда-нибудь прокомментировать всю эту речь для русского философского читателя на фоне, как указывает Роман Кацман, еще не опубликованного к тому времени фундаментального труда Когена «Религия разума из источников иудаизма». Равно как, скажем от себя, и на фоне текста «О ближнем» и его критики в русско-еврейской философии, о чем нам приходилось не раз писать.

Диалог Мазе-Коген в этом случае — источник незаменимый. Ибо нам представляется, что анализ сочетания в «научной философии» Когена приемов кантианской логики с приемами раввинской драши, не связанных с традиционной европейской мыслью, может многое объяснить и в тех общефилософских построениях логики и этики позднего

Когена, которые вне этого контекста вытекают как бы «ниоткуда» и выглядят для исследователей, не включенных в наш контекст, едва ли не случайностью или старческой причудой.

III. С. Н. Трубецкой — Евр зийство — Б. И. Ярхо

Эта заметка посвящена не только теме, обозначенной в заголовке, но традиционной для нас процедуре связывания в один узел работ исследователей, которые по разным причинам (от далековатых областей науки до групповых предпочтений) не читают, не знают, либо не цитируют друг друга. Но наши герои и их документы ничем перед нами не виноваты. Начнем с одного сенсационного сообщения М. В. Акимовой, сделанного на заседании московского «Мемориала» во время доклада на семинаре «Москва. Места памяти»: «Ученые Г. А. Х. Н. дома и на следствии» (www.youtube.com/watch?v=5jpai0NT-aQ), где докладчица анализировала, в числе прочего, причины разницы в наказаниях по итогам знаменитого дела «Немецко-русского словаря». М. В. Акимовой удалось ознакомиться с самим делом, откуда стало ясно, что наиболее суровый, смертный, приговор был вынесен М. Петровскому, в частности, из-за того, что у него нашлась статья Н. С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме» (с*т тья был н печ т н в сборнике «Исход к Востоку», София, 1921. С. 71–85)* с дарственной надписью автора. Это сенсационное сообщение, свидетельствующее о прямых связях между лидером евразийцев и русско-советским филологом, взывает к осмыслению, которого мы в докладе не услышали.

Между тем нам пришлось не так давно после выхода в свет тома материалов об А. Г. Габрическом (Александр Георгиевич Габричевский. Биография и культура: документы, письма, воспоминания в 2-х кн. / Сост. О. С. Северцева. М., 2011), где были и материалы его дела, и упоминался М. Петровский,

проанализировать попытки НКВД прощупать наличие либо отсутствие прямых связей между этим кругом старорежимных русских интеллигентов и Н. С. Трубецким. (Л. Кацис. Из жизни интеллигентов советской эпохи: А. Г. Габричевский как «агент» Н. С. Трубецкого// Исторический вестник. Т. 9. М., 2014. С. 214–229). В этой статье мы показывали, что А. Г. Габричевский обманывал малограмотных следователей уверениями, что М. Петровский (один из редакторов Собрания сочинений И.-В. Гете) не знает немецкого языка на достаточном уровне для понимания разговора о Достоевском на немецком языке. А речь там шла о встрече с сомнительного происхождения эмиссаром Н. С. Трубецкого Фюлоп-Миллером. Поэтому мы не могли пройти мимо доклада А. В. Акимовой. Хотя ей наша статья, давно висевшая в сети, известна не была (www.runivers.ru/bookreader/book482843/#page/7/mode/1up). Кроме всего прочего, Акимовой принадлежит и большая публикация: Письма Б. И. Ярхо к М. А. Волошину / Подг. текста, вст. ст. и прим. М. В. Акимовой // Philologica: www.rvb.ru/philologica/10pdf/10iarxo.pdf. Здесь, на с. 89, мы видим интересное указание на то, что Б. Ярхо и М. Петровский в 1927 г. совместно дарили Волошину сборник «Ars poetica», а на с. 104 цитируется важнейшая работа: Письмо Б. И. Ярхо Н. С. Трубецкому 1922 года / Пред., публ. и прим. О. В. Никитина // Русистика сегодня. № 1/2. 2000. С. 136–142. Однако этот текст также не используется ни в докладе, ни в статье. Нам он известен по другому источнику: О. В. Никитин. О концепции культуры князя Н. С. Трубецкого в свете его работ евразийского цикла: www.portal-slovo.ru/philology/40767.php, по которому мы его и процитируем. Нас не будет сейчас интересовать полемика собственно о евразийстве. Нас интересует приписка к письму:

10/VIII — <19>22.
Praha, Kr. Vinohrady. Halková ħ. 70 u p. Voglerové.
P. S. Не знаете ли Вы адреса Миши Петровского.
Б. Я.

Этот вопрос очень интересен, т.к. наличие у М. Петровского текста Н. С. Трубецкого с дарственной надписью должно свидетельствовать о близких личных связях двух филологов. И вопрос Ярхо, обращенный к Трубецкому, это только подтверждает. Более того, сам интерес Ярхо к идеям евразийства, а проще — Трубецкого, вкупе с контактами с М. Петровским уже в Москве, подтверждает интерес всего круга «Немецко-русского словаря» к идеям евразийства. Не будем лишний раз обсуждать вопрос о том, что НКВД пронизывало все евразийство своими агентами-щупальцами. Поэтому и сведениями о контактах московской интеллектуальной элиты с евразийцами советские рыцари плаща и кинжала, сами же и изобретшие евразийские шифры для переписки, обладали полностью. Это мы и показали в статье в «Историческом вестнике». Причем использовалась для этого терминология полемики между ЛЦК и ЛЕФом. Характерно, что контакты с евразийцами с целью борьбы с ними поддерживали и деятели ЛЕФа, и литературные конструктивисты. Ранее мы уже показывали, как Илья Сельвинский именовал А. Родченко «сусликом-евражкой, молящимся на восток», как Осип Брик пародировал полемику с конструктивистами в терминах «Пушторг» — евразийство в сценарии со знаковым названием «Наследник Чингисхана»[4]. Поэтому неудивительно, что в статьях 1923 года тот же Брик напрямую писал о художниках-эмигрантах, что они «усиленно спекулируют на этом «этноэстетическом» вкусе к русскому искусству и наперебой работают над изготовлением вещей «а ля рюс». В этом благородном соревновании сошлись все школы и направления. И Малявин, и Ларионов, Григорьев, и Богуславская», — подчеркивает он. (См.: Брик 1923а, С. 11). «Евразийской халтуре» следует противопоставить строительство нового искусства, обращенного к массам, воспевающе их, — таков вывод Брика»[5]. И, наконец, Илья Сельвинский

[4] *Л. К цис*. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2004. С. 419–438.

[5] *И. Сушилин , Ю. Шур*. Театральный процесс 1920-х — 1930-х годов в ре-

в «Пушторге» пародировал уже славянские и евразийские утопии Максимилиана Волошина[6], а Илья Зданевич в «Философии» 1929–1930 гг. пародировал и Коктебельского отшельника, и «Братство святой Софии», и евразийцев[7].

Но для этого надо читать и «Русистику сегодня», и ЛЕФовцев с конструктивистами, и даже «Philologica» с «Бриковскими сборниками», не говоря уже об интернет-канале «Мемориала» на youtube. И здесь сойдутся воедино и философия, и филология, и литературоведение, и биографии пострадавших от Советов интеллигентов. Всегда найдется уровень, на котором разрозненные сведения из разных областей науки сойдутся воедино. Обо всем этом и мы до поры до времени писали отдельно, но теперь немногие знаковые следы, проступающие время от времени и оставляемые коллегами без особого внимания, позволяют все более четко картографировать интеллектуальный ландшафт поздних 1920–1930-х и в СССР, и в эмиграции, и на свободе, и в застенках НКВД, снимая флер таинственности как со случайных, с виду, арестов и других переломов в судьбах лучших русских интеллектуалов, так и ощущение непреходящего безумия — со странных, с виду, действий карательных органов. Понятно, что полученные таким образом результаты никоим образом не меняют этическую оценку советского террора.

IV. ГАХН, П стерн к и Г бричевский в свете нед вних публик ций

Достаточно давно в мемуарных записях выдающегося композитора Николая Каретникова был приведен очень

цепции Осипа Брика// Бриковский сборник. II. М., 2014. С. 358. Цитируется статья: *О. Брик*. А ля рюс // Зрелища. 1923. № 22. С. 10–11.

6 *Л. К цис, М. Одесский*. Славянская взаимность. Модель и топика. Очерки. М., 2011.

7 *Л. К цис*. Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташов, о. Сергий Булгаков, А. Ф. Лосев и др.) // Исследования по истории русской мысли [10]. 2010–2011. М., 2012. С. 363–403.

резкий отзыв о романе Пастернака «Доктор Живаго». Он настолько не укладывается в традиционный подход к этому тексту, — и у ярых поклонников, далеких от советской власти, и у вполне советских людей, — что требует особого к себе отношения. Имя А. Г. Габричевского встречается в переписке Пастернака, Пастернак читал стихи в его доме и т. д. Вот этот текст:

Обид

Мнения А. Г. Габричевского о явлениях истории, искусства или об отдельных людях всегда обладали, несмотря на их краткость, удивительной полнотой, естественностью взгляда и всегда давали читателю или собеседнику возможность свободно размышлять далее. Он ничего никогда не навязывал (это при его-то огромном авторитете и уникальном человеческом обаянии) и всегда, я подчеркиваю, всегда бывал неуязвимо объективен. Поэтому я мгновенно насторожился, когда однажды разговор коснулся Б. Л. Пастернака и я услышал в словах и интонациях А. Г. нескрываемое пренебрежение. В это время Б. Л. был уже не просто великий русский поэт, но и национальный герой. Пренебрежительные ноты требовали объяснения, и я прямо спросил А. Г. о его отношении к Пастернаку.

— Пастернак — дачный поэт, — категорически заявил А. Г.

— Но почему?!!

— Разве ты не обратил внимания на то, что самые его лучшие стихи о том, как он едет на дачу или как он возвращается с дачи...

Эти стихи Пастернака действительно прекрасны, но ведь не важнее и не лучше всего остального. Слова А. Г. своей пристрастностью резко отличались от всего, что я когда-либо от него слышал. Он произнес их даже несколько агрессивно. Это было уж вовсе удивительно, и мне стало необходимым до конца выяснить, откуда такой гнев и пренебрежение. Я осторожно задал еще один-два вопроса.

— А этот его роман! Этот «Доктор Живаго»! Ты ведь знаешь меня, знаешь Гарри, ты видел у нас в доме многих лю-

дей моего поколения. Можешь ты представить себе, чтобы кто-нибудь из этих людей, или я, или Гарри вели бы себя таким вздорным образом, как этот пресловутый доктор Живаго?! А ведь это все о нас! Разве ты не понимаешь, что я, я сам — доктор Живаго!! Вздор какой!!
Он почти кричал...

Только что этот текст в очередной раз републикован в книге: Н. Каретников. Темы с вариациями. М., 2015. Упоминание «Гарри», т. е. героя стихотворения Пастернака же «Вам в дар баллада эта, Гарри...» Генриха Нейгауза, ближайшего друга Габричевского, заставляет отнестись к этому высказыванию не просто как к некоему срыву, свидетелем которого оказался молодой собеседник. Нам представляется, что дело здесь в совершенно конкретных высказываниях Пастернака в его романе о людях своего поколения, которые были не очень понятны тем, кто не участвовал в идейных и философских спорах советских 1920-х гг. Более того, в новейшей публикации «От составителя» в блоке «Эстетические дискуссии 1920-х годов: из истории ГАХН» Н. Плотников написал очень важные для понимания как высказывания Габричевского, так и невысказанного недоумения его собеседника слова: «Выжившие после чисток и репрессий члены Академии в течение всего советского времени старательно избегали каких-либо публичных воспоминаний о деятельности в ней, предпочитая публиковать свои научные разработки, начатые в Академии, без упоминания о месте их возникновения» (Новое литературное обозрение, 2015. № 134. С. 133). Чуть ниже, в статье Н. Плотникова и Н. Подземской «Искусство-знание: художественная теория в ГАХН как ответ на кризис культуры» возникает и интересующее нас имя: «Даже такие активные участники этой работы, как А. Габричевский, А. Лосев, А. Сидоров, нигде в советское время не высказывались о своей деятельности в Академии. Вследствие этого теоретический проект ГАХН оказался маргинализованным в научном созна-

нии XX века, что отразилось и на представлении о научных дискуссиях 1920-х годов, которое создавалось во второй половине столетия историками гуманитарных наук, фокусировавшими свои исторические реконструкции в основном на полемиках формалистов с социологами» (Там же. С. 137).

И здесь самое время процитировать «Доктора Живаго», и не просто так, а именно то его место, которое касается ГАХН. Вот оно:

> «Остается досказать немногосложную повесть Юрия Андреевича, восемь или девять последних лет его жизни перед смертью, в течение которых он все больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки и утрачивая писательские, на короткое время выходил из состояния угнетения и упадка, воодушевлялся, возвращался к деятельности и потом, после недолгой вспышки, снова впадал в затяжное безучастие к себе самому и ко всему на свете. (...) Доктор и Вася соединили свои усилия. Доктор писал маленькие книжки в один лист по самым различным вопросам, а Вася их печатал в училище в качестве засчитывавшихся ему экзаменационных работ. Книжки, выпуском в немного экземпляров, распространяли в новооткрытых букинистических магазинах, основанных общими знакомыми.
> Книжки содержали философию Юрия Андреевича, изложение его медицинских взглядов, его определения здоровья и нездоровья, мысли о трансформизме и эволюции, о личности как биологической основе организма, соображения Юрия Андреевича об истории и религии, близкие дядиным и Симушкиным, очерки пугачевских мест, где побывал доктор, стихи Юрия Андреевича и рассказы.
> Работы изложены были доступно, в разговорной форме, далекой, однако, от целей, которые ставят себе популяризаторы, потому что заключали в себе мнения спорные, произвольные, недостаточно проверенные, но всегда живые и оригинальные. Книжечки расходились. Любители их ценили.

> В то время все стало специальностью — стихотворчество, искусство художественного перевода, обо всем писали теоретические исследования, для всего создавали институты. Возникли разного рода Дворцы Мысли, Академии художественных идей. В половине этих дутых учреждений Юрий Андреевич состоял штатным доктором».

Если учесть, что названо всего два типа таких учреждений, то их «половина» как раз «Академия художественных идей», т.е. Государственная академия художественных наук. Состоял ли Пастернак «доктором» в этих учреждениях, мы точно не знаем. Знаем, например, о том, что однажды он был на заседании Теасекции «Подсекции автора» в марте 1924 года (Виолетта Гудкова. Кому мешали ученые, или как разгоняли Теасекцию ГАХН // Там же. С. 183). Следовательно, у автора «Доктора Живаго» были вполне конкретные личные впечатления о работе ГАХН. Однако, как показывают черновики романа, реальное мнение о деятельности ГАХН было у Пастернака еще резче. После слов «любители их ценили» следовало: «Грешили тогда не дилетантской широтой верхоглядства, а скорее обратным, превращением всякого вздора в особо разграниченную научную отрасль. Учения об искусстве и об обществе разбежались целым множеством выдуманных несуществующих разветвлений»[8].

Но даже и здесь еще можно было бы сказать, что, пусть и авторская, речь в романе не является реальным документом интеллектуальной истории, либо сказать, что это мнение Пастернака конца 1940-х — середины 1950-х гг. Этого, однако, не дает сделать сам роман, где несколько раньше автор высказался о ключевой проблеме искусствоведческого анализа формы: «...Искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно вла-

[8] *Б. П стерн к*. Полное собрание сочинений в 11 тт. Т. 4. М., 2004. С. 732.

деть всё живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования»[9].

Но в черновиках было опять же еще резче: «чего бы то ни было существующего, и, таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования. И преследование меткости и сходства его собственной формы с формой изображаемой, преисполняло его автора, пишущего, Юрия Андреевича тем же счастьем существования. Но странно, если бы надо было подыскать нечто похожее, соответствующее этому вне искусства, равнодействующая ему нашлась бы в поведении самоубийцы, который в неистовстве страдания колотится головой о стену каменной лестницы, а потом кладет конец этой муке прыжком на дно многоярусного пролета»[10].

Чего здесь только нет из того, о чем говорим здесь: и «не читки требует с актера, а полной гибели, всерьез», и все это в сочетании с психологией «автора», и отголоски «Охранной грамоты» вкупе с «Историей одной контроктавы», и даже отголоски «внутренней формы»...

Но вот реальные слова Г. Г. Шпета: «Поэтика есть дисциплина техническая. (...) Поэтика должна быть учением о чувственных и внутренних формах (поэтического) слова (языка), независимо от того, эстетичны они или нет. (...) Предметы поэтики — мотивы, сюжеты — должны иметь свое материальное оправдание и заполнение, свой смысл и содержание, как и предметы науки». Разумеется, такой подход к «Искусству как виду знания», постулируемый Шпетом в ГАХНе, для Пастернака и Юрия Андреевича просто не существует (цит. по: Микела Вендитти. Философские основания литературоведения в ГАХН // Там же. С. 161)[11].

---

9 Там же. С. 452.

10 Там же. С. 727.

11 Ср. иную точку зрения: *Анн Х н.* Борис Пастернак и Густав Шпет: лингво-философский аспект сопоставления // Творческое наследие Густа-

Теперь, как кажется, нам становится ясна причина возмущения Габричевского Пастернаком и его романом: в мертвой тишине советской ночи, в самом начале оттепели и под фанфары Нобелевской церемонии в сочетании с отзвуками не пригодившихся для Пастернака кандалов о неназываемом ГАХНе прозвучали слова, на которые ответить было тогда невозможно. Оставалось лишь высказаться так, как это сделал А. Г. Габричевский. И очень важно, что эти непонятные и неожиданные с виду слова вдруг зазвучали на фоне сегодняшних исследований наследия ГАХНа, с одной стороны, и специфических условий присуждения Пастернаку Нобелевской премии за «Доктора Живаго» — с другой.

ва Густавовича Шпета в контексте проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект) // Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения. Томск, 2003. С. 340–369.

М. А. Колеров

Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Струве, Розанов, Котляревский, Флоровский, Бердяев, журнал «Скифы», ГАХН

1. Письма Булгакова к Ремизову о журнале «Вопросы Жизни»
2. Письмо Булгакова к Петру Савицкому
3. Частные свидетельства Булгакова о марксизме и Плеханове
4. Коммунизм, национализм и Иуда Искариот о. С. Булгакова
5. Пётр Струве и Леонид Андреев
6. «Русская Мысль» Струве: репутация
7. Программа издательства «Русская Мысль» (1923)
8. Исторические планы семьи Струве в 1917 и 1920 гг.
9. К генетике «листьев» В. В. Розанова
10. Розанов и Е. Н. Трубецкой
11. «Памятник» Розанова. Дополнение
12. Инскрипт С. А. Котляревского
13. Инскрипт Г. В. Флоровского
14. Первый след книги Бердяева «Миросозерцание Достоевского»
15. Проект журнала «Скифы» (1921)
16. Проект журнала «Литературная Москва» (1922)
17. «Пастернак» из круга ГАХН

1. Письма Булгакова к Ремизову о журнале «Вопросы Жизни»[1]

В петербургском недолговечном толстом «партийном» ежемесячном журнале «идеалистического направления» в освободительном движении, а более всего — в столичном личном органе киевлян С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева «Вопросы Жизни» 1905 года, история и содержание которого давно и хорошо описаны в литературе[2], А. М. Ремизов с 1 февраля 1905 года был управляющим конторой редакции, что не только возлагало на него бремя организации хозяйственной деятельности журнала и дало возможность начать публикацию своего дебютного романа «Пруд», но и иногда позволяло успешно лоббировать интересы близкого ему Льва Шестова, откликаясь на его сочинения[3]. При этом Шестов до и без того был лично известен Бердяеву и Булгакову по Киеву ещё в качестве некогда квалифицированного политикоэкономома. Важно было и то, что Бердяев, знакомый Ремизова по совместной вологодской ссылке начала 1900-х гг., обеспечил ему возможность бедной, но столичной жизни и потому — литературного старта.

---

1 Булгаков — Ремизову // ОР РНБ. Ф. 634. Оп.1. № 68. Л.1–8.

2 См., например: *М. А. Колеров*. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996; *М. К.* «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Новый Путь (1904) / Вопросы Жизни (1905); Народ (1906); Полярная Звезда (1905–1906) / Свобода и Культура (1906); Живая Жизнь (1907–1908). Росписи содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

3 Впервые письма Шестова к Ремизову из собрания ОР РНБ довелось опубликовать мне: *М. А. Колеров*. Неопубликованные письма Льва Шестова [к А. М. Ремизову 1905–1906 гг.] // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. Сб. М., 1990. Ныне они фундаментально представлены в публикации: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Публ. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература: СПб., 1992. № 2–4; СПб., 1993. № 1, 3, 4. См. особенно все 16 писем Шестова к Ремизову за 1905 год: 1992. № 2. С. 135–156; № 3. С. 158–161.

Фактический владелец журнала — известный благотворитель и издатель философской литературы Д. Е. Жуковский в дни издания журнала оставался и активным деятелем подпольного оппозиционного социал-либерального «Союза Освобождения», спонсором его политического органа журнала «Освобождение», выходившего под редакцией П. Б. Струве. Булгаков и Бердяев состояли учредителями и видными членами этого союза, вскоре, после Манифеста 17 октября 1905 года, превратившегося в полноценную лево-либеральную конституционно-демократическую «Партию народной свободы», для участия в которой Булгаков и Бердяев оказались слишком левыми (Булгаков сотрудничал с партией лишь в Государственной думе), да и собственные их планы лежали в области революционной христианской политики, в целом чуждой либералам.

Нарастающая после «кровавого воскресения» 9 января 1905 года революционная борьба не только поглощала материальные средства Д. Е. Жуковского, потенциально принадлежавшие проекту такого легального и остро преследуемого цензурой «толстого» журнала, как «Вопросы Жизни» как политико-философского органа широкой антисамодержавной оппозиции, но делала и без того не очень влиятельный журнал жертвой растущей свободы ежедневной газетной печати. Письма Булгакова ярко отражают эту сторону общественной борьбы «идеалистов», вскоре отодвинутых из первых рядов идейно-политического внимания и влияния (особенно Булгакова) на второй и третий план, изнутри которого они начали своё новое, уже преобладающе философское восхождение.

1) [На бланке журнала]

Саперный, 10.
24 апреля [1905]. Киев.

Дорогой Алексей Михайлович! Честь имею сообщить в департамент внутр<енних> дел и финансов следующее:

1) Ваше опоздание с присылкой накладной (пришедшей *позже* книг) имело то последствие, что книги благод<аря>

праздничному времени могли быть получены с вокзала только *20 преля*, мартовская книжка! Побили рекорд, пожальтесь на себя хозяину. Начиная с апрельской кн. накладную *н предъявителя* на *Киев I* отправляйте прямо в книжный магазин С. А. Иванова на Фундуклеевской (Ел. Ив. [Булгакова][4] в мае уезжает).

2) Хозяину выразите мое удивление, что он со мной не делился своими парижскими «личными впечатлениями», относящимися к «тайным парижским притонам»[5]. Не пострадает ли добродетель наших читателей от этих личных «впечатлений». Вот так хозяин!

3) С Ник. Ал. [Бердяевым] возвращаю рукопись Гайдебурова[6] к возврату (он возобновляет ходатайство о высылке ему журнала, я г<ово>рил о нем с Н. Ал.). Статья Войтинского принята[7], но подлежит переделкам. Пусть пока лежит в запасе до востребования автором или мною. Она вообще для летних книжек.

4) Я забыл попросить Н. Ал. о том, чтобы он дал мне на этот месяц немедленно (возвращу при приезде в Пет<ербург>), второй том Леонтьева[8] (где о Достоевском). Если дает, о чем его я прошу слезно, ибо он необходим мне для очередной статьи о Соловьеве[9], то пошлите из конторы немед-

---

4 Елена Ивановна Булгакова (Токмакова) — супруга С. Н. Булгакова.

5 Имеется в виду пребывание Дмитрия Евгеньевича Жуковского (1868–1943) в Париже и его общение с политическим эмигрантом П. Б. Струве, где он в 1905 году издавал и редактировал журнал-газету «Освобождение».

6 Павел Павлович Гайдербуров (1877–1960) — театральный деятель.

7 *Вл. Войтинский*. Этическое начало в хозяйственной жизни // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 9. Сентябрь; [№ 10/11]. Октябрь — Ноябрь. См. также: *В. В-ский*. Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу с примечаниями и предисловием Меринга... // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 8. Август. Владимир Савельевич Войтинский (1885–1960) — экономист, в описываемые годы — большевик.

8 См.: *Н. Бердяев*. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 7. Июль.

9 В полученном Булгаковым в Киеве мартовском номере журнала была опубликована статья: *С. Булг ков*. Без плана: О пути Соловьёва. Ответ

ленно (прощу Вам за это запоздание мартовской книжки). Если же не даст, то пусть укажет где купил, и в таком случае прошу редакцию купить мне и выслать.

5) Просим, я и Ел. Ив., о высылке романа Мережковского[10], к<ото>рый уже появился в Киевских магазинах. Это уже у хозяина.

Поздравляю Вас и Сер. Павл.[11] с праздниками, Елена Иванов<на> вас приветствует.

Шестов от редактирования экономического отдела отказывается. На этот месяц я задал работу типографии и С. П., — никогда еще грязнее рукописи у меня не было, и, главное, я не буду иметь возможность сам корректировать, ибо приеду не в начале, а в конце мая. Передайте о том автору личных впечатлений — нашему хозяину.

Vale

С. Б.

кн. Е. Н. Трубецкому // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 3. См. также: *С. Булг ков*. Без плана: (...) II. По поводу выхода в свет шестого тома собрания сочинений В. С. Соловьёва // Там же. № 2. Февраль. Новая специальная статья С. Н. Булгакова о В. С. Соловьёве, несмотря на упоминания о нём ad hoc, в журнале более не появилась.

10 Роман Дмитрия Сергеевича Мережковского по частям публиковался в течение 1904 года в журнале «Новый Путь», когда он выходил под его редакцией, и в последние месяцы того же года, когда журнал уже перешёл в руки Булгакова и Бердяева. Окончание романа было уже опубликовано в журнале-продолжении «Нового Пути» — «Вопросах Жизни» (Январь 1905) в качестве исполнения обязательств перед подписчиками. «Начиная с No. 2 редакция «Вопросов Жизни» помещала в журнале следующее объявление: «Подписчики «Вопросов Жизни», не имеющие начала романа Д. Мережковского «Петр и Алексей», получат бесплатно эту книгу в изящном издании Пирожкова; причем годовым подписчикам она будет разослана в первом полугодии, а лицам, подписавшимся в рассрочку, в последней четверти года». А на обложке № 4/5 сообщалось: “При этом номере всем годовым платным подписчикам рассылается роман Д. Мережковского Петр”» (Русская литература. 1992. № 2. С.143, прим. 8).

11 Серафима Павловна Ремизова-Довгелло — супруга А. М. Ремизова.

А Каспрович[12] интересен, Филоктет[13] же скорбен главой, хотя и добродетелен. Посылаю с Н. Ал. еще Post-scriptum (второй) к статье Гензеля к<ото>рый д<олже>н быть в конце его статьи[14].

Передайте хозяину, чтобы он побывал в Гл. Упр. по д. печ. справиться о перемене редактора, ведь, пора же отпустить Лосского[15].

Г. Ив. [Чулкову][16] передайте, что статью о стихах Соловьева я напишу в май[17]. Еще раз прошу его выслать мне в корректуре статью Карташева[18]. Напишу ему завтра.

2) [открытка]

27. V.05. Ливны

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю статью Клочкова[19] «О народной воле» к возврату, это статья — «для самообразования». Автору можно написать, что мы обеспечены статьями по крест. вопросу от постоянных сотрудников и нет места. Если скоро бу-

---

12 *Ян К спрович*. Святый Боже, святый крепкий… Поэма // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 3. Март.

13 *Андре Жид*. Филоктет, или трактат о трёх добродетелях. Пер. А. М. Ремизова // Там же.

14 См.: *П. Гензель*. Развитие русского государственного кредита за последние полвека // Там же. [№ 4/5]. Апрель — Май; № 6. Июнь. Павел Петрович Гензель (1878–1949) — экономист.

15 Николай Онуфриевич Лосский был титульным редактором журнала в качестве единственного политически благонадёжного из круга его руководителей.

16 Георгий Иванович Чулков в редакции журнала возглавлял литературный отдел.

17 См.: *С. Булг ков*. Без плана: Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьёва… // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 6. Июнь (о статье: Георгий Чулков. Поэзия Владимира Соловьёва // Там же. [№ 4/5]. Апрель — Май.

18 *Ур льский [А. В. К рт шёв]*. Религиозно-общественная хроника // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 3. Март. Антон Владимирович Карташёв (1875–1960).

19 Лицо не установлено.

дет набираться статья Розанова[20], то пришлите мне коррект<орский> оттиск. Всю корреспонденцию следует теперь адресовать в *Крым — Ст нция Кореиз*. Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо, оно меня потрясло тогда и я сохраню его как живую память о великом и страшном. Привет С. П. — Ел. Ив. кланяется обоим. Весь Ваш С. Б.

3) [Штемпель: Кореиз, 11 июля 1905]
Дорогой Алексей Михайлович! Проф. М. Э. Здзеховский[21] в письме ко мне, сюда пересланном[22], просит посылать ему 7 и 8 номера «В. Ж.» не в Краков, но в Минскую губ., почт. ст. Раков. Пожалуйста распорядитесь об этом в конторе. Вы, вероятно, видели его статейку о «В. Ж.»[23]. Он просит, чтобы на нее как-нибудь мы отозвались. Не возьметесь ли Вы составить в культурную хронику заметку о ней, как знающий польский язык. Если да, я немедленно Вам перешлю ее. Поклон С. П. Не знаете ли, как обстоит [дело] с статьей Могилянского об Огареве?[24] Он спрашивает. Ваш С. Б.

4) [Штемпель: Киев, 13 сентября 1905]
Дорогой Алексей Михайлович!
Номер «Бог<ословского> В<естника>» я оставил в Крыму и отыскать его трудно, если только возможно. Вы достанете у А. В. Карташева. Эта статья представляет неинтересный,

[20] Статья не установлена.

[21] Мариан Эдмундович Здзеховский (1861–1938) — польский историк, русист и славист.

[22] Обратную сторону переписки см. в публикации: *И. В. Воронцов* . «Вселенскость есть высшая точка, к которой должны мы стремиться»: Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому (1905–1906) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том XIII. М., 2012.

[23] Статья М. Э. Здзеховского о «Вопросах Жизни» не установлена.

[24] См.: *Мих ил Могилянский*. Н. П. Огарёв. Стихотворения. Под ред. М. О. Гершензона... // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 9. Сентябрь. Михаил Михайлович Могилянский (1873–1942) — марксист и социал-демократ.

совершенно специальный анализ, гл. обр. филологический. Д. Е. [Жуковский] уже успокоен, я показал ему Ваше письмо. Поклон С. П. — Е. И. еще не приехала.
Ваш С. Бул.

5)
Добрейший Алексей Михайлович!
Я откладываю свой отъезд до завтра и об этом прошу сообщить всем, до меня дело имеющим, в частности А. С. Глинке[25]. Завтра я с утра водворяюсь в редакцию и проведу там целый день. Книг моих до завтра прошу не запаковывать (как просил вчера). Если будет письмо, перешлите с Д. Евг. В течение нынешнего дня, вероятно, в редакции не буду.
Вашего преподобия покорный слуга С. Бул.

6) [Штемпель: Киев, 31 января 1906]
Дорогой Алексей Михайлович! Пришлите мне пожалуйста корректуру второй половины статьи о Фейербахе[26], если можно (лучше исправленной). Выйдет ли дек<абрьская> книжка[27]? Иначе надо сделать об этом заявление в газетах, п. ч. молча сделать это нельзя.
Ваш С. Б.

---

[25] Александр Сергеевич Глинка (псевд.: Волжский, 1878–1940).

[26] *С. Булг ков*. Религия человекобожества у Л. Фейербаха [Окончание] // Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 12. Декабрь.

[27] Декабрьский выпуск, № 12 журнала вышел уже после его прекращения, в феврале 1906 года, в втрое сокращённом объёме, для погашения долгов перед подписчиками. Не сразу издатель погасил и свои денежные долги перед сотрудниками: в декабре 1905 года Ремизов просил в долг у жены В. В. Розанова, отдать который обещал из ожидаемых, но задержанных 200 рублях от Д. Е. Жуковского: Proscriptum к «Кукхе»: письма Ремизовых к Розановым (1905–1908)/Публ. Е. Р. Обатниной // Русская литература. СПб., 2009. № 2.

2. Письмо Булгакова к Петру Савицкому

Известно и описано в литературе, что, когда Пётр Струве решил издать сборник в честь 35-летия своей литературной деятельности, он попросил своего бывшего ученика и бывшего близкого сотрудника, уже отвергнутого учителем за евразийство, П. Н. Савицкого, выступить организатором, редактором и формальным составителем этого сборника[28]. В 1924 году Савицкий, злоупотребляя своим положением формального составителя и решив, что, став в эмиграции верующим православным[29] и издав евразийский сборник «Россия и Латинство», вмешавшийся в православно-католическую схизму[30], уже достаточно проник в догматическую сторону православия, вступил в резкий

[28] Сборник статей, посвящённых Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890—30 января —1925. Прага, 1925.

[29] Такая же метаморфоза произошла и с самим Струве: в одной из записных книжек начала 1920-х годов Струве неуверенной рукой, пытаясь, видимо, впервые в жизни использовать на письме титло, обозначающее сокращение в церковно-славянском языке, вывел для памяти: «акафист престаꙧ Бцы». Известный деятель второго поколения русской политической эмиграции, в молодости левый, историк М. М. Карпович вспоминал: «Струве в эмиграции стал практикующим православным. И я помню, в каком шоке был один из представителей прежней радикальной позитивистской русской интеллигенции, который рассказал мне в Праге в начале 1930-х гг. что недавно они видели непристойное зрелище: на каком-то собрании Струве подошёл за благословением к Булгакову...» (*М. М. К рпович*. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) [1947–1955] / Пер с англ.. М., 2012. С. 249).

[30] Испытывавший в эти годы прокатолические симпатии Г. Н. Трубецкой так отозвался на этот сборник в письме к Струве 30 июля 1923: «Весьма странно, что такой неофит в области Церкви, как Ваш Wunderkind Савицкий является каким-то лидером по этой части. (...) Все они очень еще зелены, даже не по годам, и наивно открывают Америки, повторяя забытые парадоксы Леонтьева и Данилевского. Их эрудиция представляет довольно легкий багаж в религиозной и церковной областях» (ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 125. Л. 13 об.).

спор с С. Н. Булгаковым, обвиняя его в том, что в своей статье, присланной для сборника в честь Струве[31], Булгаков догматически исказил православие и придал ему «эротический» оттенок. Поучения Савицкого, разумеется, не могли не вызвать сдержанного отвращения у Булгакова[32].

Выработанное таким образом отношение Булгакова к Савицкому ярко проявилось в финале их общего дела, на юбилейном семинаре в честь Струве, который был приурочен к выходу в свет юбилейного сборника. Именуя *Петр Никол евич* Савицкого *Петром Алекс ндровичем*, Булгаков пишет ему отказ от участия в мероприятии (хранится в фонде П. Н. Савицкого в ГАРФ):

> +
>
> 19.II./3. III.1925. Прага
>
> Дорогой Пётр Александрович!
>
> Не имея возможности присутствовать на сегодняшнем юбилейном приветствии моего дорогого и уважаемого друга, с которым мы прожили рука об руку около 30 лет, я прошу Вас принести приветствия и благожелания П. Б. Струве.
>
> Да благословит Господь его ещё на долгие труды!
>
> Всех участников семинара поздравляю с юбиляром.
>
> Искренно Ваш прот. С. Булгаков.

3. Частные свидетельства Булгакова о марксизме и Плеханове

В 1920-е и в начале 1930-х годов Институт Ленина, партийные и революционные архивы в СССР вели активную деятельность по розыску, приобретению, комментирова-

---

31 *С. Булг ков*. Испостась и ипостасность // Сборник статей, посвящённых Петру Бернгардовичу Струве...

32 См. об этом: *М. А. Колеров*. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. М., 1994. № 10.

нию и изданию своих документов, не останавливаясь перед перепиской и непосредственными контактами с представителями политической, в частности — антисоветской, эмиграции, эмиграции. Апеллируя к своим прежним личным связям и знакомствам, от имени «Дома Плеханова» (в котором были собраны архив и библиотека Г. В. Плеханова, 1856–1918) в Ленинграде[33] в качестве его заведующего (1928–1939) такую переписку вела его вдова — Розалия Марковна Плеханова (урожд. Боград, 1856–1949). В частности, с известным марксистом 1890-х гг. С. Н. Булгаковым. Известен факт переписки Булгакова с Плехановым[34], известно, что Булгаков познакомил с Плехановым, например, М. О. Гершензона[35], известно, что в ходе своих служебных разысканий и публикаций о Плеханове к Булгакову обратилась его вдова. Он отвечал ей:

> «*11. V. 1930. 93 rue de Crimée Paris XIX.*
> Многоуважаемая м-ме Плеханова! (Розалия?)
> В ответ на Ваше письмо имею сообщить, что действительно, в 1898 и, м. б., в 1899 г. в бытность заграницей я имел некоторую переписку с Вашим покойным мужем и провел у Вас в Женеве, если Вы помните, один день, кажется, летом 1899 г. Мои отношения с ним возникли на почве его участия в журнале Новое Слово, которого представителем заграни-

33 Ныне — это подразделение Отдела рукописей Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге — Архив Дома Плеханова (АДП РНБ).

34 Письма Булгакова к Плеханову 1898–1899 гг. опубликованы в: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883–1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 241–247.

35 См.: *М. А. Колеров*. В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене (1897–1925) // Неизвестная Россия: XX век. Вып. 2. М.: Историческое наследие, 1992; *М. Колеров*. Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

цей я фактически являлся, согласно поручения П. Б. Струве. Я пересылал его рукописи в Россию, а ему гонорары, причем это посредничество вызывалось условиями конспирации. Ни одного из писем Г. В. Плеханова ко мне не сохранилось, п<отому> ч<то> я должен был их все уничтожить пред возвращением в Россию, опять-таки по условиям конспирации. Подробно содержания их не помню. Кроме текущих вопросов практического характера, я помню наличие едких его суждений относ<ительно> «ортодоксального марксизма» («Искры» Ленина[36] и пр.), несочувственные отзывы по поводу моей склонности к философскому критицизму и, наконец, чрезвычайно лестную оценку моего значения в настоящем и будущем русского марксизма (!). О последнем я иногда вспоминаю в разговоре с близкими. Я, разумеется, не могу притязать теперь на распоряжение этими письмами, но вся эта марксистская идеология для меня давно уже и столь бесповоротно умерла, что сам я не мог бы принять никакого активного участия в этом издании[37], и поэтому я предпочитаю, чтобы дело это велось помимо моего прямого вмешательства, даже в смысле присылки мне писем для комментария и примечаний. Но, разумеется, Вам лично я готов дать ответ на те вопросы, которые у Вас возникнут в виде справки по тому или другому частному факту. Я не предполагаю, чтобы там нашлись для меня факты, к<ото>рые бы я хотел теперь скрыть. Готовый к услугам прот. С. Булгаков»[38].

Р. М. Плеханова воспользовалась согласием Булгакова и обратилась к нему с рядом вопросов, на что получила ответы в его письме от 12 июня 1930 года, которые сохрани-

[36] Ошибка памяти Булгакова: газета «Искра» начала выходить в свет только в декабре 1900 года.

[37] «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

[38] Впервые опубликовано в: *С. Н. Булг ков*. Письма [к В. В. Розанову и Р. М. Плехановой] / Публ. М. А. Колерова // Логос. № 2. М., 1991. С. 236–237.

лись в «Архиве Дома Плеханова». Вот эти ответы с прибавлением к ним предположительно заданных вопросов[39]:

> 1. [Были ли вы посредником между легальными марксистскими журналами, издававшимися в России и Плехановым как их автором?] — «Я ясно помню, что не был посредником между Г. В. и редакцией Научного Обозрения или других журналов, кроме Нового Слова и сменившего его Начала».
> 2. [Сколько раз и где вы виделись с Плехановым?] — «Я виделся с Г. В. и с Вами единственный раз в Женеве (на rue de Candolle), где провёл целый день. В этот же приезд в Швейцарию я познакомился с В. И. Засулич».
> 3. [Присутствовали ли вы на защите докторской диссертации М. И. Туган-Барановского?] — «Диспут Туган-Барановского (защита докторской диссертации «Русская фабрика») проходил в Московском университете, но во время моего пребывания заграницей. Знаю только, что там выступал с пламенными и, быть может, преувеличенными похвалами П. Б. Струве».
> 4. [Какую позицию в полемике «критических марксистов» с «ортодоксальными» занимал журнал «Жизнь», страницы которого были открыты для «критиков»?] — «“Жизнь” была молодой журнал без яркой теоретической окраски...».
> 5. [Какую роль вы играли в марксистском издательстве М. И. Водовозовой в 1890-е гг.?] — «В издательстве М. И. Водовозовой (...) я принимал редакционное участие».
> 6. [Каковы были ваши отношения с Плехановым?] — «Что касается моих отношений с Г. В., то они вытекали, как я уже Вам писал, из того, что я был посредником между ним и русской журналистикой по своей положению и, кроме того, мы были в одном литературном лагере так называемого «марксизма». Это в известной степени закреплялось и лично благожелательными тогда отношениями, которые однако совершенно прекратились с моего возвра-

[39] АДП РНБ. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 105.

щения в Россию и никогда больше не возобновлялись. Это проистекает не только из того, что я уже с того времени стал двигаться в направлении «от марксизма к идеализму» и далее, но и потому, что даже и в лучшие времена, при всем моём тогдашнем признании литературного дарования Г. В., мы не были, как говорится, конгениальны. Ему нравилось во мне «ортодоксальный» марксистский этюд «О рынках при капиталистическом производстве» и публицистические статьи в журналах, — кажется, за это он и приветствовал во мне надежду русского марксизма. Но мы тогда уже расходились на почве философии, — я тогда был близок к Канту, которого он не ценил (и всё спрашивал меня, в чём я нахожу его правоту), а я не разделял его материалистической философии. Мне трудно также было примиряться с резкостью его полемики, хотя с известным усилием над собой тогда я это ещё делал. Вообще я считал своим долгом оказывать ему всяческую возможную помощь, уже в виду разницы наших положений (легального и не легального, эмигрантского).

Вторым предметом нашего разногласия, наметившегося уже в письмах, было различное отношение к «ревизионизму», связанному с именем Бернштейна и др. (тогда Conrad Schmidt, Vollmar и пр.). Г. В. стал защищать и в резкой, по обычаю, форме марксистскую ортодоксию (которую, к слову сказать, он очень порицал в русских марксистах и, как я писал Вам, в частности, в Ленине с *Искрой*, его травившей). Я же, не защищая лично Бернштейна, всё более и более, как тогда говорилось, «линял», настолько, что моя статья «Без плана» с заграничными впечатлениями не была принята в *Н ч ле* (несмотря на моё положение в редакции и сравнительную с эмиграцией её терпимость). К этому ещё присоединилось то, что итоги моей работы о капиталистическом развитии земледелия оказались настолько неблагоприятны для марксизма, что мне пришлось опровергнуть схему концентрации земледельческого производства и доказывать нечто совершенно иное. Это было выражено

в книге «Капитализм и земледелие», 2 тома, 1900, а раньше ещё в русских статьях в *Н ч ле* и в обширной немецкой рецензии на книгу Каутского «Agrarfrage» в Braun's Archiv für Socialwissenschaft und Sozialpolitik (1899). Одним словом, я возвратился из-за границы уже с разложившимся марксизмом, который оказался для меня кратковременной болезнью юности и переходной стадией на моём окружном пути к совершенно иному. Религиозному мировоззрению, вследствие чего я в отношении к марксистскому материализму мог занимать только позицию борьбы, а для себя лично — полного отсутствия к нему всякого интереса. Поэтому наши отношения с Г. В. естественно не возобновлялись. Но я знаю, что нелегко дались новейшие времена, потому что, кроме своего марксизма, он был ещё и культурный человек и, думаю даже, и патриот в лучшем смысле слова (я помню, что ещё во время пребывания в Женеве я заметил его любовь к русской литературе и знание её)».

4. Коммунизм, национализм и Иуда Искариот о. С. Булгакова

Круг «христианских социалистов» (С. Н. Булгакова и «Христианского Братства Борьбы», ХББ) в 1905–1906 гг. иной раз называл себя «христианскими коммунистами». Коммунистический образ Грядущего Града[40] был актуализирован в России на рубеже XIX и XX веков не только примерами учений и борьбы католических социалистов и католических революционеров, но и традицией исто-

[40] Другим, столь же интенсивно представленным в русской культуре, полем для применения ценностей послеисторического Града к исторической социальности стал опыт русского старообрядчества, широко использованный антиабсолютистской и антикапиталистической оппозицией, и в интегральном литературно-художественном и мифологическом образе явленный в Граде Китеже, в альтернативном историческом мире, «ушедшем» от зла мира сего в ожидании Града Грядущего.

ризации земной жизни Иисуса Христа, прямо связывающей поиски социального идеала с образцом первохристианского коммунизма (см. издание ХББ — «Взыскующим Града»). Образ Града Грядущего внятно присутствовал и в идейном строе марксистского коммунизма: вселенскому евангельскому «**Не им мы бо зде гр д пребыв ющ** , но грядущего взыскуем» (Евр.13:14) прямо соответствовало интернациональное в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848): «коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. **Р бочие не имеют отечеств** . У них нельзя отнять то, чего у них нет».

За плечами Булгакова стоял личный опыт десятилетней практической работы в социал-демократии и идейное творчество в материалистически-позитивистском варианте марксизма, именовавшегося «экономическим материализмом», и, главное — опыт соединения коммунистической революционности, связанной с мессианской идеей национального освобождения в начале 1900-х. К этому поздний о. С. Булгаков вернулся в этюде «Иуда-Искариот — апостол-предатель»[41], где проблема революционной и коммунистической борьбы за царство земное — против царства небесного была обнажена со всей автобиографической силой, глубиной и искренностью Булгакова-мыслителя. Он развернул здесь ёмкую картину того, что Булгаков сам пережил в 1900–1905 гг. Вот как описывает это Булгаков в судьбе Иуды:

> «Одновременно со Христом на земле рождается Иуда. Кто он? Что можем мы узнать о нем из Евангелий? (...) Как горожанин, с «пролетарской» психологией, Иуда яв-

[41] Прот. С. Булгаков. Иуда Искариот Апостол-Предатель. Часть первая (историческая) // Путь. № 26. Февраль 1931; прот. С. Булгаков. Иуда Искариот — Апостол-Предатель. Часть вторая (догматическая) // Путь. № 27. Апрель 1931.

ляется чужаком среди простодушных детей природы, несущих в своих душах лазурь Галилейского озера, красу галилейских цветов и мерцание звездного неба. В нем рано пробуждена мысль, работающая упорно и однодумно, мечта, граничащая с навязчивой идеей, о царстве Израиля, которое и есть в глазах ревнителей (Зилотов) царство Божие, начинаемое мессией здесь на земле. Его душа горит мессианской ревностью и болит национальной скорбью. Он знает также силу и власть денег. Зрелище народной нищеты и угнетения делают его революционером, может быть, толкают его на путь политического террора, но вместе и «экономическим материалистом» в его мессианском социализме. (...) он иудейский мессианист, как многие вокруг его, революционер, мессианский марксист, «большевик». Город лишил его поэзии души, но он пробудил в нем острую протестующую мысль. Однако, он страдает именно от своего ума, которым не может утишиться его сердце, ждущее и жаждущее любви, и он изнемогает в этом противоречии. (...) среди других апостолов, мирных поселян и рыбарей, имевших среди себя лишь одного бывшего мытаря, он являлся горожанином-революционером по преимуществу. (...) Иуда, когда был призван, видимо, был умственно старше и зрелее других апостолов. Он имел уже собственное революционно-мессианское миросозерцание и, может быть, свою собственную политическую («революционную») работу. Ему была чужда непосредственность и нетронутость детей природы, галилейских рыбаков, и он отличался также и от Матфия — Левия, мытаря, который ради мзды совершал измену своему народу. (...) Иуда не был честолюбцем, скорее он был человеком идеи, готовый к жертвам ради нее. (...) Но что будет, если мерилом для совершенного Человека служит местный ограниченный идеал национального мессианизма, по которому Иуда мерил своего Учителя? Он возлюбил в Нем не только Его самого, но связал эту любовь с своей призрачной мечтой, которая тем больше заслоняла от него Учителя, чем распа-

леннее становилась его ревность о Нем. Он любил в Нем будущего мессию, который откроет царство Израилю. В личную любовь к Нему он вложил и весь свой национальный фанатизм, свой идеал, для которого он жил. Он видел Его в свете этого идеала, этих революционно-апокалиптических устремлений и в таком лишь смысле принимал дело Его...»

«Дневник духовный» Булгакова за несколько лет до непосредственного написания очерка об Иуде не только даёт свидетельства дополнительных автобиографических переживаний образа Иуды, но и открывает важный момент, так сказать, двукратного обращения Булгакова к вере, двукратного переживания им столь известной его близким «генеральской» гордыни общественно-политической активности. Если первое изживание этой хорошо известной «гордыни», явленной в атеистическом марксизме, на рубеже 1902 года Булгаков претворил в своём «идеализме» и «христианском социализме» национально-освободительного радикализма (до 1907 года), то «Дневник» обнаруживает, что вторым, не столь заметным для апологетики, пиком политической гордыни сам Булгаков воспринимал 1908–1909 гг., когда на волне проповеди «Вехи» прямо перешёл к глухо звучащей в его переписке «националистической политике», которая внешне отразилась в малоизвестных контактах Булгакова и Струве с русской национальной буржуазией круга В. П. Рябушинского, призванных сформулировать для неё тот же проект национального освобождения (что отразилось в ряде текстов Булгакова о национализме), что и после «Проблем идеализма» (1902). Именно этот, второй, всплеск «гордыни» сам Булгаков локализует в прямой, непосредственной хронологической связи со смертью своего сына Ивана (Ивашека) трёх с половиной лет, последовавшей 27 августа 1909 года. Вот что свидетельствует «Дневник» в записи от 30 января / 12 февраля 1925 года:

> «Был долог путь, но Отец меня встретил, обнял и привёл, дал мне пир веры. И началась моя жизнь у Отца, но, Боже милосердный, каким она была оскорблением этого дома. Я принёс и удержал все дурные навыки блудного своего жития, всю честолюбивую гордость, всю неукрощённость воображения и страстей. И я снова начал сочинять себя и надмеваться собою, и голос истинного покаяния стихал в моём сердце. Тогда Ты вразумил меня испытанием, горем»[42].

И здесь же рядом — утверждение о неизбежности предательства Иуды как неизбежности капитуляции перед своими искушениями и собственной гордыней, перспективу которых Булгаков видит в победе большевистской революции 1917 года — в записи от 22 декабря 1924 / 5 января 1925:

> «Надо знать эту человеческую немощь, чтобы не соблазняться ею и в эту Гефсиманскую ночь, которая ныне опустилась над нашей родиной. (...) Почему и зачем были ввергнуты апостолы в это искушение, от которого остерегал, зовя к молитве, Господь (молитесь, да не внидите во искушение)? Господь хотел явить *немощь* даже тех, кого Он избрал для Своего дела от всех людей, кто благодатию Божиею обрел в себе силы служить Ему. Здесь обличается всякая люциферическая гордость в человеке. *Нет и не может быть* человека, который бы был непобедим для искушений и испытаний, для силы греха...»[43]

[42] *Прот. Сергий Булг ков*. Дневник духовный/Отв. за выпуск Д. Лисицын. М., 2003. С. 129.

[43] Там же. С. 110–111. Прецедент превращения истории Иуды в историю общественного человека дал, например, актуальный для времени и круга Булгакова Э. Ренан, толкуя Иуду как «заведующего кассой общины», «жадного казначея», в душе которого «администратор убил апостола» (*Э. Рен н*. Жизнь Иисуса [1863], СПб., 1911. С. 183, 188–189). Но к булгаковскому образу Иуды ближе очерк современного марксиста, который, в частности, пишет: «Возможно, Иуда предал Христа потому, что считал его этаким «Лениным», и был ужасно разочарован, по-

5. Пётр Струве и Леонид Андреев

Пётр Струве, несмотря на свои вполне свободные эстетические вкусы, делавшие его поклонником модерна эпохи Ницше и Метерлинка, с революционных 1890-х гг. близко общался с революционными писателями Н. Гариным-Михайловским, В. В. Вересаевым, Максимом Горьким. Видимо, благодаря знакомству с последним, у Струве установился и близкий контакт с Леонидом Андреевым. Опубликована дарственная надпись Л. Андреева на титуле книги *Леонид Андреев. Новые р сск зы. СПб., 1902*: «**Дорогому другу н п мять от Л. Андреев . 12 пр<еля> 1902**»[44], — несмотря на эмиграцию, возвращение из неё и дальнейшие переезды, книга эта была сохранена Струве и сохранилась в библиотеке СПб. Политехнического института, где он много лет преподавал[45].

няв, что тот не собирается вести народ против оккупационного режима. (...) надежда на освобождение Израиля всё-таки теплилась в отдельных кварталах» (*Терри Иглтон*. Был ли Иисус революционером? [2007]. М., 2014. С. 4-5).

44 *М. К.* Неопубликованные инскрипты Л. Андреева, Шестова, Изгоева, Булгакова, Струве, Бердяева, Карсавина // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 312–314. Содержание сборника Л. Андреева: Набат. Смех. Петька на даче. Бездна. В подвале. Стена.

45 Об этом книжном собрании см.: *В. В. Чеп рухин*. Библиотека П. Б. Струве в Санкт-Петербургском Государственном Техническом Университете // Рубеж. СПб., 1994. № 6–7: «В судьбе П. Б. Струве был период жизни, наиболее спокойный и эффективный в научно-творческом плане, между первой и второй эмиграцией; он неразрывно связан с СПб Политехническим институтом императора Петра Великого (ныне СПб. Государственный Технический Университет). С 1906 г. П. Б. С. становится преподавателем, доцентом, затем и профессором СПб Политехнического института... Библиотека, оставленная в самом конце 1917 г. в незадолго до того полученной профессорской квартире П. Б. С. на территории Института (предположительно, в южном крыле 2-го профессорского корпуса), конечно, пострадала и понесла потери. Тем не менее, определенные выводы о ее величи-

не можно сделать, ибо все книги снабжены аккуратным штемпельным экслибрисом с указанием нумерации. По сделанной мною оценке, собрание П. Б. С. насчитывало к тому времени около 13 800 томов. Сегодня в отдельном хранении около 6 500 книг. Еще свыше 2 000 книг «растворено» в основном многомиллионном фонде библиотеки. В протоколах Ученого Совета института есть запись 1952 г.: «... лежат неразобранными 10 000 томов библиотеки Струве». Какая-то часть книг попала на рынок, а «наиболее ценное», как будет видно далее, должно было попасть в Публичную библиотеку. Тем не менее, основная часть собрания сохранилась в стенах Политехнического института. На протяжении долгих десятилетий она была скрыта от исследователей, хранилась в отдельном служебном помещении Фундаментальной библиотеки и только в конце 1970-х годов была каталогизирована... Любопытна роль Ленина в дальнейшей судьбе библиотеки П. Б. С., т. к. именно ему она обязана самим фактом своего сохранения. Приводим публикацию текста телеграммы заведующему библиотечным отделом Наркомпроса в Петрограде А. П. Кудрявцеву от 13 января 1919 г.: «Охраните от расхищения библиотеку Струве, находящуюся в Политехническом институте. Передайте особо ценное в Публичную библиотеку, остальное Политехническому институту. Портрет Герда работы Ярошенко подлежит передаче Нине Александровне Струве через директора Политехнического института. Исполнение телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин». Ответная телеграмма от 17 января 1919 г. гласила: «Библиотека Струве взята под охрану. Книги и имущество опечатаны. Портрет Герда сдан под расписку представителю Политехникума для передачи Нине Александровне Струве. Ценные рукописи и книги передаются Публичной библиотеке. Кудрявцев.» (Портрет Герда в настоящее время находится в экспозиции мемориального музея Н. Я. Ярошенко в г. Кисловодске; судьба книг, передававшихся Публичной библиотеке, сегодня неизвестна)... Встречаются книги с владельческими надписями А. М. Калмыковой и подаренные ей книги. Нередко попадаются томики, принадлежавшие семье Гердтов (отцу Нины Александровны Струве и ее брату Владимиру, учившемуся в Университете вместе с П. Б. С.)... Совершенно особый круг книг — книги с автографами. Эта часть собрания пострадала, кажется, наиболее сильно и несла утраты на всем протяжении существования библиотеки после 1917 г. Но даже среди сохранившихся книг часто встречаются дарственные надписи Н. Бердяева («Душа России», 1915 г.: «Дорогому Петру Бернгардовичу Струве от автора»), кн. Е. Трубецкого («Война и мировая задача России», 1915 г.: «Петру Бернгардовичу Струве на добрую память от автора и с просьбой при-

Однако воспоминания самого П. Б. Струве, которому адресована дарственная надпись Л. Н. Андреева, противоречат факту и содержанию этого инскрипта, даже если он был исполнен заочно:

> «Последний раз я видел Ф. К. [Сологуба] незадолго до революции у почтенного Н. И. Кареева, которому, вместе с В. А. Мякотиным и мною, пришлось быть третейским судьёй по довольно нелепому делу (...) мне пришлось тогда видеть за одним столом... покойного Леонида Андреева, здравствующего Максима Горького, моя первая встреча с которым относится к 1897 г., и Фёдора Сологуба. Отчётливо помню, как на этом судилище Леонид Андреев, которого я увидел тут в первый раз и к которому, как к писателю, я относился по меньшей мере холодно, как человек произвёл на меня тогда прямо обаятельное впечатление каким-то чарующим сочетанием прямоты и мягкости, и как, наоборот, тягостно, прямо удручающе неприятен был Максим Горький»[46].

В итоге сличения этих двух фактических показаний наибольшую весомость следует признать за инскриптом Андреева, а не за воспоминанием Струве.

6. «Русская Мысль» Струве: репутация

Для понимания репутации журнала «Русская Мысль» под редакцией П. Б. Струве в кругу традиционного чтения интеллигентной публики характерен рассказ-карикатура

слать свою лекцию для той же серии»), о. С. Булгакова, о. А. Введенского, П. Новгородцева, А. А. Корнилова, С. А. Венгерова («Собрание сочинений С. А. Венгерова», — «Искателю истины Петру Бернгардовичу Струве с искренним приветом и уважением автор»).

46 *П. Б. Струве*. Памяти Ф. К. Сологуба [1927] // П. Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Paris, 1981. С. 279–280.

(в будущем это назовут «комиксом») А. Иванова на последней странице обложки «Сатирикона» (№ 2 за 8 января 1911 года) «Духовная пища» о выборе буржуазным читателем Конопаткиным журнала для подписки и чтения. Согласно рассказу в картинках, к читателю домой приходят гости: журналы «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Родина» и «Нива». В итоге такого представления символически побеждает журнал «Нива», заваливший подписчика горой бесплатных приложений из сочинений писателей. А «Русская Мысль» в узнаваемом образе её редактора-издателя Петра Струве приходит в дом первой и выступает с длинной тавтологической наукообразной речью, истекая изображённым потоком воды, то есть пустословием. В текстовом комментарии к изображению об этом визите рассказывается так:

> «— Позвольте представиться — «Русская Мысль». Надеясь, что самосознание масс, как показатель социальной эволюции на почве правовых отношений, правонарушение которых ведет лишь к усвоению массой своих прав по существу... да заставит вас глубже и самосознательнее отнестись к интереснейшим...
>
> Прошел час, два... стало сыро... Конопаткину казалось, что он умирает».

7. Программа издательства «Русская Мысль» (1923)

В рекламном приложении к Книге III–V журнала П. Б. Струве «Русская Мысль» за 1923 год была опубликована, несомненно, написанная самим Струве при участии Булгакова программа книжных изданий журнала, которые прежде, в 1910-е годы, иногда предпринимались Струве, но в весомую практику не сложились, очевидно, из-за хронического дефицита средств. Эта *нов я* программа — при продолжении журнала в эмиграции — никогда не была, к сожалению, реа-

лизована и в целом до сих пор не привлекла внимания исследователей. Ниже она публикуется полностью.

Издательство «Русская Мысль»

Berlin W.15, Bayerischestr. 9^1, b/Struve. Tel.: Uhland 3510

Кроме издания журнала «Русская Мысль» под редакцией *П. Б. Струве*, издательство ставит себе задачей дать в своих изданиях возможно более богатый, с любовью и пристальным вниманием подобранный материал, который помог бы русским людям и, в частности, подрастающему поколению будущих строителей и деятелей России, выработать себе широкое и твёрдое, действенное и свободное национальное мировоззрение, опирающееся на живое наследие прошлого и питающее ту творческую силу настоящего и будущего, которую всякий русский человек должен выработать в себе и претворить в подлинное национальное дело.

Предпол г ется несколько серий изд ний:

А. Религия и церковн я жизнь

Под редакцией *о. С. Н. Булг ков* , проф. *А. В. К рт шёв* и прив.-доц. *С. С. Безобр зов* .

I. Православное вероучение и нравоучение.

1) Избр нные мест из отцов Церкви и великих подвижников: Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, блаж. Августина, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника, Иоанна Кассиана, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита.

2) Избр нные мест из русских учителей Церкви: преп. Тихона Задонского, св. Димитрия Ростовского, митрополита

Филарета, еп. Феофана (Затворника), прот. Иоанна Кронштадтского, еп. Михаила, еп. Игнатия Брянчанинова.

3) Руководящие и обобщ ющие изложения пр восл вного вероучения и нр воучения, н пис нные н ново. Отдельные монографии в этой области.

II. История вселенской и отдельных православных церквей в обобщающих изложениях и отдельных очерках по эпохам и деятелям.

III. Жития святых в целых сборниках и отдельных изданиях. Предполагается переиздание Киево-Печерского Патерика, житий преп. Сергия Радонежского, преп. Серафима Саровского, преп. Тихона Задонского, преп. Митрофана Воронежского и др., а также житий вселенских учителей и святителей. Жизнеописания новейших ревнителей православного благочестия (Климента Зедергольма, старца Амвросия, митрополита Иннокентия Московского, Св. Патриарха Всероссийского Тихона и др.).

IV. Православное богослужение. Предполагается переиздание лучших существующих книг по этому отделу (прот. Дебольского, проф. Скабалановича и др.), а также древних богослужебных текстов, в частности, Литургии св. Иоанна Златоуста.

V. Избранные богословские сочинения А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва, о. С. Н. Булгакова и др.

В. Изящн я литер тур

Старые и новые авторы

С. История, политик , пр во и экономик .

Под общим руководством *П. Б. Струве*.

Старые и новые сочинения в определённом подборе. В центре этой серии должна стоять идея возрождения России в ее подлинном духовном образе и полной материальной мощи. В ближайшее время по этому отделу намечаются следующие издания:

А. И. Герцен. Письма к старому товарищу. С введением и толкованием П. Б. Струве.

К. И. З йцев. Учение об управлении.

К. П. Кр м рж. Русский кризис. Пер. с чешского.

К. Н. Леонтьев. Избранные сочинения. Под редакцией и с вступительной статьей С. С. Ольденбурга. С предисловием П. Б. Струве.

«Меж ». Сборник статей, посвященных выяснению идейных основ возрождения России[47]. При участии *И. А. Бунин , Д. Д. Гримм , А. В. К рт шев , А. И. Куприн , П. И. Новгородцев , П. Б. Струве, И. С. Шмелев* и др.[48]

П. Н. С вицкий. Основы хозяйственной географии.

П. Б. Струве. Основы политической экономии. Введение в изучение хозяйственной жизни.

Ари дн Тырков . От свободы к Брест-Литовску. Первый год русской революции. (Вышло по-английски в 1919 г.)

Г. В. Флоровский. Историческая философия Герцена.

В. В. Шульгин. Дни (1905-1917).

В. В. Шульгин. 1919 год.

---

[47] Об этом проекте см.: *М. Колеров*. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947 / С приложением: А. В. Карташёв. Проспект сборника «Межа» (1923). М., 2000.

[48] На соседней странице рекламы в той же книге журнала было опубликовано отдельное объявление: «Издательство «РУССКАЯ МЫСЛЬ». Готовится к печати и в скором времени выйдет «МЕЖА». Сборник статей, издаваемый по инициативе Русского Национального Комитета, при участии И. А. Бунина, Д. Д. Гримма, А. В. Карташёва, А. И. Куприна, П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, И. С. Шмелева и др.».

8. Исторические планы семьи Струве в 1917 и 1920 гг.

Принимая во внимание общую невысокую сохранность личных архивов периода гражданской войны, следует отдать должное аккуратности семьи Струве, во вполне адекватном сознании собственного культурно-исторического значения сохранившей значительные пласты частной переписки. Так всегда: получивши амнистию по дороге в Россию в октябре 1905 года, П. Б. Струве немедленно распорядился передать ещё совершенно свежий, с массой самых интимных подробностей, свой архив периода «Освобождения» в Академию Наук. Там он и пролежал без движения до 1929 года. А когда советская власть покончила с автономией Академии Наук, фонд Струве попал в систему Центрального партийного архива, где также без движения пробыл под лестницей до конца 1950-х. Интимные подробности успели остыть.

Здесь речь о другой части жизни. Об отдельной судьбе членов семьи Петра Струве, которая лишь его старшему сыну, Глебу, уготовила некоторую культурную роль, а остальных обрекла стать частью «мыслящего тростника».

Сыновья Струве Глеб (1898–1985)[49] и Алексей (1899–1977) летом 1917 года ушли добровольцами (вольноопределяю-

[49] Глеб Струве вспоминал: «В 1915–16 гг., когда мне было 17–18 лет, «рвался» на войну и не вижу в этом ничего плохого» («Ваш Глеб Струве». Письма Г. П. Струве к В. Ф. Маркову / Публикация Дж. Шерона // Новое литературное обозрение. № 12. М., 1995. С. 125). Наконец, «в начале 1917 г. пробовал поступить в Михайловское артиллерийское училище, но был отвергнут из-за якобы у меня порока сердца (хотя «порока» у меня не было). По призыву потом получил отсрочку. Но позже, в апреле, поступил добровольцем в гвардейскую конную артиллерию» («Откликаюсь фрагментами из собственной биографии...»: Эпизод переписки Г. П. Струве и В. В. Вейдле / Публ. Е. Б.Белодубровского // Новый мир. М., 2002. № 9. Письмо от 17 марта 1976: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/9/bel.html).

щимися) в армию, где служили: Алексей — в полку в Киеве, Глеб — в 1-й батарее 1-го конно-артиллерийского мортирного дивизиона в г. Льгов Курской губернии. Узнав о событиях в Петербурге, он пишет матери, Н. А. Струве 1 ноября 1917: «Я утешаюсь тем, что чем возмутительнее ведут себя большевики, тем резче будет поворот и больше возмездие. Беспокоюсь только за папой». (Удивительная для петербуржца порча языка: «за папой» — типичная форма местного русско-украинского языкового пограничья). 25 ноября 1917 он высказывается ещё определённей: «Дай Бог удачи Корнилову». С такими настроениями он и отправился в Москву, где 12 декабря его должны были встретить родители.

10 декабря, едва отправившись, Глеб уже пишет матери из арестантской камеры в вагоне 4 класса на станции Курск. Оказалось, что в ожидании поезда Глеб вступил в прямой конфликт с солдатами: как они назвали себя, «большевики» потребовали от Глеба снять погоны. В ответ он открыто заявил о своём антибольшевизме, за что был арестован станционным комиссаром, обыскан и разоружен. «К сожалению, забрали папино, мамино и Котино [К. П. Струве] письма, где, кажется, говорится о нашем плане. Ну да вряд ли у них хватит терпения читать все». Видимо, план семьи состоял в солидарном переезде на Дон, где уже формировалась Добровольческая армия.

К счастью для него, на следующий после ареста день Глеб был сдан местному Военному Революционному Совету с тем, чтобы тот отправил его в Москву в тюрьму «как агитатора за контр-революцию». 13 декабря он уже был на свободе, а вечером 14 декабря вместе с Ирой Фальк отправился в Большой театр на «Золотого петушка». Не зная теперь определённо планов своего отца, он планировал уехать до весны в Петербург — и затем, с сослуживцами, «двинуться дальше»[50].

[50] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 2 об., 4, 8–11, 13, 15.

Дальше пути членов семьи разошлись: Пётр Струве, который, похоже, даже не задумывался, что его семья может оказаться в заложниках у его политической деятельности, начал свою активную деятельность в рядах белого движения в России и за границей; Глеб в 1918 году нелегально выехал через Финляндию в Англию, где, по просьбе П. Струве, М. И. Ростовцев устроил ему обучение в Оксфорде; Алексей (Ляля) прибыл на Юг России к белым[51] и выпал со связи с семьёй; младшие сыновья четы Струве Лев (1902–1929) и Аркадий (1905–1951) остались вместе с матерью, Н. А. Струве (в 1918-м она изменила свою фамилию на девичью — Герд), в Петрограде, а затем укрылись в деревне Петроградской губернии, где Н. А. Струве всё время Гражданской войны (ради ухода от надзора и для пропитания) работала секретарём волостного суда[52]; Константин (1900–1948, будущий архим. Савва) воевал в рядах Белой армии, затем оказался на советской территории и был призван в Красную армию, но дезертировал из неё.

Пётр Струве писал Глебу в Оксфорд из Парижа о том, что Алексей обнаружился в Крыму[53], и, когда он прибыл в Константинополь 26 апреля 1919, Струве-отец сетовал: «Теперь бы только узнать о маме с младшими и о Коте [Константине]»[54]. А затем поставил старшему сыну, надо прямо сказать, невыполнимую задачу: связаться с матерью и младшими братьями, находившимися на советской территории под Петроградом, и вывезти их из России или из-под кон-

[51] Затем Алексей весной 1919 выехал из Крыма во Францию на учебу (П. Б. Струве (1870–1944). За свободу и величие России / Публ. Н. А. Струве // Новый мир. М., 1991. № 4. С. 232).

[52] Здесь, в письме Маклакова к Бахметеву, говорится о «деревенском» суде: «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3-х томах. Том 1. Август 1919 — сентябрь 1921 / Общ. ред. О. Будницкого. М., 2001. С. 308.

[53] ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 64. Л. 22 (4 апреля 1919).

[54] Там же. Л. 37–38 (3 мая 1919).

троля советской власти[55]. Но Глеб справился с этой задачей и уже 22 августа сообщил об этом отцу. Получив сообщение, из Севастополя, где Струве-старший служил начальником Управления внешних сношений правительства Юга России генерала П. Н. Врангеля[56], он написал (с оказией) своей жене и детям в Петроград, предложив организовать их не-

---

[55] Там же. Л. 76–76 об. (15/28 апреля 1920).

[56] Лично Струве как главе дипломатии белого Крыма принадлежит выдающаяся роль в политической организации массовой эвакуации населения из белого Крыма в ноябре 1920 г. (численностью до 146 000 человек) при решающей поддержке французского правительства лично знакомого ему А. Мильерана. При этом в центре бюрократического решения стоял хорошо известный и Струве, и многим русским культурным деятелям некогда живший в России француз, женатый на русской, Софье Григорьевне Балаховской-Пети (1870–1966), Евгений Юльевич Пети (1871–1938) — в течение многих лет близкий сотрудник социалиста Александра Мильерана. С назначением Мильерана премьер-министром Франции (январь — сентябрь 1920) — начальник его канцелярии, по назначении Мильерана президентом Франции (сентябрь 1920 — июнь 1924) — генеральный секретарь президентского управления. Об этом см. дополнительно: *R. Pipes*. Les relations diplomatiques du Governement Wrangel en Crimée (1920) // Cahiers du mondes russe et soviétique. Vol. 4. № 4. 1963; К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архива П. Б. Струве // Мосты. № 15. Мюнхен, 1970; ГА РФ. Ф. 8313 (Маклаков). Оп. 1. Д. 81 (Письмо Базили Нератову для Струве в Константинополь, 20 октября 1920); Д. 82 (Письмо Базили Струве и Трубецкому); Д. 99 (Письмо Струве и др. Мильерану, 10 августа 1920); Д. 102 (Письмо Базили Мильерану с текстом телеграммы Струве из Константинополя о Врангеле, 3 августа 1920); Д. 104 (Струве — Палеологу 23 июля 1920); Д. 105 (Струве — Мильерану о Врангеле, 23 июля 1920); Д. 111 (Декларация Струве о перемирии между Польшей и РСФСР, 16 июля 1920); Д. 117 (Телеграмма Базили Нератову в Константинополь для Струве, 25 сентября 1920); Д. 122 (Письмо Базили Мильерану с текстом телеграммы Струве из Константинополя, 3 августа 1920); Д. 124 (Программа Русского Крымского Правительства); Д. 127 (Копия письма кн. Трубецкого Струве из Севастополя от 15/28 июля 1920). См. также: Струве — Мильерану как председателю совета министров Франции. Париж, 7/20 июня 1920: ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 299 (Опубл.: Белое дело: Летопись Белой Борьбы. Берлин, 1928. Т. VI. С. 109).

легальный выезд через Эстонию, Латвию или Литву — «дешевле, чем через Финляндию»[57]. Тем не менее Н. А. Струве воспользовалась маршрутом через Финляндию. Она писала Глебу о том, как они приплыли в ночь с 25 на 26 сентября 1920, преодолев 60 верст за 12 часов: стоило это им 4000 марок. Но Льва им пришлось оставить в Петрограде: он был болен бронхитом. «Котя уже 3 месяца дезертир и живет под именем Льва Петровича, т. е. у нас 2 Льва. Понимаешь, как это было жутко в Петербурге при ежедневных известиях о папе в газетах. (...) Все родственники министров Крыма гибнут, нас одних минует судьба. Лева стал студентом агрономического института ради общежития, чтобы легче прописаться. Котя, чтоб знакомые не удивлялись, почему он не на фронте, поступил в медицинскую академию, т. к. студенты ее милитаризованы»[58]. Вскоре Струве приветствовал свершившийся выезд её, Льва и присоединившегося к ним Константина, находясь в одной из служебных поездок в Константинополе[59]. 23 октября 1920 Н. А. Струве получила паспорт Особого комитета по делам русских в Финляндии[60]. В конце концов вся семья Струве, включая Льва, воссоединилась в эмиграции, что, учитывая её судьбу, следует признать большой удачей. Но дыхательная болезнь Льва развилась, и через несколько лет он умер в возрасте 26 лет.

Во второй половине 1990-х гг. мне довелось близко познакомиться с кругом молодых американских финансистов русского происхождения, прибывших в тогдашнюю Россию открывать бизнес-проекты и привлекать иностранные инвестиции. Их объединяло то, что почти все

[57] Там же. Д. 98. Л. 1–3 (2/15 сентября 1920). Предвосхищая возможные расчёты жены поселиться с ним в Севастополе, он указал, что его бытовые возможности ограничены и что у него нет там иных близких знакомых, кроме Врангеля и А. В. Кривошеина.

[58] Там же. Д. 165. Л. 2–3.

[59] Там же. Д. 98. Л. 5 (5 октября 1920).

[60] Там же. Д. 1. Л. 4.

они были внуками беженцев из России, ушедших с Белой армией, и, благодаря русским родителям, русским скаутским отрядам, монархизму, православной церкви и приоритетной ориентации на внутриэтнические браки, сохраняли, несмотря на жизнь в США, отличный русский язык и традиции. Одной из таких общих традиций, о которой мне рассказал один из них, был так называемый (и не расшифровываемый) новогодний *«Второй тост»*, то есть тост за то, чтобы следующее русское Рождество или Новый год встретить «в Москве»[61].

В бумагах П. Б. Струве сохранилась таблица пожеланий (сводная таблица ответов на вопросы) подобного рода, составленная предположительно в конце 1920 года[62] тремя из пяти сыновей Струве — Алексеем, Львом и Константином и близким к нему тогда монархическим публицистом, сыном академика С. Ф. Ольденбурга — Сергеем С. Ольденбургом (1888–1940):

Вопрос	*А. Струве*	*Л. Струве*	*К. Струве*	*С. Ольденбург*
Где будем в следующем году на Новый год?	в Москве	в Берлине	под Москвой	около Мюнхена
С какого конца придет спасение России?	из середины	из центра	с востока	с северо-запада
Где будет армия Врангеля?	в Москве	Крым—Харьков—Бессарабия—Гурьев	на польской границе	на Балканах

[61] Ср. пасхальный обет иудеев: «В следующем году в Иерусалиме».
[62] ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 294. Л. 411.

Где будет Дальневосточная Армия?	в Сибири	там же	в центре России	у Байкала
Будет ли в этом году провозглашен русский монарх?	еще нет	нет	да	еще нет
Будет ли в Германии большевистская революция или вообще переворот?	восстановится монархия	да, и контрпереворот	нет	неудачные путчи
Что будет с Польшей?	ничего не изменится	ничего не изменится	заключит с Россией договор на невыгодных условиях	ничего не изменится

9. К генетике «листьев» В. В. Розанова

О жанре свободных, лирических и парадоксалистских, многоролевых записей «по случаю» внутри интеллектуального дневника («листьев»), прославленном В. В. Розановым в своих «Опавших листьях» и других его памятных текстах, думает каждый исследователь и поклонник писателя — не каждый пишет об этом адекватно подробно. Прецеденты же свободного интеллектуального дневника — многочисленны, в том числе — в русской литературе до Розанова, особенно — в наследии П. А. Вяземского. Часть из них я пе-

речислил в предыдущих «Заметках по археологии русской мысли» (их полном варианте)[63].

Однако современные исследователи и агиографы В. В. Розанова не видят ближайших исторических образцов или ориентиров для «уединённого» жанра записей Розанова — ни в записях Вяземского, ни где-либо ещё, более того — они насильно возводят предысторию этого жанра сразу в пределы надвременной истории мировой литературы: к Паскалю, Гоголю, Жюлю Ренару, Ницше, японским «Запискам у изголовья», Монтеню и др.[64] Опираясь на философские пристрастия и свидетельства самого Розанова, они распространяют их на выбор жанра, хотя даже внешнее сличение соответствующих форм Розанова и Паскаля показывает их решительную разницу: если Розанов любил Паскаля и ориентировался на его переживание личности перед Богом, если Розанов *иск л* в наследии Паскаля особого опыта преодоления хаоса через описание его в жанре афоризмов вполне в духе Лабрюйера и Ларошфуко, то он, получается, должен был воспроизвести его жанр «Мыслей»[65]. Почему же Паскаля, а не, например, жанрово родственного ему Лабрюйера? Выбирая стержнем жанра мимесис, они отка-

[63] Наблюдения над жанром публичного «дневника», или «заметок», в русской литературе: *М. Колеров*. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов // Логос. М., 2001. № 4 (30). С. 179–182 (при переиздании в «Ежегоднике за 2001 год» этот фрагмент выпущен).

[64] *В. А. Ф теев*. В. В. Розанов. Жизнь, творчество, личность. Л., 1991; *В. А. Ф теев*. Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013; *С. Р. Федякин*. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. М., 2014. С. 34–45.

[65] Исследователи пишут: «Розанов на протяжении всей жизни с большим пиететом относился к Б. Паскалю; его «Мысли», как справедливо пишет А. Н. Николюкин, послужили прообразом излюбленного розановского жанра «опавших листьев». В 1899 г. в рецензии на перевод книги Паскаля Розанов писал, словно бы предсказывая своё будущее: «он на клоках бумаги записывал... разные приходившие ему в голову мысли (...) эти листки, собранные, просто сшитые без всякого порядка, они и составили труд Паскаля» (Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петр Перцова. 1911–1916 / Изд. подг. А. Дмитриев и Д. Фёдоров. СПб., 2015. С. 325, прим. 3).

зываются видеть исторический контекст и не хотят видеть самой жизни и ближайшей литературной среды Розанова. Ибо, как бы он ни искал себе предшественника в Паскале, Розанов не повторял *ж нр* Паскаля. Он *вменял* ему свою оптику, которой в «первоисточнике» нет.

Наиболее оригинальной частью жанра «листьев», неведомой, кстати, Паскалю, поначалу казалось нечастые, но внятные указания Розанова на квазиобстоятельства высказывания — обстоятельства придумывания-записывания внутреннего голоса, контрастирующие своей обыденностью или, наоборот, звучащие в унисон с этим голосом, демонстрирующие предельную, даже бытовую обнажённость очередного лирического героя Розанова или *ещё-одного с мого-Роз нов* . Вот наугад несколько таких с первых же страниц «Опавших листьев».

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два — *ноль»*.
(смотря н небо в с ду).

Эгоизм — не худ; это — кристалл (...).
(з корректурой).

— Как природа невинна. И как поэтому благородна...
(лет восемь н з д в с ду).

Первоначально вполне сдержанные квазиобстоятельства *(смотря н небо в с ду)* вскоре срываются в своём внутреннем диалоге с высказыванием в особый микропамфлет: *(з н - бивкой т б ку).* Вот например:

И республики затевают только люди «в своем тепле» (декабристы, Герцен, Огарев). *(з н бивкой т б ку).*

Но квазиобстоятельства в самой современности Розанова вовсе не были его изобретением. Они лишь претворяли

в авторский стиль широко известную, хотя, может быть, и не отрефлексированную эстетически, практику одного из самых знаменитых собраний «умных мыслей», в обыденной жизни читательской аудитории присутствовавших, несомненно, гораздо чаще и демократичнее, чем тексты Розанова. Нельзя и представить себе, что такой многодесятилетний труженик журналистской каторги, как Розанов, не знал этого издания. Скорее, зная его массовое распространение, Розанов его и пародировал в своих ремарках. Речь идёт о собрании высказываний, изданном писателем Петром Кузьмичом Мартьяновым (1827–1899)[66]. Вот в нём-то розановские ремарки и появляются массово и прямолинейно.

Слава, слава! где ты, и на что теперь пригодилась мне?
Граф М. И. Платов *(умир я)...*

Прелюбодей мысли пьёт за здоровье софистов XIX века.
В. Д. Спасович *(н двок тском обеде)...*

Просить богов о ниспослании милостей — и не брать их, когда они сами нам их предлагают, — было бы верхом глупости.
Дионисий Сиракузский *(обир я др гоценности в хр м х)...*

Ещё Пётр Великий учил нас ездить, издавая строгие указы о держании правой стороны; но, видно, мы и до сих пор ничему не научились.
Н. И. Костомаров *(р збитый н ех вшим экип жем).*

И иной раз, на грани абсурда, становятся ещё ближе к стилистике Розанова:

---

[66] Умные речи, красные слова великих и невеликих людей. Собраны, записаны и изданы П. К. Мартьяновым. В двух частях [2 изд.: 1890]. М., 2007.

Всё это было б очень хорошо, если б пиво не было так мерзко, и если б эти поганцы так не воняли.

Лассаль *(н д нном, в честь его, р бочими б нкете)...*

Много ли надо человеку?

И. А. Крылов *(после превосходного обед в Английском клубе)*[67]

Здесь же внимательный читатель находит и точный портрет исследуемого жанра, данный ему одним из его создателей в России, П. А. Вяземским: «Иной ум плотно переплетён в одну книгу: страницы в строгом порядке следуют одна за другой. Другие умы худо переплетены, сшиты на живую нитку, страницы перемешаны. Мой ум состоит из летучих листков»[68]. Это не только генетически, но и психологически проливает некоторый свет на личность В. В. Розанова.

10. Розанов и Е. Н. Трубецкой

Несколько писем главного редактора «Московского Еженедельника» Е. Н. Трубецкого к В. В. Розанову[69] проливает дополнительный свет на писательскую тактику Розанова, определявшую его внепартийное участие в политически разнонаправленных и даже противоборствующих органах печати, а также указывает на степень редакционного вмешательства главы даже такого вполне терпимого либерального издания, как «Московский Еженедельник». Ниже письма публикуются полностью.

[67] Там же. С. 75, 76, 149, 239, 263, 274, 435, 475, др..

[68] Там же. С. 122.

[69] ОР РГБ. Ф. 249. М3823. Ед. хр.15. 1-е письмо — Л. 2; 2-е письмо — Л. 4; 3-е письмо — Л. 6; 4-е письмо — Л. 8.

1)

Москва, Новинский бульвар, 131
Кн. Евгению Николаевичу Трубецкому

Глубокоуважаемый Василий Васильевич.
Обращаюсь к Вам с большой просьбой — не отказать нам в *деятельном* сотрудничестве в «Московском Еженедельнике».
Я надеюсь, что Вас не смутит тот факт, что 2–3 номера тому назад одна Ваша статья (о богостроительстве) не могла быть нами принята вследствие принципиального расхождения в религиозных воззрениях. Коротко говоря, Вы утверждали в той статье исключительно *потустороннее*, мы же утверждаем *посюстороннее* значение Бога для человеческой жизни. Уже тогда мне было очень жаль не помещать статью, блестяще написанную. Когда же мне приходится Вас читать, то я ещё более жалею, что Вы у нас не пишете. Неужели мы не можем, считаясь с коренными принципиальными разногласиями там, где они есть, найти нейтральную и притом весьма широкую сферу, *где их нет* и в этой сфере сотрудничать? Усердно Вас к этому приглашаю.
Вы, конечно, знаете, что у нас сотрудничает много Ваших соратников и друзей по «Новому Пути» и «Вопросам Жизни». Кстати, я весьма сочувствую тому, что Вам приходилось писать о «предвечно холодном» писателе — Д. С. Мережковском. Не напишете ли Вы между прочим о нём.
Искренне Вас уважающий Кн. Е. Трубецкой.

Адрес редакции Еженед<ельника>:
Москва, Пречистенский бульвар, д. Кальмеера.

2)
Милостивый Государь
Василий Васильевич.
Согласно письму Вашему редакция Московского Еженедельника при сем имеет честь препроводить Вам статью Вашу. Несмотря на подкупающие литературные её досто-

инства, она не может быть принята вследствие коренного разногласия с воззрениями редакции.

Примите уверения в совершенном моём почтении.

Кн. Е. Трубецкой.

3)

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Две статьи Ваших приняты и одна уже напечатана[70]. Но эту, хотя она значительнее всех трёх — к сожалению принять не могу, т. к. при всём моём осуждении террора, не могу признать Вашу точку зрения справедливой.

Вопрос не такого свойства, чтобы журнал политический мог напечатать на своих столбцах статью, резко противоположную его оценкам крупного явления политической жизни. Тут редакционная оговорка не поможет. А тогда читатель спросит, зачем мы печатаем то, с чем в корне не согласны.

Искренне Вас уважающий Кн. Е. Трубецкой.

4) [на бланке «Московского Еженедельника»]

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Вашу статью о Шварце[71], к сожалению, поместить не пришлось, так как в составе нашей редакции — целых 2 ученика Ш., которые считают его хорошим профессором; хотя и плохим министром.

Относ<ительно> Сазонова[72] у меня самого воспоминания, несходные с Вашими. Мы тем более опасаемся нарушить

---

[70] *В. В. Роз нов*. К пятому изданию «Вех» // Московский Еженедельник. М., 1910. 6 марта. № 10; *В. В. Роз нов*. Литературные заметки. Наша русская анархия // Московский Еженедельник. М., 1910. 3 апреля. № 14; *В. В. Роз нов*. Два «представительства». Московский Еженедельник. М., 1910. 17 апреля. № 16.

[71] Александр Николаевич Шварц (1848–1915), филолог-классик, в 1908–1910 — министр народного просвещения. Уволен 25 сентября 1910.

[72] В оригинале вероятная описка: «Сазанов». Если исправление верно, особенно учитывая, что ближайшим сотрудником редакции был С. А. Котляревский, именно в то время разрабатывавший философию права в области внешней политики (*С. А. Котляревский*. Правовое го-

объективность по отношению к Ш., что его часто и крепко ругаем.

Искренне Вас уважающий Кн. Трубецкой.

11. «Памятник» Розанова. Дополнение

В предыдущих «Заметках по археологии русской мысли» было показано что на «Памятник» Горация и именно латинский его оригинал В. В. Розанов отозвался своим неформальным «Памятником» — в собрании заметок «Сахарна», во фрагменте, примерно датируемом 30 декабря 1913 года:

> «Мое имя никогда не будет забыто, а с именем — и мысли. (...) Если мой ум и не будет помниться (м. б. и не стоит) — мой порыв будет помниться. История «моего сердца» не пройдет в литературе русской: а сердце-то и я хотел сохранить, для сердца я работал. (...) «мое дорогое» как зверь проползет из поколения в поколение (...) Идет дождь. Терпи»[73]

Внимательное чтение Розанова дарит нам ещё один вариант розановского «Памятника», развитие его, не теряющего генетической образной связи с протографом Горация — в записи от 4 сентября 1914 года:

> «Моё время не щадит меня, и я не пощажу моего времени.
> — Вражда? — Да. Сильнее ли я его. Да? Почему? Умнее. Оно меня «замалчивает», ну а я его «заговорю». Тупое овечье молчание едва ли будет сильнее человеческого говора.

сударство и внешняя политика. М., 1909), то в контексте обсуждения персоналий правительства речь может идти о Сергее Дмитриевиче Сазонове (1860–1927), с 26 мая 1909 — товарища министра иностранных дел, с 4 сентября — управляющий МИД, с 8 ноября 1910 — министр.

73 *М. А. Колеров.* Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов // Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002. С.632–637.

Пройдёт 50 лет. И где же будет ваше «молчание» и «замалчивание»? И вот когда вы будете так глубоко молчать, я буду всё ещё говорить и говорить.

И мои «говоры» будут о вас, милые человеки, — которые тогда уже будете не молчащими овцами, а давно разложившимися в земле баранами.

(судьб моих книжек)»[74].

12. Инскрипт С. А. Котляревского

С. А. Котляревский. Пр вовое госуд рство и внешняя политик . М., 1909. На титуле вверху:

Глубокоуважаем<ому> Андрею Николаевичу Мандельштаму[75] от С. Котляревского на добрую память.[76]

13. Инскрипт Г. В. Флоровского

Избр нные сочинения И. Г. Фихте. Перевод [Л. В. Успенского, Б. В. Яковенко, С. Ф. Кечекьян] под ред. кн. Е. Трубецкого, [предисл. Е. Н. Трубецкого, ст тья Б. В. Яковенко]. Том I. [М.:] Путь, 1916. На титуле вверху владельческая надпись:

Георгия Флоровского. 31/III.1916. Од<есса>[77]

---

[74] Впервые: *В. В. Роз нов*. Мимолётное. 1914 год // В. В. Розанов. Собрание сочинений: Когда начальство ушло... / Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М., 1997. С. 526–527.

[75] Андрей Николаевич Мандельштам (1869–1949) — дипломат, юрист-международник, тюрколог.

[76] Частное собрание.

[77] Частное собрание. Передаётся в Библиотеку истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» (Москва). Владельческий переплёт с указанием: «Переплётная при типографии Епархиального дома. Одесса. Алексан. пр., 6».

14. Первый след книги Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (1921)

Следы этой книги, название которой *«Философия Достовского»*, кочует из очерка в очерк, а место и год издания — Санкт-Петербург, 1921 — якобы в издательстве «Эпоха» не находят подтверждения, настолько условны, что само её существование как библиографического факта следует признать скорее выдумкой или добросовестным заблуждением. Н. А. Бердяев так вспоминал об этой книге в своём «Самопознании», когда подводил творческие итоги своей подсоветской жизни в 1918–1922 гг.: «Я написал четыре книги, между прочим, важную для меня книгу «Смысл истории» и философскую книгу о Достоевском. Обе эти книги родились из моих лекций и семинаров». Скорее всего именно их рукописи, а не печатные варианты он взял с собой, собираясь в принудительную эмиграцию из России осенью 1922 года. *«Миросозерц ние Достоевского»* увидело свет в Праге в 1923-м. В предисловии к ней, датированном 23 сентября 1921 года, о петербургской книге нет и речи: «Семинар, который я вел о Достоевском в «Вольной академии Духовной Культуры» в течение зимы 1920–1921 года, окончательно побудил меня собрать все мои мысли о Достоевском. И я написал книгу, в которой не только пытался раскрыть миросозерцание Достоевского, но и вложил очень многое от моего собственного миросозерцания».

В материалах одного из органов советской предварительной цензуры — Главного управления государственным издательством Наркомата просвещения РСФСР — Государственного издательства во главе с Н. Л. Мещеряковым, осуществлявшего вместе с Главным политико-просветительным комитетом при Наркомпросе во главе с Н. К. Крупской фактический контроль за содержанием издаваемой в РСФСР литературы, распределением книжной бумаги и денежных субсидий для книгоиздания, сохранился след этой книги, до-

казывающий, что Бердяев пытался её издать в России осенью 1921 года, когда было закончено предисловие, как, очевидно, и вся книга в целом. Именно об этом просил Госиздат частный издатель Н. В. Васильев. Вот этот документ[78]:

Издательство Н. В. Васильева, Москва.
Леонтьевский, 1, кв. 1.
Ноября 16 дня 1921 года.

[Штамп: Государственное издательство.
№ 2444/45. 17/XI.21]

В Госиздат, т. Мещерекову (!) для просмотра в Политпросвете.

Заявление.
Настоящим просим выдать нам соответствующее разрешение на печатание книги Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского», рукопись которой при сем прилагаем.
Заведывающий Н. В. Васильев.

Приложение:
Рукопись Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского» [79]

Из хода дальнейших событий ясно, что разрешение издателем получено не было и что рукопись Бердяева он, вероятнее всего, получил обратно.

15. Проект журнала «Скифы» (1921)

В документах того же Государственного издательства отложилась и инициатива издания на деньги Советской власти большевиков левоэсеровского журнала «Скифы»,

[78] ГАРФ. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 172. Л. 129.
[79] Рукопись в деле отсутствует.

который предложило некогда состоятельное и платёжеспособное издательство «Скифы», организованное, видимо, в согласии с планами большевиков их бывшими союзниками по коалиции в первом советском правительстве. Издание предполагалось в политически «транзитной зоне» в Берлине (в полупризнававшей непризнанную РСФСР Германии), которая использовалась советскими властями в качестве политико-экономического коридора на Запад и коммунистической пропаганды, а русской интеллигенцией — для «полу-эмиграции».

Интерес издательства «Скифы» к государственным деньгам РСФСР расшифровки не требует, тем более что его собственное финансовое положение в конце 1921 года уже было плачевным. Не случайно соорганизатор издательства Е. Г. Лундберг тогда же создал и возглавил в Берлине отделение Госиздата. Не случайно и то, что представляющий в публикуемом документе издательство (и, собственно, главный его создатель) левый эсер А. А. Шрейдер — участник первых, коалиционных (большевиков и левых эсеров) высших органов советской власти: когда 17 (30) января 1918 года Петроградский совет создал Революционный трибунал по делам печати, председателем его он назначил именно А. А. Шрейдера[80] (затем он стал заместителем Наркома юстиции и комиссаром апелляционного суда в Москве).

Разумеется, мотивы Лундберга и Шрейдера были не только материальными. Исследователь сообщает, что усилия издательства «Скифы» конвертировать своё положение вне зоны контроля советской власти, но в связи с ней, в большое культурное дело — не были предприняты специально для получения дополнительных денег от РСФСР. Создание журнала уже было в повестке дня «Скифов»: «Последней по времени попыткой «скифского» объединения стало од-

[80] Петроградский комитет РКП(б): Протоколы и материалы заседаний / Сост. Т. А. Абросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович. СПб., 2013. С. 422.

ноименное берлинское издательство, учрежденное в конце 1920 года Е. Г. Лундбергом и А. А. Шрейдером на хранившиеся в Швейцарии деньги левоэсеровской партии. Тесно связанные с «Вольфилой» в Петрограде и ее берлинским филиалом, новые «скифы» явно ориентировались на бывших петроградских. «Наша тема — новая Россия. Наши имена — Блок, Белый, Есенин», — вспоминал Е. Лундберг о деятельности берлинских «Скифов». Этим издательством в 1920–1922 годах было выпущено, наряду с книгами Блока, Белого, Есенина и Иванова-Разумника, несколько книг Клюева («Песнь Солнценосца», «Земля и Железо»; «Избяные песни»; «Львиный хлеб»). Некоторые произведения Блока (в частности, «Двенадцать» и «Скифы») были изданы и по-немецки (в переводе Р. фон Вальтера). Другим, хотя и кратковременным, предприятием берлинских «Скифов» оказался журнал «Знамя» (по образцу российских «Знамя Труда» и «Знамя»), выходивший под редакцией А. А. Шрейдера, однако этот «Временник литературы и политики» захлебнулся уже на втором номере в августе 1921 года»[81].

Ниже полностью публикуется оставшийся неизвестным ведущему исследователю партийно-литературной деятельности Партии левых социалистов-революционеров и, в частности, А. А. Шрейдера периода Гражданской войны[82] проект[83], фундаментальное комментирование которого вполне способно послужить основой для монографии о русско-немецких культурных и криптополитических взаимосвязях в самые тёмные (прежде всего — исследовательски тёмные) годы Гражданской войны в России и первых лет эмиграции.

[81] *Конст нтин Аз довский*. Стихия и культура // Клюев Н. А. Письма Александру Блоку, 1907–1915. — М., 2003: www.booksite.ru/klyuev/3_11.html

[82] *Я. В. Леонтьев*. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. М., 2006.

[83] ГАРФ. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 205. Л. 228–233.

[На бланке: ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИѲЫ». БЕРЛИН/VERLAG «SCYTHEN» G. M. B. H. BERLIN]

[Штамп: Государственное издательство. № 10405. 14/X.21. Надпись: К делу]

Москва, 15 сент. 1921.

В Государственное Издательство.
Москва.
Нижеподписавшийся уполномочен издательством «Скифы» войти в переговоры с Государственным Издательством о продаже Г. Изд-ву книг, уже изданных «Скифами», об издании журнала, посвящённого вопросам литературы и искусства, а также о возможности издания «Скифами» художественной литературы для нужд Гос. Изд.
[Зачёркнуто:] При сем прилагаю список книг, изданных «Скифами» с указанием цен и количества экземпляров, имеющихся на складе, а также подробный план издания журнала.
С товарищеским приветом А. Шрейдер.

План издания художественного журнала в Берлине

Издательство «Скифы» предполагает приступить к изданию в Берлине журнала на русском языке о Западно-Европейском искусстве и литературе. В первую очередь журнал ставит своей задачей осветить положение и рост литературы и искусств в течении последних семи лет. Журнал предположено издавать по следующей программе: 1) Теория и философия творчества, 2) Литература, 3) Живопись, 4) Скульптура, 5) Архитектура, 6) Музыка, 7) Театр, 8) Пластические искусства.
К участию в первом отделе будут привлечены как русские, так и немецкие специалисты всех течений; в первую голо-

ву должны быть привлечены: А. Белый, К. Эрберг, Г. Шпет, В. Хлебников, В. Шкловский, проф. Ф. А. Браун, С. П. Бобров и А. В. Луначарский — особенно много внимания посвятившие в своих работах общим вопросам теории и философии творчества. Кроме того привлечён к работе весь семинарий по языковедению Лейпцигского Университета для исполнения технических работ.

Все остальные отделы будут вестись при участии, по-преимуществу, Западно-Европейских литературно-художественных сил. Издательство «Скифы» начало переговоры с группами художников и литераторов «Clarté» в Париже и «Menschen» (Clarte´) в Дрездене. Это крайне левый фланг Западно-Европейской художественной мысли. Переговоры дали самые благоприятные результаты, и сотрудничество этих групп в журнале обеспечено. Кроме того, издательством привлечены к работе по отделу Литературы (Германская секция) — Dr. Max Picard, Reinhold Walter, W. E. Groeger, Maria — Rilke, Lou Andreas Salomé и мн. др. Работа в немецкой секции живописи будет вестись под руководством художеств. критика Теодора Дейблера, секции скульптуры — скульптора Барлаха, архитектуры — Мендельсона, одного из основателей «Bau-Ro» — объединения молодой революционной архитектуры, секции немецкого театра — Dr. Hans Knudsen'a (ред. журнала «Сцена», член президиума союза режиссеров), секции музыки — под руководством Эрнеста Пэнгу[84]. Таким образом, вся немецкая секция уже организована (и приступила к работам), т<ак> что первый номер журнала, посвящённый немецкому искусству и литературе может быть выпущен в самый короткий срок.

Каждый из предположенных отделов (кроме первого) будет составлен по следующей схеме:

В первом отделении будет идти речь о «материале» творчества (о слове — в поэзии, о бетоне или камне в архитекту-

[84] Имеется в виду: Эрнст Пенгу (Pingoud). — *М. К.*

ре, об инструменте в музыке и т. д.) — и о том, что сделано за последнее семилетие в области приспособления материала к творчеству и в области искания новых форм творчества в связи с постижением новых свойств материала. Одновременно в этом первом отделении будет идти речь о формах и технике творчества.

Во втором отделении — изложение содержания новых достижений в области литературы и искусств. Это остов журнала. Здесь многочисленные иллюстрации, чертежи, ноты, цитаты и т. д. и т. д. Это отделение будет поставлено наиболее широко и преследует в первую очередь цели информации, объективной и самой полной. Благодаря новым и весьма совершенным способам воспроизведения художественных творений — журнал сможет давать самое точное представление об оригиналах. Новые способы (Umdruck-verfahren) совершенно не могут быть применены в России благодаря отсутствию новых машин и соответствующих сортов бумаги.

Третье отделение каждого из отделов должно быть посвящено выяснению «социальной значимости» разбираемых явлений и произведений, их влиянию на быт и нравы и наоборот об отображении в них нравов и быта.

Четвёртое отделение посвящено Библиографии и Биографии. Должны быть даны подробные списки всех новых (и наиболее выдающихся из старых) книг по всем вопросам. Книги будут распределены по годам и по отделам. Должны быть даны биографические и автобиографические сведения о наиболее выдающихся художниках и поэтах, а также т. сказать «автобиографии направлений», т. е. изложение сущности и роста отдельных течений их руководителями. В связи с данными второго и третьего отделений эти автобиографии будут давать крайне любопытный материал. Наконец, в этом же отделении должно быть уделено место истории разных художественных и литературных установлений (напр. история театра Рейнгардта и его влияние на немецкую жизнь).

Само собою разумеется, что издательство «Скифы» может приступить к выполнению столь широкого плана

лишь обеспечив себя и читателя, и сбыт в Советской России. Издательство «Скифы» поэтому обращается к Государственному Издательству с предложением подписаться на несколько тысяч экземпляров предполагаемого журнала. Для того чтобы не связывать Гос. Издательство сколько-нибудь длительными обязательствами, издательство «Скифы» предлагает Государ. Издат-ву подписаться сначала на всего лишь на ¼ года (т. е. на 3 № журнала).

При тираже в 10 тыс. экземпляров цена номера в 80 страниц большого формата (обычного формата под. журналов, напр., «Солнце России»), на которых может быть дано до 15 печ. листов (500 000 знаков) — не будет превышать — по предварительной подписке — 15–16 герм. марок. Издательство «Скифы», имея в своём распоряжении самые большие типографии Германии (Шпамер, Таберланд — в Лейпциге, Р. Моссе, Отто Эльснер — в Берлине), имеет возможность работать по расценкам, не превышающим цены Гос. Изд. В Берлине.

Ниже подписавшийся директор-распорядитель издательства «Скифы» имеет право самостоятельно заключать все договоры и контракты с Гос. Изд.

Александр Шрейдер
Москва, 15 сент. 1921

16. Проект журнала «Литературная Москва» (1922)

Наконец, ещё один содержательный документ[85] из архивного фонда Государственного издательства, прямо говоря, вряд ли стоит ли внимания настоящего Ежегодника, если бы описанный в нём проект ещё одного журнала времени некоторой либерализации книжного дела в Советской России после Гражданской войны и «воен-

[85] ГАРФ. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 260. Л. 63.

ного коммунизма», как представляется, безответственно не касался бы ряда философских имён. Само упоминание их в проекте журнала «Литературная Москва», не имевшем библиографических последствий, свидетельствует, пожалуй, не об особой их творческой близости к случайному инициатору проекта, а безысходности их положения и фрагментарности их интеллектуальной среды, заставлявшей соглашаться на предложение к участию едва ли не в любом периодическом издании, теоретически готовом предоставить им пространство для публикаций. Речь идёт о Г. И. Челпанове, П. С. Попове, П. А. Флоренском, В. И. Экземплярском и Н. А. Бердяеве, которые — вместе с заявкой на освещение церковного искусства странно соседствуют в программе издания с историками-классиками, но совершенно удивительно предназначены быть рядом с марксистскими литературоведами и большевистскими литературными критиками.

[Штамп: Государственное издательство. 3/I.22]
[Рукописная резолюция: Отказ. 4/I.22]

В Госиздат. Политпросвет.
Дополнительно к заявлению.

Литературная Москва.
Программа.

Строго стоя на платформе Советской Власти, «Литературная Москва» имеет целью объединить на своих страницах поэтов, беллетристов и теоретиков искусства, примыкающих ко всем без различия направлениям, предъявляющим к литературе и иным областям искусства вполне сериозные и научно обоснованные требования.
Редакция намерена привлечь вместе с беспартийными товарищами ряд писателей-коммунистов и теоретиков литературного и театрального октября.

Являясь журналом преимущественно литературным, «Литературная Москва» считает необходимым дать место на своих страницах, столь связанных с литературой, вопросам искусства (театра, живописи, коллекционерства, ваяния и зодчества) и философии, а также широко осветить и дать библиографию литературной жизни Москвы.

О всех вновь выходящих книгах будут даваться заметки и рецензии. Для этого «Литературной Москвой» предположено привлечь для отчётов о книга по:

1) театру — тт. Мейерхольда, Юдина, Блюма, Маркова, Херсонского и др.,

2) музыке — тт. А. Архангельского, Л. Соболева, Суворовского и др.,

3) философии — тт. пр<оф.> Челпанова, пр<оф.> Попова, пр<оф.> Флоренского, пр<оф.> Экземплярского, Бердяева и др.,

4) коллекционерства — тт. Айзенштадта, А. Эфрос и др.,

5) истории — тт. Виппера, Платонова, Покровского и др.,

6) живописи, ваяния и зодчества — тт. Сидорова, Ветрова, Тухендгольда (!) и др.,

7) церковного искусства — тт. Глаголева, пр<оф.> еписк. Варфоломея и др.,

8) поэзии — тт. Брюсова, И. Аксенова, С. Боброва, Жирмунского и др.,

9) литературе — тт. Сакулина, Айхенвальда, Когана, Фриче, Львова-Рогачевского, Полонского, Лебедева-Полянского, Борева, Доронина и др.

10) детской литературе — тт. Алтаева, Федорова-Давыдова и др.

В каждом номере журнала будут даваться отчёты о заседаниях всех московских литературных объединений, в том числе о работе Союзов (писателей и поэтов), ассоциаций пролетарских писателей, *Литер турного Особняк* , *Звен* , *Артели* и др. литературных ассоциаций. Для чего редакция входит в тесный контакт с представителями правлений всех вышеназванных организаций.

Редакцией будут даваться отчёты о провинциальных организациях. Для этой цели с губернскими корреспондентами налаживается связь.

Кроме того, в каждом номере редакция надеется давать заграничную информацию по сводкам газет, а также через отъезжающего в Германию Пильняка и находящегося в Париже Эренбурга. Через Асеева есть возможность получать сведения о литературной жизни Д<альне->В<осточной> Республики.

Помещая небольшие рассказы и стихи, редакция надеется беспристрастно дать возможность всем течениям русской литературы выявить себя на страницах журнала.

Вячеслав Ковалевский
1921 3/I. Москва. Чистые Пруды, 23, кв. 3. Тел. 4-52-49

17. «Пастернак» из круга ГАХН

Главное Андрея Белого, Алексея Ремизова, Бориса Пильняка[86], Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Фёдора Сологуба нами, лишёнными близкой библиотеки старых изданий, в советские 1970-е и начало 1980-х было прочитано исключительно благодаря наездам в букинистические магазины Москвы и покупкам в них прижизненных, весьма дорогих, изданий.

Вот уже более 30 лет со мной скромно изданная книга: Борис Пастернак. Спекторский. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. На чистой странице номер 6 — пространный инскрипт чернилами:

В. Д. Измаильской

Я выковырял этот пастернак
Из винегрета в моем книжном шкафе.

[86] Известное советское издание избранных сочинений Б. А. Пильняка 1976 года стало доступным обычным читателям с задержкой на несколько лет.

Хотел бы я, чтоб этот странный злак
На преизысканный ваш вкус потрафил

Я объедаться рифмами отвык:
Спекторский [непонятней][87] несъедобней мне, чем спектры!
Питает Вас поэзии язык,
Мне прозаический остался только сектор!

Е. Ш. 12 февр. 933

Вера Давыдовна Измаильская (урожд. Ходорова, 1884–1953?), известная как историк русской и французской литературы, сотрудница ГМИИ имени Пушкина, потому и, предположительно, *пит л сь* поэтическим языком в памяти дарителя, что 6 апреля 1928 года выступила в ГАХН с докладом «Врубель в творчестве Блока»[88]. Это было частью её активности и в рядах Московской Ассоциации по изучению творчества А. Блока, где в 1926 году она прочла доклад «Материалы к биографии отца Блока», в 1928 — тот же «Блок и Врубель» и «Блок и искусство Возрождения»[89].

Е. Ш. — вероятно, Евсей Давидович Шор (1891–1974), сотрудник ГАХН, философ. Единственное, что ставит в тупик при такой идентификации автора инскрипта, — то, что, судя по известным данным, Е. Д. Шор должен был бы быть в феврале 1933 года где-то между Германией, Италией и Палестиной[90], а не в Москве. Однако важным аргументом

87 Зачёркнуто. Следующее слово вписано над ним.

88 Бюллетень ГАХН / Под ред. А. А. Сидорова. 11. М., 1928. С. 32. Ср.: С. 41, 58. А 14 мая 1928 — с сообщением «Опыт анализа наследственности мышления», связав мышление отца и сына, который рос без отца (то есть, видимо, Блока) (Там же. С. 17).

89 *Л. А. Ильюнин* . Московская Ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Ю. К. Герасимов. Л., 1991. С. 215.

90 *В. Янцен*. Российские ученики Э. Гуссерля из Фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д. И. Чижевского и Е. Д. Шора // Логос. М., 2006. № 1 (52). С. 141.

в пользу этой идентификации говорит очень высокое сходство почерка автора инскрипта с почерком Е. Д. Шора в его письмах к Вяч. Иванову 1920-х гг., фотокопии оригиналов которых общедоступны в интернете[91].

[91] См.: www.v-ivanov.it/archiv/op5-k12.htm

М. К.

Журнал «Русская Свобода» (1917): Роспись содержания[1]

№ 1 [прель 1917][2]

Петр Струве. Наша задача. 3

Никол й Бердяев. Психология переживаемого момента. 6

С. Фр нк. Демократия на распутье. 13

В. Мур вьев. Русский революционный мессианизм. 18

И. О. Левин. Русская революция и германская демократия. 23

А. С. Изгоев. Революция и культура. 26

А. Ф. З йцев. Важнейшая задача. 31

---

[1] «Русская Свобода» (Петроград, апрель—октябрь 1917) — (первоначально — бесплатное) приложение, «еженедельник при журнале «Русская Мысль»», издатели Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, редактор — Петр Струве. В первых объявлениях о проекте издания именовался «еженедельник Русская Мысль» (по аналогии с другими сателлитными изданиями, практиковавшимися Струве-редактором в 1903–1904 гг, — еженедельным «Листком Освобождения» и непериодическими сборниками («книжками») «Освобождение» при двухнедельном журнале «Освобождение», редактировавшемся в 1902–1905 гг. Струве).

[2] Среди объявленных «сотрудников» (постоянных авторов): Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. М. Гревс, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Н. Муравьев, П. И. Новгородцев, С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, Е. Н. Трубецкой, Гр. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. В. Шульгин.

№ 2 [м й 1917][3]

Ив. Гревс. Молодежь и революция. 3

В. Мур вьев. Рим четвертый. 8

С. Булг ков. О даре свободы. 12

Никол й Бердяев. Падение священного русского царства. 16

И. О. Левин. «Мир без аннексий и контрибуций». 24

А. С. Изгоев. Русские социалисты и война. 29

С. Фр нк. Нравственный водораздел в русской революции. 34

В. Быстренин. Настроения пореволюционной деревни. Письмо первое. 40

№ 3 [м й 1917][4]

П. Струве. Лига русской культуры. С. 3–5

С. Котляревский. Чувство меры. С. 6–8

В. Мур вьев. В защиту утопий. С. 15–20

П. Губер. Загадка восстания. С. 21–25

С. Фр нк. О благородстве и низости в политике. С. 26–31

А. С. Изгоев. «Кризис». С. 32–35

И. О. Левин. Отражение русской революции во внутренней жизни Германии и Австро-Венгрии. С. 36–40

№ 4 [м й 1917][5]

С. Котляревский. Тревога. 3

Никол й Бердяев. О политической и социальной революции. 5

Д. Болдырев. Голос из гроба. Вознесение церкви. 11

П. Губер. Революция и революционеры. 20

---

[3] «Номер начат печатанием 26 апреля 1917 г.».

[4] «Номер начат печатанием 12 мая 1917 г.».

[5] «Номер начат печатанием 7 мая 1917 г.».

В. Мур вьев. Пути к миру. 26

№ 5 [м й 1917][6]

Е. Н. Трубецкой. О христианском отношении к современным событиям. 3

Никол й Бердяев. Положение России в мире. 8

И. О. Левин. Немцы в Бельгии. 12

Вл д. Княжнин. Смородинный куст. 16

П. Губер. Русское якобинство. 20

А. С. Изгоев. Судьбы революции. 23

Д. К рин. О чести народной. Памяти В. Ф. Эрна. 27

Из печати и о печати: Трезвый голос старого социал-демократа. Правда из газеты «Правда». Современные картинки. 29

№ 6 [июнь 1917][7]

Никол й Бердяев. Власть и ответственность. 3

В. Ф. Гефдинг. Промышленная анархия. 6

В с. Соколов. Культурные задачи свободной церкви. 13

Алекс ндр Изюмов. Мировая война и русская революция. 17

В. Быстренин. Настроения пореволюционной деревни. Письмо второе. 24

№ 7 [июнь 1917][8]

Петр Струве. Иллюзии русских социалистов. 3

А. С. Изгоев. Общинное право. 6

---

[6] Объявлен новый сотрудник: А. Л. Погодин.

[7] «Номер начат печатанием 31 мая 1917 г.». Объявлены новые сотрудники: К. М. Агеев, А. Д. Билимович, Д. В. Болдырев, В. П. Быстренин, В. Ф. Гефдинг, П. К. Губер, А. В. Карташев, В. Н. Княжнин, С. С. Кондурушкин, И. О. Левин, Б. Э. Нольде, И. А. Покровский.

[8] «Номер начат печатанием 7 июня 1917 г.».

Петр Струве. «Без аннексий и контрибуций». 9

В. Шульгин. «Пусти, я сам!». 10

С. Фр нк. Мертвые молчат. 13

И. О. Левин. Отставка гр. Тисы. 18

В. Мур вьев. Огни на площади. 22

№ 8 [июнь 1917][9]

Никол й Бердяев. О буржуазности и социализме. 3

А. Погодин. Россия, погубившая славян. 8

Ив. Гревс. Демократия и наука. 13

Андрей, епископ Уфимский. Революция и религия. 20

С. С. Ольденбург. «Старый порядок». 23

Д. К рин. Кризис культуры и революция. 26

№ 9 [июнь 1917][10]

В. Мур вьев. Лжеосвобождение. 3

И. О. Левин. Формулы мира. 5

С. Безобр зов. Свобода греха. 9

Д. Болдырев. Церковные впечатления. Демократическое духовенство. 11

Лиг русской культуры. К русским гражданам. К русской молодежи. Устав Лиги русской культуры. Учредители Лиги русской культуры. 20

Петр Струве. Несколько слов о Лиге русской культуры. 24

Петр Струве. России нужно организованное патриотическое движение. 26

Речь генерала Деникина. 29

[9] «Номер начат печатанием 13 июня 1917 г.».

[10] «Номер начат печатанием 21 июня 1917 г.».

№ 10–11 [июль 1917][11]

[К читателям. 2]

Никол й Бердяев. Контрреволюция. 3

А. С. Изгоев. Подпольная работа. 7

И. О. Левин. Австрийские условия мира. 7

П. П рф няк. К украинскому вопросу. 14

В. Шульгин. Этап. 21

В. К л нт ров. Политические параллели. 26

№ 12–13 [июль 1917][12]

Никол й Бердяев. Мобилизация интересов. 3

В. Мур вьев. Необходимая встреча. 7

Д. Болдырев. Золотой век Августа. 13

И. О. Левин. По поводу финляндской независимости. 18

В с. Соколов. Церковные силы. 21

В. Быстренин. Настроения пореволюционной деревни. Письмо третье. 24

С. Котляревский. К аграрному вопросу. 29

№ 14–15 [вгуст 1917][13]

Никол й Бердяев. Торжество и крушение народничества. 3

Д. Болдырев. Заливы и проливы. 8

В. Мур вьев. Великая Россия. 12

Н. Н. Львов. Современное положение в деревне. 14

П. Новгородцев. Правовые устои новой жизни. 20

В. К л нт ров. По поводу московских выборов. 27

---

[11] «Номер начат печатанием 28 июня 1917 г.».

[12] «Номер начат печатанием 17 июля 1917 г.».

[13] «Номер начат печатанием 31 июля 1917 г.».

№ 16–17 [вгуст 1917][14]

Никол й Бердяев. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа). 3

В. К л нт ров. В чём контрреволюция. 8

В с. Соколов. Реставрация или стилизация? 13

И. О. Левин. Правительственный кризис в Германии. 17

В. Быстренин. Настроения пореволюционной деревни. Письмо четвертое. 22

Из печати и о печати. Что они еще недавно готовили. Красносотенство и черносотенство. Новые славянофилы. 29

№ 18–19 [сентябрь 1917][15]

Никол й Бердяев. Кто виноват? 3

В. Мур вьев. Святая Русь. 9

Ю. Никол ев. Национальное самоубийство. 10

В. Гефдинг. Производительность труда и заработная плата. 17

А. Изгоев. Невежественные строители. 22

П. Эфрусси. Революционная педагогика. I. Школа и революция. 27

Петр Струве. Библиография (А. Изгоев. Наши политические партии). 29

№ 20–21 [сентябрь 1917][16]

Ив. Гревс. Русским-Украинцам. 3

И. О. Левин. Русский кризис и Германия. 11

В. Быстренин. Настроения пореволюционной деревни. Письмо пятое. 18

Г. Тум нов. Революция и инородцы. Письмо из Тифлиса. 26

---

14 «Номер начат печатанием 8 августа 1917 г.».

15 «Номер начат печатанием 30 августа 1917 г.».

16 «Номер начат печатанием 18 сентября 1917 г.».

Из печати и о печати. Раскол в партии социалистов-революционеров. 29

№ 22–23 [октябрь 1917][17]

М. Ростовцев. Немедленный мир. 3

Никол й Бердяев. Демократия и иерархия. 5

Д. Болдырев. Официальная Революция. 10[18]

А. Погодин. Церковный Собор. Впечатления участника. 19

В с. Соколов. Патриарх. 28

[17] «Номер начат печатанием 15 октября 1917 г.».

[18] В оглавлении: «Официальная Россия».

Сводный указатель содержания Ежегодников «Исследования по истории русской мысли» (1997–2014)[1]

I. Исследования по истории русской мысли [1]. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997.

II. Исследования по истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998.

III. Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

IV. Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

V. Исследования по истории русской мысли [5]. Ежегодник за 2001 / 2002 годы. М., 2002.

VI. Исследования по истории русской мысли [6]. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

VII. Исследования по истории русской мысли [7]. Ежегодник за 2004 / 2005 год. М., 2007.

VIII. Исследования по истории русской мысли [8]. Ежегодник за 2006 / 2007 год. М., 2009.

IX. Исследования по истории русской мысли [9]: Ежегодник за 2008 / 2009 год. М., 2012.

X. Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010 / 2011 год. М., 2014.

[1] В 1997–2005, с 2015 — под редакцией М. А. Колерова, в 2007–2014 — под редакцией М. А. Колерова и Н. С. Плотникова.

Н. Автономов

- Slavische Rundschau и Р. О. Якобсон в 1929. V

М. Безродный

- Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет». III
- К истории русской рецепции антиномии apollinisch / dyonisisch. IV

Д. Белкин

- Немецкая библиография В. С. Соловьева: 1978–2001. VI

В. Белоус

- Младоидеалисты на пути к коллективной идентичности. VII

Р. Берд

- YMCA и судьба русской религиозной мысли (1906–1947). IV
- С. Н. Булгаков. Религиозное состояние русского общества (1912). IV
- Английская библиография русского идеализма (XX век). V

И. Бл уберг

- О бергсоновском следе в философии С. А. Аскольдова. VII
- Г. Д. Гурвич. Русская философия первой четверти XX века (1926). VIII
- Семен Франк. Основная интуиция Бергсона (1941). Перевод с французского и комментарии. X

Н. Богомолов

- Из персональной истории русского мартинизма: Л. Д. Рындина. IV
- Из переписки М. А. Кузмина и Г. В. Чичерина (1905–1914). VI

И. Борисов

- [Рец.:] Философское содержание русских журналов начала XX в. Библиографический указатель / Отв. ред. А. А. Ермичев. V
- Л. М. Лопатин за чтением книги В. Ф. Эрна «Философия Джоберти» (1917): маргиналии. VI

- Коротко о книгах: Иван Киреевский, Религиозно-философское общество в Петербурге, Чижевский (2007). VIII

И. Борисов , Л. Д выдов

- «Вопросы философии и психологии» (1889–1918). Роспись содержания. II

К. Брекнер

- Об употреблении слов «правда» (правда-справедливость) и «истина» (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н. К. Михайловского и П. И. Пестеля. X

К. Бурмистров

- Владимир Соловьев и Каббала. К постановке проблемы. II
- Василий Розанов и Эдуард Беренс: штрихи к «интересному знакомству». VII

Е. Вельмезов , Т. Щедрин

- Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи»). VIII

О. Воробьев

- «Смена Вех» (1921–1922). Роспись содержания. III
- Н. В. Устрялов. Curriculum vitae (1918). VI

Н. Г врюшин

- Понятие «переживания» в трудах Г. Г. Шпета. VIII
- Райнов и ГАХН. VIII
- [Рец.:] Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н. С. Плотникова и А. Хаардта при участии В. И. Молчанова. М., 2007. VIII
- «Столп Церкви»: протоиерей Ф. А. Голубинский и его школа. IX

А. Г лушкин

- После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг. I

Н. Голубков

- В. В. Зеньковский. Памяти Л. И. Шестова (1939). V

- Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташев, о. Сергий Булгаков, А. Ф. Лосев и др.). X
- К зырянам Коген не придет? X

Л. К цис, Д. Шуш рин

- «Потом начинается ужас»: ОБЭРИУ как религиозное явление. I

Р. К цм н

- Речь Якова Мазе в честь Германа Когена (1914). Предисловие и перевод с иврита. X

А. Козырев

- Наукоучение Владимира Соловьева: к истории неудавшегося замысла. I (Ошибки и опечатки. II)
- Прот. Сергий Булгаков. О Вл. Соловьеве (1924). III
- А. Козырев. Библиография (1992–1999). III
- Об издании дневников С. Н. Булгакова в г. Орле. 1. V

А. Козырев, Н. Голубков

- Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924]. II

М. Колеров

- Братство Святой Софии: документы (1918-1927). I
- С. Н. Булгаков в Крыму осенью 1919 года. I
- Утраченная диссертация Флоровского. I
- Петр Струве. [Набросок рецензии на сборник «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (1922)]. I
- С. Л. Франк о смерти Н. А. Бердяева (1948): письмо к Е. Ю. Рапп. I
- «Народоправство» (1917–1918). Роспись содержания. I
- «Русская Мысль» (1921–1927). Роспись содержания. I
- Неизвестные рецензии Булгакова и Бердяева в журнале «Книга» (1906–1907). II
- О еженедельнике «Накануне». II
- К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918). II
- Curriculum vitae: И. А. Ильин (1922) и А. С. Изгоев (1923). II

- Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов. V
- Новое о «Проблемах идеализма»: два письма П. И. Новгородцева к А. С. Лаппо-Данилевскому (1902). V
- С. Л. Франк. Три письма к П. Б. Струве (1921, 1925). V
- Инскрипты Л. М. Лопатина (1889), В. Ф. Эрна (1911), Б. А. Фохта (1921), Я. М. Букшпана (1922) и В. В. Зеньковского (1955). V
- «Русская жизнь» (1922–1923). Роспись содержания. V
- Русские «идейные» сборники: дополнения, 1888–1938. V
- [Рец.:] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов / Сост. В. И. Кейдан. V
- Об издании дневников С. Н. Булгакова в г. Орле. 2. V
- С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903). VI
- П. И. Новгородцев. Письма к П. Б. Струве (1921). VI
- Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания. VI
- П. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, Г. Ф. Шершеневич, Б. А. Кистяковский. Программы курсов в Московском коммерческом институте (1911–1912). VI
- С. Л. Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916). VI
- Самоцензура Бердяева: неизвестный текст 1919 года. VI
- С. Н. Булгаков в 1923 году: из Константинополя в Прагу. VI.
- Общественные науки в журнале «Народное Хозяйство» (1900–1904). Указатель. VI
- «Мысль» (1922). Роспись содержания. VI
- Русские «идейные» сборники: дополнения, 1930–1936. VI
- [Рец.:] Б. В. Емельянов, А. А. Ермичев. Журнал «Логос» и его редакторы: Биографический указатель. VI
- [Рец.:] С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь. VI
- [Рец.:] Летопись русской философии. 862–2002 / Ред.-сост. проф. Александр Замалеев. VI
- С. Булгаков. О необходимости введения общественных наук в программу духовной школы (1906).VII
- Н. О. Лосский. Философия в университете: (К вопросу об уставе) (1915). VII

Х. Куссе

- Семиотические концепции имяславия и философии имени. VII

О. Локтев

- С. Н. Булгаков в Киеве осенью 1918 года. I
- Политический семинар П. Б. Струве (Прага, 1924). II
- Curriculum vitae: В. В. Зеньковский (1922). II

В. В. Лоп тин, Н. В. Лоп тин

- В. М. Лопатин. Из воспоминаний. I

С. М гид

- Т. Г. Масарик и попытка воспитания России. VII

Б. Межуев

- К проблеме поздней эстетики В. С. Соловьева (Опыт чтения газетных некрологов). II
- [Рец.:] Н. В. Болдырев, Д. В. Болдырев. Смысл истории и революция. V
- [Рец.:] «Проблемы идеализма» в новом историческом контексте. VI

В. Молч нов

- От чистого сознания к социальной вещи. Семантический и концептуальный аспекты проблемы Я у Густава Шпета. VIII
- Я-Форма в философии призрачного сознания Владимира Соловьева. VIII

Р. Мних

- Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы гуманитарных наук на Украине: заметки об издании собрания философских трудов Д. Чижевского. VIII
- Эрнст Кассирер в России (конспект). IX

К. Ю. Мьёр

- Будущее прошлого: к истории понятия «русская идея». X

Н. П шкеев

- У истоков русского издательства Союза YMCA Северной Америки: деятельность швейцарской издательской группы «Жизнь и Книга» (1917–1921). X

Н. Плотников

- К вопросу об «актуализации» веховской философии: сборник Russlands politische Seele. I
- Европейская трибуна русской философии: Der russische Gedanke (1929–1938). III
- Петр Струве. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm (1898). IV
- С. Франк. Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen. IV
- Идея «конкретного субъекта» в западноевропейской и русской философии первой половины XX века. V
- В ожидании русской философии. Заметки по поводу сборника Б. В. Яковенко «Мощь философии» (СПб., 2000). V
- Allgemeingültigkeit. К истории перевода. VI
- С. Л. Франк в Берлинском университете (1899–1901). V
- Заметки о «Вехах». V
- Привет из Сиракуз или русская практическая философия. [Рец.:] VI
- [Рец.:] Г. Д. Гурвич. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Даниловой. VII
- Критика российского разума. Заметки по поводу нового издания «Очерка русской философии» Г. Г. Шпета. VIII
- «Всё действительное разумно»: Дискурс персональности в русской интеллектуальной истории. VIII

Н. Плотников, М. Колеров

- Русский образ Германии: социал-либеральный аспект. III

В. Повил йтис

- Неизвестные статьи Л. П. Карсавина из библиотеки Вильнюсского университета (1927–1952). VI

П. Ш лимов

- Н. О. Лосский. Письма к С. Л. Франк и Т. С. Франк (1925, 1945–1950). I

Х. Швенке

- Теория познания как основа онтологии. Новый взгляд на философию Густава Тейхмюллера. VIII
- Интернациональный философ: О научном архиве Густава Тейхмюллера (1832–1888) в Базеле. VIII

Х. Шт ль

- «Правда — процесс оправдания истины в стиле со-истин». Понятия «правды» и «истины» в «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого. X

Т. Щедрин

- Философский архив Густава Шпета: опыт историко-философской реконструкции. VII

В. Янцен

- Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа: Н. А. Бердяев, Лев Шестов, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков. V (Исправления опечаток и дополнения. VI)
- Н. А. Бердяев. [Рец.:] Frietz Lieb. Russland unterwegs. Der russische Mensch zwischen Christentum und Kommunismus (1946). V
- Спасти, сохранить и освоить! О судьбе книжных собраний и архивов Д. И. Чижевского в Германии. VI
- Эпизод из истории связей Э. Гуссерля и М. Хайдеггера с русской мыслью (1931). VI
- Неизвестное письмо Б. В. Яковенко к Д. И. Чижевскому (1934): к истории одного философского скандала. VI
- Диалог немецких и русских религиозных мыслителей: Orient und Occident (1929–1934), Neue Folge (1936). VI
- Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д. И. Чижевского (1924–1927). VII
- О нереализованных русских проектах тюбингенского издательства Я. Х. Б. Мора (Пауля Зибека) начала XX века. VII

Исправление ошибок

Исследования по истории русской мысли [9]:
Ежегодник за 2008–2009 год. М., 2012.
просим исправить ошибки перевода и читать:

С. 339: вместо «частный доцент» – «приват-доцент»
С. 369: вместо «sobor tridcati» – «собор тридцатый»

Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2015)

М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996 (Том 1)

Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997

Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998

Вер Проскурин . Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998 (Том 2)

Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999

Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. М., 1999 (Том 4)

Евгений Голлерб х. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000 (Том 3)

Л. К цис. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000 (Том 5)

Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000

С. Н. Булг ков. Труды о троичности. М., 2000 (Том 6)

Русл н Хест нов. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М., 2000 (Том 7)

Проблемы идеализма (Москва, 1902). М., 2002 (Том 8)

М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002 ([Без номера])

Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002

Алекс ндр Койре. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2004 (Том 9)

Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004

А. С. Глинк (Волжский). Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 2005 (Том 10)

Вл димир Белоус. ВОЛЬФИЛА: 1919–1924. В двух книгах. М., 2005 (Том 11)

Исследования по истории русской мысли. 7. Ежегодник за 2004–2005 год. М, 2007

Френсис Нэтеркотт. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М., 2008 (Том 13)

Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009

С. Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I. М., 2010 (Том 14. Книга 1)

В. В. Зеньковский. Пять месяцев у власти [Воспоминания]. М., 2011 (Том 15)

Е. А. Прибытков . Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011 (Том 16)

Исследования по истории русской мысли. 9. Ежегодник за 2008–2009 год. М., 2012

Исследования по истории русской мысли. 10. Ежегодник за 2010–2011 год. М., 2014

Елен Т хо-Годи. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М., 2014 (Том 17)

Национализм. Полемика 1909–1917. 2 издание. М., 2015 (Том 18)

Исследования по истории русской мысли. 11. Ежегодник за 2012–2014 год. М., 2015

Планы продолжения монографической части серии

С. Н. Булгаков и «Спор о Софии». Антология / Сост. А. П. Козырев.

М. А. Колеров. Индустрия идей: русские «идейные сборники» XIX–XX вв. 2 издание, дополненное.

Русские неокантианцы в Германии: Диссертации / Сост. Н. А. Дмитриева.

М. А. Колеров. От Фихте к Берия: Очерки по истории языка сталинского коммунизма.

М. А. Колеров. Революционер / контрреволюционер: Пётр Струве и его время, 1884–1917 / 1918–1925. Исследования и материалы.

Электронные версии изданий: **www.iarex.ru/books**

Издатель Модест Колеров
115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 14.03.2016. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97